

Л. Е. Гринин
А. В. Коротаев

ЦИКЛЫ, КРИЗИСЫ, ЛОВУШКИ

СОВРЕМЕННОЙ МИР-СИСТЕМЫ

ЦИКЛЫ, КРИЗИСЫ, ЛОВУШКИ
СОВРЕМЕННОЙ МИР-СИСТЕМЫ

Л. Е. Гринин
А. В. Коротаев

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения
Евро-азиатский центр мегаистории и системного прогнозирования
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
Факультет глобальных процессов
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет истории, политологии и права
ВОЛГОГРАДСКИЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев

ЦИКЛЫ, КРИЗИСЫ, ЛОВУШКИ СОВРЕМЕННОЙ МИР-СИСТЕМЫ

**Исследование кондратьевских,
жюгляровских и вековых циклов,
глобальных кризисов, мальтузианских
и постмальтузианских ловушек**

Москва 2012

**Гринин Леонид Ефимович,
Коротаев Андрей Витальевич**

Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек / Отв. ред. С. Ю. Малков. М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 480 с.

Исторические и современные события показывают, что циклы, порождающие ловушки и кризисы, являются важнейшим способом социального развития. Так, депрессия, охватившая мир, вновь подтвердила, что цикличность и кризисы органично присущи современной экономике. А бурные события на Ближнем Востоке, вызвавшие политический кризис в регионе, наглядно показали, как и почему социальные системы раз за разом попадают в ловушки завышенных ожиданий и революционных иллюзий.

Развитие почти всегда сопровождается возникновением диспропорций, усилением средовых ограничений, конкурентной борьбой за ресурсы и т. п. Поэтому сравнительно короткие периоды быстрого роста сменялись стагнацией, застоем и откатами, а циклы означают попеременное движение вперед и отступление. Откат назад – неизбежное следствие забегания вперед в развитии – означает возникновение более или менее тяжелого кризиса в обществе. Постоянное повторение цикла с тяжелыми последствиями, ведущими к кризисам, означает, что обществу суждено при определенных условиях попадать в своего рода ловушку (говоря языком синергетики, оно скатывается к «аттрактору»).

Настоящая монография представляет собой попытку исследовать взаимосвязь циклов (как важнейшей формы развития обществ) с неизбежными последствиями такого развития – ловушками и кризисами, преодоление которых дает мощный импульс социальной динамике. В монографии анализируются мальтузианская ловушка, а также различные виды широко распространенных в современном мире постмальтузианских ловушек, связанных с модернизацией обществ и одним из ее ведущих следствий – изменением демографической структуры общества.

Монография включает в себя три раздела, посвященные соответственно длинным кондратьевским и среднесрочным жюгляровским экономическим циклам; мальтузианским и постмальтузианским (модернизационным) ловушкам, а также возможностям выхода из них; различного типа кризисам. В последнем разделе много внимания уделено прогнозам, тому, как и насколько изменится мир в ближайшие десятилетия.

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук *Н. Н. Крадин*;
доктор исторических наук *Л. Б. Алаев*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения
Евро-азиатский центр мегаистории и системного прогнозирования
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
Факультет глобальных процессов
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет истории, политологии и права
ВОЛГОГРАДСКИЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев

ЦИКЛЫ, КРИЗИСЫ, ЛОВУШКИ СОВРЕМЕННОЙ МИР-СИСТЕМЫ

**Исследование кондратьевских,
жюгляровских и вековых циклов,
глобальных кризисов, мальтузианских
и постмальтузианских ловушек**

Москва 2012

ББК ****

**Гринин Леонид Ефимович,
Коротаев Андрей Витальевич**

Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек / Отв. ред. С. Ю. Малков. М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 480 с.

Исторические и современные события показывают, что циклы, порождающие ловушки и кризисы, являются важнейшим способом социального развития. Так, депрессия, охватившая мир, вновь подтвердила, что цикличность и кризисы органично присущи современной экономике. А бурные события на Ближнем Востоке, вызвавшие политический кризис в регионе, наглядно показали, как и почему социальные системы раз за разом попадают в ловушки завышенных ожиданий и революционных иллюзий.

Развитие почти всегда сопровождается возникновением диспропорций, усилением средовых ограничений, конкурентной борьбой за ресурсы и т. п. Поэтому сравнительно короткие периоды быстрого роста сменялись стагнацией, застоем и откатами, а циклы означают попеременное движение вперед и отступление. Откат назад – неизбежное следствие забегания вперед в развитии – означает возникновение более или менее тяжелого кризиса в обществе. Постоянное повторение цикла с тяжелыми последствиями, ведущими к кризисам, означает, что обществу суждено при определенных условиях попадать в своего рода ловушку (говоря языком синергетики, оно скатывается к «аттрактору»).

Настоящая монография представляет собой попытку исследовать взаимосвязь циклов (как важнейшей формы развития обществ) с неизбежными последствиями такого развития – ловушками и кризисами, преодоление которых дает мощный импульс социальной динамике. В монографии анализируются мальтузианская ловушка, а также различные виды широко распространенных в современном мире постмальтузианских ловушек, связанных с модернизацией обществ и одним из ее ведущих следствий – изменением демографической структуры общества.

Монография включает в себя три раздела, посвященные соответственно длинным кондратьевским и среднесрочным жюглярским экономическим циклам; мальтузианским и постмальтузианским (модернизационным) ловушкам, а также возможностям выхода из них; различного типа кризисам. В последнем разделе много внимания уделено прогнозам, тому, как и насколько изменится мир в ближайшие десятилетия.

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук *Н. Н. Крадин*;
доктор исторических наук *Л. Б. Алаев*

ISBN 5–484–0****–*

ISBN 978–5–484–0****–*

© *****, 2012

Оглавление

Введение. Эволюционные циклы: развитие через кризисы и ловушки	5
---	---

Раздел 1. КОНДРАТЬЕВСКИЕ ВОЛНЫ И ЖЮГЛЯРОВСКИЕ ЦИКЛЫ

<i>Глава 1.</i> Кондратьевские длинные волны	13
<i>Глава 2.</i> Жюглярские среднесрочные циклы	44
<i>Глава 3.</i> Соотношение волн Кондратьева и циклов Жюгяра	82

Раздел 2. МАЛЬТУЗИАНСКИЕ И ПОСТМАЛЬТУЗИАНСКИЕ ЛОВУШКИ

<i>Глава 1.</i> Мальтузианская ловушка и возможности выхода из нее	125
<i>Глава 2.</i> Модернизационные (постмальтузианские) ловушки	181
<i>Глава 3.</i> Мальтузианско-марксова и марксова ловушки	196
<i>Глава 4.</i> Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах	213
<i>Глава 5.</i> События Арабской весны 2011 г. К системному анализу и моде- лированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии	251

Раздел 3. КРИЗИСЫ И ПРОГНОЗЫ

<i>Глава 1.</i> О некоторых факторах политической нестабильности: к разработ- ке математических моделей политических процессов	290
<i>Глава 2.</i> Великая депрессия 1929–1933 гг.	306
<i>Глава 3.</i> Психология экономических кризисов	321
<i>Глава 4.</i> Современный глобальный кризис: причины и особенности. Оцен- ка первых этапов	336

Глава 5. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям?	360
Глава 6. Китайская экономическая модель и глобальные перспективы Китая	391
Глава 7. Реконфигурация Мир-Системы?	405
 Приложение. Сводная хронологическая таблица циклических экономических кризисов	419
Краткий глоссарий	433
Библиография	436

Введение.

Эволюционные циклы: развитие через кризисы и ловушки

Современный мир (Мир-Система) переживает бурный период изменений, трансформаций и реконфигураций. Понять причины и направленность этих изменений – важнейшая задача общественной науки. В этом плане мы и пытались продвинуться в настоящей монографии, в которой исследуются некоторые закономерности, особенности и тенденции циклического развития Мир-Системы. Исторические и современные события показывают, что циклы, порождающие ловушки и кризисы, являются важнейшей формой движения социальной эволюции. Вот почему название этой книги включает в себя понятия циклов, кризисов и ловушек как системно-диалектического единства. Современные события дают яркие примеры, подтверждающие востребованность такого подхода. Так, депрессия, охватившая сегодня весь мир, как и предшествующий ей бум с ловушками финансовых и ценовых «пузырей», показала, что цикличность и кризисы по-прежнему органично присущи экономике. А бурные события на Ближнем Востоке, вызвавшие глубокий политический кризис в регионе, наглядно продемонстрировали, как и почему общества раз за разом попадают в ловушки завышенных ожиданий и революционных иллюзий.

Эволюционное развитие социумов в течение длительного времени шло разными путями и реализовывалось в огромном множестве форм. Идея многолинейности/альтернативности социальной эволюции (см.: Коротаев 1992, 1999, 2003; Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Гринин 2007*а*, 2007*и*, 2007*ж*; Гринин, Коротаев 2009*а*; Бондаренко, Гринин, Коротаев 2010; Grinin 2009*б*, 2011; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2011) приводит нас к пониманию, что в процессе сосуществования и конкуренции обществ и учреждений возникали многочисленные формы отношений и институтов, из которых эволюционно перспективными оказывались лишь немногие. Любая система стремится к устойчивости, однако пребыванию обществ в состоянии длительной стабильности препятствует много обстоятельств, которых тем больше, чем плотнее социальное пространство. В результате фазы устойчивости регулярно сменялись кризисом, упадком, коллапсом и т. п. Другими словами, в своем жизненном цикле общества время от времени попадают в ловушки, созданные предшествующим развитием. Сразу приходит на ум *ловушка отсталости* (по сравнению с соперниками), куда попадают общества, не пожелавшие или не сумевшие развить нужные технологии и отношения. Именно опасность стать (или остаться) слабыми заставляет государства модернизироваться, самоусиливаться, совершать рывки. Гораздо менее очевидна *ловушка развития*, подстерегающая общественные системы, которые активно развиваются и в тех или иных отношениях являются лидерами или по крайней мере превосходят средний уровень развития. Стоит упомянуть еще *ресурсную ловушку*, более известную как «ресурсное проклятие» (см., например: Auty 1993), о которой мы говорим в Главе 2 Раздела 2.

В целом можно сказать, что траектория жизненного пути обществ и – шире – социальной эволюции лежит между Сциллой отсталости и Харибдой чрезмерно ускоренного развития. В последнем случае расплатой за успех сегодня в будущем становятся кризис и откат назад. В данной книге пойдет речь о некоторых подобных ловушках развития. Так, страны периода Средних веков и Нового времени, сумевшие добиться внутреннего мира, обеспечить развитие хозяйства, торговли, урбанизации и т. п., оказывались залож-

никами своих достижений. Дело в том, что успехи в развитии государства и сельского хозяйства приводили аграрно-ремесленные общества в *мальтузианскую ловушку*, преодолеть которую удалось только в рамках индустриального принципа производства. Неожиданно для их правителей (но вполне закономерно с точки зрения системного анализа) в стране, где еще недавно не хватало рабочих рук, население начинало быстро расти именно в результате созданных удачных условий. В итоге с невероятной силой возрастали проблемы перенаселения, малоземелья, а в результате нарастал социальный кризис. А поскольку в трудные периоды, согласно пословице, беда не приходит одна, обычно (и совершенно закономерно) давали о себе знать и другие проблемы (неурожаи, политические кризисы, нехватка ресурсов и т. п.). Нередко к ним добавлялись войны и эпидемии, и все вместе это вело к социально-демографическому коллапсу. Неудивительно, что в целом рост населения до последних веков шел в долгосрочной перспективе сравнительно медленно, с частыми откатами. Проблемам мальтузианской ловушки и выхода из нее посвящены первые главы второго раздела монографии.

Другой формой ловушки, подстерегающей быстро развивающееся общество, являются *модернизационные ловушки* (им посвящен весь Раздел 2). Они создаются в результате того, что многие традиционные институты и отношения, а также идеология не успевают за изменениями в технологиях, коммуникациях, торговле, образовании и медицине. В результате таких диспропорций в обществах нарастают радикальные настроения и возникает революционный кризис. Кризис усиливается тем, что изменения в способе воспроизводства населения (то есть демографический переход/демографическая модернизация), связанные с сокращением смертности при сохранении длительное время высокой рождаемости, ведут к небывало быстрому росту населения. Таким образом, в общем плане именно быстрое (ускоренное) развитие в разных сферах является причиной системного кризиса, который может нанести обществу огромный ущерб, но одновременно выступает мощным источником поиска инноваций.

Нам уже приходилось отмечать, что революции – очень затратный и опасный способ социального развития (см., например: Гринин 2007*в*). Но хотя уже давно выработаны иные, гораздо более эффективные формы развития, тем не менее, к сожалению, революции по-прежнему остаются распространенным способом решения социальных проблем. Анализу феномена современных революций (в том числе на примере Арабской весны) посвящено несколько глав монографии (см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2010*а*).

Еще один пример ловушки, возникающей именно в результате ускоренного развития, – ловушка экономического бума (или перегрева), в результате которого общество попадает в тиски экономического кризиса. «Кажется, кризисы, как болезни, являются одним из условий существования обществ, где господствуют торговля и промышленность. Их можно предвидеть, смягчить, отсрочить до определенного момента, облегчить возобновление экономической деятельности; но отменить их, несмотря на самые различные приемы, до сих пор никому не удавалось», – писал сто пятьдесят лет тому назад Клемент Жюгляр (Juglar 1862: VII), один из первых, кто доказал, что экономические кризисы имеют циклический характер. Текущий кризис подтвердил, что эта мысль, к сожалению, по-прежнему актуальна.

Современное общество сделало постоянное развитие не только в экономике, но и во всех других областях своим принципом. Однако жизнь в процессе постоянных изменений требует глубокого понимания как механизмов, их обеспечивающих, так и условий, которые им препятствуют. Непрерывное развитие, как бы мы его ни приветствовали, таит в себе большие опасности, недоучет последних и создает ловушки, выбраться из которых оказывается крайне сложно¹. Мы считаем, что без глубокого анализа форм и ме-

¹ Здесь стоит вспомнить не потерявшую свою актуальность работу Э. Тоффлера «Футурошок» (Toffler 1970; Тоффлер 1997). См. также о проблемах, возникающих в результате быстрого и постоянного развития: Grinin 2006, 2007*а*; Гринин, Коротаев 2009*а*: 115–116).

ханизмов развития труднее понять как динамику исторического процесса, так и многие современные проблемы, уходящие корнями в историю. Имеется ряд теорий, которые внесли и продолжают вносить свой вклад в этом направлении, в том числе теории социальной эволюции (например: Спенсер 1898; Carneiro 2000; Claessen 1989, 2000; Hallpike 1986; Voget 1975; Гринин, Коротаев 2009а), прогресса (анализ см., например: Nisbet 1980; Гринин, Коротаев 2009а; Коротаев 2003), цивилизаций (см., например: Шпенглер 1993; Тойнби 1991; Айзенштадт 1997; Ерасов 1998), мир-систем (см., например: Бродель 1986–1992; Frank 1990; 1993; Frank and Gills 1993; Wallerstein 1987; Amin *et al.* 2006; Арриги 2006; Гринин, Коротаев 2009а; Коротаев, Малков, Халтурина 2007), исторической глобализации (см., например: O'Brien 2006; Berg 2008; Гринин 2011г; Коротаев, Малков, Халтурина 2005), Большой истории (см., например: Christian 2004; Spier 2011; Назаретян 2009; Grinin, Korotayev, Rodrigue 2011)². Однако каждая из них имеет свои ограничения и уязвимые места (см. подробнее: Гринин 2007и; Гринин, Коротаев 2009а). Требуются новые подходы, а также синтез макроподходов, которые позволяли бы видеть социальное развитие в разных масштабах и на разных уровнях, в различных областях социальной и социально-природной реальности. Для этого важно исследование не только современных, но и исторических процессов.

Качественное (в том числе инновационное и арогенное³) движение к новым, неизвестным формам, уровням, объемам и т. п. не может идти бесконечно, линейно и беспрепятственно. Оно всегда имеет ограничения, сопровождается возникновением диспропорций, ростом сопротивления средовых ограничений, конкурентной борьбой за ресурсы и т. п. Эти бесконечные попытки преодоления сопротивления среды и создавали условия для более или менее заметного продвижения вперед в отдельных обществах. Однако сравнительно короткие периоды быстрого развития (которое могло быть выражено линейным, экспоненциальным или гиперболическим трендом) сменялись стагнацией, застоем, кризисами разных видов и откатами. Во многом именно поэтому движение очень часто приобретало циклические формы, причем можно говорить о циклах самой разной длительности, включая тысячелетия.

Цикличность в жизни обществ была замечена еще древними (уже, например, в работах Полибия), а позже Ибн-Халдун и Макиавелли смогли сформулировать и достаточно развернутые теории циклической социально-исторической динамики (см., например: Гринин 2010г, 2012б; Коротаев 2006).

Среди разных типов циклов мы можем выделить такие, которые можно назвать циклами развития, или эволюционными циклами. Это повторяющиеся циклы не полностью, а с частичным сохранением достигнутого, поскольку после отката назад общество оказывалось все же дальше начальной точки, с которой начинался подъем. На распространенность такого спирально-циклического развития указывал еще Гегель. Циклические формы развития не остались в прошлом, а остаются важными и в современной жизни, в чем-то их значимость даже усиливается, например в экономических ритмах. Свидетельство этому – огромный интерес к самым различным циклам в современной науке⁴.

Эволюционные циклы означают попеременное движение вперед и откат назад как неизбежное следствие рывка в развитии. Откат знаменует возникновение более или менее тяжелого кризиса в обществе. Вот почему многие циклы содержат в себе в качестве

² Также стоит упомянуть использование общей теории систем (см., например: Берталанфи 1969а, 1969б; Садовский, Юдин 1969) и синергетической теории в приложении к социальным исследованиям (Пригожин, Стенгерс 2005; Бородкин 2002; Малков, Коротаев 2005; Малков 2009; см. также: Гринин 2011д, 2012б: 283–284).

³ См. о таком типе развития в отношении социальной эволюции: Гринин, Коротаев 2009а; Гринин, Марков, Коротаев 2008; Grinin, Korotayev 2009b.

⁴ Как справедливо указывают Э. Абель и Б. Бернанке, «...деловой цикл – это одна из основных концепций макроэкономики, потому что флуктуации экономического развития, фазы делового цикла – подъемы и спады общей экономической активности – оказывают воздействие на всю экономику» (Абель, Бернанке 2008: 361).

центрального пункта кризис⁵. Но кризисы – это не просто поворотный пункт в циклическом движении, но и потенциальная возможность найти новые ответы на вызов средовых, производственных, социальных, идеологических и иных ограничений. Даже частичное снятие подобных ограничений – это всегда крупный эволюционный шаг. Однако далеко не всем обществам удастся использовать этот шанс.

Если мы наблюдаем в целом ряде обществ и на протяжении достаточно длительного времени регулярное повторение однотипного цикла, заканчивающегося тяжелым кризисом и значительным откатом назад, это означает, что при данном уровне развития имеются такие жесткие системные и средовые ограничения, преодолеть которые общество не в состоянии. Говоря другими словами, в ходе социальной эволюции возникла ловушка, которая не позволяет совершить фазовый переход к новому уровню развития. Именно такого рода ситуацию представляла вышеописанная мальтузианская ловушка, жестко ограничивающая рост населения и уровень его потребления. Пребывание сверхсложных социальных систем в этой ловушке вело к периодическим тяжелым кризисам (нередко принимавшим масштабы социально-демографических коллапсов/катастроф), откатам назад. Периодически делались попытки выбраться из данной ловушки⁶. Долгое время сделать это не удавалось, однако указанные попытки в долгосрочной перспективе вели к систематическому росту уровня технологического развития Мир-Системы. В результате на уровне отдельных социальных систем социально-демографические коллапсы происходили после достижения этими системами все более высоких значений численности населения и социокультурной сложности⁷.

Понятие ловушки недостаточно используется в социальных науках, между тем оно очень выразительно, и можно было бы предложить использовать его для описания *устойчиво (закономерно) повторяющейся ситуации, при которой развитие сверх определенного уровня, заданного особенностями общества, отдельных его сфер и средой, неизбежно раньше или позже создают системные диспропорции, что ведет к периодическим состояниям напряжения и затем кризиса общества и отката назад*. На языке синергетики понятие ловушки будет в определенной, но далеко не полной, мере соответствовать понятию «аттрактор». Несовпадение заключается в том, что притяжение к аттрактору в отношении социальных систем только иногда связано с возникновением серьезного кризиса, между тем как, попадая в ловушку, социальная система практически по определению испытывает более или менее серьезный кризис. Продолжая сравнение с синергетикой, следует сказать, что устойчивый выход из ловушки во многом будет соответствовать понятию *фазового перехода*.

Как уже сказано, в данной монографии мы сосредоточились на исследовании а) *мальтузианской* ловушки, одном из важнейших, но все еще недостаточно изученных типов ловушек, и б) на еще менее исследованном типе *постмальтузианских* ловушек,

⁵ Отметим, однако, что не все экономические циклы имеют выраженные кризисные фазы. Такой особенностью обладают среднесрочные (жюгляровские) циклы, а длинные кондратьевские циклы, демонстрируя волновую динамику, не имеют собственных кризисных фаз (они совпадают с циклическими кризисами жюгляровских циклов). Что же касается среднесрочных циклов, то в их рамках экономика движется от кризиса к кризису, от цикла к циклу потому, что расширенное производство не предзадано, не происходит автоматически, а требует больших усилий, стимуляции, на пути которых встречаются постоянные препятствия. Для продолжения движения к более высокой отметке оказываются необходимыми спад (который приводит систему в новое равновесие) и определенная перестройка.

⁶ В случае мальтузианской ловушки уменьшение населения на определенное время уменьшало земельный голод и повышало жизненный уровень оставшейся части жителей.

⁷ Так, в ходе социально-демографических (и династических) циклов в Китае уровень численности населения, за превышением которого следовала социально-демографическая катастрофа, поднялся с 50–60 млн чел. в ханьском, суйском и танском Китае (то есть в период с последних веков до н. э. до начала X в. н. э.) сначала до 100 млн в сунском Китае (X – XIII вв.), до 150–200 млн чел. в эпоху минского Китая (XIV–XVII вв.), а затем и до более 400 млн чел. в период последней династии Цин (см., например: Илюшечкин 1986: 207; Дикарев 1991: 71–72; Крюков и др. 1979, 1983, 1984, 1987; Хохлов 1972: 30; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010; Гринин 2010).

связанных с модернизацией обществ и одним из ее ведущих следствий – изменением демографической структуры общества (демографической модернизации). Постмальтузианские (модернизационные) ловушки широко распространены в современном мире, и это делает проблему их анализа весьма актуальной.

Монография включает в себя три раздела. При выборе композиции книги в некотором роде была использована описанная выше логика движения: в процессе циклического развития нарастает опасность очередного попадания в ловушку, а результатом этого становятся структурные кризисы. Последняя часть монографии включает прогнозы развития Мир-Системы. Мы составили также краткий глоссарий, в нем помещены определения некоторых терминов, которые мы часто употребляем и которые являются ключевыми для понимания настоящей монографии, в том числе понятия Мир-Системы, кризиса, различных типов ловушек и т. п.

Раздел 1 «Кондратьевские волны и жюглярские циклы» состоит из трех глав. В нем исследуются экономические циклы разной длительности. Временной аспект циклическости важен так же, как длина волн в исследовании волновых явлений. Имеется множество разных по времени циклов, образующих сложную систему перекрывающихся друг друга (и влияющих друг на друга) колебательных движений. Анализ взаимодействия разных по времени экономических циклов (среднесрочных и длинных) сделан в первом разделе книги. Мы рассматриваем два типа экономических циклов: длинные (длительностью от 40 до 60 лет), получившие название циклов или волн Кондратьева (К-волны), и среднесрочные циклы деловой активности (иначе – циклы экономической конъюнктуры, бизнес-циклы, или циклы Жюгляра⁸) с характерным периодом порядка 7–11 лет. Анализ кондратьевских циклов посвящена Глава 1 раздела, анализу среднесрочных циклов – Глава 2.

Отметим, что в экономике наиболее четко прослеживаются среднесрочные циклы, что касается длинных циклов, то они были обнаружены много позже и далеко не все экономисты готовы признавать их существование даже сегодня. С момента возникновения теории длинных циклов, выдвинутой в 1920-х гг. выдающимся российским экономистом Н. Д. Кондратьевым, возникла и проблема соотношения среднесрочных и длинных циклов. Анализ длинных экономических циклов помогает понять долгосрочную динамику развития Мир-Системы, позволяет строить прогнозы, но также очень многое проясняет в понимании прошлых кризисов и современного глобального экономического кризиса. Одновременно анализ (в историческом и теоретическом аспектах) среднесрочных экономических (жюглярских) циклов и их кризисных фаз также является важнейшим ключом к пониманию причин современного глобального кризиса. Глава 3 данного раздела «Соотношение волн Кондратьева и циклов Жюгляра» связана с нашими попытками продвинуться в понимании органической, хотя и весьма нелинейной и непростой, связи между среднесрочными и долгосрочными экономическими циклами. Эта задача тем более важна, что едва ли не со времен Й. Шумпетера в этом плане не было каких-то заметных сдвигов. Мы показываем одно из возможных решений. Для наглядности мы также поместили в виде приложения «Сводную таблицу циклических экономических кризисов», в которой даны характеристики этих кризисов, а также описана на конкретном материале взаимосвязь жюглярских и кондратьевских циклов.

Раздел 2 «Мальтузианские и постмальтузианские ловушки» состоит из пяти глав. Одним из центральных его понятий (оно раскрывается в Главе 1 «Мальтузианская ловушка и возможности выхода из нее») является понятие *мальтузианской ловушки*, связанное с невозможностью в абсолютном большинстве случаев для доиндустриальных обществ выйти за пределы ограничения экологической емкости среды. Жесткие мальту-

⁸ Названные так Й. Шумпетером в честь вышеупомянутого французского экономиста и историка кризисов XIX в. К. Жюгляра.

зианские ограничения действуют даже сегодня в целом ряде развивающихся стран. Понятно, что для доиндустриального общества были, характерны не экономические, а в основном социально-демографические и политические (династийные) циклы. Анализ доиндустриальных социально-демографических (вековых) циклов сделан в Главе 1 второго раздела. Далее в этой главе мы показываем и моделируем условия выхода из мальтузианской ловушки и даем характеристику тех изменений, которые произошли в некоторых европейских обществах (особенно в Англии) в XVI–XVII вв., когда впервые возникли предпосылки для окончательного выхода из мальтузианской ловушки.

В следующих главах идет речь о возникновении нового типа ловушек в процессе модернизации и преодоления мальтузианских ограничений. Постмальтузианские ловушки образуются в результате сложных структурных перестроек, глубоких и масштабных изменений в обществе, которые происходят в исторически короткие сроки в процессе модернизации (поэтому такие ловушки мы также называем модернизационными). Именно быстрые изменения (включая и ускорившийся рост населения) создают такую ситуацию в обществе, которая чревата системным кризисом. Повторим, что постмальтузианские (модернизационные) ловушки – малоисследованная проблема, которой необходимо уделить больше внимания, поскольку учет опасности попадания в такого рода ловушки крайне важен при оценке рисков эволюции развивающихся стран. Современные процессы в арабском мире, равно как и в ряде других регионов, лишний раз это подчеркивают. В Главах 2–5 исследуются разные типы модернизационных ловушек, условий, при которых они возникают, и механизмов, которые превращают успехи обществ (в развитии образования, медицины, уменьшении смертности, повышении производства сельского хозяйства и т. п.) в их болевые точки.

В Главе 2 «Модернизационные (постмальтузианские) ловушки» показывается органическая связь между процессами модернизации в обществах и возрастанием рисков социально-политических кризисов в них за счет усиления различного рода диспропорций. В главе дается типология таких ловушек, отдельные типы подробно рассматриваются в последующих главах. Как уже сказано, в большинстве модернизационных ловушек можно обнаружить очень значимую составляющую демографического давления, поскольку на первом этапе демографической модернизации резко увеличиваются темпы прироста населения. Однако эта составляющая, строго говоря, будет уже не мальтузианской, а *квазимальтузианской*, поскольку технологически проблема обеспечения населения средствами существования теперь вполне решается, а значит, в рамках этой ловушки уже не выполняется основное «правило» Мальтуса, согласно которому население всегда растет быстрее, чем производство продуктов питания (в более широком плане – быстрее, чем растет ВВП). Напротив, в отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения в модернизационной является уже не фатальной, а скорее социальной, поскольку темпы роста ВВП (и в целом продуктов питания тоже) на душу населения обгоняют темпы роста населения.

В Главе 3 «Мальтузианско-марксова и марксова ловушки» исследуется особый исторический случай модернизационной ловушки – *мальтузианско-марксовой*, которая возникла в России накануне революций (однако характерна она не только для российской, но и для европейской истории).

В Главе 4 «Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах» дается анализ модернизационных ловушек в современных обществах Африки и ряда других развивающихся стран и делается подробный анализ социально-демографического механизма возникновения подобных ловушек. Поскольку такие ловушки возникают в процессе или в результате выхода из мальтузианской ловушки, они получили также название «ловушки на выходе из мальтузианской ловушки».

В Главе 5 «События Арабской весны 2011 г. К системному анализу и моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии» со-

временные модернизационные ловушки на выходе из мальтузианской ловушки анализируются в связи с событиями Арабской весны.

Раздел 3 «Кризисы и прогнозы» состоит из 7 глав. В настоящем разделе представлен наш анализ различных по причинам, масштабам и последствиям политических и экономических кризисов. В целом такой анализ позволяет увидеть некоторые корни и аспекты сложного развития современного мира и позволяет дать некоторые прогнозы его развития в ближайшем будущем. Особое внимание, разумеется, уделено проблемам современного глобального финансово-экономического кризиса. В Главе 1 данного раздела «О некоторых факторах политической нестабильности: к разработке математических моделей политических процессов» исследуется взаимосвязь двух ключевых переменных – политической нестабильности и урбанизации. Мы проанализировали более пятидесяти эпизодов особо кровопролитных социально-политических потрясений за последние 60–70 лет. Опираясь на полученные статистические данные и достаточно простую математическую модель, мы пришли к выводу, что в диапазоне примерно 7,5–22,5 % следует ожидать наиболее высокой вероятности политических потрясений. Это также подтверждает выводы глав второго раздела о связи между модернизацией и попаданием в ситуацию социально-политического кризиса. Ведь уровень урбанизации в районе 10–25 % от общего количества населения для аграрно-ремесленных и индустриализующихся стран означает, что они вступили в период глубокой модернизации, ведущий к большим диспропорциям и напряжениям.

Глава 2 «Великая депрессия 1929–1933 гг.» дает возможность читателю восстановить в памяти события 70-летней давности, которые из-за особой актуальности требуют постоянного переосмысления. Можно вполне согласиться с Д. Дж. Хоппе, который писал: «Крах фондового рынка в октябре 1929 г. является одной из тех драматических вех, таких как убийство Юлия Цезаря, высадка на берег Колумба или битва при Ватерлоо, которыми историки отмечают поворотные пункты истории человечества» (Норре 2005).

Как уже было сказано выше, кризисы исследуются нами с разных сторон. В частности, Глава 3 «Психология экономических кризисов» посвящена психологическим аспектам, связанным с цикличностью экономической жизни, и психологии кризиса как наиболее драматической фазы экономического цикла; в ней также затрагиваются некоторые общие аспекты психологии бизнеса и предпринимательства. Это тем более важно, что данные проблемы в рамках психологии бизнеса и предпринимательства практически не исследуются.

В Главе 4 «Современный глобальный кризис: причины и особенности. Оценка первых этапов» дается анализ причин и особенностей современного кризиса, а также его сходств с предшествующими (в частности, с Великой депрессией). Одним из важных системных сходств (и одновременно важнейшей причиной возникновения кризисов) является анархичность в инвестициях, развитии производства и движении капиталов. Только современной глобальной экономике она присуща на глобальном уровне, а в эпоху свободной конкуренции и монополистического капитализма она проявлялась в рамках национального хозяйства. Современный кризис имеет и ряд особенностей, поскольку, например, сектор финансовых услуг в центре Мир-Системы достиг невиданных ранее размеров (от четверти до трети всего ВВП), поэтому нынешнюю депрессию можно назвать кризисом перепроизводства денег. Цикличность в современных условиях остается важнейшей чертой социальной макродинамики. Поэтому развитие средств анализа экономических циклов, исследование их взаимозависимости и взаимообусловленности представляет одно из самых важных направлений научного поиска, благодаря которому есть надежда продвинуться по пути предвидения и прогнозирования динамики развития общества и Мир-Системы в условиях интенсификации глобализационных процессов.

В разделе много внимания уделено прогнозам. Так, в Главе 5 «Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям?» мы пытались понять, насколько изменится мир

в ближайшие десятилетия. В Главе 6 «Китайская экономическая модель и глобальные перспективы Китая» исследуется один из самых важных случаев для современного мира – китайский, дается анализ плюсов и минусов этой модели развития и на этой базе строятся прогнозы развития китайской экономики и возможностей Китая занять более значимое место в современной Ми-Системе. В целом в пятой и шестой главах раздела мы приходим к выводу, что смена нынешнего лидера Мир-Системы – США означает коренное изменение в организации Мир-Системы, что занять то уникальное место ее лидера, на котором США остаются уже почти 70 лет, не сможет ни одна страна мира.

Наконец, в Главе 7 «Реконфигурация Мир-Системы?», проанализировав события Арабской весны, а также аналогичные им по типу события в истории Мир-Системы, мы приходим к выводу, что они дают основания говорить о начинающейся или даже уже начавшейся реконфигурации Мир-Системы.

Идея настоящей монографии родилась как итог большой работы авторов над проблемами, затронутыми в книге, в течение последних лет. Все концепции и выводы прошли апробацию в ходе публикаций наших многочисленных статей и нескольких монографий. Однако в процессе работы над этой книгой нам пришлось многое пересмотреть, переосмыслить, переписать, дать оценку самым последним экономическим и политическим событиям и заново написать ряд крупных фрагментов. В целом родилось новое произведение, пронизанное и объединенное новыми теоретическими идеями, которые мы и отдаем на суд читателя. При этом мы более чем кто-либо отдаем себе отчет, что наши исследования неполны, а выводы требуют дополнительных подтверждений. Однако мы убеждены, что избранный нами подход, позволяющий делать крупномасштабный анализ различных форм и механизмов социально-экономического развития, продуктивен и имеет значительные достоинства. Современный глобальный мир требует глобального знания. На этой мысли, которая высказывалась нами уже не раз, мы и хотели бы закончить это введение.

Благодарности. Авторы выражают огромную признательность Е. В. Емановой, а также К. А. Бирюковой, Е. А. Никифоровой и Н. В. Самсоновой за большую помощь при подготовке этой книги к изданию.

Раздел 1

КОНДРАТЬЕВСКИЕ ВОЛНЫ И ЖЮГЛЯРОВСКИЕ ЦИКЛЫ

Глава 1. Кондратьевские длинные волны

Проблема «длинных волн» в мировой экономической динамике

В 1920-е гг. выдающийся российский социолог и экономист Н. Д. Кондратьев обратил внимание на то, что в долгосрочной динамике некоторых экономических индикаторов наблюдается определенная циклическая регулярность, в ходе которой на смену фазам роста соответствующих показателей приходят фазы их относительного спада с характерным периодом этих долгосрочных колебаний порядка 50 лет (Кондратьев 1922: Гл. 5; 1925, 2002; Kondratieff 1926, 1935, 1984). Эта циклическая закономерность была прослежена им применительно к таким индикаторам, как цены, банковский процент, объемы внешней торговли, производство угля и чугуна (а также применительно к некоторым другим производственным показателям). Такая динамика была выявлена им в отношении нескольких крупнейших экономик Запада (прежде всего Англии, Франции и США); вместе с тем «длинные волны» в производстве чугуна и угля были предположительно идентифицированы Кондратьевым с начала 1870-х гг. также и на мировом уровне¹. Такие колебания были обозначены им как большие или длинные циклы, впоследствии названные в честь российского ученого (с легкой руки Й. Шумпетера) кондратьевскими циклами. Многие исследователи стали называть их также длинными волнами или кондратьевскими волнами, иногда К-волнами (как их предлагают обозначать Дж. Модельски и В. Р. Томпсон [Modelski, Thompson 1996; Modelski 2001]). Это последнее обозначение мы будем часто использовать.

Среди важных предшественников Н. Д. Кондратьева необходимо отметить Й. ван Гелдерена (van Gelderen 1913), М. А. Бунятяна (1915) и С. де Вольфа (de Wolff 1924). Здесь можно упомянуть и У. Х. Бевериджа², который обнаружил целый ряд циклов в долгосрочной динамике цен на пшеницу; при этом характерный период одного из этих циклов оказался равным 54 годам (Beveridge 1921, 1922). Стоит подчеркнуть, что на момент открытия Кондратьевым «длинных волн» экономической макродинамики ни одна из вышеупомянутых работ не была ему известна (см., например: Kondratieff 1935: 115, прим. 1).

¹ Необходимо отметить, что применительно к производственным показателям на мировом уровне во время понижительных, или нисходящих, фаз (В-фаз) кондратьевских циклов мы имеем дело скорее с сокращением темпов *роста* производства, чем с реальным *падением* производства (которое редко продолжается более 1–2 лет). В то же время в ходе повышательных, или восходящих, фаз (А-фаз) мы имеем дело с относительным ускорением общих темпов роста производства сравнительно с предшествовавшей нисходящей фазой (см., например: Modelski 2001, 2006); отметим, что Дж. Модельски вполне логично предпочитает обозначать нисходящие фазы как «фазы разгона» (*take-off phase*), а восходящие фазы – как «фазы быстрого роста».

² Более известного как «лорд Беверидж», автора так называемого «Доклада Бевериджа о социальном страховании» 1942 г., заложившего основу развития британского социального государства и прежде всего британской Национальной службы здравоохранения (*the National Health Service*).

Сам Н. Д. Кондратьев выявил следующие длинные волны и их фазы (см. Табл. 1.1.1).

Табл. 1.1.1. Длинные волны и их фазы, идентифицированные Н. Д. Кондратьевым

Порядковый номер длинной волны	Фаза длинной волны	Даты начала	Даты конца
I	А: восходящая	Конец 1780-х – начало 1790-х гг.	1810–1817 гг.
	В: нисходящая	1810–1817 гг.	1844–1851 гг.
II	А: восходящая	1844–1851 гг.	1870–1875 гг.
	В: нисходящая	1870–1875 гг.	1890–1896 гг.
III	А: восходящая	1890–1896 гг.	1914–1920 гг.
	В: нисходящая	1914–1920 гг.	

Последующие исследователи кондратьевских циклов также идентифицировали следующие длинные волны и их фазы для периода после Первой мировой войны (см. Табл. 1.1.2):

Табл. 1.1.2. «Посткондратьевские» длинные волны и их фазы

Порядковый номер длинной волны	Фаза длинной волны	Даты начала	Даты конца
III	А: восходящая	1890–1896 гг.	1914–1928/29 ³ гг.
	В: нисходящая	1914–1928/29 гг.	1939–1950 гг.
IV	А: восходящая	1939–1950 гг.	1968–1974 гг.
	В: нисходящая	1968–1974 гг.	1984–1991 гг.
V	А: восходящая	1984–1991 гг.	2005–2008 гг.?
	В: нисходящая	2005–2008 гг.?	?

Источники: Mandel 1980; Dickson 1983; van Duijn 1983: 155; Wallerstein 1984; Goldstein 1988: 67; Chase-Dunn, Podobnik 1995: 8; Modelski, Thompson 1996; Berend 2002: 308; Бобровников 2004: 47; Пантин, Лапкин 2006: 283–285, 315; Ayres 2006; Linstone 2006: Fig. 1; Tausch 2006b: 101–104; Thompson 1990, 2007: Table 5; Jourdon 2008: 1040–1043. Последняя дата (2008 г.) предложена авторами данной работы (Гринин 2010a; Гринин, Коротаев 2010a: 212–252; Коротаев, Цирель 2010a, 2010b; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010: 188–227; Korotayev, Tsirel 2010). Близкие даты предлагались также рядом других исследователей (см.: Lynch 2004: 230; Пантин, Лапкин 2006: 315; Акаев 2010; Акаев, Садовничий 2010).

К настоящему времени предложено значительное число объяснений наблюдаемой динамики кондратьевских волн. Так как на ранних стадиях исследований К-волн они были с наибольшей надежностью выявлены для ценовых индексов, большинство объяснений, предложенных в этот период, были монетарного плана. Например, К-волны связывали с инфляционными шоками, порожденными наиболее масштабными войнами (см., например: Åkerman 1932; Bernstein 1940; Silberling 1943 и т. д.). Отметим, что в дальнейшем такие объяснения утратили свою популярность, так как классическая К-волновая структура в колебаниях ценовых индексов после Второй мировой войны проследиваться перестала (см., например: Бобровников 2004: 54).

Сам Н. Д. Кондратьев объяснял динамику длинных волн прежде всего на основе динамики капитальных инвестиций (уделяя в то же время определенное внимание и динамике технологических инноваций):

«...Имеющиеся в капиталистическом обществе различные товары и блага выполняют свои хозяйственные функции весьма различное время по длительности. Равным образом они требуют и весьма различного времени и средств для их создания. Одни из них... требуют сравнительно короткого времени и относительно небольших единовременных затрат... для своего производства. Другие... требуют более длительного времени и более

³ Особо сильный разброс в датировках наблюдается на границе А-фазы и В-фазы третьей К-волны. Ниже мы подробно остановимся на этом моменте.

значительных затрат для их производства. Сюда относится большая часть орудий производства. Третьи – основные капитальные блага функционируют десятки лет, требуют весьма значительного времени и огромных затрат на их производство. Сюда относятся такие капитальные блага, как крупнейшие постройки, сооружения значительных железнодорожных линий... и т. д. Сюда по существу нужно отнести и подготовку кадров квалифицированной рабочей силы... Если К. Маркс утверждал, что материальной основой периодически повторяющихся в каждое десятилетие кризисов или средних циклов являются материальное изнашивание, смена и расширение массы орудий производства в виде машин, служащих в среднем в течение 10 лет, то можно полагать, что материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства... Повышательная волна большого цикла связана с обновлением и расширением основных капитальных благ, с радикальными изменениями и перегруппировкой основных производительных сил общества. Но этот процесс предполагает огромные затраты капитала. И для того чтобы они могли осуществиться, очевидно, необходимо, чтобы этот капитал был. Это в свою очередь возможно лишь при наличии определенных предпосылок. Первая из них состоит в том, что накопление капитала достигло значительных размеров... Однако как бы не было значительно уже достигнутое накопление, мы никогда не имеем образования таких огромных фондов капитала, расходование которого затем могло бы продолжаться в течение десятилетия и больше. Вот почему возможность крупных и длительных вложений капитала предполагает вторую предпосылку, состоящую в том, чтобы процесс накопления продолжался и притом таким темпом, чтобы его кривая шла выше, чем кривая текущего инвестирования... Если бы накапливающийся капитал находился в распыленном и рассеянном состоянии, то это делало бы невозможным крупные затраты и радикальные реконструкции в хозяйстве. Поэтому третьей предпосылкой таких реконструкций является концентрация капитала в распоряжении мощных предпринимательских центров. Этой концентрации способствуют система кредита и фондовая биржа. Тот и другой институт аккумулирует и концентрирует накапливающийся и накопленный капитал и делает его чрезвычайно подвижным. Наконец, последним условием, являющимся по существу оборотной стороной предыдущих предпосылок, является относительно малая степень связанности капитала, обилие “свободного” капитала, и, следовательно, дешевизна его... Раз концентрирующийся в достаточных массах относительно свободный и дешевый капитал имеется налицо, то рано или поздно наступает момент, когда значительное инвестирование его в крупные сооружения, вызывающие радикальные изменения условий производства, становится достаточно рентабельным. Начинается полоса для каждого данного исторического периода относительно грандиозного нового строительства, когда находят свое широкое применение накопившиеся технические изобретения, когда создаются новые производительные силы... Начинается общая повышательная волна конъюнктуры. Повышательное движение конъюнктуры и рост производительных сил обуславливают обострение борьбы за новые рынки, в частности за рынки сырья. Это вызывает... обострение международно-политических отношений, увеличение поводов к военным столкновениям и самые военные столкновения... В то же время бурный рост новых производительных сил, повышая активность заинтересованных в нем классов и групп внутри, создает предпосылки для обострения борьбы против устарелых и тормозящих развитие социально-экономических отношений, создает предпосылки для внутренних крупных переворотов. Вот почему... период длительного повышения конъюнктуры связан с радикальными изменениями в области производства, с полосой частых войн и революционных потрясений. Но если природа длительно-повышательной волны такова, то ясно, что во внутренних условиях ее развития лежат и основания, почему она не может продолжаться непрерывно и почему по истечении известного периода неизбежно наступает ее перелом и начинается понижательная волна. Действительно, инвестирование капитала в крупные и дорогие сооружения повышает спрос на капитал. Кривая этого спроса по своему уровню чем дальше, тем более начинает приближаться к уровню кривой накопления и затем превышать последний. Это порождает тенденцию к вздорожанию капитала и к повышению процента на него. В дальнейшем эта тенденция еще более усиливается. Причина этого лежит в развитии внешневоенных и внутреннесоциальных потрясений... Тем самым создаются необходимые предпосылки для общего перелома кривой конъюнктуры к понижению. Так как повышательная волна ее возникает

на основе высокого напряжения накопления и долгосрочных помещений капитала в фундаментальные и дорогостоящие сооружения, то проходит весьма значительный период прежде, чем эта повышательная инерция преодолевается и начинается понижающая волна. Но тем не менее она начинается с неизбежностью. Прежний темп инвестирования в капитальные сооружения падает. Активность всей хозяйственной жизни сокращается... Депрессивное состояние хозяйственной жизни толкает к исканию путей удешевления производства, к исканию новых технологических изобретений, способствующих этому удешевлению... Именно в течение этого периода, то есть в течение длительно-понижающей волны конъюнктуры, технические открытия и изобретения особенно многочисленны. Приостанавливается и рост процента на капитал... Создаются предпосылки для его понижения. Это понижение вызывается, во-первых, тем, что отпадают прежние причины превышения спроса на капитал над его предложением, так как сокращаются размеры инвестиций и ослабевают причины, сдерживавшие накопление. Оно вызывается, во-вторых, тем, что появляются причины, которые способствуют усиленной аккумуляции капитала в руках банковских и торгово-промышленных предприятий... Таким образом, по мере развития понижающей тенденции все сильнее и сильнее начинают действовать факторы, усиливающие его накопление и аккумуляцию. Кривая темпа накопления все значительнее превосходит кривую его инвестирования. Капитал дешевеет. Тем самым вновь создаются условия, благоприятные для подъема...» (Кондратьев 2002: 390–394).

Это направление в объяснении кондратьевской волновой динамики получило свое дальнейшее развитие в работах Э. Мандела (Mandel 1975, 1980), Дж. У. Форрестера и его коллег (см., например: Forrester 1978, 1981, 1985; Senge 1982 и т. д.), А. ван дер Цвана (van der Zwan 1980), Х. Глисмана, Х. Родемера, Ф. Уолтера (Glismann, Rodemer, Wolter 1983) и т. д.

Однако в последние десятилетия наиболее популярным стало объяснение динамики К-волн, связывающее ее с волнами технологических инноваций.

Еще Кондратьев обратил внимание на следующую «эмпирическую правильность»:

«В течение примерно двух десятилетий перед началом повышательной волны большого цикла наблюдается оживление в сфере технических изобретений. Перед началом и в самом начале повышательной волны наблюдается широкое применение этих изобретений в сфере промышленной практики, связанное с реорганизацией производственных отношений» (Кондратьев 2002: 374).

Вместе с тем Кондратьев отметил:

«Констатируя эту правильность, мы, однако, во-первых, подчеркиваем ее эмпирический характер: как таковая, она лишена точности и, несомненно, допускает исключения. Во-вторых, выдвигая ее, мы абсолютно не склонны думать, что здесь дано какое-либо объяснение причин больших циклов» (Там же).

Однако это направление получило значительное развитие в исследовании Й. А. Шумпетера (Schumpeter 1939), уже с начала XX в. разрабатывающего концепцию предпринимателя-новатора. Шумпетер именно в волнах технологических инноваций во многом видел важнейшее объяснение причин больших циклов (дальнейшее развитие шумпетерианская версия теории К-волн получила в следующих работах: Mensch 1979; Kleinknecht 1981, 1987; Dickson 1983; Freeman 1987; Tylecote 1992; Глазьев 1993; Маевский 1997; Modelski, Thompson 1996; Modelski 2001, 2006; Яковец 2001; Freeman, Louçã 2001; Ayres 2006; Dator 2006; Hirooka 2006; Papenhausen 2008; последнюю подборку эмпирических доказательств реального существования шумпетерианских волн технологических инноваций см. в следующей работе: Kleinknecht, van der Panne 2006; см. также: Лазуренко 1992; Глазьев 2009; Полтерович 2009; Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011; Акаев, Румянцева и др. 2011). В рамках этого подхода каждая кондратьевская волна связана с определенным ведущим сектором (или ведущими секторами), технологической системой, технологическим стилем или технико-экономической парадигмой. Например, третья кондратьевская волна иногда характеризуется как эпоха стали, электричества

и тяжелого машиностроения. Четвертая волна – это эпоха нефти, автомобилей и массового производства. Наконец, современная, пятая, волна описывается как эпоха информации и телекоммуникаций (Rapenhausen 2008: 789; см. также, например: Перес 2011); в то время как приближающаяся шестая волна, по некоторым предположениям, будет связана прежде всего с нано- и биотехнологиями и в целом с так называемой *NBIC*-конвергенцией, где *N* расшифровывается как нанотехнологии, *B* – как биотехнологии, *I* – как информационные технологии, а *C* – как когнитивная наука (см., например: Lynch 2004; Dator 2006; Медведев 2008; Прайд, Медведев 2008). Более подробно на проблеме кондратьевских волн в глобальной динамике техноинновационной активности мы еще остановимся ниже.

Было предпринято и несколько попыток объединить инвестиционное и инновационное объяснение К-волновой динамики в рамках единого теоретического подхода (см., например: Rostow 1975, 1978; van Duijn 1979, 1981, 1983; Меньшиков, Клименко 1989; Румянцева 2003; Акаев 2010; Акаев, Садовничий 2010; Акаев, Румянцева и др. 2011).

Отметим, что многие обществоведы рассматривают К-волны в качестве одной из важнейших компонент современной мир-системной динамики. Например, В. Р. Томпсон утверждает:

«Длинные волны экономического роста, по всей видимости, обладают исключительно высокой значимостью для мир-системных социальных процессов... Длинные волны технологических изменений (продолжительностью в 40–60 лет) определяют форму многих важных процессов... В течение последней тысячи лет их влияние становилось все более и более существенным. К-волны стали особенно важными для нашего понимания экономического роста, войн и системного лидерства... Но они важны и для других процессов, таких как политические изменения в отдельных странах, культурные изменения, а также процессы смены поколений. Этот список, по всей видимости, не исчерпывает значимости кондратьевских волн, но он должен помочь оценить важность длинных волн для глобальных социальных процессов» (Thompson 2007).

На этом фоне нельзя не упомянуть того обстоятельства, что сам факт существования кондратьевских волн до сих пор не получил окончательного признания в мировой науке, о чем так или иначе обязательно упоминают большинство исследователей К-волн. В результате создалась ситуация, при которой политологи, социологи, некоторые экономисты и другие обществоведы строят расчеты, модели, прогнозы исходя из К-волн (во всем мире и особенно в России), а значительная часть экономистов, в том числе и самых известных, сомневаются в их существовании или вовсе их отрицают.

В то же время (это можно трактовать и «в плюс», и «в минус») сами К-волны проявляются весьма разнообразно – в колебаниях соотношений цен, количестве инноваций, силе и частоте деловых циклов, отношении цены золота к цене товаров и т. д. Причем в разные времена с разной силой проявлялись различные признаки. Во времена самого Кондратьева на первый план выходили ценовые показатели, а в настоящее время – скорость роста ВВП⁴.

Наличие К-волн в ценовой динамике (по крайней мере, до Второй мировой войны) получило наиболее широко признанную эмпирическую поддержку (см., например: Gordon 1978: 24; van Ewijk 1982; Cleary, Hobbs 1983; Berry 1991 и т. д.). Но после Второй мировой войны (см., например: Бобровников 2004: 54), как уже упоминалось выше, кондратьевская динамика (по крайней мере, в своем классическом виде) перестала проследиваться в той же форме в мировой динамике цен. Впрочем, как было показано ранее (Щеглов 2009; Гринин, Коротаев, Цирель 2011: 75–77), при учете инфляции ход измене-

⁴ Это, возможно, указывает на не понятную до конца связь К-волн со сменой поколений людей, поскольку их длительность близка к средней длительности двух смен поколений (см., например: Devezas, Corredine 2001, 2002). Однако ярко выраженные поколения, как правило, формируются после крупных политических событий и перемен (в первую очередь войн и революций) и через полвека (максимум век) полностью размываются. К-волны в отличие от этих вполне реальных поколений соблюдают достаточно строгую периодичность в течение как минимум двух веков подряд и, как мы увидим в дальнейшем, весьма нетривиальным образом относятся на мировые войны. Подробнее об этом см. в Главе 3 настоящего раздела.

ний ценовых индексов в пересчете на золото продолжает соответствовать кондратьевской динамике (Рис. 1.1.1). С другой стороны, энергетические ресурсы, прежде всего нефть, начиная с 70-х гг. XX в. в не меньшей степени, чем золото, выполняют роль резервного средства накопления, а кондратьевские волны прослеживаются в динамике ценовых индексов и при пересчете их в нефтяном эквиваленте (Рис. 1.1.2).

Рис. 1.1.1. Продленный до 2010 г. приведенный Н. Кондратьевым ряд товарных цен в США в пересчете на золото

Источники: Щеглов 2009; Гринин, Коротаев, Цирель 2011: 76.

Рис. 1.1.2. Продленный до 2010 г. ряд товарных цен в США в пересчете на золото и нефть

Источники: ВР 2010; Щеглов 2009; Гринин, Коротаев, Цирель 2011: 77.

Применительно к длинным волнам в производственной динамике мы ограничимся анализом эмпирических доказательств наличия К-волн только в *мировой* динамике производственных индексов. Отметим, что, так как кондратьевские волны рассматриваются в качестве важной компоненты мир-системной социальной и экономической динамики, можно ожидать, что они будут обнаруживаться и на уровне основных мировых макроэкономических индикаторов и прежде всего мирового ВВП (см., например: Chase-Dunn, Grimes 1995: 405–411). Однако вплоть до настоящего времени попытки обнаружить кондратьевские волны в динамике мирового ВВП (и аналогичных показателей) дали достаточно противоречивые результаты.

Как уже упоминалось выше, сам Н. Д. Кондратьев утверждал, что ему удалось обнаружить длинные волны в динамике мирового производства угля и чугуна (см., например: Кондратьев 2002: 369). Однако именно предложенные им доказательства присутствия длинных волн в *производственной* динамике были подвергнуты наиболее острой критике:

«Наиболее серьезные методологические критические замечания были направлены против использования Кондратьевым кривых тренда. Метод Кондратьева здесь заключался в том, что он сначала подбирал долгосрочную трендовую кривую к эмпирическому временному ряду, затем подсчитывал разность между значениями скользящего среднего эмпирического ряда и значениями кривой тренда, а затем выявлял длинные волны в полученных значениях этой разности, рассматривая их как флуктуации вокруг линии тренда. Однако “когда Кондратьев удалял из эмпирических данных тренд, ему не удавалось убедительно объяснить, что стоит за этим трендом” (Garvy 1943: 209). Уравнения, которые Кондратьев использовал для описания этих кривых долгосрочных трендов... включают очень сложные (зачастую кубические) функции⁵. Это заставляет сомневаться в теоретической значимости и методологической избыточности выявляемых в результате длинных волн, которые уже не могут рассматриваться просто как вариации в темпах роста производства» (Goldstein 1988: 82; см. также, например: Barr 1979: 704; Eklund 1980: 398–399 и т. д.).

Однако позднее некоторым исследователям удалось найти эмпирические данные, подтверждающие наличие длинных волн в долгосрочной динамике мировых экономических индикаторов. Например, Э. Мандель (Mandel 1975: 141; 1980: 3) продемонстрировал, что в период между 1820 и 1967 г. (в полном соответствии с теорией Кондратьева) во время восходящих фаз К-циклов среднегодовые темпы роста мировой торговли были в целом значимо выше, чем во время смежных нисходящих фаз. Сходные результаты были получены Д. М. Гордоном (Gordon 1978: 24) для динамики мирового производства на душу населения за период 1865–1938 гг. на основе данных Л. Дюприе (Dupriez 1947, 2: 567), Т. Кушинским (Kuczynski 1982: 28) – для динамики мирового промышленного производства (для 1830–1980 гг.), а также для средних темпов роста мировой экономики (*Idem* 1978: 86) для 1850–1977 гг.; сходные результаты были получены и Дж. Голдстейном (Goldstein 1988: 211–217). Отметим также: А. Тауш утверждает, что ему удалось выявить К-волны в динамике мирового промышленного производства при помощи методов полиномиальной регрессии (Tausch 2006a: 167–190).

С другой стороны, эмпирические проверки, проведенные некоторыми другими исследователями, не подтвердили наличия К-волн в мировой производственной динамике (см., например: van der Zwan 1980: 192–197; Chase-Dunn, Grimes 1995: 407–409).

⁵ Например, для математического описания линии тренда в динамике производства свинца в Англии Кондратьевым было использовано следующее уравнение: $y = 10^{(0.0278 - 0.0166x - 0.00012x^2)}$.

Было предпринято и несколько попыток использовать спектральный анализ⁶ для выявления присутствия К-волн в мировой производственной динамике. Т. Кушинский (Kuczynski 1978) применил спектральный анализ для выявления К-волн в мировом сельскохозяйственном производстве, суммарном объеме мирового экспорта, изобретениях, инновациях, мировом промышленном производстве и общем объеме мирового производства за период с 1850 г. по 1976 г. При этом сам же Кушинский подчеркивает, что, хотя полученные им результаты, «по всей видимости, подтверждают» гипотезу о наличии кондратьевских волн в мировой технико-экономической динамике, «мы не можем исключить того, что выявленный нами 60-летний цикл является результатом случайности» (*Ibid.*: 81–82). Необходимо отметить, что последнее обстоятельство во многом связано с тем, что в 1978 г., когда Кушинский писал свою работу, методика определения статистической значимости циклов, выделенных в ходе спектрального анализа динамических данных, просто отсутствовала.

Х.-Д. Хауштайну и Э. Нойвирту удалось при помощи спектрального анализа выявить кондратьевские волны в динамике мирового промышленного производства, потребления энергии, числа изобретений, инноваций и выданных патентов (Haustein, Neuwirth 1982). Оценки статистической значимости выявленных волн ими не проводилось.

Об обнаружении при помощи спектрального анализа кондратьевских волн было также объявлено Р. Мецем (Metz 1992) применительно как к динамике ВВП (за период 1850–1979 гг.) для 8 европейских стран, так и к динамике мирового производственного индекса, рассчитанного Х. Бишааром и А. Клайнкнехтом (Bieshaar, Kleinknecht 1984), для периода с 1780 г. по 1979 г.; однако проведенные им же более поздние тесты этих выводов не подтвердили (Metz 1998, 2006)⁷.

Отметим также, что целому ряду исследователей не удалось обнаружить К-волны при помощи спектрального анализа и в производственной динамике отдельных стран (см., например: van Ewijk 1982; Metz 1998, 2006; Diebolt, Doliger 2006).

Спектральный анализ динамики мирового ВВП с использованием наиболее поздних данных по динамике данной переменной за 1870–2007 гг. (Maddison 1995, 2001, 2003, 2010; World Bank 2010) был проведен нами совместно с С. В. Цирелем на новом уровне с использованием усовершенствованной методики оценки статистической значимости выделенных волн (см., например: Гринин, Коротаев, Цирель 2011); подчеркнем, что этот анализ впервые позволил оценить статистическую значимость кондратьевских волн в динамике мирового ВВП и показал их наличие здесь на приемлемом уровне статистической значимости.

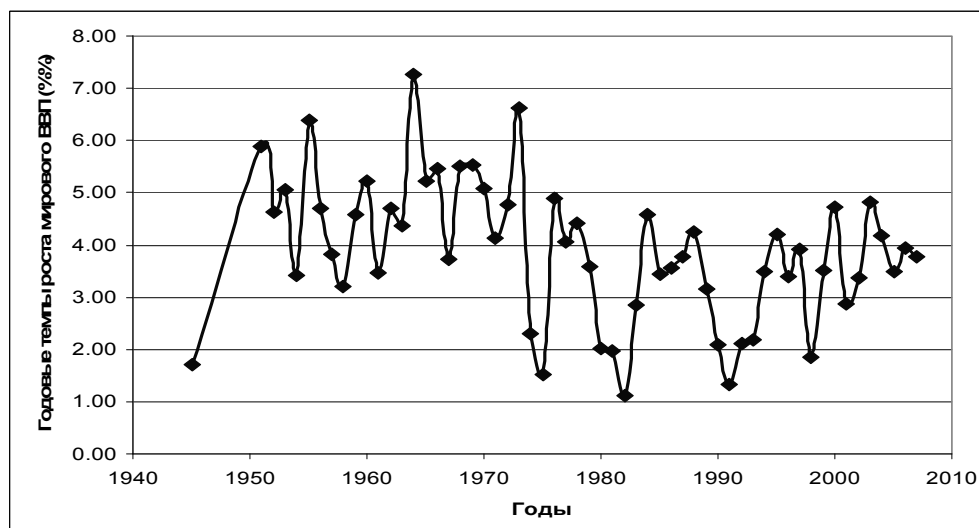
⁶ Здесь представляется целесообразным дать пояснение из специализированного справочника о том, что собой представляет спектральный анализ: «В спектральном анализе исследуются периодические модели данных. Цель анализа – разложить комплексные временные ряды с циклическими компонентами на несколько основных синусоидальных функций с определенной длиной волн. Термин “спектральный” – своеобразная метафора для описания природы этого анализа. Предположим, Вы изучаете луч белого солнечного света, который на первый взгляд кажется хаотически составленным из света с различными длинами волн. Однако, пропуская его через призму, Вы можете отделить волны разной длины или периодов, которые составляют белый свет. Фактически, применяя этот метод, Вы можете теперь распознавать и различать разные источники света. Таким образом, распознавая существенные основные периодические компоненты, Вы узнали что-то об интересующем Вас явлении. В сущности, применение спектрального анализа к временным рядам подобно пропусканию света через призму. В результате успешного анализа можно обнаружить всего несколько повторяющихся циклов различной длины в интересующих Вас временных рядах, которые на первый взгляд выглядят как случайный шум» (StatSoft 2001).

⁷ Некоторые исследователи объявляют даже, что с помощью спектрального анализа данных с применением стандартных алгоритмов им удалось подтвердить существование статистически значимого цикла продолжительностью немногим меньше 60 лет в трендах цен на пшеницу и индексах динамики процентных ставок начиная соответственно с 1259 и 1200 гг. (см.: Моуги 1992: 76).

Кондратьевские волны в послевоенной мировой экономической динамике

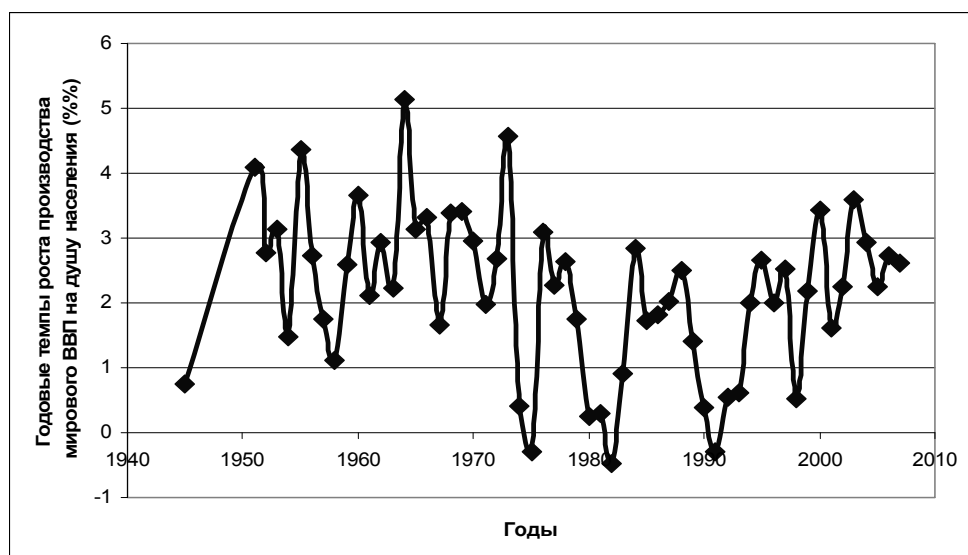
В послевоенной мировой экономической динамике кондратьевские волны видны даже «невооруженным взглядом», без применения каких-то особых статистических методик (см. Рис. 1.1.3 и 1.1.4).

Рис. 1.1.3. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%) за 1945–2007 гг.

Источники: World Bank 2011; Maddison 2010.

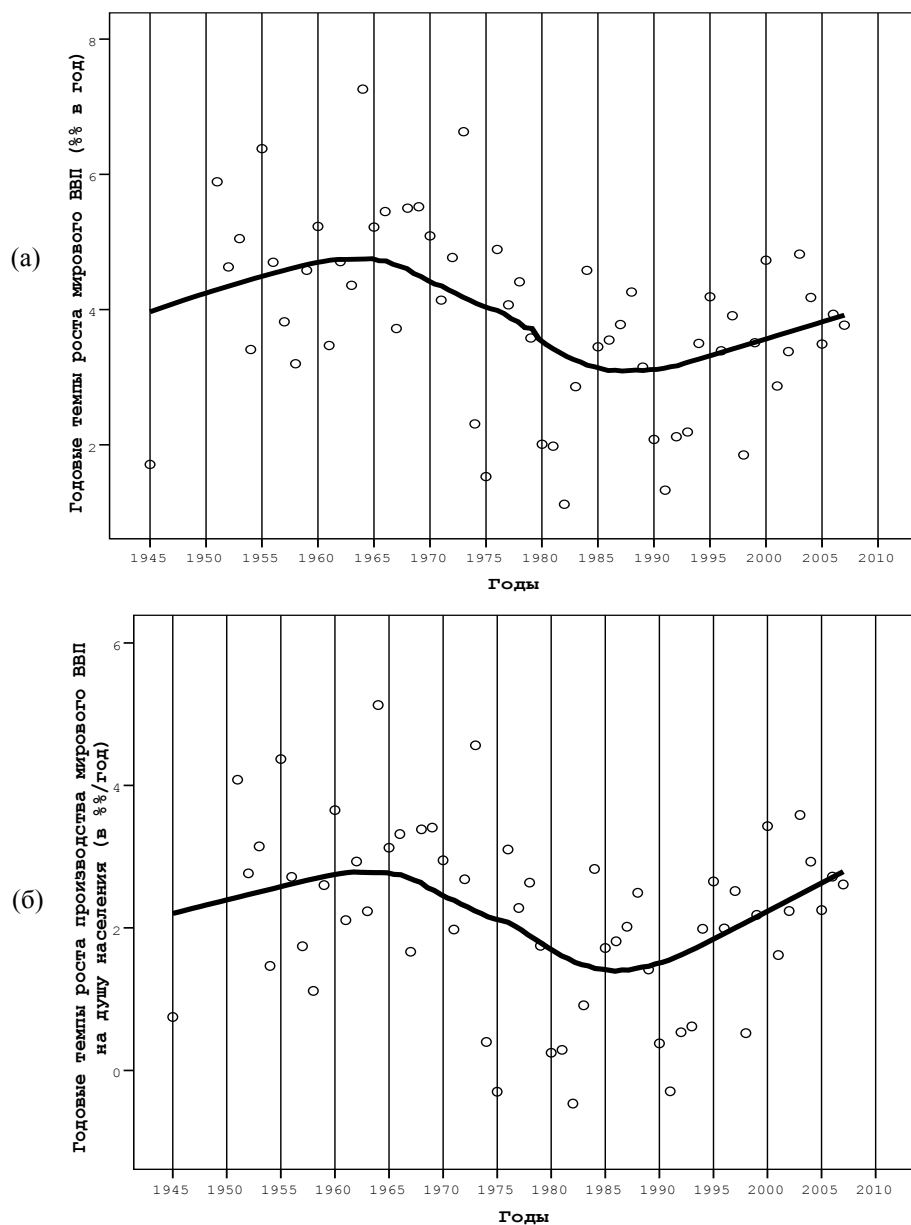
Рис. 1.1.4. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП *на душу населения* (%%) за 1945–2007 гг.

Источники: World Bank 2011; Maddison 2010.

Однако кондратьевская составляющая мировой экономической динамики становится особенно наглядной, если мы наложим на вышеприведенные графики линии LOWESS⁸ (см. Рис. 1.1.5).

Рис. 1.1.5. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%) за 1945–2007 гг. (а) и роста мирового ВВП **на душу населения** (%%) за 1945–2007 гг. (б): эмпирические оценки А. Мэддисона/Всемирного банка ООН с наложенной линией LOWESS⁹

Источники: World Bank 2011; Maddison 2010.

⁸ = LOcally WEighted Scatterplot Smoothing.

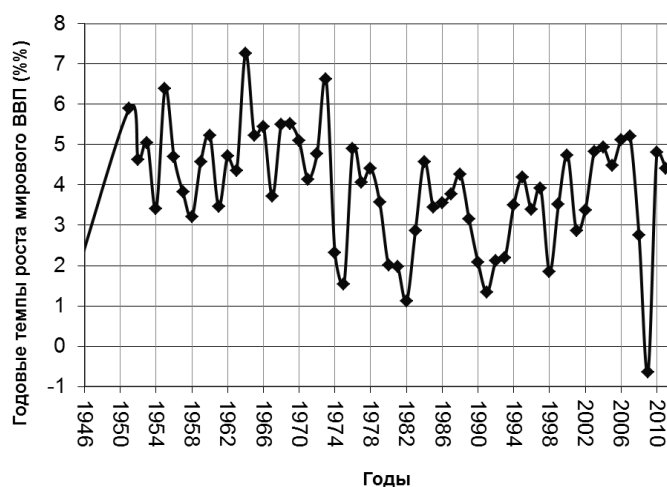
⁹ Формальные характеристики: Kernel: Epanechnikov. % of points to fit: 50.

Данные результаты заставляют нас предполагать, что:

- 1) кондратьевские волны прослеживаются в мировой экономической динамике вплоть до настоящего времени, причем достаточно отчетливо;
- 2) текущий мировой финансово-экономический кризис действительно может маркировать начало нисходящей фазы (В-фазы) пятой К-волны;
- 3) нисходящая фаза текущей К-волны, возможно, началась несколько преждевременно – как мы полагаем, в непосредственной связи с субъективными ошибками некоторых ключевых политико-экономических акторов (и прежде всего администрации Дж. Буша).

В целом с учетом продовольственного кризиса 2010–2011 гг. и роста мировой нестабильности (как политической, так и финансовой) подход, исходящий из допущения, что текущий мировой финансово-экономический кризис маркирует переход к нисходящей фазе пятого кондратьевского цикла, представляется на настоящий момент вполне обоснованным. Достаточно наглядно это показывает послевоенная динамика относительных темпов роста мирового ВВП с учетом данных за 2008–2010 гг. и прогноза *Conference Board* на 2011 г. (см. Рис. 1.1.6):

Рис. 1.1.6. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%) за 1945–2011 гг.

Источники: World Bank 2011: NY.GDP.MKTP.PP.KD¹⁰; Maddison 2010¹¹; Conference Board 2011¹².

Как мы видим, по глубине снижения темпов роста мирового ВВП современный финансово-экономический кризис похож не на обычный кризис конца цикла Жюгляра, наблюдающийся посреди восходящей фазы К-волны, а на особо глубокий экономический кризис (подобный мировым экономическим кризисам 1973–1974, 1929–1933, середины 1870-х и 1820-х гг.), встречающийся именно на стыке восходящей и нисходящей фазы кондратьевской волны.

Кондратьевские волны в мировой экономической динамике до 1945/1950 г.

Как уже упоминалось выше, К-волны могут быть в целом прослежены и в мировой экономической динамике 1870–1950 гг., однако для этого периода они прослеживаются не столь отчетливо, как для последующего (современного) периода (см. выше Рис. 1.1.3–1.1.5).

¹⁰ Оценка темпов роста мирового ВВП в 2004–2009 гг.

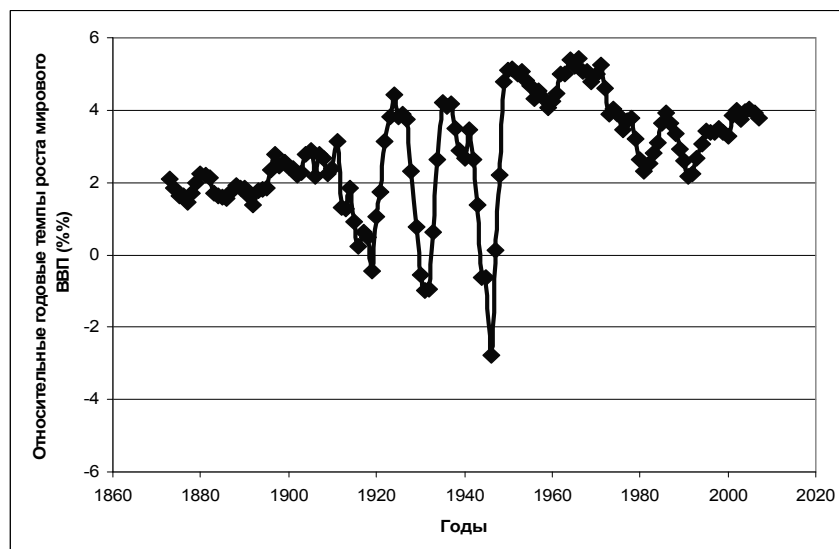
¹¹ Оценка темпов роста мирового ВВП в 1940–2003 гг.

¹² Оценка темпов роста мирового ВВП в 2010 г. и прогноз на 2011 г.

Турбулентные 1910-е, 1920-е, 1930-е и 1940-е гг. характеризуются колоссальной амплитудой флуктуаций темпов роста мирового ВВП, это осложняет выявление кондратьевской волновой динамики в соответствующие десятилетия.

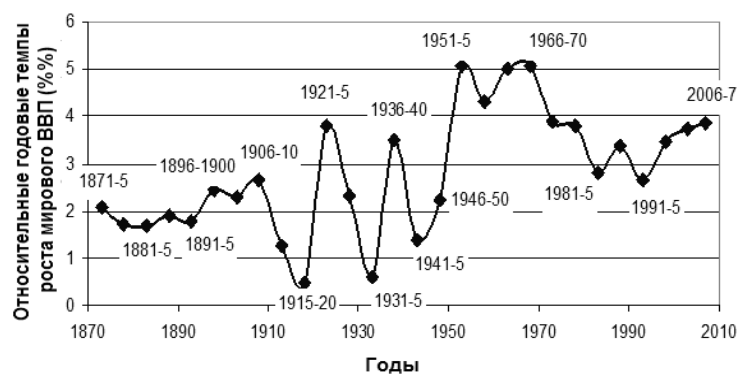
Собственно говоря, эта динамика лучше видна на диаграммах для пятилетних движущихся средних, а особенно – для простых среднегодовых значений по пятилетиям (см. Рис. 1.1.7 и 1.1.8).

Рис. 1.1.7. Динамика относительных годовых темпов роста мирового ВВП (%), движущиеся пятилетние средние, 1871–2007 гг.

Источники: World Bank 2011; Maddison 1995, 2001, 2003, 2010. *Примечание:* точка 1873 г. соответствует среднегодовым темпам роста за 1871–1875 гг., точка 1874 г. – среднегодовым темпам роста за 1872–1876 гг., 1875 – среднегодовым темпам роста за 1873–1877 гг. ... 2005 – среднегодовым темпам роста за 2003–2007; точки 2006 и 2007 гг. соответствуют относительным годовым темпам роста мирового ВВП за 2006 и 2007 гг.

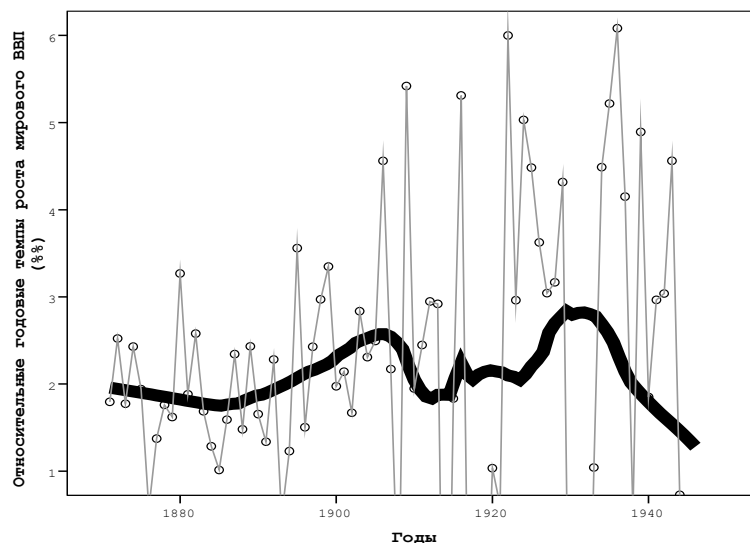
Рис. 1.1.8. Динамика относительных годовых темпов роста мирового ВВП (%), средние значения по пятилетиям, 1871–2007 гг.

Источники: World Bank 2011; Maddison 1995, 2001, 2003, 2010.

Применение техники LOWESS позволяет выявить определенную кондратьевскую волновую структуру и во временном ряде до 1950 г. (см. Рис. 1.1.9).

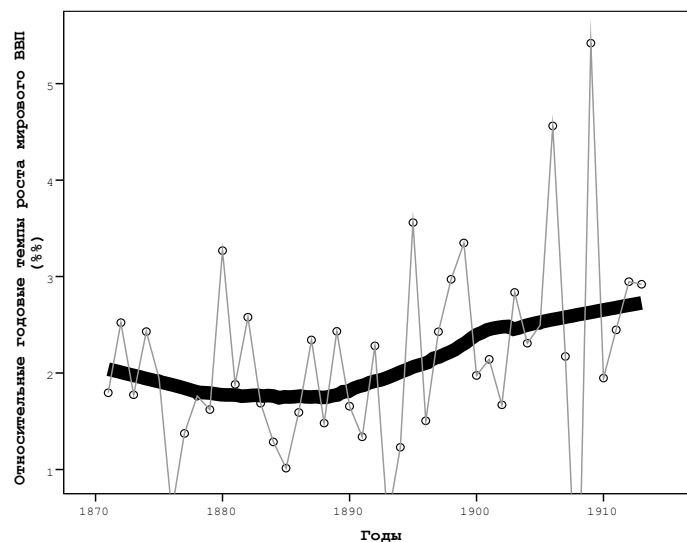
Рис. 1.1.9. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%) за 1870–1946 гг.: эмпирические оценки на основе данных А. Мэддисона с наложенной линией LOWESS¹³

Источники: Maddison 1995, 2001, 2003, 2009.

Собственно говоря, техника LOWESS достаточно четко выявляет кондратьевскую волновую структуру в период, предшествующий Первой мировой войне и соответствующий нисходящей фазе второй К-волны и большей части восходящей фазы третьей К-волны (см. Рис. 1.1.10).

Рис. 1.1.10. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%): эмпирические оценки на основе данных А. Мэддисона с наложенной линией LOWESS¹⁴, нисходящая фаза второго и восходящая фаза третьего кондратьевского цикла, 1871–1913 гг.

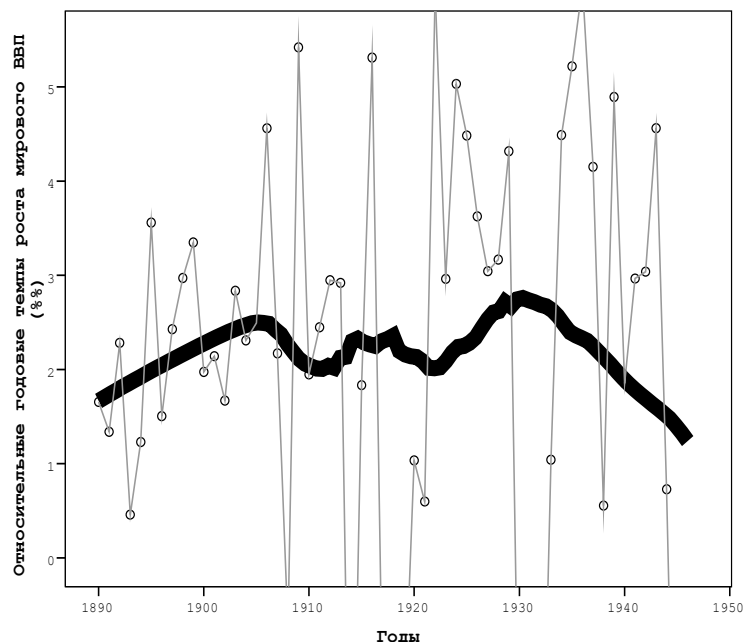
Источники: Maddison 1995, 2001, 2003, 2010.

¹³ Формальные характеристики: Kernel: Epanechnikov. % of points to fit: 40.

¹⁴ Формальные характеристики: Kernel: Epanechnikov. % of points to fit: 50.

Однако третья кондратьевская волна (по всей видимости, очень сильно деформированная Первой мировой войной) выглядит далеко не столь аккуратной (см. Рис. 1.1.11).

Рис. 1.1.11. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%): эмпирические оценки на основе данных А. Мэддисона с наложенной линией LOWESS¹⁵, третий кондратьевский цикл

Источники: Maddison 1995, 2001, 2003, 2010.

Главную проблему здесь создает В-фаза третьей К-волны, так как остается не до конца понятной датировка ее начала (1914 г. или 1920-е гг.?). Наш анализ не дает возможности отдать окончательное предпочтение одной из двух основных альтернатив – (1) нисходящая фаза третьего кондратьевского цикла началась в 1914 г., но была временно прервана бумом середины 1920-х гг.; или (2) восходящая фаза третьего кондратьевского цикла продолжалась до конца 1920-х гг., но была прервана глубоким экономическим спадом, связанным с Первой мировой войной.

Тем не менее нельзя не отметить, что техника LOWESS дает особенно четкую кондратьевскую волновую картину при втором допущении, то есть мы получаем ее при устранении влияния Первой мировой войны (см. Рис. 1.1.12–1.1.15).

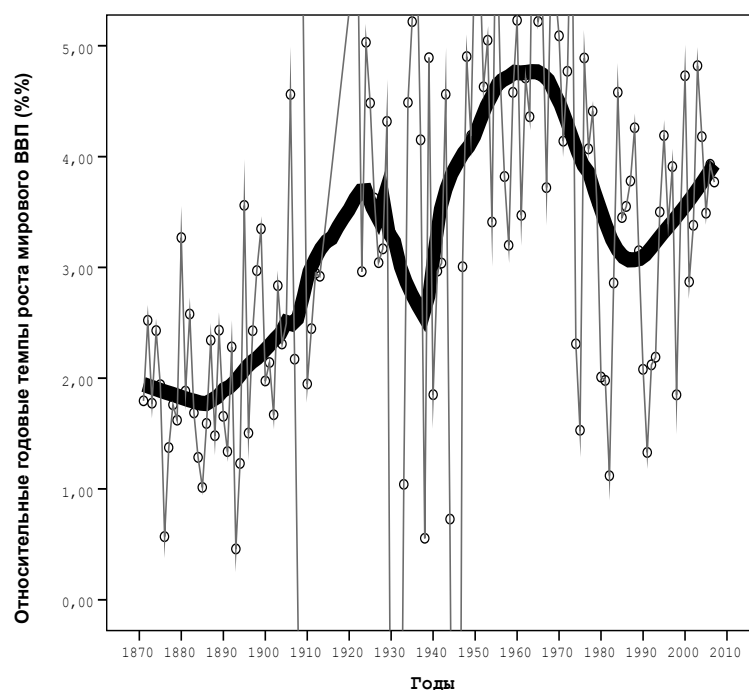
Таким образом, представляется несколько более обоснованным утверждать, что восходящая фаза третьей К-волны продолжилась вплоть до конца 1920-х гг. (будучи временно прерванной Первой мировой войной). Поэтому в дальнейшем, в том числе в Главе 3 данного раздела, мы будем ориентироваться именно на этот вариант. Между прочим, если мы вычтем годы Первой мировой войны и послевоенного спада (1914–1921 гг.), мы получим вполне разумную продолжительность восходящей фазы третьего кондратьевского цикла – 26 лет, даже если возьмем в качестве года завершения этой фазы 1929 г.:

$$1929 - 1895 = 34;$$

$$34 - 8 = 26.$$

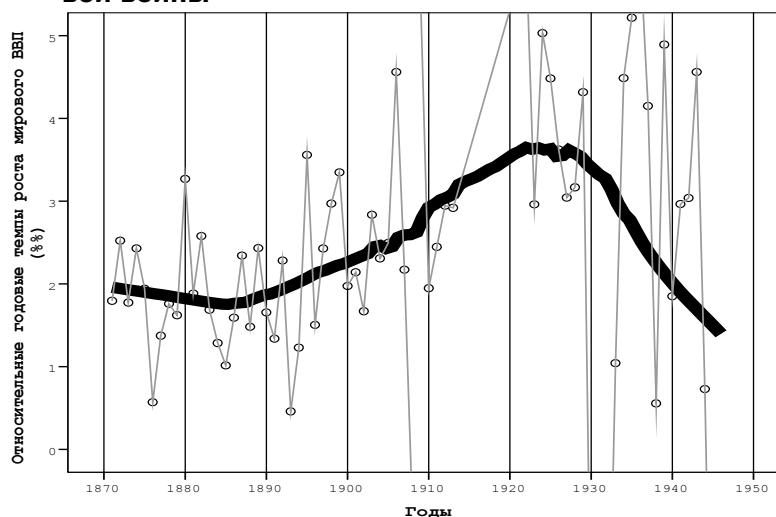
¹⁵ Формальные характеристики: Kernel: Epanechnikov. % of points to fit: 60.

Рис. 1.1.12. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%): эмпирические оценки на основе данных А. Мэддисона с наложенной линией LOWESS¹⁶, 1870–2007 гг., с устранением влияния Первой мировой войны

Источники: Maddison 1995, 2001, 2003, 2010.

Рис. 1.1.13. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%): эмпирические оценки на основе данных А. Мэддисона с наложенной линией LOWESS¹⁷, 1870–1946 гг., с устранением влияния Первой мировой войны

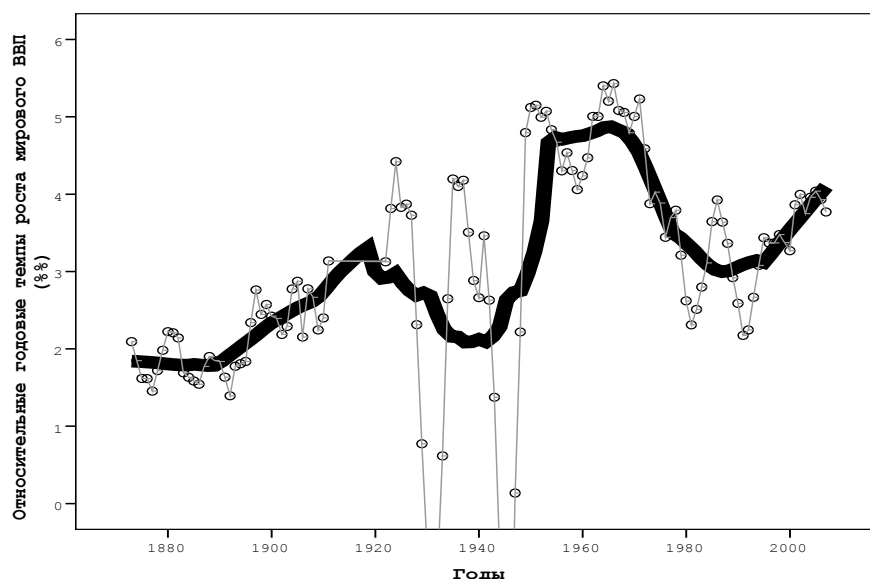

Источники: Maddison 1995, 2001, 2003, 2009.

¹⁶ Формальные характеристики: Kernel: Triweight. % of points to fit: 25.

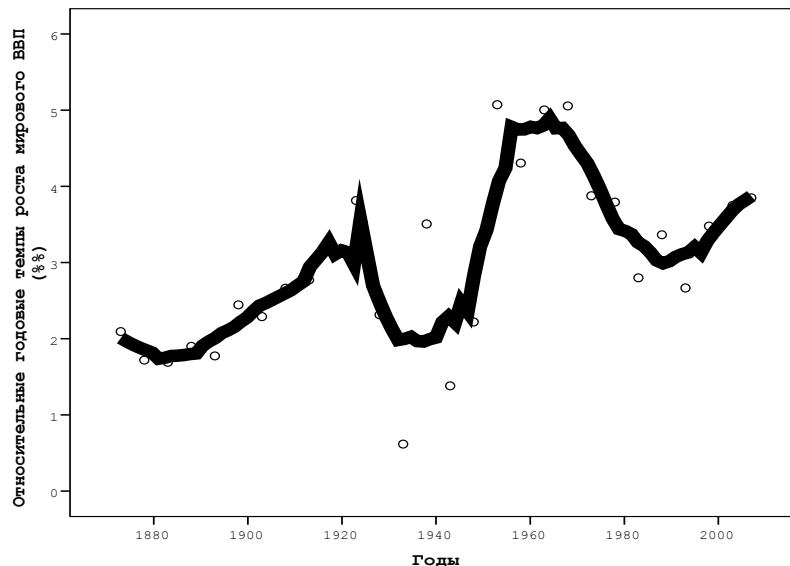
¹⁷ Формальные характеристики: Kernel: Triweight. % of points to fit: 45.

Рис. 1.1.14. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%), **движущиеся пятилетние средние:** эмпирические оценки на основе данных А. Мэддисона с наложенной линией LOWESS¹⁸, 1870–2007 гг., с устранением влияния Первой мировой войны

Источники: Maddison 1995, 2001, 2003, 2010.

Рис. 1.1.15. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%), **пятилетние средние:** эмпирические оценки на основе данных А. Мэддисона с наложенной линией LOWESS¹⁹, 1870–2007 гг., с устранением влияния Первой мировой войны

Источники: Maddison 1995, 2001, 2003, 2009.

¹⁸ Формальные характеристики: Kernel: Epanechnikov. % of points to fit: 20.

¹⁹ Формальные характеристики: Kernel: Epanechnikov. % of points to fit: 20.

Отметим, что при первом допущении (что нисходящая фаза третьего кондратьевского цикла началась в 1914 г. и была временно прервана бумом середины 1920-х гг.) мы будем иметь избыточную продолжительность нисходящей фазы третьего кондратьевского цикла – 32 года (впрочем, она уже будет выглядеть вполне нормальной, если мы вычтем из нее годы мирового экономического бума середины 1920-х гг.).

С другой стороны, мы хотели бы подчеркнуть, что в целом кондратьевская волновая структура в динамике мирового ВВП за 1870–1950 гг. прослеживается вполне определенно. Прежде всего это выражается в том, что обе приходящиеся на этот период восходящие фазы кондратьевских циклов характеризуются относительно более высокими темпами роста мирового ВВП, в то время как обе приходящиеся на этот период нисходящие фазы К-волн характеризуются существенно более низкими темпами мирового экономического роста. Подчеркнем, что такое соотношение наблюдается и в том случае, если мы не пытаемся устранить влияния мировых войн, и при этом независимо от того, как мы датируем начало и конец соответствующих фаз К-волн (см. Табл. 1.1.3–1.1.4 и Рис. 1.1.16–1.1.17).

Табл. 1.1.3. Средние темпы роста мирового ВВП (%%) во время восходящих и нисходящих фаз кондратьевских волн, 1871–2007 гг. (вариант 1)

Порядковый номер кондратьевской волны	Фаза	Годы	Средние годовые темпы роста мирового ВВП (%%) в соответствующие годы
I			
II	Конец восходящей фазы	1871–1875	2,09
II	Нисходящая фаза	1876–1894	1,68
III	Восходящая фаза	1895–1913	2,57
III	Нисходящая фаза	1914–1946	1,50
IV	Восходящая фаза	1947–1973	4,84
IV	Нисходящая фаза	1974–1991	3,05
V	Восходящая фаза	1992–2007	3,49

Рис. 1.1.16. Средние годовые темпы роста мирового ВВП (%%) во время восходящих и нисходящих фаз кондратьевских волн, 1871–2007 гг. (вариант 1)

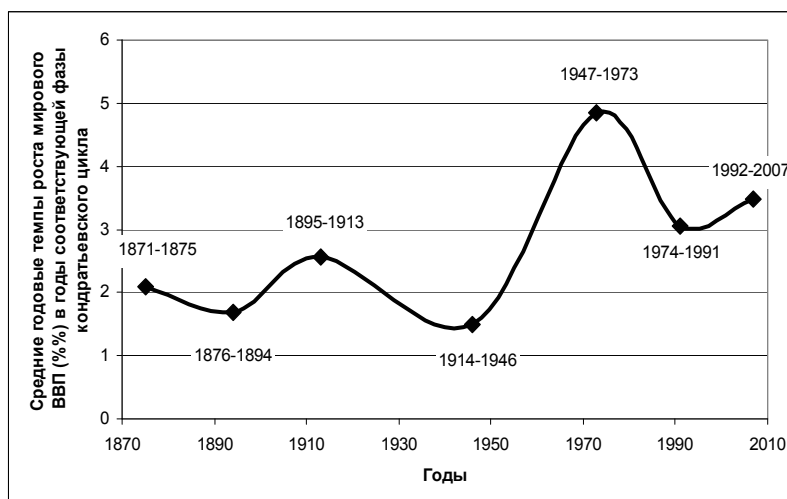
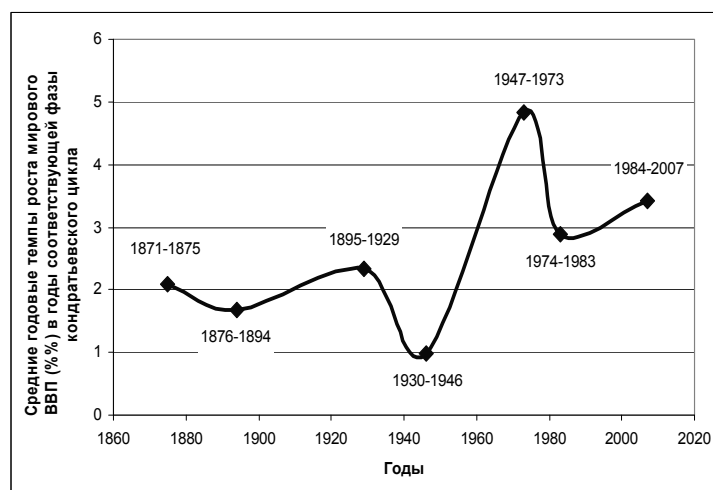

Табл. 1.1.4. Средние темпы роста мирового ВВП (%%) во время восходящих и нисходящих фаз кондратьевских волн, 1871–2007 гг. (вариант 2)

Порядковый номер кондратьевской волны	Фаза	Годы	Средние годовые темпы роста мирового ВВП (%%) в соответствующие годы
II	Конец восходящей фазы (А)	1871–1875	2,09
II	Нисходящая фаза (В)	1876–1894	1,68
III	Восходящая фаза (А)	1895–1929	2,34
III	Нисходящая фаза (В)	1930–1946	0,98
IV	Восходящая фаза (А)	1947–1973	4,84
IV	Нисходящая фаза (В)	1974–1983	2,88
V	Восходящая фаза (А)	1984–2007	3,42

С разными датами начала и конца различных фаз кондратьевских циклов мы получаем несколько разную форму длинных волн, однако в целом кондратьевская волновая структура прослеживается в любом случае совершенно определенно.

С другой стороны, имеются некоторые основания сомневаться, что К-волны могут быть прослежены в динамике мирового ВВП в период до 1870 г. (хотя в этот период они, по всей видимости, прослеживаются в экономической макродинамике Запада).

Рис. 1.1.17. Средние годовые темпы роста мирового ВВП (%%) во время восходящих и нисходящих фаз кондратьевских волн, 1871–2007 гг. (вариант 2)

Необходимо отметить, что для периода между 1700 и 1870 г. А. Мэддисон дает свою эмпирическую оценку мирового ВВП всего лишь для одного года – 1820-го. Более того, для периода до 1870 г. А. Мэддисон не дает своих годовых (или даже подекадных) оценок ВВП для многих важных экономик мира, что делает погодную (или даже подекадную) реконструкцию темпов роста мирового ВВП крайне затруднительной. Вместе с тем оказывается вполне возможным получить общую оценку мирового ВВП на 1850 г., так как для этого года А. Мэддисон дает свои оценки по всем крупным экономикам мира. В результате оказалось возможным получить оценку средних годовых темпов роста мирового ВВП для 1820–1850 гг. (то есть для периода, более или менее совпадающего с нисходящей фазой первой кондратьевской волны) и для 1850–1870/1875 гг. (то есть для

восходящей фазы второй кондратьевской волны). В итоге оказалось возможным провести предварительную эмпирическую проверку – прослеживаются ли кондратьевские волны в динамике мирового ВВП для периода 1820–1870 гг.

Результаты данной эмпирической проверки выглядят следующим образом (см. Табл. 1.1.5–1.1.6).

Табл. 1.1.5. Средние годовые темпы роста мирового ВВП (%%) во время восходящих и нисходящих фаз кондратьевских циклов, 1820–1894 гг. (вариант 1)

Порядковый номер кондратьевской волны	Фаза	Годы	Средние годовые темпы роста мирового ВВП (%%) в соответствующие годы	Средние годовые темпы роста мирового ВВП (%%), <i>предсказываемые</i> структурой кондратьевских волн	<i>Наблюдаемые</i> средние годовые темпы роста мирового ВВП
I	В	1820–1850	0,88		
II	А	1851–1875	1,26	существенно более высокие , чем во время последующей фазы	существенно более низкие , чем во время последующей фазы
II	В	1876–1894	1,68	существенно более низкие , чем во время предыдущей фазы	существенно более высокие , чем во время предыдущей фазы

Табл. 1.1.6. Средние годовые темпы роста мирового ВВП (%%) во время восходящих и нисходящих фаз кондратьевских циклов, 1820–1894 гг. (вариант 2)

Порядковый номер кондратьевского цикла	Фаза	Годы	Средние годовые темпы роста мирового ВВП (%%) в соответствующие годы	Средние годовые темпы роста мирового ВВП (%%), <i>предсказываемые</i> структурой кондратьевских волн	<i>Наблюдаемые</i> средние годовые темпы роста мирового ВВП
I	В	1820–1850	0,88		
II	А	1851–1870	1,05	существенно более высокие , чем во время последующей фазы	существенно более низкие , чем во время последующей фазы
II	В	1871–1894	1,76	существенно более низкие , чем во время предыдущей фазы	существенно более высокие , чем во время предыдущей фазы

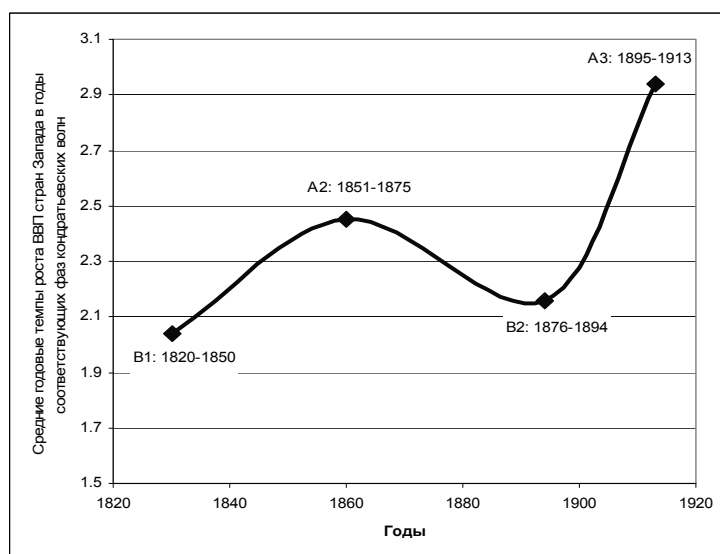
Таким образом, какие бы датировки конца восходящей фазы второй кондратьевской волны мы ни взяли, наблюдается достаточно сильное расхождение между эмпирическими данными и кондратьевским волновым паттерном. Действительно, согласно этому паттерну следовало бы ожидать, что в период 1850–1870/1875 гг. (соответствующий восходящей фазе второго кондратьевского цикла) среднегодовые темпы роста мирового ВВП должны быть заметно выше, чем в последующий период (соответствующий нисходящей фазе того же самого цикла). Однако в реальности мы наблюдаем прямо противоположную ситуацию – в 1870/1875–1894 гг. среднегодовые темпы роста мирового ВВП были существенно выше, чем в 1850–1870/1875 гг.

Вместе с тем необходимо отметить, что для этого периода мы можем наблюдать кондратьевский волновой паттерн применительно к динамике ВВП стран Запада (см. Табл. 1.1.7 и Рис. 1.1.18).

Табл. 1.1.7. Средние годовые темпы роста (%%) ВВП стран Запада во время восходящих и нисходящих фаз кондратьевских волн, 1820–1913 гг.

Порядковый номер кондратьевской волны	Фаза	Годы	Средние годовые темпы роста ВВП Запада (%%) в соответствующие годы	Средние годовые темпы роста ВВП Запада, <i>предсказываемые</i> структурой кондратьевских волн	Наблюдаемые средние годовые темпы роста ВВП Запада
I	В	1820–1850	2,04	существенно более низкие , чем во время последующей фазы	существенно более низкие , чем во время последующей фазы
II	А	1851–1875	2,45	существенно более высокие , чем во время последующей фазы	существенно более высокие , чем во время последующей фазы
II	В	1876–1894	2,16	существенно более низкие , чем во время последующей фазы	существенно более низкие , чем во время последующей фазы
III	А	1895–1913	2,94	существенно более высокие , чем во время предыдущей фазы	существенно более высокие , чем во время предыдущей фазы

Примечание: Данные по 12 основным западноевропейским странам (Австрии, Бельгии, Франции, Германии, Италии, Нидерландам, Швейцарии, Великобритании и Скандинавским странам), а также США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии.

Рис. 1.1.18. Средние годовые темпы роста (%%) ВВП стран Запада во время восходящих и нисходящих фаз кондратьевских циклов, 1820–1913 гг.

Мы полагаем, то обстоятельство, что кондратьевские волны могут быть прослежены в динамике ВВП стран Запада для периода до 1870 г., но при этом не обнаруживаются для этого периода применительно к мировому ВВП, не является случайным и не может быть объяснено, скажем, недостоверностью оценок мирового ВВП для данного периода. Соб-

ственно говоря, нет ничего удивительного в том факте, что темпы роста ВВП стран Запада были в целом в 1851–1875 гг. выше, чем в 1876–1894 гг., а темпы роста мирового ВВП – нет. Ближайшая, непосредственная причина здесь достаточно очевидна и проста. Темпы роста мирового ВВП в 1851–1875 гг. были относительно низкими (в сопоставлении с периодом 1876–1894 гг.) прежде всего из-за катастрофического экономического упадка, который испытал в 1852–1870 гг. Китай в связи с политико-демографическим коллапсом, вызванным Тайпинским восстанием и сопутствовавшими ему иными политическими потрясениями, голодом, эпидемиями и т. п. (Илюшечкин 1967; Perkins 1969: 204; Ларин 1986; Kuhn 1978; Liu 1978; Непомнин 2005 и т. д.), приведшими к гибели около 118 миллионов человек (Huang 2002: 528). Необходимо отметить, что в середине XIX в. китайская экономика была все еще крупнейшей в мире, и катастрофический упадок Китая в этот период отразился на динамике мирового ВВП самым серьезным образом. Согласно оценкам А. Мэддисона (Maddison 2009), в 1850 г. ВВП Китая составлял приблизительно 247 млрд международных долларов 1990 г. (в паритетах покупательной способности), многократно превышая, скажем, ВВП Великобритании (63 млрд долларов) или США (43 млрд долларов). К 1870 г., согласно А. Мэддисону, он упал до 190 млрд долларов, что в очень высокой степени компенсировало ускорение экономического роста, наблюдавшееся в это время на Западе (собственно говоря, на наш взгляд, А. Мэддисон несколько недооценивает масштабы экономического упадка в Китае рассматриваемого периода; и, таким образом, воздействие китайской катастрофы 1852–1870 гг. на динамику мирового ВВП на самом деле могло быть еще более серьезным). Влияние восходящей фазы второй кондратьевской волны в экономике стран Запада стало ощущаться на общемировом уровне только уже в самом конце данной фазы, в 1871–1875 гг., после окончания катастрофического периода китайской истории и начала в этой стране восстановительного роста.

В более общих терминах представляется возможным утверждать, что в период до 1870 г. современная Мир-Система не была в необходимой степени интегрирована, а мир-системное ядро не было в нужной мере сильно – именно поэтому ритмы развития западного ядра все еще не ощущались в достаточной степени на мировом уровне²⁰. Только в последующую эру Мир-Система достигает такого уровня интеграции, а ее ядро становится столь экономически сильным, что у нас появляется возможность достаточно надежно проследивать К-волны и в динамике мирового ВВП.

Кондратьевские волны в мировой динамике инвестиций

В процессе разработки методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой и российской экономики А. А. Акаев и В. А. Садовничий приходят к следующему выводу:

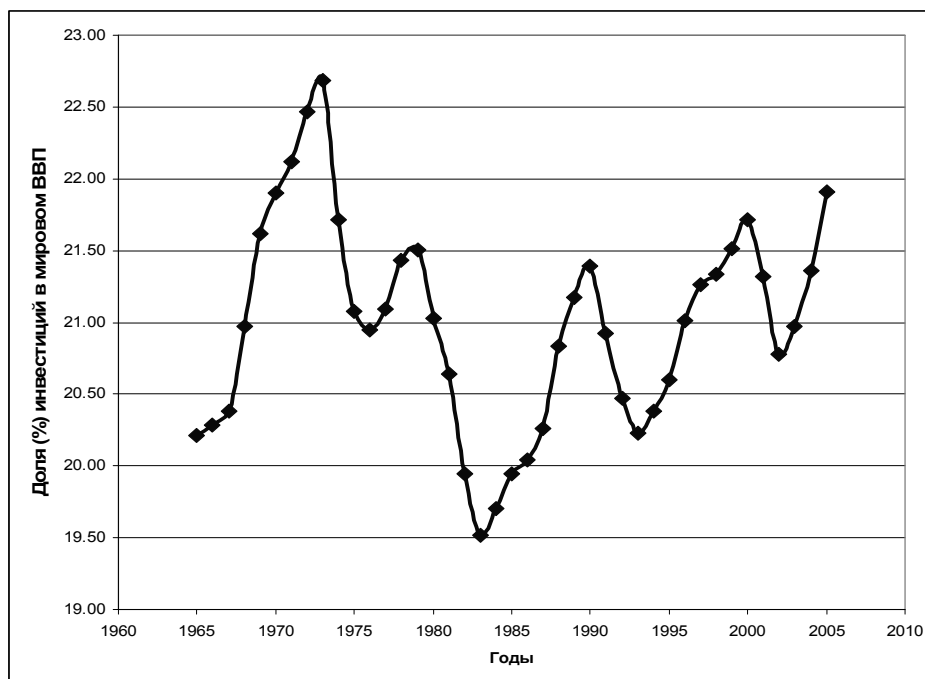
«Мощность акселератора является управляющим параметром и оказывает решающее влияние на динамику экономической системы, на формирование траектории долгосрочного экономического роста. Поскольку мощность акселератора пропорциональна предпринимательской активности, а последняя определяется экономической конъюнктурой, в первом приближении можно полагать, что она меняется медленно, по синусоиде, синхронно с большим циклом Кондратьева, то есть: $v = v_0 + \frac{v_1}{2} \cos \psi t$, $v \geq 0$. Так как продолжительность цикла Кондратьева составляет 40–50 лет, то можно принять $\psi = \frac{1}{7} (T_3 = 14\pi \approx 44 \text{ г.})$ » (Акаев, Садовничий 2010).

²⁰ К близким (но, впрочем, не вполне идентичным) выводам приходят также Р. Ревени и У. Р. Томпсон (Reuveny, Thompson 2001, 2004, 2008, 2009).

Проведенный нами анализ глобальной динамики инвестиций в общем и целом эмпирически подтвердил наличие такой закономерности.

В качестве меры предпринимательской активности нами использовался такой показатель, как доля инвестиций в ВВП. В целом по миру для периода, для которого в нашем распоряжении имеются необходимые данные, динамика этого показателя выглядит следующим образом (Рис. 1.1.19).

Рис. 1.1.19. Динамика доли инвестиций в мировом ВВП, 1965–2005 гг.

Источник: World Bank 2011²¹.

Как мы видим, динамика доли инвестиций в мировом ВВП в общем и целом повторяет динамику кондратьевских циклов:

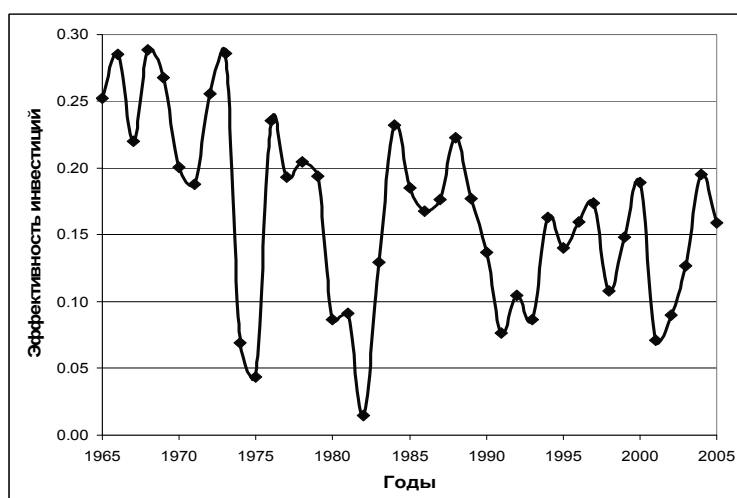
- 1) эта доля росла на восходящей фазе четвертой К-волны – вплоть до начала 1970-х гг.;
- 2) эта доля достаточно устойчиво падала в годы нисходящей фазы той же кондратьевской волны;
- 3) на восходящей фазе пятого (текущего) кондратьевского цикла снова наметилась достаточно определенная тенденция к росту доли инвестиций в мировом ВВП.

Отметим, что это дает основания ожидать определенного снижения доли инвестиций в мировом ВВП в ближайшие годы нисходящей фазы пятой К-волны.

При этом в мировой динамике инвестиций можно увидеть не только К-волны, но еще в большей степени – циклы Жюгляра.

Примечательно, что как К-волны, так и циклы Жюгляра хорошо прослеживаются и в динамике такого важнейшего показателя, как мир-системная эффективность инвестиций, измеряемая в нашем случае как прирост мирового ВВП (в постоянных долларах США 2005 г.) на один доллар инвестиций (см. Рис. 1.1.20).

²¹ Динамика данного показателя была рассчитана Ю. В. Божевольновым по базе данных Всемирного банка ООН через деление показателя суммарных мировых инвестиций (в постоянных международных долларах 2000 г.) на мировой ВВП (в постоянных международных долларах 2000 г.).

Рис. 1.1.20. Динамика мировой эффективности инвестиций

Источник: World Bank 2011²².

Как мы видим, мировая эффективность инвестиций оставалась на очень высоком уровне в годы восходящей фазы четвертой К-волны; на нисходящей фазе этой же волны она резко упала; в годы перехода от четвертой к пятой К-волне преобладала циклическая динамика, а на восходящей фазе пятой волны наметилась достаточно определенная тенденция к росту мировой эффективности инвестиций. Таким образом, в ближайшие годы нисходящей фазы пятой К-волны следует ждать некоторого снижения мировой эффективности инвестиций.

Отметим также, что в динамике последнего показателя прослеживаются не только кондратьевские волны и циклы Жюгляра, но и, по всей видимости, еще более короткие циклы Китчина.

Кондратьевские волны в мировой динамике технологических инноваций

Особого внимания, естественно, заслуживает связь волн Кондратьева и техноинновационных процессов.

Связь волн Кондратьева и инновационных процессов демонстрирует Рис. 1.1.21 (см. ниже), на котором представлена динамика числа патентов, выдаваемых в год в пересчете на миллион человек мирового населения (своего рода динамика мировой техноинновационной активности).

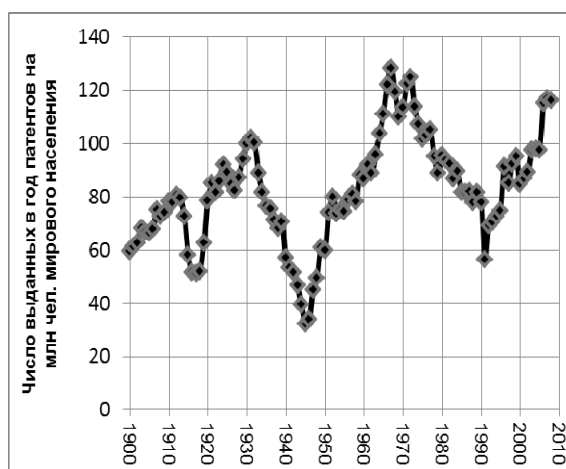
Нетрудно видеть, что на данной диаграмме прослеживаются необычно четкие кондратьевские волны²³. В целом мы видим достаточно устойчивый рост в мире числа выдаваемых (на миллион населения) патентов во время восходящих фаз кондратьевских циклов и обнаруживаем достаточно выраженное уменьшение этого числа на нисходящих фазах К-волн. Так, видный на Рис. 1.1.21 первый период роста рассматриваемой переменной более или менее (с временным запаздыванием в 2–3 года) совпадает с восходящей фазой третьего К-цикла (1896–1929 гг.); этот рост был только временно прерван Первой

²² Динамика данного показателя была рассчитана по базе данных Всемирного банка ООН Ю. В. Божевольновым.

²³ Отметим, что ранее сходная картина уже была обнаружена в мировой динамике патентных заявок Ю. А. Плакиткиным (2011), который, впрочем, не распознал в выявленных им колебаниях кондратьевских волн.

мировой войной, когда число выдаваемых (на миллион мирового населения) патентов стремительно (но кратковременно) сократилось, в то время как сразу после войны оно быстро вернулось на трендовую линию роста восходящей фазы. Первый продолжительный период уменьшения числа выданных на миллион человек патентов удивительно точно (за исключением вышеупомянутого временного лага в 2–3 года) совпадает с нисходящей фазой этой волны (1929–1945 гг.); второй период устойчивого роста рассматриваемой переменной почти идеально коррелирует с восходящей фазой четвертой кондратьевской волны (1945–1968/74 гг.), в то время как следующий период последовательного уменьшения ее значения очень неплохо соответствует ее нисходящей фазе (1968/74–1984/1991 гг.); наконец, последний период роста числа выданных патентов на миллион населения мира очень хорошо коррелирует с восходящей фазой пятой кондратьевской модели.

Рис. 1.1.21. Динамика мировой инновационной активности (число выданных в год патентов в пересчете на млн чел. мирового населения)

Источник: Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011: 1282, рис. 1.

Нельзя не отметить, что данная волновая структура на первый взгляд противоречит логике теории, разработанной Кондратьевым, Шумпетером и их последователями. Действительно, согласно этой теории, роста изобретательской активности следует ждать на нисходящих фазах К-волн, а на восходящих фазах должно как раз наблюдаться их снижение. Однако это противоречие является лишь поверхностным. Н. Д. Кондратьев, собственно говоря, утверждал, что на нисходящих фазах «перед началом повышательной волны каждого большого цикла... наблюдаются значительные изменения в основных условиях хозяйственной жизни общества [которые]... обычно выражаются... в **глубоких** изменениях техники производства и обмена (которым в свою очередь предшествуют **значительные** технические изобретения и открытия)» (Кондратьев 2002 [1926]: 370–371), при этом «**широкое применение этих изобретений в промышленной практике** (выделено нами. – *Авт.*)» (Там же: 374) наблюдается только во время последующей восходящей фазы.

При этом с достаточно убедительными основаниями предлагается проводить различие между «прорывными» и «улучшающими» изобретениями/инновациями (см., например: Акаев 2010). Именно прорывные изобретения на нисходящей фазе каждой данной К-волны и закладывают основы нового технологического уклада последующего кондратьевского цикла (а их кластеризация на этих фазах вполне подтвердилась последующими исследованиями [см., например: Mensch 1979; Haustein, Neuwirth 1982; van Duijn

1983; Kleinknecht 1987; Kleinknecht, van der Panne 2006]), как и предполагалось Кондратьевым. Прорывные изобретения находят широкое применение в промышленной практике уже на восходящей фазе новой К-волны (опирающейся на новый технологический уклад), что сопровождается потоком улучшающих инноваций, которые совершенно необходимы для успешной диффузии технологий, порожденных прорывными изобретениями, сделанными на нисходящей фазе предшествующей кондратьевской волны (Акаев 2010; Hirooka 2006).

Необходимо отметить, что периоды роста числа выданных патентов отражают рост именно числа улучшающих инноваций. Действительно, среди всей массы выданных патентов лишь ничтожная часть приходится на прорывные изобретения (число которых крайне невелико практически по определению), в то время как абсолютно подавляющее их большинство приходится именно на улучшающие инновации. Исчерпание потенциала технологического уклада данной К-волны ведет к значительному уменьшению числа улучшающих инноваций, реализующих потенции, порожденные прорывными изобретениями, создавшими соответствующий технологический уклад. С другой стороны, это же самое исчерпание потенциала данного технологического уклада создает мощные стимулы для новых прорывных изобретений. Однако порожденные в результате прорывные инновации могут лишь в очень небольшой степени компенсировать драматическое падение числа улучшающих изобретений старого технологического уклада. Таким образом, исходя из самой логики кондратьевской теории инноваций, имеются достаточные основания ожидать снижения общего числа изобретений (и выданных патентов) на миллион населения на нисходящих фазах К-волн и выраженного роста их числа на восходящих фазах (когда некоторое снижение числа прорывных инноваций с лихвой компенсируется колоссальным ростом числа улучшающих инноваций).

Как показывает вышеприведенный рис. 1.1.21, именно это мы и наблюдаем в реальности.

Мир-системные эффекты и динамика кондратьевских волн²⁴

Вернемся вновь к тому, что сторонники мир-системной парадигмы рассматривают К-волны в качестве одной из важнейших компонент исторической и современной мир-системной динамики, а также к приведенной на с. 17 цитате У. Р. Томпсона.

Мы полностью согласны с тем, что К-волны могут многое объяснить в некоторых мир-системных процессах. Однако представляется, что существует и совершенно иная логика, которая часто упускается из виду: процессы в самой Мир-Системе способны во многом прояснить природу кондратьевских волн. По нашему мнению, движущие силы К-волн более адекватно можно понять только с учетом динамики, этапов и особенностей развития Мир-Системы в целом (напомним, что определение понятия Мир-Системы мы давали во Введении, см. также краткий глоссарий). Вот почему мы строили свой анализ кондратьевских волн именно в мир-системном масштабе, а также пытались сформулировать некоторые гипотезы о причинах смены повышательных и понижительных фаз этих волн, опираясь на закономерности развития Мир-Системы. Такой подход способен в некоторой степени интегрировать разные точки зрения на природу кондратьевских волн. Собственно, здесь нет ничего удивительного, если исходить из следующих важных предположений:

1. Кондратьевские волны релевантны в первую очередь именно в масштабах Мир-Системы (и, как мы видели выше, в условиях, когда Мир-Система еще не была в достаточно высокой степени экономически интегрирована, характер волн на мир-системном уровне отличался от прогнозируемого). Однако, поскольку эти волны всегда проявляют

²⁴ Эти проблемы будут рассмотрены также в Главе 3 настоящего раздела.

себя в масштабах гораздо более крупных, чем одна страна, действуют если не во всей Мир-Системе, то в очень заметной ее части, мир-системные процессы всегда исключительно важны для понимания особенностей кондратьевских циклов²⁵.

2. Само по себе постоянное расширение, усложнение и интенсификация экономических связей в рамках Мир-Системы ведут к тому, что появляется возможность для формирования новых повышательных волн (иначе развитие застопорилось бы). Недаром Кондратьев отмечал, что «начало больших циклов обычно совпадает с расширением орбиты мировых экономических связей» (Кондратьев 2002: 374). Мы добавим здесь, что начало новых циклов, по нашему мнению, означает не просто расширение, но изменение характера этих связей (об этом см. дальше).

3. Мир-системные процессы не могут не влиять (часто в определяющей степени) на характер экономических процессов (в том числе и на среднесрочные циклы [см., например: Гринин, Коротаев 2010a]), а значит, должны влиять на динамику кондратьевских волн. Но в то же время имеется и обратное влияние этих волн и других экономических процессов на развитие Мир-Системы (на что, собственно, и указывал Томпсон [см. также: Модельски, Томпсон 1992]). На рост интенсивности военных и революционных процессов на повышательных стадиях К-волн обратил внимание сам Кондратьев (2002: 373–374). Однако очевидно, что влияние этих процессов на динамику волн может быть очень сильным (Первая и Вторая мировые войны хорошо иллюстрируют данную мысль). Несомненно, что исследователи, которые указывали на важную роль военных расходов и вызванного ими инфляционного шока, определили важную (хотя и не единственную) причину повышения и понижения цен в ходе кондратьевских циклов (см. об этом в Главе 3 настоящего раздела).

4. Если исходить из того, что повышательные и понижительные волны кондратьевских волн во многом связаны с созданием (на понижительных фазах) инновационных технологий и их широким внедрением (на повышательных фазах), на что указывал сам Кондратьев (2002: 370–372) и особенно Шумпетер (1982), то становится очевидным, что распространение этих инноваций в Мир-Системе не может не придать значительных особенностей протеканию самих этих волн, поскольку открытие новых районов быстрого экономического развития способно изменить всю мировую динамику. Так, в Главе 1 нашей книги о периодических экономических кризисах (Гринин, Коротаев 2010a) мы много говорили о том, что мощное железнодорожное строительство в США в последние десятилетия XIX в. создавало наиболее важный вектор мирового экономического развития в течение ряда периодов (см., например: Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959, т. 2; Трахтенберг 1963; Лан 1975). Масштабные инвестиции английского капитала в железнодорожное строительство в США, Австралии, Индии и т. д. вызвали стагнацию в центре Мир-Системы, прежде всего в самой Англии, и способствовали в конце концов смене этого центра²⁶. Технологические изменения, начавшиеся в одной зоне Мир-Системы и перенесенные в другие, часто вызывают следствия, которые трудно предугадать. Так, развитие океанического и железнодорожного транспорта привело к мощному экспорту зерна из США, Индии, России, Канады, что в 1870–1890-е гг. вызвало так называемый аграрный кризис в мире (и значительно усугубило характер понижительной

²⁵ «Длинные волны носят интернациональный характер, их легче выявить при изучении статистики ряда стран, чем какой-либо одной; они присущи глобальным экономическим процессам, а также экономикам наиболее развитых стран» (Модельски, Томпсон 1992: 49).

²⁶ Так же, как и развитие хлопчатобумажной промышленности в Индии, России, Японии и некоторых других странах в течение третьей кондратьевской волны (1849–1895 гг.) привело к существенным изменениям не только в этих странах, но и в самой Англии, промышленность которой начала испытывать все большую конкуренцию.

фазы второй волны, но при этом существенно помогло ряду стран выйти из мальтузианской ловушки [см., например: Гринин, Коротаев, Малков 2010б]).

5. Важные события, которые происходят в Мир-Системе, могут существенно повлиять на более раннюю или более позднюю смену динамики с повышательной на понижательную и наоборот. Так, общеизвестно, что открытие золотых месторождений в Калифорнии и Австралии существенно способствовало экономическому росту в мире и росту цен в течение повышательной фазы второй кондратьевской волны, на что указывал и сам Кондратьев (2002: 384–385).

Смена фаз К-волн в аспекте взаимодействия центра и периферии Мир-Системы

Центр и периферия. Как нам представляется, смена повышательных и понижательных фаз К-волн значимо коррелирует также с периодами колебаний отношения центра и периферии Мир-Системы, а также с изменением положения самого центра (его ослаблением, появлением конкурирующих центров, его смещением или перемещением). Ниже описаны наши предположения о возможных причинах такой корреляции. Однако требует дополнительного исследования вопрос о том, возникает ли такая корреляция за счет причинно-следственной связи между двумя этими процессами, либо они оба вызываются какими-то иными процессами, либо взаимосвязь носит еще более сложный характер (последнее кажется пока наиболее правдоподобным). Но если такая корреляция имеет место, то данное наблюдение может быть важным в связи с тем, что в последнее время наблюдаются явные изменения взаимоотношения центра и периферии Мир-Системы, в частности ее периферия сейчас (в отличие от того, что наблюдалось еще недавно) развивается в целом заметно быстрее центра (см., например: Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010; Коротаев, Халтурина, Малков и др. 2010а; Малков и др. 2010; Гринин, Коротаев 2009а, 2010а). Это стало заметным в годы текущего кризиса.

Каким же образом коррелируют структурные и колебательные изменения в Мир-Системе и изменения фаз К-волн?

Мы предполагаем, что на понижательной В-фазе центр в большей мере, чем на повышательной А-фазе, подчиняет, подтягивает, интегрирует периферию, осуществляет активную экспансию (разного типа) на нее, вкладывая ресурсы и модернизируя ее. Эти усилия и отток ресурсов вносят заметный вклад в снижение общих темпов развития Мир-Системы.

Напротив, на А-фазе активность центра сосредоточивается в центральной части Мир-Системы; в то же время баланс движения ресурсов между периферией и центром складывается в пользу последнего. Такая ситуация повышает темп роста центра.

Отток ресурсов из центра Мир-Системы на полупериферию и периферию происходит в самых разных видах (военные затраты, экспорт капитала, помощь, эмиграция и т. п.). Разумеется, это прежде всего акции, которые производятся из соображений прямой выгоды: для захвата колоний, получения прибыли, закабаления стран, открытия рынков сбыта и т. п. (хотя и филантропия имеет определенное место). Но, как и любые долгосрочные инвестиции, они окупают себя не сразу, а через длительное время (а нередко и не окупают вовсе, поскольку их часто производят политики, а не бизнесмены). Часто такой отток происходит в виде займов, многие из которых так никогда и не были отданы.

Приток ресурсов в центр также может осуществляться в самых разных видах: от прямого ограбления колоний до дешевого экспорта оттуда; от потока денег за счет монопольных цен или поставок товаров до людских ресурсов; от процентов по кабальным займам до превращения в сырьевой придаток и т. п. В период повышательной фазы второй К-волны (конец 1840-х – 1870-е гг.) подъему в огромной степени способствовало периферийное калифорнийское и австралийское золото. В новейшее время имел место экс-

порт капитала из периферии и полупериферии в центр, как это происходило с Китаем, Бразилией, Россией в отношении гособлигаций США; отметим также дешевые китайские экспортные товары и утечку специалистов из Индии.

Рассмотрим, как сказанное выглядит в схеме А- и В-фаз К-волн.

ПЕРВАЯ ВОЛНА: КОНЕЦ 1780-х/НАЧАЛО 1790-х гг. – 1844/1851 гг.

Повышательная А-фаза: конец 1780-х/начало 1790-х гг. – 1810/1817 гг. Главные захваты колоний доиндустриальной эпохи к этому времени уже завершены, началась борьба за независимость колоний в Новом Свете, основные интересы Европы сосредоточиваются на европейских делах. В этот период отток ресурсов от центра к периферии незначителен, в то же время приток ресурсов из колоний к периферии остается существенным. Самое же важное, что колонии и периферия (США) все активнее поставляют сырье (хлопок) для развития самой передовой промышленности (см.: Бурстин 1993а, 1993б; Севастьянов 1983; DiBacco, Mason, Appy 1992; Zinn 1995).

Понижательная В-фаза: 1810/1817–1844/1851 гг.: Европа (прежде всего Англия и Франция) очень активно устремляется на периферию, включая Китай, Египет, Турцию, Латинскую Америку. В Латинскую Америку, а также в США идут в огромной мере займы и инвестиции из Англии (Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959). Из Англии и Европы идет большой поток переселенцев в США, Англия осваивает Австралию (см., например: Малаховский 1971), активно осваиваются Юг и Запад США. В этот период ресурсы в большей мере уходят из Англии, чем приходят туда. Этим дополнительно объясняется в том числе сложность положения рабочих в Англии.

ВТОРАЯ ВОЛНА: 1844/1851–1890/1896 гг.

А-фаза: 1844/1851–1870/1875 гг. Основные интересы Европы сосредоточиваются на собственных делах, включая Крымскую войну, объединение Германии и Италии. США также связаны внутренней борьбой, происходят реформы в России²⁷. Создается и система свободной торговли (см.: Held *et al.* 1999). Поток ресурсов в виде австралийского и калифорнийского золота приходит в Европу; в это же время происходит подтягивание полупериферии европейских стран к уровню значимых центров промышленности (Гринин, Коротаев 2010а).

В-фаза: 1870/1875–1890/1896 гг. Европа очень активно устремляется на периферию, по сути, происходит раздел мира и совершаются основные колониальные захваты последней волны (даже Россия захватывает Среднюю Азию и активно начинает осваивать Сибирь). Идет активнейшее освоение сельскохозяйственных земель на Западе США (Бурстин 1993а, 1993б; Севастьянов 1983; DiBacco, Mason, Appy 1992; Zinn 1995) и бурное развитие Австралии (см., например: Малаховский 1971). Имеют место очень большие вложения капитала на периферии, особенно в железные дороги. Фактически в этот период из Англии и других европейских стран ресурсы очень мощно уходят на периферию, в том числе в виде займов в Латинскую Америку (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959).

ТРЕТЬЯ ВОЛНА: 1890/1896–1945 гг.

А-фаза: 1890/1896–1914/1928 гг.: Европа активно сосредоточивается на внутренней конкуренции, а затем и прямой борьбе, США также длительное время заняты внутренними делами (не считая войну с Испанией); подготовка к войне и соревнование Германии и Англии вызывают гонку технологий и подъем экономики (см.: Гренвилл 1999). Из колоний и периферии идет большой поток ресурсов. В этот период начинается перемещение центра Мир-Системы в США, которые долгое время продолжают быть импорте-

²⁷ Едва ли не главным внешним усилием Европы выступает внедрение в Китай, но пока без его раздела; имел место экспорт капитала и технологий из Англии в Индию, но не такой большой, как в дальнейшем.

ром капитала (см.: Лан 1975). Ресурсы также активно идут в Россию, Японию и другие места, где появляются возможности для освоения новых технологий и получения высокой прибыли.

В-фаза: 1914/1928–1939/1950 гг. Активизация периферии и полупериферии, ее борьба в той или иной форме с центром (Индия, Китай, Египет, СССР, Япония и др.), окончательный переход центра из Европы в США (см.: Гринин, Коротаев 2010а; см. также: Лан 1976). Удержание колоний требует все больших затрат.

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА: 1939/1950–1984/1991 гг.

А-фаза: 1939/1950–1968/1974 гг. Отпадение периферии от прямой политической зависимости от центра, сосредоточение центра на своих делах (включая объединение Европы); японское, немецкое, итальянское «чудо» как результат сосредоточения на внутренних делах и распределения капиталов и технологий в рамках ядра Мир-Системы; консолидация западного мира под эгидой США (см., например: Лан 1978), образование новых центров развития, включая восточный блок и Японию (см., например: Попов 1978).

В-фаза: 1968/1974–1984/1991 гг. экономическое наступление периферии на центр прежде всего в виде резкого повышения цен на нефть и сырье. Но в это же время Запад очень активно вкладывается в периферию (особенно в виде госзаймов развивающимся государствам), что ослабляет центр, но дает возможность начать подъем в следующей фазе.

ПЯТАЯ ВОЛНА: 1984/1991–2015/20 (?) гг.

А-фаза: 1984/1991–2001/2007 гг. Имеет особенности по сравнению с предыдущими А-фазами, так как в этот период основной экономический рост генерирует уже не столько центр, сколько периферия (см. выше), наиболее сильные страны которой фактически становятся полупериферией и даже новыми центрами роста²⁸. Многие страны центра, особенно Европы, сосредоточены главным образом на собственных делах. В это время идет обмен ресурсами между центром и периферией. С одной стороны, из центра на периферию уходят промышленные производства, но с другой – в центр мощным потоком идет дешевый экспорт промышленных товаров, а страны Запада становятся нетто-импортерами финансов (особенно за счет нефтедолларов). Не следует забывать, что США активно обменивают «бумажные» доллары на товары. Можно также учесть и приток рабочей силы с периферии. Таким образом, в целом наблюдается баланс обмена в пользу центра. Возможно, этому способствует существенная трансформация национального суверенитета, открывающая границы для иностранного капитала и технологий (об уменьшении суверенных прерогатив см.: Гринин 2005, 2008а, 2008в, 2008г, 2008д; Гринин, Коротаев 2009а, 2010а; Grinin 2008а, 2008b, 2009а).

В-фаза: 2001/2007–2015/2020 (?) гг. Пока наблюдается ослабление центра и активизация новых центров, возможен поиск нового баланса сил и новых коалиций (подробнее о наших взглядах на развитие политической динамики мира см.: Гринин 2009г; Grinin 2010, 2011а; Grinin, Korotayev 2010b).

Рассмотрим теперь некоторые характеристики и причины процессов.

Возможные причины экспансии. Важно отметить, что ухудшение экономических финансовых и иных показателей в центре естественно связано с кризисно-депрессивными явлениями, характерными для В-фазы К-волны. Можно предположить, что жюглярровские циклы и депрессии на понижательной фазе в центре Мир-Системы способствуют усилению активности центра в его экспансии на периферию²⁹. Такую экспансию можно рассматривать как один из ряда вариантов антикризисных (причем не только

²⁸ Это несколько напоминает ситуацию в А-фазе третьей К-волны, когда рост генерировался уже не в Англии, а в США, Германии и России.

²⁹ Или наоборот, ослабление центра дает возможность периферии совершить контрэкспансию, как это наблюдалось в 1970–1980-е гг. в отношении цен на энергоносители. В результате начался отток ресурсов от центра вследствие резкого повышения нефтяных и иных сырьевых цен.

экономических, но и социально-политических) мер, способных уменьшить напряжение в центральных обществах. Такие меры далеко не всегда оказываются успешными в плане улучшения экономической конъюнктуры, но всегда имеется искус такого рода ясных и легких решений. Кроме того, существует некоторый эффект подражательной конкуренции, который выражается в том, что вслед за экспансией одного государства усиливается экспансия других государств центра и полупериферии.

Каким образом экспансия дополнительно усиливает замедление экономического развития на понижающейся фазе?

1. В ходе такой экспансии ослабляются силы центра, что понижает конъюнктуру в центре.

2. Кроме того, борьба за влияние на периферию может истощать центральные державы Мир-Системы. В любом случае усиление влияния происходит очень затратно (а порой и разрушительно). В прежние эпохи это могло дополнительно ослаблять саму периферию. Но и тогда, когда происходит в целом потенциально взаимно полезная экспансия на периферию, ее результаты далеко не всегда сказываются сразу, основные результаты могут проявиться намного позднее.

3. Недостаточная притирка расширившейся периферии и центра, несоответствие их экономических уровней, в то время как периферия становится уже частью мир-экономики центра, в меньшей мере способствует более быстрому развитию.

4. Не исключено, что здесь мы имеем дело с положительной обратной связью: ухудшение дел в центре активизирует его экспансию на периферию, а затраты на экспансию и авантюры дополнительно ухудшают конъюнктуру.

5. В результате активного втягивания периферии в Мир-Систему, превращения хинтерланда в периферию, части периферии – в полупериферию, а полупериферии – в новые центры Мир-Система расширяется, число связей в ней увеличивается, плотность контактов возрастает и т. п., но за счет этого несколько снижается темп развития Мир-Системы в целом.

6. Понижение идет также за счет ослабления старого центра. Это ослабляет структурное единство Мир-Системы и дополнительно усиливает тенденцию на снижение темпов развития Мир-Системы. Этот процесс мы, скорее всего, будем наблюдать в ближайшее время. В то же время ситуация такова, что заменить США как центр Мир-Системы оказывается весьма сложно из-за того, что США выступают как многофункциональный центр. Таковым в обозримом будущем не сможет стать ни одна держава. Поэтому, скорее всего, следует ожидать реконфигурации Мир-Системы в целом (см. подробнее: Гринин 2009г; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010b).

Снижение темпов развития нередко происходит за счет того, что слабее начинает развиваться центр (или центры). Так было, в частности, в период понижательной фазы второй К-волны (1870–1890-е гг.) в Англии, в понижательной фазе третьей К-волны (1914/28–1939/50 гг.) в Европе, в понижательной фазе четвертой К-волны (конец 1960-х – начало 1980-х гг.) в США, Японии и Европе; не исключено, что в относительно близкий период можно ожидать снижения темпов развития наиболее динамично развивающихся стран, таких как Китай, который многими уже рассматривается как потенциально новый экономический центр Мир-Системы.

На повышающейся фазе баланс движения ресурсов оказывается уже в пользу центра.

1. В повышательной же фазе центр в большей степени сосредоточивается на собственных делах (либо на борьбе в рамках центра), перемещает меньше ресурсов на периферию.

2. Усилению борьбы за ту или иную гегемонию в центре способствуют накопление ресурсов, необходимость перестроить отношения в центре, появление новых технологий, в том числе военных.

3. При этом сама борьба и войны способствуют разгону инфляции и ускорению экономики (то есть имеется обратная положительная связь).

4. Важной причиной баланса движения ресурсов в пользу центра выступает то, что начинают давать отдачу предыдущие вложения: в частности, начинают работать долгосрочные вложения в инфраструктуру, отлаживаются торгово-финансовые связи, заселяются территории (та же Австралия в период предшествующих 1850 г. десятилетий) и т. п.

5. С другой стороны, в отношения обмена втягиваются новые регионы периферии, которые, чтобы включиться в процесс модернизации, часто вынуждены совершать экспорт по ценам относительно более низким, чем инновационные товары центра (то есть происходит объективно неэквивалентный обмен)³⁰.

* * *

Как мы видим, циклические модели помогают глубже разобраться в закономерностях глобальной динамики в самых разных ее измерениях – от экономики до политики или технологии.

Таким образом, цикличность и в современных условиях остается важнейшей чертой социальной макродинамики, а развитие средств анализа экономических циклов, исследование их взаимозависимости и взаимообусловленности представляет одно из самых важных направлений научного поиска, благодаря которому есть надежда продвинуться по пути предвидения и прогнозирования динамики развития общества и Мир-Системы в условиях интенсификации глобализационных процессов.

³⁰ Отметим, впрочем, что во время В-фазы четвертой К-волны и А-фазы пятой К-волны произошла смена общей мир-системной тенденции к росту разрыва между центром и периферией Мир-Системы на тенденцию к сокращению этого разрыва (Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010; Малков и др. 2010; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010). В результате, как мы уже упоминали выше, сокращение разрыва между центром и периферией Мир-Системы наблюдалось и на А-фазе пятой кондратьевской волны. Отметим, что если изложенная выше гипотеза верна, то на В-фазе текущей (пятой) кондратьевской волны следует ожидать дальнейшего ускорения темпов сокращения разрыва между центром и периферией Мир-Системы.

Глава 2. Жюглярские среднесрочные циклы

Вводные замечания

«Кажется, кризисы, как болезни, являются одним из условий существования обществ, где господствуют торговля и промышленность. Их можно предвидеть, смягчить, отсрочить до определенного момента, облегчить возобновление экономической деятельности; но отменить их, несмотря на самые различные приемы, до сих пор никому не удавалось». Эти, казалось бы, давно забытые слова Клемента Жюгляра (Juglar 1862: VII), одного из первых, кто доказал, что экономические кризисы имеют периодический и циклический характер, к сожалению, вновь стали актуальными в 2008 г., то есть почти через 150 лет с момента их написания.

В данной главе мы проанализируем основные черты среднесрочного цикла деловой активности, или бизнес-цикла (продолжительностью, с учетом оговорок, указанных во Введении, 7–11 лет). Этот цикл также получил название цикла Жюгляра, по имени вышеупомянутого французского экономиста XIX в., обстоятельно исследовавшего эти циклы (Juglar 1862, 1889)¹.

К. Жюгляр исследовал колебания цен, учетных ставок, металлических резервов банков во Франции, Англии и США и показал их совпадение с циклами роста деловой активности, инвестиций (и спекуляций) и занятости (Там же). Первое издание его книги вышло в 1862 г. Важнейшей заслугой Жюгляра было то, что он убедительно доказал именно периодичность кризисов, или, по его выражению, «закон периодичности кризисов», согласно которому кризису предшествуют эпохи оживления, благополучия и повышения цен, а за ними следуют годы понижения цен, замедления торговли, что приводит экономику в угнетенное состояние (Juglar 1889: XV). Именно с вкладом Жюгляра в анализ периодических кризисов часто связывают переход в экономической науке в целом от теории кризисов к теории бизнес-циклов (Хансен 1959: 363; Besomi 2005: 1).

Таким образом, кризис возникает не случайно, ему предшествует большое напряжение деловой активности и повышения цен². Поэтому кризисы можно предсказывать. По словам М. И. Туган-Барановского (2008 [1913]: 294), К. Жюгляру неоднократно удавалось с успехом это делать³.

¹ Хотя, конечно, некоторые экономисты (например, В. С. Дженвонс, Э. де Лавеле, Дж. Миллс), внесшие более или менее заметный вклад в изучение экономических циклов, работали примерно в одно время с Жюгляром. Особо надо указать заслуги К. Маркса. Первый том «Капитала» был опубликован, как известно, в 1867 г. В нем Маркс совершенно определенно говорит о попеременном расширении и сокращении производства, которое принимает форму периодичности (см., например: Маркс 1960 [1867]: 647–648). Впервые среднесрочные циклы (7–11 лет) были названы именем Жюгляра в работах Й. Шумпетера, который разрабатывал типологию разных по длительности бизнес-циклов (Schumpeter 1939, 1954; см. также: Kwasnicki 2008).

² Тут важно отметить, что до Жюгляра преобладали взгляды (опирающиеся на идеи «невидимой руки» Адама Смита [Смит 1935] и на закон рынков Сэя [см., например: Туган-Барановский 1917]), согласно которым состояние равновесия на рынке является основным, а всякого рода отклонения от него вызываются какими-то внешними факторами. Следовательно, и кризисы вызываются случайными факторами. Но и сегодня эти идеи внешних шоков (и не без основания) имеют заметную популярность. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

³ Но речь идет лишь об общем предсказании кризиса в период после фазы бума, поскольку предсказание момента кризиса с точностью хотя бы до года представляет очень большие сложности. Дело в том, что роль

Приведем краткое изложение М. И. Туган-Барановским предложенной К. Жюгляр-ром схемы экономического цикла:

«Промышленный кризис никогда не наступает внезапно: ему всегда предшествует особое возбужденное состояние промышленности и торговли, симптомы которого настолько характерны, что промышленный кризис может быть предсказан заранее... От чего же зависит эта правильная смена периодов возбуждения и упадка? Жюгляр⁴ указывает одну основную причину: периодическое колебание товарных цен. Благополучная эпоха, предшествующая кризису, всегда характеризуется повышением цен: «Ежегодные сбережения цивилизованных наций, непрерывно увеличивающие их богатства, вызывают и поддерживают постоянное повышение цен: это – естественное состояние рынка, благополучный период. Кризис приближается, когда повышательное движение замедляется; кризис разражается, когда оно прекращается. Одним словом, главная, можно сказать, единственная причина кризисов есть приостановка повышения цен» (Juglar 1889: 33). Весь механизм развития кризиса Жюгляр представляет следующим образом. Повышение товарных цен имеет естественную тенденцию затруднить продажу товаров. Поэтому, по мере того, как цены растут, торговый баланс делается менее и менее благоприятен для страны. Золото начинает отливать за границу в уплату за товары, вывоз которых перестает покрывать ввоз. Сначала этот отлив очень незначителен и не обращает ничего внимания. Но чем выше цены, тем сильнее золото отливает за границу. Наконец, товарные цены достигают такой высоты, что сбыт товаров за границу становится крайне затруднительным. Не имея возможности уплачивать продукты за продукты, торговцы начинают возобновлять свои векселя в банках по мере истечения сроков их уплаты, и этим объясняется усиление дисконтной операции банков в период, непосредственно предшествующий кризису. Но, как бы ни отсрочивалась уплата, рано или поздно она должна быть произведена. Товарные цены сразу падают, затем следуют банкротства банков и торговцев, и наступает промышленный кризис» (Туган-Барановский 2008 [1913]: 294–295).

Как можно видеть, центральным механизмом циклического колебания, по К. Жюгляр, выступают колебания цен: повышение их ведет к подъему и оживлению, понижение – к кризису и упадку. Исключительно важная роль колебаний цен не подлежит никакому сомнению; неудивительно, что ее отмечали исследователи самых разных школ (см., например: Хаберлер 2008), и в том числе современники К. Жюгляра – К. Маркс и Ф. Энгельс. По мнению М. И. Туган-Барановского (2008 [1913]), с которым можно согласиться, теория К. Жюгляра, однако, не объясняет достаточно адекватно самого главного: фундаментальных причин повышения товарных цен в период, предшествующий кризису. Дальнейшие исследователи описали целый ряд механизмов такого повышения: от колебаний процентных ставок, кредитной экспансии и переинвестирования до учета поведения кривых совокупного спроса и совокупного предложения, а также психологических факторов вроде необоснованного оптимизма. Тем не менее эта проблема все еще продолжает быть предметом ожесточенных дискуссий, как и причины наступления кризисной фазы. Сам М. И. Туган-Барановский считал, что кризис вызывает нехватка капитала, так как капитал расходуется в период подъема быстрее, чем создается. В результате исчерпываются и кредит, и импульс к развитию, а структурные диспропорции ведут к кризисным явлениям (но не обязательно в виде острого кризиса; он правильно отмечал, что сила кризиса зависит от силы подъема).

М. И. Туган-Барановский подчеркивал, и мы бы согласились с ним, что школа Маркса – Энгельса дала для своего времени наиболее глубокое объяснение кризисов. По их мысли, кризисы вызываются перепроизводством (являющимся следствием основного противоречия капитализма). А само перепроизводство обуславливается, во-первых,

случайных факторов в самом срыве и начале рыночной паники настолько велика, что лишь некоторые статистические методы или рыночная интуиция могут помочь определить наступление критического момента.

⁴ В цитате оставлено написание этой фамилии так, как было у Туган-Барановского.

анархичностью капиталистического производства, во-вторых, бедностью масс, их эксплуатацией, тенденцией заработной платы к понижению. Вследствие характерного для капиталистической экономики роста органического строения капитала (то есть понижения в составе затрат доли заработной платы), по Марксу, происходит падение нормы прибыли⁵. Сокращение нормы прибыли капиталисты пытаются преодолеть внедрением новых машин, ведущих к росту производительности труда. А это ведет к расширению объема предложения товаров и, как следствие, к их перепроизводству, что периодически наталкивается (в связи с «анархией» капиталистического производства) на недостаток спроса. Кризис и является взрывом противоречий капиталистического производства, восстановлением равновесия⁶. Ряд марксистских исследователей дали весьма капитальное описание истории и теории кризисов (см., например: Варга 1937; Мендельсон 1959, 1964; Трахтенберг 1963 [1939]). Но К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи, на наш взгляд, не смогли показать истинную связь процессов производства и обращения (последние они игнорировали как якобы менее фундаментальную часть воспроизводства). Тем самым они не смогли показать и причины взрывообразности кризисов, резкого изменения ситуации в так называемых поворотных точках (то есть от бума к острому кризису и от низшей точки падения к подъему).

В первой половине XX в. имелось уже много различных теорий, объясняющих экономические циклы. Собственно говоря, теория недопотребления была одной из наиболее старых; фактически такие взгляды зародились так же давно, как и сама наука политической экономии. Ее ранними наиболее выдающимися приверженцами являются лорд Лодердель, Мальтус и Сисмонди. В первой половине XX в. для научного пересмотра и распространения теории недопотребления многое сделали Дж. А. Гобсон, У. Т. Форстер, У. Кэтчингс, Э. Ледерер. Фактически с ее идеями были созвучны и некоторые вышеупомянутые подходы ортодоксальной марксистской школы, которая исходила из того, что положение рабочего класса, согласно выдвинутому Марксом закону абсолютного обнищания рабочего класса, должно ухудшаться⁷.

Монетарные (денежные) теории видели причины цикличности в основном в кумулятивном характере расширения и сокращения деловой активности в зависимости от количества денег в экономике⁸. Наиболее ярким примером является теория Р. Хоутри (см., например: Hawtrey 1926, 1928), для которого торгово-промышленные кризисы выступали как чисто денежные явления, так как, по его мнению, изменения денежного потока достаточно для объяснения чередования процветания и депрессии. По его мнению, депрессия «представляет собой ослабление спроса на деньги, а экспансия – увеличение этого спроса» (см.: *Idem* 1913: 272). В целом, вне всякого сомнения, денежная составляющая цикличности и кризисов является очень важной, однако представители монетарных теорий придавали денежным факторам абсолютно доминирующее значение, игнорируя тем самым немонетарные причины.

⁵ Явление, отмечаемое экономистами разных школ, но объясняемое по-разному.

⁶ «Периодическое обесценивание наличного капитала – это имманентное средство капиталистического способа производства, сдерживающее понижение нормы прибыли и ускоряющее накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала, – нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала, и потому сопровождается внезапными приостановками и кризисами процесса производства» (Маркс 1961, т. 25, ч. 1: 273–274).

⁷ Однако такое объяснение уже давно стало анахронизмом. Данная теория крайне плохо сочетается со столь характерной для «капиталистических» стран реально наблюдаемой долгосрочной тенденцией к беспрецедентно быстрому (на всемирно-историческом фоне) росту уровня жизни (и реальных доходов) «непосредственных производителей» вообще и «рабочего класса» в частности.

⁸ Отметим, что с точки зрения общей теории систем речь здесь идет, по сути дела, о положительных обратных связях, подробнее о которых будет сказано далее. Действие этих связей может приводить к явлениям, непосредственно воспринимаемым как «бумы», «крахи» и «обвалы» (см., например: Sornette 2003). Об эволюции монетарных теорий см.: Столбов 2009.

Окончательно сформировалась и теория перенакопления, у истоков одного из направлений которой находились идеи М. И. Туган-Барановского. Г. Хаберлер (Haberler 1958; Хаберлер 2008) делит представителей этих взглядов на сторонников монетарной и немонетарной теорий перенакопления. К первой группе относятся экономисты, которые считают, что денежные факторы, особенно при расширении кредита, вызывают сильные диспропорции между секторами экономики, производящими предметы потребления и средства производства (точнее, между секторами всей производственной цепочки). Представители этого направления внесли особо ценный вклад в плане анализа диспропорций в структуре производства, которые вызываются расширением кредита на стадии процветания и бума, а также в трактовку кризиса как результата этих диспропорций. К представителям этого направления относятся Хайек (см., например: Хайек 2008), Махлуп, Роббинс, Рёнке, Штригль. Многие представители этого направления принадлежат к так называемой австрийской школе, ведущей свое начало с работ Л. фон Мизеса (Mises 1981 [1912]; Мизес 2005). Она видит важнейшую причину кризисов во вмешательстве государства в экономические процессы, в частности в искусственном расширении кредита, при этом особое внимание уделяется роли центральных банков в генерировании кризисов (см., например: Уэрта де Сото 2008; а также сборник *Экономический цикл: анализ австрийской школы* [Куряев 2005]; в том числе следующие статьи: Скоузен 2005; Ротбард 2005; Шостак 2005)⁹. Таким образом, искажение структуры производства, по мнению многих из перечисленных авторов, вызывается не ошибочными действиями предпринимателей, а вмешательством правительств, которым хочется ускорить экономический рост, избежать кризисов и т. д., но в результате именно их действия и вызывают кризисные явления.

Другое – немонетарное – направление теории перенакопления представлено авторами, чьи теории строятся на основе учета неденежных факторов: изобретений, открытий, создания новых рынков и т. п., – то есть факторов, обеспечивающих благоприятные условия для новых вложений. Представителями этого направления являются Кассель, Хансен, Шпитгоф, Висселль. К этому направлению в значительной мере примыкают работы Пигу и Шумпетера.

Стоит упомянуть также и психологические теории¹⁰. Хотя каждое экономическое явление имеет свой психологический аспект, некоторые теории (не без определенного основания) в трактовке различных фаз цикла придают первостепенное значение «психологической реакции», которая может существенно усилить диспропорции, ускорить или задержать наступление новой фазы, способствовать или препятствовать росту деловой активности и т. п. К представителям психологической теории, которые приписывают психологическим факторам (таким, как оптимизм, пессимизм, эйфория, паника) в определенных аспектах способность к достаточно независимому воздействию, можно отнести таких известных экономистов, как, например, Дж. Кейнс (1978), Ф. Лавингтон (Lavington 1922), А. Пигу (Pigou 1967), Ф. Тауссиг (Tausig 1925), Р. Лукас (Lucas 1990). Определенное значение в своих теоретических системах психологическим элементам придавали У. Митчелл, Д. Робертсон, В. Рёнке и А. Шпитгоф (в отношении современных психологических аспектов экономических циклов и кризисов см. также: Сорос 1996; Ольсевич 2009; Юсим 2009; Федотова и др. 2009; Гринин 2009d). Подробнее вопрос о

⁹ В качестве особого направления можно выделить еще группу экономистов, которые разрабатывали так называемый «принцип акселерации», согласно которому изменения в производстве товаров потребления вызывают по технологическим причинам гораздо более резкие колебания в секторе, производящем средства производства, так как вложения в основной капитал требуют гораздо больше времени и затрат. Это вызывает общее увеличение спроса, которое в конечном счете оказывается большим, чем требуется для оптимального развития, что создает условия для возникновения кризиса (см., например: Хаберлер 2008; Хансен 1959: 442).

¹⁰ Важный шаг в развитии экономической психологии был сделан еще в XIX в. маржиналистским направлением, представленным так называемой австрийской (К. Менгер, Ф. Визер, Э. Бем-Баверк) и математической (У. Джевонс, Л. Вальрас) школами, которые сыграли большую роль в развитии западной политической экономики (подробнее анализ психологического направления см.: Гринин 2009d).

психологических факторов экономических кризисов рассмотрен нами в Главе 3 Раздела 3.

Таким образом, представления о причинах кризисов очень разнообразны, поэтому их трудно охватить с помощью одной классификации. Другая возможная классификация делит кризисы на эндогенные и экзогенные (см., например: Morgan 1991), что тесно связано с нижеизложенными подходами к природе состояния равновесия в экономике. Мы исходим из того, что хотя цикличность имеет внутреннюю (эндогенную) природу, так как связана с возникновением структурных диспропорций, но в то же время момент наступления кризиса и его глубина существенно зависят от внешних (экзогенных) влияний¹¹. Дело в том, что экономику одной страны нельзя рассматривать изолированно, поскольку экономическое поле всегда намного шире одной замкнутой экономики, оно выступает как часть мир-системного экономического поля, вот почему в реальности внешние влияния должны обязательно наблюдаться (подробнее об этом см.: Гринин, Коротаев 2010а). Следует учитывать и такой важный аспект: если кризис в той или иной стране носит прежде всего эндогенный характер, то его ход и характеристики могут иметь существенные особенности по сравнению с протеканием кризиса в странах, где он вызван экзогенными причинами. В частности, в современных условиях многие страны, например Китай или Индия, далеко еще не исчерпали ресурс развития, и трудности в экономике в 2008–2009 гг. произошли у них под влиянием изменения внешних условий¹². А поскольку в каждой стране внешние условия складываются в неповторимую комбинацию, то и протекание кризиса будет иметь важные особенности в каждом случае. В то же время в США кризис в большей мере носил эндогенный характер, поскольку ресурс развития экономики США оказался исчерпанным в большей мере, чем во многих развивающихся странах. Такая ситуация вообще во многом (хотя, конечно, далеко не всегда) свойственна протеканию кризисов в центре и на периферии Мир-Системы. В центре кризисы чаще носят более эндогенный характер, тогда как на ее периферии – более экзогенный, вызванный влиянием и колебаниями в экономике центра Мир-Системы¹³. Таким образом, любой кризис всегда имеет и эндогенные, и экзогенные причины, но их комбинация в каждом обществе и в каждый период весьма различна, что придает каждой ситуации неповторимость.

Н. Д. Кондратьев (2002: 11–14) условно делил все подходы, во-первых, на такие, которые рассматривают экономические явления как статические, полагая ситуацию статического равновесия в экономике как основную, а отклонения от такого равновесия – как нарушение. К подобным Н. Д. Кондратьев относил взгляды У. Джевонса, Л. Вальраса, В. Парето, Дж. Кларка, А. Маршалла, К. Викселля и др. Во-вторых, по Н. Д. Кондратьеву, в русле экономической динамики ведут свои исследования другие экономисты, которые полагают, что момент равновесия является не главным или даже случайным, а эко-

¹¹ «Как мы знаем, цикл есть результат сочетания случайных возмущений с экономической системой, кумулятивно передающей их действия... Нельзя игнорировать случайные силы, ссылаясь на то, что не существует отчетливо различного соотношения между их последовательностью и периодизацией самого экономического цикла» (Clark 1934).

¹² По вопросу, имел ли место кризис в Китае и Индии, единого мнения нет (о начальных этапах экономических изменений в Китае в связи с мировым кризисом см., например: Карлусов 2009; см. также: Ершов 2009: 16). В целом проблемы в их экономике выразились в некотором относительном замедлении темпов роста, а не в абсолютном падении производства.

¹³ Это отнюдь не исключает собственных экзогенных кризисов в странах периферии или полупериферии Мир-Системы (самые близкие нам примеры – это азиатский кризис 1997 г. или российский дефолт 1998 г.). Таким образом, слабые экономики на периферии испытывают двойную нагрузку – как от собственных внутренних диспропорций, так и из-за исчерпания спроса в центре Мир-Системы, и, наоборот, быстро развивающиеся экономики периферии с большим резервом внутреннего спроса реже испытывают эндогенные кризисы и легче переносят экзогенные, повышая за счет снижения экспорта и роста кредитования насыщение внутреннего рынка.

номическое развитие проходит целый ряд закономерных фаз развития. К таким исследователям с теми или иными оговорками Н. Д. Кондратьев относил К. Маркса, К. Жюгляра, М. И. Туган-Барановского, А. Шпитгофа, Л. Поле, Ж. Лескюра, А. Афталиона, У. Митчелла. Но он указывает, что эти исследователи разрабатывали все же отдельные проблемы экономической динамики, и разработка их стоит как бы особняком от общего развития экономической теории. Тем не менее добавим, что именно эти исследователи внесли огромный вклад в разработку теории экономического цикла (о типологии разных подходов к проблеме циклов: абстрактной и эмпирической теории и методологии см.: Макашова 2002: 10–11).

В аспекте указанного деления стоит отметить, что, по мнению ряда экономистов, сущность «кейнсианской революции» состояла в том, что идеи Кейнса подрывали веру во внутренние восстановительные силы рыночного механизма («невидимую руку» Адама Смита [1935]), что в глазах большинства экономистов того времени означало подлинный конец доктрины *laissez-faire* (см., например: Блауг 1994: 607; см. также: Шапиро 2008). Споры между кейнсианцами и сторонниками классической теории (которая господствовала в экономической науке до теории Кейнса и сегодня еще имеет очень много сторонников) ведутся главным образом вокруг вопроса: имеет ли экономика саморегулирующиеся силы¹⁴? Классическая теория уделяет особое внимание долгосрочному экономическому росту, умаляя значение экономических циклов. Кейнсианцы полагают, что бескризисный рост экономики возможен лишь при наличии соответствующей кредитно-денежной и фискальной политики, выполняющей роль стабилизатора циклического развития. Иными словами, кейнсианцы считают, что рост экономики напрямую зависит от экономической политики *государства*, без которого такого роста может и не быть вовсе. Как образно отмечают П. Самуэльсон и В. Нордхаус (2009: 486–487), по мнению кейнсианцев, экономика предрасположена к продолжительным периодам повторяющейся безработицы, за которыми следуют спекуляция и рост инфляции. Если экономисту-классику экономика напоминает человека, ведущего здоровый образ жизни, то по мнению кейнсианца экономика – это маниакально-депрессивная личность, периодически впадающая то в безудержный разгул и беспричинное веселье, то в беспросветную тоску.

В период начиная с 1950-х гг., но особенно в 1970–1990-е гг., дискуссии вокруг проблем цикличности были связаны с выбором параметров, через которые экономисты предлагали влиять на нее, чтобы уменьшить негативные последствия неравномерности развития экономики. Распространение и развитие теории Кейнса способствовало утверждению идеи о внутренней предрасположенности экономики к спадам и бумагам (то есть к циклам), но, с другой стороны, популярность идеи о возможности влиять с помощью государственной политики на протекание циклов привела к тому, что экономическая мысль сосредоточилась главным образом на инструментах такого влияния, а проблемы природы и глубинных причин цикличности и ее изменения постепенно ушли на периферию экономической науки.

Наиболее известными из современных школ являются кейнсианская (точнее, уже некейнсианская) и монетаристская. Уже первые десятилетия после войны показали, что государственная политика влияния на экономические параметры (такие как совокупный спрос, совокупное предложение, учетные ставки и т. п.) имеет не только успехи; она, во-первых, далеко не всегда эффективна, во-вторых, не всегда исходит из долгосрочных экономических интересов, в-третьих, запаздывает из-за того, что необходимые решения и законы должны пройти долгую процедуру согласования и принятия, в-четвертых, имеет

¹⁴ Саморегулирующимися силами в классической экономической теории считаются силы, связанные с поведением экономических агентов: предпринимателей, рабочих, покупателей, продавцов и т. п., обусловленные эластичностью заработной платы и цен, которые способны поддерживать экономику в состоянии полной занятости (то есть отсутствия существенной безработицы нефрикционного характера).

значительные транзакционные издержки, что резко понижает реальное значение мультипликатора. Все это определило рост популярности монетаристской теории, которая исходит из того, что государство должно меньше прямо вмешиваться в экономику, что его вмешательство должно быть более тонким и сосредотачиваться главным образом на регулировании денежной массы и скорости обращения денег, объемов государственного долга и размера кредитных ставок¹⁵. Важный вклад этой школы в макроэкономическую теорию заключался в идее, что необходимо следовать неизменным правилам денежного обращения, а не полагаться на волюнтаристскую фискальную и кредитно-денежную политику.

Таким образом, главное различие во взглядах монетаристов и кейнсианцев состоит в подходах к определению совокупного спроса. Кейнсианцы считают, что на изменение совокупного спроса влияет множество факторов, а монетаристы полагают, что основной фактор, влияющий на изменение объема производства и цен, – это изменение предложения денег. Монетаристы исходят из того, что частный сектор стабилен, государственное вмешательство нередко только отбирает у него ресурсы; макроэкономические колебания возникают в основном из-за нарушения предложения денег. В целом расхождения возникают в плане того, какими инструментами влиять на цикличность, каковы должны быть роль и экономическая политика государства в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Еще более радикально в отношении прямого вмешательства государства в экономику настроена неоклассическая теория, которая выделилась из монетаристской. Один из ее постулатов исходит из так называемой теории рациональных ожиданий (Р. Лукаса и др.), суть которой состоит в том, что, поскольку люди используют всю доступную им информацию, они могут как бы просчитать предсказуемую государственную политику, использовать ее для своей выгоды, а государственная политика в результате окажется неэффективной. Грубо говоря, «никакие правительства не в силах перехитрить налогоплательщиков». Неоклассики также исходят из идеи гибкости цен и зарплаты (именно потому эту теорию называют неоклассической, что она, как и классическая докейнсианская, исходит из идеи саморегулирования экономики). Как и монетаристы, они полагают, что влияние государства должно быть сосредоточено главным образом на непрямом регулировании экономики через различные денежные инструменты.

Однако важно понимать, что в последние десять-пятнадцать лет происходит процесс определенного и существенного синтеза старых и новых экономических теорий (см. подробнее: Самуэльсон, Нордхаус 2009: 505–507)¹⁶. В частности, неокейнсианцы стали больше внимания уделять ожиданиям, как предлагает неоклассическая теория.

Общесистемная модель возникновения кризиса

Таким образом, в настоящее время имеется множество теорий среднесрочных экономических циклов. Однако, несмотря на это разнообразие, в целом можно согласиться с Г. Хаберлером (2008; Haberler 1958), что налицо множественность причин воспроизводства экономических циклов (и соответственно их кризисных фаз), а теории различаются во многом тем, какое значение придается одним и тем же факторам (особенно это относится к современным теориям). Поэтому реальные различия во мнениях часто преувеличивались и преувеличиваются. Но все же различия есть, и они достаточно существенны.

¹⁵ При этом представляется неслучайным, что переход доминирующих позиций в мировой экономической науке (и практике) от кейнсианцев к монетаристам пришелся на наблюдавшийся в начале 1970-х гг. переход от повышательной к понижательной фазе четвертой кондратьевской волны. А с другой стороны, такой переход позиций был обусловлен отказом от привязки к золотому стандарту, что привело к большим изменениям в поведении финансов, лишенных надежного якоря.

¹⁶ Фактический синтез кейнсианской и монетаристской теорий начался гораздо раньше.

Здесь уместно будет вспомнить, что говорил П. Сорокин по поводу столь же большого разнообразия во взглядах на факторы (движущие силы) истории. Его вывод вполне справедлив и для подходов к теориям о причинах цикличности экономического развития: «...Число теорий факторов чрезвычайно велико, и одного уж этого факта достаточно, чтобы заключить, что каждый из социологов односторонен и не вполне прав. Но вместе с тем теория каждого из них разработана и доказана автором настолько основательно, что едва ли есть возможность отрицать частичную правоту каждой теории» (Сорокин 1992а: 522).

Вот почему для понимания глубинных причин экономических кризисов очень полезно посмотреть на процесс более широко, попробовать найти более общую причину. Ее можно увидеть, если взглянуть с той точки зрения, что общие основания экономических кризисов связаны с особенностями индустриального товарного производства, которое по определению должно быть расширенным (об этом свойстве см., например: Kuznets 1966; Gellner 1983; Геллнер 1991; Abramovitz 1961; Полетаев, Савельева 1993; Гринин 2006а, 2007а, 2007б, 2007в, 2010а; Гринин, Коротаев 2010а; Grinin 2006, 2007а, 2007б)¹⁷. С одной стороны, сама устойчивость современного общества зависит от того, имеет или не имеет место экономический рост. С другой стороны, постоянный экономический рост означает – и вот эта сторона гораздо меньше принимается во внимание, – что общество должно постоянно изменяться (в качестве исключения можно указать: Перес 2011). Но технико-экономический прогресс и экономический рост обычно происходят быстрее трансформации остальных сфер, в том числе и сферы общественного сознания (см. подробнее: Гринин 2003, 2006а, 2007в, 2010а; Grinin 2007а, 2007б; Гринин, Коротаев 2009а, 2010а). И такое различие в скоростях изменений так или иначе приводит к деформациям, напряжениям и кризисам (Там же). Таким образом, именно в том «моторе», который встроен в современное общество, и лежит неизбежность кризисов. Можно сказать, что кризисы в этом смысле имманентны индустриальной экономике.

Такая ситуация стала складываться как системная с момента частичного завершения промышленного переворота, то есть с 1820-х гг. в Англии и несколько позже – в других странах. По образному выражению Э. Геллнера (1991), производительные силы стали испытывать страшную, непреодолимую жажду экономического роста.

Отметим, что это была во многом совершенно новая ситуация в истории, когда общество требовало постоянного роста экономики, но в то же время должно было постоянно подстраиваться под этот рост, перестраиваться, все время находиться в процессе изменения. **Иными словами, важно учитывать, что рост и расширение вовсе не являются автоматическими процессами, напротив, они должны поддерживаться постоянно, а без соответствующих усилий рост замедляется и прекращается.** Однако постоянное расширение не может идти само собой, так как сталкивается с преградами и явным или пассивным сопротивлением (объективной неготовностью, неспособностью, невозможностью и т. п.) различных институтов, слоев, ситуаций, для преодоления которых необходимы не только соответствующие общественные институты, но и очень значительные усилия членов общества (в том числе в виде готовности к изменениям)¹⁸. В Главе 3 мы еще вернемся к этим проблемам.

¹⁷ Такое производство включает в себя широкий спектр товаров: от сельскохозяйственных и промышленных до различных услуг, в том числе финансовых.

¹⁸ Если, например, в обществе имеется сильный слой коррумпированных чиновников, то возможности предпринимателей для расширения производства наталкиваются на преграду коррупции и нечестной конкуренции. Сказанное о важности усилий всего общества обеспечить возможности для роста производства важно и для понимания современных явлений в некоторых западных странах, где обнаружилось отсутствие ряда факторов, нужных для этого (в частности, никак не способствует росту потребность в полных гарантиях, которая гасит активность и энергию; то же самое можно сказать и о нежелании ничем жертвовать ради роста).

Таким образом, кризисы всегда являются результатом активного роста, поскольку этот рост неизбежно создает структурные напряжения не только в экономике, но и в обществе в целом (ведь институты общества «рассчитаны» на определенный объем и масштаб деятельности и процессов). Это доказывается уже тем, что чем более быстрым является экономический подъем, тем сильнее может быть и кризис (примером этому являются Великая депрессия, кризис 1873 г. или современный кризис). Если же рост был небольшим, то и кризис будет носить характер депрессии (стагнации, а не обвала) либо экономический цикл будет выражен вовсе неясно. По нашим оценкам, объем экономики (или по крайней мере промышленного производства) в некоторых экономических циклах мог увеличиваться в 1,5–2,5 раза за 7–10 лет, что, конечно, должно было сказываться на общих диспропорциях в собственно экономике и в обществе¹⁹. Сказанное также хорошо показывает отличие между экономическим кризисом и кризисом в обращении (при ряде их общих черт): первый всегда является кризисом, вызванным реальным ростом, и потому связан со структурными проблемами. Второй, как правило, не затрагивает общей структуры общества (иногда может носить чисто поверхностный характер), а если и затрагивает массы людей, то может происходить даже в условиях падения производства (примером чему могут служить обвалы финансовых пирамид в России и многих других «посткоммунистических» странах в 1990-е гг.).

Постоянное и ровное движение к увеличению и расширению экономики невозможно; раньше или позже создаются сильные диспропорции, поскольку либо старые институты оказываются неприспособленными к изменениям, либо изменение в одних элементах нарушает равновесие всей системы и ведет к стремлению различных ее частей вернуться к прежнему состоянию. Конечным результатом перемен становится тот или иной тип кризиса, среди которых экономический кризис является одним из наиболее важных.

Например, как указывалось выше, экономический рост на десятки процентов вряд ли пройдет для общественной структуры полностью безболезненно. Даже если имеются большие ресурсы, скажем, рабочей силы в деревне, чтобы обеспечить индустриализацию в городе, то быстрая урбанизация может создать очень острые проблемы, чреватые социальными взрывами и революцией (о связи урбанизации и кровавых политических потрясений см.: Гринин, Коротаев 2009а; Коротаев и др. 2010: Гл. 5).

Таким образом, мы пришли к выводу, что экономические кризисы, как правило, системное явление, нарушение пропорций системы из-за того, что один или несколько ее элементов вырвались далеко вперед (см.: Гринин, Коротаев 2010а; Гринин, Малков, Коротаев 2010а; Grinin, Korotayev, Malkov 2010). Это проявления ситуации, когда усилий общества не хватает для того, чтобы продолжать экономический рост, как может в определенный момент не хватить усилий наступающей армии для продолжения наступления. Причины, по которым военное наступление способно захлебнуться, могут быть самые разные, но в целом они всегда сводятся к тому, что недостаточно ресурсов и сил, неверно выбрано направление главного удара, недооценены трудности, переоценены собственные возможности и т. п. Точно так же и экономические кризисы происходят по разным причинам, но общие их причины лежат в том, что в рамках имеющейся экономики ресурсы оказываются исчерпанными, трудности – недооцененными, возможности – переоцененными. И так же, как армии необходимо перегруппироваться, подтянуть резервы и сменить командиров, обществу и экономике необходимо перестроиться, больше или меньше изменить свою структуру, найти новые ресурсы и силы, новых людей.

Например, стремление правительства Франции пересмотреть сегодня уже необоснованные льготы для различного рода служащих (в частности, работников железнодорожного транспорта) неоднократно наткнулось на отчаянное сопротивление.

¹⁹ Такие темпы роста демонстрировали, например, в отдельные периоды XIX в. Англия, США, в 1950–1960-е, в частности, Германия, Япония, в 1970–1980-е – Южная Корея, а в последние два десятилетия особенно Китай.

Итак, экономика движется от кризиса к кризису, от цикла к циклу потому, что расширенное производство не происходит автоматически, но требует больших усилий, стимуляции развития, а на этом пути встречаются постоянные препятствия. Для продолжения движения к более высокой отметке оказываются необходимыми спад, который приводит систему в новое равновесие, и затем определенная перестройка. Таким образом, идет как бы «рваное» движение, наступление – частичное отступление – новое, более глубокое наступление.

Определенное недопонимание того, что каждый данный экономический цикл не является повторением предыдущих циклов, а есть уже существенно новое состояние, только частично сходное с предыдущим, но во многом уже не похожее на него, наблюдается даже у самых проникательных исследователей кризисов. Например, М. И. Туган-Барановский (2008 [1913]: 326) приводит такое интересное сравнение: «Действие всего механизма можно сравнить с работой паровой машины. Роль пара в цилиндре играет накопление свободного денежного капитала; когда давление пара на поршень достигает известной предельной нормы, сопротивление поршня преодолевается, поршень движется, доходит до конца цилиндра, для пара открывается свободный выход, и поршень возвращается в прежнее место. Точно так же скопляющийся свободный денежный капитал, достигнув известных размеров, проникает в промышленность, движет ее, расходуется, и промышленность приходит опять в прежнее состояние. Естественно, что при таких условиях кризисы должны повторяться периодически. Капиталистическая промышленность должна *постоянно проходить один и тот же круг развития*» (выделено нами. – Авт.). Однако движение поршня в цилиндре символизирует самое простое повторение без качественных изменений, в то время как в промышленной экономике налицо не простое, а расширенное воспроизводство. Цикл, как мы его понимаем, – это вовсе не простое повторение, а повторение фактически только некоторых общих элементов развития, которое сочетается со структурным изменением, расширением и/или усложнением. Так, после каждого среднесрочного цикла расширялись объемы задействованных в мировых экономических отношениях территорий, сложность взаимосвязей в рамках Мир-Системы, менялась ее структура: расширялся или сдвигался ее центр, периферия становилась полупериферией, хинтерланд – периферией и т. п. (систематический анализ такого изменения от цикла к циклу см.: Гринин, Коротаев 2010а). То же самое происходило в отдельных обществах, где после каждого цикла следовали реформы, революции, объединения и т. п.²⁰

С учетом того, что само капиталистическое крупное машинное производство могло иметь место только в уже достаточно развитой Мир-Системе, кризисы надо рассматривать как явления, протекающие в рамках намного более широких, чем отдельное общество. Отсюда не стоит внешние факторы, влияющие на функционирование экономической системы общества, воспринимать как нечто чуждое «сущностной» модели кризиса (как это делал, например, Й. Шумпетер [1982]). Напротив, нарушение или добавление неких отрицательных/положительных внешних моментов существенно влияет на ход кризиса и, можно сказать, часто даже «требуется» для того, чтобы он протекал в ярко выраженных, «классических» формах. К тому же способность экономики к динамичному развитию в отдельных странах со временем ослабляется, равно как и способность к инновациям, поэтому время от времени происходит смена центра Мир-Системы и ведущих конкурирующих с ним центров. Динамизм уходит из экономики этих стран (как это произошло в свое время в Англии, Германии, Японии и, похоже, происходит сегодня в США).

Рассмотрим теперь, как может быть представлена общесистемная модель возникновения кризиса исходя из вышесказанного (см. Рис. 1.2.1). Итак, после фазы депрессии наконец

²⁰ Это одна из причин, почему даже при знании закономерностей циклического движения экономики столь сложно правильно реагировать на кризисные явления. По подобному поводу Гегель замечал: «В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния» (Гегель 1934: 7–8).

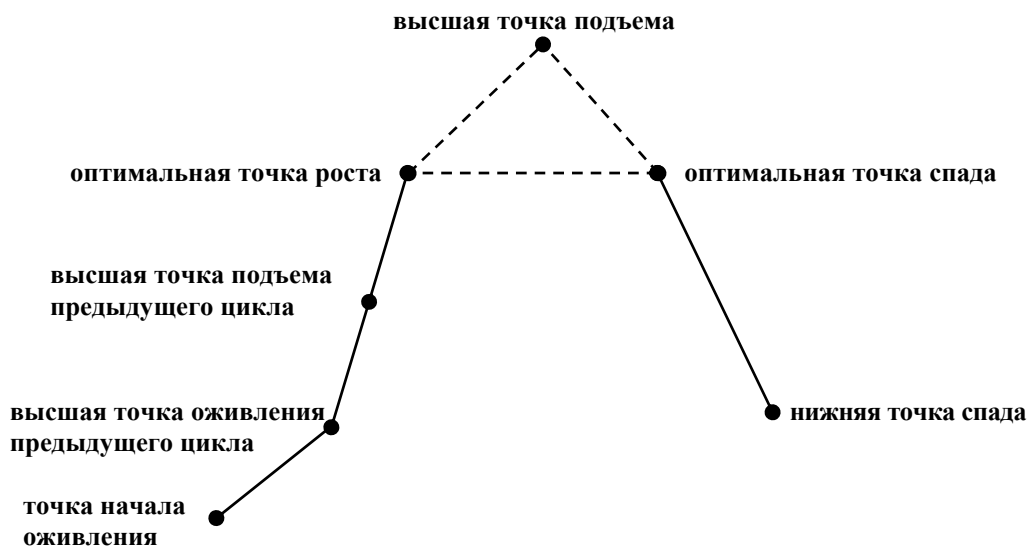
наступает фаза оживления (описание и последовательность фаз цикла см. ниже). Предположим, что в норме развитие в фазе оживления не должно идти дальше той точки, которая оказалась высшей в этой же фазе предыдущего цикла. Соответственно уже в фазе подъема, когда экономика получила дополнительные импульсы к развитию, рост может и даже должен превысить высшую точку развития предыдущего цикла. Но как далеко способна развиваться экономика? В принципе подъем должен идти до условной точки **оптимального для данной системы роста**. Эта точка а) находится выше, чем наивысшая точка развития предыдущего цикла, так как за счет инноваций и антикризисных мер уровень экономики поднялся; б) ее достижение не грозит системным кризисом и крахом.

Однако обычно развитие не идет по оптимальной траектории. Как правило, подъем продолжается и выходит за пределы оптимальной величины. Это происходит уже из-за того, что производственный цикл растянут во времени, существуют значительные временные лаги, связанные со сроками введения новых мощностей, получения отдачи от инноваций, временем, в течение которого кредит работает на повышение; нужно время, пока негативные тенденции (порой не известные ранее) проявят себя, пока они осознаются участниками рынка и т. п. В результате даже если бы предприниматели и стремились к такого рода оптимизации роста (а они стремятся как раз к максимизации этого роста), все равно происходило бы «проскакивание» оптимальной (то есть бескризисной) точки развития. И чем активнее идет рост, чем шире кредитование, чем энергичнее действуют участники повышательного тренда, тем глубже может оказаться такое «проскакивание».

Таким образом, кризис и спад оказываются неизбежными по причине того, что развитие в фазе подъема проскакивает **точку оптимального роста**. А эту точку нужно рассматривать также и как временный аттрактор, к которому при обычных обстоятельствах стремится вернуться экономика. При этом чем дальше удастся проскочить этот аттрактор, тем болезненнее потом спад. В свою очередь по закону маятника **понижающее движение теперь не просто достигает этого аттрактора, но проскакивает его вниз** (см. Рис. 1.2.1). Окончательно система придет в равновесие теперь только после того, как завершится фаза депрессии и начнется фаза оживления.

Из Рис. 1.2.1 видно, что: а) оптимальные точки как подъема, так и спада лежат примерно на одной линии; б) точка нижнего спада обычно все же располагается выше, чем точка начала подъема; это показывает, что за счет такого рода колебаний в целом происходит поступательное движение экономики.

Рис. 1.2.1. Схема возникновения кризиса в цикле экономического развития

О некоторых важных особенностях циклических экономических кризисов

Как мы видим, все кризисы своеобразны, но в то же время в них имеются и значительные общие черты. Эти черты цикличности мы более подробно анализируем ниже. В то же время на некоторые важные характеристики экономических циклов, которые заканчиваются кризисами, многие исследователи в своих теоретических конструкциях обращают недостаточно (или вовсе не обращают) внимания, что, по нашему мнению, не всегда дает возможность для адекватного понимания ситуации. Поэтому нам представляется важным указать на следующие моменты.

Экономические кризисы и финансовый сектор

Кризисы наиболее часто и наиболее резко (остро, быстро, с паникой) происходят в финансово-кредитном (включая биржу) секторе. И это вовсе не случайно. Экономика состоит из множества отраслей и сфер, в каждой из которых дела могут пойти по-разному. Но общий подъем и общие затруднения (или, по крайней мере, сложности, затрагивающие целый ряд отраслей) обязательно проявляются во всеобщем эквиваленте, которым являются деньги, ценные бумаги, золото и т. п., а равно и в общем индексе цен. Поэтому как увеличение спроса на ресурсы в большей части экономики, так и спад спроса на них выражаются в напряжении финансового рынка, росте цен, либо наоборот – в падении курсов, индексов, цен. Это находит свое зримое выражение в ситуации всеобщей эйфории на биржах, кредитном рынке и т. п. или, напротив, в панике и бегстве от бумажных ценностей. Поэтому весьма типичной и впечатляющей по выразительности является лаконическая схема С. Дж. Лойда (лорда Оверстона), представителя так называемой денежной школы в политэкономии: «спокойствие, улучшение, возрастание доверия, благополучие, возбуждение, спекуляция, потрясение, паника, застой, угнетение и опять спокойствие» (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]: 298; см. также: Хансен 1959). У. Джевонс отмечал, что развитие экономического цикла связано со сменой настроений оптимизма, ажиотажа, уныния, разочарования и паники (Энгов 1979: 405; см. также: Хансен 1959)²¹.

Таким образом, практически любые циклические кризисы связаны с расстройством (падением или даже обвалом) денежного (золотовалютного) обращения, биржевых курсов акций и других ценных бумаг (облигаций, векселей и т. п.), с различного рода спекуляциями (в том числе акциями, сырьем, земельной и жилищной недвижимостью, участками, богатыми полезными ископаемыми и т. п.)²².

Поэтому чисто экономических (в смысле – чисто промышленных) кризисов практически не бывает и, возможно, даже не может быть. Экономические кризисы всегда связаны с кризисами в области обращения во многих, а нередко и во всех ее сферах: банковско-кредитной, золотовалютной, биржевой, внешнеторговой, оптовой и розничной торговле, в области движения капиталов, эмиссии ценных бумаг, в сфере спекуляций различными ценностями, включая недвижимость. В некоторых случаях именно эти сферы являются ведущими в плане основного вектора кризиса, в других – ими являются процессы, протекающие в легкой или тяжелой промышленности, строительстве и транспорте (в которых создаются чрезмерные запасы, возникают слишком большие объемы произ-

²¹ Английский экономист XIX в. Дж. Миллс, например, считал, что объяснение кризисов следует искать в душевных особенностях человека, так как кредит, колебания которого составляют самую характерную черту кризисов, есть явление духовного порядка (Mills 1868).

²² Это дает основания некоторым аналитикам говорить, что все финансовые кризисы, начиная со знаменитой «тюльпановой лихорадки» XVII в. в Голландии, развиваются по одной схеме (см., например: Minsky 1983, 1985, 1986, 2005). При существенной верности этого вывода (в том числе в психологическом плане) он все же является значительным упрощением, поскольку каждый финансовый, тем более экономический, кризис имеет многофакторный характер (см.: Хаберлер 2008; Гринин, Коротаев 2010a), в каждом налицо особое сочетание причин плюс собственные важные особенности, что всегда делает его непохожим на другие (см. также: Хансен 1959).

водства, долгосрочных инвестиций, чрезмерные долги по кредитам и т. п.). Баланс такой «ответственности» за кризис в каждом случае (и в каждой стране в период даже одного мирового кризиса) может быть весьма различным. Кризисы в области обращения, связанные с расстройством в области финансов, фондов, бирж, торговых операций, могут предшествовать промышленным (экономическим), проходить одновременно с ними или случаться позже. Кризисы обращения в этом случае обычно угнетающе действуют на всю экономику. Таким образом, спад в разных секторах экономики и кризис обращения выступают как взаимосвязанные проявления фаз рецессии и депрессии в экономическом цикле.

Однако нередко кризисы *нециклического типа*, случающиеся в сфере банков, обмена валют, бирж, отдельных областей торговли, спекуляций и прочих институтов, которые не затрагивают народное хозяйство и экономику в целом в такой мере, как циклические. Нециклические кризисы обращения имеют сравнительно узкий или специальный характер. Иными словами, такие кризисы могут быть сильными и острыми, но не являться частью циклических экономических кризисов (такой кризис может вообще не повлиять на ход цикла, например не прервать фазу подъема).

Теснейшая связь между обращением и промышленностью становится еще более понятной, если учесть важность для развития промышленности объемов товарных запасов, стоимости транспортных перевозок товаров, колебаний спроса на промышленные товары со стороны торговли, цены аренды и прочих услуг, а все это невообразимо сложно переплетено с кредитными, валютными и прочими сферами. И стоит произойти сбоем или резкому перепаду в какой-либо части этого сложного механизма, как он начинает работать совсем не так, как ожидается его участниками. Например, если спекулянты – в надежде, что цены на сырье, топливо или иные ресурсы, необходимые в промышленности, начнут повышаться – станут скупать эти ресурсы, чтобы усилить их дефицит и искусственно вздуть на них цены, а цены вопреки ожиданиям прекратят рост, то это может привести к негативным последствиям. Сначала к чрезмерному предложению данных ресурсов (деньги-то необходимо вернуть), падению цен на них, разорению части спекулянтов и поддерживающих их банков, а затем к обвалу экономики в целом, при котором пострадают уже много других участников экономического процесса, в том числе промышленники, биржевики, торговцы, банки, выдавшие им всем кредит, вкладчики и т. п. Другими сферами, где особенно тесно переплетаются промышленные и финансовые интересы, являются: учредительство новых фирм и акционерных обществ (куда вкладывается капитал большого числа финансовых учреждений и частных лиц)²³, строительство жилой недвижимости, продажа земельных участков и т. п.

Внешний фактор

Почти каждый экономический цикл и циклический кризис имеют, условно говоря, некое внешнее расширение, то есть они никогда не замыкаются только в рамках одной страны, а всегда опираются как на важный элемент на внешнеэкономические связи; а экономики целого ряда стран вообще не могут развиваться без внешнеэкономической направленности. Иначе говоря, мы полагаем, что без внешнеэкономической составляющей многие кризисы просто не случаются (даже если они и имеют в первую очередь внутренние причины и основы). С другой стороны, без нее часто не может быть и фазы подъема, так как развиваться экономике в замкнутой национальными рамками среде оказывается некуда. Фактически в эволюцию цикла всегда вовлечена внешняя торговля, на которую ориентируется большая часть экономики, динамика цикла (подъем и затем спад) связана с экспортом/импортом капиталов, с конкуренцией с другими странами за рынки; а кри-

²³ Туган-Барановский говорил (2008 [1913]: 317): «Всякому кризису обязательно предшествует грюндерство – устройство огромного числа новых предприятий. Но ведь грюндерство есть не что иное, как создание нового основного капитала страны».

зисные явления усиливаются в результате нарушения золотовалютного, внешнеторгового баланса либо с колебаниями объемов импорта важных ресурсов и т. п. Так, английская хлопчатобумажная промышленность, будучи, конечно, чисто английским внутренним явлением, возникла и развертывалась как промышленность, работающая на мировой рынок, поставляя за рубеж от 2/3 до 4/5 всех производимых тканей (см., например: Мендельсон 1959, т. 1: 143–144; Трахтенберг 1963: 114). Вот почему расширение или сужение внешних рынков не могло не сказываться самым чувствительным образом на состоянии промышленности в Англии. С другой стороны, она зависела от импорта хлопка, так что сбои в его поставках вызвали кризисные явления. «О неблагополучии в собственном доме фабриканты Ланкашира узнавали из сообщений о расстройстве торговли, падении цен и банкротствах в странах, отделенных от Англии сотнями и тысячами километров, морями и океанами» (Мендельсон 1959, т. 1: 143–144).

На протяжении трех четвертей века главной отраслью Англии была обработка хлопка, и до середины XIX в. английские кризисы были прежде всего кризисами хлопчатобумажной промышленности. Но и когда ведущей отраслью английской экономики стала тяжелая индустрия, зависимость от экспорта не уменьшилась, поскольку Англия вывозила за границу большую долю продукции своей тяжелой индустрии. Так, в 1850 г. Англия экспортировала в виде готовых изделий и полуфабрикатов почти 45 % всего выплавленного в стране чугуна (Там же). Одновременно с этим рос экспорт капитала из Англии (в меньшей степени из других стран), что, кстати говоря, сильно трансформировало протекание ее собственного внутреннего цикла (на этот аспект экономической жизни Англии особое внимание обратил М. И. Туган-Барановский [2008/1913]).

Ограниченность направлений сверхвыгодного приложения капитала

В экономике в период ее вялого или медленного развития накапливается большое количество капиталов, владельцы которых получают на них скромный процент. Естественно, что значительная их часть обычно желает существенно увеличить доходность своего капитала. Такое желание, однако, сталкивается с ситуацией недостатка **выгодных объектов для приложения капитала**. Хронический дефицит предложения объектов выгодно приложения капитала создает потребность в его вывозе.

Однако о таком дефиците правомерно говорить и в период достаточно быстрого подъема. Хотя в целом в этот период капитала уже может не хватать, однако – поскольку он стремится к наибольшим прибылям – объектов, где можно получить наибольшие прибыли, всегда не хватает. А потому за них разгорается яростная борьба, которая проявляется прежде всего в росте стоимости этих объектов (а нередко – в использовании различных неэкономических или незаконных способов, в том числе близости к государственным органам, подкупа и т. п.). Ограниченность объектов сверхвыгодного приложения капитала является одной из главных причин «надувания» финансовых «пузырей».

Мы имеем в виду прежде всего такие ресурсы или объекты, которые по своей природе ограничены (редки, дефицитны) либо их предложение очень неэластично в отношении спроса. Таковы объекты недвижимой собственности в определенных районах стран и городов; наиболее выгодные государственные или иные крупные контракты; районы с богатыми полезными ископаемыми, на добычу в которых надо получить лицензию; некоторые строительные площадки; некоторые виды акций и ценных бумаг; некоторые услуги крупнейших монополий и многое другое. К таким ресурсам в период быстрого роста цен относятся также сырье и продовольствие, помещения²⁴, увеличить предложение которых быстро невозможно; а также некоторые виды сложных машин и оборудования, которые невозможно быстро произвести. Фактически чем активнее идет подъем, тем

²⁴ С этим связаны, в частности, особенности протекания так называемых строительных циклов, или циклов Кузнеца (см., например: Хансен 1959).

сильнее сказывается указанная дефицитность выгодного приложения капитала. Это может выражаться в трудности найма рабочей силы и квалифицированных специалистов, в необходимости долго ждать выполнения заказов и т. п. При этом такой дефицит усиливается за счет того, что рынок капиталов, ищущих приложения, расширяется путем расширения кредита и акционирования (Гринин, Коротаев 2010а).

Высокий и неудовлетворенный спрос на выгодное вложение капитала время от времени рождает новые предложения. Такие предложения могут быть реализованы в виде выгодных займов, открытия новых промышленных или транспортных технологий, куда устремляется капитал, но может появиться предложение в виде создания или совершенствования **новых финансовых, торговых и т. п. технологий**. Возникновение же кластера революционных технологий, как было показано в Главе 1, многие исследователи рассматривают как важнейшую причину начала новой К-волны. Однако развитие технологий продолжается постоянно. И, по нашему мнению, почти каждый кризис предваряется важными изменениями в этих технологиях, связан с их мощным расширением или появлением совершенно новых технологий (в смысле как формы аккумуляции средств, так и удобства пользования ими, инвестирования, юридической формы, перемещения финансов и т. п.). Это крайне важный момент, но по какой-то причине на его регулярность практически не обращается внимания (на некоторые аспекты указала К. Перес [2011]). В одной из своих работ мы попытались показать, какие изменения в финансовых технологиях появлялись в каждом новом цикле (Гринин, Коротаев 2010а). Это тем более важно, что и современный кризис тесно связан с новыми финансовыми технологиями (см.: Там же; см. также: Гринин 2009а, 2009б, 2009в, 2009г; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010а; Кудрин 2009; Суэтин 2009б; Григорьев, Салихов 2008; Фельдман 2009; Головин 2009).

Стоит также указать, что многие финансовые инновации прямо связаны с техническими (о такой тесной связи см.: Gille 1976; Перес 2011). Например, широкое введение в практику телеграфа и телефона коренным образом изменило работу бирж, резко повысило их значение, скорость работы, объемы вовлеченных в них лиц и т. п. Однако на указанную взаимосвязь финансовых и технических инноваций обращают недостаточно внимания (см., например: Доронин 2003: 103; Хелд и др. 2004: 225; Held *et al.* 1999: 192)²⁵.

Изменения в обществе в связи со случившимся кризисом

Как следует из вышесказанного, для того чтобы после спада и депрессии начался новый циклический подъем, необходимы значительные изменения в обществе, причем не только в экономике, но и в социальных, правовых, политических и иных отношениях. Иногда такие изменения происходят стихийно (это может быть связано с демографическими процессами, например миграцией в города, с социальными процессами – превращением крестьян или ремесленников в наемных рабочих и т. п., с созданием новых видов промышленности и пр.). Рост экономики всегда означает, что какие-то слои богатеют, а какие-то – беднеют (обычно относительно, но иногда и абсолютно). К последним, беднеющим, могут относиться и бывшие высшие (аристократические) классы, что создает конфликт элит. Но такие изменения раньше или позже вызовут изменения и в правовых, политических, идеологических сферах. Если же изменения будут затягиваться, могут вспыхнуть революции и волнения (недавние события в арабских странах еще раз подтвердили это). С другой стороны, после кризисных явлений государство обычно стремится внести какие-то изменения в законодательство, чтобы застраховаться от их повторе-

²⁵ Впрочем, нелишним будет заметить, что важную роль играет также развитие технологий потребления (см., например: Ланкастер 1993) и маркетинга.

ния. Такие изменения не всегда могут быть удачными, только путем проб и ошибок находят правильные решения. Но, так или иначе, без существенных изменений в обществе (в том числе структурных) новый экономический цикл может оказаться слабым. Это также частично объясняет, почему время от времени экономическая цикличность и кризисы в старых индустриальных обществах проявляются слабее, но одновременно усиливаются в других обществах (это происходит особенно в том случае, если центр экономических процессов в мире, в Мир-Системе смещается; как, например, он сместился от Англии к США в первые десятилетия XX в.).

Определение кризиса

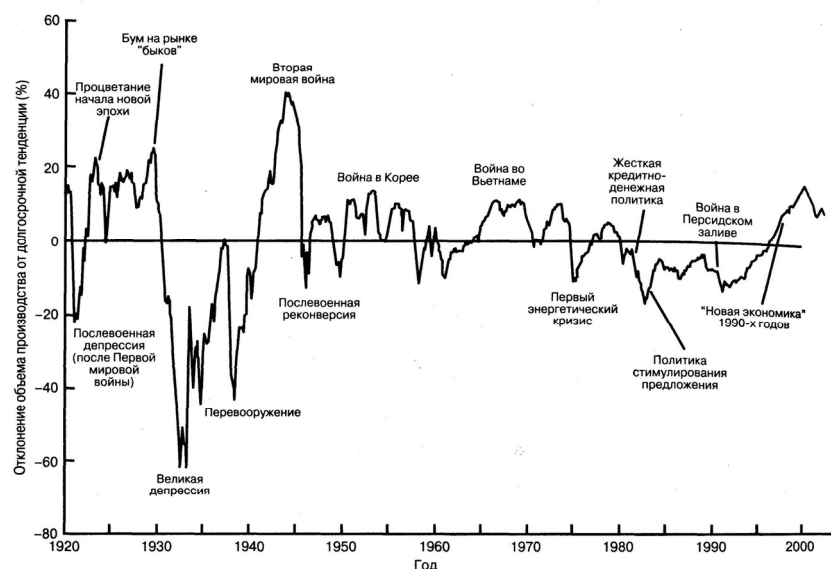
Поскольку понятие *экономического (циклического) кризиса* не имеет общепринятого толкования в экономической науке, подчеркнем, что *экономическим (циклическим) кризисом мы в рамках настоящего исследования называем весь период, связанный с переломом тенденции экономики от повышательного тренда к понижательному, включая период спада в экономике, то есть всю фазу рецессии, а также часть фазы депрессии, иногда еще более тяжелой по последствиям, чем собственно спад*. Таким образом, *циклический кризис мы рассматриваем как большую часть экономического цикла, когда потенции к росту временно оказываются исчерпанными и принудительно восстанавливаются пропорции, более соответствующие наличным возможностям общества; как часть цикла, в течение которой структурные противоречия и несоответствия общества сначала становятся на время непреодолимыми, а затем частично разрешаются, открывая возможности для начала нового цикла*.

Таким образом, момент (подфаза) острого кризиса (см. ниже) представляет собой только часть (хотя и, возможно, самую драматическую) всего периода циклического кризиса.

Следует учитывать, что в реальной экономике действуют различные тенденции и наблюдаются циклы различной длительности. В ходе экономического цикла также нередко происходят различные модификации, возникают отдельные промежуточные кризисы или слабые рецессии; также сроки циклов в разных странах могут не совпадать; одновременно с экономическими могут действовать аграрные или иные кризисы и т. п. Вот почему границы среднесрочных циклов не всегда легко указать. В частности, первые кризисы XIX в. были гораздо более четко выражены в Англии как наиболее развитой индустриальной державе, чем в остальных странах, которые шли в фарватере Британии. Но зато в конце XIX – начале XX в. уже в Англии цикличность и особенно циклические кризисы стали выражаться не столь ясно, как в Германии или США (см., например: Туган-Барановский 2008 [1913]).

К вопросу о длительности среднесрочного цикла

Каждый цикл и похож, и очень не похож на другие и в этом плане является уникальным, как войны, революции и другие исторические события. Это хорошо видно на графике (Рис. 1.2.2), который отражает реальные изменения деловой конъюнктуры в США с 1919 г. На этом же рисунке можно ясно увидеть сложности в определении длительности цикла. Хотя длительность среднесрочного жюгляровского цикла достаточно часто определяется в интервале 7–11 лет, однако бывают циклы короче и длиннее. Циклы меняют свою длительность и с течением времени. В частности, в XIX – начале XX в. наблюдалось сокращение J-циклов в результате ускорения индустриального развития, расширения Мир-Системы и уплотнения контактов внутри нее. Если первые J-циклы 1825–1836 гг., 1836–1847 гг. имели длительность около 11 лет, то в начале XX в. их длительность сократилась до 7–9 лет. Послевоенные циклы в США нередко были короче 7 лет.

Рис. 1.2.2. Динамика деловой активности в США с 1919 г.

Источник: Самуэльсон, Нордхаус 2009: 130.

Неудивительно, что по вопросу о длительности бизнес-циклов нет полного единства. В этой связи важно пояснить, что это далеко не всегда связано с концептуальными расхождениями, а очень часто обуславливается научной традицией, разной в американской и европейской литературе. Американские экономисты (см., например: Хансен 1959) использовали понятие бизнес-циклов как для малых (Китчина) циклов, связанных с колебаниями товарно-материальных запасов (2–4 года), так и для жюгляровских (связанных с колебаниями в инвестициях), которые они называли большими, тогда как сегодня мы используем понятие больших циклов в основном для К-волн. Этот момент различия традиций хорошо объяснен Э. Хансеном. Он, в частности, пишет: «Термин “экономический цикл” употребляется обычно особенно в Соединенных Штатах, не только в отношении того, что именуется *большим* циклом, но также в отношении *малого* цикла²⁶. И термин “депрессия” часто применяется как для обозначения малых рецессий, так и для обозначения больших депрессий. В Европе же, когда говорят об “экономическом цикле”, обычно имеют в виду то, что мы называем большим циклом» (Там же: 71).

При этом Хансен показывает, что с 1865 по 1938 г., то есть за 73 года, в США сменилось в общей сложности 18 циклов – 7 больших (то есть жюгляровских среднесрочных) и 11 малых (см. Рис. 1.2.2; см. также: Burns, Mitchell 1946). Ниже мы приводим из (Хансен 1959) несколько графиков отдельных циклов, на которых хорошо видно, что налицо, действительно, определенная система коротких и среднесрочных циклов. «Продолжительность больших (то есть среднесрочных жюгляровских. – *Авт.*) циклов, от исходных до конечных низин, колеблется между минимумом в 6 лет и максимумом в 13 лет²⁷. Если мы наряду с большими циклами включим в подсчет также все малые вершины и депрессии, то 18 циклов, имевших место с 1865 по 1938 г., подсчитанные таким образом, образуют

²⁶ Говоря о разногласии в названии циклов, стоит также обратить внимание, что в Главе 1 мы приводили цитату из Кондратьева, где он называл большим циклом цикл длительностью 50–60 лет, то есть то, что сегодня называют кондратьевским длинным циклом, или кондратьевской длинной волной. – *Авт.*

²⁷ Стоит отметить, что в конце XIX – начале XX в. в США циклы Жюгяра были длиннее европейских по той причине, что, с одной стороны, они следовали за европейскими циклами и потому реагировали на кризисы и спады в Европе очень чутко, а с другой – имея более мощные резервы, американская экономика могла преодолевать эти заминки и удлинять цикл (см. об этом: Гринин, Коротаев 2009a).

по своей продолжительности (от низины до низины) ряд с минимумом в 2 года и максимумом в 9 лет. Средняя продолжительность составляет 3 года; 13 циклов из 18 находятся в пределах ряда, охватывающего период от трех до пяти лет» (Хансен 1959: 73). Но в рамках данного исследования мы будем в среднем определять длительность среднесрочного цикла Жюгляра (бизнес-цикла) в 7–11 лет, хотя отдельные циклы могут быть короче или длиннее.

Вербальная модель цикла Жюгляра

В настоящей модели нами учтен ряд подходов к анализу такого рода циклов, высказанных в работах К. Жюгляра (Juglar 1862, 1889), Ж. Лескюра (1908), К. Маркса (1960 [1867], 1961 [1893, 1894]), М. И. Туган-Барановского (2008 [1913]), Р. Гильфердинга (1922), У. С. Митчелла (1930) и А. Ф. Бернса (Burns, Mitchell 1946), Дж. М. Кейнса (1978 [1936]), Е. С. Варги (1937), Г. Хаберлера (2008; Haberler 1964), Л. А. Мендельсона (1959, 1964), Х. Мински (Minsky 1983, 1985, 1986, 2005), Э. Хансена (1959), Дж. Р. Хикса (1993: 432–442), П. Э. Самуэльсона и В. Д. Нордхауса (2009; см. также: Самуэльсон 1994), Й. Шумпетера (1982; Schumpeter 1939), Ф. А. фон Хайека (2008; von Hayek 1931, 1933), Л. фон Мизеса (von Mises 1981 [1912]; фон Мизес 2005), Г. Касселя (1925), А. Пигу (Pigou 1929), М. Фридмана (2002), Э. Абеля и Б. Бернанке (2008: 361–502), а также целого ряда других экономистов. В то же время в модели представлены и наши собственные обобщения, добавления и уточнения, которые, как нам представляется, существенны для понимания внутренней логики цикла, его вариативности и особенностей протекания в современных условиях (об общих чертах и особенностях современного цикла см.: Гринин 2008б, 2009а, 2009в, 2009г; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010а; Гринин, Коротаев 2010а; Гринин, Малков, Коротаев 2010а; Халтурина, Коротаев 2010: 98–122).

Наша модель цикла деловой активности исходит из его деления на четыре фазы (согласно очень распространенному, хотя и не общепринятому взгляду [см., например: Хаберлер 2008: 220; Хансен 1959: 58–62])²⁸. Речь идет о следующих фазах:

- фаза оживления (которую мы подразделяем на подфазы старта и ускорения);
- фаза подъема, или процветания (которую мы подразделяем на подфазы роста и перегрева, или бума);
- фаза рецессии (которую мы подразделяем на подфазы краха/острого кризиса и спада);
- фаза депрессии, или зстоя (которую мы подразделяем на подфазы стабилизации и сдвига).

Начинать анализ можно с любой фазы; мы посчитали, что удобнее это делать с фазы оживления.

Фаза оживления

Эта фаза начинается после (и в результате) ликвидации диспропорций (и установления новых пропорций), практически неизбежно происходящих на предшествующих фазах спада и депрессии (и часто ведущих к существенным структурным перестройкам). Вот почему новый цикл начинается на новом уровне равновесия (Schumpeter 1939). Оживление и некоторый рост могут начаться, поскольку в результате предыдущего падения избыточные, нереализованные товарные запасы рассосались, пришли в соответствие с на-

²⁸ В современной экономической науке нередко выделяют только две основные фазы: подъема и спада (экспансии и сжатия; есть и другие названия фаз), а моменты, соответствующие кризису, возникающему на пике перегрева, и низшему уровню спада, обозначают как точки перелома/перегиба (см.: Самуэльсон, Нордхаус 2009). Но вообще количество фаз может зависеть от детальности анализа и других причин. Так (см. ниже), мы делим цикл на четыре больших фазы (исходя в целом из подхода Шумпетера к распределению фаз цикла) и затем выделяем в итоге восемь подфаз (по две подфазы в каждой фазе). А, например, Бернс и Митчелл (Burns, Mitchell 1946) делят две большие фазы: экспансии и сжатия – на три подфазы каждую, и рассматривают как отдельные короткие фазы поворотные точки (вершина, низина). Таким образом, у них получаются те же восемь этапов (девятый этап фактически относится уже к смежному циклу).

личным спросом, и даже возникла некоторая товарная нехватка, были ликвидированы проблемные фирмы, «сгорели» долги, уменьшился фиктивный капитал; предприниматели обрели большую осторожность (см., например: Minsky 1983, 1985, 1986, 2005) и т. п.

Как мы отмечали выше, психологические факторы, в частности предпринимательские ожидания, паника, резкий переход от чрезмерных надежд к ожиданию коллапса, играют огромную роль в смене фаз цикла деловой активности (см., например: Mills 1868; Minsky 1983, 1985, 1986, 2005; анализ этих теорий см.: Хаберлер 2008: 125–131; Гринин 2009d; Крепкий 2007: 93–94). Экономической науке до сих пор не удалось и, возможно, никогда не удастся выработать рецепты предотвращения паники²⁹.

При этом рост ожиданий (например, того, что цены будут расти или падать) и та или иная динамика экономического развития часто образуют петли положительной обратной связи. Например, рост цен на фоне ожидания дальнейшего их роста может привести к затягиванию такого повышательного тренда, нередко вопреки уже всяким объективным факторам. И наоборот, падение цен на фоне ожидания дальнейшего падения приводит к снижению цен ниже того, что диктует реальная ситуация. Психологические факторы исключительно важны в спекуляциях, играющих огромную роль в динамике цикла деловой активности и смене его фаз. В частности, спад не происходит против воли и ощущения большого числа бизнесменов, если им кажется, что ситуация для роста благоприятная. Вот почему паника и временные кризисы в обстановке, еще благоприятной для роста, нередко быстро проходят, и в то же время в ситуации, когда в реальной экономике уже наметились тревожные тенденции, казалось бы, не фатальные или даже рядовые события (как то: банкротство какой-то корпорации, банка) могут стать спусковым крючком для массовой паники, массовых банкротств и начала общего кризиса³⁰.

Таким образом, **психологический фактор** (фактор ожиданий, настроений массы предпринимателей и вообще населения, например вкладчиков) является не просто важным, но **наиболее подвижным**, наиболее лабильным фактором, который становится переключателем, способным «повернуть плюс на минус» за очень короткий промежуток времени³¹. Особенно наглядно это проявляется на биржах, в колебаниях валютных курсов и т. п.

Начавшийся в фазе оживления рост определяется следующими изменениями за прошедший кризисно-депрессивный период:

а) созданием больших запасов/излишков различных ресурсов (капитала, рабочей силы, свободных мощностей и т. п.) и некоторым (пока еще небольшим) повышением спроса на различные товары и услуги (см., например: Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959, т. 1);

б) обретением предпринимателями и владельцами капитала большей уверенности в том, что дела поправляются (Там же; см. также: Варга 1974a);

в) устранением в результате предшествующих фаз предыдущего цикла тех или иных препон, запретов³²;

²⁹ Однако развитие таких форм регуляции, как ограничение размаха колебаний курсов, объемов торгов, повышение ответственности за опасные или провокационные заявления, развитие страхования (хеджирования) рисков, стабилизационных фондов и т. п., могут ослабить причины возникновения паники и уменьшить ее масштабы и последствия.

³⁰ Психологический фактор для понимания причин возникновения кризиса так же важен, как и для понимания причин военных побед и поражений или – что может быть нагляднее – причин революций. Какие бы объективные причины для революции ни сложились, пока не возникнет определенный настрой в обществе, направленный на желание свалить правительство (винить его во всем, не верить ему ни в чем), революции не будет. Но с другой стороны, чем сильнее такой настрой, тем зауряднее может быть конкретный повод для возникновения волнения (см. в отношении революций: Гринин, Коротаев, Малков 2010a).

³¹ Недаром есть различные показатели «индексов деловых ожиданий», которым придают важное значение в экономической науке.

³² Как это ни удивительно, на данное обстоятельство далеко не всегда обращается внимание.

г) возникновением новых стимулов, связанных, например, с понижением налогов, банковского процента и т. п.;

д) созданием за годы спада и депрессии новых видов товаров и услуг, на которые утвердился спрос, распространением новых технологий и т. п. (см., например: Маркс 1961 [1893, 1894]; Шумпетер 1982; Перес 2011);

е) некоторым перевооружением и переоборудованием предприятий, введением в строй некоторых ранее законсервированных или недостроенных мощностей.

Пояснение. Переход от депрессии к фазе оживления может происходить и сам собой, но тогда начало оживления может быть существенно оттянуто во времени. Поэтому подобный переход обычно требует определенного толчка, который может выражаться в каких-либо благоприятных внешних или внутренних обстоятельствах или специальном стимулировании начала роста (начало крупных строек, открытие новых месторождений, новых рынков сбыта, точечный рост в отдельных секторах экономики и т. п.). В годы Великой депрессии в США была весьма распространена теория «заправки насоса», согласно которой как для того, чтобы насос стал работать автоматически, нужно его заправить водой, чтобы создалось давление, так и экономику надо подтолкнуть, чтобы пропорции в ней начали восстанавливаться (см. подробнее: Лан 1976). Этот образ вполне подходит для понимания механизма начала оживления. Положительный толчок при создавшихся объективных условиях для подъема начинает формировать положительные ожидания. Далее включаются положительные обратные связи, когда рост спроса стимулирует рост экономики, который опять стимулирует рост спроса, способствует рассасыванию безработицы, что опять же стимулирует спрос и т. п. (см. ниже при описании фазы подъема). В целом для того, чтобы процесс расширения деловой активности начался, необходимо наличие разнообразных сил, или «стартеров» (см.: Хаберлер 2008: 245)³³.

Характер протекания фазы оживления и особенно ее возможность перейти в фазу подъема (и тем более перерасти в перегрев экономики) зависят как от глубины (новизны) структурной/технологической перестройки экономики и общества (см. ниже), так и от различных обстоятельств, играющих роль стимулов или препон (о стимулирующих факторах см.: Туган-Барановский 2008 [1913]: 92). Иногда фаза оживления не перерастает в фазу устойчивого подъема, а сменяется новым кризисом (примерами служат кризисы 1882 г. в Англии или 1937 г. в США), который свидетельствует либо о том, что структурных перестроек оказалось недостаточно, либо о том, что в данном обществе нет ресурсов, способных создать рывок. Мы считаем, что для перерастания фазы оживления в фазу подъема мало только технических инноваций, но крайне важны структурные перестройки в самом обществе (в том числе и в экономических отношениях).

Уже в фазе оживления начинаются долгосрочные инвестиции, которые играют особую роль в фазе подъема, подогревая спрос и создавая тот временной лаг, который усиливает диспропорции спроса и предложения.

Фаза подъема

Условия и механизмы устойчивого роста

Прежде чем описывать фазу подъема, очень схематично покажем некоторые механизмы (положительные обратные связи), которые обычно способствуют росту экономики (они релевантны в значительной мере и для начала экономического роста на предыдущей фазе оживления при выходе ее из фазы депрессии).

1. Очевидно, что рост спроса обычно ведет к росту предложения, а рост предложения в свою очередь ведет к росту спроса.

³³ Поэтому целый ряд экономистов (например, Р. Фриш, А. С. Пигу и др.) рассматривают в определенном аспекте причины колебаний в двух плоскостях: а) импульсы, которые дают начало движениям, б) условия, которые определяют способ, каким экономика реагирует на начальные импульсы. Такой подход к проблеме представляет собой значительный шаг вперед (см. подробнее: Хансен 1959: 418–468).

2. Рост производства стимулирует сокращение безработицы, это дополнительно создает спрос, что ведет к росту производства/предложения, а это еще больше сокращает безработицу.

3. Рост производства способствует росту положительных ожиданий, что в свою очередь ведет к увеличению долгосрочных инвестиций, а это способствует росту производства³⁴.

4. Увеличение производства создает рост ожиданий его дальнейшего увеличения, а значит, и увеличения спроса, что ведет к росту предложения кредита (в том числе потребительского), что стимулирует спрос и ведет к ускорению экономического роста. Последний ведет к увеличению спроса на кредит, что приводит к общему повышению спроса и далее к росту производства и т. п.

5. Рост производства предметов потребления ведет к еще более масштабному росту производства средств производства, что стимулирует рост производства предметов потребления (в том числе для удовлетворения потребностей новых работников расширившегося сектора производства средств производства) и т. д.

Отметим, что при спаде процессы идут весьма похожим образом, но с обратным знаком.

Для значимого подъема (и тем более для достижения этой фазой своей высшей подфазы «перегрева»³⁵) необходим ряд условий.

Во-первых, еще какое-то время должен сохраняться относительный излишек ресурсов (например, капитала, согласно теориям М. И. Туган-Барановского [2008/1913] и К. Маркса [1961/1893, 1894]; потенциалов технических инноваций, согласно Й. А. Шумпетеру [1982; Schumpeter 1939], рабочей силы, богатых полезными ископаемыми земель и т. п.), без чего разбег невозможен. Дальше движение может поддерживаться уже иными способами (в том числе специальным стимулированием спроса).

Во-вторых, должны открыться какие-то широкие возможности для приложения усилий. Например, в результате предыдущих изменений происходит резкое удешевление продуктов передовых отраслей (например, для XIX в. – тканей, для конца XX – начала XXI в. – компьютеров³⁶), так что теперь их покупателями становятся массы людей. Другими словами, рынок сбыта резко расширился, и на первых порах ему как будто не видно предела. Границы рынка нащупываются эмпирическим путем, вот почему расширение предложения нередко выходит далеко за границы нового рынка. Это одновременно создает мощный импульс развития, но и ведет к созданию диспропорций в аккумуляции ресурсов. Нередко достаточно только каких-либо надежд на большое расширение рынка или выгодные вложения, чтобы капитал устремился туда (например, вложения в какие-то как будто очень перспективные акции)³⁷. Это может быть и простая спекуляция, но для фазы подъема/перегрева особенно важно, что за этим хотя бы отчасти стоит и реальное развитие (с учетом того, что имеются соответствующие способы производственного расширения). Тогда в конечном счете произойдет существенный экономический рост.

В-третьих, для этого нужны, хотя бы частично, новые люди, в том числе и новаторы (на чем настаивал Й. Шумпетер [1982]). Тут стоит отметить, что у части предпринимателей либо отсутствует опыт прежних кризисов, либо он частично забывается, так что зна-

³⁴ Важно учитывать, что наряду с прочим это ведет к удлинению срока подъема.

³⁵ Подфаза перегрева (бума) начинается, условно говоря, с момента, когда объем производства перерастает наивысшую точку подъема в предыдущем цикле деловой активности (см. Рис. 1.2.1).

³⁶ Спрос тем более расширяется, если цена товаров, обладание которыми ранее существенно повышало социальный статус, сильно падает.

³⁷ Интересный случай был в экономике Англии в 1842 г., когда после завершения Первой опиумной войны и открытия китайских портов для торговли в обществе появилась уверенность, что Китай станет неограниченным рынком сбыта для английских тканей. Немедленно стали строиться в большом числе новые ткацкие фабрики и модернизировались старые. Это способствовало экономическому росту, однако надежды на емкость китайского рынка оказались очень сильно преувеличенными (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]).

чительная их часть постепенно теряет осторожность (на потерю последней сильно влияют конкуренция и пример других участников рынка). Это является одной из причин чрезмерной экспансии на фазе перегрева.

В-четвертых, должен возникнуть мощный повышательный тренд конъюнктуры, особенно часто выражающийся не только в росте спроса и увеличении инвестиций, но и в росте цен на ряд наиболее важных в данной ситуации, наиболее «чувствительных», по Дж. Хиксу (1993: 433), товаров и ресурсов. И это создает очень сильную движущую силу и инерцию развития. Одним из первых на рост цен как на непреходящую характеристику цикла указал К. Жюгляр (Juglar 1889), но в целом вопросы повышения или понижения цен всегда были в центре анализа как теоретиков, так и историков циклов. «Уровень товарных цен служит лучшим барометром экономического положения страны», – считал М. И. Туган-Барановский (2008 [1913])³⁸.

Однако важно заметить, что возникший на этой фазе повышенный спрос на различные ресурсы, товары и ценности приводит не только к быстрому росту цен, но и нередко к тому, что экономика оказывается не в состоянии удовлетворить возросший спрос на многие ресурсы и товары, например сложное производственное оборудование, объекты недвижимости, сырье и т. п. Это объясняется (помимо того, о чем уже сказано выше: что многие ресурсы по природе своей ограничены или могут быть произведены только через значительное время – например, растительное сырье), во-первых, тем, что спрос часто носит взрывной характер и заказчики хотят как можно более срочного выполнения заказов, в то время как для удовлетворения быстро возросшего объема спроса технологически и организационно необходимо определенное, иногда весьма длительное время. Во-вторых, такой разрыв в ожиданиях создает дополнительный ажиотажный спрос, определенную и порой возрастающую дефицитность ресурсов, а вместе с этим и рост цен на них. В этом случае в игру вступают спекулянты, стремящиеся перекупить товары, чтобы перепродать их. А заказчики увеличивают объем заказов, чтобы создать необходимые запасы на случай перебоев с поставками.

Таким образом, создается ситуация, которую мы назвали ситуацией **дефицита предложения** ресурсов и объектов выгодного вложения капитала (о которой уже было сказано выше), играющая очень важную роль в акселерации процессов быстрого роста цен. Последнее делает производство до определенного момента все более выгодным, что усиливает стремление производителей расширить производство (в том числе путем масштабирования инвестиций). А это дополнительно стимулирует спрос на ресурсы и экономический рост. Таким образом, спираль положительной обратной связи быстро раскручивается, создавая перегрев экономики.

Подфаза перегрева

Следует отметить, что уже в ходе оживления и начала подъема возникшее в период фазы депрессии временное относительное равновесие в экономике сменяется нарушением равновесия (без чего, естественно, рост невозможен). Это нарушение равновесия усиливается в результате того, что предприниматели, исчерпав для развития своего производства образовавшиеся в ходе кризиса и депрессии свободные средства и задействовав свободные мощности, все сильнее начинают инвестировать заемные средства.

³⁸ Однако в современных условиях в связи с инфляционными действиями правительств и другими обстоятельствами рост цен не всегда говорит о здоровье экономики. Ситуации, когда спад производства шел не с падением цен (дефляцией), а с их подъемом (инфляцией), наблюдались в США в течение некоторых послевоенных кризисов (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010а: Гл. 2), но особенно заметной такая необычная комбинация стала в период кризиса 1974–1975 гг. Ситуацию спада производства в сочетании с ростом цен называли стагфляцией. Можно назвать две причины стагфляции. Во-первых, отмена золотого стандарта, которая сделала возможными попытки извлечения прибыли с помощью роста цен на товары с неэластичным потреблением. Во-вторых, резкий рост цен на нефть (кстати говоря, один из наименее эластичных товаров), причем возможности их падения препятствовали картельные соглашения стран ОПЕК.

Как подчеркивают А. А. Акаев и В. А. Садовничий (2010), смена уровней равновесия, по Й. Шумпетеру (Schumpeter 1939), определяет долговременную траекторию экономического развития, в ходе которого экономическая система находится в *динамическом* равновесии. Однако, как мы полагаем, такое динамическое равновесие начинает нарушаться уже в период фазы роста и особенно при переходе в состояние бума (перегрева). Таким образом, возникает очевидный структурно-ценовой перекоп, который обычно связан с различного рода «пузырями» (ценовыми, инвестиционными, биржевыми, валютными и т. п.). По нашему мнению, перекоп неизбежно должен создавать какие-либо «флюсы» и «пузыри», будь то чрезмерные, спекулятивные цены на сырье или энергоносители, недвижимость, те или иные виды производства или транспорта или определенные бумаги, золото. Однако сам этот перекоп (структурно-ценовая диспропорция) может возникнуть только при появлении определенного источника наращивания спроса. Чаще всего в виде такого источника выступает кредитная экспансия, которая – этот момент часто упускается из внимания – сама по себе является формой роста банковского и финансового сектора³⁹.

Важнейшую роль играют также различные формы аккумуляции свободных средств в различных акционерных и паевых обществах, финансовых и пенсионных фондах, страховых компаниях и т. п. (о современных финансовых технологиях подробнее см.: Гринин 2009а, 2009в, 2009г; Гринин, Коротаев 2010а; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010a). Все это сильно подстегивается учредительской горячкой, спекулятивным бумом и другими явлениями, с помощью которых обычно протекает экспансия экономики в подфазе перегрева. К ним нередко присоединяются и усилия правительств по активизации спроса, а также всякого рода случайные обстоятельства. Гигантские средства, так или иначе аккумулируемые и – крайне важно – эмитируемые, дублируемые во второй, третьей и т. п. степенях за счет различных финансовых технологий, например производных финансовых инструментов, с учетом все расширяющегося кредита способны резко изменить пропорции спроса и предложения. При этом подобно тому как в период подъема цен начинают использоваться технологии и ресурсы, которые в обычное время нерентабельны, так и в период подъема спроса на финансовые ресурсы начинают использоваться такие ресурсы, которые в обычное время кажутся опасными, ненадежными или, выражаясь современным термином, «токсичными».

В то же время кредит, аккумуляция и эмиссия ценных бумаг, а также прямой выход на определенный рынок финансовых игроков вызывают как резкий перекоп в пропорциях, так и резкий взлет деловой активности плюс значительно увеличивают время, в течение которого продолжается бум⁴⁰.

Пояснение. Стоит отметить, что при анализе циклов деловой активности экономический рост и спад в теории нередко отделяют от спекуляций и различных «пузырей», представляя их как некую обособленную и в принципе необязательную часть процесса (причем это характерно отнюдь не только для марксистской школы). Между тем, на наш взгляд, спекуляции, «пузыри» и прочее являются составной и почти всегда присутствующей частью цикла, так же как и крах этих спекуляций. Это объясняется тем, что в период мощной экспансии и перегрева трудности роста экономики, мобилизации ресурсов и т. п. обозначаются очень сильно. Для того чтобы такой рост продолжался, нужны сильные стимулы. Такие стимулы создаются именно в области обращения, спекуляций и различных пирамид. Спекулятивный или учредительский бум создает мощный процесс переоценки акти-

³⁹ А в современных условиях, когда финансовый сектор в развитых странах дает от 25 до 33 % ВВП (см., например: Акаев, Садовничий 2010), он, собственно, и должен осуществлять такую экспансию. В современном мире без нее в любом случае не будет роста ВВП. Кредит и другие финансовые технологии, по нашему мнению, можно рассматривать как механизмы мобилизации ресурсов, без которых расширенное производство практически не может существовать. Отметим, что кредит сам становится все более важной и опережающей растущей формой расширенного воспроизводства в современной экономике.

⁴⁰ Что, к слову заметить, влечет за собой приближение времени введения в строй новых мощностей, в которые подъем породил инвестиции.

вов. А эффект переоценки активов на определенном этапе вовлекает большие массы людей в процесс гонки за прибылью (в процесс экспансии)⁴¹. Получается, что спекуляции – это некие манящие огни, измерители ожиданий. Но если спекуляции не поставить в жесткие рамки, такие сигналы могут завести экономику очень далеко по пути к кризису.

Следовательно, данный процесс является органической частью процесса расширения (перегрева), а не просто спекулятивной пеной (см. также наши пояснения выше). Далее, как мы увидим ниже, именно в этой области быстрее всего отсекается от гонки большое число участников, что и создает первичные условия для острого кризиса. Из вышесказанного вытекает, что в процессе подъема и перегрева всегда происходит сильная переоценка фондов, выражаемая путем повышения котировок или денежной оценки символических активов. Вот почему циклические кризисы органически связаны с масштабными крахами фондов, банков и т. п. и в целом с денежными кризисами (и в принципе должны сопровождаться такими процессами). Иными словами, денежные и фондовые крахи могут быть и без циклических кризисов (например, в виде обвала на бирже или валютного кризиса, не влекущих спада экономики), но циклические кризисы обычно связаны с такими крахами (биржевыми, валютными, банковскими, обвалами цен на недвижимость и прочее)⁴². При таком подходе, как нам кажется, можно более органично вписать рост спекуляций в общую схему нарастания перегрева и возникновения эффекта кризисного обрушения. Но это никаким образом не устраняет необходимости бороться с разрушительными спекуляциями и вводить их в определенные строгие рамки, напротив – это надо делать обязательно. **Поэтому влияние на спекуляцию может быть очень важным фактором изменения характера экономических циклов и протекания кризисов.**

В период всеобщего бума и роста цен большинство экономических игроков чувствуют себя хорошо. Но для понимания динамики цикла крайне важно учитывать, что возникают или обозначаются некоторые области деятельности, которые дают наибольшую прибыль (норма прибыли там может на порядки обгонять норму прибыли в других отраслях). Именно эти области ответственны в первую очередь за чрезмерный рост цен, общую переоцененность активов. В результате описанных выше процессов образуется большое количество капитала, которое стремится вложиться прежде всего в эти наиболее прибыльные отрасли и сферы⁴³. Если это промышленные или материальные сферы (например, железные дороги или нефтепроводы), то усиливается стремление к инвестициям в них, но таких объектов немного, и за возможность участвовать в них идет борьба. В итоге возникает ситуация, когда каждый новый инвестиционный проект лишь увеличивает и без того высокую конкурентную борьбу за доступ к электроэнергии, транспортной инфраструктуре, за квалифицированные кадры, сырье, финансовые и т. п. ресурсы (см., например: Блант 2008: 141). Еще сильнее конкуренция среди спекулятивных финансовых ресурсов и капиталов, поскольку спектр их сверхдоходного приложения весьма ограничен, и в то же время они достаточно мобильны (поэтому тут могут достаточно быстро сфокусироваться мировые финансовые ресурсы). Поскольку сфер особо выгодного приложения избыточных капиталов весьма немного, именно в финансовой области особенно быстро и надуваются «пузыри». Мощные потоки капитала в определенные сверхдоходные сферы (например, биржевые сделки по сырьевым контрактам, валютные спекуляции, вложения в недвижимость и т. п.) способны вызвать стремительный, лишенный всякой реальной основы рост цен на эти ограниченные по своему объему и номенклатуре ценности.

⁴¹ Без такой приманки движение быстро выдохлось бы.

⁴² То, что уже период бума перед первым всеобщим кризисом 1825 г. сопровождался определенными весьма показательными симптомами, говорит о многом, а именно о том, что спекуляция становится частью фазы бума (экспансии), без которой, по-видимому, ее или вообще не будет, или она пойдет существенно по-другому. Перегрев экономики к 1825 г. сопровождался «такими типичными чертами, как интенсивное промышленное строительство, резкое повышение цен, курсов акций, широкая экспансия кредита, расцвет спекуляций во всех ее формах» (Мендельсон 1959, т. 1: 128).

⁴³ Но напоминаем о том, о чем сказано выше: таких объектов немного, и за возможность участвовать в них обычно идет борьба в том или ином виде, причем часто на высоком международном уровне.

Напомним, что эту ситуацию, когда возникает недостаток наиболее выгодных сфер приложения капитала, а также вызванный общим перегревом экономики неудовлетворенный спрос на многие ресурсы и товары, мы условно назвали ситуацией расширяющегося **дефицита предложения** некоторых ресурсов и дефицита выгодных сфер вложения капитала. Усиление такого дефицита предложения соответственно вызывает рост цен и все более заметное напряжение экономики за счет возникших технологических, кадровых, ресурсных, кредитных транспортных и т. п. ограничений.

Дефицит предложения объектов для выгодного приложения капитала есть дефицит, *сдерживающий коммерческую активность*, его не следует путать с прямым дефицитом товаров массового потребления, который имел место при социализме⁴⁴. То есть понятие «дефицит» употребляется здесь в специальном смысле этого слова. Дело в том, что если в частной жизни проблему нехватки тех или иных товаров можно решить крупной переплатой за них, то в коммерческих делах такая переплата, как правило, нерациональна, поскольку в этом случае покупатель не сможет вернуть затраченные средства.

Поэтому такой дефицит предложения выражается в следующих последствиях. Первое. Многие бизнесмены просто отказываются от своих планов расширить производство, приобрести что-либо, сделать какие-то инвестиции и т. п., поскольку либо это им все не по карману, либо сложившаяся высокая цена делает их проекты невыгодными. Ниже мы еще вернемся к этому.

Во-вторых, поскольку в бизнесе и спекуляциях агенты всегда борются между стремлением приобрести что-то за минимально возможную цену и фактором времени, они очень часто предпочитают подождать, записаться на очередь, чем переплачивать. Кроме того, в бизнесе, особенно в крупных корпорациях, существует свой порядок, определенная деловая этика и инерция, которые не всегда возможно обойти даже повышенной ценой. В результате не справляющиеся с заказами производители формируют очередь или просто отказывают из-за чрезмерной загруженности. В этом случае заказчики нередко вынуждены обращаться к производителям товаров, которые уступают желаемым по качеству или другим характеристикам, размещают заказы на других рынках, вынуждены переплачивать за транспортировку и т. п. Таким образом, дефицит предложения зримо проявляется не только в росте цен, но и в физической задержке (а иногда и невозможности) приобретения нужных ресурсов, товаров и ценностей, ухудшении характеристик ресурсов и т. п.

В-третьих, как уже было сказано, повышенный или длительное время не удовлетворенный спрос на ресурсы связан также с тем, что продукция разных секторов экономики имеет очень разную эластичность. Это создает различную степень ее дефицитности и соответственно разный уровень ее предложения на рынке и разный уровень ее цен (все это одновременно существенно усиливает диспропорции в экономике, которые в конечном счете обычно устраняются только в результате кризиса). И если некоторые товары с определенной временной задержкой и могут быть произведены, то многие ценные ресурсы (земля, капитальные строения, некоторые виды сырья, определенные финансовые активы, крупные заказы на строительство, концессии на добычу полезных ископаемых и т. п.) сильно ограничены или вообще неэластичны.

Во всех случаях дефицит предложения на объекты вложения капитала в условиях бума в экономике, когда имеет место полное использование всех факторов производства, ведет к замедлению роста и одновременно к росту цен, что создает петлю обратной связи, которая действует до момента острого кризиса.

⁴⁴ Хотя в ситуации перегрева может возникать иногда прямой дефицит на некоторые престижные товары вроде отдельных марок автомобилей, бытовой техники, жилья, мест в гостиницах, билетов на некоторые виды транспорта, особых услуг и т. п. В этом случае покупатели готовы платить за нужный им товар все более и более высокую цену и нередко вынуждены долго ждать выполнения своих заказов, а также мириться с иными неудобствами.

О нехватке (дефиците) отдельных наиболее заметных видов ресурсов: денег, золота, кредита, капиталов, различных видов сырья – много писали исследователи кризисов. Например, Э. де Лавеле объяснял кризисы усиленным вывозом золота за границу в период резкого повышения спроса на импортные товары (см.: Laveleye 1865; Хансен 1959: 361–362). Туган-Барановский (2008 [1913]: 322–324) видел один из важнейших механизмов кризиса в том, что сначала капитал имеется в избытке, а потом тратится быстрее, чем создается, что в конце концов ведет к его нехватке и как результат к кризису и спаду. Представители теории перенакопления и некоторых других школ нередко писали о том, что в условиях полной занятости возникает все большая редкость факторов производства (см., например: Хаберлер 2008).

Но, на наш взгляд, эту ситуацию повышенного спроса на ресурсы необходимо рассматривать в более широком аспекте, чем дефицит только капитала, сырья, золота, рабочей силы или даже факторов производства в целом. Ее можно представить как тенденцию к росту **дефицита предложения необходимых ресурсов и выгодных сфер вложения**, поскольку дефицит может ощущаться в самых разных областях: от нехватки валюты до нехватки рабочей силы или объектов выгодного приложения капитала. При этом – по мере усиления бума – отставание предложения от спроса становится все более масштабным, захватывая все новые секторы рынка (показателем чего выступает рост цен на все большее количество ключевых и иных ресурсов). Но, разумеется, в каких-то секторах и ресурсах дефицит предложения нужных ресурсов (объектов) проявляется наиболее ярко. Такая ситуация ведет к чрезмерной, порой чудовищной переоценке наиболее выгодных («лакомых») активов (например, нефти, недвижимости, сырья, пакетов тех или иных ценных бумаг). Неудивительно, что именно в данных сферах обычно возникают наиболее заметные «пузыри» и происходит коллапс, когда положительная обратная связь, стимулирующая рост, трансформируется в положительную обратную связь, стимулирующую спад (что, как будет показано ниже, ведет к обвалу).

В результате бурного роста спроса на определенные ресурсы на некоторое время включается положительная обратная связь, которая может быть схематически обрисована следующим образом. Усиливающийся на этой фазе дефицит тех или иных ресурсов ведет к росту дефицита конечных продуктов (и соответственно росту цен на них), а вызванное этим дефицитом (а значит, повышенным спросом на конечные продукты) стремление увеличить их производство создает еще больший дефицит ресурсов и т. п. Это ведет к расширяющемуся росту спроса и цен (при этом он может стать всеобщим и/или взрывообразным на определенные группы товаров/ресурсов) и позволяет быть успешным в этот период даже тем, чей бизнес выглядит технически отсталым (см., например: Маркс 1961; Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959, 1964; Шумпетер 1982)⁴⁵.

Частично повышенный спрос удовлетворяется в результате того, что часть мощностей, инвестиции в которые были сделаны ранее, начинают давать продукцию (либо появляется новый капитал, организация по аккумуляции которого была предпринята определенное время назад). Однако в связи с продолжающимся быстрым ростом спроса и цен усиливается стремление к тому, чтобы расширить инвестиции. В результате это перекрывает эффект отдачи от предыдущих инвестиций и создает избыточную базу для перепроизводства, но обнаруживается это уже много позже. Как отмечает В. Квасницкий (Kwasnicki 2008: 3), в экономических системах, вовлеченных в жюгляровские и другие бизнес-циклы, будущее развитие зависит от состояния системы в более или менее отдаленном прошлом, так как здесь имеют место более или менее длительные временные лаги между различными процессами (см. также: Кейнс 1978 [1936]: Гл. 22). В такой задержке важную роль помимо естественных временных затрат на реализацию технических, технологических и инновационных процессов играют также посреднические

⁴⁵ Отметим, что подобная ситуация наблюдается и в финансовых спекуляциях – финансовая пирамида может определенное время расти именно за счет положительной обратной связи: чем быстрее растет пирамида, тем быстрее к ней тянутся желающие получить прибыль.

структуры, особенно кредитный рынок⁴⁶. Таким образом, важно иметь в виду, что кредит и прочие посреднические институты (оптовики, спекулянты, которые скупают и аккумулируют у себя для последующей перепродажи товар, валюту, акции) играют роль элемента:

- а) задерживающего непосредственную реакцию;
- б) продолжающего расширять сбыт, когда это расширение уже переходит разумные пределы. Соответственно это же приводит к тому, что масштаб краха становится намного больше, чем мог бы быть при большем равновесии.

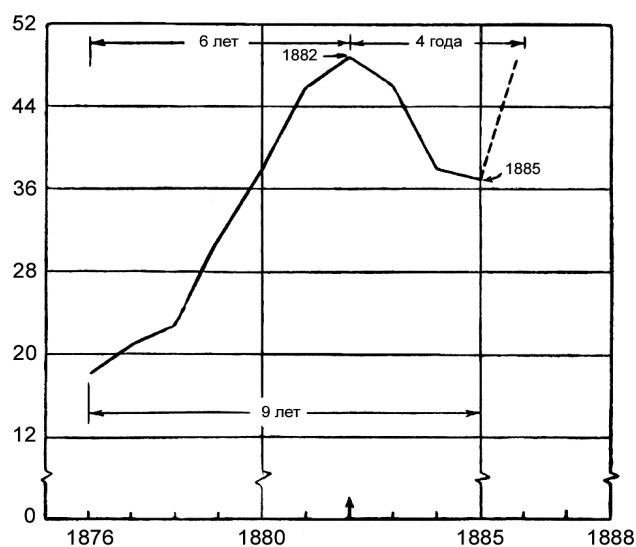
Пояснение. На наш взгляд, в модели цикла деловой активности крайне существенно учитывать то, что этот цикл всегда проходит в рамках колебаний **дефицита предложения** на фазе подъема, когда предложение в целом не успевает за спросом и тем самым сдерживает экономический рост, и **дефицита спроса** на фазе спада и депрессии, когда предложение в целом существенно превышает спрос, что препятствует экономическому подъему (или усиливает размеры спада). В результате цикл деловой активности также идет в рамках колебаний между целым рядом противоположностей (которые во многом и задают основные параметры цикла): инфляции – дефляции; роста – падения; положительных – отрицательных ожиданий и т. д. Конкретные формы особого дефицита предложения или дефицита спроса во многом определяют форму и характер кризисов в данное время и в данном месте. Рост цен на сырье (например, хлопок) неоднократно вел к кризисам в Англии в XIX в. (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959, т. 1; Гринин, Коротаев 2010a).

Фаза подъема – как и все остальные фазы – в разных циклах протекает по-разному. Иногда она идет достаточно ровно (см., например, Рис. 1.2.3 и 1.2.4), представляя на графике близкую к прямой линию, идущую под определенным углом вверх. Но в ряде циклов фаза подъема как при перерастании ее первой подфазы роста во вторую – бума, так и в самой подфазе бума может прерываться – из-за сложностей роста, различных внешних обстоятельств, нехватки ресурсов, чрезмерного накопления запасов, особенностей инвестиционного процесса, колебаний цен и т. п. – временными неглубокими рецессиями, которые на графике представляют фазу подъема в виде ломаной линии (см. Рис. 1.2.5–1.2.7). Такие заминки на подъеме как раз и образуют те двух-трехлетние циклы Китчина, о которых часто говорят в американской литературе. Это хорошо видно на графиках движения производства промышленных товаров длительного назначения в отдельных жюглярских циклах в США, представленных Элвином Хансеном (1959: 78–89; соответственно Рис. 1.2.3–1.2.7 в нашей нумерации). Такие заминки и неглубокие рецессии, длящиеся иногда на фазе подъема в течение нескольких месяцев, а иногда и полтора-два года, естественно, сильно осложняют прогнозирование и не позволяют в ходе непосредственного переживания циклического процесса увидеть структуру цикла (об этом уже шла речь выше).

На протяжении периода с 1865 по 1938 г., пишет Хансен, «один большой подъем был прерван одной малой рецессией, три больших подъема были прерваны (каждый) двумя малыми рецессиями и один – тремя малыми рецессиями, между тем как два больших подъема развертывались в течение всей фазы экспансии без всякого существенного прерыва... В течение указанного 73-летнего периода в Соединенных Штатах сменилось, следовательно, в общей сложности 18 циклов – 7 больших и 11 малых» (Хансен 1959: 71). Напоминаем, что Сводная хронологическая таблица циклов Жюгяра начиная с 1825 г. приведена в Приложении. Поэтому в названиях нижеприведенных рисунков мы даем хронологию цикла в датах, соответствующих этой таблице. При этом важно помнить, что хронология жюглярских циклов в США, которые представлены в рисунках, приведенных Хансеном, смещалась на 2–3 года по сравнению с циклами в Англии и Европе.

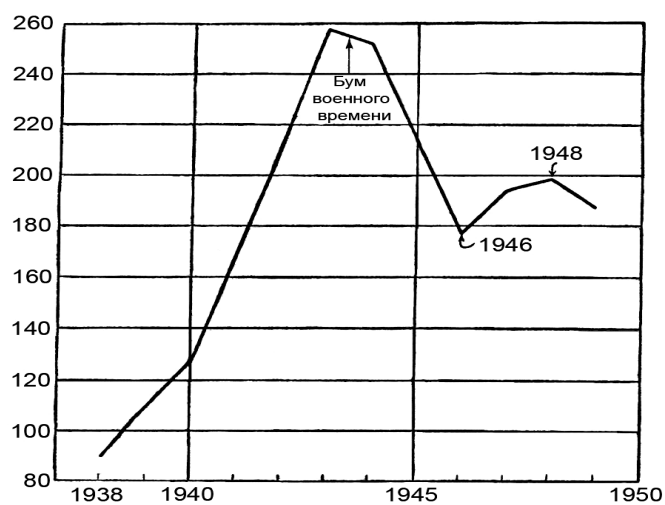
⁴⁶ См. о роли кредита в создании ситуации ажиотажа и спекуляции, отодвигании сроков наступления кризиса и пр., например: Juglar 1889; Лескюр 1908; Маркс 1961 [1893, 1894]; Туган-Барановский 2008 [1913]; Mises 1981 [1912]; Hayek 1931, 1933; Мендельсон 1959, 1964; Ротбард 2005 [1969]; Minsky 1983, 1985, 1986, 2005; Хаберлер 2008.

Рис. 1.2.3. Среднесрочный цикл 1873–1882 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1899 г. = 100)

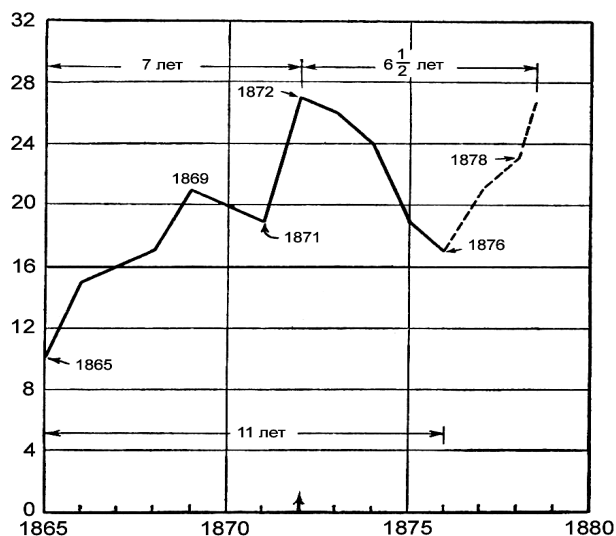
Источник: Frickey E., Production in the United States, 1860–1914 (приводится по книге Э. Хансена [1959: 81, рис. 11]).

Рис. 1.2.4. Бум периода Второй мировой войны. Индекс производства промышленных товаров длительного и недлительного пользования (1935–1939 гг. = 100)

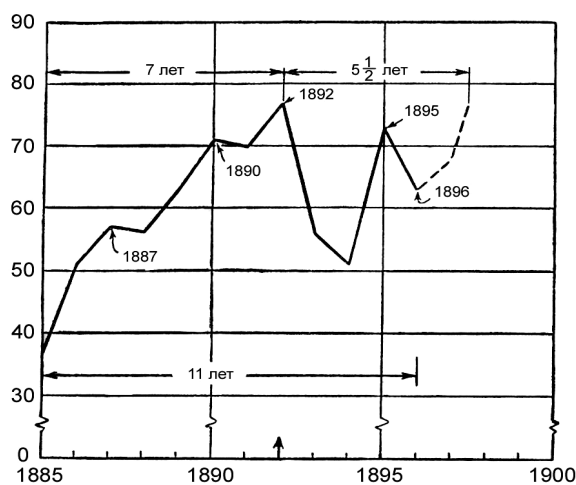
Источник: Federal Reserve Board, Index of Total Manufactures (приводится по книге Э. Хансена [1959: 89, рис. 18]).

Рис. 1.2.5. Среднесрочный цикл 1865/6–1873 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1899 г. = 100)

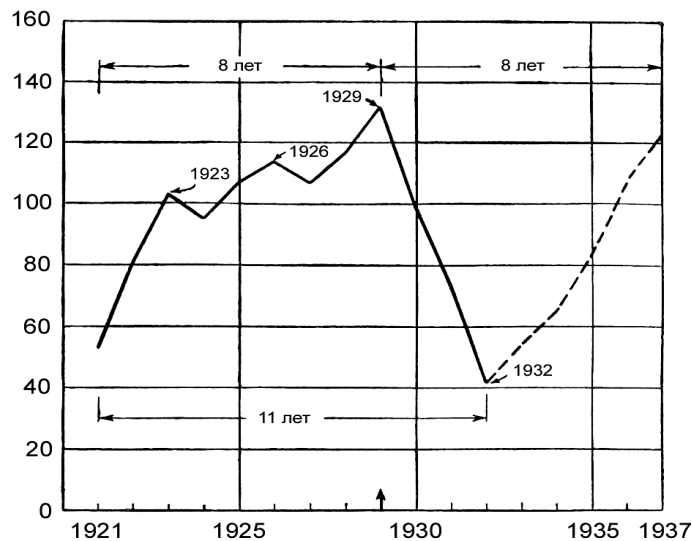
Источник: Frickey E. Production in the United States, 1860–1914 (приводится по книге Э. Хансена [1959: 78, рис. 9]).

Рис. 1.2.6. Среднесрочный цикл 1882–1892/5 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1899 г. = 100)

Источник: Frickey E. Production in the United States, 1860–1914 (приводится по книге Э. Хансена [1959: 82, рис. 12]).

Рис. 1.2.7. Среднесрочный цикл 1921–1933 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1935–1939 гг. = 100)

Источник: Federal Reserve Board, Index of Production of Durable Manufactures (приводится по книге Э. Хансена [1959: 87, рис. 16]).

Фаза рецессии

Подфаза краха/острого кризиса

В результате перегрева, как было показано выше, возникает чрезмерная переоценка тех или иных ключевых ресурсов. Сначала это продолжает разгонять перегрев дальше (особенно если есть возможности расширения кредита и спекуляций). Однако в конечном счете переоцененность ресурсов/активов отсекает от «гонки» все большее количество участников и выводит из игры все большее количество активов. Пирамида становится все более неустойчивой и в конце концов опрокидывается (интересные примеры таких ситуаций можно найти у историков кризисов, в том числе Туган-Барановского [2008/1913], Мендельсона [1959–1964], Варги [1937], Трахтенберга [1963])⁴⁷.

Например, во время текущего финансово-экономического кризиса неимоверное повышение цен на недвижимость в США и чрезмерное расширение ипотечного кредитования привели к кризисным явлениям в банковской и кредитно-финансовой сфере, банкротству ряда очень крупных финансовых корпораций⁴⁸. А перед этим банкротством свободный капитал из сферы ипотеки стал активно вкладываться в рост нефтяных цен. В результате, когда начались банкротства и паника, обвалились не только цены на нефть, но и многие другие активы, поскольку ресурсов для поддержания их чрезмерно переоцененных уровней в экономике уже не было. Таким образом, основной вопрос экономистов остается прежним: как определить, в какой момент иррациональный оптимизм завышает стоимость активов настолько, что резко возрастает риск внезапных и продолжительных падений (Гринспен 2009: 441)?

⁴⁷ Самое обыкновенное объяснение кризисов приводит М. И. Туган-Барановский (2008 [1913]: 289); оно повторяется почти всеми, кто писал о кризисах, и заключается в следующем: кризисы вызываются спекуляцией на товарном и денежном рынках.

⁴⁸ Число досрочно расторгнутых контрактов достигло в 2006 г. 1,5 млн, а в 2007 – 2,5 млн и продолжало расти (см.: Dumas 2008: 47; Суэтин 2009а: 152–153).

Рассмотрим механизм перерастания перегрева экономики в фазу рецессии (и подфазу краха в частности) подробнее⁴⁹:

1. На пике подфазы перегрева возникает ситуация перенапряженности экономики и финансовых рынков, которая проявляется в отсутствии свободных резервов ресурсов и капиталов, а также в переобременении срочными обязательствами, которые могут быть выполнены только при условии реализации планов, под которые взяты кредиты и аккумулированы ресурсы.

2. Возникновение ситуации уменьшения отдачи от вложения новых ресурсов и кредитов в экономику и спекуляции (приближение к рубежу, когда предельная полезность/производительность становится нулевой или даже отрицательной).

3. Нарастание эффекта дороговизны/дефицитности ресурсов при каждом новом вложении средств в экономику (в соответствии с законом убывающей отдачи Д. Рикардо).

В результате положительная обратная связь (*«усиление напряжения ведет к росту дороговизны/дефицитности – а это ведет в свою очередь к усилению напряженности в экономике»*) доводит ситуацию до предела⁵⁰.

Вернемся еще раз к вопросу о том, что чем сильнее дефицитность (редкость) тех или иных ресурсов и сфер вложения капитала, тем ожесточеннее за них конкуренция, тем сложнее идет рост производства, так как из-за указанной конкуренции, роста цен на факторы производства и т. п. многие производители уже не в состоянии получить необходимые им ресурсы, а потому вынуждены замедлять или прекращать рост своих производств. По этому поводу стоит привести следующее место из книги Г. Хаберлера (2008: 235):

«По мере того, как категории факторов производства одна за другой становятся все более редкими, поскольку переход к полной занятости происходит не сразу, а постепенно, одновременное развитие во всех пунктах становится все более и более трудным. Если одна отрасль промышленности увеличивает спрос на факторы производства и добивается успеха в привлечении рабочих, предлагая им более высокую заработную плату, то тем самым она отвлекает их от других отраслей. То же самое верно и в отношении сырья и полуфабрикатов. Расширение одной отрасли промышленности возможно только за счет сокращения какой-либо другой».

И – добавим – в еще большей степени это сказывается на спекулятивных отраслях бизнеса, где факторы выгодного приложения капитала всегда ограничены и дефицитны.

Все это вызывает: а) невозможность/бессмысленность участия в такой гонке все большего числа участников экономической и финансовой деятельности; б) нарастание тревоги у все большего числа участников экономической деятельности; в) стремление минимизировать риски путем аккумуляции дополнительных страховых активов, что вызывает дополнительный спрос на них и рост их дороговизны/дефицитности.

Возникают новые положительные обратные связи. Рост напряженности в экономике и рост дороговизны/дефицитности ведет к увеличению числа тех, кто начинает менять стратегию поведения на более осторожную. Это, в свою очередь, ведет к тому, что из гонки начинают выключаться финансовые ресурсы, что усиливает напряженность для тех, кто продолжает, образно говоря, «играть на повышение» курсов, цен, активов и т. п.

⁴⁹ Подфаза краха/острого кризиса рассматривается нами как относительно короткий период, включающий несколько недель или месяцев, в течение которого происходит резкий перелом тенденций от роста к спаду, часто характеризующийся крахами, обвалами, паникой и т. п. Не всегда ясно локализуемый момент, когда приходит осознание, что налицо не временный сбой, но и в то же время не катастрофа, а глубокий кризис, когда к кризису начинают привыкать, можно рассматривать уже как начало подфазы спада.

⁵⁰ Под «предельным экономическим напряжением» мы здесь понимаем предельное задействование всех экономических мощностей, ресурсов, возможностей, когда не только не остается свободных резервов, но и за счет кредитов экономика и общество глубоко залезли в долг у будущих периодов.

Рост числа тех, кто начинает менять стратегию поведения, ведет к усилению тенденции «игры на понижение» как в прямом смысле (например, на бирже), так и применительно к тем, кто прекращает расширение производства и т. п.⁵¹ А усиление таких настроений увеличивает общее торможение повышательной тенденции, что ведет к еще большему росту числа тех, кто меняет стратегию поведения.

Рост тенденции к понижению и увеличение численности участников понижательного направления настолько ограничивают потенции повышательной тенденции, что в результате участники экономической и финансовой деятельности повышательного направления оказываются не в состоянии собрать достаточно ресурсов для продолжения своей экспансии. Например, рост на бирже цен на какие-либо активы, скажем, нефть, уже больше не может продолжаться, так как нет достаточного числа покупателей по возросшей цене. А симулировать спрос не получается из-за отсутствия финансовых ресурсов. То же самое происходит при достижении пределов роста цен на недвижимость, те или иные инвестиционные товары, расширении потребительского кредита, роста предложения товаров и услуг, наращивании экспорта и т. п.⁵²

Но в ситуации, когда перенапряжение достигло сверхпредела, равновесие не может быть установлено. Начинается откат назад по причине того, что участники тенденции на повышение оказываются сильно связанными различными обязательствами (при этом обычно объемными, срочными и дорогостоящими, которые могли бы быть выполнены только при реализации их спекулятивных планов).

Возникает положительная обратная связь противоположной направленности: невозможность выполнить планы ведет к невозможности выполнить обязательства – это ведет к банкротству многих участников финансовой и экономической деятельности, что резко усиливает невозможность выполнить обязательства – это ведет к невозможности сохранить прежние цены – это ведет к сокращению реализации других планов – это ведет к невозможности выполнить обязательства – продолжают падать цены и обесцениваться активы.

А поскольку всеобщее перенапряжение в экономической и финансовой сфере достигло крайних размеров, все ресурсы задействованы, одновременно возникает и новая положительная обратная связь с противоположным результатом: падение цен вызывает уменьшение возможности получения необходимых ресурсов, прежде всего кредита (требование его возврата, рост его цены и резкое обострение дефицитности денег), которые с трудом изыскивались только под надежду дальнейшего роста цен – это ведет к необходимости сбрасывать те активы, в которые до этого вкладывались средства – это ведет к дальнейшему падению цен и т. п.⁵³ Недаром упоминавшийся выше Дж. Миллс (оказавший, по мнению Э. Хансена [1959: 348], большое влияние на английских экономистов второй половины XIX в.) утверждал, конечно, сильно преувеличивая, что **цикл кредита и есть цикл современной промышленности** (Mills 1868).

Марксисты и некоторые другие теоретики, начиная с Сисмонди (см., например: Маркс 1961 [1893, 1894]; Варга 1937, 1974а, 1974б), считали главным механизмом воз-

⁵¹ Надо отметить, что в экономике всегда представлена как одна, так и другая тенденции, только в период перегрева тенденция к понижению оказывается в явном меньшинстве.

⁵² Экономические кризисы нередко начинаются с биржевых или финансовых кризисов, потому что на бирже, в финансовом секторе и т. п. имеются особые условия для быстрого возникновения острого кризиса. В частности: а) эти институты являют собой высокую степень концентрации ресурсов; б) их ресурсы более мобильны, чем ресурсы материальные, и в то же время имеют значение для всей экономики; в) масштаб перегрева и степень дефицитности высокодоходных сфер приложения в этих секторах выше; г) возможности спекуляций тут больше, а оборачиваемость активов выше; д) смены настроений игроков выражены резче; е) повышательная и понижательная тенденции обозначены четче.

⁵³ Все это напоминает ситуацию с наступающей армией, которая далеко оторвалась от тылов, исчерпала ресурсы, наступает только по инерции. И стоит противнику перейти в контрнаступление, как до этого наступавшая армия начинает стремительно откатываться назад. При этом дорогостоящая военная техника и вооружение, бывшие столь необходимыми и дефицитными еще недавно, бросаются, так как мешают отступать.

никновения кризиса перепроизводство товаров. Перепроизводство действительно играет важную роль, но только уже в дальнейшем, в подфазе спада, вызывая заметное сокращение производства⁵⁴. Однако перепроизводство товаров, как правило, не способно создать ситуацию краха экономики (острого кризиса)⁵⁵. Поэтому можно согласиться с О. Бауэром, который указывал, что Маркс скорее показывает закономерности изменения конъюнктуры (подъемов и спадов, процветания и застоя), чем драматически тревожный момент кризисов (Каутский, Бауэр 1923: 83). Перепроизводство товаров в известной степени можно рассматривать как часть процесса превращения **дефицита предложения в дефицит спроса** (следует учесть, что «излишними» затем становятся не только товары, но и капиталы, и многое другое).

Таким образом, сам по себе острый кризис, то есть обрушение системы, по нашему мнению, не создается перепроизводством товаров. Его механизм, как показано выше, создается все большей сложностью аккумуляции ресурсов для поддержания экспансии роста и вызванной этим невозможностью для значительной части участников рынка преодолеть в определенный момент острый дефицит финансовых или иных ресурсов⁵⁶. Это особенно связано с резким сжатием кредита, сбросом акций и т. п. При этом чем резче реакция на возникшую ситуацию, тем может быть резче обрушение. Эндогенные события на кредитном рынке усиливают и распространяют потрясения для макроэкономики (Bernanke, Gertler, Gilchrist 1998).

А это, в свою очередь, резко усиливает диспропорции (и без того уже достаточно сильные в результате перегрева), что ведет к коллапсу (о роли диспропорций в создании кризиса см.: Туган-Барановский 2008 [1913]; Гильфердинг 1922; на некоторые важные диспропорции указывает и Маркс [1961/1894]). Это создает сильный структурный перекос, который обрушивает систему.

Далее события могут разворачиваться противоположно тому, что имело место при росте экономики. Падение спроса/цен (активности) вызывает уменьшение возможности выполнить обязательства и ожидания, это, в свою очередь, ведет к уменьшению инвестиций и дальнейшему падению спроса (цен, активности), пока ситуация не перейдет к какому-то равновесию⁵⁷.

Как уже говорилось выше, реакция на быстро изменяющиеся и негативные события не может быть полностью адекватной, напротив, как правило, она бывает нерациональной, неадекватной, панической. При другой, более рациональной реакции резкий обвал может и не наступить. Однако смена настроений и ожиданий происходит очень резко, что сильно ухудшает ситуацию. «Врожденная людская склонность переходить от эйфории к панике и наоборот кажется вечной; опыт многих поколений не смог ее искоренить», — очень верно отмечает А. Гринспен (2009: 442). Такого рода массовые движения в чем-то сродни движениям толпы, в которой, согласно Н. К. Михайловскому (1998 [1882]), обязательно найдется «герой», за которым ринутся остальные. Такие «шараха-

⁵⁴ Некоторые исследователи (например, А. Шпитгоф) указывали на тот факт, что нередко отрасли, производящие потребительские товары, испытывают влияние депрессии гораздо позже, чем отрасли, производящие капитальные товары. Это мнение ставится другими под сомнение, но очевидно, что чаще всего кризисы начинаются в областях, далеких от производства и реализации товаров массового потребления (см. также: Хансен 1959).

⁵⁵ Например, по мнению Г. Касселя, хотя и неоспорному, «типичный современный торгово-промышленный бум не означает ни перепроизводства, ни преувеличенной оценки потребительского спроса», а означает переоценку способности капиталистов предоставить капитал в достаточном количестве (Cassel 1932, II: 649; цит. по: Хаберлер 2008: 77).

⁵⁶ Например, получения нужного кредита для поддержания курса акций, скажем, в связи с резким выходом многих спекулянтов из процесса и продаж акций, чтобы зафиксировать прибыль.

⁵⁷ Отметим, однако, что подфаза острого кризиса не является абсолютно неизбежной. Во-первых, острота краха связана напрямую со степенью перегрева экономики. И если вовремя приняты меры по сокращению перегрева, то и краха как такового можно избежать (хотя тот или иной спад может иметь место). Во-вторых, если в период возникновения сжатия кредита, наибольшего дефицита финансовых ресурсов, банкротства крупных игроков и т. п. удастся вовремя оказать помощь, остается надежда избежать ситуации острого кризиса и краха.

ня», собственно, и создают тот резкий крен, который, образно говоря, окончательно опрокидывает уже перегруженную лодку экономики. Подобные явления резко неадекватной реакции на изменившуюся ситуацию в экономике можно назвать **эффектом одного борта** (Гринин 2009d; Гринин, Малков, Коротаев 2010a, 2010b). Если все пассажиры корабля кинутся на одну сторону, то корабль может перевернуться, притом что до этого он находился в достаточно устойчивом положении.

Подфаза экономического спада

Далее фаза рецессии переходит из полосы острого кризиса в спад, который захватывает все новые и новые области. Здесь мы считали бы нужным добавить, что если экономику рассматривать как единую систему или единый организм, то нет ничего удивительного, что при нарушении только одной жизненно важной подсистемы/органа (какими, скажем, являются банки или биржа) происходит нарушение жизнедеятельности всей экономики, что порой ведет к всеобщему коллапсу⁵⁸.

Как уже упоминалось выше, в фазе рецессии действуют в высокой степени те же механизмы положительной обратной связи, что и в фазе подъема, но в противоположном направлении: 1) очевидно, что в этой фазе сокращение спроса ведет к сокращению производства, а сокращение производства в свою очередь ведет к дальнейшему сокращению спроса; 2) сокращение производства вызывает рост безработицы, а это дополнительно ведет к сокращению спроса, что ведет к падению производства, а это ведет к росту безработицы и т. д.; 3) падение производства способствует росту кризисных ожиданий, что, в свою очередь, ведет к падению долгосрочных инвестиций, а это способствует сокращению производства; 4) падение производства создает неуверенность, что ведет к сокращению предложения кредита, что сокращает спрос и ведет к усилению экономического спада. Спад приводит к дальнейшему сокращению предложения кредита, что ведет к падению общего спроса и далее к спаду производства; 5) падение производства предметов потребления ведет к еще более масштабному падению производства средств производства, что обуславливает еще большее падение производства предметов потребления (в том числе и из-за сокращения спроса на предметы потребления со стороны работников, сократившегося сектора производства средств производства).

И, наконец, очень важный момент, также противоположный фазе подъема, заключается в том, что хотя объем производства падает, но длительное время из-за накопленных резервов и запасов, все еще вводимых в строй новых технологических мощностей предложение существенно опережает спрос. В результате цены не только перестают расти, но часто начинается их падение. Инфляция превращается в дефляцию (во всяком случае, это было обычным явлением для фазы спада при золотом стандарте, но в последние десятилетия дефляция уже не является обязательной).

Нужна сильная коррекция, чтобы вернуться к какому-то равновесию, так как в предыдущей фазе равновесие было серьезно нарушено. Возникший излишек ресурсов должен быть так или иначе уничтожен. Отсюда нередко говорят о расплате за предыдущее процветание и нерациональное поведение, в том числе за безудержную стимуляцию экономики с помощью кредита (von Mises 1981 [1912]; Ротбард 2005 [1969]; Мендельсон 1959).

Возрастание доли рискованного кредита в рыночной экономике является центральной частью теории известного американского экономиста Х. Мински (Minsky 1983, 1985, 1986, 2005). По мнению М. Н. Ротбарда (2005 [1969]), еще в конце XVIII в. именно в деятельности коммерческих банков, которые сначала безудержно раздают кредиты, а потом начинают их резко сокращать, Давид Юм и Давид Рикардо нашли ключ к разгадке повторяющихся циклов, состоящих из расширения и сжатия, из бумов и крахов, так озадачивавших наблюдателей еще с середины XVIII в.

⁵⁸ В качестве аналогии для объяснения возникновения острой фазы кризиса от причин, иногда на первый взгляд не слишком серьезных, можно привести ситуацию на перегруженной трассе, где одна авария (а тем более несколько) сразу парализует все движение.

Фаза спада иногда, но достаточно редко, может прерываться новым непродолжительным подъемом, за которым опять наступает спад, правда, низшая точка спада теперь становится выше, чем была до указанного краткосрочного подъема. Это хорошо видно из Рис. 1.2.6 (Хансен 1959: 82, рис. 12).

Фаза депрессии

В отношении этой фазы достаточно часто высказывают мнения подобно следующему, которое, на наш взгляд, является вполне справедливым: «Эта фаза вытекает, причем неизбежно, из предшествующего экспансионистского бума. Именно предшествующая инфляция делает фазу депрессии неизбежной. Таким образом, депрессия – это процесс, посредством которого рыночная экономика адаптируется, избавляется от крайностей и искажений предыдущего инфляционного бума и восстанавливает устойчивое экономическое положение. Депрессия является малопривлекательной, но необходимой реакцией на искажения и крайности предшествующего бума» (Ротбард 2005 [1969]).

Это та фаза, когда многие крайне важные в предыдущих фазах элементы экономики, скажем, капитал или кредит, не находят себе полного применения. В фазе депрессии, например, накапливаются свободные средства, под которые нередко трудно найти заемщиков, отчего процентные ставки резко падают (см., например: Туган-Барановский 2008 [1913]). Но в то же время это фаза, когда происходит активная перестройка экономики. По мнению Дж. Кейнса, до начала оживления обычно должен пройти определенный период, поскольку необходимо восстановление предельной эффективности капитала (Кейнс 1978: Гл. 22). Однако для такого восстановления, на наш взгляд, помимо собственно времени, усилий предпринимателей и восстановления равновесия также очень важно, чтобы в этот период были устранены те или иные препоны, запреты и возникли новые стимулы для роста. Чем оно глубже, тем заметнее может оказаться резерв для роста. По нашему мнению, чем больше резерв для развития, тем длительнее может быть подъем и короче спад. Этим в том числе объяснялось замеченное Ж. Лескюром обстоятельство, что в США в XIX в. подъемы продолжались дольше, чем в Европе, а перелом промышленной волны наступал обычно на 2–3 года позже (Лескюр 1908: 241). Ведь США тогда имели колоссальные резервы для развития как внутри страны, так и за счет притока эмигрантов и капиталов.

Пояснение. Как уже было указано выше, новый цикл начинается в период очередной депрессии на новом уровне равновесия (Schumpeter 1939), после прохождения «мертвой точки депрессии», по выражению А. Шпитгофа (см.: Хаберлер 2008: 73). Установление этого нового уровня равновесия говорит о том, что часть проблем, приведших к кризису и спаду, уже снята, а возможности для развития расширены. Однако заметим, что такое снятие или отодвигание препятствий/ограничений для развития никогда не достигается только чисто технологическими или производственными мерами, как следует по логике идей Й. Шумпетера (1982)⁵⁹. Даже если в центре происшедших изменений стоят чисто технические усовершенствования, они всегда ведут к существенным социальным трансформациям. Так, после кризиса 1825 г. в Англии начали активно внедрять механические ткацкие станки, что привело к удешевлению тканей и росту их производства более чем в полтора раза к моменту следующего кризиса 1836 г. (см.: Мендельсон 1959, т. 1). Но к этому времени в Англии насчитывался 1 млн ручных ткачей, которые в целом получали достаточную плату. К следующему кризису, 1836 г., их число резко сократилось, а к кризису 1847 г. их и вовсе осталось небольшое количество (кроме того, число ткачей резко уменьшилось в Индии). Поэтому период активного роста экономики, связанный с периодическими кризисами, обычно сопровождается и очень серьезными социально-политическими и правовыми перестройками. Это объясняет, почему кризис надо рассматривать не просто как экономические колебания конъюнктуры, но как кризис структуры, которая уже не соответствует выросшей экономике.

⁵⁹ Иногда оно может быть снято расширением зарубежных рынков и т. п.

После прохождения фазы депрессии начинается фаза оживления, которая была описана выше. Но если вернуться к идее о колебаниях в процессе цикла дефицита спроса и предложения, то можно добавить, что при выходе из депрессии точек роста сначала немного, и их выделение требует предпринимательских талантов, интуиции и везения. Крайне важно, если к этому времени реально существует кластер важных технических и иных (торговых, коммуникативных, финансовых) инноваций, что существенно расширяет горизонт применения для капиталов и облегчает подъем. Так или иначе, по мере развития фазы роста сфера выгодного вложения капитала расширяется. В разгар фазы роста, как правило, существует много выгодных сфер вложения денег, но понемногу ниши заполняются, производство достигает оптимального объема. Дальше становится сложнее наращивать его прежними темпами. Поэтому количество сфер выгодного приложения капитала начинает сокращаться. В оставшиеся выгодные ниши устремляется все большая и большая часть капиталов. Наконец область выгодного вложения капиталов сжимается часто до классических сфер (недвижимости, финансовых инструментов, сырья, а нередко и чего-то специфического для данного момента, например интернет-компаний). Там и надуваются пузыри, которые в конце концов ведут к краху, после которого в течение ряда лет копившееся во всех сферах перепроизводство проявляет себя в полной силе.

Важность дальнейших разработок теории циклов Жюгляра

После Великой депрессии интерес к циклам Жюгляра резко возрос, и, по словам Г. Хабберлера (2008: 431), никогда еще в истории экономической науки не было периода, когда бы проблема экономического цикла исследовалась столь усиленно. Однако позже в связи с тем, что во второй половине XX в. (особенно на повышательной фазе четвертой кондратьевской волны) протекание циклов существенно изменилось (в первую очередь под влиянием активного воздействия государства на экономическую конъюнктуру)⁶⁰, рецессии перестали быть столь глубокими, как раньше, а сами моменты кризисов – столь драматичными, оживление наступало сравнительно скоро, исследователи стали уделять гораздо больше внимания инструментам воздействия на денежную массу, чем циклам Жюгляра (хотя им, правда, скорее уже по традиции, обычно уделяли особую главу в учебниках макроэкономики⁶¹). Мы полагаем, что подобное пренебрежение к исследованию циклов Жюгляра непродуктивно. По нашему мнению, современный кризис во многом оказывается весьма похожим по типу на классический кризис конца цикла Жюгляра (об этом мы еще подробнее будем говорить в Разделе 3, Глава 4). Как ясно из вышеизложенного, характерными для классических J-циклов были быстрый, иногда просто взрывной, подъем (бум), требующий огромного напряжения экономики, и затем еще более быстрый крах.

Такая классическая жюглярская цикличность в своем ярко выраженном, то есть не сглаженном вмешательством государства, виде определялась: а) наличием золотого стандарта в расчетах внутри страны и между странами; б) свободным движением цен и колебанием процента; в) относительно малым вмешательством государства в дела во время подъема и даже кризиса и спада (хотя постепенно такое вмешательство росло). Отсюда период подъема, затем бума и перегрева экономики сопровождался быстрым

⁶⁰ Это вынуждены были признать даже наиболее добросовестные советские экономисты, такие как академик Е. С. Варга, венгр по национальности, ученик еще австрийской экономической школы (см., например: Варга 1974б: 366–400), указавший в частности, что фаза депрессии резко сократилась. На изменения протекания кризисов в Англии с конца XIX в. первым указал М. И. Туган-Барановский (2008 [1913]). У. Митчелл также указывал, что хотя рецессия – обязательная часть цикла, не всякий цикл обязательно связан с кризисом (Митчелл 1930: 391–392). Подробнее анализ послевоенных циклов см.: Гринин, Коротаев 2010а.

⁶¹ См., например: Мэнкью 1994: Гл. 14; Сакс, Ларрен 1996: Гл. 17; Абель, Бернанке 2008: Гл. 8, хотя такие главы имеются и не во всех подобных учебниках. Например, в учебнике Р. Дорнбуша и С. Фишера (1997) такой главы нет.

и неадекватным ростом цен на сырье и недвижимость, спекуляций с товарными и фондовыми ценностями, большим напряжением кредита и огромным увеличением рискованных операций, расширением инвестиций выше всяких разумных пределов. И затем следовал неожиданный на фоне процветания и, казалось бы, внезапный крах. Все это яркие черты цикла Жюгляра, неоднократно описанные в литературе самых разных школ (см., например: Juglar 1862, 1889; Лескюр 1908; Туган-Барановский 2008 [1913]; Маркс 1961 [1893, 1894]; Мендельсон 1959; Гильфердинг 1922; Хаберлер 2008; Кейнс 1978; Хикс 1993: 432–442; Абель, Бернанке 2008: 361–502; Самуэльсон, Нордхаус 2009).

Разбухание ценностей за счет вышеописанных и иных способов в период бума на время фактически снимало ограничения, поставленные металлическим стандартом. Почти всегда в фазе подъема дополнительно работает либо новая финансовая технология (конечно, наряду со старыми), либо новый тип активов (такими были в течение ряда периодов XIX в., например, железнодорожные акции), позволяющие разогнать кредит, спекуляцию и в целом усилить перегрев экономики⁶². Денежная составляющая циклов Жюгляра всегда была исключительно важной, хотя в основе самого циклического **возрастающего** движения лежала, конечно, реальная экономика.

Указанные причины во многом и вызывали очень резкие и ярко выраженные циклические черты; в частности, при уменьшении доверия к заменителям денег спрос на золото и наличные возрастал настолько, что разрушал всю банковскую систему. Однако постепенно за счет национальных ЦБ и под воздействием кейнсианских рецептов в рамках развития национальной экономики удалось минимизировать эти драматические перекосы взлетов и падений, а также поставить спекуляцию под некоторый контроль (например, после Великой депрессии в США был принят закон Гласса – Стигалла, запрещающий банкам, инвестиционным фирмам и страховым компаниям спекулировать на биржах [см.: Лан 1976; Самуэльсон, Нордхаус 2009; Суэтин 2009б: 41]). Это привело к сглаживанию колебаний циклических фаз и менее взрывному протеканию кризисов⁶³.

Но дело в том, что в настоящее время кризис явно перерос национальные рамки, он разразился именно как международный, в котором национальные нормы уже действуют в явно ослабленном виде, а международной регуляции еще не выработано. Отсюда и повторение на новом этапе ряда старых черт, ведь методы регуляции, годящиеся для отдельной страны, не работают в мир-системном масштабе, тем более что правил такой регуляции не выработано.

Мы считаем, что такое повторение сегодня некоторых черт цикла Жюгляра связано именно с тем, что в современном кризисе явно обнаружилось эти черты анархичности и аритмичности развития нерегулируемой рыночной экономики:

1. Субъекты международного права (и их экономические агенты) во многом ведут себя так, как вели раньше субъекты рынка и национального права, а поскольку в своих расчетах они используют валюту и валютные курсы, это неизбежно ведет к резким перекосам в международной торговле, девальвациям и т. п.

2. В последние десятилетия движение капиталов между странами стало свободным, то есть оно относительно слабо регулируется национальным и почти не регулируется международным правом. Это вызывает огромные и стремительные перемещения капи-

⁶² Например, при возобновлении хартии Английского банка в 1833 г. было разрешено повсеместное образование депозитных акционерных банков, в результате чего их число стало быстро увеличиваться, что сильно способствовало росту аккумуляции капиталов, спекуляции и одновременно нарастанию условий для кризиса 1836 г. (см. подробнее: Туган-Барановский 2008 [1913]: 110–111). Подробнее о появлении различных новых финансовых технологий от цикла к циклу см.: Гринин, Коротаев 2010а.

⁶³ В 1999 г. в США был принят закон о модернизации финансовых услуг, который отменил действовавший более 60 лет закон Гласса – Стигалла (см.: Суэтин 2009б: 41). В качестве аргумента введения закона о модернизации финансовых услуг звучали заявления о том, что американские кредитные учреждения уступают иностранным конкурентам – особенно европейским и японским «универсальным банкам», на которые ограничения не распространялись (Гринспен 2009: 200).

тала, которые ведут к очень быстрому подъему в некоторых местах и затем резкому спаду при кризисных явлениях.

3. В современной экономике не только появились новые финансовые технологии, но и сама современная экономика стала во многом производить ценности именно в финансовой сфере (финансовых услугах). Таким образом, резко выросла финансовая составляющая кризиса (в отличие от предыдущих десятилетий, где основной рост шел в материальной сфере; подробнее эти процессы проанализированы нами в следующих публикациях: Гринин 2009а, 2009в, 2009г; Гринин, Коротаев 2010а; Гринин, Малков, Коротаев 2010а, 2010б; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010а; Grinin, Korotayev, Malkov 2010).

В завершение главы мы хотели бы указать на следующий важный момент. Деятельность современных финансовых корпораций и фондов, приводящая к неконтролируемому росту финансовых активов и анархии в их перемещении, абсолютно справедливо подвергается критике (см., например: Schäfer 2009: 279–280), в том числе и в наших собственных работах (Гринин 2008б, 2009а, 2009в, 2009г; Гринин, Коротаев 2010а; Гринин, Малков, Коротаев 2010а, 2010б; Grinin 2012; Grinin, Korotayev 2010а; Grinin, Korotayev, Malkov 2010). Поэтому мы абсолютно убеждены в необходимости искать возможности для минимизации рисков в мировом масштабе, для регулирования деятельности финансовых агентов и ограничения их в наиболее опасных операциях (Там же). Однако было бы крайне неправильно представлять, что новейшие финансовые технологии вредны в самой своей основе, что они приводят мировую экономику только к различным бедам и выгодны лишь паразитирующим финансистам и спекулянтам. Напротив, как возникновение, так и современное состояние финансового сектора было призвано решать очень важные задачи, причем именно в глобальном плане. Наш собственный анализ показал, что мировые финансовые потоки сегодня выполняют и важные позитивные функции, включая «страхование» социальных гарантий в мировом масштабе (см.: Гринин 2009г; Grinin 2010, 2012; Grinin, Korotayev 2010а).

* * *

По нашему мнению, математическая модель цикла Жюгляра должна учитывать следующие эффекты, присущие рыночной экономике:

- наличие положительных обратных связей между экономическими процессами;
- наличие определенной инерционности, запаздывания реакции экономики на изменение условий (например, запаздывание изменения объема инвестиций по отношению к изменению спроса, запаздывание изменения выпуска продукции по отношению к изменению объема инвестиций);
- усиление финансовой системой обратных положительных связей и временных лагов в экономике (за счет влияния кредитов, спекулятивных операций и т. п. на экономические процессы);
- избыточную (и слишком быструю) реакцию на изменившиеся условия в фазе кризиса.

Один из возможных вариантов математической модели цикла Жюгляра приведен в: Гринин, Малков, Коротаев 2010а; Гринин, Коротаев, Цирель 2011.

Глава 3. Соотношение волн Кондратьева и циклов Жюгляра

1. Постановки задачи и предварительные выводы

Вводные замечания

Главная цель данной главы – исследовать связь между волнами Кондратьева и циклами Жюгляра. Анализ такой связи, на наш взгляд, может существенно прояснить как причины чередования повышательных и понижительных фаз в К-волнах, так и причины относительной стабильности длительности этих волн.

Хотя, как мы видели в Главе 2, относительно природы происхождения среднесрочных J-циклов с характерным периодом в 7–11 лет имеются разные точки зрения¹, тем не менее ряд главных факторов, «ответственных» за возникновение циклических жюглярских колебаний, не вызывает сомнений (хотя и ведутся споры по поводу размера их «взноса» в формирование кризиса).

В отношении причин возникновения и повторения К-волн (длинных циклов) гораздо меньше ясности и согласия, поскольку тут преимущественно господствуют гипотезы². Мало того, возможно, исследователей особенно и привлекает эта загадочность К-волн, необъяснимая стабильность длительности самих волн и их фаз (соответственно 40–60 лет и 20–30 лет).

Несмотря на существенные продвижения в исследовании этих волнообразных колебаний, среди их исследователей нет единства по наиболее существенным моментам (обзор мнений см., например: Goldstein 1988), в том числе количеству циклов; их периодизации (в частности, имели ли место К-волны до начала промышленного переворота XVIII в. или нет³); по поводу того, по каким параметрам следует судить об этом циклическом (волновом) движении и какие сферы подвержены таким колебаниям (только ли экономическая или также политическая и культурная сферы)⁴. Нет согласия в том, какие факторы являются главными в возникновении и смене направления тренда этих волн (их повышательных и понижительных фаз) и даже в отношении «списка» основных факторов⁵.

Несмотря на указанные трудности, можно исходить из того, что циклическая динамика К-волн, по крайней мере в последние полтора-два века, имела место в реальности; что достаточно ритмичное колебание подъемов и спадов (ускорений и замедлений) неко-

¹ См., например: Juglar 1862, 1889; Лескюр 1908; Маркс 1961 [1893, 1894]; Туган-Барановский 2008 [1913]; Tugan-Baranovsky 1954; Гильфердинг 1922; Митчелл 1930; Кейнс 1978 [1936]; Варга 1937; Трахтенберг 1963; Хаберлер 2008; Haberler 1964 [1937]; Мендельсон 1959–1964; Minsky 1983, 1985, 1986, 2005; Хикс 1993: 432–442; Самуэльсон, Нордхаус 2009; Самуэльсон 1994; Шумпетер 1982; Schumpeter 1939; von Hayek 1931, 1933; von Mises 1981 [1912]; Мизес 2005; Кассель 1925; Pigou 1929; Фридман 2002; Abel, Bernanke 2008: 361–502.

² Вплоть до признания одним из главных факторов, генерирующих К-волны, климатических изменений (см., например: Моуги 1992).

³ Примеры взглядов сторонников доиндустриальных К-волн см., например, в следующих работах: Goldstein 1988; Модельски, Томпсон 1992; Моуги 1992; Пантин 1996; Пантин, Лапки 2006 и т. д. Некоторые исследователи, не отрицая определенных длительных колебаний в доиндустриальный период, рассматривают К-волны в этот период как некие исторические эксцессы, вызванные различными экзогенными факторами (см., например: Маевский 1992: 60).

⁴ См. неполный перечень такого рода проблем в следующих работах: Маевский 1992: 58–60; Аврамов 1992: 64–66; Румянцева 2003: 11–12.

⁵ В отношении основных причин (при всем разнообразии взглядов) можно выделить монокаузальные и мультикаузальные подходы (последние с большим или меньшим успехом могут объединяться в тот или иной парадигмальный синтез). Критику монокаузальных подходов см.: Румянцева 2003: 50.

торых важных экономических показателей (технологических изменений, цен, ВВП, оборотов торговли и др.) при анализе экономического развития действительно наблюдается (см., например: Korotayev, Tsirel 2010; Гринин, Коротаев, Цирель 2011).

Мы считаем, что одним из самых перспективных направлений исследования К-волн мог бы стать анализ их связи со среднесрочными J-циклами. Однако, как ни странно, связь между К-волнами и циклами Жюгляра исследована совершенно недостаточно, что явно свидетельствует о недооценке важности такой связи (возможно, проистекающей из того, что исследователи разных циклов нередко противопоставляют одни циклы другим)⁶.

Напомним, что внешняя связь между К-волнами и J-циклами очень наглядно видна в том, что наиболее общепринятые датировки кондратьевских волн и их фаз тесно связаны с общепринятыми датировками жюглярских циклов⁷. Однако в целом даже этот аспект связи кондратьевских и жюглярских циклов исследован крайне недостаточно и поверхностно (см.: Полетаев, Савельева 1993: 11–12; Аврамов 1992: 66–68), в том числе мало говорил о такой связи и сам Кондратьев (2002: 379–380). Й. Шумпетер уделил данной связи несколько больше внимания (например: Schumpeter 1939), однако, по нашему мнению, он видел эту связь слишком прямолинейно, не на должном уровне причинности, фактически уподобляя структуру длинных циклов (К-волн) структуре среднесрочных J-циклов (см. также: Румянцев 2003: 19). Отметим, что Шумпетер, разрабатывая теорию циклов разной периодичности, в целом исходил из принципа единства причины и множественности эффектов (см.: Аврамов 1992: 67), что при определенной эвристичности все-таки не является полностью верным. Длительные процессы все же должны иметь и соответствующие по импульсу причины. Ниже мы показываем, что для К-волн такие причины коренятся в самой природе расширенного воспроизводства экономики, но при этом менее длительные импульсы, связанные с чередованием J-циклов, упорядочивают периодичность К-волн.

Мы считаем, что необходимо более глубокое исследование связи между двумя типами циклов. Исследование взаимосвязи между J-циклами и К-волнами, думается, способно пролить свет на причины наиболее загадочного момента: достаточно стабильной длительности кондратьевских волн и их фаз (соответственно 40–60 лет и 20–30 лет). Полностью объяснить эту длительность экзогенными факторами, сменой поколений технологий или сменой поколений людей вряд ли возможно. Требуется поиск экономических и социальных процессов, которые одновременно выступали бы как факторы, способные достаточно естественно поддерживать указанный ритм в процессе своего воздействия на протекание К-волн. На наш взгляд, единственным реальным фактором, который может задавать кондратьевским волнам и их фазам ритм колебаний имеющейся длительности, являются жюглярские циклы. Помимо установления органической взаимосвязи К-волн и J-циклов совершенно необходимо исследовать также связь этих двух типов циклов с некоторыми процессами, происходящими на мир-системном уровне.

Некоторые предварительные выводы

Анализ проявления и смены К-волн достаточно убедительно показывает, что, несмотря на большой спектр на первый взгляд взаимоисключающих мнений о природе К-волн, сторонники почти всех теорий отчасти правы. Но, разумеется, эта правота имеет весьма ограниченную степень применимости. Иными словами, требуется глубокий синтез самых разных теорий, чтобы получить более адекватное представление о природе и дви-

⁶ Концепции длинных циклов (К-волн) и «нормальная» теория экономического цикла существуют и развиваются относительно независимо. Специалисты по теории экономического цикла стараются за минимальными исключениями игнорировать существование длинных циклов, а сторонники последних почти не используют (по крайней мере, в явном виде) достижения «конвенциональной» теории (Полетаев, Савельева 1993: 11–12).

⁷ Это хронологическое соотношение подробно исследовано в: Гринин, Коротаев 2010а, в рамках настоящей главы оно дополнительно конкретизируется, а в конце данной монографии также помещено Приложение 1 «Хронология экономических кризисов», в котором подробно показывается взаимосвязь J-циклов и К-волн.

жущих силах К-волн⁸. Ситуация здесь аналогична той, что имеется в теории среднесрочных циклов. По сути, частично правы сторонники большинства подходов, но общее представление вырабатывается только синтетической теорией (см., например: Хаберлер 2008). Отметим, кстати, что в исследовании J-циклов задействовано больше теорий, чем в исследовании К-волн, в частности в последних слабо используются психологические теории (см. о них, в частности: Хаберлер 2008; Гринин 2009д), которые, на наш взгляд, являются важными для понимания некоторых аспектов смены трендов К-волн.

При изложении своих взглядов мы опирались на следующие подходы, которые исследуют эндогенные (внутренние) факторы: инновационный и инвестиционный, а также подходы, обращающие основное внимание на такие факторы, как обесценивание капитала, падение нормы прибыли и смена технологических укладов. Мы опирались и на подходы, обращающие особое внимание на экзогенные (внешние) факторы: влияние войн и расширение внешней ресурсной базы, а также монетарные теории. Однако эти теории привлекаются нами только в тех пределах, которые обусловлены нашими общими подходами. Следует также учитывать, что мы рассматриваем К-волны только в экономическом аспекте, абстрагируясь от цивилизационных, культурных и иных проявлений К-волн, но учитывая полный спектр факторов этой динамики (включая политические, правовые, социальные и т. п. факторы).

Повторим, что важнейшим компонентом нашей теории, позволяющим интегрировать различные подходы, является опора на органическую связь между К-волнами и J-циклами.

Ниже перечислены некоторые вопросы, которые являются важными при анализе К-волн и которые мы пытались более или менее полно разрешить. Аргументированные выводы в отношении этих и других сложных вопросов приведены ниже. В настоящем разделе мы попытались дать предварительные ответы на них, а также некоторые исходные пункты, которые облегчают понимание дальнейшего изложения.

1) Есть ли эндогенные факторы, которые задают смену колебаний с повышательного тренда (А-фаза) на понижательный (В-фаза) и наоборот?

Сама смена понижательного и повышательного трендов вызывается потребностью в постоянном расширении индустриальной экономики, которое наталкивается на препятствия. Можно говорить о чередовании двух типов-тенденций развития: 1) преобладания качественного инновационного развития (создание новых технологий); 2) преобладания количественного развития (широкого внедрения/диффузии инноваций, что, собственно, означает процесс смены технологий) (см., например: Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011). Обе тенденции одновременно присутствуют в экономике, то есть они перманентно сосуществуют, только в одни периоды преобладает одна, а в другие – вторая (см., например: Перес 2011; Гринин 2003, 2006а, 2006б, 2007а, 2007б, 2009б; Grinin 2006, 2007а, 2007б; Гринин, Коротаев 2009а). Инновационные (качественные) процессы связаны с периодом возникновения и апробирования новых технологий разного типа (от производственных до финансовых и социальных, включая и технологии борьбы с кризисами). Количественные процессы связаны с периодом, когда эти технологии широко распространяются/диффундируют до тех пор, пока не исчерпают свои потенции. Для стран, которые вынуждены следовать за лидерами, процесс широкого распространения технологий, по сути, равен процессу догоняющей модернизации. В рамках Мир-Системы процессы такой модернизации, как будет видно дальше, играют важную роль в объяснении длительности А-фаз.

Периоды преимущественно качественного развития задают потенциальную возможность реализации В-фаз, а периоды преимущественно количественного – А-фаз. Качественное изменение, доказывая свое преимущество, стремится к распространению, экспансии, диффузии. Новые технологии, став привычными и выйдя на уровень насыще-

⁸ Такая задача периодически ставится сторонниками концепции длинных волн (см., например: Меньшиков, Клименко 1989; Лазуренко 1992).

ния, теряют свой импульс (см., например: Перес 2011; см. также: Акаев, Румянцева и др. 2011); для нового ускорения развития требуется переход от экстенсивного (количественного) развития вновь к инновационному интенсивному (качественному). Это, как известно, приводит к смене технико-экономических парадигм, но также и к смене финансовых стилей, взаимоотношений в рамках мировой торговли и т. п. (об изменении тех или иных параметров см., в частности: Кондратьев 2002; Schumpeter 1939; Меньшиков, Клименко 1989; Лазуренко 1992; Пантин, Лапкин 2006; Румянцева 2003; Гринин 2010а; Гринин, Коротаев 2010а; Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011).

Таким образом, длительные процессы рождения и распространения инноваций, смены технико-экономических укладов, моделей международных отношений и экономического регулирования задают длительные импульсы к ускорению или замедлению роста производства, продаж, цен и т. п. Но в описанной схеме речь идет только о потенциальной возможности смены типов А- и В-фаз, точнее, о нерегулярной, непериодической их смене. Механизм, создающий относительно постоянный временной (периодический) ритм смены фаз, возникает за счет смены цепочек/кластеров J-циклов (см. ниже). Кондратьевская волновая динамика, таким образом, представляет собой сложный процесс интеграции различных факторов и причин, приобретающих определенную направленность и формы через синтез долгосрочных импульсов, ритм J-циклов, реакции экономических акторов и общества в целом. Вот почему абсолютно неверной является постановка вопроса таким образом, как это делает С. Ю. Глазьев, который считает, что в основе всего лежит жизненный цикл технологического уклада, а «на поверхности экономических явлений этот период предстает в форме длинных волн экономической конъюнктуры» (Глазьев 2009: 26). Такой подход в духе гегелевско-марксистской философской пары «сущности и явления» не просто лишает К-волны специфики, но и редуцирует все к одному фактору, игнорируя массу других, не менее важных.

Что же касается экзогенных факторов, например войн, то они усиливают некоторые импульсы (в частности, инфляционные) и иногда дают первичный толчок для смены процессов. Но следует понимать, что в рамках Мир-Системы различие эндогенных и экзогенных факторов во многом теряет смысл. В полной мере и К-волны, и J-циклы в их непрерывности характерны только для Мир-Системы (или, по крайней мере, для ее основной, наиболее интегрированной, части). Ни в одном обществе на протяжении всего индустриального развития (около 200 лет) регулярно в ясном виде они не просматриваются. И если анализировать К-волны с точки зрения мир-системного характера процессов, то фактически все релевантные социальные и экономические процессы приходится рассматривать как эндогенные. Иными словами, в рамках Мир-Системы, по сути, мы должны говорить об эндогенных факторах разного порядка (за исключением, конечно, некоторых природных факторов).

2) Какие факторы определяют относительную временную устойчивость по длительности как самих К-волн, так и их А- и В-фаз?

Длительность и относительная правильность смены фаз К-волн определяется характером кластеров близлежащих J-циклов. А-кластер состоит из двух – четырех (но чаще трех) повышательных циклов Жюгляра, В-кластер – из двух-трех (но чаще двух) понижательных J-циклов. Во время А-фазы К-волн быстрое расширение экономики неизбежно приводит общество к необходимости изменяться, развитие переходит в В-фазу. Но возможности изменения общества отстают от требований экономики, поэтому время перестройки соответствует более трудному, «нисходящему» развитию. Ниже мы остановимся на этом вопросе подробнее. Между повышательной и понижательной тенденциями К-волн имеется отрицательная обратная связь, которая усиливается с каждым новым среднесрочным циклом (в результате чего тенденция меняется на противоположную), поскольку характер и итоги каждого J-цикла (его кризисы и подъемы) являются сигналом активным участникам процесса в отношении выбора той или иной стратегии (в частности, расширения или сокращения инвестиций и т. п.).

Стоит обратить внимание, что кризисы в обычном смысле являются атрибутом только среднесрочных циклов (если не брать кризисы, вообще не связанные с циклами, например некоторые биржевые).

3) Почему и как меняются главные показатели динамики К-волн?

Это результат развития и эволюции мировой экономики, перехода к новым условиям, это результат изменения Мир-Системы. В условиях металлических денег цены оставались важнейшим показателем, далее они уступили место показателям экономического роста. Это вполне органичный процесс, показывающий, что процессы, описываемые К-волнами, претерпевают изменения.

4) Чем, какими эндогенными механизмами объясняются длительные инфляционные и дефляционные тренды и их смена?

Эти тенденции заложены в природе самой индустриальной экономики (а войны, появление новых источников драгоценных металлов и т. п. экзогенные факторы могут дополнительно усиливать инфляционную тенденцию). Стремление к расширению и росту в тенденции ведет к усилению ресурсных ограничений и соответственно к инфляции. Но в условиях твердых металлических денег рост производительности труда и возможностей выпуска товаров начинает опережать объем существующих в экономике денег (платежеспособного спроса). Деньги дорожают, а прибыль начинает стремиться к понижению. Это вызывает поиск новых способов увеличения производства, в том числе за счет понижения издержек. Последнее ведет к тому, что объем произведенных товаров дополнительно увеличивается, а их цена еще более уменьшается. *Таким образом, дефляционная тенденция так же, как и инфляционная, заложена в стремлении экономики к расширению.* Бизнес активно ищет возможности повышения нормы прибыли и борьбы с дефляцией. Эти возможности находятся – хотя и не сразу – путем расширения рынков (экспорта) и/или создания/распространения новых финансовых технологий. Для преодоления дефляционной составляющей необходимо широкое распространение новых финансовых технологий (или иных технологий, позволяющих расширять объем финансовых активов или влиять на уровень цен). Это увеличивает денежную массу и соответственно повышает спрос (как в рамках отдельного общества, так и в целом в Мир-Системе). Но по мере исчерпания потенций новых технологий и территорий вновь усиливается дефляционная тенденция.

5) Можно ли реально говорить о сокращении длительности К-волн? И если да, то каков механизм такого сокращения?

Как уже сказано, в XIX – начале XX в. наблюдалось сокращение J-циклов до 7–9 лет. Вместе с этим наблюдалось и сокращение К-волн с 60 лет до 45–50. Таким образом, некоторое сокращение длительности К-волн как будто наблюдается. Однако такое изменение длительности К-волн носит довольно сложный характер, некоторые объяснения которого даны ниже.

Имеются небезосновательные предположения о существенном сокращении четвертой и пятой К-волн (то есть К-волн послевоенного времени). В связи с привязкой К-волн к J-циклам ясно, почему К-волны не сокращаются постоянно за счет ускорения технологического процесса.

То, что, например, понижательная фаза четвертой волны (1969–1982 гг.) закончилась быстрее обычного (а это и породило идеи о сокращении К-волн), наглядно говорит о том, что *длина фазы и волны в целом зависит от быстроты реакции общества.* В 1970–1980-е гг. в США и Европе (особенно в Англии) приняли радикальные решения, которые помогли быстрее выйти из пике кризиса. И – видимо, стоит отметить как важный вывод – именно такие решения во многом (не во всем, конечно) способствовали подъему *новых технологий, особенно финансовых.*

Характерно, что, так как государства и прочие акторы всеми силами стремятся растянуть благополучный (недепрессивный) период (а с другой стороны – всячески сократить период трудностей и депрессий), длительность А-фазы практически не сокращается, в то время как длительность В-фазы может – при удачном стечении обстоятельств

и эффективным воздействием на протекание J-циклов со стороны правительств – сокращаться. Стоит отметить, что в некоторых случаях государствам удавалось растянуть подъемы J-циклов и в целом их длительность, например в США в 1990-е гг., где только подъем шел в течение почти 10 лет. Нам кажется, что это проще и полнее объясняет феномен сокращения длительности В-фазы четвертой К-волны, чем объяснение, данное В. И. Пантиным и В. В. Лапкиным (2006: 289–303)⁹.

6) Есть ли и какова взаимосвязь К-волн и войн?

Определенный более или менее постоянный «фон» войн до Первой мировой войны имел место в течение обеих фаз К-волн. Но в течение А-фаз частота войн несколько повышалась за счет более интенсивных процессов модернизации в Мир-Системе. Дело в том, что ускоренная модернизация характерна возникающими из такого ускорения внутренними и межгосударственными проблемами, в том числе и учащением войн.

Объяснение длительности J-циклов. Итак, временной ритм смены фаз К-волн задается длительностью J-цикла. А чем определяется длительность самого J-цикла?

В литературе нет четкого объяснения длительности жюглярских циклов в 7–11 лет. По нашему предположению, минимальная и максимальная длина J-цикла вытекает из вполне естественных обстоятельств. Если брать цикл, состоящий из четырех фаз, то даже при средней длине каждой фазы в один год период цикла составит 4 года (но надо учитывать, что в каждой фазе можно выделить по крайней мере две подфазы [см. Главу 2]). Конечно, можно допустить, что на А-фазе собственно рецессия, даже депрессия и оживление могут длиться один год (рецессия в случае резкого падения и быстрого достижения дна может длиться даже меньше года), хотя реально две последние фазы нередко делятся по два года и даже по несколько лет. Однако фаза подъема в один год – редкое явление (такое вряд ли может быть даже на понижательных В-фазах, но на них депрессия бывает достаточно долгой). Ведь подъем длиной в год никак не может вызвать перегрева.

Чтобы подъем перерос в бум и состояние перегрева, нужно быстрое развитие хотя бы в течение трех лет, а то и более. Первые два года подъем идет еще за счет использования высвободившихся ресурсов и проведенных изменений. Два года подъема начинают вселять в бизнесменов уверенность, что дела налаживаются. Они начинают активнее инвестировать, расширяется кредит, начинается рост цен на ресурсы. Но чтобы развитие достигло предела, за которым относительно легко достигаемый экономический рост становится уже невозможным, нужно значительное увеличение ВВП¹⁰, что требует даже при быстром ежегодном росте не менее 4 лет. Только за это время надуваются «пузыри», цены доходят уже до рекордов и кредитная экспансия испытывает перегрузку. В любом случае 4–5 лет подъема плюс 3–4 года остальных фаз уже составляют 7–9 лет. Но подъем при благоприятных условиях может длиться и дольше, так же как депрессия при неблагоприятных условиях может продолжаться 3–4 года. Эмпирические данные о длительности разных фаз J-циклов мы приводим в разделе *Логика корреляции вектора J-циклов и фаз К-волн*.

⁹ Смысл их подхода заключается в том, что имеются два разных типа повышательных и понижательных фаз К-волн, а сами К-волны составляют половину более длительного цикла, состоящего из двух К-волн и ведущего к коренному изменению технологических и организационных основ экономики и международного разделения труда. Согласно В. И. Пантину и В. В. Лапкину, продолжительность В-фаз К-волн (структурного кризиса и великих потрясений, в их терминологии) при переходе от одного полного эволюционного цикла к другому уменьшается в среднем примерно на 12 лет, в то время как продолжительность А-фаз К-волн (технологического переворота и революции международного рынка, в их терминологии) сохраняется приблизительно постоянной (около 24 лет). Само же сокращение продолжительности эволюционных циклов мирового развития связано, по их мнению, с общим ускорением общественного развития. Действительно, можно было бы ожидать, что ускорение темпа развития приведет к сокращению длительности К-волн, однако из логики указанных авторов неясно, почему все же сокращаются одни фазы и сохраняют стабильность другие, тогда как сокращение длительности скорее проявлялось бы пропорционально.

¹⁰ Минимум 30–50 %, а в молодых экономиках и двух-, трехкратное.

2. Жүглярские циклы как структурные элементы К-волн

О количестве J-циклов в разных фазах К-волн: опыт анализа эмпирических данных

«В экономических исследованиях получило распространение моделирование на основе так называемых стилизованных фактов. Речь идет об упрощении картины путем абстрагирования от конкретных исторических флуктуаций, вызванных возмущениями во внешней среде, что позволяет выделять наиболее существенное в динамике экономического развития. К числу таких стилизованных фактов можно отнести утверждение, что большой цикл вмещает шесть среднесрочных циклов К. Жюгяра. Продолжительность промышленного цикла этого типа практически всегда (это тоже стилизованный факт) укладывается в диапазон от 7 до 11 лет. Соответственно общая продолжительность большого цикла может колебаться в пределах от 42 до 66 лет, что примерно согласуется с наблюдениями за период с начала промышленного переворота в Великобритании, а также с утверждением, что в среднем длина большой волны составляет полвека. Утверждается также, что большой цикл состоит из примерно равных половин: восходящей и нисходящей волн экономической конъюнктуры. Соответственно каждая половина вмещает три цикла Жюгяра» (Клинов 2008: 64).

В вербальной модели соотношения К-волн и J-циклов (как и в спектральном анализе [см.: Гринин, Коротаев, Цирель 2011: Гл. 2], и в математической модели J-цикла [см.: Гринин, Малков, Коротаев 2010б]) мы неизбежно пользовались стилизованными фактами, в том числе упомянутыми В. Клиновым. Сейчас настала пора выяснить, насколько эти стилизованные факты, в частности то, что: а) К-волна состоит из 6 J-циклов; б) А-фаза и В-фаза К-волн равны по длительности; в) А-фаза и В-фаза К-волн каждая состоит из трех J-циклов, соответствуют эмпирическим данным.

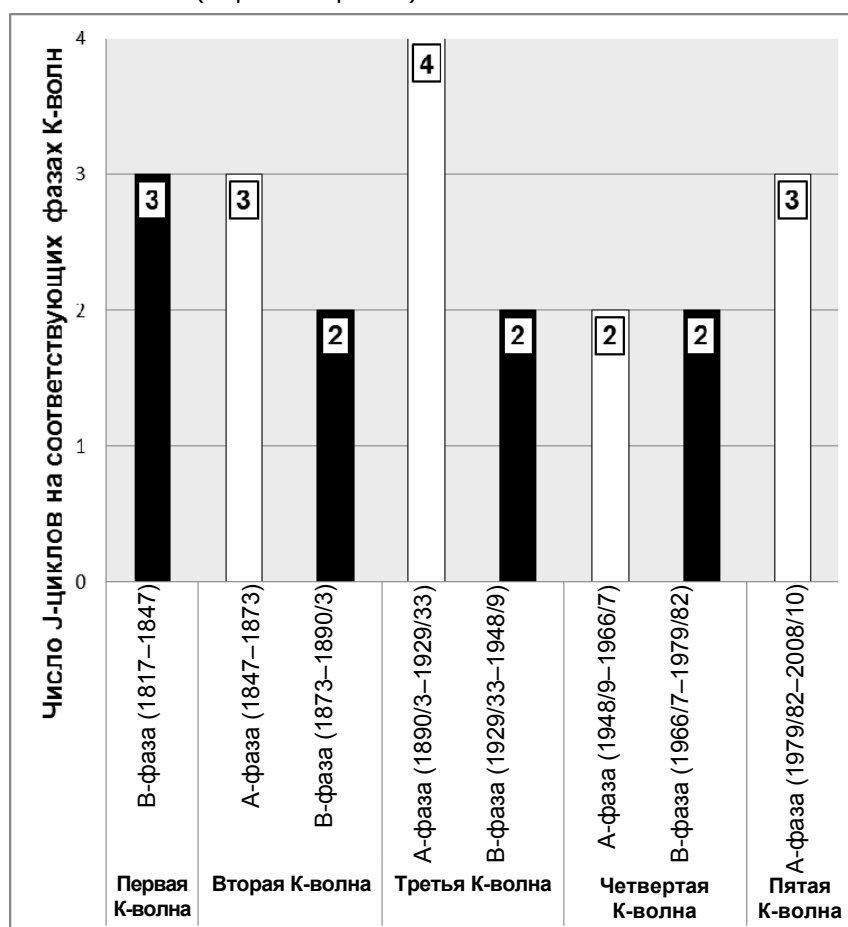
Рассмотрим прежде всего общую картину соотношения между жүглярскими циклами и кондратьевскими волнами (см. Табл. 1.3.1).

Табл. 1.3.1. Соотношение между жүглярскими циклами и кондратьевскими волнами (первый вариант)

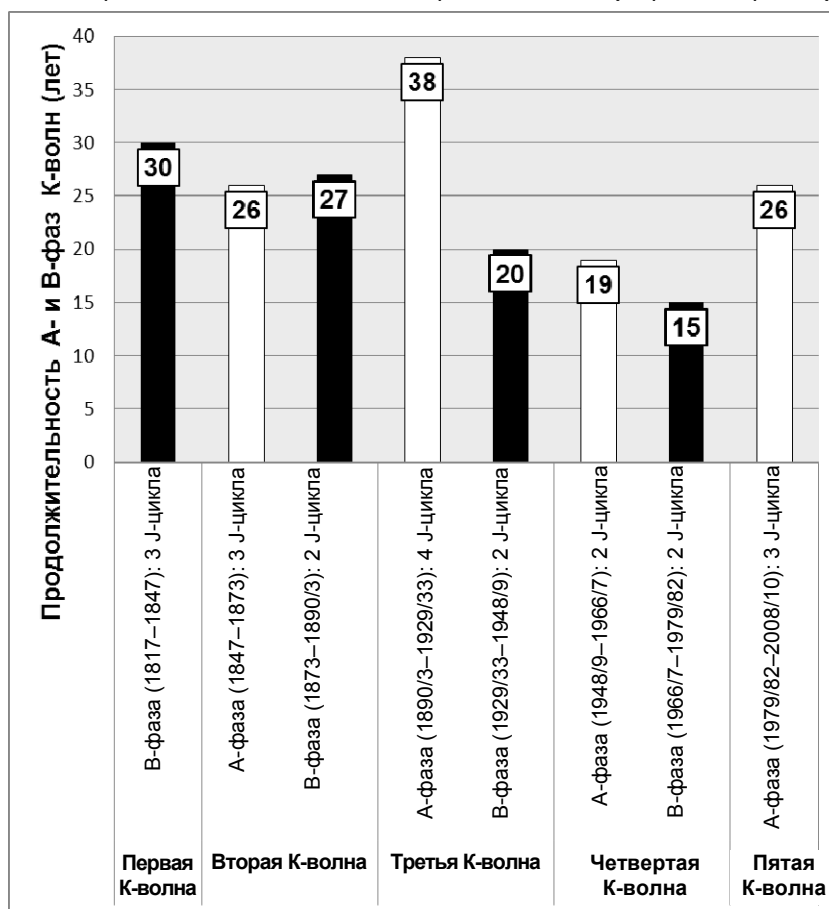
Порядковый номер длинной волны	Фазы длинных волн и их датировки	Порядковые номера и датировки J-циклов	Число J-циклов на соответствующей фазе К-волны
1	2	3	4
I	В (нисходящая): 1817–1847 гг.	J1: 1817–1825	3
		J2: 1825–1836/7	
		J3: 1836/7–1847	
II	А (восходящая): 1847–1873	J4: 1847–1857	3
		J5: 1857–1866	
		J6: 1866–1873	
	В (нисходящая): 1873–1890/3	J7: 1873–1882	2
		J8: 1882–1890/3	
III	А (восходящая): 1890–1929/33	J9: 1890/3–1900/3	4
		J10: 1900/3–1907	
		J11: 1907–1920	
		J12: 1920–1929/33	
	В (нисходящая): 1929/33–1948/9	J13: 1929/33–1937/8	2
		J14: 1937/8–1948/9	

Окончание табл. 1.3.1.

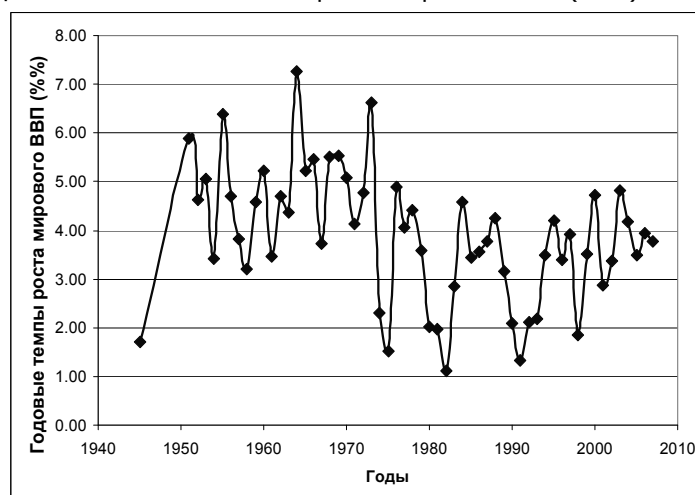
1	2	3	4
IV	А (восходящая): 1948/9–1966/7	J15: 1948/9–1957/8	2 ¹¹
		J16: 1957/8–1966/7	
	В (нисходящая): 1966/7–1979/82	J17: 1966/7–1974/5	2
		J18: 1974/5–1979/82	
V	А (восходящая): 1979/82–2008/10	J19: 1979/82–1990/3	3
		J20: 1990/3–2001/2	
		J21: 2001/2–2008/10	

Рис. 1.3.1. Соотношение между жюгляровскими циклами и кондратьевскими волнами (первый вариант)

¹¹ Однако вполне возможно выделить в этой фазе не два J-цикла, а три более коротких: 1947–1954; 1954–1961 (течение которого было несколько нарушено кризисом 1957 г.); 1962–1967 гг. Общая длительность фазы – 20 лет – вполне позволяет говорить о трех коротких J-циклах. Такая смазанность циклической динамики была вызвана активным кейнсианским вмешательством в циклы, а также разницей в протекании циклов в Европе и США (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010а).

Рис. 1.3.2. Продолжительность А- и В-фаз К-циклов (первый вариант)

Здесь имеет смысл вновь вернуться к рассмотрению общей динамики темпов роста мирового ВВП в 1945–2007 гг. (см. Рис. 1.3.3):

Рис. 1.3.3. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%) за 1945–2007 гг.

Источники: World Bank 2010; Maddison 2009.

На данной диаграмме очень хорошо видно неоднозначное положение 19-го J-цикла (1979/1982–1990/3 гг.). Выше мы отнесли его (вместе со многими другими исследователями) к А-фазе пятой К-волны. Но ввиду явно переходного характера этого цикла нет достаточных оснований полностью исключать возможность включения его в В-фазу четвертой К-волны. Кроме того, из диаграммы видно, что период 1967–1974 гг. (18-й J-цикл) можно отнести как к А-фазе, так и к В-фазе четвертой К-волны. В этом случае мы получаем несколько иную картину соотношения К-волн и J-циклов (см. Табл. 1.3.2 и Рис. 1.3.4–1.3.5).

Табл. 1.3.2. Соотношение между жюгляровскими циклами и кондратьевскими волнами (второй вариант)

<i>Порядковый номер длинной волны</i>	<i>Фазы длинных волн и ее датировки</i>	<i>Порядковые номера и датировки J-циклов</i>	<i>Число J-циклов на соответствующей фазе К-волны</i>
<i>I</i>	В (нисходящая): 1817–1847 гг.	J1: 1817–1825	3
		J2: 1825–1836/7	
		J3: 1836/7–1847	
<i>II</i>	А (восходящая): 1847–1873	J4: 1847–1857	3
		J5: 1857–1866	
		J6: 1866–1873	
	В (нисходящая): 1873–1890/3	J7: 1873–1882	2
		J8: 1882–1890/3	
<i>III</i>	А (восходящая): 1890–1929/33	J9: 1890/3–1900/3	4
		J10: 1900/3–1907	
		J11: 1907–1920	
		J12: 1920–1929/33	
	В (нисходящая): 1929/33–1948/9	J13: 1929/33–1937/8	2
		J14: 1937/8–1948/9	
<i>IV</i>	А (восходящая): 1948/9–1974/5	J15: 1948/9–1957/8	3 ¹²
		J16: 1957/8–1966/7	
		J17: 1966/7–1974/5	
	В (нисходящая): 1974/5–1990/3	J18: 1974/5–1979/82	2
		J19: 1979/82–1990/3	
<i>V</i>	А (восходящая): 1990/3–2008/10	J20: 1990/3–2001/2	2
		J21: 2001/2–2008/10	

¹² С учетом сказанного в примечании к первому варианту этой таблицы здесь можно выделить не три J-цикла, а четыре.

Рис. 1.3.4. Соотношение между жюглярскими циклами и кондратьевскими волнами (второй вариант)

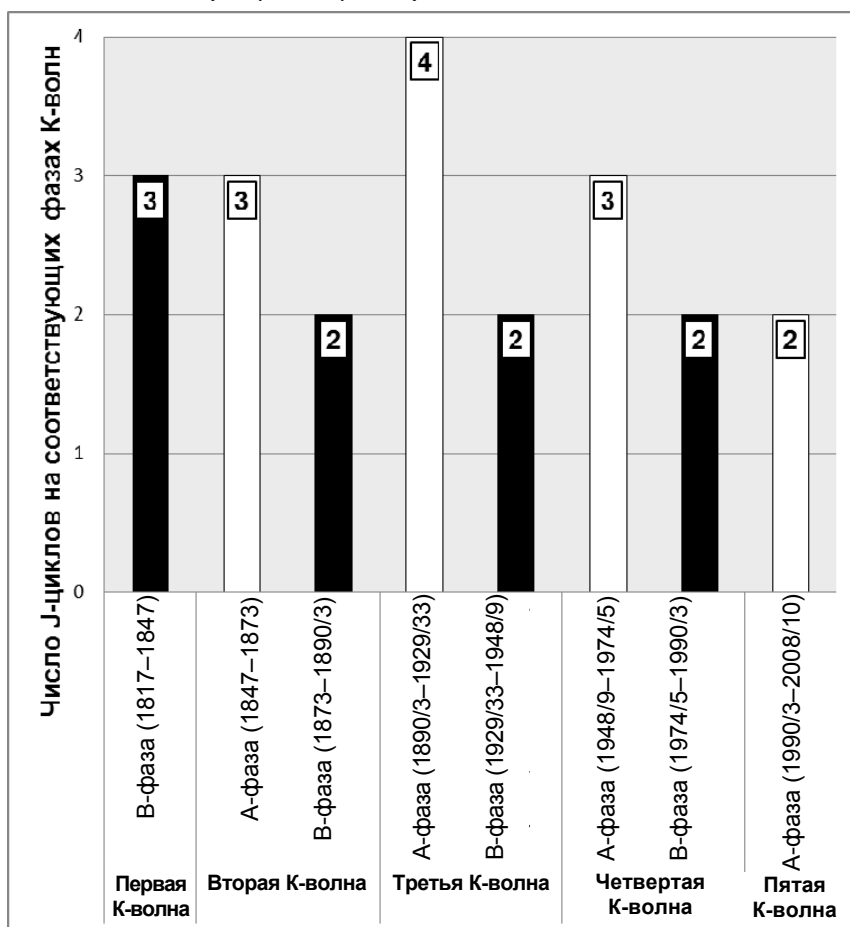
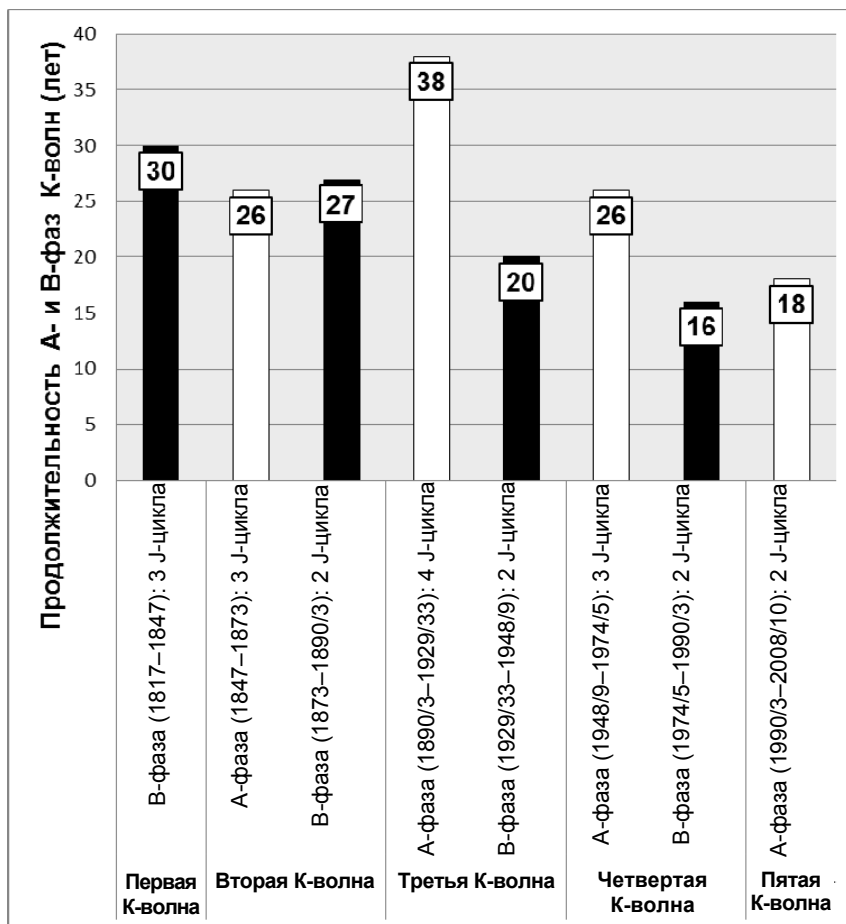

Рис. 1.3.5. Продолжительность А- и В-фаз К-циклов (второй вариант)

На наш взгляд, проведенный анализ позволяет сделать следующие предварительные выводы.

1) Прежде всего, мы видим, что длительность К-волн, а также А-фаз и В-фаз в К-волнах вовсе не соответствует стилизованным фактам, а имеет существенные колебания как по абсолютной длительности в годах, так и по количеству J-циклов, укладывающихся в них. В рамках первого варианта одинаковое число J-циклов на А-фазах и В-фазах в пределах одного К-цикла наблюдается лишь в одном случае из трех, а в двух случаях число J-циклов на А-фазах превышает число J-циклов на В-фазах. В рамках второго варианта число J-циклов на А-фазах превышает число J-циклов на В-фазах во всех трех случаях. При этом при учете сказанного в примечании к Табл. 1.3.1 число J-циклов на А-фазах будет превышать число J-циклов на В-фазах во всех трех случаях и в рамках первого варианта. Исходя из этих выводов мы графически представили взаимосвязь между J-циклами и К-волнами в двух вариантах (см. Рис. 1.3.8 и 1.3.9 в конце этой главы): один с равным количеством J-циклов в А-фазах и В-фазах К-волны (Рис. 1.3.9), а другой (Рис. 1.3.8) – с неравным (соответственно 3 J-цикла в А-фазах и 2 – в В-фазах).

2) Также в обоих вариантах подтверждается тенденция, о которой выше уже шла речь (и еще будет сказано ниже), тенденция к сокращению абсолютной временной длительности В-фаз. В настоящей главе, на наш взгляд, дается вполне удовлетворительное

объяснение этому феномену. В отношении же А-фаз тенденции к сокращению абсолютной длительности не наблюдается, чему мы также даем объяснение. Таким образом, как мы увидим ниже, благодаря целенаправленному воздействию на жюглярскую динамику длительность А-фаз в целом оказывается больше как по абсолютной длительности, так и по количеству J-циклов.

В целом в четырех А-фазах в обоих вариантах можно насчитать 12 J-циклов, а в четырех В-фазах – только 9.

3) Что касается абсолютной длительности К-волн, то, поскольку об этом много писали (см. выше), мы останавливаться на этом вопросе не будем. Но если смотреть по J-циклам, то эти колебания составляют от 4 до 6 «жюгляр». В среднем если 21 «жюгляр» разделить на четыре волны (три полные и две «половинки»), то на одну К-волну приходится 5,25 «жюгляра», а с учетом сказанного о количестве J-циклов в А-фазе четвертой К-волны – 5,5 «жюгляров».

Однако – и это имеет принципиальное значение для концепции, представленной в этой главе, – какова бы ни была длительность фаз, в любом случае мы видим кратное отношение фаз К-волн к J-циклам. Это показывает, что глубинная и ощутимая связь между J-циклами и К-волнами имеется на «сущностном», а не феноменологическом уровне.

4) Таким образом, идея измерять длительность К-волн и их фаз не только в годах, но и в «жюглярах» имеет вполне конкретный смысл, так как количество «жюгляр» в разных волнах и фазах колеблется соответственно от 4 до 6 и от 2 до 4 (см., например, Рис. 1.3.1). В таком случае «экономическое время начинает измеряться не в годах, а в циклах» (Аврамов 1992: 64).

При этом в зависимости от избранной периодизации количество «жюгляр» в одной и той же К-волне и одной и той же фазе волны различается. Так, по варианту 1 четвертая К-волна включает в себя 4 «жюгляра», а по варианту 2 – пять «жюгляр». А-фаза пятой волны соответственно включает в себя три или два «жюгляра». И это последнее имеет очень существенное значение для обоснования прогнозов, как мы увидим ниже.

Подобно тому, как при добавлении (или отрыве) электрона в атоме происходят заметные его изменения (он превращается в положительно или отрицательно заряженный ион вместо нейтрального атома), так и удлинение (сокращение) на один «жюгляр» А-или В-фазы ведет к существенным изменениям в экономике и экономических настроениях, тональности экономических теорий, а также и к активизации в поисках антикризисных мер.

5) Вывод Кондратьева о том, что на В-фазах К-волн кризисно-депрессивные периоды выражены более ярко, можно дополнить также выводом о том, что в целом и J-циклы на В-фазах более длинные, чем на А-фазах. В частности, подсчет показывает, что средняя длительность одного J-цикла на А-фазе за весь период К-волн равна приблизительно 9–9,1 годам (а при условии выделения дополнительного цикла на А-фазе четвертой волны – 8,3 годам), тогда как средняя длительность одного J-цикла на В-фазе за весь период К-волн равна приблизительно 10,2–10,3 годам. Мы объясняем это следующими обстоятельствами: а) в J-циклах В-кластера удлиняются фазы рецессии и депрессии по сравнению с А-кластерами; б) в J-циклах А-кластеров наблюдаются столь мощные подъемы, что подфазы перегрева и краха протекают сравнительно быстро (да и фаза рецессии, как уже было сказано, быстро проходит).

6) Прогноз может существенно меняться в зависимости от того, какой вариант периодизации пятой К-волны мы избираем. В Главе 2 своей работы (Гринин, Коротаев, Цирель 2011), например, мы представили два варианта прогноза волновой динамики на ближайшие двадцать лет. При этом в обоих случаях мы исходим из идеи о том, что А-фаза пятой К-волны должна быть длиннее В-фазы этой волны. Иными словами, А-фаза пятой К-волны с наибольшей вероятностью должна быть равна трем «жюглярам», а В-фаза – двум «жюглярам».

Из первого варианта, который кажется нам более предпочтительным, вытекает, что А-фаза пятой К-волны заканчивается с началом кризиса 2008–2011 гг. И начинается В-фаза. В этом случае – с учетом активного поиска в рамках всей Мир-Системы антикризисных и антидепрессивных мер – длительность В-фазы не должна быть более двух «жюгляргов», причем очень вероятно, что и длительность самих этих J-циклов в рамках В-кластера не должна быть предельной. При этом мы должны учитывать тенденцию к сокращению длительности В-фаз. Но в то же время В-фаза не должна быть меньше двух «жюгляргов», а короткие J-циклы, как мы видели, менее свойственны В-фазам, чем А-фазам. Поэтому можно дать предположительный прогноз, что наступающая В-фаза с большой вероятностью будет иметь длительность от 14 до 18 лет.

Из второго варианта следует, что А-фаза пятой К-волны еще не завершилась, поэтому она должна продлиться еще один J-цикл. Он вполне может быть коротким (6–7 лет). Но по предложенному в Главе 2 (см.: Гринин, Коротаев, Цирель 2011) альтернативному варианту этот «жюгляр» выглядит достаточно длинным, так что рубежный кризис придется на 2017–2020 гг. Соответственно с этого периода и начнется В-фаза пятой волны, которая, как уже сказано, не должна быть длиннее двух «жюгляргов».

7) Наличие двух вариантов периодизации и прогнозов никак не должно вызывать удивления, принимая во внимание крайнюю узость эмпирической базы применительно к данным для описания взаимодействия К-волн и J-циклов. Действительно, о циклах Жюгляра можно вести речь только с первого цикла 1817–1825 гг. (дело в том, что А-фаза первой К-волны реально не была связана с J-циклами, поскольку и она сама, и экономические циклы этого периода только выходили из эмбриональной стадии). Поэтому к настоящему времени можно говорить лишь о трех полных и двух «половинках» К-волн, в рамках которых наблюдалось взаимодействие жюглярвской и кондратьевской динамики, что не соответствует даже минимальным требованиям к анализу регулярных циклических процессов (Аврамов 1992: 72). В 1992 г. Р. Аврамов считал, что в рамках относительной хронологии теорий современную ему стадию развития ТДВ (теории длинных волн) можно сравнить с положением теории среднесрочных циклов в 1870-е гг. (Там же). С учетом прошедшего времени теория К-волн приблизилась к уровню развития теории среднесрочных циклов времени первого издания книги М. И. Туган-Барановского в 1894 г. Однако сам Туган-Барановский отзывался на тот момент о теории среднесрочных циклов как о наименее изученном в экономической литературе предмете (Туган-Барановский 1894: 377).

3. Вербальная модель К-волн

Общая схема

Главная «интрига» К-волн заключается в относительно регулярной по времени смене повышательной тенденцией понижательной и наоборот. Общая наша идея, которая позволяет лучше понять механизм смены тенденций, заключается в следующем:

1) обе тенденции (повышательная и понижательная) присутствуют в современной экономике одновременно и всегда (поэтому периоды, когда качественного или количественного развития/роста нет вовсе, крайне редки, так же, как не бывает всеобщего роста, при котором совсем нет стагнирующих секторов); но на каждом этапе преобладает та или другая тенденция;

2) смена тенденций во многом готовится их исчерпанием, то есть ослабление одной тенденции готовит почву для усиления другой;

3) иными словами, между тенденциями налицо отрицательная обратная связь, которая усиливается с каждым новым среднесрочным циклом (пока тенденция не изменится), поскольку характер и итоги каждого J-цикла являются сигналом для того или иного типа действий активных участников процесса (от предпринимателя до стран и национальных органов Мир-Системы). Рост цен и нормы прибыли, высокий спрос кумулятивно ведут к расширению производства; понижение нормы прибыли, сокращение тем-

пов роста и т. п. сигналы ведут к сокращению инвестиций и поиску новых инновационных решений;

4) от того, какой тип действий избирается большинством участников процесса (соответственно на расширение или сокращение), во многом зависит и характер тренда;

5) относительно правильная по времени периодичность смены фаз К-волн задается относительно стабильными рамками длительности J-циклов (7–11 лет), трехчленные цепочки-кластеры которых имеют длительность в 20–30 лет. Добавим, что и в отношении теории поколений 10 лет – достаточный срок, чтобы существенно обновить генерацию бизнесменов (и тем более политиков), чтобы появились более инициативные и менее осторожные предприниматели. За два-три 7–11-летних J-цикла как раз полностью и обновляется поколение бизнесменов;

6) исключение составляет только повышательная фаза первой К-волны (конец 1780-х – начало 1790-х гг. – 1810–1817 гг., поскольку она задавалась все же главным образом внешними [военными] факторами – об этом подробнее ниже). А вот понижительная В-фаза первой К-волны начинается уже с первого J-цикла (примерно 1815/1818–1825 гг.), закончившегося первым масштабным циклическим кризисом 1825 г.

Таким образом, смена тенденций на повышение и понижение заложена в свойствах индустриальной и постиндустриальной экономики, стремящейся к расширению, но наталкивающейся на препятствия всякого рода, а их регулярная длительность связана с временными рамками длины J-циклов.

Пояснения динамики

Как уже сказано, в экономике периоды преимущественно качественного (инновационного) развития сменяются периодами преимущественно количественного (модернизационного) развития и наоборот. Однако крайне важно учитывать, во-первых, что такое развитие проявляется с достаточной периодичностью не в рамках одной страны, а только в рамках Мир-Системы в целом (но на каких-то достаточно длительных периодах оно может наблюдаться также в центральных обществах Мир-Системы). При этом каждая такая пульсация связана с расширением Мир-Системы и изменением ее конфигурации. Это приводит к смене экономико-политических взаимоотношений в границах Мир-Системы. Сам механизм достаточно быстрого распространения импульсов в рамках Мир-Системы и относительно синхронного изменения векторов связан со все более тесным взаимодействием экономик и обществ через различные финансово-торговые и многие иные связи.

Во-вторых, сама по себе смена инновационных и модернизационных тенденций не может иметь достаточно четких временных границ. Последние в рамках Мир-Системы не могут проистекать из сроков смены капитала, реализации крупных инноваций, поскольку в разных странах сроки и формы этих процессов очень различны, а сами инвестиции не могут быть синхронными. Повторим: **временные параметры и относительная правильность смены фаз К-волн определяются характером кластеров близлежащих J-циклов.** В течение повышательного развития происходит быстрое расширение, которое неизбежно требует от общества существенных изменений (см., в частности, ниже таблицы и диаграммы, помещенные в разделе «Возникновение и разрешение структурных кризисов общества в А- и В-кластерах J-циклов»)¹³. Однако такие изменения значительно отстают по времени от возникшей объективной потребности в них (за счет времени, необходимого на осознание проблемы, ее обсуждение, поиск и принятие решения, внедрение решений в практику и т. п.). Такое запаздывание является одной из важных причин того, что вслед за повышательной фазой наступает период более трудного, понижительного развития (В-кластер J-циклов). В процессе борьбы с кризисно-депрес-

¹³ О необходимости поддерживать расширенное воспроизводство также изменениями в социальной жизни говорил и С. Кузнец (Kuznets 1966).

сивными явлениями идет активный поиск способов преодоления трудностей. В итоге в каком-то одном из ряда обществ рождается социальная инновация, которая затем начинает применяться не только в данном обществе, но и во многих других. Далее новый повышательный импульс, возникший в отдельных обществах, создает условия для перехода к новой повышательной А-фазе. Но широкое (то есть в рамках многих обществ) осознание преимуществ такой социальной инновации происходит не сразу, а примерно на втором J-цикле новой А-фазы.

В результате появления различных технических и социальных инноваций и их успешной апробации начинается мощный виток экстенсивного мир-системного роста. **Это очень важное обстоятельство, на которое обращается мало внимания, но именно расширение модернизации способствует усилению импульса А-фазы.** Экспансия модернизации в сочетании с техническими и социальными инновациями ведет к расширению и изменению конфигурации Мир-Системы, что создает потребность и в смене отношений в рамках Мир-Системы. Результаты расширенной модернизации начинают сказываться примерно через 10–15 лет. К этому времени цены могут достигнуть очень высоких значений, в экономике возникает много крупных «пузырей» под влиянием ажиотажного спроса на ресурсы. Однако импульс модернизации уже теряет свою первоначальную силу. В ситуации длительного перегрева экономики такое замедление ведет к различного рода трудностям и усилению мировой конкуренции, «лопанию пузырей», жюглярским кризисам. В конце концов начинается переход к В-кластеру J-циклов (и к В-фазе К-волны).

Отметим также, что в результате развития каждого кластера J-циклов постепенно меняются и генерации бизнесменов, соответственно во многом меняются их подходы к ведению дел, отношение к тем или иным параметрам и т. п. Таким образом, повторим, идея влияния на смену фаз К-волн смены поколений также может найти свое место в синтетической концепции К-волн.

Основные принципы построения модели К-волн

Итак, суммируем. Смена фаз К-волн определяется тем, что:

- а) обе тенденции (повышательная и понижательная) присутствуют всегда, что, кстати, хорошо видно в постоянном чередовании фаз подъема и рецессии (спада) J-циклов;
- б) периодически происходит усиление одной или другой тенденции как на среднесрочных отрезках, так и на более длинных периодах;
- в) первоначально развитие каждой тенденции усиливается включением положительной обратной связи;
- г) но усиление этой тенденции в конечном счете приводит к ее же ослаблению и усилению другой;
- д) иными словами, механизм смены фаз определяется включением через некоторое время отрицательной обратной связи, которая приводит к усилению противоположной тенденции;
- е) таким образом, имеется необходимый для возникновения цикла временной лаг;
- ж) характер среднесрочных циклов и течение их фаз являются важнейшим сигналом для бизнеса и общества, определяющего модели их стратегии;
- з) более активная (В-фаза) или менее активная (А-фаза) инновационно-реформаторская деятельность является важнейшим фактором, влияющим на возникновение отрицательной обратной связи, а последняя ведет в конечном счете к смене фаз К-волны.

Смена фаз в модели К-волн

Когда начинается А-фаза (повышательная тенденция), включается положительная обратная связь в виде эффекта от инвестиций, роста спроса (усиливающего рост цен и ВВП) и прочей активности, разогревающей экономику. Эта положительная связь действует на уровне отдельных обществ и межобщественных контактов (торговли, финансовых потоков и пр.). Далее включается новый уровень положительной обратной связи –

мир-системный – за счет того, что в Мир-Системе усиливается процесс модернизации в целом под влиянием успехов роста и благодаря складыванию на В-фазе системы технических, финансовых и социальных инноваций, доказавших свою эффективность. Это приводит к временному разгону положительной обратной связи и задержке появления отрицательной обратной связи. Такой лаг с учетом того, что модернизация в рамках Мир-Системы – довольно длительный процесс, может длиться 10–20 лет. Но когда модернизация идет на убыль, а ее результаты в виде значительного предложения новых видов товаров и услуг проявляются более активно, включается отрицательная обратная связь в виде реакции на чрезмерный перегрев предшествующего периода: снижения спроса, падения цен, падения нормы прибыли, уменьшения инвестиционной активности и т. п. В результате начинает преобладать понижающая тенденция, наступает В-фаза.

При наступлении В-фазы включается положительная обратная связь, поскольку с течением некоторого времени усиливается процесс, в результате которого в Мир-Системе все больше экономических агентов (и в целом стран) начинают испытывать трудности и менять свою стратегию (сокращать инвестиции, снижать цены, не платить долги и т. п.). То есть идет естественная цепная реакция передачи негативного импульса по Мир-Системе. Далее эта положительная связь усиливается и растягивается во времени (временной лаг) за счет того, что необходимые изменения в обществах не были произведены вовремя (на фазе А), а главное – за счет того, что появление (тем более изобретение) и запуск необходимых социальных (а также и иных) инноваций требуют довольно длительного времени (тем более учитывая, что конфигурация Мир-Системы за счет процессов модернизации уже существенно изменилась)¹⁴.

Такой лаг также оценивается примерно в 10–20 лет (с учетом необходимости смены политического курса, времени на принятие законов и т. п.). Надо учитывать, что периодически наступают временные улучшения (на фазах подъема J-циклов), тормозящие процесс изменений в обществе. Наконец, после внедрения таких социальных инноваций (которые в целом складываются в общую систему с другими видами инноваций: технических, финансовых и т. п.) и после того, как они начинают проявлять свою эффективность, включается отрицательная обратная связь, которая ведет к уменьшению негативных тенденций и усилению повышательной тенденции. А по мере того как эти явления проявляются хотя бы в одном или нескольких обществах Мир-Системы, повышательный импульс от них распространяется в мире в целом. Начинается А-фаза, которая разгоняется положительной обратной связью за счет внедрения комплекса инноваций, что опять ведет к расширению или усложнению Мир-Системы.

Напомним, что рассмотренная выше система взаимосвязей графически представлена в конце этой главы на Рис. 1.3.8 и 1.3.9.

4. К-волны и J-циклы: логика взаимосвязи

К-волны и кластеры J-циклов

Кластеризация J-циклов

Как уже было сказано, наиболее загадочным моментом в К-волнах является их относительно стабильная длительность, а также длительность их фаз (соответственно 40–60 лет и 20–30 лет). Ни одна из теорий не сумела объяснить этот феномен удовлетворительно, не показала экономических или социальных причин, в которых такой ритм присутствовал бы достаточно естественно. На наш взгляд, единственным реальным фактором, который может задавать ритм определенной длительности кондратьевских фаз и волн, являются жюгляровские циклы. Повторим, что J-циклы выглядят в онтологическом смыс-

¹⁴ Например, финансовые инновации уже могли быть изобретены, как это было в 1960–1970-е гг., но без принятия законов о свободном движении капитала они были не способны играть важную роль (см.: Гринин, Коротаев 2010а). То же касается и технических инноваций.

ле более реальными, чем К-волны, следовательно, именно J-циклы вполне логично рассматривать как базовые структурные единицы, создающие в совокупности своих процессов К-волны и их фазы (а не наоборот).

При анализе такой связи между J-циклами и К-волнами необходимо учитывать, что *помимо общих модельных свойств J-циклов можно выделить дополнительные общие свойства между группами близлежащих J-циклов. Эти свойства вытекают не только из наибольшей историко-временной их близости, но и из того, что они имеют некий общий тренд, а также из того, что характер как их кризисно-депрессивных фаз, так и фаз роста и процветания имеет общие свойства, причем повторяющиеся в определенном ритме.*

Таким образом, J-циклы можно рассматривать не просто как однотипные структурные единицы, а как более сложную систему, представляющую единую цепочку/кластер по два, три или более J-циклов, обладающих в рамках такого кластера дополнительными общими чертами.

Имеет смысл повторить, что: а) такого рода кластеры J-циклов, как легко посчитать, примерно соответствуют длительности фаз в 20–30 лет (если принять, что длительность цикла равна 7–11 лет, то три цикла составят длительность в 21–33 года); б) органическая связь между J-циклами и К-волнами особенно подтверждается тем, что границы фаз кондратьевских волн и границы самих волн во многих теориях практически совпадают с границами тех или иных среднесрочных циклов и кризисов¹⁵.

Характер кластеров J-циклов коррелирует с характером фаз К-волн. Разумеется, это не может быть случайным, а объясняется определенными механизмами реагирования обществ и Мир-Системы на J-циклы¹⁶. Кстати отметить, что соотношение между крайними значениями продолжительности периодов К-волн (40–60 лет) и J-циклов (7–11 лет) является очень близким: $7 : 11 = 0,64 \sim 40 : 60 = 0,66$.

Логика корреляции вектора J-циклов и фаз К-волн

Как было установлено еще Н. Д. Кондратьевым, на повышательных фазах J-циклы характеризуются более сильными подъемами и меньшей длительностью и (чаще) степенью депрессий, а на понижательных – наоборот. Таким образом, мы можем говорить о двух типах цепочек-кластеров J-циклов, характеризующихся особенностями подъемов и депрессий: 1) на повышательных А-фазах К-волн депрессии менее выражены, а подъемы более длительны; 2) на повышательных В-фазах К-волн наоборот: депрессии выражены более сильно и длительно, а подъемы менее интенсивные и длительные. Соответственно первый тип цепочки-кластера J-циклов можно назвать А-кластером, а второй – В-кластером¹⁷.

¹⁵ Изначально длинные циклы рассматривались как объединение нескольких смежных среднесрочных бизнес-циклов (Burns, Mitchell 1946; van der Zwan 1980; Delbeke 1987; van Duijn 1983). Но все-таки это было неким внешним совмещением, поскольку мысль, что смежные J-циклы сами по себе представляют некую систему, если и высказывалась, то не разрабатывалась.

¹⁶ Иногда говорят о тесной взаимосвязи между циклами Кузнецова и К-волнами (см. подробнее, например: Румянцев 2003; Акаев, Румянцева и др. 2011). Мы ни в коем случае не исключаем, что такая связь может иметься. Но все же, по нашему мнению, циклы Кузнецова в отличие от J-циклов в гораздо большей степени представляют явления, характерные для отдельных обществ, поскольку они имеют взаимосвязь с демографическими факторами и обнаружены главным образом в США и, возможно, в некоторых других странах (см.: Kuznets 1958; Abramovitz 1961: 230; Хансен 1959; см. также: Акаев, Румянцева и др. 2011: 91), в то время как J-циклы известны в большинстве стран Мир-Системы. Кроме того, циклы Кузнецова менее ярко выражены и не имеют столь драматической кризисной фазы; поэтому их, возможно, все же точнее считать (как это очень часто и делается) некими «ритмами» (*swings*), чем циклами.

¹⁷ Если обозначить характеристики подъемов (П) и депрессий (Д) длительности и выраженности знаками плюса (+) и минуса (–), то получится: на А-фазе – П(++)Д(–); на В-фазе – П(+)Д(– –). Уточним, что выраженность предполагает не резкость и интенсивность, но степень угнетения экономики. Дело в том, что могут быть очень сильные, но быстро проходящие кризисы, по сути, без депрессии, а могут быть менее сильные, но длительные и особо угнетающие экономику депрессии. Поэтому вопрос о том, всегда ли депрессии на понижательных фазах являются не только более длительными, но и более глубокими, чем на повышатель-

Как уже сказано, связь между К-волнами и J-циклами исследована совершенно недостаточно. Напомним, что сам Н. Д. Кондратьев указывал, что J-циклы как бы нанизываются на длинные циклы (К-волны) и зависят от последних. В частности, он писал: «Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы (то есть среднесрочные J-циклы. – *Авт.*) с их фазами подъема, кризиса и депрессии. Средние циклы поэтому как бы нанизываются на волны больших циклов. Но если это так, то ясно, что характер фазы большого цикла, на которую приходятся данные средние циклы, не может не отражаться на ходе средних циклов. Действительно, если мы возьмем средние циклы, то очевидно, что все повышательные тенденции элементов, участвующих в средних циклах, будут ослабляться, а все понижательные тенденции их будут усиливаться общей понижательной волной большого цикла. Если, наоборот, мы возьмем средние циклы, падающие на повышательный период большого цикла, то будем наблюдать обратную картину. Отсюда – средние циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться особой длительностью и глубиной депрессий, краткостью и слабостью подъемов. Средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами» (Кондратьев 2002: 380–381)¹⁸.

Анализ других исследователей доказывает утверждения Кондратьева в отношении длительности депрессивных фаз и фаз роста на А- и В-фазах К-волн. В частности, У. Митчелл (1930; см. также: Burns, Mitchell 1946: 438) пришел к выводу, что в периоды долгосрочной инфляционной тенденции (то есть на А-фазе К-волны) соотношение между фазами роста экономики и депрессивными фазами в жюглярских циклах в США составляет 2,7:1, а в периоды длительной дефляции (то есть на В-фазе К-волны) – только 0,85:1. Э. Хансен, который сам скептически относился к теориям К-волн, тем не менее выяснил в отношении периода с 1872 по 1920 г. (то есть в период третьей К-волны), что во времена повышательной динамики цен (А-фаза) средняя продолжительность депрессии составляла 2 года, а на понижательной (В-фаза) – 5,3 года. И, наоборот, соответственно подъемы на А-фазе были в 1,8 раза длиннее, чем на В-фазе (Хансен 1959: 115–116). Выше мы также показывали, что в целом на В-фазах J-циклы несколько длиннее, чем на А-фазах (соответственно 10,2–10,3 года, от 8,3 до 9–9,1 лет при разных вариантах), что происходит именно из-за более длинных депрессивных фаз.

Таким образом, этот важный момент как будто не вызывает сомнений. Однако нам представляется, что эта связь между К-волнами и J-циклами не только существенно глубже и сложнее, но – главное – и причинная связь в целом выглядит иначе. **Не среднесрочные J-циклы зависят от характера фазы К-волны, как считал Кондратьев, а, напротив, характер кластера J-циклов в значительной мере и определяет характер фазы К-волны.**

Такой взгляд на причинную взаимосвязь между двумя типами циклов вытекает уже из того, что жюглярские циклы эмпирически более наблюдаемы, чем К-волны, которые, по выражению В. Маевского (1992: 58), предстают как некая ирреальная сила, непосредственно не ощущаемая. Также более ясно определены и описаны факторы, которые создают J-циклы. Мало того, наличие этих факторов подтверждено, если можно так сказать, опытно, поскольку более чем полувековое экономическое регулирование в целом ряде стран доказало, что на характер жюглярских циклов можно влиять, можно

ных, требует дополнительного исследования. Мы предполагаем, что это всегда так в отношении длительности, но не всегда в отношении силы кризиса. Ведь сила кризиса во многом пропорциональна силе подъема, а подъемы как раз более сильны на А-фазах. Например, кризис повышательной фазы второй К-волны 1857 г. был очень сильным, но недолгим, а кризис 1882 г. периода понижательной фазы второй К-волны – менее сильным, но зато депрессия, последовавшая за ним, была долгой. Решение вопроса также связано с тем, к какой фазе К-волны относить рубежные (наиболее сильные) кризисы (о чем выше уже шла речь).

¹⁸ См. предыдущую сноску о соотношении глубины и длительности депрессий.

добиваться их модификации (а в отдельных случаях и купирования). Между тем на кондратьевские волны еще как будто никому сознательно повлиять не удалось¹⁹.

5. Общие причины и механизмы экономической цикличности

Причины J-циклов и K-волн проистекают из общего свойства индустриальной экономики – способности к расширенному воспроизводству (об этом свойстве см., например: Kuznets 1966; Gellner 1983; Геллнер 1991; Abramovitz 1961; Полетаев, Савельева 1993; Гринин 2003, 2009б; Grinin 2006, 2007а, 2007б; Гринин, Коротаев 2009а)²⁰. А поскольку рост экономики не может идти постоянно и непрерывно и только в одном и том же темпе, следовательно, неизбежно замедление развития, которое преодолевается только качественными изменениями. Таким образом, постоянное расширение и развитие предполагают, что структура, в рамках которой происходит данное развитие, через некоторое время должна быть существенно изменена²¹. Тем более такие изменения должны иметь место в результате технологических переворотов (см.: Перес 2011; Гринин 2003, 2009б)²². Но такое изменение, как правило, запаздывает по сравнению с более динамичной экономической (технологической) составляющей, лежащей в основе расширенного экономического роста. Поэтому данное изменение протекает в виде более или менее сильных кризисов, что, собственно, и задает определенную цикличность.

Имеются определенные важные – и вовсе не случайные – сходства между J-циклами и K-волнами в плане их «структуры», некоторых причин цикличности, определенных процессных свойств. Понимание этих сходств способно дополнительно прояснить механизмы взаимодействия этих разных по длительности циклов. Есть важные сходства – этот момент почти выпущен из внимания – и в плане характера и механизмов передачи импульсов, ведущих к генерированию J-циклов и K-волн, от одних стран к другим в рамках Мир-Системы. И те и другие циклы никогда не протекают только в рамках отдельного общества, они всегда шире рамок отдельных обществ и так или иначе связаны с мир-системными процессами. Это тем более важно, что именно J-циклы (и особенно J-кризисы) всегда имеют тенденцию стать если не мировыми, то явлениями, имеющими место одновременно в целом ряде обществ. Таким образом, через жюгляровские подъемы и спады в рамках Мир-Системы импульс роста и спада передается очень быстро и достаточно синхронно. Но, разумеется, для K-волн наибольшее значение имеют циклы Жюгляра в самых важных (по тем или иным причинам) для Мир-Системы странах, чаще всего в лидерах Мир-Системы, ее центре или обществах, стимулирующих изменения в центре.

¹⁹ Заметим: если реальность среднесрочных циклов признается многими экономистами (хотя все равно далеко не всеми), что выражается уже в том, что в большинстве учебников по макроэкономике этим циклам посвящены специальные главы или разделы (см., например: Мэнкью 1994: Гл. 14; Сакс, Ларрен 1996: Гл. 17; Abel, Bernanke 2008: Ch. 8), то реальность длинных кондратьевских циклов признается меньшинством экономистов (соответственно упоминания о них в учебниках если и есть, то очень беглые).

²⁰ Причем стремление к ее расширению растет, что само по себе способствует модификации циклов, но это особая тема. По мнению некоторых исследователей, такой тип экономического роста берет начало (по крайней мере, в Великобритании) с середины XVIII в. (Kuznets 1966; Crafts 1987; Williamson 1987; Полетаев, Савельева 1993). Но все же окончательно он стал определяющим, как нам представляется, только в первой половине XIX в.

²¹ Например, по оценке С. Кузнеца, при «современном» типе экономического роста реальный валовой национальный (или внутренний) продукт на душу населения должен расти в среднем не менее чем на 1 % в год. Причем, по важному выводу Кузнеца, эта количественная характеристика достигается только при совершенно определенных качественных изменениях как в экономике, так и в социально-политических структурах общества (Kuznets 1966).

²² Карлота Перес – одна из очень немногих, кто систематически проводит мысль о том, что процесс распространения новой технологической парадигмы упирается в бесчисленное количество привычек, регулятивных мер, правил, менталитет и т. п., которые приходится с трудом перестраивать и ломать.

6. Механизм влияния J-циклов на временной ритм смены фаз К-волн

Возникновение и разрешение структурных кризисов общества в А- и В-кластерах J-циклов

Каким образом среднесрочные циклы могут влиять на динамику повышательных и понижительных фаз длинных циклов?

Механизм смены В-фазы К-волны ее А-фазой в отношении его зависимости от J-циклов выглядит так (см. также в конце этой главы Рис. 1.3.8 и 1.3.9). Более тяжелые по своим проявлениям кризисно-депрессивные фазы J-циклов на понижительной В-фазе К-волны неизбежно требуют от общества также более глубоких и радикальных изменений, причем не только в технико-технологическом аспекте, но и в социально-правовом, политическом, идеологическом и культурном аспектах, в системе международных и – шире – мир-системных связей. Иначе общество не сможет преодолеть негативные последствия экономических кризисов и выйти из депрессии. Только глубокие изменения в самых разных сферах общества, а также новые подходы к регулированию экономики позволяют в конце концов обеспечить переход к значимому подъему²³. Выше об этом уже шла речь. Структуру В-кластера из 2-х J-циклов (см. Рис. 1.3.9) схематично можно представить следующим образом: первый цикл – осознание трудностей и поиск антидепрессивных и реформистских мер; второй цикл – внедрение антикризисных мер и время на проявление результата. При трех циклах (см. Рис. 1.3.8): первый цикл – осознание трудностей; второй – поиск антидепрессивных и реформистских мер и их применение; третий цикл – время, необходимое для проявления результата.

В конечном счете борьба с депрессивностью и проведенные изменения, а равно и внедренные в разные сферы инновационные технологии приводят к смене В-кластера J-циклов А-кластером (и соответственно понижительной В-фазы К-волны – повышательной А-фазой К-волны).

В результате происходит переход к новой системе отношений, которая открывает экономикам возможности развиваться в ближайшие десятилетия уже не со столь сильными кризисными проявлениями²⁴. Однако поскольку дальнейшее развитие идет сравнительно мягко, то и потребность в реформировании и обновлении отношений слабеет. Соответственно в обществе имеет место недостаточный объем изменений по сравнению с тем, какой глубины изменений потенциально требует быстрый рост (см., в частности, иллюстрацию к сказанному в *Дополнении к данной главе*). А любой цикл связан с нарастанием структурных экономических, социальных, политических и прочих проблем. И если последние не разрешаются, то неизбежно назревают негативные тенденции, в результате которых либо становится невозможным столь же быстрый экономический рост, либо возникают внутренние и международные проблемы, ведущие к тем или иным кризисам. Примерно за три среднесрочных J-цикла потенциально относительно свободного роста исчерпываются, а проблемы нарастают. Далее происходит мощный кризис, открывающий полосу более или менее затяжных депрессий. В результате повышательный А-кластер J-циклов вновь сменяется понижительным В-кластером, соответствующим В-фазе К-волны.

Таким образом, именно через среднесрочные экономические циклы понижительные В-фазы К-волн как бы сами подготавливают для себя условия для транс-

²³ Вспомним, как долго и глубоко пришлось реформировать американскую и европейскую системы в ходе и особенно после Великой депрессии конца 20–30-х гг. XX в.

²⁴ С. М. Меншиков и Л. А. Клименко (1989) образно говорят о том, что «общество меняет кожу» в результате кондратьевских волн, точнее, в результате только смены технологии. Нет никакого сомнения, что смена технологии влечет за собой большие перемены, однако этот механизм недостаточен для объяснения. Но на самом деле «смена кожи» происходит прежде всего под влиянием накопившихся проблем, обнаруживаемых в экономических (жюглярских) кризисах и депрессиях, а также в вялых подъемах.

формации в повышательные А-фазы. Чем сильнее кризисы, слабее подъемы и интенсивнее идут структурные перестройки, тем сильнее соответственно расчищается место для повышательной фазы. И, в свою очередь, меньшая тягостность кризисно-депрессивных фаз J-циклов на повышательных фазах К-волн обуславливает их поворот к понижительным фазам (именно такой поворот после определенной эйфории мы и имеем «честь» наблюдать в конце 2000-х и начале 2010-х гг.). Вот почему наиболее тяжелыми кризисами становятся кризисы, так сказать, «поворотные», от повышательной фазы к понижительной (в частности, кризисы 1847, 1873, 1929, 1973 гг.), к которым относится и современный глобальный кризис 2008–2011 гг.²⁵

Итак, на повышательной фазе, когда идет более интенсивный рост, циклические кризисы напоминают своего рода «спотыкания при быстром беге», когда чрезмерная скорость вызывает неизбежные остановки и откаты. Но в А-кластере J-циклов кризисы в меньшей степени связаны друг с другом и скорее представляют изолированные события. Это **кризисы роста**, в течение которых накапливаются структурные проблемы как внутри обществ, так и в целом в Мир-Системе. На понижительной фазе К-волны кризисы носят уже иной характер. Они гораздо теснее связаны между собой: либо прямо, так что следующий кризис как бы является продолжением первого (1937 г. – продолжение 1929 г.), либо идут на общем негативном фоне (так, циклы периода 1875–1895 гг. шли на фоне затяжного аграрного кризиса, а кризисы 1971–1982 гг. – на фоне валютного, сырьевого и энергетического кризисов). Это объясняется тем, что такого рода кризисы носят структурный характер, разрешая накопившиеся за предыдущий период сложные структурные проблемы. Мало того, в эти понижительные фазы вполне вписываются и военные, политические или революционные кризисы (как мировые войны), которые выступают частью общего мир-системного кризиса, в определенном аспекте заставляющего менять структуру отношений в Мир-Системе. Словом, это **структурные кризисы, ведущие к структурным переменам**²⁶.

Дополнение к данной главе

Пример большей активности общественной деятельности на В-фазах К-волн по сравнению с А-фазами.

Для иллюстрации идеи о том, что в экономически благополучный период А-фаз К-волн общество изменяется меньше, чем в период кризисно-депрессивных В-фаз, мы взяли среднегодовое количество дней заседаний Конгресса США начиная с 1790 г. по настоящее время. При этом мы сдвинули начало отсчета периода заседаний для каждой фазы на 5 лет как в среднем минимально необходимое время, требующееся для осмысления ситуации (то есть датировки колонки 4 отстают от соответствующих датировок колонки 3 на 5 лет).

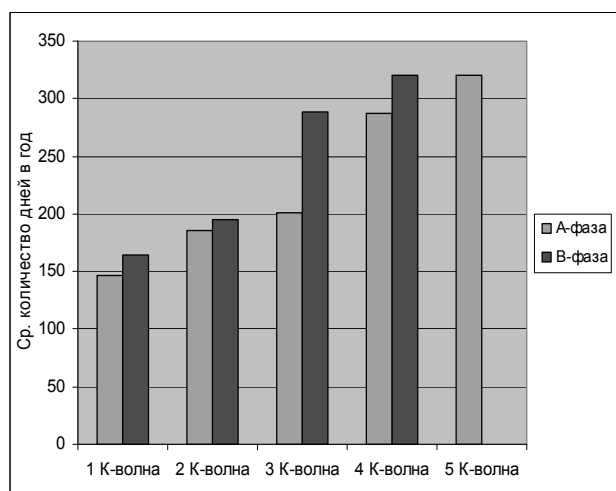
²⁵ Так, пока американская экономика активно развивалась в 1960-х гг., там господствовали кейнсианские модели регулирования экономики. Только глубокие кризисы 1970-х гг., а затем кризис начала 1980-х гг. привели к серьезным изменениям в уже было утвердившихся кейнсианских формах регулирования спроса, а также к постепенному снятию ограничений на движение капитала, к ослаблению и модернизации регулирования финансовых рынков. И в мире в целом произошли глубокие изменения в мир-системных отношениях: фактически началась новейшая фаза экономической глобализации, которая открыла – на некоторое время – возможности для более быстрого и менее тяжелого развития экономик разных (и особенно развивающихся) стран.

²⁶ Отметим также, что, поскольку уровень социальных инноваций по своему типу соответствует проблемам развития предшествующих 10–20 лет, а производственные технологии продолжают обгонять социальную сферу, нарастание противоречий в период А-фазы неизбежно. Опять же подражательные реформы не могут быть идеально подходящими для разных обществ. Отсюда возникает неполная притирка общественных форм к изменениям в модернизирующихся обществах с вытекающими отсюда возможностями модернизационных кризисов (см. о модернизационных кризисах: Гринин 2011a; эти кризисы также подробно рассматриваются и анализируются в Разделе 2 данной монографии).

Табл. 1.3.3. Количество дней заседаний Конгресса США, соответствующее датировкам К-волн и их фаз

Порядковый номер К-волны	Фаза К-волны	Датировки фаз К-волн ²⁷	Соответствующие периоды заседаний Конгресса ²⁸	Общее кол-во дней заседаний	Ср. кол-во дней заседаний в год
I	А: восходящая	1789–1817	1794–1822 (29 лет)	4263	147
	В: нисходящая	1818–1847	1823–1852 (30 лет)	4931	164,4
II	А: восходящая	1848–1873	1853–1878 (26 лет)	4820	185,4
	В: нисходящая	1874–1893	1879–1898 (20 лет)	3904	195,2
III	А: восходящая	1894–1929	1899–1934 (36 лет)	7242	201,2
	В: нисходящая	1930–1948	1935–1953 (19 лет)	5475	288
IV	А: восходящая	1949–1968	1954–1973 (20 лет)	5737	287
	В: нисходящая	1969–1982	1974–1987 (14 лет)	4495	321
V	А: восходящая	1983–2006 ²⁹	1988–2006 ³⁰ (19 лет)	6077	320 ³¹
	В: нисходящая				?

Источник: Sessions of Congress, 1st–110th Congresses, 1789–2007. URL: <http://www.llsdc.org/attachments/wysiwyg/544/Sess-Congress.pdf>.

Рис. 1.3.6. Среднегодовое число дней заседаний Конгресса США в соответствии с К-волнами и их фазами (с учетом пятилетнего сдвига на осмысление ситуации, вариант 1)

Комментарий. Превышение времени в В-фазах по сравнению с А-фазами более выражено в третьей и четвертой волнах, чем в первой и второй. По этому поводу надо иметь в виду следующее:

1. Ситуация отражает факт, что с конца XIX в. к экономическим проблемам и трудностям стали относиться с большим вниманием, чем раньше.

2. В отношении второй волны надо учесть, что ее В-фаза была полностью мирной, тогда как А-фаза включает в себя военный период Гражданской войны и Реконструкции, когда Конгресс должен был работать больше.

²⁷ В этой колонке датировки строго привязаны к конкретным годам, то есть не учитывают «вилки», которые имелись в Таблице 1.3.1.

²⁸ С учетом пятилетнего сдвига (см. выше).

²⁹ В данной фазе взят период перед кризисом 2007–2010 гг.

³⁰ В данной фазе взят период до начала кризиса.

³¹ То есть меньше, чем в В-фазе четвертой волны. Можно предсказывать, что в В-фазу пятой волны заседаний в среднем в год будет больше.

Если рассмотреть только мирный период А-фазы К-волны, то распределение времени заседаний Конгресса выглядит так:

1853–1861 гг. – 1480 дней заседаний Конгресса за 9 лет (в среднем 164,4 дн./год);

1870–1878 гг. – 1600 дней заседаний Конгресса за 9 лет (в среднем 177,8 дн./год);

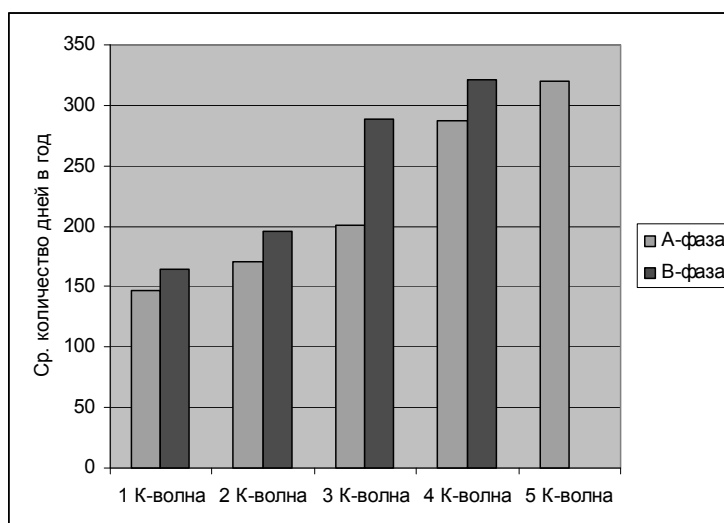
всего по мирным периодам – в среднем 171,1 дн./год, что существенно меньше 195,2 дн./год в В-фазе второй К-волны;

1862–1869 гг. (военно-реконструкционный период) – 1740 дней заседаний Конгресса за 8 лет (в среднем 217,5 дн./год). Как мы видим, более высокий уровень среднегодовых заседаний Конгресса на А-фазе второй волны определяется именно этим сложным периодом истории США.

Что касается третьей волны, то военный период есть и в А-, и в В-фазах.

Более наглядную картину мы видим на Рис. 1.3.7.

Рис. 1.3.7. Среднегодовое число дней заседаний Конгресса США в соответствии с К-волнами и их фазами (с учетом пятилетнего сдвига на осмысление ситуации, вариант 2: с учетом изменений подсчета А-фазы второй волны)

Комментарий. На Рис. 1.3.7 мы показываем соотношение между количеством заседаний Конгресса США на А- и В-фазах второй К-волны с учетом того, что из А-фазы были элиминированы военно-реконструкционные годы (1862–1869). В этом случае во всех четырех К-волнах подтверждается, что общество уделяет больше внимания необходимым изменениям именно в кризисно-депрессивный период (В-фаза К-волн).

Социальные инновации как фактор переключения фаз К-волн в рамках отдельного общества, межобщественных отношений и на уровне Мир-Системы

Крайне важно понять, что смена фаз волн хотя и связана с исчерпанием их потенциалов, но непосредственно вызывается поведением экономических агентов и общества в целом (включая и психологические установки бизнеса и элиты). При ускорении развития (А-фаза) в обществе стимулируется дополнительная инвестиционная активность. Напротив, при депрессиях общество активно ищет возможности минимизировать потери, снова выйти на тренд роста. При этом к агентам экономического развития в предшествующие столетия и десятилетия постепенно добавлялись все новые и новые силы, включая правительство, государственные и межгосударственные органы, образование, идеологию, науку и т. п. *Именно активность всех этих сил ведет к тому, что понижающаяся фаза в конце концов заканчивается*³².

³² Отметим, что социальные инновации не всегда находятся или не всегда полностью доказывают свою правоту и эффективность, либо возникают неперспективные социальные инновации (какими были, скажем, наци-

Здесь можно расширить идею Й. Шумпетера (Шумпетер 1982; Schumpeter 1939) о новаторах, а также и о созидательном разрушении, которую весьма любят некоторые экономисты, но которую не всегда до конца применяют. Фактически в понижительной В-фазе более активно реализуются новаторы всех видов социальной деятельности: политики, которые обещают решить экономические проблемы, реформаторы, законодатели, ученые и т. п. Идеи, которые начинают обсуждаться и реализовываться, могли быть высказаны довольно давно, ограниченные опыты могли быть проведены существенно раньше (или в других странах), но именно в период трудностей появляются кластеры реформ и изменений. Причем выход из трудностей может найтись – при прочих равных условиях – скорее в тех обществах, где депрессивно-кризисные проявления сильнее. В конечном счете новаторские изменения начинают работать, распространяться и давать эффект, в частности способствуют распространению финансовых и технологических инноваций (словом, тогда рождается **новый инновационный синтез**). *Таким образом, речь должна идти об инновациях и инноваторах всех видов, в том числе социальных.* При этом эффективные формы борьбы с кризисно-депрессивными явлениями начинают активно распространяться и, подобно технологическим инновациям, могут быть восприняты модернизирующимися обществами с большим запозданием, но уже в совершенно готовом виде. Чем шире происходит такое реформирование, тем потенциально больше возможностей для экономического роста и тем длиннее могут быть подъемы. В частности, этим объясняются в том числе и успехи ряда европейских стран и Японии (экономические «чудеса») в 1950–1960-х гг., а также частично и современные успехи Китая, активно использующего весь арсенал сглаживания проявления цикличности, разработанный в западных странах. При этом с учетом того, что возможности китайского руководства и государства эффективно проводить такую политику существенно выше, чем у стран с полностью рыночной экономикой, результаты оказываются очень удачными.

Временные лаги. Усиление процессов модернизации в Мир-Системе. Но рождение (и в целом внедрение, проверка) крупной социальной инновации, эффективной в борьбе с новыми проявлениями депрессий, не может быть быстрым делом. Поэтому, хотя столкновение с трудностями первоначально нередко вызывает активные, существенные антикризисные действия, все же они не ведут к глубоким изменениям. То есть должно пройти значительное время, пока новая инновационная система заработает. Это может занять до десяти лет или даже больше. При этом социальные инновации в период В-фазы, с одной стороны, запаздывают, поскольку начинают активно внедряться только где-то после истечения ее первой трети (а то и позже) и могут быть внедрены только в течение второй ее трети. А с другой – фактически они дают эффект уже к концу В-фазы (то есть полный срок внедрения системы инноваций примерно и укладывается в три J-цикла, при удаче – в два). Но зато уже в начале А-фазы социальные инновации внедряются полностью. В результате, когда подъем уже пошел, инерция социальных изменений дополнительно разгоняет А-фазу. И наоборот, в начале понижительной В-фазы еще действует инерция, когда общество не готово к изменениям, что соответственно дополнительно отягощает В-фазу.

Формирование комплекса технических, финансовых и социальных инноваций, происходящее также в пределах В-кластера трех J-циклов, ведет к ускоренной модернизации в рамках ближайшей к центру Мир-Системы полупериферии, что само по себе за счет более быстрого развития и повышенного спроса (в том числе и государственного) разгоняет повышательную А-фазу³³. Постепенно эти инновации складываются в некий комплекс, который подхватывается «догоняющими» обществами. Это дополнительно

стские действия в Германии), тогда кризис принимает весьма разрушительные и уже неэкономические формы (например, военные, как во Второй мировой войне).

³³ Отметим, что нередко социальные инновации (антикризисные технологии) начинаются не в самых центральных обществах Мир-Системы, а в иных, которые выдвигаются в лидеры.

объясняет силу инерции подъема: в первом из трех J-циклов А-фазы происходят реформы «вдогонку», то есть запоздавшие по времени, они должны были бы проводиться на В-фазе; на втором J-цикле могут проводиться реформы в подражание.

Таким образом, успешное внедрение антикризисной (антидепрессивной, стимулирующей экономический рост, инвестиции и т. п.) социальной инновации в передовых странах в период В-фазы и переход к А-фазе являются сигналом для целого ряда «догоняющих» и модернизирующихся стран. Этому способствует и определенный избыток капитала в странах ядра Мир-Системы, который на В-фазе оказывается недостаточно востребованным. Модернизирующиеся страны начинают активно внедрять не только технические и экономические, но и социальные технологии. Это ведет как к более мощному процессу модернизации в Мир-Системе в А-фазе, чем в В-фазе³⁴, так и к более быстрому росту экономически активной части Мир-Системы, но одновременно и к более быстрому распространению импульсов в рамках Мир-Системы. Все вместе формирует новую ситуацию в Мир-Системе, которая очень чутко реагирует на исчерпание потенции к развитию. Поэтому кризис, который в конце концов захватывает центр, оказывает воздействие в той или иной степени сразу на всех. В этом случае кризисы на полупериферии и периферии нередко носят характер «в чужом пиру похмелье».

Дополнение о распространении технологий. Более активная модернизация на А-фазе многих полупериферийных стран обычно связана с восприятием не самых последних производственных технологий. Скорее, это предпоследние технологии или даже технологии предыдущей волны³⁵. Таким образом, наиболее передовые технологии остаются в ведущих странах. Но основные технологии предыдущего поколения выводятся из передовых стран (как было в 1990-е гг., например). Такой аутсорсинг имеет минусы (структурная безработица и т. п.), но и плюсы, так как очищает передовые страны от устаревшей технологии физически (это тоже своего рода инновация на уровне Мир-Системы). Если такие технологии остаются и искусственно поддерживаются государством, то лидеры начинают отставать (как было в Англии с ее текстильной и угольной промышленностью).

Чем ограничена длительность повышательных А-фаз кондратьевских волн

Экономисты давно задумывались над вопросом, «почему процветание не длится неограниченно долго» (Mitchell 1913: 452, цит. по: Хансен 1959: 497). И уже в начале XX в. на него ответили так, что процветание и спад следует объяснять процессами, регулярно протекающими в недрах самой экономики (Mitchell 1913: 452–468, цит. по: Хансен 1959: 497). Мы также говорили, что рост, хотя и является важнейшей чертой индустриальной и постиндустриальной экономики, не осуществляется автоматически, а требует постоянных усилий³⁶. Чем выше рост, тем больше требуется усилий, и при этом на определенном этапе начинает действовать закон убывающей отдачи, то есть на каждый пункт роста требуется все больше усилий. Уже поэтому подъем не может быть бесконечным (как и в J-циклах [см.: Хансен 1959: 521])³⁷.

³⁴ В течение В-фазы также идут процессы модернизации в рамках Мир-Системы, но главным образом на основе технико-экономических технологий и более устаревших социальных технологий, и в наиболее активных странах, какими были «новые азиатские тигры» в 1970–1980-е гг.

³⁵ Европа во второй К-волне по сравнению с Англией; Россия, Италия, Япония – по сравнению с Европой в третьей К-волне; Европа, Япония – по сравнению с США в четвертой К-волне; Китай – по сравнению с Западом в пятой К-волне. А вот организационные и финансовые формы самых последних технологий воспринимаются быстрее; то же касается иногда и военных технологий.

³⁶ Внутренним импульсом движения к росту служит стремление предпринимателей к росту объемов и прибыли, а населения – к росту уровня жизни и потребления.

³⁷ Следует учитывать, что экономические эндогенные колебания по своим характеристикам являются затухающими (см. главу, написанную Р. М. Гудвином, в: Хансен 1959: 521). Соответственно должны быть какие-

Однако встает вопрос о том, почему все-таки импульс подъема ограничен определенным периодом, укладывающимся в длительность А-фаз К-волн? Выше мы объясняли причины таких временных ограничений. В данном разделе будут рассмотрены новые аспекты данного ограничения, а также дополнительно показаны некоторые аспекты взаимосвязи К-волн и J-циклов. Но, разумеется, это сложный вопрос, полностью ответить на который в рамках одного исследования невозможно.

Причины того, что А-фаза не длится, как правило, более трех-четырех J-циклов, как мы считаем, в общем плане связаны:

- с исчерпанием необходимого для обеспечения подъема объема ресурсов или факторов роста;
- с завышенным оптимизмом бизнеса в отношении перспектив роста, что выражается также в чрезмерном росте стоимости активов;
- с возникновением длительной депрессионной паузы на рубежных J-циклах, что приводит также к смене стратегии развития бизнеса.

При этом первые два пункта в К-волнах и J-циклах существенно похожи, а последний специфичен только для длительных процессов, то есть для К-волн. Последний момент является частью того, что можно назвать *фактором длительности рецессивно-депрессивных фаз J-циклов*. По нашему мнению, он является весьма важным для понимания причин смены повышательной фазы К-волны понижательной фазой. Дело в том, что если кризисные паузы недлительные, то они в целом не меняют кардинально вектора стратегии бизнеса на рост и инвестиции. При длительных кризисно-депрессивных фазах J-циклов стратегия бизнеса меняется на противоположную.

Рассмотрим эти причины подробнее.

Исчерпание необходимого для обеспечения подъема объема ресурсов (факторов роста).

Затухание повышательной тенденции связано с исчерпанием *доступных* ресурсов (факторов, способствующих росту) в самом широком смысле слова. Мы считаем, что на А-фазах идет гораздо более быстрое использование ресурсов для роста, опережающее их создание. В итоге через некоторое время ресурсы исчерпываются, и повышательное движение экономики неизбежно замедляется и останавливается (так как в условиях определенного уровня технологий, общественных отношений те или иные ресурсы всегда ограничены). Соответственно на В-фазах накопление потенциальных ресурсов роста опережает их использование.

Речь идет о ресурсах в самом широком смысле слова: технологических, финансовых, инновационных, социальных, демографических и т. п. как в отдельных обществах, так и в рамках Мир-Системы в целом.

В частности, к важным ресурсам, необходимым для продолжения подъема, можно отнести: новые бизнес-технологии (включая и финансовые), которые можно внедрять; расширившиеся рынки или убранные препятствия на пути обмена, торговли, экспорта и просто перемещения капитала, объем свободных капиталов; наличие неудовлетворенного платежеспособного спроса на какие-то важные товары и услуги в самых разных обществах; значительное количество еще не ставших привычными технологических и социальных инноваций и пр.³⁸ Наконец, это готовность государств инвестировать и поддерживать бизнес-процессы. В рамках Мир-Системы – это общества, готовые модернизироваться и т. п.³⁹

то толчки, которые бы поддерживали колебания, на что указывали, в частности, Викасель, Фриш и Шумпетер (Хансен 1959: 521). Но сила толчков не является постоянной, она то увеличивается, то уменьшается.

³⁸ Исчерпание областей, где могут быть применены новые технологические парадигмы, К. Перес (2011), например, считает важнейшей причиной смены вектора развития.

³⁹ Поскольку это ресурсы самой разной природы, их «исчерпание» в период А-фазы также проявляется по-разному. При этом происходит либо увеличение стоимости приобретения добавочных ресурсов, в частности

Ресурсы на А-фазах расходуются быстрее, чем накапливаются, по весьма простой причине: основное внимание бизнеса приковано к расширению производства, инвестиций и т. п., что требует повышенного расхода ресурсов (включая и кредит)⁴⁰.

Для появления дополнительных импульсов для роста, которые обеспечили бы его на некоторое время, требуются качественные изменения. Для такого рода качественных изменений нужны серьезная перестройка и вовлечение новых ресурсов, что не происходит автоматически, а требует значительного времени.

Таким образом, повышательная А-фаза должна смениться понижательной В-фазой, в период которой за годы *понижательно-депрессивного развития* не только происходит перестройка, но и *накапливается много ресурсов*, как качественно новых, особенно инновационных в разных сферах, которые не находят своего применения (см.: Шумпетер 1982; Schumpeter 1939), так и ресурсов обычного плана: неиспользованных капиталов, с чем, например, Туган-Барановский (2008 [1913]) связывал импульсы экономических подъемов; появляются дополнительные демографические ресурсы, открываются новые месторождения. И т. д.

Важно понять, что после длительного периода слабого роста, прерываемого кризисами и депрессиями (то есть после В-фазы), импульс для разгона новой К-волны может иметь место только при наличии большого количества ресурсов и факторов роста. Синхронность при подъеме достигается тем, что ресурсы: а) необходимы в комплексе; б) обуславливают потребность друг в друге и развитие друг друга (так, одна потребность вызывает несколько позже инновацию в других сферах, например в финансовой, или наоборот: свободные капиталы способствуют запуску модернизации, а развитие модернизации постоянно требует новых капиталов и т. п.).

Непосредственный импульс к росту К-волны задается, как уже сказано, на фазе оживления одного из J-циклов, а сам механизм перехода от депрессии к оживлению описан неоднократно (см., например: Митчелл 1930; Хансен 1959). Таким образом, имеется большое сходство механизма перехода от роста к замедлению и вновь к росту в среднесрочных J-циклах и К-волнах. Этот механизм связан с быстрым исчерпанием ресурсов в период роста и бума, что ведет к быстрому росту цен на них, а затем накоплению ресурсов в период спада, пока наконец обилие ресурсов не подтолкнет экономику к новому подъему. *Но только для разгона А-фазы К-волны в отличие от перехода от фазы депрессии к фазе оживления в J-цикле требуются качественно иные ресурсы: технологические и социальные инновации, новые модернизирующиеся общества, новые технологии и т. п.*

Завышенный оптимизм бизнеса в отношении перспектив роста и переоценка активов.

Многие проекты и инвестиции, которые осуществляются на фазах роста J-цикла, рассчитаны на достаточно длительный срок. Как уже сказано, если рецессивно-депрессивные фазы короткие, то процессы инвестирования и попыток роста не теряют ни импульса, ни – что крайне важно – психологической уверенности⁴¹. В результате при короткой рецессивной паузе проекты замораживаются гораздо реже, а замороженные на время кризиса инвестиции и проекты возобновляются гораздо чаще и быстрее, чем при длительной паузе.

из-за их ограниченности и неэластичности предложения, за счет увеличения расходов на введение в оборот новых ресурсов, рискованности (например, займов отдельных стран и т. п.); либо падает отдача (норма прибыли) при расширении предложения товаров по мере насыщения и уменьшения их престижности (увеличения доступности).

⁴⁰ Это напоминает ускоренную добычу полезных ископаемых в период бума без интенсивных вложений в геологоразведку. Соответственно объем подтвержденных запасов ископаемых уменьшается.

⁴¹ Подобно тому, как малые циклы (малые рецессии), если еще есть импульс подъема на J-цикле, не могут остановить подъем (как мы видели это в Главе 2), так и кризисы J-циклов на А-фазе не могут полностью остановить повышательную тенденцию, пока есть ресурсы (факторы роста).

Недлительными рецессии бывают, как мы видели, в период повышательной А-фазы, когда факторы роста (ресурсы) не исчерпались.

Однако уже после первого, а тем более после второго относительно благополучного J-цикла, имеющего короткие фазы рецессии и депрессии, в бизнесе и обществе **усиливается оптимизм** (желание и смелость выгодно инвестировать), который находится **в противофазе с уменьшающимися ресурсами роста**.

Переоценка активов (фондовых, недвижимости, сырьевых и т. п.) на А-фазе также связана с достаточно длительным экономическим ростом и повышательным ценовым трендом, который ведет к ажиотажному спросу на некоторые ресурсы, большому размаху спекуляций и возникновению «пузырей» особо крупного размера (см. Главу 2). Резкое завышение стоимости активов связано с увеличением спроса на ресурсы и ростом необоснованных предположений, что цены на активы будут расти и далее. Фактически ситуация развивается по принципу пирамиды, которая становится все неустойчивее. Ниже мы увидим, что именно в момент наибольшего исчерпания ресурсов и одновременно наибольшего ослабления потенций для роста (и то и другое возникает в конце последнего J-цикла А-фазы) необоснованный оптимизм бизнеса по поводу дальнейшего роста цен на активы достигает своего пика⁴².

Понятно, что в итоге краха переоценка активов происходит со знаком минус, особенно это заметно в период фазы острого кризиса, когда реальные активы обесцениваются в разы и в десятки раз⁴³.

Длительная депрессионная пауза, возникающая на рубежных J-циклах, и смена стратегии развития.

Как мы видели, длительность рецессивно-депрессивных фаз J-цикла имеет важное значение для понимания динамики смены фаз К-волны. Между тем после двух (иногда трех) J-циклов, в которых эти фазы были короткими, в третьем (иногда в четвертом) J-цикле А-фазы длительность этой фазы качественно увеличивается. Таким образом, этот J-цикл становится рубежным между А- и В-фазами К-волны.

Увеличение же рецессивно-депрессивных фаз происходит по причине совпадения крайних значений разнонаправленных тенденций. С одной стороны, стоимость активов и уровень их переоценки достигает своего пика, а оптимизм бизнесменов и общества в целом находится в апогее; с другой стороны – объем имеющихся для роста ресурсов (факторов роста) достигает минимального значения.

Одновременно в обществе и в экономике накапливается слишком много нерешенных проблем. В итоге рецессия приобретает большой размах, а попытки с ходу преодо-

⁴² Например, Хансен (1959) убедительно показывает, что в период Великой депрессии окончательно выяснилось, насколько полно были использованы ресурсы нового строительства, которое явилось одним из локомотивов подъема в 1920-е гг. Но пик в строительстве был достигнут задолго до 1929 г., примерно в 1925–1926 гг. Высокий спрос на строительство недвижимости объяснялся тем, что в годы Первой мировой войны гражданское строительство оказалось, по сути, замороженным.

⁴³ Отметим еще раз, что рубежные J-циклы особо связаны с финансовыми технологиями, которые являются результатом – помимо других причин – чрезмерного оптимизма и повышенных ожиданий, проистекающих из характера предшествующих циклов. Даже переход от А-фазы к В-фазе в первой К-волне в 1810–1818 гг. в Англии – центре Мир-Системы – связан именно с проблемой госдолга, о которой много писали, например, лорд Лодердейл и Мальтус (см.: Хансен 1959). Кризис 1873 г., по общему мнению, был связан с особым масштаба спекуляциями и т. п. грюндерской горячкой, выразившейся в гигантских масштабах выпусков акций железных дорог и прочего (как раз в тот момент, когда пик ж/д строительства был пройден, см.: Там же). Кризис 1929 г. и последующее падение биржевых курсов на 90 % говорят сами за себя. Современный кризис также очень показателен в указанном смысле. Некоторое исключение составляют кризисы начала 1970-х гг. Но там, во-первых, имел место валютный кризис (связанный с масштабным выпуском необеспеченных долларов). Во-вторых, этот кризис (при исчерпании ресурсов) был спровоцирован внешними факторами, например резким повышением цен на энергоносители и сырье. Это, естественно, сразу сократило и без того подходящие к концу ресурсы развития. В иных условиях повышательная волна еще могла бы продлиться один цикл, но он тогда, очевидно, был бы еще более связан (в условиях валютного кризиса и перехода к плавающим курсам валют) с финансовыми технологиями и завышенным оптимизмом в оценке активов.

леть кризис и продолжить рост не удаются. И поскольку ресурсов для возобновления повышательного движения мало, импульса для продолжения А-фазы недостаточно.

Затягивание рецессии и депрессии неизбежно меняет стратегии бизнеса и общества⁴⁴. Одно дело – кризис нескольких месяцев, другое – депрессия в течение нескольких лет. Необходимо приспособиться к новой ситуации, а значит, сократить издержки и объемы, одновременно начав перестраивать бизнес и искать новые способы его развития. Проекты замораживаются, инвестиции сокращаются, спрос падает, цены, по крайней мере на переоцененные активы, тоже падают; капиталы не находят применения и т. п. (см. Главу 2). При этом возникает петля обратной связи: чем длительнее рецессивный период, тем меньше инвестиций; и наоборот – чем меньше инвестиций, тем дольше длится рецессия, пока не наступит новое равновесие. Тогда может начаться новый подъем, но это будет подъем уже иного плана, характерный для J-циклов понижительной В-фазы. Для поддержания повышательной тенденции после достаточно длительной стагнации и депрессии нужен соответствующий достаточно большой импульс, взяться которому неоткуда (тем более без наличия эффективных антикризисных социальных инноваций).

Таким образом, вопрос о причинах определенной длительности А-фазы К-волны в значительной мере оказывается связанным с вопросом о причинах резкого удлинения кризисно-депрессивных фаз J-цикла (в конце А-кластера этих циклов). И это, несомненно, дополнительно демонстрирует теснейшую связь между К-волнами и J-циклами.

Ясно также, почему в течение В-фазы экономика не может набрать прежние обороты. Во-первых, нужно время для разработки антикризисных мер; во-вторых, необходимо накопить достаточное количество факторов роста, включая прорывные технологические инновации; в-третьих, необходим толчок для смены стратегии бизнесменов, которая может измениться только при достаточно длительном и сильном подъеме. Таким образом, на длительное время устанавливается цепочка обратных связей: слабые подъемы – неактивная стратегия – недостаточные инвестиции – отсутствие импульсов к сильному подъему.

7. Мир-Системное измерение процессов

Модернизационные и мир-системные социально-экономические кризисы

Напряжения усиленной модернизации, взаимосвязь А-фазы с полупериферийными экономическими и социальными кризисами, а также с некоторого типа войнами

В период подъема на А-фазе чаще возникают периферийные и полупериферийные экономические и политические кризисы. Напомним, что Н. Д. Кондратьев (2002) писал о напряжении в А-фазе, для которой более характерны войны и революции. Этот момент требует дополнительного пояснения. Дело в том, что а) полупериферийные модернизирующиеся страны быстро воспринимают социальные инновации и в какой-то части внедряют их; б) но часто у них нет достаточной базы для «переваривания» всех инноваций (а социальные инновации могут быть для них и вовсе инородными). В результате возникает то, что можно назвать модернизационными кризисами, которые выражаются не только в экономических кризисах, но и в революциях и даже войнах⁴⁵. Азиатский кризис 1997 г. во многом был таким модернизационным кризисом. Революции начала XX в. также можно считать такого рода кризисами.

Что касается войн, то, конечно, не все, но некоторые из них вполне можно связать с реакцией на ускоренную модернизацию и порожденные ею внутренние и межгосударст-

⁴⁴ О стратегии общества и поиске им антикризисных социальных инноваций мы уже подробно говорили выше.

⁴⁵ Они становятся тем более опасными, если совпадают с быстрым демографическим ростом, характерным для периода выхода общества из мальтузианской ловушки (подробнее о модернизационных кризисах см.: Коротаев, Халтурина, Малков и др. 2010а; Коротаев, Халтурина, Кобзева и др. 2011; Гринин, Коротаев, Малков 2010б; Гринин 2010б, 2011а).

венные проблемы. Другая часть войн была проявлением перестройки Мир-Системы. В частности, большие войны были вызваны образованием крупных национальных государств в Европе в 1850–1870-е гг. (Италия, Германия). О войнах еще будет сказано далее.

Мир-системные кризисы и трудность возникновения мир-системных инноваций. Мир-системные инновации и их задержки

Рост модернизации в Мир-Системе в сочетании с техническими и социальными инновациями ведет к расширению и изменению конфигурации Мир-Системы, что через некоторое время создает потребность и в смене отношений в рамках Мир-Системы. Если последние задерживаются, то возникают кризисные явления, которые уже не могут быть преодолены в рамках отдельных стран и отдельных социальных инноваций. В этом случае возникают глубокие мировые кризисные полосы (как в период с 1914 г. по 1945 г.).

Таким образом, развитие Мир-Системы и отношений внутри нее и модификация К-волн находятся в тесной взаимозависимости. Соответственно некоторые фазы К-волн выступают как особые, поскольку для выхода из кризиса на некоторых этапах К-волн требуются уже мир-системные решения, то есть инновации, рождение которых может затягиваться. В частности, в ходе третьей волны (1890–1940-е гг.) происходило глубокое преобразование Мир-Системы, поэтому кризисы ее понижательной фазы приобрели военно-политическую форму и вообще были наиболее глубокими.

Уже в начале XX в. Мир-Система, по сути, включила в себя (в форме инкорпорации) весь земной шар. Инноваций на уровне отдельных стран было недостаточно, в том числе из-за того, что были очень сильны протекционизм, военное и колониальное соперничество. Также существовали очень разные политические режимы. Отсюда дальнейшее развитие требовало новых мир-системных инноваций во взаимоотношениях между странами. Однако на уровне Мир-Системы еще действовали старые способы решения противоречий и проблем, а новые с трудом пробивали себе дорогу. В результате перестройка Мир-Системы пошла старым военным и революционным путем.

Только после Первой мировой войны стало очевидным, что нужно искать новые инновационные решения на уровне Мир-Системы. Но сразу этого достичь не удалось, так как не было ни общепринятой модели, ни наднациональных органов и существовали большие различия между метрополиями и колониями. В результате кризисные явления, характерные для всей Мир-Системы, отдельные страны стали решать своим особым путем (то есть действовал еще старый вариант решения на уровне одной страны). На каком-то этапе возникло крупное противоречие: с одной стороны, взаимодействия стали очень плотными и взаимозависимость больше, а с другой – столкновения между участниками стали острее, модели развития и социальные инновации, которые использовались отдельными обществами, оказались опасными для остальных. В результате кризисные явления стали более сильными. В конечном счете мир-системные противоречия переросли в грандиозную Вторую мировую войну. Только таким путем в итоге удалось через некоторое время установить ведущие модели развития и общие модели поведения на мировых рынках хотя бы в основной части Мир-Системы, а в ряде крупных стран – провести необходимые социальные изменения, важные для экономического развития всего мира. При этом война постепенно переставала быть ведущей формой переустройства Мир-Системы. В результате уровень некоторых важных инноваций на некоторое время приблизился к мир-системному уровню.

Сегодня ситуация начинает напоминать ту, что была в начале XX в. Мы стоим перед серьезными изменениями в рамках Мир-Системы, и в течение определенного периода необходимо найти новые мир-системные инновации. В то же время совершенно неясно, какие изменения и каким образом должны быть произведены. Это может способствовать затягиванию депрессивных явлений и достаточно глубокому проявлению кризисных моментов (разумеется, военные формы такого поиска сегодня должны быть исключены).

Каким образом возникает синхронность К-волн в Мир-Системе

В известной мере это напоминает механизм подъема в национальных экономиках, где образуются точки роста, которые – если они мощные – вытягивают всю экономику. Так же и здесь: появляются государства-локомотивы, которые создают импульс для всех. В определенной мере это находит отражение в концепции лидирующего сектора и лидирующих экономик в применении к Мир-Системе (Modelska 1987; Modelska, Thompson 1996; Thompson 1990, 2000; Rasler, Thompson 1994; Rennstich 2002). Как лидирующий сектор ведет за собой в целом национальную экономику, так и лидирующие экономики ведут мировую экономику. Очень важно, что появляются новые технологии выхода из кризисов, которые также постепенно перенимаются; наконец, принимаются общие решения между государствами, то есть появляются мир-системные решения.

Аналогичным образом передаются и сигналы спада, но здесь, пожалуй, стоит привести сравнение с наиболее перегретым сектором, крах которого вызывает цепную реакцию даже в здоровых секторах экономики.

Механизм относительно быстрой передачи импульса от определенных центров, зон Мир-Системы в остальные ее зоны определяется механизмами мир-системных экономических связей: ростом/падением мировой торговли (в том числе под воздействием изменений ввозных/вывозных пошлин); движением мирового капитала (и формированием его новых центров); валютными (золотыми) колебаниями; экспортом/импортом технологий (патентов); международными договоренностями; колебаниями цен на сырье, топливо, продовольствие и др. товары. Вне зависимости от того, за счет чего шел рост в тех или иных странах, эти механизмы вполне могут изменить тенденции развития периферии или полупериферии, если они изменились в центре.

Если же брать передачу импульсов от лидирующих стран к менее развитым или менее активно развивающимся в течение всей К-волны, то видна связь с J-циклами. В течение срока одного J-цикла (7–11 лет) становятся более очевидными преимущества технологий, организаций, иных достижений, появившихся в лидирующей стране или странах. Второй цикл с большой интенсивностью запускает модернизацию уже в целом ряде стран. Третий цикл расширяет модернизацию, но на этом уровне уже возникают трудности, связанные как со сложностью распространения, так и с падением нормы прибыли и – крайне важно – особенностью трансформации институтов и отношений в рамках как отдельных стран, так и всей Мир-Системы.

8. Общие характеристики эволюции, факторов, механизмов и показателей К-волн

Почему и как меняются главные показатели динамики К-волн?

Общее направление изменений

Мы рассмотрели, как связаны К-волны и J-циклы. Посмотрим теперь, как и почему меняются главные показатели динамики К-волн.

Как уже было сказано в Главе 1, сам Н. Д. Кондратьев и многие исследователи после него главными показателями динамики повышения и понижения в К-волнах считали направление ценовых трендов (другие показатели были связаны с ними). Но в последние десятилетия главным показателем динамики стал темп экономического роста и даже относительный темп роста, то есть насколько быстрее или медленнее растет мировой или страновой ВВП. Использовать двухтактовую схему этого показателя предложил бельгийский экономист Э. Мандель (Mandel 1975, 1980; см. также: Kuczynski 1980; Bieshaar, Kleinknecht 1984; Kleinknecht 1987; Полетаев, Савельева 1993). Некоторые исследователи используют другие показатели, вплоть до показателей уровня классовой борьбы.

Такой разнотой вносит большую и в чем-то даже роковую сложность в измерение К-волн: как можно говорить о длительном процессе смены К-волн, если показатели раз-

личны, причем иногда они находятся в противофазе? К-волны в ценовой динамике имеют наиболее признанную эмпирическую поддержку (см., например: Gordon 1978: 24; Van Ewijk 1982; Cleary, Hobbs 1983; Berry 1991 и т. д.). Но логика динамики К-волн после Второй мировой войны в динамике мировых цен исчезает, так как цены растут и в период понижительной В-фазы⁴⁶.

Попытки обнаружить К-волны в динамике мирового ВВП (и аналогичных показателей) дали пока достаточно противоречивые результаты. В частности, эмпирические проверки некоторых исследователей не подтвердили наличия К-волн в мировой производственной динамике (см., например: Van der Zwan 1980: 192–197; Chase-Dunn, Grimes 1995: 407–409). Одна из главных причин кроется, конечно, в недостаточных данных о темпах экономического роста за более ранний период. Но еще более важно, что на тех данных, которые все же имеются, не удается продемонстрировать наличие длинноволновых колебаний до середины XIX в. (см., например: Полетаев, Савельева 1993: 221). Можно предположить, что это не случайно, так как рост цен и рост ВВП могли в определенные периоды находиться в противофазе (см. ниже наш анализ причин смены ценовых трендов и взаимодействия тенденций на расширение и снижение нормы прибыли). Точно так же есть сомнения в том, что К-волны могут быть прослежены в динамике мирового ВВП в период до 1870 г., хотя в этот период они, по всей видимости, все же прослеживаются в экономической макродинамике Запада (см. Главу 1; см. также: Гринин, Коротаев 2010а: 240; Коротаев, Цирель 2010а, 2010б).

Тем не менее анализ динамики К-волн на протяжении более чем двухсот лет приводит к выводу, что в такой на первый взгляд несовместимости может проследиваться и органическая связь, если исходить из того, что факторы, задающие тренд фаз, и соответственно причины, влияющие на эти факторы, меняются (во всяком случае, по важности) естественным образом. К-волны меняют свои проявления (ценовые или темповые) в связи с развитием промышленного принципа производства и расширением Мир-Системы и мир-системных связей. Кроме того, растет роль государства. Стоит отметить, что Й. Й. ван Дайн выдвинул весьма правдоподобную гипотезу, что длинные волны в темпах экономического роста возникли лишь во второй половине XIX в., придя на смену длинным волнам в динамике цен (van Duijn 1983: 91).

Если принять идею естественности изменений показателей (и причин) волновой динамики К-волн, то это позволяет продвинуться к органичному синтезу всех основных теорий: монетарной, технологической, инвестиционной, внешних факторов, включая и военные. Обратим внимание, что в период А-фазы первой К-волны повышательный тренд цен задают главным образом именно война (по сути, более чем двадцатилетняя – с 1792 по 1815 г.) и политика континентальной блокады. Но далее идет постепенный переход от экзогенных факторов генерирования длительных трендов к эндогенным, связанным с инновациями, крупными инвестициями и сменой технологических укладов⁴⁷.

Сказанное объясняет также противоречия повышательной и понижительной фаз периода первой К-волны: идет переход от одного типа причин, задающих колебания цен, к другому, а именно – на смену чисто внешним факторам приходит симбиоз внутренних, связанных с ростом производительности труда, и внешних. Это может объяснить

⁴⁶ Правда, не исключено, что она все же сохраняется, если измерять текущие цены в ценах золота.

⁴⁷ Таким образом, если К-волны и имели место до конца XVIII в. (см. обзор мнений: Goldstein 1988), то их природа была преимущественно ценовой. В то же время не приходится вовсе игнорировать тот факт, что так называемые торговые кризисы в Европе и Америке в XVIII в. также имели достаточно регулярность и происходили примерно раз в десятилетие, в частности имевшие своим началом, по систематизации некоторых исследователей, 1753, 1763, 1773, 1783, 1797 гг., далее более известные кризисы 1810, 1815 гг., а иногда говорят и о кризисе 1818 г. (Хансен 1959: 287). Периодизация кризисов у Жюгляра во второй части его книги в некоторых моментах расходится с вышеизложенной, но там также учтены кризисы 1763, 1772, 1783, 1793, 1797 гг. (Juglar 1889). Таким образом, десятилетний период среднесрочного цикла имеет довольно глубокие основания.

и смысл довольно странного на первый взгляд утверждения, что фаза, связанная с бесконечными наполеоновскими войнами, объявляется повышательной, а следующая за ней фаза, связанная с промышленным переворотом, мощнейшей перестройкой экономики и гигантским ростом производительности труда, – понижательной.

Но естественно, что такая смена движущих сил длительных трендов не могла быть ни быстрой, ни полной. В течение понижательной фазы первой К-волны наиболее сильные изменения были только в одном государстве (Англии), что не могло полностью сменить в Европе тенденцию на понижение цен, вызываемую также и очень быстрым ростом производительности труда и соответственно понижением цены мануфактурных изделий. Но уже следующая К-волна была вызвана не только внешними факторами (войнами и расширением добычи золота), но и изменением системы мировой торговли (переходом к принципам свободной торговли). Это устранило узость внешних рынков, на которую английская промышленность наталкивалась в течение 30 лет, и привело к мощному инвестированию в самые разные страны. Отметим также возникновение более сложной системы промышленности (тяжелой и легкой) и создание новой транспортной и информационно-коммуникационной системы (железных дорог и телеграфа).

С одной стороны, переход к А-фазе новой, второй К-волны именно в начале 1850-х гг. в известной мере был случайностью, так как он совпал с открытием залежей золота в Калифорнии и Австралии, что дало мощный повышательный импульс. Но, с другой стороны, как отмечал Кондратьев, такое расширение вызывается потребностями расширяющегося капитализма, а потому не совсем случайно, и в то же время оно подготавливается предыдущим развитием. Иными словами, подобно тому, как это бывает в период перед фазой оживления в J-циклах, когда подъем в определенный период становится уже почти неизбежным, он раньше или позже происходит. Он может задержаться, быть не столь быстрым на какой-то период, но так или иначе обязательно находится какой-то стимулирующий фактор. Такие факторы ведь возникают еще на понижательной фазе, только потенции у экономик в этот период слабее и условия хуже, отчего и подъем не становится длительным. Если брать период 1814–1847 гг., то нас бы не удивило, если бы эта фаза закончилась, скажем, в 1842 г. и начался длительный подъем. Он и начался, в частности, за счет ожиданий спроса со стороны китайского рынка, так что возникла даже острая нехватка рабочих (см., например: Туган-Барановский 2008 [1913]: 122), но голод 1845–1846 гг. его приостановил⁴⁸. А за это время расширились возможности для нового подъема.

Отметим, что подъем имеет достаточно большие резервы, чтобы стать длительным в условиях, когда начинается расширение центра Мир-Системы (подтягивание полупериферии к центру).

Представляется, что роль изменения цен в соотношении главных факторов колебаний в К-волнах начинает уступать место роли колебаний темпов экономического роста где-то в начале XX в. Это, в частности, внешне находит отражение в соревновании Англии и Германии. Окончательно это проявляется уже после Первой мировой войны и послевоенного кризиса 1920 г. Не случайно в период, предшествовавший Великой депрессии, цены почти не росли (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010а: 123–125; Хаберлер 2008: 9–10, 28), что послужило даже причиной ошибок в прогнозах. Такой перелом факторов колебаний совпал (и не случайно): а) с почти предельным расширением Мир-Системы; б) со сменой ее лидера; в) с ослаблением золотого стандарта; г) с тем, что промышленность, в том числе тяжелая, стала играть решающую роль в темпах и направлении экономического роста.

⁴⁸ Об этом свидетельствует, например, такой факт: доля продовольствия в английском импорте за 1845–1847 гг. выросла с 3 % до 50 % (Трахтенберг 1963: 155).

Смена роли государства

Роль государства в течение XIX в. меняется: она перестает быть нейтральной, так как с определенного времени государства начинают быть крайне заинтересованными в высоких темпах роста (некоторые государства проявляли интерес, и довольно давно, в отношении развития торговли и промышленности, в частности, парламентские комиссии в Англии разбирали причины упадка промышленности в кризисные годы с 1825 г., см., например: Туган-Барановский 2008 [1913]). До этого в целом государства в лучшем случае заботились о поддержании стабильности валюты и государственных ценных бумаг, частично о строительстве коммуникаций. Нельзя не отметить (что и делалось сторонниками объяснения природы К-волн с помощью войн) роли государства в развитии военных технологий и военных заказов. С периода Великой депрессии экономический рост окончательно становится главной заботой государства.

Почему возникал длительный ценовой тренд?

Помимо того что рост или падение цен связаны с внешними факторами и шоками, в том числе с войнами⁴⁹, *инфляционно-дефляционные ритмы эндогенно задаются также стремлением экономики к расширению и вытекающими из этого эффектами*. При этом еще раз подчеркнем, что расширение производства получает позитивные или негативные импульсы прежде всего в рамках фаз J-циклов, а уже складывающаяся динамика А- или В-кластеров J-циклов создает длительный ценовой тренд К-волн.

Механизм влияния эффектов, связанных со стремлением экономики к расширению, выглядит в общих чертах таким образом. Расширение вызывает рост производительности труда, что создает в условиях твердых металлических денег превышение стоимости произведенных товаров над платежеспособным спросом. Бизнес отвечает на это ростом производительности труда, сокращением издержек и падением цен в условиях конкуренции. Однако такое развитие не может быть бесконечным, оно сталкивается с сокращением нормы прибыли и ведет к снижению активности, что выражается в нарастании депрессивных проявлений. Если в итоге предложение сокращается, спрос, а затем и цены могут начать подниматься (так обычно происходит на фазе выхода из депрессии и в период фазы оживления в J-циклах). Ситуация меняется еще более существенно с созданием новых финансово-торговых технологий, которые увеличивают денежную массу и соответственно повышают спрос.

Внутреннее противоречие индустриальной экономики как причина возникновения и смены длительных ценовых трендов

При золотых (металлических) деньгах даже незначительный рост цен означает сильный стимул для развития. Цены задавали тренды также объемам производства и остальным факторам (цене госбумаг, зарплате). При этом в развитии капиталистической экономики налицо, как вполне понятно, две тенденции: к росту и стабилизации производства. Первая повышательная тенденция – **к расширенному производству** – постоянно сталкивается с ограничениями (ресурсными, сбытовыми, организационными, технологическими, политическими, налоговыми и т. п.). В результате усиливается вторая тенденция – **к стабилизации объемов производства**.

При этом обе тенденции находятся в сложной нелинейной связи с **тенденцией к снижению нормы прибыли** (она многократно описана в разных школах, в том числе очень хорошо в марксистской)⁵⁰, которая, с одной стороны, ведет к снижению деловой

⁴⁹ Без военной составляющей кривые цен К-волн выглядят, конечно, существенно сглаженнее. Но все же и без нее на повышательных фазах рост цен имеет место за счет эндогенных факторов.

⁵⁰ Мир-системная школа в изучении К-волн особо указывает на роль колебаний нормы прибыли именно в масштабах Мир-Системы как важного и даже едва ли не центрального фактора в создании механизма колебаний (см.: Wallerstein 1984; Hopkins, Wallerstein *et al.* 1979, 1986; Silver 1992; см. также: Полетаев, Савельева 1993).

активности и соответственно к уменьшению или прекращению роста, а с другой – к развитию и росту. В конечном счете падение нормы прибыли ведет к тому, что находятся новые, более выгодные, рациональные (производительные) и т. п. способы расширения, а безудержный рост ведет к усилению ресурсных ограничений и падению нормы прибыли. Понижение нормы прибыли – явление вполне естественное, оно хорошо наблюдается и сегодня, в частности в развитых странах, особенно в Европе и Японии. Соответственно если капитал недостаточно активен, поскольку ему некуда «пристроиться», то и темпы роста слабы, поэтому капитал уходит в более интересные для него места. Понижение нормы прибыли – это один из важнейших моторов мир-системного расширения: если бы капитал в одном месте всегда мог получать высокие прибыли, распространения технологий и расширения производства в других местах в достаточной степени не происходило бы.

Очевидно, что падение нормы прибыли влечет за собой дефляцию и понижение активности (см., например: Румянцева 2003: 12), но гораздо менее очевидно, что та же тенденция ведет также, но с временным лагом, не только к инновациям и подъему экономики (см., например: Меньшиков, Клименко 1989; Перес 2011), но и к росту цен⁵¹. В данном случае также важно показать механизмы изменения цен, укладывающиеся в определенные временные параметры (см. ниже).

Все три тенденции тесно и нелинейно связаны с изменением ценовых трендов. Расширение, с одной стороны, ведет к росту спроса на различные факторы производства, что повышает цены. Повышение цен на какой-то период повышает прибыль и активность экономики. Но далее рост издержек производства начинает понижать прибыльность, соответственно силы расширения уменьшаются, спрос падает, падают и цены. Еще более усиливается тенденция к понижению нормы прибыли, которая выражается в том числе и в снижении цен, а также в жалобах на перепроизводство и слабую покупательную способность населения, требованиях необходимости расширения внешних рынков сбыта и борьбы за них и т. п.⁵² В борьбе за выход из полосы снижения нормы прибыли бизнесмены на какой-то период еще более усиливают тенденцию на понижение цен, если, например, они начинают ценовую конкуренцию, борьбу за снижение издержек (в том числе зарплаты), а также если повышают производительность труда и соответственно предложение товара по более низким ценам⁵³. Кроме того, рынок сужается за счет понижения зарплаты.

Если в условиях бурного роста и крупных инвестиций на повышательный ценовой тренд положительно влияет ограниченность ресурсов, на которые возник повышенный спрос, то в условиях стагнации выясняется, что экономика недогружена, *то есть на понижение цены влияет всякое опережение производительности труда по сравнению с ростом покупательной способности общества; следовательно, дефляционная тенденция заложена в самом ее расширении*⁵⁴.

⁵¹ Последнее возникает, в частности, в результате создания или усовершенствования новых технологий, которые при расширении создают новые производства и в итоге расширение потребления ресурсов. Понятно, что повышенный спрос и недостаток ресурсов ведут к росту цен. Иными словами, рост производительности может обгонять рост объемов необходимой ресурсной базы и других менее эластичных к спросу товаров, что вызывает инфляцию. Мы описывали эту ситуацию в Главе 2.

⁵² Отметим, что рост внешней торговли в А-фазах был выше, чем в В-фазах. Это показал, например, Э. Мандель (Mandel 1975: 141, 1980: 3). Согласно его данным, в период между 1820 и 1967 гг. во время А-фаз К-волн среднегодовые темпы роста мировой торговли были в целом существенно выше, чем во время смежных В-фаз.

⁵³ Тут часто, как отмечают, понижается и цена производительного капитала, оборудования, машин, кредита и пр.

⁵⁴ Если бы расширение производства шло экстенсивным путем без увеличения производительности труда (то есть без смены технологий и техники), то снижения цен не происходило бы, но и расширение замерло бы после исчерпания свободных ресурсов. Оно росло бы вровень (или даже отставало) с ростом трудоспособного населения, как это и наблюдалось в доиндустриальной экономике. Но *индустриальная экономика тем*

Иными словами, **расширение индустриальной экономики само создает собственное ограничение за счет возрастающего дефляционного давления, которое возникает из-за расширения предложения в условиях ограниченного (металлическими деньгами) покупательского спроса. Но одновременно в этом же кроется источник поиска новых возможностей расширения, ведь если бы норма прибыли не падала, то исчез бы и стимул к инновациям**⁵⁵.

Итоги. Дефляция вытекает из наличия самой тенденции расширения и роста производительности труда, ведущей в целом к снижению нормы прибыли (после исчерпания дивидендов от внедрения инноваций). Важнейшим способом расширения продаж становится снижение цен до предельной прибыльности. Сегодня мы постоянно сталкиваемся с этим парадоксом: объем товаров стремительно растет, нередко растет и их качество, а цена на них падает (например, на мобильные телефоны). То же самое было и с тканями. Общество богатеет, но норма прибыли падает, и цены не растут, а снижаются.

Таким образом, *тенденция к понижению цен (понижательная фаза) проявляет себя открыто в том случае, когда противоположная тенденция к их повышению слабеет.* Или иначе: как только слабеет тенденция к повышению цен (как более трудно реализуемая при металлических деньгах), вступает в действие (то есть проявляет себя открыто) тенденция к их понижению.

Что касается *тенденции к снижению нормы прибыли, то ее можно рассматривать как тенденцию, ведущую к стабилизации системы.* А вполне очевидно, что в любой системе силы, действующие в направлении стабилизации системы, являются постоянными, и нужна очень большая энергия, чтобы система развивалась.

Факторы, усиливающие дефляцию. Дефляция в целом возникает, когда ценность денег повышается, когда рост объема предложения товаров и услуг обгоняет объем денег, а также когда склонность к накоплению превышает склонность к потреблению.

- В принципе, чем надежнее деньги, тем выше опасность дефляции за счет нежелания расставаться с ними и стремления копить на черный день (тем более в условиях отсутствия социальных гарантий) и т. п. («синдром скупого рыцаря»). Но развитый кредит способен дать этим деньгам вторую жизнь и направить их в пользу повышательной инфляционной тенденции.

- Наличие большого слоя рантье и прочих потребителей (включая рабочих), которые заинтересованы в понижающихся ценах. Торговцы в этом случае остаются в меньшинстве, а правительство долго не понимает важности роста цен.

- Рост спроса на государственные бумаги (чем ниже цены, тем выше спрос на них), если растет их доходность, то есть идет отток ресурсов в госсектор. Но большой долг также способен разогнать инфляцию, если государство начинает эмиссию ценных бумаг.

- Некоторые формы борьбы с падением нормы прибыли (о них ниже) также ведут к уменьшению внутреннего потребления. Например, займы иностранным правительствам в целом ведут к повышению ценности денег и соответственно дефляции.

- Можно отметить и теорию обесценивания капитала (активно использовавшуюся Марксом и Кондратьевым).

- Понижение цен может быть связано также с расширением сырьевой базы под влиянием длительного спроса со стороны промышленности и городов. Это периодически ведет к мощному расширению предложения сырьевых и/или продовольственных товаров: 1820–1847 гг.; 1873–1895 гг.; 1920–1940 гг. Отметим, что как расширение предложения сельскохозяйственных товаров, так и их сокращение – достаточно долговременные про-

и отличается от доиндустриальной, что она развивается за счет более быстрого роста производительности труда.

⁵⁵ Это похоже на мальтузианский эффект в аграрной экономике: есть две тенденции – к росту населения и к росту производительности труда. Вторая слабее, как только она затухает, первая становится более сильной, в итоге результирующая ведет к постепенному ухудшению уровня жизни и к мальтузианской ловушке.

цессы, а с учетом того, что производители часто не могут реально уменьшить свои издержки с помощью такого сокращения, они не стремятся к нему. Неудивительно, что правительство США в годы Великой депрессии вынуждено было субсидировать тех, кто сокращал производство.

Основной механизм смены ценовых трендов

Как известно, бурный рост экономики в период подъемов и бумов J-циклов ведет к повышению цен. Буму всегда соответствовал рост цен (Великая депрессия стала первым исключением из этого правила⁵⁶, а стагфляция 1970-х гг. показала уже окончательное изменение вектора ценовых трендов в K-волнах). **Собственно, причины повышения и понижения цен (чередования повышательных и понижательных фаз K-волн) лежат в том же объяснении, что и длительность и ритмичность смены этих фаз. Они задаются вектором кластеров J-циклов.**

В А-кластере, обеспечивающем больший экономический рост, цены растут быстрее (что вытекает из особенностей самого J-цикла, на фазе подъема которого цены стремятся вверх); в В-кластере, ведущем к более депрессивному развитию, цены не растут или падают. Понятно, что в J-циклах идет чередование подъема и падения цен, но в А-кластере в целом побеждает тенденция к росту, а в В-кластере – к падению (а одновременность проявления обеспечивается внешними контактами и зависимостью экономик от торговли, кредита и пр.)⁵⁷.

Борьба с тенденцией нормы прибыли к понижению

При столкновении с понижением нормы прибыли могут избираться следующие стратегии (обычно, конечно, взаимосвязанные):

1) Расширение кредитования собственного и иностранных правительств. Но это способствует в большей степени понижательной тенденции, чем повышательной (так как эти займы иностранным правительствам очень часто расходуются непроизводительно или не отдаются)⁵⁸.

2) Борьба за рационализацию производства, экономию, повышение производительности труда – очень важный фактор в смысле роста производства – может существенно влиять на развитие дефляционной тенденции.

3) Крупные инновации, способные создать направление прорыва, куда будут устремляться кредиты и капиталы, откуда эти инновации будут распространяться и т. п. Собственно, этот механизм описан Й. Шумпетером (Schumpeter 1939) и сторонниками инновационной теории⁵⁹.

4) В принципе, фактором борьбы с понижением прибыльности выступает и обесценивание капитала в виде массивных инвестиций (машин, оборудования, сооружений), на что указывал еще Кондратьев. Эти идеи ранее высказывались, например, К. Марксом

⁵⁶ Но речь идет только об обычных товарах, рост стоимости активов, акций и прочие ценовые «пузыри» в периоды бумов имеются всегда.

⁵⁷ Однако в течение В-фазы первой K-волны можно предположить, что рост объемов производства и рост цен находились в противофазе (что и составляло определенный фактор развития K-волны и общества). Этому способствовал и тот факт, что основные технологические рывки происходили в ограниченном пространстве.

⁵⁸ Кстати, понижательные фазы K-волн 1817–1847 гг., 1873–1895 гг., 1914–1947 гг., 1967–1982 гг. характеризуются не только высоким уровнем вывоза капитала именно в виде госзаймов, но и очень крупными финансовыми скандалами, государственными дефолтами, отказами от долгов, возникновением мировых долговых кризисов. Странно, но кажется, что никто не обратил внимания на эту корреляцию. Ситуация на понижательной фазе (излишек не нашедших применения капиталов) способствует высокому уровню займов иностранным государствам и, как следствие, ведет к одновременному и/или последующему сбою в мировых кредитных отношениях. Повышательные фазы, представляется, более характерны ростом частных (негосударственных) долгов под различные инвестиционные проекты.

⁵⁹ См., например: Mensch 1979; Kleinknecht 1981; Меньшиков, Клименко 1989; Dickson 1983; Freeman 1987; Tylecote 1992; Глазьев 1993; Маевский 1997; Modelski, Thompson 1996; Modelski 2001, 2006; Яковец 2001; Freeman, Louçã 2001; Ayres 2006; Dator 2006; Hirooka 2006; Papenhausen 2008; см. также: Перес 2011.

и М. И. Туган-Барановским в отношении среднесрочных J-циклов. Понижение стоимости капитала, во-первых, позволяет новым собственникам дешевле приобрести уже готовое оборудование или предприятия, во-вторых, увеличивает привлекательность инвестиций в новые проекты.

Но тут важно сделать следующее замечание. Для мощного подъема (в том числе и для стимуляции возникновения А-фазы К-волн) в принципе совершенно новые технологии желательны, но не обязательны. Есть небезынтесная идея, что инновации являются побочным следствием инвестиций (см.: Goldstein 1988: 50). Поскольку инвестиции могут быть не только инновационными, технологии для инвестиций есть всегда. Важно, чтобы они находили нужную ресурсную и демографическую (финансовую) базу в соответствующих местах общества и Мир-Системы⁶⁰.

5) Крайне важным направлением борьбы за повышение прибыли и в целом за возможности высоких темпов роста является *создание новых финансовых технологий*, а также эмиссии денег и особенно их заменителей, различных денежных продуктов (акций, облигаций, векселей, банкнот и т. п.) и, разумеется, кредитов. Словом, расширение и оживление (изменение потоков, скорости оборота и т. п.) денежно-бумажной и кредитной массы во всех формах. Но важно, чтобы эти технологии и расширенная масса денег способствовали развитию производства или рассасыванию чрезмерных запасов товаров.

6) Вывоз инвестиционного капитала. Имеет двойственную природу: с одной стороны, оживляет принимающие страны, с другой – ослабляет отдающие, в целом способствует росту объемов или сложности Мир-Системы.

Рост производства и инфляция

Для того, чтобы цены росли, нужно, чтобы масса денег, так или иначе, росла быстрее производства. То есть нужно либо вовлечь в оборот свободные деньги (своей или чужих стран), либо увеличить массу ликвидности. Это достигалось:

- 1) расширением внешних рынков сбыта;
- 2) увеличением массы средств, то есть денег и квазиденег, за счет новых финансовых технологий, способствующих какой-то эмиссии (акций, облигаций, банкнот и т. п.), роста скорости оборота денежных средств; займов (возможности аккумуляции капитала).

Фактически во втором случае расширение происходит едва ли не в большинстве ситуаций, так или иначе, за счет жизни в долг, которая потом окупается ростом производства (но иногда приводит к банкротствам). В современных условиях развитие государственных и социальных гарантии практически составляют один из важных аспектов жизни общества в долг. Жизнь в долг – основа современной экономики;

- 3) создание условий для длительных инвестиций;
- 4) военные или иные внешние факторы в огромной степени могут усиливать инфляционную тенденцию.

9. Связь К-волн и войн

Если идея о том, что в какой-то длительный исторический период имели место относительно регулярные чередования более и менее мирных периодов и войн в Европе, правомерна, то такое чередование скорее надо рассматривать как колебания (а не как волны). Тем не менее утверждение о том, что крупные и длительные войны между ведущими державами в Европе в Новое время происходили с интервалом в несколько десятилетий, более или менее подтверждается фактами. Естественно, регулярность, равно как и заметность проявления К-волн в этот период, чаще всего сильно преувеличивается (см. данные: Goldstein 1988)⁶¹. Поскольку в дальнейшем войны не имели даже такой ре-

⁶⁰ В частности, сегодня в Китае и Индии внедряются в большой мере не самые инновационные технологии, но это не мешает делать громадные инвестиции.

⁶¹ Они не случались так регулярно (раз в 50 лет), как считает, например, К. Райт (Wright 1965 [1942]), тем более что войны были очень разными по длительности, в итоге интервал между началом войн существенно сме-

гулярности, а их инфляционное влияние в XX в. оказалось разрушительным (к тому же и роль цен в К-волнах изменилась после Первой мировой войны), вряд ли можно считать, что войны были основным фактором, создающим динамику К-волн.

Однако остаются вопросы: могли ли сами К-волны влиять на большую или меньшую частоту войн? Являлось ли инфляционное влияние войн в XIX – начале XX в. простым совпадением с началом повышательных фаз К-волн или без войн повышательные фазы не состоялись бы?

Нам представляется, что природа разных войн на разных этапах истории Европы и Мир-Системы существенно различалась.

1) Наполеоновские войны во многом принадлежали к процессам прежнего времени, то есть к войнам за передел сфер влияния в Европе (которые вызывались как объективными причинами, так и включением в процесс амбициозных государственных деятелей и полководцев). Объективно они играли роль инструмента: а) формирующего государственные формы нового типа; б) расширяющего Мир-Систему. Велись они за имперские цели, а экономические (торгово-промышленные) цели были подчиненными, но тем не менее влияли на экономику и технологию, особенно за счет военных революций, развития денежного хозяйства и госзаказов⁶².

2) Если рассмотреть все войны, которые велись после Наполеона до Первой мировой войны, то, во-первых, их нужно разделить на: а) войны, ведущиеся некапиталистическими крупными державами (Россией, Турцией, Египтом); б) войны, ведущиеся капиталистическими державами за позиции в Европе и мире; в) гражданские войны, например в Испании, Италии и США; однако большинство войн этого периода (тип г) – это войны, которые можно считать колониальными или полуколониальными, а также антиколониальными (как в Латинской Америке).

3) При этом представляется, что равномерность войн типа (а) и особенно (г) в целом примерно одинакова для А- и В-фаз К-волн. Объективно такого рода войны играли роль инструмента, расширяющего Мир-Систему и позволяющего передовым державам проникать на рынки периферийных стран, готовить их к модернизации. Надо учитывать, что войны длительное время оставались важнейшим политическим инструментом (иногда единственной формой решения объективных задач). Таким образом, колониальный фон войн был в принципе постоянным и, может быть, даже более сильным именно на В-фазе. Например, колониальный раздел мира произошел как раз на В-фазе второй волны⁶³.

4) Но более крупные войны чаще возникали на А-фазе. Наиболее интенсивными войнами были войны государств, которые вступили в фазу активной модернизации, в период с 1854 по 1871 г. (с участием Франции, Германии, Италии, Австрии; Гражданская война в США), а позже – Русско-японская война. Конечно, тут всегда много случайностей (например, личность Наполеона III, склонного к военным авантюрам), но нель-

шался. Например, между началом Тридцатилетней войны (1618 г.) и началом 13-летней войны, или войны за испанское наследство (1701–1714), прошло более 80 лет – не говоря уже о том, что при таком подходе не учитываются различные иные войны, которые велись в других частях Европы или мира. Так, 13-летняя война закончилась в 1714 г., а Северная длилась до 1721 г. Но относительная регулярность между наиболее крупными войнами в Европе все же наблюдается. Наполеоновские войны, точнее, войны революционной Франции, начавшиеся через 30 (не 50!) лет после Семилетней войны (1756–1763), были последними такого рода войнами. Конечно, в длительности наполеоновских войн и их влиянии на европейскую историю много случайного, связанного с личностью Наполеона (хотя какая-то военная активизация, по-видимому, в начале XIX в. все равно происходила бы).

⁶² Чисто торгово-экономические войны были более редки, их вели прежде всего такие торговые государства, как Англия, Голландия, Генуя, Венеция.

⁶³ Очень интересно, что Англия как наиболее передовая и ранее всех модернизировавшаяся страна в течение ста лет вела едва ли не исключительно колониальные войны. Даже Крымская война может быть рассмотрена именно как война за сохранение влияния на английскую полуколонию – Турцию и ослабление конкурента в колониальных захватах – России.

зя не отметить, что для Германии и Италии войны конца 1850-х – начала 1870-х гг. оказались политическим решением, без которого настоящая модернизация в них сильно затруднялась. То же касается и США. А-фаза К-волн больше способствует процессам модернизации, а модернизация увеличивает активность нации или отдельных ее классов, повышает вероятность различного рода кризисов и эксцессов, среди которых войны занимают существенное место. Да и само появление новых военных технологий, способность перевооружиться, решить военные вопросы за счет именно технологического фактора, несомненно, благоприятствует военной активности. Все это вместе и создавало на А-фазах большую концентрацию и интенсивность военных событий, чем на В-фазах.

Вывод: таким образом, К-волны (через J-циклы) действительно частично способствовали большей концентрации войн на А-фазах.

Инфляционные процессы в результате войн, конечно, оказались случайным (но важным) совпадением с инфляционными процессами самих А-фаз, но такое совпадение сделало проявление инфляционного тренда более заметным и сильным. Войны начала XX в. уже имели переходный характер (борьбы за раздел мира: противоречие между старыми инструментами изменения в Мир-Системе и ее новым формирующимся характером за счет экономических связей). Первая и Вторая мировые войны в целом должны быть оценены уже как форма глубоких кризисов мир-системного уровня, как неспособность разрешить кризис на уровне Мир-Системы чисто экономическими средствами. Поэтому их последствия для Мир-Системы и К-волн были иными, чем последствия войн XIX – начала XX в.

А затем уже войны, особенно после Корейской войны, все более теряют свое значение, которое заменяется влиянием государства (и его военными расходами и разработками).

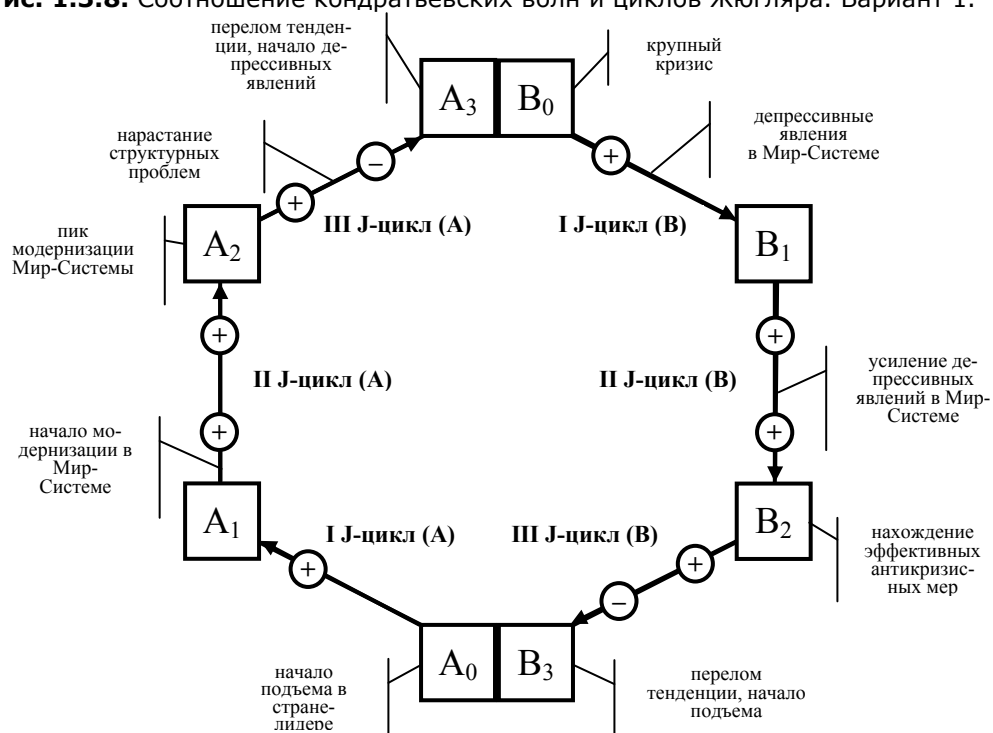
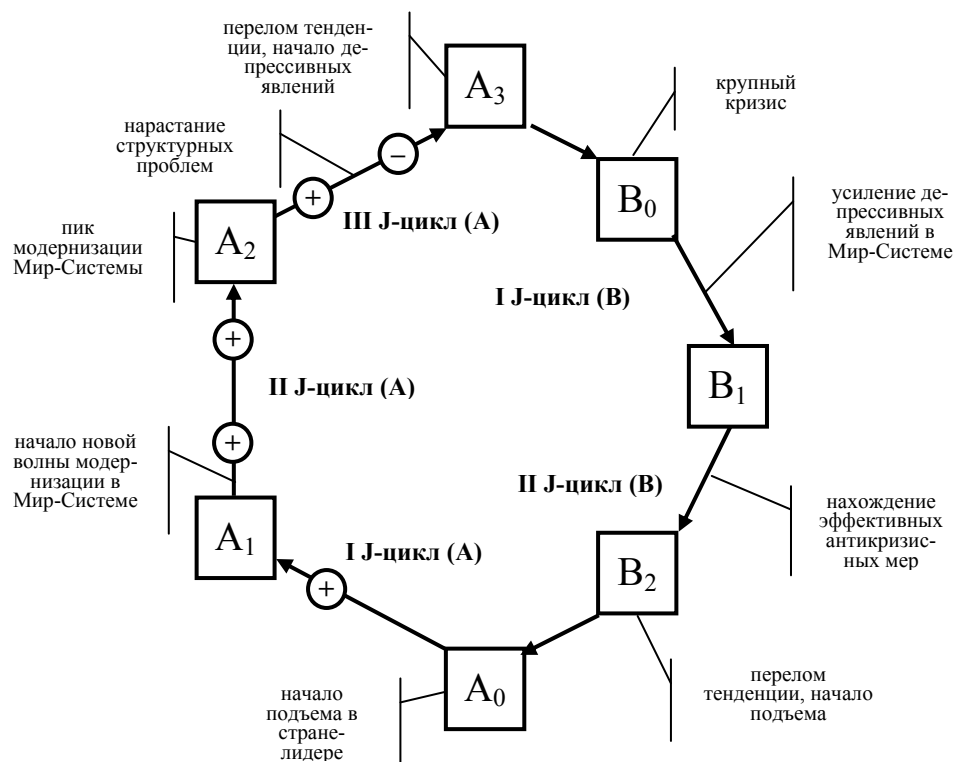
Рис. 1.3.8. Соотношение кондратьевских волн и циклов Жюгляра. Вариант 1.

Рис. 1.3.9. Соотношение кондратьевских волн и циклов Жюгляра. Вариант 2.

Раздел 2

МАЛЬТУЗИАНСКИЕ И ПОСТМАЛЬТУЗИАНСКИЕ ЛОВУШКИ

Глава 1. Мальтузианская ловушка и возможности выхода из нее¹

1. О социально-демографических циклах и их моделировании

Хотя изучение долгосрочных динамических социальных процессов насчитывает уже не столь короткую историю (см., например: Бродель 1986; Кульпин 1990; Мугрузин 1986, 1994; Postan 1950, 1973; Abel 1974, 1980; Le Roy Ladurie 1974; Hodder 1978; Chao 1986; Cameron 1989; Goldstone 1991), есть основания считать, что в последнее десятилетие в этом направлении (особенно в отношении математического моделирования данных процессов) был достигнут существенный прогресс².

Во-первых, было показано, особенно С. А. Нефедовым (1999а, 1999б, 1999в, 1999г, 1999д, 2000а, 2000б, 2001а, 2001б и т. д.) и П. В. Турчиным (2007; Turchin, Nefedov 2009 и др.)³, что социально-демографические циклы в той или иной мере были базовой характеристикой динамики всех сверхсложных аграрных систем (а не только исключительно китайским или средневековым европейским феноменом⁴)⁵.

¹ В соавторстве с С. Ю. Малковым.

² К настоящему времени имеется уже достаточно большое количество таких моделей: Usher 1989; Chu, Lee 1994; Малков 2002, 2003, 2004; Малков С., Ковалев, Малков А. 2000; Малков и др. 2002; Komlos, Nefedov 2002; Малков С., Малков А. 2000; Малков, Сергеев 2002, 2004а, 2004б; Turchin 2003, 2005а, 2005б; Nefedov 2004; Малков, Селунская, Сергеев 2005; Turchin, Korotayev 2006; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006б; Korotayev, Khaltourina 2006; Коротаев 2006; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007 и т. д.

³ См. также, например: Малков 2002 и др.; Коротаев 2006 и др.

⁴ Существование демографических циклов в доиндустриальной истории Европы и Китая было известно достаточно давно (Бродель 1986; Кульпин 1990; Мугрузин 1986, 1994; Postan 1950, 1973; Abel 1974, 1980; Le Roy Ladurie 1974; Hodder 1978; Chao 1986; Cameron 1989; Goldstone 1991).

⁵ В то же время мы отмечали, что демографические кризисы характерны не для любых аграрных обществ, а прежде всего для сверхсложных аграрно-ремесленных обществ. В простых и даже в сложных аграрных системах общество либо не успевает дойти до такого уровня демографического развития и давления и попадает в ситуацию различного рода кризисов, либо вырабатывает механизмы ограничения демографического роста. Пример папуасов Новой Гвинеи, общества которых существовали в течение тысяч лет, по-видимому, не испытывая демографических коллапсов, связанных с перенаселением, весьма характерен (см., например: Бутинов 1995, 2000), хотя применительно, скажем, к папуасам нагорья, вероятно, можно предполагать существование среди них в досовременную эпоху очень коротких (длиною порядка одного поколения) социально-демографических циклов, качественно отличных от социально-демографических циклов, характерных для сверхсложных аграрных обществ. В аграрно-ремесленных сверхсложных обществах, особенно в тех, где уровень развития государственности был высок (по нашей терминологии, это уровень развитого государства [Гринин 2007е; Гринин, Коротаев 2009а]), продолжительные (длительностью порядка от одного до трех веков) структурно-демографические кризисы могут принимать ярко выраженные формы. Это объясняется тем, что чем сложнее общество и совершеннее его политическая организация, тем дальше оно в тенденции заходит по пути интенсификации сельскохозяйственного производства и в целом разделения труда, совершенствования социальных механизмов в периоды, предшествующие социально-демографическим коллапсам. Соответственно тем более высокий уровень демографического давления в нем возникает. Отсюда и ярко выраженная степень социально-демографических кризисов, характерная для исторической динамики сверхсложных аграрных обществ (см., например: Гринин 2007г; Гринин, Коротаев 2009а; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010; см. также Главу 2 Раздела 2). Впрочем, в специфических условиях достаточно продолжительные социально-демографические циклы могли, по всей видимости, наблюдаться и в некоторых среднесложных аграрных обществах (они, например, реконструируются по археологическим данным для индейских обществ культуры анасази [современный Юго-Запад США] I – начала II тыс. н. э.; см., например: Турчин 2007).

Модели вековой социально-демографической динамики сложных аграрных обществ обычно строятся на основе классической популяционной модели Р. Перла (Pearl 1926), описываемой в основе своей хорошо известным логистическим уравнением Ферхюльста (Verhulst 1838; см. также: Ризниченко 2002; Коротаев, Малков, Халтурина 2007):

$$\frac{dN}{dt} = r\left(1 - \frac{N}{K}\right)N, \quad (1)$$

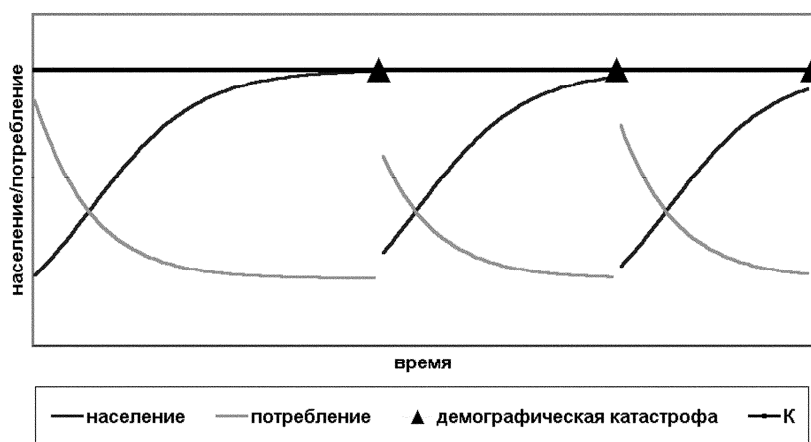
где N – численность популяции; K – несущая способность земли; r – темпы роста численности популяции в условиях отсутствия ресурсных ограничений.

Динамика, генерируемая этой моделью, представлена на Рис. 2.1.1 (см. также Рис. 2.1.2):

Рис. 2.1.1. Динамика, генерируемая логистической моделью Ферхюльста (Нефедов 2003: 5, рис. 1)

Рис. 2.1.2. Логистическая кривая и кривая душевого потребления

Примечание. Составлено по: Нефедов 2003: 5, рис. 3.

Классическое описание базовой логики социально-демографической динамики доиндустриальных «вековых» циклов принадлежит С. А. Нефедову:

«Каждый демографический цикл начинается с периода внутренней колонизации (или периода восстановления), для которого характерны наличие свободных земель, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, относитель-

но высокий уровень потребления, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества.

После истощения ресурсов свободных земель наступает **период сжатия**, для этой фазы характерны отсутствие свободных земель, высокие цены на землю, крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, распространение ростовщичества и аренды, рост крупного землевладения, низкий уровень потребления основной массы населения, падение уровня реальной заработной платы, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, приостановка роста населения, уход разоренных крестьян в города, где они пытаются заработать на жизнь ремеслом или мелкой торговлей, рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, попытки проведения социальных реформ с целью облегчения положения народа, ирригационные работы, направленные на увеличение продуктивности земель, поощрительная политика в области колонизации и эмиграции, внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления.

В конечном счете, усугубляющаяся диспропорция между численностью населения и наличными продовольственными ресурсами приводит к **экосоциальному кризису**; для этого периода характерны голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции» (Нефедов 2003: 7).

Мы не так часто можем найти прямые исторические данные по долгосрочной динамике численности населения и уровня потребления. Кроме Китая (и до некоторой степени Европы), в нашем распоряжении почти нет долгосрочных исторических демографических данных, а это затрудняет выявление демографических циклов вне указанных регионов. Однако не так уж редко мы можем найти долгосрочные исторические данные по некоторым переменным, динамика которых математически описывается моделью Ферхюльста – Нефедова (прежде всего речь идет о динамике уровней потребления), и достаточно регулярно эта динамика имеет именно ту форму, которая и предсказывается этой моделью. Пользуясь подобными косвенными количественными данными, а также разработанной системой качественных индикаторов, С. А. Нефедову и П. В. Турчину удалось выявить более 40 социально-демографических циклов в истории различных древних и средневековых обществ Евразии и Северной Африки (Нефедов 1999а, 1999б, 1999в, 1999г, 2000а, 2000б, 2001а, 2001б, 2002а, 2002б, 2003, 2005, 2007; Nefedov 2004; Турчин 2007; Turchin, Nefedov 2009 и т. д.), показав таким образом, что политико-демографические циклы не являются специфическими лишь для китайской или средневековой европейской истории, а должны рассматриваться именно в качестве общей фундаментальной характеристики социальной макродинамики сложных аграрных систем.

Отметим также, что новое поколение моделей (Нефедов 2002а, 2002б; Турчин 2007; Нефедов, Турчин 2007; Малков 2002, 2003, 2004; Коротаев 2006; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Nefedov 2004; Turchin 2003 и т. д.) учитывает влияние классовой структуры и перепроизводства элиты; эти модели описывают динамику очень большого числа переменных, таких как цены на продовольствие, уровень урбанизации, уровень имущественной дифференциации и т. д.

Подчеркнем также, что в то время как большинство моделей социально-демографических циклов описывает только циклическую динамику, новое поколение моделей направлено на описание взаимосвязи между циклической и трендовой динамикой (см., например: Komlos, Nefedov 2002; Коротаев 2006; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010).

2. Понятие мальтузианской ловушки

Социально-демографические (вековые) циклы, таким образом, характерны для сложных и сверхсложных аграрно-ремесленных обществ вследствие ограничений природно-экологической среды, того, что физический труд является основой увеличения объемов производства и неспособности обществ контролировать рождаемость. Механизм, который лежит в основе таких циклов, получил название мальтузианской ловушки (*Malthusian trap*).

Под мальтузианской ловушкой в отношении сложных и сверхсложных аграрно-ремесленных обществ следует понимать почти неизбежную опасность оказаться в ситуации тупика и социально-структурного кризиса вследствие перенаселения, которое становится возможным именно в результате быстрого и успешного развития. Ловушкой это явление можно назвать потому, что общество становится невольным заложником собственных успехов в развитии, и чем успешнее развитие, тем вероятнее попадание в ловушку (чем лучше условия для развития производства и жизни, тем быстрее растет население и заполняется экологическая ниша). **Общество попадает в подобную ловушку, поскольку в долгосрочной перспективе темпы роста общественного производства отстают от темпов демографического роста, в результате чего не происходит увеличения производства ВВП на душу населения и улучшения условий существования подавляющего большинства населения. Последнее остается на уровне, близком к уровню голодного выживания** (см., например: Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1998; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann, Prskawetz, Feichtinger 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001; Гринин, Коротаев 2009а; Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009).

Это в общем-то *типичное для доиндустриальных обществ* явление было впервые замечено и проанализировано Т. Мальтусом (Malthus 1798; Мальтус 1993), а потому вполне оправданно носит название именно мальтузианской ловушки (*Malthusian trap*) (см., например: Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann, Prskawetz, Feichtinger 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001. См. об этом также в следующих главах).

Суть механизма действия мальтузианской ловушки заключается в следующем. При некоторых условиях (см. ниже) существенно повышается потолок емкости среды, что открывает возможности хозяйственного роста и временного повышения уровня жизни. За счет этого и лучшего питания снижается смертность, тогда как рождаемость сохраняется на прежнем уровне или даже увеличивается. Все это в сложных и сверхсложных аграрных обществах приводит к ускорению темпов демографического роста. В результате в течение двух-трех поколений свободные ресурсы земли и приложения труда исчерпываются. Но поскольку демографический рост продолжается, в обществе начинает ощущаться относительное перенаселение, что приводит к более или менее заметному понижению уровня жизни большинства населения и создает все большее напряжение. По С. А. Нефедову, это фаза сжатия, которая характеризуется, с одной стороны, более интенсивным развитием некоторых областей хозяйства и социальной жизни (например, ростом городов, ремесла и торговли, активными ирригационными работами), а с другой – усилением бедности значительной части общества, увеличением налогового гнета, ужесточением конкуренции за ресурсы и социальных конфликтов, которые все сильнее угрожают сложившемуся порядку.

Таким образом, рост потолка емкости среды вел лишь к временному (в течение нескольких десятилетий) улучшению условий жизни большинства населения. Затем общество падало обратно в мальтузианскую ловушку, угрожавшую социально-демографической катастрофой. Такие катастрофы, как указывает С. А. Нефедов, случались по следующим причинам. С одной стороны, перенаселение и падение потребления приводили к распространению массового недовольства и высокой социальной напряженности, а с другой – случайные, но достаточно обычные для традиционного общества явления,

такие как неурожаи и эпидемии, в условиях недоедания и отсутствия запасов продовольствия приобретали драматические масштабы и могли стать триггерами социально-демографической катастрофы. Так, участвовавшие голодные годы вызывали городские бунты и крестьянские восстания, а военное разорение при подавлении восстаний в свою очередь влекло за собой голод и эпидемии; внешние же враги, как правило, не упускали случая воспользоваться кризисом для вторжения. В результате «события могли принять характер глобальной катастрофы – примером может служить катастрофа, произошедшая в Китае в середине XVII века» (Нефедов 2007). В конечном счете голод, эпидемии и войны приводили к сильному падению численности населения.

Возможности для общества абсолютно или относительно повысить потолок емкости среды создаются двумя типами изменений. Первый связан с появлением и внедрением той или иной крупной технологической (фундаментального открытия, в терминологии С. А. Нефедова) либо социальной инновации, например значимым повышением способности государства создать лучшие условия для ведения хозяйства, безопасности и разделения труда. В этом случае емкость среды повышается абсолютно, так как теперь на данной территории может существовать гораздо более многочисленное население. Это и запускает (при условии стабильного социального порядка и внутреннего мира) механизм быстрого демографического роста. После социально-демографического коллапса, когда в результате обезлюживания количество земли и других ресурсов на одного человека значительно увеличивается, наблюдается в чем-то близкий эффект – емкость среды при этом сама собой вырасти не может, но численность населения оказывается заметно ниже потолка емкости среды. И после воссоздания устойчивого политического порядка численность населения начинает быстро возрастать.

Отметим, что в тех случаях, когда высокий уровень развития государства позволял сохранять внутренний мир в течение целого ряда поколений, а государство или иные институты общества стимулировали развитие технологии (как в сунском или цинском Китае), численность населения достигала очень высоких для данной эпохи значений. Однако в итоге система оказывалась в весьма неустойчивом положении. При ослаблении государственного строя, обострении социальной борьбы, внешнем поражении или неоднократных неурожаих возникали кризисы, которые могли перерасти в социально-демографическую катастрофу. При этом, чем больших успехов достигало общество в обеспечении условий для роста населения, тем сильнее могло быть его уменьшение в результате социально-демографической катастрофы.

3. Исторический пример генерирования мальтузианской ловушкой социально-демографического коллапса

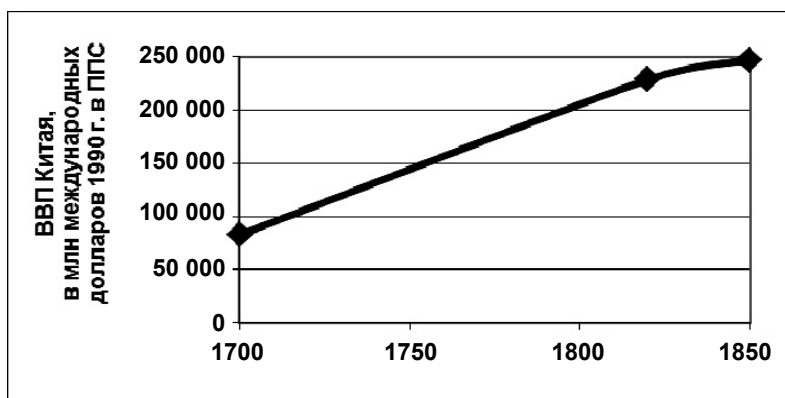
Таким образом, на протяжении доиндустриальной истории человечества масштабные внутрисоциальные потрясения были очень часто связаны именно с нахождением социумов в мальтузианской ловушке⁶. При этом, чем более развитым и сложным оказывалось общество, тем масштабнее могла быть катастрофа. Выше мы описали механизм попадания социумов в мальтузианские ловушки. Имеет смысл показать это также на конкретном историческом случае. Очень характерным примером может служить последний («цинский») цикл досовременной истории Китая. На протяжении 1700–1850 гг. Китаю удалось добиться впечатляющих экономических успехов (в том числе в результате внедрения и широкого распространения сельскохозяйственных культур Нового Света [пре-

⁶ См.: Гринин, Коротаев 2009a; Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Гринин 2007g; Коротаев 2006; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Кульпин 1990; Малков 2002, 2003, 2004; Малков С., Малков А. 2000; Малков С., Ковалев, Малков А. 2000; Малков и др. 2002; Малков, Селунская, Сергеев 2005; Малков, Сергеев 2004; Мугрузин 1986, 1994; Нефедов 1999–2010; Нефедов, Турчин 2007; Турчин 2007; Chu, Lee 1994; Korotayev, Khaltourina 2006; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006b; Nefedov 2004; Turchin 2003, 2005a, 2005b; Turchin, Korotayev 2006; Turchin, Nefedov 2009; Usher 1989.

жде всего кукурузы и сладкого картофеля], выведения новых более продуктивных сортов уже известных культур, предельной доиндустриальной интенсификации сельскохозяйственного производства, введения в сельскохозяйственный оборот ранее не использовавшихся земель через самые изощренные мелиорационные системы и т. д.⁷). В результате всех этих инноваций несущая способность земли в Китае во время рассматриваемого цикла выросла до качественно нового уровня, и произошел существенный рост ВВП.

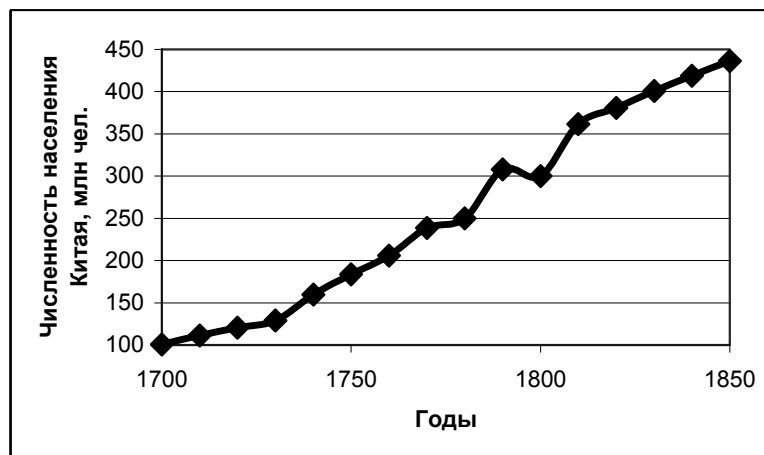
Так, по расчетам А. Мэддисона (Maddison 2001, 2010), с 1700 г. по 1850 г. ВВП Китая вырос почти в три раза (см. Рис. 2.1.3). Однако население Китая за тот же период выросло более чем в четыре раза (см. Рис. 2.1.4). В результате к 1850 г. в Китае произошло заметное падение производства ВВП на душу населения (см. Рис. 2.1.5).

Рис. 2.1.3. Экономическая макродинамика Китая, 1700–1850 гг. (ВВП, в млн международных долларов 1990 г. в паритетах покупательной способности [ППС])

Источник данных: Maddison 2001, 2010.

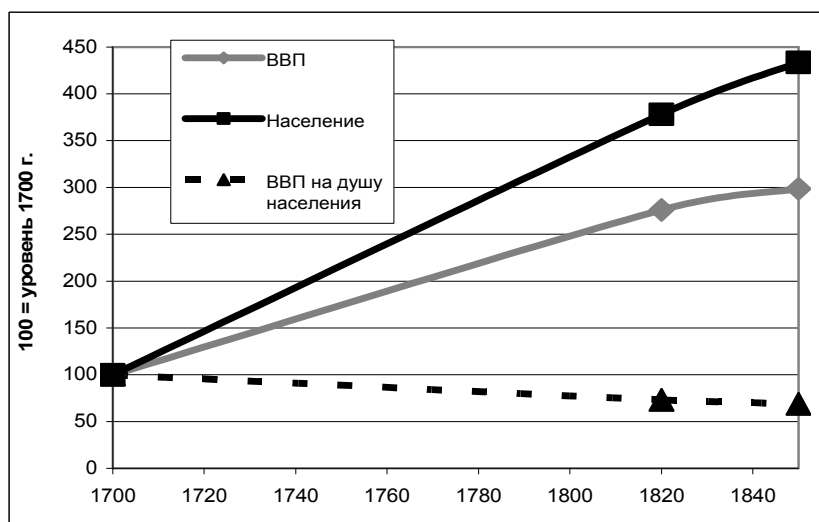
Рис. 2.1.4. Население Китая в млн чел.: цинский цикл (до 1850 г.)

Примечание: оценки Чжао Вэньлиня и Си Шудзюня (1988: 539–540).

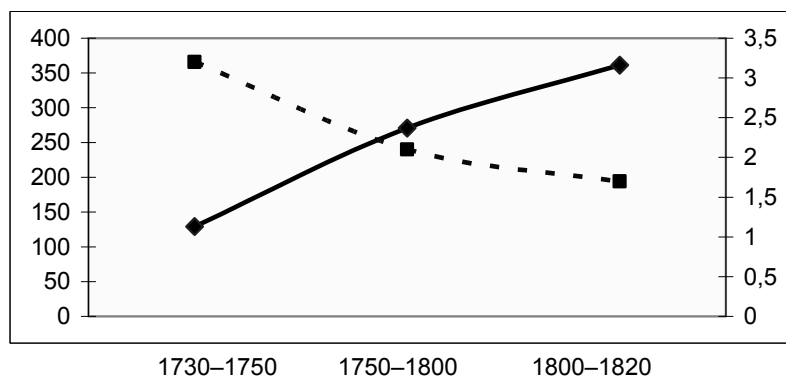
⁷ Ho Ping-ti 1955; 1959: 173–174, 180, 185–189; Lee 1982; Bray 1984: 452, 601; Perkins 1969: 39–40; Дикарев 1991: 69–70; Fairbank 1992: 169; Lavelly, Wong 1998: 725–726; Lee, Wang 1999: 37–40; Mote 1999: 750, 942; Нефедов 2000a: 17; Myers, Wang 2002: 599, 634–636; Rowe 2002: 479; Zelin 2002: 216–218.

Рис. 2.1.5. Относительная динамика ВВП, населения и ВВП на душу населения в цинском Китае, 1700–1850 гг. (100 = уровень 1700 г.)

Произошедшее в Китае (в результате того, что темпы увеличения численности населения там были выше скорости экономического роста) падение уровня жизни большей части китайского населения прослеживается по множеству данных. Например, на Рис. 2.1.6 показана динамика средней реальной дневной зарплаты неквалифицированных работников в этой стране. Как мы видим, в результате опережения темпами роста населения темпов экономического роста в Китае предсказуемым образом поденная заработная плата (и так не столь уж высокая в начале периода) падает до уровня голодного выживания.

Рис. 2.1.6. Население и потребление в цинском Китае

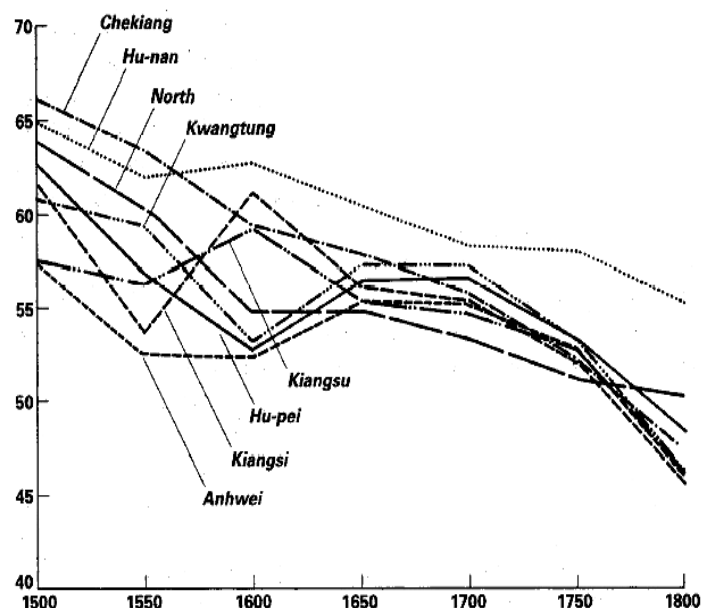

---■--- потребление (поденная оплата в литрах риса)
 —◆— население (млн чел.)

Примечания: составлено по Нефедов 2003: 5, рис. 2. Данные по поденной зарплате из Chao 1986: 218–219. Данные по численности населения из Чжао Вэньлинь, Си Шудзюнь 1988: 541–542.

То, что опережение темпами увеличения численности населения скорости экономического роста сопровождалось в цинском Китае катастрофическим падением уровня жизни большинства населения, подтверждается и данными китайских генеалогий (*chia-p'u*) (см. Рис. 2.1.7).

Рис. 2.1.7. Средний возраст смерти по регионам, 1500–1800 гг. (= Диаграмма 9.3 из Heijdra 1998: 437)

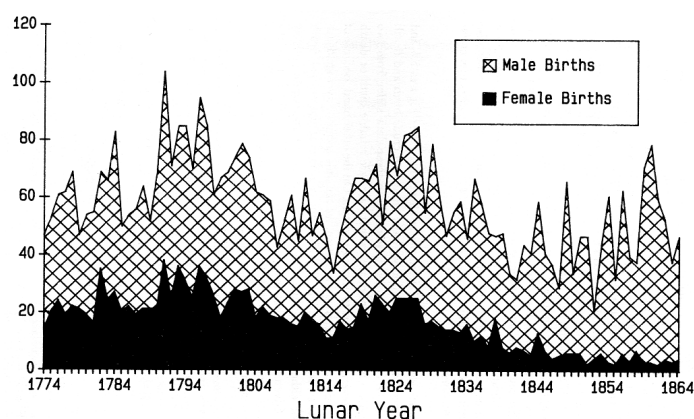
Примечание: «Числа обозначают средний возраст смерти тех представителей региональных популяций, которые достигли возраста в 15 лет» (Heijdra 1998: 437); таким образом, данная диаграмма не учитывает тех многочисленных представителей данных популяций, которые умерли, не достигнув этого возраста. Совершенно очевидно, что с учетом этой части населения показатели среднего возраста смерти оказались бы радикально более низкими. Тем не менее, данная диаграмма дает важную информацию об относительной динамике этого очень важного показателя.

Необходимо отметить, что в этом случае речь идет о действительно массовом источнике (например, при составлении вышеприведенной диаграммы были использованы результаты обработки нескольких сот тысяч китайских генеалогий). Кроме того, надо принимать во внимание то обстоятельство, что представители самих низших обездоленных слоев имели мало шансов попасть в генеалогии. Таким образом, вышеприведенные данные отражают динамику уровня жизни отнюдь не самых обездоленных слоев, а скорее цинского «среднего класса», представители которого и были прежде всего массово представлены в этих генеалогиях. Как мы видим, средний возраст смерти среди средних слоев китайского населения в начале цинского цикла был достаточно высоким – 55–60 лет; однако к концу рассматриваемого периода этот показатель падает до чрезвычайно низкого значения (около 45 лет) – и речь, подчеркнем, идет отнюдь не о самых обездоленных слоях китайского общества. Поражает также удивительная синхронность падения среднего возраста смерти в самых разных регионах Китая в ходе цинского социально-демографического цикла.

То, что опережение темпами демографического роста темпов роста экономического сопровождалось в цинском Китае катастрофическим падением уровня жизни большинства населения, подтверждается и данными по динамике так называемого женского инфантицида⁸ (см. Рис. 2.1.8).

⁸ Женский инфантицид – практика убийства новорожденных девочек как средство ограничения демографического роста, широко распространенная в традиционном китайском обществе (см., например: Fei Hsiao-t'ung 1939: 22, 33–34; Фэй Сяотун 1989: 5, 32; Ho Ping-ti 1959: 58–62, 274–275).

Рис. 2.1.8. Официальная статистика рождений в Даои, 1774–1864 гг. (число зарегистрированных рождений на 1000 замужних женщин возраста 15–45 лет) (Lee, Campbell, Tan 1992: 164, Fig. 5.5)

На Рис. 2.1.8 представлены результаты обработки данных одного из цинских «загсов», фиксировавших новые рождения как мальчиков, так и девочек. Как мы видим, уже в начале периода, освещаемого данной диаграммой, ситуация была не вполне благополучной – на 10 новорожденных мальчиков фиксировалось лишь порядка 5 новорожденных девочек. Однако к концу 1840-х гг. ситуация становится просто катастрофической – на 10 новорожденных мальчиков регистрируются уже 1–2 новорожденные девочки. Необходимо отметить, что к настоящему времени установлено существование достаточно сильных и значимых положительных корреляций между уровнями цен на базовые продукты питания и уровнями женского инфантицида (см., например: Lee, Campbell, Tan 1992: 158–175). Это, конечно же, заставляет предполагать, что катастрофический рост женского инфантицида был связан с катастрофическим падением уровня жизни основной массы населения⁹.

Катастрофическое падение уровня жизни большинства населения Китая естественным образом вело к нарастанию недовольства властями, которое в 1850–1870 гг. вылилось в целую серию восстаний (самым мощным из которых было Тайпинское восстание [см., например: Илюшечкин 1967; Ларин 1986; Непомнин 2005: 395–444; Perkins 1969: 204; Kuhn 1978; Liu 1978 и т. д.]). Это было, по всей видимости, самое кровавое внутриполитическое потрясение в истории человечества – общее число погибших в результате этих событий оценивается в 118 (сто восемнадцать!) миллионов человек (Huang 2002: 528). Необходимо отметить, что большинство из этого колоссального числа погибло не от прямого насилия, а от болезней, голода, наводнений и т. п. в непосредственной связи с вышеназванными событиями. Особо разрушительным оказался прорыв дамб рекой Хуанхэ в 1853 г. В результате великая китайская река радикально поменяла свое русло (до этих событий она впадала в море к югу от Шаньдунского полуострова, а после этого стала впадать к северу от него), и заметная часть густонаселенного Северного Китая оказалась в буквальном смысле смытой. Множество людей погибло непосредственно в ходе наводнения, но еще больше осталось без средств к существованию, вынуждено было бежать в города, где цинское правительство, полностью истощенное войной с тайпинцами, не имело никакой возможности обеспечить их продовольствием. В результате миллионы истощенных людей гибли от болезней и голода (подробнее см., например: Kuhn 1978).

⁹ Это уже было замечено, например, С. Манн: «Снижение в XIX в. темпов демографического роста было в высокой степени вызвано увеличением уровня женского инфантицида, что в свою очередь представляло прямую реакцию на ухудшавшуюся экономическую ситуацию» (Mann 2002: 451).

Необходимо отметить, что даже катастрофическая смена русла рекой Хуанхэ имела выраженные мальтузианские причины. Дело в том, что в предшествовавший период в результате выраженного относительного перенаселения долины этой реки во все большем масштабе начали возделываться маргинальные земли вверх по ее течению. В результате прогрессирующе усиливалась эрозия почвы, а дно реки все более и более поднималось, что усиливало паводковую угрозу. Для противодействия этой угрозе была возведена целая система мощных противопаводковых дамб, высота которых становилась все более значительной по мере подъема дна Хуанхэ. В результате к началу Тайпинского восстания великая китайская река в своем нижнем течении во многих местах текла над уровнем Северокитайской равнины, а для предотвращения ее выхода из берегов каждый год требовались все более значительные средства и усилия, направленные на поддержание и развитие противопаводковой системы. После захвата тайпинами (колоссальный размах движения которых был обусловлен в значительной степени именно мальтузианскими причинами) китайской житницы в низовьях Янцзы поступления в цинский бюджет катастрофически сократились. Вместе с тем стремительно выросли военные расходы в связи с необходимостью организовать противодействие смертельно опасному для династии тайпинскому натиску. В результате цинское правительство оказалось не в состоянии обеспечить на необходимом уровне работы по поддержанию в должном состоянии сложнейшей противопаводковой системы, и катастрофический выход Хуанхэ из ее берегов оказался неизбежным (подробнее см.: Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010).

Отметим, что сам Мальтус рассматривал войны (в том числе, естественно, и внутренние) как один из важнейших результатов перенаселения наряду с эпидемиями и голодом. Более того, он рассматривал войны, эпидемии и голод (а все это наблюдалось в изобилии в Китае 1850–1870 гг.) как так называемые «позитивные ограничители» (*positive checks*), сдерживавшие перенаселение в доиндустриальных обществах (Мальтус [1798] 1993; Malthus 1978). Таким образом, в доиндустриальных обществах кровавые внутриполитические потрясения зачастую оказывались прямым результатом нахождения соответствующих социальных систем в мальтузианской ловушке.

4. О моделях выхода из мальтузианской ловушки и возможностях их дальнейшего развития

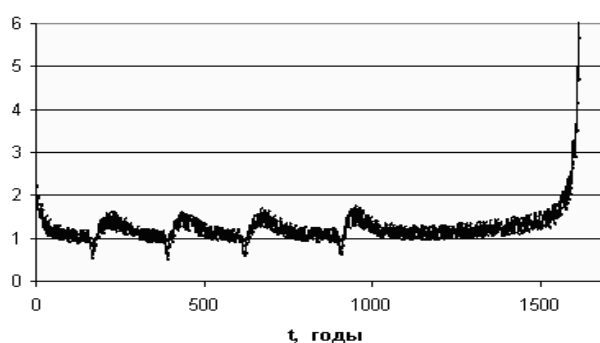
Модели, специально посвященные анализу выхода из мальтузианской ловушки (Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann, Prskawetz, Feichtinger 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001), обладают следующими особенностями:

- используется макроподход, в обобщенном виде описывающий демографическую динамику больших регионов (или мира в целом) и динамику сельскохозяйственного производства на больших временных интервалах (столетия и тысячелетия);
- при описании динамики производства используется функция типа Кобба – Дугласа с учетом технологического развития, темпы которого считаются зависящими от общего количества населения.

Результаты моделирования заключаются в том, что при определенном уровне технологического развития динамика производства начинает опережать динамику демографического роста, тем самым обеспечивая выход из мальтузианской ловушки. Хотя математический аппарат рассматриваемых моделей довольно сложен (см., например, описание математического аппарата модели Арцруни – Комлоса [Artzrouni, Komlos 1985] в Гринин, Коротаев 2010а), получаемый общий вывод весьма предсказуем на основе лишь логических рассуждений. Более детальное моделирование для конкретных стран с учетом реальных исторических условий в рассматриваемых работах (Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann, Prskawetz, Feichtinger 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001) не проводилось, что обусловлено обобщенным характером используемого макроподхода.

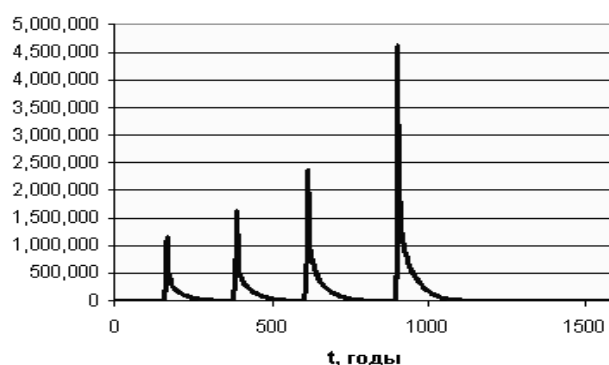
Одним из авторов данной работы было предложено несколько математических моделей, описывающих как взаимодействие трендовой и циклической динамики в аграрных и раннеиндустриальных обществах, так и выход из мальтузианской ловушки (Коротаев 2006; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007). При этом был получен целый ряд интересных результатов, позволивших приступить к изучению взаимодействия исторической трендовой и циклической динамики. Так, числовой анализ предложенных моделей помог выявить и объяснить тенденцию к росту продолжительности социально-демографических циклов накануне выхода из мальтузианской ловушки, а также феномен исчезновения социально-демографических циклов после выхода из мальтузианской ловушки. Была также выявлена зависимость скорости выхода из мальтузианской ловушки от характерного периода циклов: чем короче этот период, тем больше времени уходит у соответствующей системы на выход из данной ловушки. Выявлен был и феномен длительной стагнации душевого потребления рядового населения накануне выхода из мальтузианской ловушки (Там же) (см. Рис. 2.1.9; см. также Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 165, Диаграмма 4.25).

Рис. 2.1.9. Динамика, генерируемая компактной трендо-циклической моделью: производство продукта на душу населения (в МГП¹⁰)

Большой интерес представляет и полученное математическое описание динамики внутренней военной активности накануне и после выхода из мальтузианской ловушки, показывающее максимальный всплеск этой активности как раз накануне выхода (см. Рис. 2.1.10; см. также Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 166, Диаграмма 4.26).

Рис. 2.1.10. Динамика внутренней военной активности, генерируемая компактной трендо-циклической моделью (внутренняя военная активность измеряется как число «крестьян», гибнущих за год от рук «бандитов»)

¹⁰ МГП = минимальный годовой паек, то есть такой объем продовольствия, который минимально достаточен для того, чтобы поддержать выживание одного человека в течение одного года.

Пример модели Арцруни – Комлоса

Дальнейшее развитие данного направления моделирования лежит на пути большей детализации моделей, учета особенностей социально-экономической динамики на различных фазах демографических циклов аграрных государств, экономического взаимодействия различных социальных слоев.

Поскольку для анализа проблем выхода из мальтузианской ловушки применение неомальтузианских математических моделей, созданных для развитых аграрных обществ, оказывается в ряде отношений некорректным и потому непродуктивным, необходима дальнейшая работа по разработке математических моделей выхода из мальтузианской ловушки для модернизирующихся и индустриализирующихся обществ. Конечно, сверхзадачей является построение модели, которая могла бы демонстрировать как условия скатывания в мальтузианскую ловушку аграрных обществ разного уровня развития, так и параметры, при которых возможен частичный (неполный) выход из нее таких аграрно-урбанизирующихся (но еще не индустриальных) обществ; как условия и варианты выхода из мальтузианской ловушки для индустриализирующихся обществ, так и параметры, при которых возникает опасность попадания в новые ловушки, которые возникают на этом пути; наконец, условия окончательного выхода из мальтузианской ловушки. Разумеется, до создания такой модели еще далеко. Однако в качестве ближайшей цели должен быть сделан переход от моделей, которые относятся к сложным и сверхсложным аграрным обществам, к обществам уже индустриализирующегося типа. Хотя последние, с одной стороны, имеют немало общего с первыми, но с другой – для них характерны и существенные отличия, которые во многом связаны как раз с тем обстоятельством, что модернизирующиеся общества реально имеют возможность выхода из мальтузианской ловушки. Кроме того, мир-системная ситуация в период их функционирования иная, чем мир-системная ситуация для сверхсложных аграрных исторических обществ. В настоящей главе обрисованы некоторые подходы к такому моделированию.

В связи со сказанным имеет смысл несколько подробнее остановиться на модели, предложенной М. Арцруни и Дж. Комлосом (Artzrouni, Komlos 1985), в которой математически описывается экономическое и демографическое развитие Мир-Системы начиная с аграрной (или неолитической) революции и до начала XX в. (примерно с 8000 лет до н. э. до 1900 г. н. э.)¹¹. В модели учитывается постоянный конфликт между увеличением численности населения и ростом производства средств к существованию, который характеризует указанный период. В своей модели Арцруни и Комлос условно делят экономику на два сектора: 1) сектор производства предметов потребления (жизнеобеспечивающих средств – *a subsistence sector*); и 2) сектор, производящий все остальные блага, включая средства производства/капитал (*a sector producing all other goods, including capital, or the capital-producing sector*), далее для краткости – *сектор накопления*. Модель описывает соотношение между этими двумя секторами и условия выхода из мальтузианской ловушки. В соответствии с данной моделью выход из мальтузианской ловушки зависит от достаточного накопления капитала и роста населения в *секторе накопления*. По мнению авторов модели, такие условия выхода из мальтузианской ловушки возникли только в результате индустриальной революции. Поэтому последнюю можно рассматривать как результат процесса накопления, в течение которого совокупный основной капитал устойчиво возрастал.

Арцруни и Комлос фактически начинают анализ модели только с 1500 г. до н. э. (а не с момента начала аграрной революции в IX–VIII тыс. до н. э., который они, однако, указывают как начальный, а именно: условную дату 8000 лет до н. э.), поскольку основной механизм их модели основывается на том, что сектор накопления главным образом связан с городами, а в 8000 г. до н. э. городов не было. Поэтому фактической точкой отсчета для расчета по своей модели они выбирают дату 1500 г. до н. э., когда в Мир-Системе появляется достаточно много городов (см., например: Davis 1955: 430) и наблюдается

¹¹ Более подробный анализ этой модели см.: Гринин, Коротаев 2010б; см. также: Grinin 2007с; Гринин, Коротаев 2009а; Эккурс 2.

значительное ускорение роста численности мирового населения (см., например: Kоротайев, Grinin 2006).

Арцруни и Комлос вскользь упоминают, что земля неявно включена в капитал, и это все для столь фундаментального фактора. Между тем мы полагаем – и это крайне важно для темы настоящей главы, – что именно появление такого нового вида капитала, как земля, и привело к важнейшему изменению соотношения между двумя секторами: накопления и потребления¹².

Мы полагаем, что для аграрного общества главный центр сектора накопления как раз связан с землей, работами по ее мелиорации, капитальными затратами на введение в сельскохозяйственный оборот новых земель и агротехническое улучшение уже используемых земель. При этом, по нашему мнению, рост такого сектора накопления в аграрном производстве (и даже сам выход из мальтузианской ловушки) существенно связан с ростом товарного производства сельскохозяйственной продукции, достаточно высокими ценами на нее в течение длительного периода и определенной правовой защитой ее производителя и продавца, что позволяет протофермерам (собственникам и арендаторам) увеличивать вышеуказанные капитальные вложения в землю. Если бы авторы статьи учли эти моменты, их модель, возможно, стала бы заметно более полезной¹³.

5. Проблема периода, в течение которого произошел реальный первый устойчивый выход из мальтузианской ловушки

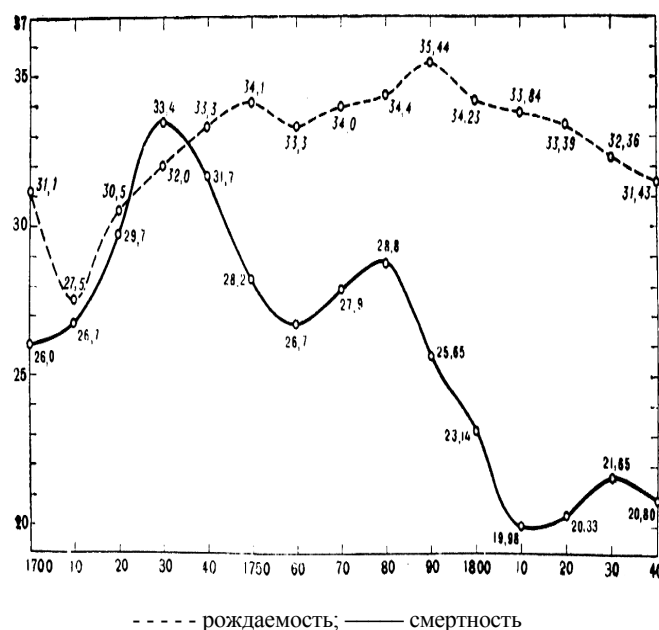
Необходимо остановиться на вопросе о времени выхода из мальтузианской ловушки (этот вопрос затрагивается также и в следующих главах раздела). Во-первых, конечно, различные страны совершали такой переход в разное время. Во-вторых, даже в отношении Англии, которой в настоящей главе уделено особое внимание, имеются существенные расхождения во мнениях. В частности, в упомянутой статье (Artzrouni, Komlos 1985), с одной стороны, сами авторы утверждают, что начало выхода из мальтузианской ловушки можно датировать уже XVII в. или, по крайней мере, XVIII в., но в то же время они обеспокоены, что некоторые ученые (например, Д. С. Норт) относят наиболее важные результаты индустриальной революции только ко второй половине XIX в. Мы полагаем, что в данном случае правы в одинаковой степени и те и другие (подробнее о промышленной революции и ее хронологии см.: Grinin 2006b, 2007a; Grinin 2006, 2007b).

В частности, начиная с начала XVII в., но особенно после 1750 г., *ретроспективно* все более очевидным становился выход из мальтузианской ловушки (хотя сама концепция Мальтуса появилась как раз в конце XVIII – начале XIX в., см., например: Malthus 1798; Мальтус 1993 [1798]).

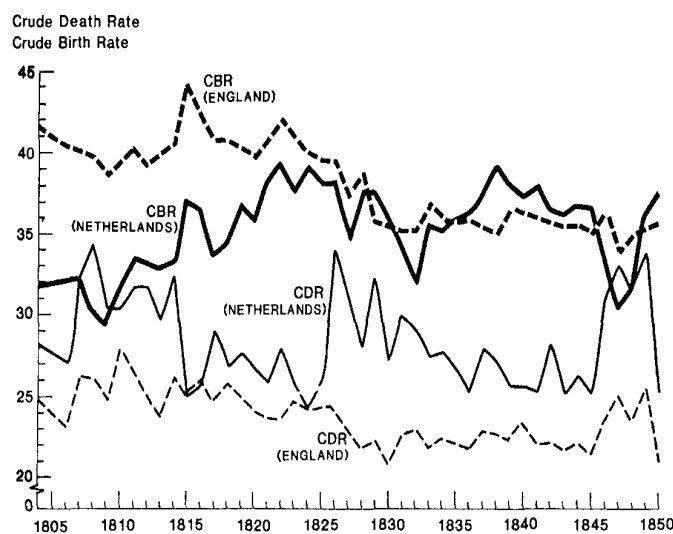
Ниже мы приводим график, показывающий начавшийся в Англии процесс существенного снижения смертности в конце XVIII в., то есть сравнительно незадолго до появления книги Мальтуса, и достигший рекордно низкого уровня примерно к 1810 г., то есть вскоре после того, как появилось уже четвертое издание книги Мальтуса (см. Рис. 2.1.11a).

¹² Фактически именно с началом аграрной революции и появился действительно капитальный сектор (сектор производства средств производства), поскольку впервые образовался крупный сектор, где можно было делать долгосрочные трудовые вложения, отсроченные на десятилетия. Этот момент модель Арцруни – Комлос практически не отражает, зато хорошо объясняет теория производственных революций и тесно связанная с ней концепция смены принципов производства благ (см., в частности: Grinin 2000, 2006b, 2007c, 2007d; Grinin 2006, 2007c; Grinin, Korotayev 2006; Grinin, Korotayev 2007, 2009a; Коротаев, Grinin 2007).

¹³ То, что Арцруни и Комлос связывают рост городов, с одной стороны, и приближение выхода из мальтузианской ловушки – с другой, в принципе, имеет реальные основания. Однако они, как показано выше, неправильно отождествляют с ростом городов рост сектора накопления, который, согласно их модели, как бы прямо влияет на рост аграрного производства. Между тем рост сектора накопления (и соответственно рост на этой базе производства продуктов питания) шел прежде всего именно за счет капитальных трудовых и материальных инвестиций в аграрную сферу. Нам кажется, что было бы более перспективно связывать рост уровня урбанизации и с ростом рыночного сектора, ведущая часть которого в целом связана с городами. А как будет показано в Дополнении 2 к настоящей главе, рост рыночного сектора напрямую связан с возможностью увеличения производства продуктов питания и в целом роста богатства общества.

Рис. 2.1.11а. Рождаемость и смертность в Англии в 1700–1840 гг. (на тыс. чел.)

Примечание. Источник: Тревельян 1959: 358. См. также данные, приводимые З. Н. Галич (1986: 193): в 1760–1780 гг. смертность в Англии снизилась с 40–35 % до 30 %, а к началу XIX в. – до 25 %. Сравните также с ситуацией в Голландии (см. ниже).

Рис. 2.1.11б. Динамика рождаемости и смертности в Нидерландах и Англии в 1804–1850 гг. (на тыс. чел.)

Примечание. Источник: de Vries 1985: 673. CDR = *Crude Death Rate* – суммарный коэффициент смертности (на тыс. чел.); CBR = *Crude Birth Rate* – суммарный коэффициент рождаемости (на тыс. чел.).

Если в аграрную эпоху прирост мирового населения составлял в среднем примерно 0,5 % в декаду (то есть за 10 лет), то в период 1750–1900 гг. темпы демографического роста увеличились с $\approx 4,6$ до $\approx 8,5$ % в декаду (см., например: Kremer 1993: 683). Распро-

странение результатов производственной революции в течение всего XIX в. вполне объясняет формирование в это время модели устойчивого гиперболического ускорения темпов демографического роста, действовавшей на мир-системном уровне вплоть до 1970-х гг. (см. подробнее: Коротаев, Малков, Халтурина 2007). Соответственно оказываются правы и те, кто утверждает, что выход из мальтузианской ловушки ретроспективно обозначился уже после 1600 г., и те, кто говорит о выходе из нее только во второй половине XIX в. Очевидно, что процесс выхода из нее был достаточно длительным, растянувшимся во времени на два с половиной века (при том что некоторые человеческие общества, особенно в Тропической Африке, не вполне вышли из нее даже к настоящему времени [см. об этом следующую главу; см. также: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 178–200; Гринин, Коротаев 2009а: 470–488]).

Более того, по нашему мнению, в процессе выхода из мальтузианской ловушки особое место следует отвести не XVII, а XVI в., особенно его второй половине, как периоду экономической (и социальной) перестройки, обеспечившей: а) создание новой производственно-социальной модели в сельском хозяйстве, то есть крупной капиталистической фермерской системы, как на арендованной, так и на собственной земле (прежде всего в странах Северо-Западной Европы, особенно Англии и Голландии); б) формирование достаточно продвинутой и гибкой модели постоянного расширенного товарного производства на основе рационализации, максимизации прибыли, структурной перестройки хозяйства. К слову сказать, несмотря на различия во взглядах на то, с какого времени можно говорить о формировании капиталистической Мир-Системы (см., например: Wallerstein 1974, 1987, 1993, 2004) или (в рамках подхода А. Г. Франка [см., например: Frank 1990, 1993; Frank, Gills 1993]) о начале капиталистической трансформации Мир-Системы, в целом все авторы придают особое значение Новому времени, но особенно XVI в. (см. об этом подробнее: Гринин, Коротаев 2009а: 7–35)¹⁴ как периоду глубокой структурной трансформации политико-экономических и культурных связей в масштабах всей планеты. Именно с этого времени, согласно И. Валлерстайну (см., например: Wallerstein 1974), уже можно применять критерий «массовых товаров» (*«bulk-good» criterion*) в рамках всей нарождавшейся капиталистической Мир-Системы, то есть признать, что крупномасштабный обмен на дальние расстояния начал включать не просто предметы роскоши, а товары массового спроса и промышленного сырья вроде хлеба, шерсти, руды, хлопка¹⁵. Мы считаем, что окончательный и прочный выход из мальтузианской ловушки мог произойти только в процессе (результате) расширения экономического масштаба хозяйствования обществ до пределов Мир-Системы, на что демографически-структурная теория обращает, к сожалению, крайне недостаточное внимание. **Между тем проблема выхода обществ из мальтузианской ловушки является проблемой, в которой демографически-структурная и мир-системная теории могут быть достаточно органично и, главное, плодотворно синтезированы.**

Без выхода на единственную верную в данном контексте траекторию развития в XVI в. (включая и траекторию развития международной торговли массовыми товарами) не мог состояться и подлинно устойчивый выход из мальтузианской ловушки. Поиск этой верной траектории был очень трудным, но именно он обеспечил то, что в течение XVII–XVIII вв. ни Англия, ни Голландия не скатились к ситуации полномасштабного социально-демографического коллапса, а продолжали экономическое развитие (более

¹⁴ Иногда говорят о так называемом «долгом шестнадцатом веке» (приблизительно 1450–1650 гг.), однако ясно, что в этом периоде собственно XVI в. все равно занимает центральное место.

¹⁵ В отношении времени зарождения и эволюции Мир-Системы авторы этой статьи стоят ближе к идеям А. Г. Франка, хотя в отличие от него считают, что о ведущей мир-системе (= Мир-Системе), которая затем стала доминирующей, можно говорить даже не с III тыс. до н. э., а уже начиная с периода VIII тыс. до н. э. Однако, согласно нашей периодизации истории Мир-Системы, период XV–XVIII вв. является очень важным и переломным в плане формирования современной Мир-Системы, а в рамках этих трех веков собственно XVI в. занимает особое место как период совершения первого этапа промышленной революции, а также как период превращения Мир-Системы, условно говоря, из «гундерфранковской» в «валлерстайновскую» (Гринин, Коротаев 2009а; Гринин 2006б).

удачно – в Англии, менее удачно – в Голландии)¹⁶. Что касается Голландии, то со второй половины XVII в. ее экономическое (и демографическое) положение начало ухудшаться, однако уровень заработной платы в Голландии оставался намного выше, чем в Англии, уровень оплаты труда сравнился в обеих странах только к 1800 г. (de Vries 1985: 673; см. также выше Рис. 2.1.116).

Кроме того, нужно учесть, что в конце XVI и первых десятилетиях XVII в. развитие экономики и сельского хозяйства в Голландии было таково, что позволяло обеспечивать рост населения (в том числе и быстрый рост городского населения) без падения производительности труда (de Vries 1985: 676).

Таким образом, мы считаем, что в широком смысле именно вторая половина XVI в. является первым из ряда очень важных поворотных пунктов, от которого следует начинать отсчет сложного и длительного пути выхода из мальтузианской ловушки. По выражению известного английского историка Дж. М. Тревельяна (1959: 140), именно в XVI в. в Англии начался процесс превращения страны из бедной в богатую. Фактически началась «**контрмальтузианская**» модернизация, которая продлилась почти три века, прежде чем смогла успешно завершиться.

Процесс такой первичной «контрмальтузианской» модернизации был длительным, сложным и противоречивым. Тем более важно и интересно посмотреть на некоторые пусковые механизмы его начала. Одним из таких пусковых механизмов, как мы намереваемся далее показать, был относительно длительный период роста цен на продукты сельского хозяйства. Но поскольку такой тезис входит в определенное противоречие с уже сложившимися представлениями, необходимы дальнейшие теоретические пояснения.

6. Высокие цены на продовольствие как важный фактор первичного выхода из мальтузианской ловушки

Фактор высоких цен с позиции наиболее распространенных подходов, посвященных динамике социально-демографических циклов

В литературе, посвященной динамике социально-демографических циклов в сверхсложных аграрных обществах (см., например: Нефедов 2005, 2007; Турчин 2007; Малков 2004; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007), та фаза цикла («фаза восстановительного роста»), в течение которой цены на хлеб и/или иные базовые продукты питания держатся ниже определенного уровня, который обеспечивает получение неквалифицированным рабочим реальной зарплаты, существенно превышающей прожиточный уровень, рассматривается как период благоприятный, стимулирующий рост производства и способствующий росту населения. Период же (иногда называемый «фазой сжатия»), в течение которого цены на продовольствие начинают расти и доходы наемного неквалифицированного работника стремятся к уровню физиологического прожиточного минимума, оценивается как предкризисный, во время него нарастают трудности, обнаруживаются предвестники катастрофического голода и общего социально-демографического коллапса; излишнее население, неспособное прокормить себя на земле, из сельской местности уходит в города, реальная зарплата катастрофически падает и т. д.

Таким образом, рост цен на продовольствие часто (если даже не как правило) рассматривается как фактор однозначно и исключительно неблагоприятный, готовящий социально-демографическую катастрофу.

¹⁶ В XVIII в. в Англии уже нельзя было представить сквайра, который не осушал бы болот и не огораживал бы землю, в то время как в XV в. нельзя себе представить сельского дворянина, который бы не стремился подражать наиболее уважаемым соседям, уделявшим хозяйству и выжиманию ренты лишь малую часть времени и энергии, в основном поглощенных расширением своих родовых владений и богатств путем брачных договоров, а часто вооруженным захватом владений соседа, которым, однако, пытались придать законную форму (Тревельян 1959: 81). Между этими полюсами хозяйственной ментальности и лежит XVI в. Можно привести и мнение Дж. Голдстоуна: «В Англии в 1500 г. преобладала сельскохозяйственная, натуральная (*subsistence*), семейно-крестьянская экономика. К 1640 г. натуральное крестьянское хозяйство стало редким в значительной части Англии; на его месте возникли большой рыночный фермерский сектор, достаточно высокий уровень специализации и товарности даже на семейных фермах, а также быстро растущий городской сектор» (Goldstone 1984: 1132).

Выше мы уже приводили описание С. А. Нефедовым «фазы сжатия», в котором делается упор на то, что рост цен в этот период усиления демографического давления однозначно свидетельствует об ухудшении положения масс и приближении социальной катастрофы. Но так ли это или во всяком случае всегда ли это так?

Вопросы ценообразования в их отношении к проблеме выхода из мальтузианской ловушки

В вышеприведенном тезисе есть существенные аспекты, которые не позволяют принять его как полностью безоговорочный. Необходимо отметить, что на определенном уровне анализа рост цен можно рассматривать как фактор, в ряде отношений благоприятный для экономики, и даже как фактор, способный (в определенных случаях) создать ситуацию, делающую возможным выход социальной системы из мальтузианской ловушки (то есть переход из зоны притяжения аттрактора низкопродуктивного экономического равновесия в зону притяжения аттрактора, соответствующего высокопродуктивному экономическому равновесию [см., например: Чернавский и др. 2002]). В первых трех главах мы также видели, что в рамках индустриального периода уровень высоких цен (до сравнительно недавнего времени) тесно коррелировал с периодами экономических подъемов и ускоренного экономического роста. В рамках преиндустриального периода (который рассматривается в этой главе), связанного с подъемом первичной промышленности и особенно торговли (см.: Гринин 2006б, 2007а, 2007б; Гринин, Коротаев 2009а), высокие цены имели по крайней мере такое же, а вероятно, даже и большее значение для роста торговых оборотов и промышленности¹⁷. Торговые кризисы (в том числе по причине падения цен) были обычным событием и, как мы видели в Главе 3 раздела 1, в XVIII в. они даже стали относительно регулярным явлением.

В этой связи нам представляются существенными следующие соображения:

1. Цены являются экономическим показателем, который зависит от многих долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных причин и факторов. При этом внутренний спрос может не быть ведущим фактором, например в условиях активной внешней торговли, конкуренции со стороны других обществ и т. п. (ср., например, как влиял спрос на товары в Америке на рост цен в Испании в XVI в.: Литаврина 1972: 254). Существенное влияние на цены также могут оказывать ценовое регулирование властей, налоги (на землю, на транспортировку, торговые пошлины и т. п.), рост издержек и т. п. В условиях скудости данных о ценах во многих обществах это может существенно дезориентировать исследователя¹⁸. При этом чем выше уровень товарности в обществе, тем больше факторов способно влиять на колебания цен, но сама амплитуда цен при высокой товарности скорее будет не столь большой, как в обществах с низкой товарностью и слабо развитым денежным обращением. Сильное влияние могут оказать и меры, ведущие к инфляции (такие, например, как порча монеты). В частности, такая ситуация спровоцировала резкий рост цен в Англии в середине XVI в., поскольку при Генрихе VIII была проведена порча монеты, что вызвало при Эдуарде VI и Марии огромный рост цен (Треvelyя 1959: 140; Дмитриева 1990: 8).

2. Спрос со стороны неквалифицированных рабочих (особенно в условиях слабо развитой мануфактурной и фабричной промышленности) далеко не всегда составляет ведущую причину изменения цен. Неквалифицированные рабочие, как правило, в доинду-

¹⁷ Хотя на определенной стадии инфляционные процессы (в результате «революции цен») пришли в резкое столкновение с процессами развития европейских и азиатских государств, что вызвало целый ряд кризисных социально-политических явлений в XVII в. (см., например: Goldstone 1984, 1988, 1991; Гринин, Коротаев 2009а, 2009б).

¹⁸ Любопытнейший, хотя и довольно экзотический, пример ценообразования приводит Ф. Бродель. В XVI в. в Боливии в Высоких Андах на высоте 4 тыс. метров возник горняцкий поселок Вилья-Империаль-де-Потоси, превратившийся, по сути, в довольно большой город, в котором происходил процесс амальгамации серебра и который на пике своего расцвета насчитывал, по некоторым оценкам, более 100 тыс. жителей (Бродель 1988: 186; см. также: Бакс 1986: 123). Из-за обилия серебра цены там потеряли всякую связь с реальностью, жизнь в этом городе «была абсурдной даже для богатей: курица стоила до восьми реалов, яйцо – два реала» и т. д. «Что можно сказать, – добавляет Ф. Бродель, – кроме того, что деньги там ничего не стоили?» (Бродель 1988: 186). Нечто аналогичное позже наблюдалось на пике «золотой лихорадки» на Клондайке.

стриальных обществах не составляют основной части городского населения (и даже в индустриальных обществах они не так часто являются основной группой горожан).

3. Наибольшее влияние на спрос на продовольствие, особенно в столичных центрах, может оказывать государство – например, различными проектами строительства крупных объектов (когда в определенном месте сосредоточивается большое число рабочих), дислокацией и передислокацией армейских частей, особенно если воины получают жалование и сами покупают продовольствие на рынках и т. п.; а также действиями элит, часто концентрирующихся именно в столицах; элиты, соперничая друг с другом в роскоши, различных затратных акциях, количестве прислуги и т. п., неизбежно создают высокий спрос на продовольствие¹⁹. В меньшем масштабе, но принципиально похожая ситуация нередко складывается в провинциальных центрах, где сосредоточиваются правительственные учреждения, армия и местная элита.

4. Таким образом, рост цен на продовольствие в крупных городах и особенно в столицах, в прединдустриальных и раннеиндустриальных обществах часто является показателем в некоторых отношениях как раз хорошего положения дел, когда государство и элита могут создавать высокий спрос на продовольствие и новые рабочие места, тем самым стимулируя производство. В связи с особой важностью этих идей имеет смысл полностью привести длинную выдержку из работы Ф. Броделя, в которой он доказывает ту мысль, что по крайней мере в Новое время наиболее богатые и передовые страны, которые были для других «сверкающими маяками, притягательными центрами первостепенной важности», оказывались в то же время и самыми дорогими; общества, вроде бы бывшие так называемыми жертвами дорогой жизни, «автоматически» имели и важные, даже фатально важные преимущества перед странами с низкими ценами:

«Венеция, доминировавшая на Внутреннем море, долгие годы прожила под знаком дорогой жизни и жила под ним еще в XVIII в. Голландия сделалась страной дорогой жизни: люди вели здесь скудное существование, особенно бедняки и даже менее бедные. Испания со времен Карла V была страной ужасающей дороговизны. “Я там узнал, – рассказывал в 1603 г. один французский путешественник, – пословицу, гласящую, что все дорого в Испании, кроме денег”. Так обстояло дело еще и в XVIII в. Но вскоре недостижимый рекорд установила Англия; она была по преимуществу страной тяжких повседневных расходов: снять дом, нанять карету, оплачивать свой стол, жить в гостинице было там разорением для иностранца. Этот рост стоимости жизни и заработной платы, заметный еще до революции 1688 г., не был ли он ценой, или признаком, или же условием устанавливавшегося английского преобладания? Или чьего угодно преобладания? Английский путешественник Файнс Морисон, бывший с 1599 по 1606 г. секретарем лорда Маунтджоя в Ирландии, а до того, с 1591 по 1597 г., проехавший через Францию, Италию, Нидерланды, Германию и Польшу, к тому же хороший наблюдатель, делает такое замечание: “Найдя в Польше и в Ирландии странную дешевизну всех необходимых съестных припасов, притом что серебра там не хватает, и оно тем выше ценится, сии наблюдения приводят меня ко мнению, совершенно противоположному взгляду обывательскому, а именно: что нет более верного признака процветающего и богатого государства, нежели дороговизна таковых предметов...” Это же самое утверждал и де Пинто. И вот также *парадокс* Кенэ: “Изобилие и дороговизна суть богатство”. Проезжая в 1787 г. через Бордо, Артур Юнг замечал: “Цена найма домов и квартир поднимается с каждым днем; повышение было значительным после мира [1783 г.], в то самое время как возводилось и сейчас еще строится столько новых домов, и это совпадает с общим ростом цен: жалуются, будто стоимость жизни выросла за десять лет на 30 %. Ничто не способно нагляднее доказать рост процветания”. Это то же самое, что уже говорил тридцатью годами раньше, в 1751 г., молодой аббат Галиани в своей книге о деньгах: “Высокие цены товаров суть самый надеж-

¹⁹ Почти в каждой стране землевладельцы и/или другая элита скапливаются в столицах, привлекая туда свои доходы и просто наслаждаясь жизнью в столице (Clark, Lepetit 1996; см. также: Yardeni 1998). Отсюда возникает совсем не праздный и не однозначно решаемый вопрос: поскольку столицы всегда зависели от снабжения из провинций, были ли они «паразитами» или, напротив, источниками роста? Эта проблема обсуждается в книге под редакцией П. Кларка и Б. Лепетита, в которой указывается, что, хотя отношения между провинциями и столицами не были константой, второе из двух мнений, тем не менее, имеет под собой большие основания (Clark, Lepetit 1996).

ный признак, дабы знать, где находятся самые большие богатства”. Подумайте о теоретических соображениях Леона Дюпри по поводу современной эпохи и “стран на подъеме”, которые располагают уровнем заработанной платы и цен, “явно превышающим такой уровень в странах, отстающих в своем развитии”» (Бродель 1988: 159–160)²⁰.

5. Таким образом, в некоторых аспектах и в определенных контекстах рост цен на продукты питания может рассматриваться не столько как признак роста физической нехватки продовольствия, сколько как признак определенного (но одностороннего) экономического подъема общества, при котором один сектор (административно-городской: промышленно-ремесленный, торговый, элитарный непроемчивый или государственный) растет быстрее аграрного (это касается и инфляционных процессов в целом)²¹. Данное обстоятельство может быть и следствием определенной «эйфории» власти, в условиях относительного собственного благополучия увеличивающей без меры расходы, а также следствием прочих инфляционных факторов, не обязательно свидетельствующих об актуальном недопотреблении или тем более голоде.

6. При этом, однако, могут усиливаться диспропорции в распределении ресурсов, в частности могла расти численность групп плохо оплачиваемых неквалифицированных рабочих (об этом писал и Ф. Бродель, см. выше). Такие явления весьма нередки при инфляции роста. Следует также учитывать, что даже при высоком уровне деловой активности в ведущие города, как правило, приходит больше людей, чем требуется, поэтому какая-то часть неквалифицированных работников нередко оказывается временно или постоянно не у дел. С другой стороны, в аграрных обществах, привыкших к постоянным ценам и повинностям, существует сильный консерватизм в отношении изменения уровня плат и повинностей. Например, в Вавилонии в VI в. до н. э. денежная плата наемным работникам держалась на одном уровне с завидным постоянством в течение 100 лет (см.: Нефедов 1999б). Поэтому такой консерватизм в условиях начавшейся инфляции роста может сильно препятствовать росту заработной платы неквалифицированных рабочих. С другой стороны, хозяева не меняют порой эту плату и в условиях дефляции, когда цены на продовольствие понижаются (тогда как, абстрактно рассуждая, они должны были бы при понижении цен на продовольствие понижать и заработную плату).

О том, что явления фактического понижения заработной платы неквалифицированных рабочих не всегда говорят о том, что их число резко растет и в результате этого спрос на их услуги падает, а иногда могут являться просто результатом неадекватной реакции общества на инфляцию, косвенно говорит и то, что в Западной Европе раннего Нового времени возникли и распространились ситуации – своего рода «ловушки для землевладельцев», когда в результате инфляции (в том числе революции цен) их расходы резко повысились, а коммутированные повинности и ренты на землю оставались номинально теми же, но фактически падали, что приводило к разорению землевладельцев. Такие явления также являются во многом результатом отсутствия в обществе эффективных механизмов реагирования на внезапную инфляцию (и они не всегда или в основном не всегда связаны с демографическим давлением).

На этом явлении в отношении Англии XVI в. стоит остановиться подробнее. Например, С. Д. Сказкин неоднократно указывал со ссылкой на фундаментальные работы ряда исследователей (в том числе А. Н. Савина), что в целом в XVI в. (и даже еще в XVIII в.) повинности арендатора-копигольдера были строго определены и не могли изменяться; чтобы повысить их, надо было сменить титул держания (Сказкин 1968: 303). А поскольку сроки аренды были длительными (на десятки лет, на одно-два и даже три поколения), то повышение аренды могло произойти только после окончания срока. Ра-

²⁰ Отметим, что и в современном мире (в том числе и в России) в наиболее крупных и процветающих городах (особенно в столицах) цены наиболее высокие, но там же и наиболее высокий уровень жизни (хотя малоимущие в таких городах и страдают особо сильно от высоких цен), и наиболее динамичная жизнь. При этом желающих уехать из такой дороговизны, как правило, немного, а приехать туда – на порядок больше. В то же время во многих странах (включая Россию) в наиболее депрессивных и захолустных, экономически отсталых районах цены могут быть очень низкими, но уровень жизни от этого не становится в таких местах высоким.

²¹ О позитивной роли роста городского сектора в плане выхода общества из мальтузианской ловушки см.: Artzrouni, Komlos 1985; см. также: Grinin 2007с.

зумеется, землевладельцы постоянно искали возможности повысить арендную плату, но в целом этот процесс отставал от роста цен в Англии, по крайней мере до последних десятилетий XVI в. Впрочем, во многом сходные явления были и в других европейских странах (см.: Сказкин 1968: 212). Такая ситуация отставания арендной платы от цен была характерна и для более позднего времени. Как показал А. Н. Савин, в документах маноров XVII в. мы часто встречаем против указания о величине полученной сеньориальной ренты, следуемой с копигольда, указание на размеры возможного дохода, в случае если участок будет сдан на условиях обыкновенной аренды. Последние цифры выше первых иногда в полтора десятка раз (Там же: 303, см. также с. 220). Поэтому с учетом такой традиционной защищенности английского копигольдера С. Д. Сказкин (Там же: 303) имел полное основание заявить, что, по сути, копигольдер все же не был обычным арендатором, то есть его положение было гораздо лучше, чем положение обычного арендатора (по поводу низких арендных платежей и длительных сроков аренды см. также: Винокурова 1993; Штокмар 2005: 132–133; Тревельян 1959; этот момент отмечал и К. Маркс в *Капитале*, когда утверждал, что фермеры могли обогащаться за счет ленд-лордов [Маркс, Энгельс 1955: 754]).

Как уже было сказано, при Генрихе VIII была проведена порча монеты, что вызвало при Эдуарде VI и Марии (то есть в 50-е гг. XVI в.) такой огромный рост цен, что за ними долго не могли угнаться ни уровень заработной платы, ни размеры фиксированной ренты (Тревельян 1959: 140, 209). Таким образом, больше всего от этого изменения выиграли товаропроизводители, особенно фермеры и свободные крестьяне, ренты которых стали в это время относительно малыми.

Только в последние десятилетия XVI – первые десятилетия XVII в. арендная плата (рента) стала расти быстро, периодами заметно быстрее, чем цены, так что между уровнем цен и арендной платы установился новый баланс. Ниже, в Дополнении 1, мы еще вернемся к проблемам соотношения цен и арендных ставок, каковое, по нашему мнению, играло ключевую роль в изменении ситуации в английском сельском хозяйстве и в целом в обществе в течение ряда десятилетий.

7. Стремление сельских жителей уйти в города не всегда объясняется голодом в деревне, поскольку если в городах не требуются работники, то они не могут принять существенное число людей. А занятие нищенством в беднеющих городах не всегда является существенным фактором оттока населения. Напротив, если города растут, если там требуются новые рабочие руки, то они будут притягивать население, особенно в условиях образования его избытка в селе. В богатых городах занятия нищенством и т. п. деятельностью могут быть вполне выгодными, поэтому часть людей может заниматься такими промыслами даже в условиях возможности найти работу²². Естественно, что ухудшение положения сельского населения, тем более война или тяжелые стихийные бедствия, жестокие неурожаи и голод неизбежно ведут к более или менее заметным миграциям сельских жителей в города²³, наблюдается это и в периоды социальных волнений (см., например: Винокурова 1996: 48). В такие периоды число нищих могло существенно возрасти, но затем все возвращалось к обычным пропорциям²⁴. В то же время далеко не

²² В частности, подобно тому, как действовали в Риме в отношении плебса в эпоху поздней республики и империи, в некоторых городах-государствах, например во Флоренции, богатые семейства считали выгодным оказывать покровительство собственной клиентуре из нищих, на поддержку которых можно было рассчитывать в случае вооруженного конфликта с враждебным кланом (Антонетти 2004: 141).

²³ Но иногда эпидемии могли, напротив, вызывать отток горожан в незараженные сельские местности, как это наблюдалось в Западной Европе (но не в исламском мире [см., например: Dols 1977]) в период «черной смерти» в XIV и последующие века (наиболее известным свидетельством чему является знаменитый *Декамерон* Боккаччо).

²⁴ Особенно в городах, сельская округа которых была рядом, и численность населения которой была сопоставима с числом самих городских жителей (или даже меньше этого числа). В таких городах количество нищих в очень неблагоприятные годы могло возрастать в разы (см., например, о Флоренции: Антонетти 2004: 141). Особенно несчастным в этом отношении был 1330 г., когда, по свидетельству хрониста Виллани, вероятно, преувеличенному, число нищих в сотысячной Флоренции увеличилось с одной до семнадцати тысяч (Там же: 183). Но это все же были эпизоды, хотя и трагические. Что касается крупных аграрных государств с относительно небольшой долей урбанизации, то там, конечно, пропорции были совсем иные. Но Флоренция, на наш взгляд, является в этом отношении исключением даже среди городов-государств. В частности, в от-

все нищие и бродяги, приходившие в город, реально приходили туда из-за нужды. В частности, М. В. Винокурова, обнаружив интереснейший источник (*Регистрационную Книгу паспортов бродяг и нищих* одного из небольших городов Уилтшира Нью-Солсбери с 1598 по 1669 г.), пыталась найти там записи о держателях земли из близлежащего владельческого комплекса графов Пемброков, жизнь которых описана в ее же книге *Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в.: На материалах графства Уилтшир* (Винокурова 1992). Разорившиеся крестьяне из этого комплекса, превратившись в пауперов, никак не могли бы миновать Нью-Солсбери и должны были бы там как-то «отметиться» (Она же 1996). В указанном документе зафиксировано 660 человек. М. В. Винокурова пишет: «Я ожидала найти в Книге хотя бы несколько десятков имен (из комплекса графов Пемброков. – *Авт.*), и... не нашла ни одного, несмотря на долгую и кропотливую работу с именами держательского состава (найжены были четыре случая, но и это были чужаки, пришельцы в самих манорах графов Пемброков. – *Авт.*)». Исследовательница делает вывод: «Думается, что в данном случае мы имеем *еще одно подтверждение* того факта, что разорявшиеся крестьяне использовали внутри маноров в качестве субдержателей либо наемных рабочих». Зато настоящих преступников: убийц, фальшивомонетчиков, воров, и просто гулящих людей в документе зафиксировано много (Там же: 46; выделено нами. – *Авт.*).

8. Следует также учитывать, что значительная часть изъятого элитой и государством продукта не является чистым вычетом из доходов населения, а возвращается населению через механизм повышенных цен (продавцам-крестьянам) и через оплату наемных рабочих. Тут, кстати, стоит также привести мнение одного из крупнейших ученых-демографов XX в. А. Сови, согласно выводам которого неравенство в распределении доходов (естественно, в определенных пределах) приводит к росту оптимального населения, что является важнейшим фактором в условиях частной собственности, во всяком случае, для аграрной экономики (Сови 1977: 197 и далее).

О влиянии на положение крестьянства высоких цен на основные продукты питания

В этом плане можно отметить следующее.

1. В аграрных обществах крестьяне составляют основную часть населения. Поэтому положение горожан (особенно их меньшей части – неквалифицированных рабочих) можно рассматривать только как *косвенный* (а не абсолютный) индикатор общего положения ситуации в обществе, который в ряде случаев, *но не всегда*, может указывать на положение в селе при условии правильной интерпретации причин ухудшения (улучшения) этого положения (то есть с учетом сказанного выше). Надо непременно учитывать, что интересы сельчан и горожан нередко являются антагонистическими. Это доказывается уже фактами государственного регулирования цен на продовольствие, например в Испании в XVI в. (Литаврина 1972: 251–252). Особенно ярким примером в этом плане является политика регулирования цен на продовольствие, проводившаяся османскими властями в Стамбуле и других крупных городах империи (см., например: Петросян 1990, 1991).

2. В любом случае надо исходить из того, что в аграрных обществах чаще всего основной производитель не покупает или редко покупает продовольствие, поэтому повышение цен не может не только радикально, но и сколько-нибудь серьезно ухудшить положение основной части населения (в отличие от горожан). С другой стороны, в сложных аграрных обществах очень высокий уровень цен на основные продукты питания обычно (но не всегда) является достаточно чутким индикатором (*но никак не причиной*) нехватки продовольствия (в том числе и в деревне).

ношении Флоренции следует учитывать, что в конце XII–XIV вв. это был по меркам Средневековья бурно растущий город. Так, если в конце XII в. там жило, по некоторым данным, всего 15 тыс. человек, то в начале XIII в. – уже 50 тыс., в 1260 г. – 75 тыс., в 1280 г. – 85 тыс., а в начале XIV в. – 100 тыс. Таким образом, город вполне привык к крупным миграциям. Кроме того, во Флоренции оказывали определенную помощь бедным со стороны крупных корпораций и братств (Там же: 141) – случай относительно редкий в Средние века, но позже характерный для законодательства особо интересующей нас здесь Англии – и это, естественно, могло дополнительно привлекать нищих мигрантов в богатый город.

3. В условиях нетоварного сельского хозяйства колебания цен на продовольствие затрагивают узкий сектор общества и не влияют на положение крестьянства (то есть основного населения) ни как продавца, ни тем более как покупателя.

4. В условиях достаточного товарного производства рост цен в принципе должен способствовать улучшению положения если не всего крестьянства, то заметной его части («кулаков», протофермеров), которая готова выставить на рынок значительное количество продовольствия. В этом случае интересы крестьянства или его части антагонистичны интересам горожан.

Повышение цен при относительно развитом товарном хозяйстве

Рассмотрим ситуацию, когда имеется достаточно развитое товарное хозяйство. Каким образом влияет на него тенденция к повышению цен?

1. В целом при прочих равных условиях повышение цен может иметь **положительное значение** для увеличения абсолютной обеспеченности общества продовольствием, так как рост цен стимулирует производство вообще и товарное производство и обращение в частности. Ф. Бродель прямо говорит по этому поводу: «То, что торговая прибавочная стоимость была необходимым возбудителем при всяком коммерческом обмене, настолько само собой разумеется, что кажется абсурдным на этом настаивать» (Бродель 1988: 159). Такая стимуляция, как правило, не принимается в расчет некоторыми неомальтузианскими исследователями, что может вести к искажению истинной динамики развития в ходе социально-демографических циклов. Фактически повышение цен может способствовать расширению экологической ниши (росту емкости среды). Поэтому рост цен способен в ряде случаев оказывать влияние на увеличение длительности социально-демографического цикла, может приводить к значительной отсрочке демографической катастрофы, а **при возникновении определенных условий в обществе (в целом достаточно редких, но, как показывает сам исторический опыт, отнюдь не невозможных) это может являться исходным пунктом для возникновения самоподдерживающегося процесса, приводящего в некоторых случаях к выходу из мальтузианской ловушки.** В отношении Англии XVI в. исследователи прямо указывают, что одним из самых важных факторов, который необходимо учитывать для понимания важнейших социозэволюционных процессов в этой стране, был рост цен на протяжении всего XVI в. В начале столетия он был следствием финансовой политики государства и порчи монеты, к которой неоднократно прибегал Генрих VIII. А с середины XVI в. в Англии, как и повсюду в Европе, стало ощущаться влияние «революции цен», которое вызвало подорожание продуктов питания и сельскохозяйственного сырья, что создало благоприятные условия для увеличения производства продукции (Дмитриева 1990: 8–9; см. также: Тревельян 1959; Штокмар 1962: 70–71²⁵). Рост цен в Англии замедлился благодаря тому, что правительство Елизаветы с 1560 г. начало изымать из обращения обесцененные монеты и заменять их на новые деньги по курсу (Тревельян 1959: 208; Штокмар 1962: 78 и далее). Однако из-за революции цен и прочих факторов (включая расходы на ведение войн и неурожаи конца столетия) рост цен не прекратился, а продолжался в течение всего царствования Елизаветы, усилившись при ее преемниках (Тревельян 1959: 208–209).

2. Рост цен может стимулировать: а) ввод в оборот средних и худших земель, которые ранее не обрабатывались из-за недостаточной выгоды; б) значительные трудовые и капитальные вложения в увеличение фонда пригодных земель (дренаж, мергелирование, орошение и т. п.) как со стороны государства, так и (что особенно важно из-за большей устойчивости этого процесса) частных инвесторов; в) переход к известным, но не применяющимся аграрным технологиям (например, от двуполья к трехполью, от трехполья – к многополью и т. п.); г) более рациональное ведение хозяйства, в частности

²⁵ Весьма любопытная деталь: в документе этого времени («Меморандуме о причинах, побудивших королеву Елизавету к проведению монетной реформы») автор прямо говорит, что хотя проводившаяся в предшествующее время порча монеты повредила многим, однако многие также боятся, что финансовая реформа повредит им. Среди таких опасавшихся за свое положение на первое место поставлены фермеры и держатели, выплачивающие «улучшенные» ренты (Штокмар 1962: 78).

обеспечение большей его специализации (в этом случае, правда, усиливается зависимость большей части населения от цен на продовольствие); д) генерирование ранее неизвестных инноваций, увеличивающих производительность земли и/или труда; е) вкладывание средств в приобретение земли с целью улучшения структуры владений и образования более крупных земледельческих комплексов, которые были гораздо удобнее для ведения на них более производительного фермерского и рыночного типа хозяйства (см. о такого рода процессах в Англии и Франции ниже); ж) специализацию, связанную с производством непищевой продукции и увеличением роли внешней торговли в обеспечении зерном (из достаточно продуктивных для этого мест), **что может быть также одной из форм выхода из мальтузианской ловушки для отдельных небольших городских обществ или экспортно-ориентированных стран.** В этом случае, если использовать идеи уже упоминавшейся мир-системной теории, возникают особые «урбанистические» мир-экономики или субмир-экономики в рамках более крупных мир-экономик (центром или костяком таких урбанистических мир-экономик выступает крупный город или группа городов, организующих хозяйственно-торговую деятельность остальных включенных в систему обществ)²⁶. Развитие такого типа мир-экономик было важным подготовительным условием для формирования единой в торгово-экономическом плане Мир-Системы.

3. В условиях бесправного социального и юридического положения крестьянства основные выгоды от повышения цен могут иметь крупные землевладельцы, которые в некоторых случаях стремились превратить крестьян в крепостных (ситуация так называемого «второго издания» крепостного права в Восточной Европе в XVI в.), или государство (государственная элита) за счет повышенных налоговых изъятий. В задавленной налогами и обремененной феодальными повинностями Франции рост цен в период XVI–начала XVII в. не мог сыграть такой важной роли, как в Англии, уже потому, что возросшее население Франции состояло в подавляющем числе не из фермеров и наемных работников, а из крестьян, потребляющих значительную часть своей продукции при максимальном вложении своего труда (Люблинская 1978: 38). Тем не менее для нашего исследования важно отметить, что и во Франции революция цен оказалась благоприятным обстоятельством для тех слоев деревни, которые производили зерно на рынок, поскольку цены на хлеб росли особенно быстро (Там же: 11). Рост цен на хлеб был, разумеется, тяжелым испытанием для бедных слоев общества. Однако стоит посмотреть и с другой стороны: не благодаря ли во многом именно этому процессу в течение XVI и последующих веков возросшее население городов и Парижа вполне кормил товарный хлеб, выращиваемый крупными и средними арендаторами (см.: Там же: 38)? И не благодаря ли этому процессу население городов могло расти? Интересно также, что именно Парижский регион показывал значительный рост продуктивности особенно в XVI и в последних декадах XVIII в., в то время как в большинстве других регионов Франции рост был слабым и неустойчивым, так что некоторые исследователи даже считают, что во Франции рост производства продукции отставал от роста населения (Hoffman 1996; см. также: de Vries 1997). Можно полагать, что именно значительный спрос на продовольствие со стороны Парижа, а равно высокие цены на него во многом определяли такую диспропорцию в росте производительности сельского хозяйства во Франции.

4. Рост реальных цен на продовольствие и рост товарности производства резко повышают мотивацию производителей к увеличению объемов производства продуктов питания и сокращению того потребления, которое можно сократить для увеличения выбрасываемого на рынок продовольствия. Такая мотивация зачастую не принимается в расчет. Мотивация дополнительно может усиливаться и религиозными факторами (например, «кальвинистской» этикой). Поэтому вполне возможно, что имеется прямая связь

²⁶ Согласно И. Валлерстайну (Wallerstein 1974), мир-экономики представляют собой политически децентрализованные системы обществ, которые связаны между собой реальными экономическими связями. Критерием реальности является наличие между ними экономически значимых потоков «массовых товаров» (пшеницы, руды, хлопка, пеньки, орудий труда, предметов массового потребления и т. п.). Если продуктообмен между двумя регионами ограничивается только торговлей предметами роскоши, то, по И. Валлерстайну, у нас нет оснований говорить об их принадлежности к одной мир-экономике.

в плане указанной мотивации между рассматриваемыми здесь процессами социально-экономического развития и процессом реформации, совершенной в период первой половины XVI в. Генрихом VIII и закрепленной, хотя не без компромиссов, в царствование Елизаветы (см. подробнее: Дмитриева 1998; Черчилль 2006). Здесь представляется целесообразным упомянуть и то обстоятельство, что на подъем сельского хозяйства в Англии сильно повлиял процесс секуляризации церковных и монастырских земель в период реформации, значительная, едва ли не преобладающая часть которой в конце концов оказалась у мелких и средних землевладельцев. Процесс формирования слоя джентри в Англии (так называемого нового дворянства), сыгравшего исключительно важную роль в подъеме ее сельского хозяйства, был сильно ускорен именно переделом церковных земель, а царствование Елизаветы стало великим веком для них (см., например: Тревел्यान 1959: 186). В дальнейшем во многом благодаря именно фактору роста цен и использованию передовых методов хозяйства, обеспечивших им резкий подъем доходов, джентри стали играть и большую политическую роль, так что, по мнению некоторых исследователей, английская революция середины XVII в. была конфликтом между государственной элитой и классом джентри (Lachmann 1989: 159).

5. В подобных условиях возможно формирование следующей петли положительной обратной связи: *чем больше численность населения, тем выше демографическое давление и тем больше людей стремится в города, тем выше реальные цены на базовые продукты питания; чем выше цены, тем больше продовольствия стремятся произвести; тем выше специализация. Чем больше цены и объем рынка, тем выше доходы государства и рента землевладельцев, тем больше денег появляется в городах и тем больше людей туда стремится.*

6. В ситуации, когда имеется частная собственность, свобода деятельности (в частности, от общинных порядков и властей) и те или иные гарантии неприкосновенности для производителей, у общества появляется возможность избрать оптимальный вариант использования своих ресурсов, выбора товаров для реализации на рынке (внутреннем и внешнем), создавая тем самым дополнительные возможности для выхода из мальтузианской ловушки.

7. Фактор высоких реальных цен на продовольствие и структурная перестройка позднесредневекового общества

Рост товарности и тенденция к формированию фермерства.

Пример Англии XVI в.

Рассмотрим ситуацию складывающегося товарного хозяйства, имеющего тенденцию к усилению товарности, сопровождаемому расслоением крестьянства, превращению части крестьянства в фермерство, которое также формируется из части крупных и средних землевладельцев, а также горожан, вкладывающих капиталы в землю.

1. При умеренных налогах и приемлемой ренте, позволяющей вести хозяйство при долгосрочной аренде, при наличии частной собственности на землю и свободе хозяйственного оборота, высокие цены благоприятствуют росту производства продовольствия.

Этот тезис полностью подтверждается историей Англии XVI в. Как указывает О. В. Дмитриева (1990: 27, 32), одним из важнейших факторов, способствовавших обогащению раннекапиталистических фермеров, было устойчивое повышение цен на сельскохозяйственную продукцию на протяжении всей второй половины XVI в. — следствие «революции цен» и обесценивания денег. Доходы фермеров, несмотря на постоянное увеличение лендлордами арендной платы за землю, были весьма высоки, и они постепенно становились обладателями значительных капиталов. Уже в 60-х гг. XVI в. Томас Смит отмечал, что зажиточные крестьяне-арендаторы сравнялись в богатстве с дворянами и начали скупать земли небогатых джентльменов.

Таким образом, в XVI в. складывается чрезвычайно благоприятная конъюнктура для увеличения производства и расширения поставок сельскохозяйственной продукции. При этом потребности в шерсти в основном удовлетворялись за счет пастбищ на огороженных землях. Повышение же с середины века спроса на зерно и мясо-молочные продукты

вызывало необходимость приспосабливаться к ситуации. Удовлетворить его можно было двумя путями: за счет интенсификации земледелия, его технического совершенствования или путем радикальных перемен в его организации (Дмитриева 1990: 8). Достижение результата было осуществлено с применением обоих путей.

Для увеличения площадей пахотных земель и пастбищ для крупного рогатого скота в это время стали широко прибегать к осушению болот и топей, дренажным и мелиоративным работам, освоению засоленных почв на побережьях. Однако в описываемый период большого эффекта обращение этих земель в пашню еще не дало (зато позже этот путь получил большее значение). Важнее в XVI в. были поиски способов интенсификации земледелия (Там же).

2. При наличии указанных выше условий в товарный сектор втягиваются те, кто ранее вел практически натуральное хозяйство, что расширяет объем производства на рынок.

Вот что говорит об этом процессе Дж. М. Тревельян. Он считает, что в XVI в. английское общество переходило от системы широкого распределения земли среди крестьян при низкой ренте, установившейся во времена недостатка рабочих рук в XIV–XV вв., к новой системе постепенного отмирания крестьянских держаний и их укрупнения в большие (капиталистические) фермы с высокой арендной платой. Это означало дальнейшее сокращение натурального сельского хозяйства и расширение производства для рынка. В течение XVII и XVIII столетий крестьянин как таковой постепенно исчезает, превращаясь или в арендатора, или в йомена, или в безземельного рабочего, работающего на крупной арендованной ферме, или в городского рабочего, совсем оторванного от земли (Тревельян 1959: 140; см. также: Goldstone 1984). Но главное, английский историк уверен, что такая перемена была необходима, чтобы кормить увеличивающееся население Англии, преумножать национальное богатство и сделать возможным повышение общего уровня жизни, который был обеспечен новой экономической системой за счет исчезновения старого жизненного уклада²⁷.

Создание производственной структуры, выводящей общество из мальтузианской ловушки

Таким образом, в XVI в. создается производственная структура, которая и выводит в XIX в. все общество из мальтузианской ловушки.

- Избыток средств, образующийся в товарном сельском хозяйстве, направляется на расширенное воспроизводство (расширение земельного фонда путем освоения менее удобных земель: осушение затопленных морем земель [создание полейдеров] в Голландии; осушение болот в Англии и т. п.); улучшение агрокультуры; развитие частичной обработки сырых продуктов на месте (сельская мануфактура или сельские промыслы) и т. п. Таким образом, выстраивается следующая цепочка положительной обратной связи: высокие цены – рост производства – высокие доходы товаропроизводителей – дополнительные вложения в производство – рост производства – рост городского населения – рост цен – рост производства и т. д.
- Часть избыточных средств сельского хозяйства стимулирует рост промышленного сектора спросом со стороны жителей села, в том числе спросом на средства производства, которые помогают повышать эффективность аграрного производства.
- Стимулирование потребностей аграрных производителей в промышленных товарах создает дополнительные стимулы у них к увеличению производства.

²⁷ Значение термина «йомен (йомен)» в разные периоды могло иметь существенные отличия. В XVI–XVII вв., согласно Дж. М. Тревельяну (1959: 145), эта группа была в значительной мере собирательной и неоднородной и охватывала по крайней мере три слоя: к йоменам относились разбогатевшие долгосрочные арендаторы, владельцы сравнительно небольших усадеб земли или долгосрочные арендаторы (фригольдеры), фермеры-арендаторы, а также прочие крепкие хозяева. То есть это был своего рода средний класс, или «средний разряд» общества (наряду с горожанами определенного достатка [см.: Райтсон 1994: 56]); последний термин начинает входить в употребление с третьего-четвертого десятилетия XVII в. (см.: Там же: 56–57). Нам кажется, что в известной мере можно провести аналогию с русским социальным слоем кулаков (кстати, это слово также имело разные смысловые значения в разные периоды), куда включались разбогатевшие земледельцы и некрупные землевладельцы, торговцы или владельцы магазинов, лавок и кабаков в селе и т. п. Только слово «йомен», кажется, не имело никогда отрицательных коннотаций в отличие от слова «кулак».

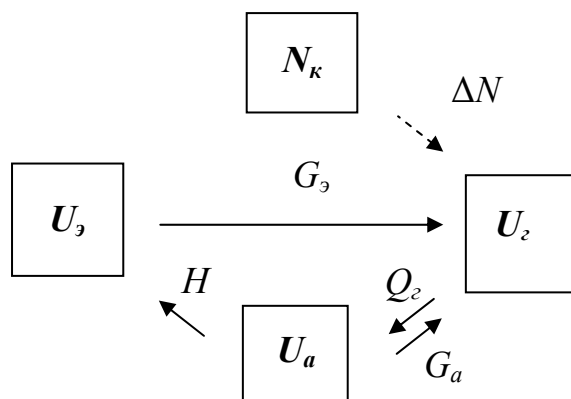
- Однако рост производства при прочих равных условиях ведет к тому, что цены стабилизируются или даже снижаются при недостатке спроса. Здесь налицо отрицательная обратная связь: высокие цены – рост производства – снижение цен.
- Рост населения увеличивает спрос на продовольствие и соответственно способствует повышению цен. Но миграция сельского населения в города ведет к тому, что общий прирост замедляется (за счет меньшей рождаемости и более высокой смертности в городах).
- Отток населения в города препятствует слишком сильному снижению платы в сельском хозяйстве наемным рабочим у фермеров.
- Уход части населения в города уменьшает демографическое давление в селе, и в то же время за счет инноваций удается компенсировать уход людей повышением производительности труда. Таким образом, рост населения компенсируется ростом производства, что и составляет основной момент выхода из мальтузианской ловушки.

В общем, рост цен, разоривший одних и обогативший других, явился стимулом для развития торговли, производства и коммерческих предприятий как в городах, так и в деревне. Он был одним из факторов, обусловивших развитие новой Англии – Англии смелого предпринимательства и конкуренции, сменившей старую Англию неизменных обычаев и незыблемых прав (Тревелиян 1959: 144).

Модель экономического взаимодействия социальных слоев в аграрном обществе в «фазе сжатия»

Теперь мы можем рассмотреть, при каких условиях возможен выход из мальтузианской ловушки, исходя из описанных выше положений (некоторые из них нам придется повторять). Для анализа этого вопроса рассмотрим модель экономического взаимодействия социальных слоев в аграрном обществе в «фазе сжатия». Естественно, что в модели некоторые моменты необходимо будет упростить. Поскольку важным фактором развития ситуации, как мы видели, являются цены, то основное внимание в модели уделяется динамике денежных потоков и формированию цен на сельхозпродукцию. Обобщенная схема модели приведена на Рис. 2.1.12.

Рис. 2.1.12. Обобщенная схема математической модели

Здесь N_k — численность крестьянского населения; ΔN — количество крестьянского населения, ежегодно переезжающего в города; U_z , U_g , U_a — денежные накопления землевладельческой элиты, городских ремесленников и производителей товарной сельскохозяйственной продукции (арендаторов); H — арендная плата за пользование землей; G_z и G_a — расходы элиты и арендаторов на приобретение ремесленной продукции у горожан; Q_z — спрос городских жителей на сельскохозяйственную продукцию, выраженный в натуральных единицах.

Схема на Рис. 2.1.12 отражает потоки денежных средств в контуре «землевладельческая элита – городские ремесленники – арендаторы». Считается, что основная масса крестьян

янского населения, не специализирующегося на производстве товарной сельхозпродукции, живет в сельской местности за счет натурального хозяйства и слабо влияет на формирование рыночных цен. Зато эта крестьянская масса существенным образом влияет на общие демографические показатели. При этом избыточное население ΔN из сельской местности перемещается в города, увеличивая спрос на продукты питания.

Уравнения, описывающие потоки денежных средств между социальными группами, имеют вид:

$$dU_3/dt = H - G_3, \quad (1)$$

$$dU_2/dt = G_3 + G_a - p \cdot Q_2, \quad (2)$$

$$dU_a/dt = p \cdot Q_2 - H - G_a, \quad (3)$$

$$U_3 + U_2 + U_a = M. \quad (4)$$

Уравнения (1)–(3) отражают изменение денежных средств, находящихся в распоряжении соответственно у землевладельческой элиты, горожан и арендаторов. Положительные члены в правых частях уравнений характеризуют доходную часть, а отрицательные члены – расходную часть денежных потоков из одной группы в другую. Поскольку функция спроса Q_2 выражена в натуральных единицах, в уравнениях она умножается на цену сельскохозяйственной продукции p .

Уравнение (4) отражает тот факт, что общее количество денег M в рассматриваемом обществе есть сумма всех накоплений. В аграрных обществах величина M изменялась медленно, хотя бывали случаи, когда изменение M было достаточно быстрым (например, в XVI в. в Европе вследствие интенсивного ввоза благородных металлов из Нового Света).

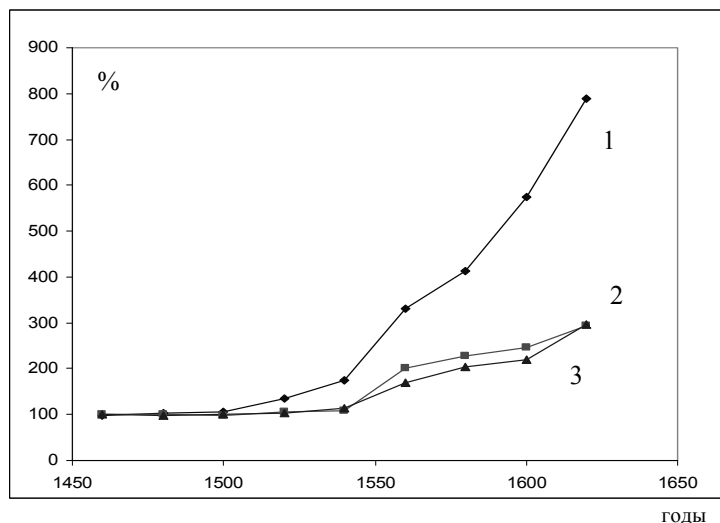
Изменение цен на сельскохозяйственную продукцию описывается уравнением:

$$dp/dt = a \cdot (Q_2 - F), \quad (5)$$

где F – производственная функция (количество производимой арендаторами товарной сельскохозяйственной продукции как функция вложений в производство). Это уравнение отражает рыночное формирование цены на основе соотношения спроса Q_2 и предложения F : цена растет, когда спрос превышает предложение, и падает, когда ситуация обратная. Коэффициент a характеризует скорость установления равновесной цены.

Изменение арендной платы и цен на ремесленную продукцию можно в рассматриваемом случае учитывать косвенно, не вводя дополнительные дифференциальные уравнения, поскольку в долгосрочной перспективе арендная плата не может расти быстрее, чем цены (иначе просто капитал перестанет идти в сельскохозяйственный сектор, который станет невыгодным для вложений), а в определенные периоды арендная плата (как и цена на ремесленную продукцию) изменялась существенно медленнее цен на продукты питания²⁸. Это связано с тем, что арендная плата на пользование землей устанавливалась на основе долгосрочных договоренностей и попытки ее изменения приводили к серьезным социальным конфликтам. Цены на ремесленную продукцию также периодически достаточно консервативны, особенно в эпохи демографического «сжатия»: увеличение цен и спроса на продукты питания приводит к относительному уменьшению спроса населения на ремесленную продукцию («эффект вытеснения»), при этом предложение ремесленной продукции увеличивается вследствие непропорционально быстрого роста городского населения и увеличения количества ремесленников. Эта ситуация проиллюстрирована на Рис. 2.1.13, где приведены данные об изменении зарплат наемных работников в сельском хозяйстве, цен на зерно и ремесленную продукцию в Англии в XVI в. во время «революции цен».

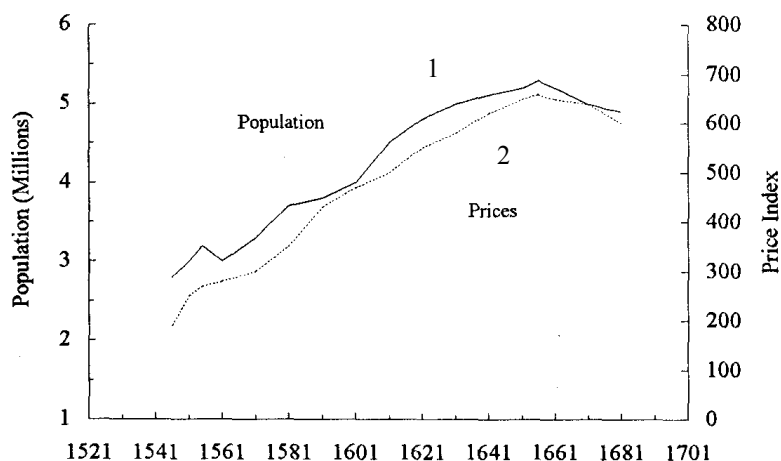
²⁸ Через некоторое время, как мы увидим ниже, арендная плата все же догнала цены на продукцию сельского хозяйства, в результате чего на довольно длительное время между ними установилось определенное, хотя и неустойчивое, рыночное равновесие.

Рис. 2.1.13. Динамика цен в Англии в XVI в.

Примечание. Источник: Fischer 1996.

1 — цены на зерно; 2 — цены на ремесленную продукцию; 3 — зарплата наемным работникам в сельском хозяйстве (уровень цен в 1450–1500 гг. — 100 %).

Видно, что в Англии рост цен на продукты питания существенно (в разы) превышал рост цен на ремесленную продукцию и рост зарплат. При этом рост цен на продукты питания находился в прямой связи с ростом населения (см. Рис. 2.1.14), а увеличение зарплат и цен на ремесленную продукцию было связано в основном с увеличением денежной массы M (и последовавшей за этим инфляцией) вследствие ввоза в Европу начиная с тридцатых годов XVI в. благородных металлов из Нового Света, а также с последствиями порчи монеты в правление Генриха VIII²⁹.

Рис. 2.1.14. Сравнение темпов роста численности населения (кривая 1, в млн человек) и роста цен (кривая 2, в %) в Англии в XVI–XVII вв.

Примечание. Источник: Fischer 1996.

²⁹ В целом в Англии за период 1500–1650 гг. рост цен составил 500 %. В то же время период 1650–1750 гг. оценивается как период стабильности цен (см.: Goldstone 1984).

Моделирование процесса развития рыночного сектора под влиянием роста цен на продукты питания

Таким образом, система уравнений (1)–(5) позволяет описать динамику изменения цен на продукты питания и денежных накоплений в различных социальных слоях в условиях роста городского населения. Моделирование показывает, что в этой ситуации деньги начинают перетекать в рыночный сектор, увеличивая накопления арендаторов U_a . Логике этого процесса можно описать следующим образом.

Пусть в момент времени t наблюдается равновесная ситуация, при которой доходы и расходы всех рассматриваемых социальных групп сбалансированы. Численность сельского населения равна N_s , городского – N_g . Потребление продуктов питания городским населением составляет величину $N_g \cdot A$, где A – объем потребления на одного человека. Арендаторы производят товарную продукцию в объеме $F = N_g \cdot A$, их доходы при этом составляют величину $p \cdot N_g \cdot A$, а баланс бюджета в соответствии с формулой (3) описывается выражением:

$$p \cdot N_g \cdot A - H - G_a \approx 0. \quad (6)$$

Это равновесное состояние, оно не побуждает к каким-либо изменениям и может сохраняться достаточно долго. Однако равновесие нарушается, когда вследствие внешних воздействий происходит изменение каких-то параметров системы, например изменение демографических показателей.

Пусть к моменту времени $t + \Delta t$ демографический прирост составил ΔN , и все избыточное население вследствие относительной перенаселенности сельской местности переместилось в города. Спрос горожан на продукты питания вырос на величину $\Delta N A$, при этом цены возросли и стали равны $(p + \Delta p)$. Это увеличило доходы арендаторов, они стали равны $(p + \Delta p) \cdot N_g \cdot A$ при прежнем объеме товарного производства $F = N_g \cdot A$. Баланс бюджета арендаторов (см. уравнение (3)) стал положительным:

$$(p + \Delta p) \cdot N_g \cdot A - H - G_a > 0. \quad (7)$$

Появившиеся дополнительные средства равны:

$$\Delta G \approx \Delta p \cdot N_g \cdot A. \quad (8)$$

Встает вопрос: какова будет дальнейшая судьба этих финансовых средств? Здесь возможны варианты:

1) эти дополнительные средства могут быть изъяты земледельческой элитой у арендаторов либо путем повышения арендной платы, либо каким-то другим образом. На языке модели это означает увеличение величины H :

$$H' = H + \Delta G. \quad (9)$$

В конечном счете эти средства снова возвращаются в город: ими элита расплачивается с ремесленниками за приобретаемые предметы роскоши. Внешне это выглядит как расцвет ремесленного производства и искусства, но реально указывает на приближение кризиса. Поскольку денег на развитие у арендаторов не остается, то объем производства товарной сельхозпродукции практически не увеличивается, и через какое-то время неизбежно наступит социально-демографический коллапс со всеми его спутниками: голодом, восстаниями, эпидемиями. После завершения социальной катастрофы начнется новый социально-демографический цикл, и все вернется «на круги своя». Это вариант классического срабатывания мальтузианской ловушки;

2) практически к такому же исходу приводит вариант, когда дополнительные средства остаются у арендаторов и они расходуют их на повышение уровня своего благосостояния, покупая ремесленную продукцию у горожан. Жизнь арендаторов на какое-то время становится более комфортной. Но поскольку объем производства товарной сельхозпродукции не увеличивается, демографический кризис неминуем и мальтузианская ловушка срабатывает;

3) третий вариант более мягкий. Производители (фермеры, арендаторы) под влиянием повышенного спроса на сельхозпродукцию стремятся увеличить обрабатываемые площади и объемы производства экстенсивным образом, используя традиционные технологии. Дополнительные средства ΔG идут на увеличение арендных платежей (см. (9))

и переходят в руки элиты, которая затем тратит их на предметы роскоши. Деньги снова возвращаются ремесленникам в город, и круг замыкается, экономическое равновесие восстанавливается. Это напоминает первый из рассмотренных вариантов, но с тем отличием, что площадь арендуемой земли расширяется, а производство товарной сельхозпродукции увеличивается. Однако это расширение происходит частично за счет вытеснения крестьян с общинных земель (исторический пример – «огораживание» в Англии). Нищающее крестьянское население уходит в города, дополнительно увеличивая социальную напряженность и спрос на продукты питания. В конечном итоге при неизменности производственных технологий мальтузианской ловушки избежать не удастся, оттягивается лишь время наступления демографического коллапса.

Отметим, впрочем, что огораживания только в некоторой части можно отнести к экстенсивной форме расширения производства. Фактически чаще это был интенсивный путь. Экономическая целесообразность огораживаний в XVI в. в значительной мере признавалась. Современники считали, что один акр огороженной земли стоит полутора неогороженной общинной (Дмитриева 1990: 10). При этом огороженная земля позволяла гибко реагировать на изменения рыночной конъюнктуры, то есть извлекать из земли максимальную прибыль. Повышение доходности земель нового дворянства достигалось как за счет изменений в самой организации землепользования, **так и за счет переориентации хозяйства на новые культуры и новые методы его ведения**. Если в XV – первой половине XVI в. огороженная пашня в основном конвертировалась в пастбище для овец, во второй половине столетия на огороженных землях все чаще занимаются земледелием или разведением мясо-молочного скота в соответствии с конъюнктурой рынка. Известны случаи огораживаний ради устройства прудов для разведения ценных пород рыбы. Единственной и главной целью во всех случаях было наиболее рациональное и продуктивное использование земли и извлечение более высоких доходов (Дмитриева 1990: 19–20). Фактически огораживания были возможностью для зажиточной части крестьянства-фермерства вырваться из тесных рамок сельской общины с ее принудительным севооборотом и системой «открытых полей». Повышенный рыночный спрос на овечью шерсть, а со второй половины столетия – на зерно и мясо-молочные продукты стимулировал стремление крепкого хозяина переходить к овцеводству и интенсивному земледелию. Однако это было практически неосуществимо в условиях общины, где каждый имел строго определенную долю выпаса скота на общих угодьях и где сохранялась чересполосица земельных наделов. Поэтому чрезвычайно распространенным явлением в XVI в. стало выделение земель богатого крестьянства и выведение их из сферы действия общинных порядков. Это достигалось путем обмена участков, скупки их, брачных контрактов, а порой и применения силы, в результате чего несколько наделов сводились воедино и, как правило, огораживались. Впоследствии такой значительный по размерам участок либо конвертировался в пастбище, либо отводился под интенсивное земледелие с применением наемного труда поденщиков. Согласно данным правительственной комиссии 1607 г. по расследованию огораживаний в центральных графствах Англии, в конце XVI – начале XVII в. значительно увеличилась доля огораживаний небольших участков (менее 100 акров) и земельных разделов, совершавшихся внутри крестьянской общины по инициативе и в интересах зажиточных сельских хозяев (Там же: 23–24; см. также: Штокмар 1957: 31)³⁰;

4) четвертый вариант заключается в том, что арендаторы тратят дополнительные средства ΔG на инвестиции, то есть на совершенствование технологий обработки земли и повышение производительности труда за счет внедрения разного рода инноваций. В конечном счете средства ΔG частично снова возвращаются в город ремесленникам в качестве платы арендаторов за производство разнообразных технических средств (а не предметов роскоши, как в предыдущих вариантах)³¹:

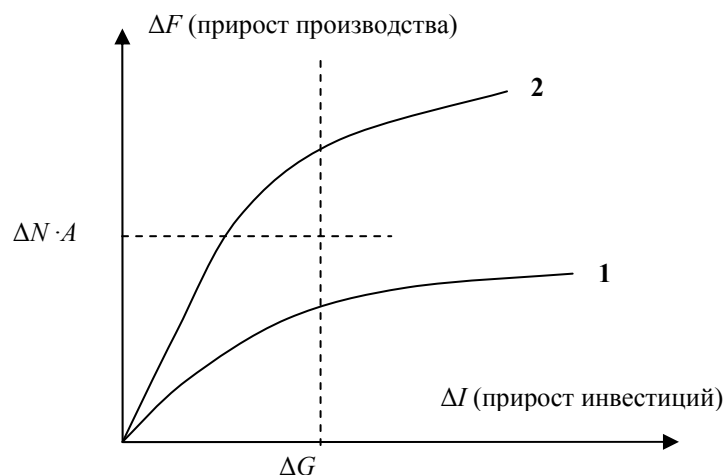
³⁰ Такое «собираение» поместий было характерно и для ряда провинций Франции. При этом участки, принадлежащие одному хозяину, но расположенные в разных местах, владелец путем обмена (часто невыгодного, когда за большой участок он выменивал меньший), покупки, также часто не столь выгодной, и прочих ухищрений собирал вместе (Люблинская 1978: 149–150).

³¹ Данный вариант может перерасти также в интенсификацию промышленного производства, рост экспорта промышленных товаров и ввоза сельскохозяйственных продуктов, что будет способствовать выходу из

$$G_a' = G_a + \Delta G. \quad (10)$$

В этом варианте деньги из сектора потребления перетекают в производственный сектор. За счет повышения уровня производства F происходит компенсация избыточного спроса $\Delta N \cdot A$ на продукты питания. Весь вопрос лишь в том, достаточно ли приращения производительности труда арендаторов для *полной* компенсации увеличивающегося спроса. В рамках модели это вопрос об эффективности производственных инвестиций. Качественно суть вопроса отражена на Рис. 2.1.15.

Рис. 2.1.15. Соотношение прироста производства сельскохозяйственной продукции (за счет дополнительных инвестиций в повышение его эффективности) и дополнительного спроса на продукты питания

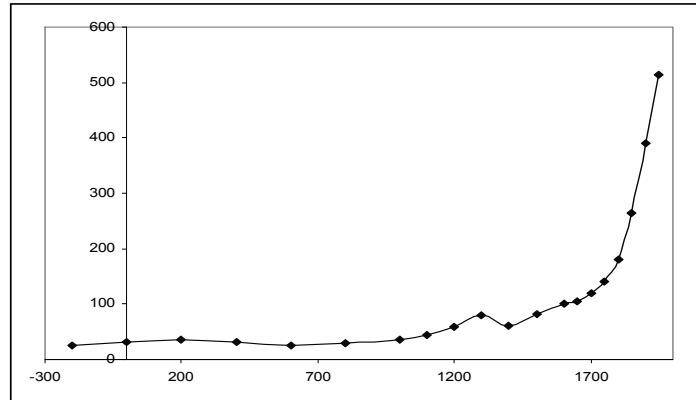

Примечание. 1 — слабая отдача от инвестиций; 2 — существенная отдача от инвестиций.

мальтузианской ловушки. Фактически в этом варианте соединяется модель интенсификации сельского хозяйства, его экстенсивного роста (с определенной иногда очень большой интенсификацией промышленности) и модель экстенсивного роста зарубежного сельского хозяйства, в котором имеются большие резервы для производства добавочного сельскохозяйственного продукта. Последнюю функцию в системе европейского разделения труда выполняло Польско-Литовское государство в XVI–XVII вв. (см., например: Wyrobisz 1989). Согласно теории предельной полезности, в обеих частях данной мир-экономической системы обменивающиеся стороны будут получать предельную цену при наличных условиях за свои товары и платить предельно низкую цену за ввезенные. Аграрная страна, не имеющая промышленности, будет покупать нужные ей промышленные товары дешевле, чем они стоят на местном рынке (если таковые вообще тут имеются). Зато она будет продавать аграрную продукцию по самым дорогим ценам, поскольку в своих городах (если они и есть) спрос и платежные возможности не столь велики, как в промышленной стране, испытывающей нужду в продуктах питания (или сельскохозяйственном сырье). Промышленная страна ввозит продукты питания не дороже, а то и дешевле, чем они стоят в уже до предела интенсифицированном и сильно товарном сельском хозяйстве собственной страны, тем более что в дальнейшем без импорта эти цены будут возрастать, чем ограничат рост промышленного сектора (таким образом, импорт кладет предел росту цен в собственном сельском хозяйстве и способствует их росту в иных государствах/регионах: цены постепенно выравниваются). Зато промышленную продукцию, сбыт которой в собственной индустриализированной стране затруднен, в аграрной стране продают по высоким ценам. Недаром при капитализме вопрос о рынках всегда был самым главным. Таким образом, высокие цены и возможность расширять сбыт аграрной продукции также становятся стимулом и движущей силой выхода из мальтузианской ловушки хотя бы в одной из двух торгующих стран (в аграрной стране это ведет к росту городского населения уже хотя бы за счет обслуживания торговли). Но при отсталом социальном строе, конечно, социальные последствия вовлечения аграрной страны в международную торговлю могут вести к иным результатам, чем в промышленно развитой стране: в частности к росту крепостной эксплуатации, как и было в Польше и других центральноевропейских и восточноевропейских странах. Поэтому мы предполагаем, что в принципе модель может быть в дальнейшем использована и для анализа ситуации с экспортом и импортом с учетом взаимодействия промышленного сектора и аграрного.

На рисунке приведена зависимость прироста производства сельскохозяйственной продукции ΔF от уровня дополнительных инвестиций ΔI , направленных на повышение производительности труда. В зависимости от конкретных условий отдача от инвестиций может быть низкой (кривая 1), но может быть и значительной (кривая 2). При низкой отдаче (кривая 1) дополнительные инвестиции не спасают ситуацию: рост спроса опережает возможности наращивания предложения, и мальтузианская ловушка сохраняется. При значительной и быстрой отдаче от инвестиций (кривая 2) прирост производства ΔF при дополнительных вложениях ΔG может удовлетворить возрастающий спрос $\Delta N \cdot A$. Если такая ситуация становится постоянной и повышение производительности труда успевает компенсировать потребительский спрос увеличивающегося населения, то мальтузианская ловушка исчезает. При этом демографические циклы прекращаются и начинается непрерывный рост населения, что мы и наблюдаем в Западной Европе начиная с XVI–XVII вв., когда мальтузианская ловушка впервые сработала не полностью (см. Рис. 2.1.16):

Рис. 2.1.16. Демографическая динамика в Европе (млн человек)

Примечание. Источник: McEvedy, Jones 1978.

Проиллюстрируем сказанное результатами компьютерных расчетов. Для этого в системе (1)–(5) необходимо конкретизировать выражения для G_a и F . Примем, что G_a состоит из двух частей: из затрат на личное потребление G_{an} и производственных затрат G_{au} , причем в G_{au} входят как краткосрочные вложения, так и долгосрочные инвестиции (G_{aub} и G_{auc} соответственно):

$$G_{au} = G_{aub} + G_{auc}. \quad (11)$$

Различие между краткосрочными вложениями и долгосрочными инвестициями заключается в том, что первые используются для получения урожая в текущем году, а вторые направлены на обеспечение будущего производства, на совершенствование технологий, развитие инфраструктуры и основных фондов, мелиорацию и т. п., поэтому реальная отдача от долгосрочных инвестиций происходит не сразу, а через определенный промежуток времени T .

Пусть производственные затраты составляют долю k от денежных накоплений арендаторов, а краткосрочные инвестиции составляют долю h от общих производственных затрат. Примем естественное предположение о том, что производственная функция F имеет вогнутый вид (удельная отдача от инвестиций снижается по мере увеличения объемов инвестиций). Данным условиям удовлетворяет, например, функция вида:

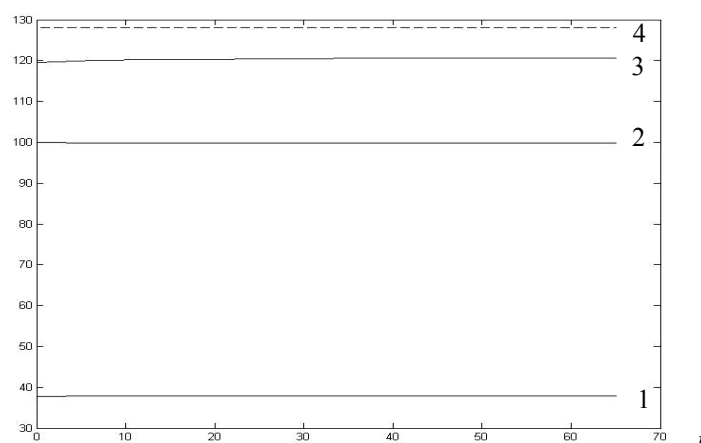
$$\begin{aligned} F(t) &= (1 + c \cdot G_{auc}(t - T)) \cdot (g \cdot G_{aub}(t)) / (G_{aub}(t) + g) = \\ &= (1 + c \cdot (1 - h) \cdot k \cdot U_a(t - T)) \cdot (g \cdot h \cdot k \cdot U_a(t)) / (h \cdot k \cdot U_a(t) + g), \end{aligned} \quad (12)$$

использовавшаяся при проведении расчетов. Здесь коэффициент c отражает отдачу от долговременных инвестиций, коэффициент g – отдачу от краткосрочных вложений³².

³² Заметим, что данная модель имеет качественный характер и не претендует на строгое количественное описание. В дальнейшем предполагается ее уточнение и конкретизация на основе имеющихся исторических данных.

Численное решение уравнений (1)–(5) с учетом (11) и (12) показывает, что если численность городского населения постоянна, то в системе формируется устойчивое равновесное состояние, денежные накопления арендаторов и ремесленников неизменны, а цены стабильны (см. Рис. 2.1.17):

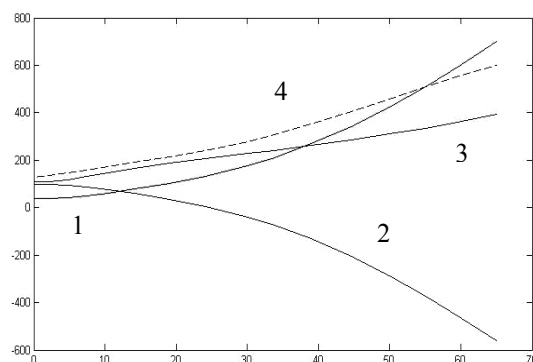
Рис. 2.1.17. Динамика денежных накоплений арендаторов (кривая 1), денежных накоплений ремесленников (кривая 2), объема производства сельскохозяйственной продукции F (кривая 3), уровня цен на сельскохозяйственную продукцию (пунктирная кривая 4) при неизменной численности городского населения

Примечание. Ось ординат — относительные единицы, ось абсцисс — годы.

В случае, когда городское население растет, спрос на сельскохозяйственную продукцию повышается, цены на нее начинают расти и денежные средства перетекают от ремесленников к арендаторам, что позволяет последним увеличивать инвестиции в производство. Однако если отдача от инвестиций низкая, то это не спасает ситуацию, что иллюстрирует Рис. 2.1.18.

Рис. 2.1.18. Динамика денежных накоплений арендаторов (кривая 1), денежных накоплений ремесленников (кривая 2), объема производства сельскохозяйственной продукции F (кривая 3), уровня цен на сельскохозяйственную продукцию (пунктирная кривая 4) при увеличивающейся численности городского населения и слабой отдаче от инвестиций

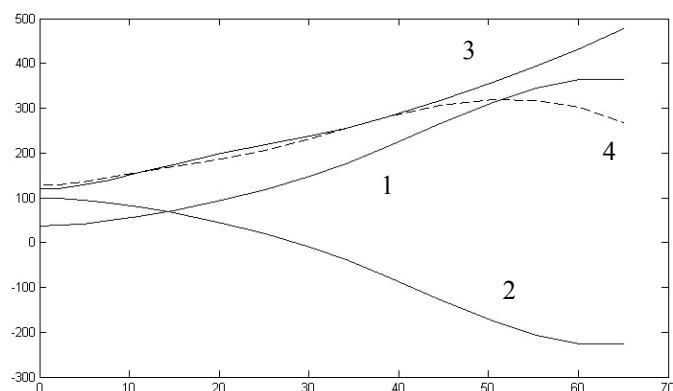
Примечание. Ось ординат — относительные единицы, ось абсцисс — годы.

При расчетах считалось, что городское население увеличивается на 4 % в год, коэффициент отдачи от долговременных инвестиций s принимался равным 0,02.

Видно, что в этом случае цены на продукты питания растут ускоряющимися темпами (кривая 4), обгоняя рост производства (кривая 3), а денежные средства городского населения неуклонно уменьшаются (кривая 2). Это неизбежно ведет к социальному кризису и демографическому коллапсу.

Однако если отдача от инвестиций превышает определенный порог, то увеличение производства оказывается способным компенсировать постоянно возрастающий спрос. Эту ситуацию иллюстрирует Рис. 2.1.19, на котором приведены результаты расчетов для случая, аналогичного предыдущему, но со значением $c = 0,05$.

Рис. 2.1.19. Динамика денежных накоплений арендаторов (кривая 1), денежных накоплений ремесленников (кривая 2), объема производства сельскохозяйственной продукции F (кривая 3), уровня цен на сельскохозяйственную продукцию (пунктирная кривая 4) при увеличивающейся численности городского населения и существенной отдаче от инвестиций

Примечание. Ось ординат — относительные единицы, ось абсцисс — годы.

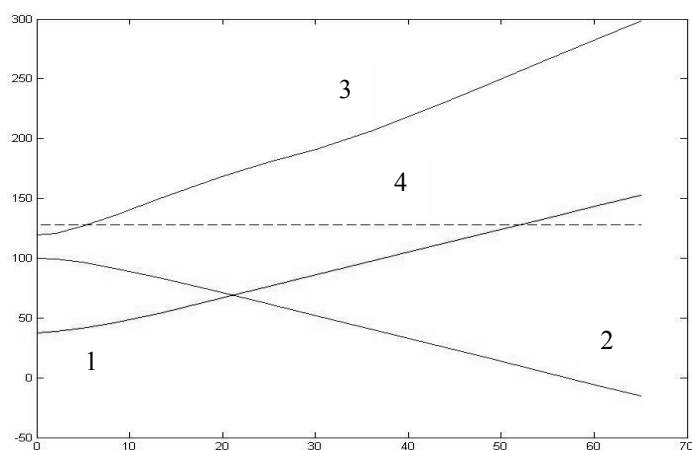
Видно, что в течение некоторого периода времени цена на продукты питания (кривая 4) повышается, затем стабилизируется и даже начинает падать, а накопления арендаторов и ремесленников (кривые 1 и 2) достигают равновесия на новом уровне. Причем видно, что к этому времени рост производства (кривая 3) начинает обгонять рост цен. Это обеспечивает финансовую стабилизацию и компенсирует возрастающий спрос. Это означает, что продовольственная проблема решена за счет опережающего роста сельскохозяйственного производства, обеспечивая выход из мальтузианской ловушки.

Однако это не является гарантией предотвращения социальных катастроф. Преодолев мальтузианскую ловушку, общество может попасть в новые ловушки (подробнее о них в следующих главах), в частности в мальтузианско-урбанистскую ловушку, характерную для преиндустриальных обществ. Выходом может служить переход к промышленному производству. Но и в такой ситуации есть опасность попасть в марксову (мальтузианско-марксову) ловушку, то есть в ситуацию, в которой при достаточно высоких темпах экономического роста и производства продуктов питания нарастает неравномерность распределения ресурсов между социальными слоями, что усиливает имущественное расслоение и социальную напряженность, которая может закончиться социальным взрывом³³. Наиболее обездоленными в этой ситуации являются недавние мигранты из деревни, в основном молодые и активные люди, и эти слои населения вносят наибольший вклад в создание предпосылок для социальных волнений.

³³ Как мы увидим в следующих главах, это подтверждается и эмпирическими данными.

Любопытно, что если в данной ситуации принудительно зафиксировать цены, то это даст не положительный, а *отрицательный* эффект: приток денег к арендаторам уменьшается, уровень инвестиций снижается и, несмотря на временное облегчение положения ремесленников, в конечном итоге кризис и демографический коллапс неизбежны (см. Рис. 2.1.20):

Рис. 2.1.20. Динамика денежных накоплений арендаторов (кривая 1), денежных накоплений ремесленников (кривая 2), объема производства сельскохозяйственной продукции F (кривая 3), уровня цен на сельскохозяйственную продукцию (пунктирная кривая 4) при увеличивающейся численности городского населения, существенной отдаче от инвестиций и фиксированных ценах

Примечание. Ось ординат – относительные единицы, ось абсцисс – годы.

Видно, что, несмотря на переток денежных средств к арендаторам (кривая 1), приводящий к определенному росту инвестиций и производства (кривая 3), этого оказывается недостаточно для того, чтобы переломить ситуацию: денежные накопления ремесленников неуклонно падают (кривая 2), рост производства не компенсирует рост городского населения и социально-демографический кризис неизбежен.

Данный пример расчета показывает, что повышение цен в фазе демографического «сжатия» способно сыграть объективно положительную роль и облегчить выход из мальтузианской ловушки.

Некоторые исторические пояснения

Таким образом, в зависимости от особенностей экономического поведения ключевых социальных групп, а также от существующих технологических возможностей повышения эффективности сельскохозяйственного производства возможны различные сценарии развития событий в фазе демографического «сжатия». При этом выход из мальтузианской ловушки возможен при выполнении сразу нескольких условий социального и технологического характера. Сложность одновременного выполнения сразу всех условий явилась причиной того, что, несмотря на длительную историю аграрных обществ, прошедших через большое количество демографических циклов, впервые все эти условия сложились лишь в Англии к концу XVI в. – и мальтузианская ловушка была там впервые частично преодолена. По стопам Англии пошла сначала Западная Европа, а затем и остальной мир: *произошел глобальный фазовый переход от преимущественно циклической динамики к непрерывному демографическому³⁴ и экономическому росту.*

³⁴ Вплоть до завершения первого и начала второго демографического перехода (см., например: Коротаев, Халтурина 2009: 5–45).

Но очень важным было то, что различные изменения в сельском хозяйстве и в целом в народном хозяйстве различных европейских стран, включая урбанизацию, развитие мануфактуры, рост торговли, в том числе хлебом и продуктами питания, готовили возможности для собирания всех необходимых условий в одном месте и в одно время (см.: Гринин 2006б). Уже в конце XIV – начале XV в. в ряде стран Западной Европы «выход из аграрного кризиса был достигнут путем значительной хозяйственной перестройки: развития наиболее товарных сфер сельского хозяйства, новой организации землепользования и труда в поместьях, более интенсивного использования природных ресурсов, особенно промышленного значения» (Сванидзе 1990: 412). С этого периода постепенно во Франции, Англии, северо-западной Европе начался процесс формирования фермерского и капиталистического хозяйств, шли изменения в агрокультуре: многополье, внесение неорганических удобрений, травосеяние, дренаж и мергелирование, особые способы обработки почвы и т. п.

Со второй трети – середины XV в. начинается хозяйственный подъем. Очень интересное свидетельство начала коренного изменения в принципе производства и развития европейской мир-экономики, а затем и формирования новой структуры Мир-Системы (см. выше) именно с XV в. можно увидеть в том, что с этого времени начинается завоз хлеба из отдельных стран в области, где его не хватало, «особенно перевоз хлеба и других сельскохозяйственных продуктов по морю, и рассказы об ужасах голода в качестве постоянного рефрена постепенно сходят со страниц хроник» (Сказкин 1968: 246). В условиях расширяющейся торговли нехватка хлеба в ряде мест (в связи с урбанизацией и ростом посевов технических культур) могла иметь для развития сельского хозяйства положительное значение. Торговля хлебом стремительно расширялась, а дефицит продуктов кое-где способствовал интенсификации сельского хозяйства³⁵.

8. Возможности выхода из мальтузианской ловушки

Основные условия выхода из мальтузианской ловушки

Обсудим условия, о которых шла речь, опираясь на результаты моделирования:

1. Основным условием выхода из мальтузианской ловушки является следующее: *темпы роста производства продуктов питания должны быть стабильно выше темпов роста населения*. В противоположном случае нехватка продуктов питания и демографическое давление неизбежно приведут к разбалансировке экосистемы и к социальным катаклизмам, которые в конечном итоге приведут количественный состав населения в соответствие с реальной емкостью имеющейся экологической ниши, но это будет очень болезненно для всего населения (включая как его рядовых представителей, так и элиту). Но отметим, что данное общее условие предполагает, что экономика в объеме всего общества или по крайней мере его крупных районов вполне позволяет реализовывать излишки продовольствия из одних мест в другие, где имеется его нехватка³⁶.

³⁵ Однако перевозка хлеба большими партиями на дальние расстояния отмечается не ранее XVI в. и при этом главным образом по водным – речным и морским – путям (более ранние перевозки могли быть только при особо благоприятных условиях, они отмечаются в Юго-Восточной Англии и в XIII в.) (Сказкин 1968: 208–209). По некоторым данным, большие партии хлеба вывозили в XVI в. из Польши в страны Европы. В частности, некоторые историки приводят данные, что из Гданьска ежегодно вывозилось до 220 тыс. тонн ржи (см.: Якубский 1975: 34), что, по нашим расчетам, могло прокормить до 1 млн человек, то есть треть населения Голландии или 20 % населения Англии того периода.

³⁶ В противном случае возможности выхода из мальтузианской ловушки даже при гипотетическом условии общего роста объема продовольствия в местах изобилия и их дефицита в других районах не существует (в чем-то похожая ситуация имела место в России в конце 1916 и начале 1917 г., когда при общем хорошем производстве продовольствия в стране сбой рыночных механизмов и сложности в работе транспорта привели к нехватке продуктов питания в Петрограде и других городах и в конечном счете к революции). Но еще важнее, что в отсутствие рынка роста производства не будет просто потому, что производители, которые потенциально могли бы это сделать, не будут иметь для этого стимула. До известной степени таким стиму-

Данное общее условие очень жесткое, поскольку естественные темпы роста населения (при отсутствии ресурсных ограничений или при очень слабых ресурсных ограничениях) в аграрных обществах могут быть весьма высоки (см., например: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007). Для аграрных обществ, использующих традиционные технологии сельскохозяйственного производства, это условие в принципе невыполнимо, поскольку данные технологии имеют естественный предел производительности труда. Выход здесь только один – жесткое ограничение численности общества (инфантицид, ритуальное убийство стариков и т. п.). Этот метод возможен и практикуется, например, в некоторых простых обществах с небольшой численностью населения. В сложных обществах с большой численностью населения демографический контроль затруднен, ограничения не такие жесткие. Соответственно эти общества попадают в мальтузианскую ловушку, и в них возобладает макродинамика по модели социально-демографических циклов (Там же).

2. Аграрное общество, основанное на *натуральном* хозяйстве, не способно вырваться из мальтузианской ловушки. Такое общество локально по своей экономической сути, а мальтузианская ловушка – эффект макроэкономический³⁷.

Необходимым (хотя и недостаточным) условием успешного выхода из мальтузианской ловушки является наличие *рыночного* сектора в сельскохозяйственном производстве. Должны быть арендаторы (или другие самостоятельные сельскохозяйственные производители), ориентированные на рынок и зависящие от него. Рынок через изменение цен вовремя сигнализирует об изменении спроса. С другой стороны, повышение цен дает производителям возможность за счет появившихся *дополнительных средств* расширить и интенсифицировать производство и тем самым снять возникшее напряжение. Без повышения цен взяться дополнительным средствам обычно просто неоткуда, поэтому оно – и индикатор бедствия, и средство, дающее шанс на его преодоление.

3. Дополнительные средства, появляющиеся у арендаторов вследствие повышения цен, должны направляться именно на *интенсификацию производства*, а не проедаться, и тем более не изыматься полностью у арендаторов землевладельческой элитой или государством (например, путем повышения арендных платежей или налогов). Последнее условие очень важно, но трудно осуществимо, поскольку государство и элиты, обладая силой и властью, естественно, будут стремиться изъять тем или иным образом у зависимых от них земледельцев-протофермеров возникающие дополнительные доходы (обыч-

лом иногда могут выступать налоговые требования государства (или повинности в пользу элиты), если государство обеспечивает условия для такого рода товарных или грузовых потоков и/или рыночного обмена. Но этот путь в отличие от развития рынка и частного производства очень ограничен. Таким образом, только в условиях развитой рыночной (и соответственно денежной) экономики при удовлетворительной транспортной системе и – еще лучше – при развитой внешней торговле продовольствием могут создаваться условия для выхода из мальтузианской ловушки. Фактически полный выход из мальтузианской ловушки может произойти только в масштабах больших, чем одна страна, и, скорее, уже в надобщественных системах, в которых проявляется мир-системный эффект. Пример общества, в котором при почти полной изоляции прослеживается тенденция к формированию условий к выходу из мальтузианской ловушки за счет внутрирайонной специализации, товаризации, монетизации хозяйства и прочих процессов, представляет собой Япония периода сегуната Токугавы, особенно в XVIII – первой половине XIX в. (см., например: Макаренко 1986). Однако в условиях отсутствия внешнего рынка внутрирайонной специализации оказывалось недостаточно, поэтому в случае сильных неурожаев наиболее продвинутые в промышленном и торговом отношении территории могли страдать сильнее из-за фактической невозможности купить продукты питания, как это случилось, например, с развитым княжеством Мариока в 1756, 1783 и 1832–1838 гг. (Макаренко 1986: 92–94).

³⁷ Важно подчеркнуть, что в условиях натурального или полунатурального хозяйства не только не создаются условия выхода из мальтузианской ловушки, но, по-видимому, как правило, не возникает и самого феномена «вековых» социально-демографических циклов, по крайней мере в том развитом их виде, о котором обычно пишут. Если экономика представляет собой островки натурального хозяйства, то демографические ограничители и включаются намного раньше, не давая населению вырасти до размеров, когда возникает опасность крупномасштабного социально-демографического коллапса, и чаще социально-демографические кризисы приобретают формы локальных бедствий. Даже патогенные факторы по-иному ведут себя в условиях такой экономики (Коротаев, Малков, Халтурина 2007; Гринин, Коротаев 2009a).

ная политика – не давать мужичью «обрастать шерстью» и «стричь его»). Чтобы этого не произошло, права арендаторов (и иных фермеров и протофермеров) должны быть надежно защищены, должна иметься возможность апеллировать к закону, в государстве должны существовать правовые традиции. Но самая благоприятная ситуация – когда рыночными производителями сельхозпродукции являются сами землевладельцы, представители элиты (хотя бы даже и самого низшего ее эшелона), являющиеся собственниками своей земли и независимые в своих действиях. Таковыми были фермеры и джентри (йомены, новые дворяне, фригольдеры, городские предприниматели) в Англии, купеческие и городские компании в Голландии³⁸. В частности, в Англии в XVI в. и первой половине XVII в. для верхнего слоя йоменов появились дополнительные возможности покупки земли вследствие секуляризации монастырских земель, продажи королевских земель и начавшегося в этот период освоения новых участков – лесов, пустошей, болот (Штокмар 2005: 134).

4. Для того, чтобы вложения (инвестиции) в сельскохозяйственное производство давали устойчивый прирост продукции, превышающий уровень демографического давления (см. Рис. 2.1.15), необходимы соответствующая технологическая база, инновационное мышление, необходимый уровень ремесленного (промышленного) производства для повышения механизации труда. Это жесткие условия, впервые они сложились в Голландии и Англии в XVI в.

5. Демографическое давление должно существовать (оно обеспечивает устойчивое увеличение спроса на сельскохозяйственную продукцию и стабильный приток к производителям дополнительных финансовых средств), но темп демографического роста не должен быть слишком сильным (иначе технические инновации и повышение производительности труда не смогут его скомпенсировать). То есть нужно умудриться проплыть между Сциллой и Харибдой слишком высокого и слишком низкого демографического давления. В обществе должны существовать механизмы удержания демографического давления на требуемом *умеренном* уровне в течение максимально длительного периода времени. В больших континентальных странах (типа Китая) это практически невозможно – некуда девать избыточное население, и демографическое переполнение рано или поздно происходит, инициируя социальные катаклизмы (см. об этом в Главе 4 Раздела 2 и других). В этом смысле наиболее благоприятная ситуация складывается в небольших прибрежных (или островных) государствах, активно занимающихся внешней торговлей: в них избыточное население идет в моряки и рыбаки, уплывает в далекие колонии, смягчая демографическую обстановку внутри страны. В древности так было, например, в Финикии и Греции, в более поздние времена – в Нидерландах и Англии.

Другим способом долговременного избыточного снятия демографического напряжения является регулирование брачности и рождаемости. Как уже говорилось, в сложных обществах такое регулирование реализовать проблематично: нужны культурные императивы, например религиозные запреты. Однако в Западной Европе к XV в. в отсутствие религиозных запретов удалось сформировать особую модель брачности, ограничивающую демографический рост. Характерными чертами этой модели были: высо-

³⁸ В частности, в сельском хозяйстве Англии новый тип владельцев осваивал пустоши и осушал болота, чтобы без помех со стороны общин устраивать пастбища, вводить усовершенствования. Еще более активно развивалось создание новых сельскохозяйственных угодий (польдеров) в Голландии, имевшей многовековой опыт отвоения земель у моря. При этом откачка воды производилась специальными двигателями, работающими на ветряной энергии. Согласно данным А. Н. Чистозвонова (1978: 162), способами пolderизации и приращения земель путем создания дамб в Голландии было осушено: в 1590–1615 гг. – 36 213 га; в 1615–1640 гг. – 44 574; в 1640–1665 гг. – 29 090; в 1665–1690 гг. – 12 380; в 1690–1715 гг. – 12 535; всего – 134 792 га, на что пошло до 150 млн гульденов. При этом пolderы в основном становились районами высокотоварного растениеводческого или животноводческого хозяйства, а арендная плата на таких землях была очень велика. Пolderизация сильно способствовала росту числа фермеров-капиталистов. Особенно интересно, что государство активно поощряло такого рода инвестиции (Там же; см. также: Удальцова, Карпов 1990: 159; о развитии пolderов и осушении болот в Европе в последующие века см.: Винокурова 1994: 265–266).

кий процент людей, не вступивших в брак (от 10 до 25 % взрослого населения), и весьма зрелый возраст, в котором заключалась часть браков (например, в Англии в XVII в. средний возраст вступления в брак для женщин составлял 24–25 лет) (Мельянец 1996: 88, 234). Существовали и прямые запреты на браки до определенного возраста, например, для учеников мастеров в городах в той же Англии (см.: Тревельян 1959: 214) и в других странах Европы.

6. Во время «фазы сжатия» социальная система уязвима. Относительная перенаселенность в сельской местности, переезд значительных масс народа в города, вынужденная безработица, сложность адаптации к новым условиям повышают конфликтность и социальную напряженность, провоцируют применение силовых методов как со стороны власти (для сохранения управляемости), так и со стороны населения (для отстаивания своих интересов). В «фазе сжатия» усиливается не только внутренняя, но и внешняя конфликтность, учащаются завоевательные и гражданские войны, повышается общий уровень насилия. С другой стороны, как было отмечено выше, для выхода из мальтузианской ловушки необходимы политическая устойчивость и стабильное развитие рыночных отношений. Налицо противоречие, разрешить которое очень сложно. Однако это удалось Тюдорам в Англии в XVI в. (особенно в правление Елизаветы I), которые, несмотря на внутренние мятежи и военно-политическое противостояние всей католической Европе, смогли обеспечить условия для интенсивного экономического развития страны. Проблемы, возникшие в это время в связи с появлением большого количества бездомных из-за массовых «огораживаний» (процесс расширения рыночного сектора в сельском хозяйстве), решались жестко (см. знаменитые законы против бродяг и нищих). С другой стороны, Тюдоры при всех колебаниях довольно последовательно вели политику сдерживания «огораживаний» (см., например: Штокмар 1962; Тревельян 1959). При Елизавете социальная политика несколько смягчается, в том числе совершенствованием законов о помощи бедным (Там же). Избыточное и/или наиболее активное население уходило в города, но и оставаясь в деревне, экономически активное население широко занималось различными промыслами, особенно связанными с переработкой шерсти (позже и хлопка). Можно упомянуть также, что возросла та часть людей, которая занималась морскими промыслами (в частности, по словам Дж. М. Тревельяна, рыболовы были любимцами правительства [1959: 212]), в том числе активно развивалось корсарство и пиратство (чему королевская власть не препятствовала, а, наоборот, способствовала)³⁹. Помогло Англии решить задачу выхода из мальтузианской ловушки также то, что она была открытой (а не замкнутой, как Китай) экономической системой и могла получать дополнительные ресурсы за счет активной внешней торговли, а также «сбрасывать» свое избыточное (а главное, очень беспокойное) население в заморские колонии (правда, активно только с первой трети XVII в.). К тому же Англия была островом, что делало ее развитие более безопасным, уменьшая угрозу внешних вторжений (внешние вторжения чрезвычайно опасны на стадии «сжатия»: они могут досрочно «обвалить» социально-демографический цикл, ускорив наступление политико-демографического коллапса, что происходило неоднократно в истории континентальных государств).

Выводы и итоги

Таким образом, наши основные предварительные выводы выглядят следующим образом:

1. Традиционное аграрное общество, основанное на *натуральном* хозяйстве, не способно преодолеть мальтузианскую ловушку, его долгосрочная динамика детерминирована прежде всего именно социально-демографическими циклами.

³⁹ По некоторым, вероятно, завышенным данным, в царствование Елизаветы I английские пираты принесли своей стране доход в 12 млн фунтов – огромная по тем временам сумма (Форстер 1955: 147). Только за один поход в конце 1570-х гг. адмирал Ф. Дрейк захватил у Испании, по данным испанцев, добычи на 700 тыс. ф. ст. (Дмитриева 1998: 103).

2. Необходимым условием выхода из мальтузианской ловушки является наличие серьезного *рыночного* сектора в сельском хозяйстве и в целом в обществе и достаточно развитой технологической базы, способной обеспечить устойчивый и непрерывный рост производительности сельскохозяйственного труда.

3. Выход из мальтузианской ловушки возможен в «фазе сжатия» на фоне роста цен на сельскохозяйственную продукцию. При этом должен выполняться ряд достаточно жестких и противоречивых условий, несоблюдение которых переводит «фазу сжатия» в фазу демографического коллапса. Таким образом, при определенных условиях рост цен на сельскохозяйственную продукцию начинает играть роль драйвера, способствующего поиску механизмов выхода из мальтузианской ловушки (а не скатывания к демографической катастрофе). Но, разумеется, при неуправляемом процессе выхода возникают многочисленные социальные перекосы и напряжения (об этом см. также ниже и в Главах 2 и 3 настоящего раздела).

4. Эти условия впервые были выполнены в XVI в. в Англии, которой впервые удалось начать *контрмальтузианскую* модернизацию. Вслед за ней пошли другие страны.

9. Дополнения и пояснения

Дополнение 1. Добавочные соображения. Вопрос о ренте

Добавим в заключение еще некоторые соображения, которые мы собираемся учесть при дальнейшей разработке математических моделей выхода из мальтузианской ловушки:

- Высокие цены устремляют интересы товаропроизводителей прежде всего в те отрасли, которые наиболее выгодны, поэтому на первых порах производится именно наиболее выгодная продукция (например, производство льна на плодородных отвоеванных у моря землях [польдерах] всего с 0,65 га могло обеспечить средствами к существованию целую голландскую семью [Винокурова 1994: 268]). При понижении цен на хлеб земли использовались под виноград, иные культуры или под пастбища (Там же: 264). Высокие цены позволяют наиболее выгодно использовать капитал, в том числе на окультуривание новых земель. Например, только в результате деятельности графов Бедфордов и их последователей по мелиорации и осушению болот в XVII–XVIII вв. к «обрабатываемой площади королевства прибавилась новая область длиной 80 миль и шириной от 10 до 30 миль» (Тревельян 1959: 138, 244–247). По словам Дж. М. Тревельяна, «победа над природой в заболоченных местностях была одержана благодаря *накоплению капитала и его вложению в предприятие*, заранее широко задуманное людьми, которые готовы были рискнуть большими средствами и ждать, пока они окупятся через двадцать лет или через еще больший срок. Осушение болот давно было известно в мировой истории, но в нашей стране оно представляет собой один из первых примеров действия современных экономических методов и поэтому заслуживает быть специально отмеченным в социальной истории» (Там же: 247–248; выделено нами. – *Авт.*). В результате такого рода процессов к середине XVIII в. Англия не только полностью обеспечивала себя зерном, но более того, «экспорт зерновых из Англии к 1750 г. достиг 200 тыс. т, или 13–15 % внутреннего потребления страны. В связи с этим Англию в XVIII в. называли зернохранилищем Европы» (Галич 1986: 191 со ссылкой на: Baigoch 1971: 30). В целом в XVIII в. (в конце которого вышла в свет знаменитая книга Мальтуса) экономико-демографическая динамика Англии не была мальтузианской, так как темпы роста сельскохозяйственного производства здесь обгоняли темпы демографического роста: «...за столетие (1700–1800) английское сельское хозяйство удвоило свою продукцию при росте населения страны с 5,5 млн до 9 млн», то есть при росте продуктов питания на 100 % население выросло на 64 % (Рейснер 1986: 233; см. также: Манту 1937: 127; Тревельян 1959: 358; Baigoch 1971: 47). Однако в прежние времена рост населения на две третьих, скорее всего, вызвал бы социально-демографическую катастрофу. При этом надо учитывать реальное снижение смертности (см. выше).

- Высокие цены запускают процесс, в результате которого разрушаются старые обычаи и сельхозтехнологии. Но, конечно, это социально тяжелый процесс. Именно таковы были «огораживания», которые, однако, способствовали наиболее производительному использованию земли (см., например: Дмитриева 1990). Прогресс сельскохозяйственной техники в XVI в. почти незаметен: новшества касались в основном методов землепользования. От традиционных двухполья и трехполья стали все чаще переходить к более сложным севооборотам с интенсивным использованием земель, ранее оставшихся под паром. Большой популярностью стали пользоваться бобовые, а также клевер, чередовавшийся с зерновыми: он обогащал почву и к тому же был прекрасным кормом для овец. Эта система зародилась в тех графствах, которые всегда были житницей Англии и основными поставщиками зерна – Кенте, Суррей, Эссексе, Норфолке, и в скором времени получила широкое распространение. Следующим шагом вперед в интенсификации зернового хозяйства стала более сложная система так называемого «обращаемого земледелия» (*convertible husbandry*) (Thomas 1967; Clarkson 1971). Суть ее состояла в том, что пашне позволяли на несколько лет естественным путем зарастать травой и оставляли ее «отдыхать» на 7–12 лет, в течение которых она служила пастбищем для овец или крупного скота, то есть продуктивно использовалась. Затем землю вновь распахивали и 5–7 лет выращивали на ней зерновые. Предельный срок составлял 12 лет, иначе дальнейшая распашка привела бы к окончательному уничтожению корневой системы трав, и это не позволило бы им восстанавливаться. Зерновые сеяли в следующем порядке: овес – ячмень – пшеница. Система «обращаемого» земледелия давала более высокий урожай как зерна, так и трав (Дмитриева 1990: 8–9).
- Стремление к прибыли также ведет к уменьшению праздности и праздных затрат, что повышает общий объем производства. Так, у английских фермеров появилось много помощников, но, как указывал автор XVI в. Томас Смит: «Те по большей части являются фермерами у джентльменов, кто занимается скотоводством. Они часто ездят на рынок и держат слуг не в праздности, как джентльмены, а так, чтобы они могли заработать на жизнь и себе, и хозяину» (цит. по: Дмитриева 1990: 29). Отметим также, что протестантизм отменил много праздников, в результате чего количество рабочего времени в протестантской Европе увеличилось (Мельянцева 1996: 88). В целом среднее число отработанных часов на одного занятого в год, по оценкам В. А. Мельянцев, увеличилось в Европе с 2400–2600 в XII–XIII вв. до 2700–2900 в конце XVII – середине XVIII в., то есть на 10–12 %.

Остановимся теперь на проблеме изменения земельной ренты в Англии. Хотя, как уже выше было сказано, в теории видится, что земельная рента не может постоянно и длительно расти быстрее, чем цены на продукцию фермеров, и в целом должна существовать определенная пропорция между изменениями цен и изменениями ренты⁴⁰, однако на практике могли возникать сильные диспропорции в ту или иную сторону в течение довольно длительного времени, что могло играть как положительную, так и отрицательную роль в плане возможностей выхода из мальтузианской ловушки.

Приведем еще раз мнение Дж. М. Тревельяна (1959: 141–144). Между 1500 и 1560 гг. цены, которые лендлорд должен был уплачивать для удовлетворения собственных и своей семьи с домохозяевами нужд, поднялись больше чем в два раза, цены на продукты питания выросли почти в три раза (Там же: 143). Размеры рент же в целом оставались прежними.

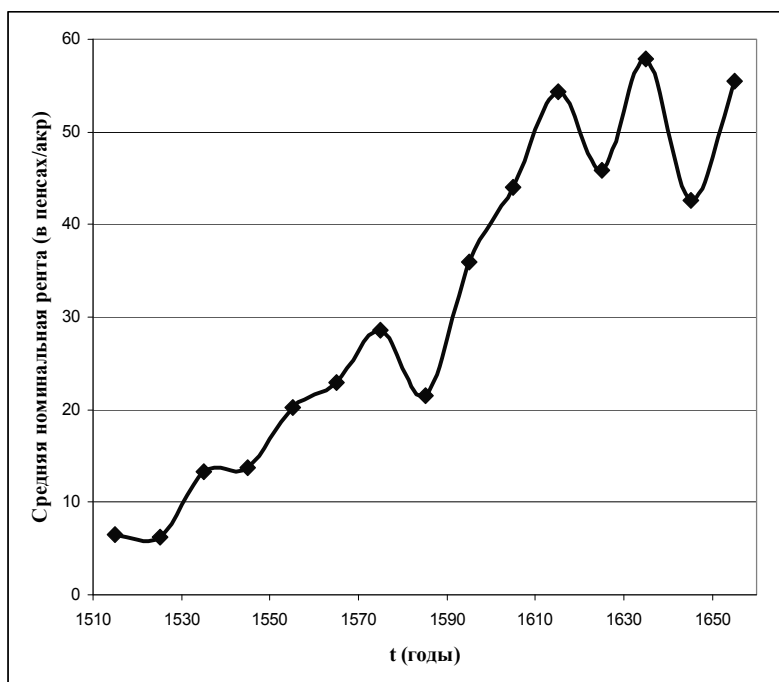
⁴⁰ Такая ситуация невозможна даже в условиях неограниченной власти землевладельца над своими арендаторами, хотя усиление эксплуатации может принимать драматичные формы (как, например, наблюдалось при некоторых формах пеонажа в Латинской Америке). Но в условиях среднего и крупного фермерства при краткосрочной аренде длительное превышение пропорций в пользу ренты просто приводило к тому, что фермеры переставали стремиться к этому роду предпринимательства, спрос на аренду земель ослабевал, и рента уменьшалась. Интересные сведения о колебаниях ренты в районе Парижского бассейна в 1620–1710 гг. приводит А. Д. Люблинская: из них видно, что в целом рента повышалась или понижалась вслед за соответствующими изменениями цен на зерно и за уровнем доходов арендаторов (Люблинская 1978: 152–154). И там же имеются подтверждения, что повышение цен на зерно способствовало росту активности арендаторов.

Однако здесь надо иметь в виду, что прежней рента оставалась, только пока действовал старый арендный договор. Вместе с тем при окончании сроков аренды и возобновлении арендных прав рента могла резко повышаться, что часто вело к разорению тех, кто попадал в такую ситуацию. Таким образом, относительно быстрые и плохо регулируемые перемены вели к резкому обогащению одних и разорению других, но в целом процесс канализировался стремлением получить как можно больше выгоды от растущих цен на продукты сельского хозяйства (и соответственно цен на землю и ренту). В результате одна группа фермеров и протофермеров копила деньги, не платя дополнительной ренты, в то время как на другую группу – социально неотличимую от первой, исключая лишь сроки их аренд или юридические формы их держаний, – нажимали все больше, чтобы получить компенсацию за то льготное положение, в котором находились другие. Согласно Дж. М. Тревельяну, йомен-фригольдер, который не платил лендлорду манора никакой ренты или лишь чисто символическую, продавал свое зерно и скот в три раза дороже той цены, по которой мог бы продать его дед. Таким образом, в то время как некоторые лица чрезмерно наживались и процветали, другие, включая многих лендлордов и сквайров, оказались в поистине бедственном положении.

Динамику движения рентных платежей в результате изменения условий договоров можно увидеть из следующих таблиц и графиков (см. Табл. 2.1.1–2.1.2 и Рис. 2.1.21–2.1.22). Однако, подчеркнем, при интерпретации Табл. 2.1.1 и Рис. 2.1.22 совершенно необходимо учитывать следующие обстоятельства: 1) речь здесь идет о средних размерах ренты *при заключении новых арендных договоров (в то время как арендная плата по действующим договорам оставалась той же)*; 2) речь здесь идет не об Англии в целом, а лишь об одном конкретном комплексе землевладений (*The Herbert Estates*). См. также ниже Примечание 41.

Табл. 2.1.1. Динамика номинальной земельной ренты в Англии, 1510–1660 гг.

<i>Декада</i>	<i>Средняя рента (в пенсах с акра)</i>
1510–1519	6,562
1520–1529	6,235
1530–1539	13,283
1540–1549	13,796
1550–1559	20,192
1560–1569	22,902
1570–1579	28,551
1580–1589	21,577
1590–1599	35,927
1600–1609	44,070
1610–1619	54,405
1620–1629	45,867
1630–1639	57,838
1640–1649	42,572
1650–1659	55,447

Рис. 2.1.21. Динамика номинальной земельной ренты в Англии, 1510–1660 гг.

Источник: Kerridge 1953: 25, Table II.

Табл. 2.1.2. Динамика реальной земельной ренты в Англии, 1460–1815 гг.

Год	Средняя реальная рента (в условных единицах)
1462	1,1752
1487	1,2217
1512	1,0736
1537	1,3542
1562	0,7887
1587	4,1571
1612	5,3031
1637	4,3822
1662	4,2364
1687	4,2230
1712	7,1223
1737	6,6528
1762	6,1794
1787	5,3608
1812	5,3611

Рис. 2.1.22. Динамика реальной земельной ренты в Англии, 1460–1815 гг.

Источник: Allen 1992. Цит. по: Turchin, Nefedov 2009: Table 3.3.

Как видно из вышеприведенных таблиц и графиков, в течение основной части XVI в. реальная рента росла крайне слабо, периодами существенно понижаясь. Но затем в последние десятилетия этого и первые десятилетия следующего XVII столетия ее рост резко ускорился⁴¹.

Причины отставания роста ренты от роста цен мы уже объясняли. Причины ее быстрого роста также вполне понятны. Отставание уровня ренты от уровня цен не могло длиться бесконечно. Важно, что это достаточно случайное обстоятельство уже объек-

⁴¹ Стоит обратить внимание на то, что, хотя общая динамика роста ренты у Э. Керриджа и Р. Аллена совпадает, однако амплитуда изменений различается очень сильно. В отличие от П. В. Турчина мы считаем, что эта разница происходит не только от того, что одна работа более современна нам, чем другая (а также от того, что в одном случае рассматривается динамика номинальной ренты, а в другом — реальной), но и по причине того, что в этот период изменения рент в разных районах Англии и даже в одних и тех же районах, но у разных арендаторов и землевладельцев очень сильно колебались, что было связано с одновременным прекращением арендных договоров, сильной дифференциацией стоимости земли в зависимости от близости к городам и прочим экономическим обстоятельствам и т. п., о чем мы уже говорили и еще скажем ниже. Согласно О. В. Дмитриевой (1990: 18), опирающейся на данные упомянутой нами выше работы Э. Керриджа (Kerridge 1953) и исследования А. Н. Савина, размеры ренты значительно возросли в последние десятилетия XVI в. В графстве Дербшир за период 1543–1584 гг. они увеличились в четыре раза, в Норфолке и Сэффолке за 1590–1600 гг. — в шесть раз, в Уорвикшире за 1556–1613 гг. — в три раза, в Эссексе за 1566–1651 гг. — в четыре раза, а в отдельных манорах Норфолка — в семь — десять раз. Стоит обратить внимание, что изменения происходили неодинаково в разных манорах. В качестве еще одного примера резких дифференциаций укажем, что к концу столетия так называемые *файны*, то есть плата за допуск к держанию арендатора при перезаключении договоров или наследовании, очень резко изменились. Как указывает О. В. Дмитриева (1990: 18) со ссылкой на В. Ф. Семенова (1964: 248–249), наиболее резкий скачок *файнов* за весь XVI — начало XVII в. пришелся на десятилетие с 1592 по 1602 г. В это время они поднялись настолько, что их соотношение с размерами самой ренты выражалось как 50:1, 60:1. Для сравнения отметим, что в начале царствования Елизаветы I оно составляло 20:1. Однако ясно, что такие допуски к держанию составляли ежегодно только небольшой процент от общего числа арендаторов и, естественно, в разных местах происходили в самое разное время и на самых разных условиях. Таким образом, вывести среднюю цену аренды и особенно ее изменения представляет собой крайне сложную задачу, у которой имеется не одно, а несколько решений. К слову сказать, такой разброс арендных платежей не был характерен только для Англии. Поразительным было также, по мнению А. Д. Люблинской, разнообразие размеров арендной платы и в некоторых районах Франции, где в одной и той же местности она могла колебаться в пределах 1–3 мер зерна (даже не денег!) с единицы площади (Люблинская 1978: 143).

тивно сыграло положительную роль в запуске механизма перестройки английского хозяйства на рыночный лад и повышения мотивации к росту производительности и товарности. По простой экономической логике раньше или позже диспропорция должна была быть устранена, иначе экономическая система разрушилась бы. Историческая же логика говорит о том, что к концу столетия рента существенно повысилась как по причине того, что сроки прежней (традиционной и потому льготной) аренды уже почти везде кончились и были заключены новые более выгодные землевладельцам договоры и часто на более короткий срок (так называемые *лизы*), так и по причине роста населения, роста цен и ценности земли (что резко усилило конкуренцию фермеров за аренду земли, приносящей высокую прибыль); следует учитывать также изменения состава землевладельцев и прочие обстоятельства. О некоторых из них мы скажем ниже. Но прежде отметим: в согласии с вышеизложенной экономической логикой, по которой после скачка размеры ренты должны были прийти в определенное равновесие с ценами и доходностью земли, из таблицы видно, что на протяжении почти всего XVII в. при неизбежных колебаниях ренты столь драматических скачков все-таки уже не было (новый скачок произошел уже в конце XVII – начале XVIII в.; рассмотрение его причин выходит за рамки данной главы).

Возвращаясь к причинам скачка стоимости рент, отметим, что в его основе лежал не только «наросший» за десятилетия дисбаланс между инфляцией и доходами землевладельцев, не только усилившееся демографическое давление, но и (что особенно важно для нашего исследования) *резко возросшая доходность земли* вследствие перевода хозяйства на фермерский и рыночный уклад. В результате этого обострилось стремление использовать землю именно для извлечения максимальной из нее прибыли, что было гораздо менее присуще феодализму прежнего времени (выше мы приводили цитату из Дж. М. Тревельяна на эту тему), а было знамением совершившегося (под влиянием в том числе и постоянного роста цен) аграрно-экономического переворота. Фактически повышение рент и иных платежей за землю, изменение формы арендных договоров и прочее означали слом прежнего аграрного строя, когда держатели земли, говоря словами одной жалобы, могли спокойно владеть держанием за уплату древних традиционных рент. *Теперь для держания земли требовалось добиваться ее максимальной доходности.*

Приведем подтверждение сказанному, опираясь на исследование О. В. Дмитриевой (1990: 18 и далее), согласно которой конечной целью лендлордов при повышении фэйннов (платы за переход земли к новому владельцу) во многих случаях было вытеснение обычных держателей с земли, на что последние неоднократно жаловались в суды, органы государственного управления, Тайный совет. Но поскольку процесс «выживания» обычных держателей с земли шел довольно медленно и наталкивался на сопротивление крестьян, их апелляции к традициям и законам, в ряде случаев лендлорды прибегали к более радикальным мерам – прямому насилию, огораживаниям общинных угодий и пашни, в результате которых часть крестьян изгонялась со своих наделов. «Освободившиеся» таким образом земли лендлорды использовали по-разному, в частности сдавали мелким арендаторам-лизгольдерам (крестьянам, порой вчерашним держателям «по обычаю»). Однако условия *лиза* были иными: договор, как правило, заключался на короткий срок и давал собственнику земли неограниченные возможности для увеличения арендной платы при его перезаключении.

Но для нас очень важно, что чаще лендлорды сдавали значительные площади в аренду крупным фермерам, использовавшим для их обработки наемный труд. Арендная плата, взимаемая с фермера, была значительно выше традиционных крестьянских платежей, она измерялась десятками фунтов стерлингов, в то время как обычные держатели платили лендлорду несколько шиллингов. Погоня за свободной землей заставляла зажиточную крестьянскую верхушку активно прибегать к аренде земли у лендлордов. Спрос на земельные участки необыкновенно вырос. Современник описываемых процессов,

член одной из правительственных комиссий по «огораживаниям» Джон Норден отмечал: «Какое-то безумие овладело держателями, они наперебой, состязаясь друг с другом, стремились захватить землю, дав за нее больше». Но это привело к формированию во второй половине XVI в. значительной прослойки крупных фермеров-арендаторов (Дмитриева 1990: 24).

Итак, если аренда с фермеров могла столь существенно возрасти, значит, производительность и доходность фермерского хозяйства была принципиально выше, чем у крестьян. Следовательно, подобно тому, что Ф. Бродель говорит о высоких ценах на товары, и высокая рента на землю иногда означает, что сельское хозяйство стало высокопроизводительным (то есть в существенной мере обратное тому, что утверждает демографически-структурная теория), хотя, естественно, как и высокие цены, так и высокая рента били по бедным слоям. Но в целом такая динамика цен вела в определенном измерении к очевидному прогрессу на пути к выходу из мальтузианской ловушки.

Таким образом, по нашему мнению, столь драматический взлет рент означал своего рода революцию в правах на землю, когда владельцы земли, пользуясь любым случаем, вытесняли прежних держателей с их необременительными рентами и договорами длительностью в десятки лет. А как любой революционный переворот, этот тоже не мог идти без ломки старых структур (интересные данные об этом процессе и его идейном осмыслении приведены в исследовании Ю. М. Сапрыкина [1972]). Взлет арендной платы и иных платежей за землю, ухудшение положения арендаторов, которые все еще вели хозяйство по старинке, не хотели или просто не могли перестроиться, и были платой за такую революционную ломку.

Дополнение 2. Некоторые соображения и гипотезы о влиянии несельскохозяйственного и городского населения на общий баланс производства и потребления продовольствия в доиндустриальных и раннеиндустриальных обществах

В данном дополнении мы бы хотели высказать некоторые гипотезы, предположения и сделать предварительные выводы, которые могут послужить основой или отправной точкой для дальнейших исследований. Поэтому, естественно, не все тезисы в этом приложении в полной мере аргументированы.

Аграрный город и промышленное село

Мы считаем, что вопреки распространенным представлениям рост урбанизации в сверхсложных аграрных обществах может в определенных случаях вести не к ухудшению общей обеспеченности населения продовольствием, а даже (в определенных временных отрезках) к некоторому его улучшению – через рост продуктивности сельского хозяйства. Речь идет даже не о технологическом влиянии городского ремесла на развитие сельского хозяйства, что также нельзя игнорировать (ниже мы приводим некоторые сведения на этот счет)⁴². Но более важным представляется влияние развития рыночных и товарно-денежных отношений на развитие аграрного производства. Естественно, рынок шире городского сектора, но поскольку города являются важнейшими рыночными узлами, а горожане – важнейшими рыночными игроками, то уровень урбанизации, как правило, можно рассматривать как косвенный индикатор роста товарности аграрного производства⁴³.

⁴² Следует также иметь в виду довольно важный, хотя в целом и тривиальный, момент (в экономической науке даже хрестоматийный, поэтому далее мы о нем уже не говорим), который заключается в том, что крестьяне, приобретая готовые продукты, могут уже не тратить время на их кустарное изготовление, а потому у них остается больше времени и энергии на повышение производства продовольствия, которое они должны продать, чтобы иметь нужные городские товары.

⁴³ Разумеется, огромную роль в плане интеграции аграрных регионов в какой-то оформленный экономический район играли не только города, но и ярмарки (см., например: Epstein 1994: 464), однако, как правило, наибольшее число ярмарок появлялось именно в наиболее развитых районах (Там же: 465), где было также наибольшее число городов. К тому же надо иметь в виду, что нередко на месте «торжка» или ярмарочного центра раньше или позже все же вырастал город.

Мы также хотели бы возразить против распространенных, хотя и не всегда явно выражаемых, представлений о том, что в условиях аграрно-ремесленной экономики рост числа горожан всегда является, по сути, растущим бременем на «шее» аграрного населения, и без того постоянно беднеющего из-за увеличивающегося демографического давления и обезземеливания. Такое представление, по-видимому, во многом связано с тем обстоятельством, что наиболее распространенные модели, созданные на основе демографическо-структурной теории, строятся на допущении о том, что потенциальный объем производства аграрного сектора (емкость среды) является **жесткой (неэластичной)** величиной, заданной внешними факторами, и когда емкость среды в связи с ростом населения исчерпывается, наступает демографическая катастрофа. Нам уже приходилось писать о том, что здесь недоучитывается достаточно большая эластичность аграрной экономики сверхсложных обществ и развитых государств, зависящая от таких динамических величин, как уровень технологического развития, внутренняя стабильность, мотивация производителей, развитость рынка и т. д. (Коротаев 2006; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин 2007а, 2007б; Гринин, Малков, Гусев, Коротаев 2009).

Ниже мы покажем некоторые механизмы, благодаря которым рост урбанизации и рыночных отношений может повышать производительность и доходность сельского хозяйства, но сначала следует указать на несколько существенных моментов, которые не полностью учитываются демографическо-структурной теорией, *но которые при учете могут существенно изменить картину динамики баланса производства пищевых ресурсов в условиях роста населения.*

А) Отток людей из села в большинстве случаев не уменьшает сельскохозяйственного производства и вместе с тем уменьшает степень перенаселения в селе, предотвращая (хотя бы частично) падение производительности аграрного сектора. Следовательно, общее производство пищевых ресурсов могло расти в том числе и за счет более рационально используемого рабочего времени и большей отдачи от трудозатрат. При этом суммарный ВВП заметно растет, так как при том же (или даже большем) объеме производства пищевых ресурсов производится еще определенное дополнительное количество непищевых ресурсов и услуг в городах. Поскольку в доиндустриальных обществах деревенские жители обычно имели довольно много свободного времени (см., например: Коротаев 1991), они могли временно переселяться в города. Таким образом, число обитателей многих доиндустриальных городов в каждый данный момент времени (в особенности вне сезонов интенсивных сельскохозяйственных работ) включало в себя очень заметное количество временных отходников из сельской местности.

Б) В моделях иногда представляется, что горожане выступают чистыми потребителями пищевых ресурсов, поэтому рост городского населения означает чистый вычет продовольствия, потребляемого горожанами, из общей массы произведенного сельчанами. Однако это неверно. Дело в том, что огромное количество горожан также частично занималось земледелием, особенно огородными и садовыми культурами, часто наиболее рыночно дорогими, и животноводством. Более того, нередко именно горожане и начинали такой процесс специализации, включая огородничество, садоводство и цветоводство, или применения более современных методов агрикультуры (см., например, о Германии: Майер 1979; об Италии: Котельникова 1987). В малых городах, а также и в ряде средних и иногда крупных, на первом месте очень часто находились занятия, связанные с сельским хозяйством, этим занималось до половины всего населения (см.: Ястребицкая 1988; Бродель 1988; Дмитриева 1990; Сванидзе 1995: 90). Масса такого рода сведений о российских городах приводится в статье Л. В. Милова (1968). Таким образом, рост горожан уменьшал среднестатистическое количество продовольствия в гораздо меньшей степени, чем это представляется в демографическо-структурных моделях. А если учесть, что производительность рыночного городского сельского хозяйства была намного выше, чем деревенского, то можно предположить, что в среднем городской житель мог обеспечивать себя продуктами питания на 50 % или более. Разумеется, требуются специальные иссле-

дования для эмпирической проверки данной гипотезы, но полностью игнорировать ее, видимо, нельзя⁴⁴.

В) Следует также учитывать, что приморские города начинают и сами производить ценные пищевые продукты уже без помощи сельского хозяйства, прежде всего за счет морского промысла. «Крупномасштабный лов трески на ньюфаундлендских отмелях с конца XV в. стал настоящей революцией», – пишет Ф. Бродель (1986: 234). Считалось, что богатство Голландии проистекает от торговли сельдью. По некоторым данным, в период около 1640 г. вылавливалось в среднем в год до 20 тыс. ластов одной только сельди, а в 1619 г. через Зунд ее вывезли свыше 12 тыс. ластов⁴⁵. Валовой улов рыбы оценивают в огромную сумму – более чем 20 млн флоринов в год (Чистозвонов 1978: 147). В XVI в. рыбы, конечно, вылавливалось меньше, но и тогда среднегодовой улов оценивался в 2 млн дукатов (Там же: 119). В Англии поощрение рыболовства было государственной политикой при Елизавете. Правительство издавало законы, предписывающие соблюдение «рыбных дней»: никто из подданных королевы не смел есть мяса во время Великого поста или в пятницу, к которой иногда добавлялась и среда (то есть по крайней мере 25–30 % дней в году). Это объяснялось не столько религиозными, сколько политическими целями: поддержать население, которое занимается плаванием в дальних водах, оживить пришедшие в упадок приморские города и сократить потребление мяса, чтобы уменьшить обращение пахотных земель в пастбища (Тревельян 1959: 212).

Очень важным промыслом в XVII в. стала добыча китов. У берегов Шпицбергена в XVII в. на летний промысел китов собиралось до 300 различных кораблей. Часто китовая добыча велась под охраной военных эскадр, и дело доходило даже до морских сражений (см.: Зингер 1981: 42–43). Только одна Голландия добывала огромное количество этих животных. Максимальная добыча была достигнута в 1685 и 1698 гг. и составила весьма солидные цифры: соответственно 1383 и 1488 китов и около 56 тыс. бочек сала (Чистозвонов 1978: 147).

Таким образом, подобно тому, как в период примитивного сельского хозяйства, свойственного варварским народам, длительное время сектор сельского хозяйства сочетался (например, у ирокезов [см.: Фентон 1978]) с остававшимся все еще очень важным присваивающим сектором (см.: Гринин 2006б), так и в сверхсложных аграрно-ремесленных обществах и даже еще в ранних буржуазных *городской сектор производил значительное количество пищевых ресурсов (а также технического сельскохозяйственного или иного сырья)*.

Некоторые предположения

Гипотеза: при прочих равных, чем выше уровень урбанизации, тем выше уровень развития сельского хозяйства (в том или ином аспекте: выше производительность труда в сельском хозяйстве и/или объем выхода продукции с единицы хозяйственно эксплуатируемой территории и т. п.).

Пояснение 1

Точнее, конечно, сформулировать данную гипотезу следующим образом: *чем больше людей в зрелом аграрном, позднем аграрном или постаграрном обществе занято несельскохозяйственной деятельностью, тем выше уровень развития сельского хозяйства*.

При этом важно отметить, что промышленность отнюдь не концентрировалась только в городах, поскольку сельская местность одновременно могла давать много промышленной или технической сырьевой продукции⁴⁶. В частности, в Англии, но также и в ряде других стран, включая Россию, существовало много поселений сельского типа, жите-

⁴⁴ Сказанное в определенной мере относится и к элите и ее челяди, которая нередко выращивала те или иные культуры в своих хозяйствах.

⁴⁵ По данным системы мер Википедии, 1 ласт = 6 четвертям = 72 пудам = 1179,36 кг.

⁴⁶ Это, конечно, общеизвестно, но недоучитывается в моделях.

ли которых занимались преимущественно несельскохозяйственной деятельностью, а также было очень много жителей обычных сельских поселений, которые были задействованы в домашнем ремесле или рассеянной мануфактуре либо становились отходниками на различных промыслах в местах негородского типа. Так, например, в одном английском официальном документе около середины XVII в. говорилось, что благополучие 2/3 англичан зависит от мануфактуры (Лавровский 1973: 248)⁴⁷. Даже с учетом возможного преувеличения несомненно наличие огромного процента населения, которое было не полностью связано с производством продуктов питания. Тут надо отметить, что если в Англии сельское сельскохозяйственное население после 1600 г. росло медленнее, чем во Франции или в Голландии, то сельское несельскохозяйственное население росло намного быстрее, чем в этих странах (Schofield, Wrigley 1985: 566).

Таким образом, чем больший процент населения в зрелых аграрных, предындустиальных и индустриальных обществах не занят производством пищевых ресурсов в сельском хозяйстве (так как есть еще, скажем, рыболовство), тем выше уровень развития сельского хозяйства⁴⁸.

Однако поскольку все-таки город был в целом наивысшим выражением несельскохозяйственной деятельности (даже несмотря на то, что горожане нередко производили немало продуктов питания сами, см. выше), а также потому, что относительно роста урбанизации имеется больше данных для определенных периодов, можно использовать первое утверждение как основное.

Пояснение 2

Рост числа горожан, конечно, должен определяться для нормальных периодов, а не для времени военных действий или стихийных бедствий, когда население прячется в городах или бежит туда в поисках пропитания. Для того, чтобы начать прокладывать дорогу к выходу из мальтузианской ловушки, урбанизация должна идти за счет естественных хозяйственно-демографических процессов. Иными словами, не следует в данном случае принимать во внимание урбанизацию за счет синойкизма (то есть военной или иной угрозы), когда жители окрестных сел принудительно собираются в города (или квазигорода); или за счет специальных усилий государства вроде создания военных крепостей; или за счет насильственной экспроприации продуктов или принудительных поставок (как у инков или древних египтян) для обеспечения столиц и крупных центров (хотя и эта деятельность может активизировать сельское хозяйство).

Таким образом, урбанизация и специализация должны идти вместе с развитием рыночных и товарно-денежных отношений (о чем мы далее еще скажем). Чем чище выступает в роли аккумулятора и дистрибьютора продуктов и ресурсов рынок, тем точнее наше предположение, тем прочнее процесс урбанизации (но, конечно, нарушение хозяйственной жизни может вести к упадку городов и рынков). Поэтому можно с большим основанием предположить, что в большинстве случаев *есть прямая положительная связь между уровнем рыночности (и монетизации как ее выражения) и урбанизации*.

Таким образом, чем меньше степень внеэкономического влияния (насилия) в обществе, тем точнее выполняется наше утверждение о том, что уровень урбанизации являет-

⁴⁷ Это объяснялось во многом тем, что и сельское хозяйство, и промышленность были ориентированы на производство и продажу шерсти, а «сукноделие стало к концу XVI в. главной отраслью английской промышленности... Обработкой шерсти занимались в местечках и в новых городах, в сотнях деревень, во множестве графств страны цеховые мастера и свободные от цеховых регламентаций сельские ремесленники, совмещавшие ремесло с земледелием» (Лавровский, Барг 1958: 64; анализ этой ситуации см. также: Гринин 2006б, 2007а).

⁴⁸ Однако количество занятых несельскохозяйственными видами деятельности не означает, что именно такое же количество не занимается вообще сельским хозяйством, поскольку налицо совмещение занятий (одновременно одним и тем же человеком, занятия различными видами в разные сезоны, разными членами семьи). В то же время за счет промыслов в сельских населенных пунктах (обитатели которых также имели и сельскохозяйственные занятия) росло общее богатство общества.

ся показателем развитости сельского хозяйства, поскольку тогда урбанизация идет именно за счет естественных экономических и социальных процессов (без военного давления и внеэкономического отчуждения)⁴⁹.

Пояснение 3

Сказанное относится (едва ли не в большей степени) и к внешней торговле, что важно учитывать, так как выход из мальтузианской ловушки в реальных условиях всегда оказывался возможным только при развитии внешней торговли. Как уже было сказано, в некоторых случаях высокий уровень урбанизации обеспечивается за счет развития урбанистических мир-экономик и активного развития внутри них внешней торговли и специализации на определенных товарах. *Чем шире степень международного разделения труда и чем больше обществ в него вовлечены, тем скорее может произойти выход из мальтузианской ловушки*, ибо страна, открывающая свои границы для внешней торговли, имеет шанс прокормить большее население, чем раньше (Сови 1977: 305). В частности, в Голландии в XVII в. развитость внешней торговли, по мнению демографов, несомненно, способствовала увеличению численности населения (Там же: 313).

С учетом этих пояснений и условий уровень урбанизации, по нашему мнению, может во многих случаях рассматриваться как косвенный индикатор уровня развития сельского хозяйства. Чем меньше крестьян требуется, чтобы кормить одного горожанина (соотношение числа городских и сельских жителей и есть показатель относительной урбанизации), тем при прочих равных условиях выше производительность сельского хозяйства. Сказанное, в частности, вполне коррелирует с фактом, что средневековый исламо-арабский Восток в целом имел уровень урбанизации более высокий, чем средневековая Европа (см., например: Галич 1986: 206), и при этом на средневековом Ближнем и Среднем Востоке была выше производительность сельского хозяйства. Это также вполне коррелирует с фактом превосходства голландского сельского хозяйства над английским и тем более французским (см., например: Люблинская 1978: 116), а английского, в свою очередь, над французским. Практически везде мы видим, что чем выше уровень урбанизации, тем более развитым, рыночным и продуктивным оказывается сельское хозяйство.

В качестве подтверждения нашей гипотезы следует отметить, что среди некоторых историков, изучающих экономику доиндустриальных обществ, особенно Европы, есть определенная тенденция рассматривать уровень урбанизации как показатель экономического развития, отражающего размеры специализации в сельском хозяйстве и мануфактуре. Чем выше уровень урбанизации, тем более специализированной полагается экономика (анализ таких взглядов и литературу см.: Epstein 1991: 13, 20; см. также интересную статью Э. А. Ригли [Wrigley 1985]). Мы, разумеется, согласны с С. Р. Эпштейном (Epstein 1991: 20), что к такому показателю для доиндустриальных обществ нельзя подходить механически, надо учитывать институциональные предпосылки урбанизации в предындустиальных обществах (см. выше наши пояснения), но тем не менее нам представляется важным сам такой подход, методики которого, конечно, требуют развития.

В Главе 2 и особенно Главе 3 текущего раздела, а также в Главе 3 следующего раздела мы показываем: уровень урбанизации в районе 10–25 % от общей численности населения для аграрно-ремесленных и индустриализующихся стран означает не просто то, что значительная часть их населения живет в городах, но и то, что они вступили в период коренной модернизации. Следовательно, уровень урбанизации меньше 10 % является тем минимальным уровнем, ниже которого выход из мальтузианской ловушки невозможен. И чем он выше, тем вероятнее процесс выхода из данной ловушки⁵⁰. В этом плане имеется

⁴⁹ Важно учитывать и уровень военного участия населения, уменьшение которого может очень сильно влиять на развитие хозяйства. Здесь представляется уместным отметить, что в XVI в. в Англии практически не было армии, что, естественно, дополнительно благоприятствовало развитию английской экономики.

⁵⁰ В этой связи стоит отметить, что к началу XVII в. в Англии в городах жило примерно 20 % населения, тогда как во Франции в конце XVIII в. – 15 % (см.: Галич 1986: 195; но иногда дают и более низкие, и более высокие

здоровое зерно в построениях М. Арцруни и Дж. Комлоса (Artzrouni, Komlos 1985), связывающих выход из мальтузианской ловушки с ростом городов. Но они отождествляют городской сектор с сектором накопления (капитализации), который прямо влияет на рост сельскохозяйственного производства. Мы же указывали, что капитальные затраты могли производиться в сельском хозяйстве (и обычно там и производились) в виде вложений в улучшение земель и т. д. Но если связывать уровень урбанизации с ростом рыночного сектора (города – это не весь рыночный сектор, но его вполне показательная и в целом ведущая часть, особенно применительно к финансовому сектору), тогда рост городов в определенных условиях может рассматриваться как косвенный индикатор уровня развития сельского хозяйства, а также близости выхода из мальтузианской ловушки.

О роли развития рынка, монетизации и урбанизации в развитии аграрного производства

Каким же образом рост городов и рыночных отношений способствует росту сельскохозяйственного производства и предложения?

А) Повышается мотивация сельскохозяйственных производителей к дополнительному производству в случае повышения предложения городских товаров. Если крестьянин имеет возможность обменивать свою продукцию, его положение улучшается или в результате лучшего удовлетворения потребностей, или в результате повышения производительности обрабатываемой земли, или в результате действия обоих этих факторов (Сови 1977: 304).

Б) Рост урбанизации обычно идет в условиях недостатка пригодных для аграрного производства земель⁵¹. Возникает сложная система обратной связи: с одной стороны, нехватка земли приводит к росту интенсивности сельского хозяйства, с другой – рост спроса на продукты питания за счет роста урбанизации и рост цен на продовольствие дополнительно стимулируют интенсификацию, ввод новых (худших) земель, дополнительные трудозатраты и т. п. Все это приводит к росту общего объема производства.

В) Крайне важно отметить, что крупные фермы в большинстве стран появляются прежде всего вблизи городов или транспортных узлов (см., например, о Франции: Люблинская 1978: 114). На крупных фермах был сосредоточен и технический прогресс. У. Ламбард, оставивший описание наиболее развитого в экономическом отношении графства Кент, в 70-х гг. XVI в. подчеркивал, что основой процветания местных джентри были благоприятные рыночные условия и их собственная активность: «Джентльмены здесь не из столь древних родов, как в других местах, особенно ближе к Лондону... Однако их доходы выше, чем где бы то ни было. И это происходит не благодаря размерам их владений или плодородию почвы, но вследствие положения самого графства, которое имеет по соседству все, что необходимо: море, реку, населенный город, наезженный торговый путь, благодаря чему избыточные плоды земли продаются по высокой цене, и поэтому земля дает большую ренту. Они обычно возделывают значительную часть своих земель, как для поддержания семей, так и для увеличения своего богатства» (Lambarde 1970: 6). По данным М. В. Винокуровой, в тех районах Англии, которые она исследовала, крупная аренда процветала в тех манорах, которые располагались поблизости

кие цифры). По некоторым данным, уровень урбанизации Японии в начале XIX в. также был довольно высоким: 12 % жителей городов с населением от 10 тыс. и выше (Goldstone 1992: 180), что дополнительно объясняет причины успешности японской модернизации. Уровень японской урбанизации был существенно выше средневропейской, составлявшей, по некоторым данным, в 1840 г. только 8 % (Там же). Но сказанное означает только, что для реального выхода из мальтузианской ловушки нужен уровень урбанизации не менее чем в одну десятую часть населения, однако процесс выхода очень длительный, он может начинаться с уровня ниже 10 % урбанизации, по достижении этого уровня выхода на более устойчивую траекторию. Как мы увидим в Главе 4 Раздела 2 и других главах, уже начиная с уровня урбанизации в 7 % влияние модернизации чувствуется в обществе настолько, что оно вступает в период, чреватый риском социальных потрясений.

⁵¹ В условиях возможности занимать новые земли скорее будет наблюдаться общий рост аграрного производства в обществе, но не будет роста производительности земли и, как правило, не будет относительного роста урбанизации.

от городских центров и транспортных артерий (Винокурова 1992; см. также: Дмитриева 1995: 207).

Таким образом, близость к городским центрам, транспортным путям или местам скопления людей при минимальном уровне развития товарно-денежных отношений сама по себе становилась источником роста богатства, доходности, стимулируя производственную и деловую активность, что всегда ведет к росту производства и производительности, рационализации, трансформации хозяйства от рутинных методов и т. п., а с другой стороны – повышает общий уровень развития рынка и активности.

Г) Рост городов в целом стимулирует и по-новому структурирует сельское хозяйство, повышая его товарность и доходность⁵². Как указывает О. В. Дмитриева, Бирмингем, Манчестер, Ливерпуль и другие крупные торговые и ремесленные центры, не говоря уже о Лондоне, эти, по средневековым меркам, «мегалополисы», подчиняли себе и ориентировали на широкие поставки продовольствия не только ближайшую сельскую округу, но и отдаленные территории. Лондон, например, кормили графства Кент, Мидлсекс, Сэссекс, Дорсетшир, Хэмпшир, Сэффолк, Эссекс и Норфолк (Дмитриева 1990). По словам Дж. М. Тревелияна (1959: 165), проблема снабжения Лондона продовольствием во времена Тюдоров играла решающую роль в аграрной политике графств страны.

Д) Чем выше уровень рыночных отношений в обществе, тем сильнее роль денег как всеобщего эквивалента стоимости, следовательно, тем сильнее общее богатство общества означает возможность получить на деньги продовольствие даже в деревне⁵³.

Чем больше богатство общества, выражаемое в рыночной и денежной стоимости, тем при прочих равных условиях меньше опасность голода, так как запасами начинают заниматься профессионально и перемещают их прежде всего в те места, где выше цены, а значит, и больше потребность в продовольствии (что не устраняет ситуации сильных диспропорций в распределении богатства, неэкономического изъятия благ, стремительного роста цен при фатальном совпадении нескольких неурожаев). В отношении же Англии в XVI в. историки отмечают бурный рост товарности как в промышленности, так и в сельском хозяйстве (см., например: Мещерякова 1978: 179 и др.). Стоит учесть, что хранение и транспортировка продовольствия специалистами-торговцами в целом способствуют меньшей порче продуктов при хранении и перевозке (Гринин 2007г).

В связи с производством дополнительных потребительных ценностей в городах (и в непродовольственном секторе сельской экономики) в обществе появляются дополнительные денежные ресурсы (и в целом идет рост капитала), так как общее богатство приводит к росту денежной массы, в том числе за счет более быстрой оборачиваемости денег. Следует учитывать и действие закона Сэя, который в одной из формулировок гласит, что предложение на рынке постоянно вызывает спрос, или, иными словами, предложение раньше или позже находит или создает спрос тем больший, чем шире на рынке разнообразие и изобилие других продуктов (см., например, анализ данного обстоятельства Ф. Броделем [1988: 170]). Как отмечал Ф. Дж. Фишер, различие между земледелием и промышленностью заключается в том, что первое тормозится предложением, а вторая – спросом (Там же: 172), но по мере роста товарности и монетизации общества, увеличения обмена между сельским хозяйством и промышленностью, соотношение начинает выравниваться⁵⁴.

⁵² По сведениям А. Д. Люблинской, доход от земли, сдаваемой в крупную фермерскую аренду во Франции в XVI в., в среднем превышал в три раза доходы от феодальной ренты (феодалных платежей), и общая тенденция заключалась в росте доходности первой (Люблинская 1978: 142–143).

⁵³ Как указывает О. В. Дмитриева (1990), на протяжении XVI в. в деревне увеличилась прослойка малоземельных крестьян, сельских наемных работников – коттеров, которые также были получателями заработной платы и покупателями на рынке.

⁵⁴ М. Салинз считал, что в варварском обществе рост силы и деятельности вождя вел к общему росту производства (см.: Sahlins 1972; см. подробный анализ этой идеи: Гринин 2007г; Гринин, Коротаев 2009а: 351–428). Но при этом возникала парадоксальная ситуация: вожди организовывали людей на производство до-

Е) Также следует отметить, что при формировании определенного уровня жизни сельскохозяйственных производителей они уже стремятся поддерживать этот уровень, а следовательно, ищут возможности увеличить или хотя бы поддержать доходность. Стремление к поддержанию высокого уровня потребления Тревельян (1959: 294) считал национальной чертой англичан, ярко присущей им по крайней мере с XVII в., но вполне просматриваемой и раньше. Он приводит слова Д. Дефо, который в качестве работодателя, вероятно, преувеличивал: «Бережливость в хозяйстве – не идеал Англии. Английский рабочий люд съедает и выпивает – особенно выпивает – в три раза больше в переводе на деньги, чем такое же количество иностранцев любого рода» (Там же).

Ж) Можно отметить действие систем положительных обратных связей. В частности, рост **производительного** несельскохозяйственного населения при терпимом уровне внеэкономического изъятия благ (в отличие от роста элиты и значительной мере обслуживающего ее ремесла, рост которых имеет жесткие ограничения) может не вести к понижению потребления, так как он регулируется уровнем роста сельскохозяйственного производства; и одновременно сам сильно стимулирует рост этого производства (такой пример демонстрировала Голландия в конце XVI – первой половине XVII в. [см.: de Vries 1985]). Иными словами, тут налицо положительная обратная связь первого (а иногда и второго) порядка. Если городские товары не нужны или нужны только непроизводительной элите, то при постоянном уровне внеэкономического отчуждения роста предложения непищевой продукции не будет. Если же рост такого предложения имеет место и это предложение находит спрос, то значит, что в ответ на это предложение увеличивается и предложение пищевой продукции. Рост разделения труда в обществе в целом и рост городов в частности (как наиболее концентрированного выражения этого процесса) – это рост рыночного сектора, который способствует при определенных условиях росту сельскохозяйственного производства. У человека, работающего на рынок (и тем более одновременно грамотного, см. ниже), другие мотивация, психология, отношение ко времени; в целом он более рационален и предприимчив. Не исключено, что здесь мы можем иметь дело с положительной обратной связью второго (а иногда, возможно, и более высокого) порядка. О положительных обратных связях второго порядка можно также говорить в случаях инвестиций в развитие техники, которая потом повышает сельскохозяйственное производство, стимулируя рост населения, а значит, и число потенциальных технологических инноваторов.

З) О нелинейных положительных обратных связях второго порядка можно говорить, например, в отношении развития науки (первоначально выступающей чистым потребителем), которая способствует инвестициям в технику и технологию. Особое значение имеет рост образования; в этом случае мы можем иметь дело с дополнительными нелинейными положительными обратными связями, например: *развитие образования – развитие правовой системы – укрепление частной собственности – рост инвестиций в производство – рост производства – рост объема ресурсов, расходуемых на развитие системы образования, – ускоренное развитие системы образования и т. д.* Таким образом, даже рост числа и уровня квалификации людей умственных профессий, которые продают свои услуги на рыночной основе (а не в рамках церковной или государственной иерархии), а равно и обслуживающих элиту специалистов будет способствовать общему росту богатства и потребления. Рост числа и уровня квалифицированности учителей, врачей, инженеров, механиков и т. д., безусловно, способствовал росту производства.

Развитие современного (и протосовременного) образования в тенденции вело к подъему технического и технологического практического мышления нового типа. В ча-

полнительного продовольствия и другой продукции, и при этом запасы периодически съедались, уничтожались или раздаривались в результате специальных дарообменных раздач и пиров, а также потлачей. Такой же парадокс возникает и в переходных к выходу из мальтузианской ловушки обществ: с одной стороны, рост несельскохозяйственного сектора отвлекает людей от производства пищевых ресурсов, а с другой – именно это отвлечение и способствует росту производства пищевых ресурсов.

стности, в первой половине XVII в. было получено значительное количество патентов на изобретение сельскохозяйственных орудий и методов ведения хозяйства (Сапрыкин 1972: 151). В XVI в. патентного права еще не было, но изобретательская активность, конечно, имела место и тогда, хотя, по всей видимости, и в несколько меньших масштабах.

Но особенно интересная и конкретная нелинейная положительная обратная связь такого рода может быть описана следующей цепочкой: *рост образования – увеличение объемов издания и эффективности специальной технологической литературы – рост применения новых технологий – рост производства – рост объема ресурсов, расходуемых на развитие системы образования, – ускоренное развитие системы образования и т. д.* Таким образом, фактор грамотности становится с определенного времени фактором роста производства вообще (и производства продуктов питания в частности)⁵⁵. Разумеется, специальные книги в целом не могли сравниться с тиражами Библии, которой за период возникновения и укрепления протестантизма в Европе было напечатано 500 млн экземпляров (Назарчук 2006: 79), что само по себе свидетельствовало о громадном рывке в росте грамотности. Однако общее число и специализированных технологических книг в Европе (и в Англии, в частности) тоже было немалым. В целом, по некоторым подсчетам, в XVI в. в Англии было издано 35 сочинений по сельскому хозяйству, и процесс этот стремительно нарастал: в XVII в. было издано уже 113 таких сочинений (Сапрыкин 1972: 151). Отметим, что самый авторитетный в Англии трактат по агрикультуре второй половины XVI в. (*Good Points of Husbandry* Томаса Тассера) содержал целую главу, специально посвященную обоснованию превосходства огороженной земли над общинной. О чрезвычайной популярности этого трактата среди джентри и зажиточных сельских хозяев говорит тот факт, что с момента его появления в 1557 г. до 1640 г. он переиздавался двадцать раз (Дмитриева 1990).

И, по всей видимости, вполне можно говорить об общей связи между уровнем грамотности, уровнем монетизации, уровнем урбанизации и уровнем готовности к выходу из мальтузианской ловушки.

В заключение отметим, что, разумеется, описанные нами процессы были еще довольно неуверенными попытками выйти из заклęcia мальтузианской ловушки. Так же, как свободный промышленный капитализм не умел регулировать спрос и предложение, в результате чего возникали кризисы перепроизводства, так и сверхсложные аграрные общества не умели регулировать уровень элитно-городского населения (да и все остальные важные социально-демографические параметры), что периодически приводило данные общества к социально-демографическим кризисам. Но, как верно замечали М. Арцруни и Дж. Комлос (Artzrouni, Komlos 1985), городской сектор и здесь играл особую роль, так как являлся своего рода буфером в случае кризисов (см. также: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин, Коротаев 2009а).

* * *

Как уже было сказано, процесс выхода из мальтузианской ловушки был длительным и завершился только с победой второго этапа промышленной революции (промышленного переворота) в XIX в. Окончательный и бесповоротный выход из мальтузианской ловушки некоторых наиболее развитых стран, таких как Англия, Германия и другие европейские страны, был связан и с таким общемировым экономическим процессом (затронувшим, очень сильно и Россию), как аграрный кризис конца XIX в. Это позволяет утверждать, что окончательный выход из мальтузианской ловушки может реально проис-

⁵⁵ По крайней мере, с момента возможности книгопечатания, при том что широкое распространение печатной продукции имеет место только с конца XV–XVI вв. (это, кстати, еще один показатель важности рубежа XVI в.). На тесную связь развития Реформации и книгопечатания указывают некоторые исследователи (см., например: Назарчук 2006); о других факторах положительного влияния роста грамотности на экономический рост см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2007: 95–100.

ходить только в условиях расширения национального рынка далеко за его пределы. В отношении выхода из мальтузианской ловушки важно указать на рост мир-системных связей, который создавал более рациональную структуру мирового производства, позволяя странам специализироваться в наиболее выгодных отраслях. Естественно, что такое развитие не могло идти бескризисно. В этом плане одним из наиболее интересных явлений можно считать так называемый «аграрный кризис». Сначала стоит дать общую характеристику этому явлению.

Аграрный кризис продолжался примерно с 1875 по 1895 г., то есть около двадцати лет. Суть кризиса состояла в том, что цены на зерно имели тенденцию к снижению; хотя иногда они и повышались, но затем опять побеждала дефляционная тенденция. За это время промышленный подъем конца 1870-х гг. сменился кризисом 1882 г. и депрессией, затем опять наступил подъем середины 1880-х гг., и вновь его сменил кризис начала 1890-х гг. А аграрный кризис все продолжался. И только вместе с промышленным подъемом 1890-х гг. он наконец закончился. Основные причины снижения цен на хлеб и некоторые другие продукты сельского хозяйства экономисты видят в огромном развитии железных дорог и транспортировке морским путем, что позволило резко увеличить подвоз в Европу американского, русского и индийского хлеба и вовлечь в оборот огромный массив земель американского Запада. Это чрезмерно увеличило объемы производства зерна и особенно объемы товарного и экспортного зерна. Следует также принять во внимание дешевизну крестьянского труда в России и Индии, а также слабую эластичность крестьянского хозяйства в отношении предложения, так как и при падении цен для крестьян и даже фермеров зерно представляет особую ценность; необходимо также учесть отсутствие рентной платы за землю в США (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]; Мендельсон 1959, т. 2: гл. 2; Варга 1974б: 405–412; см. также: Bairoch 1976: 477–479).

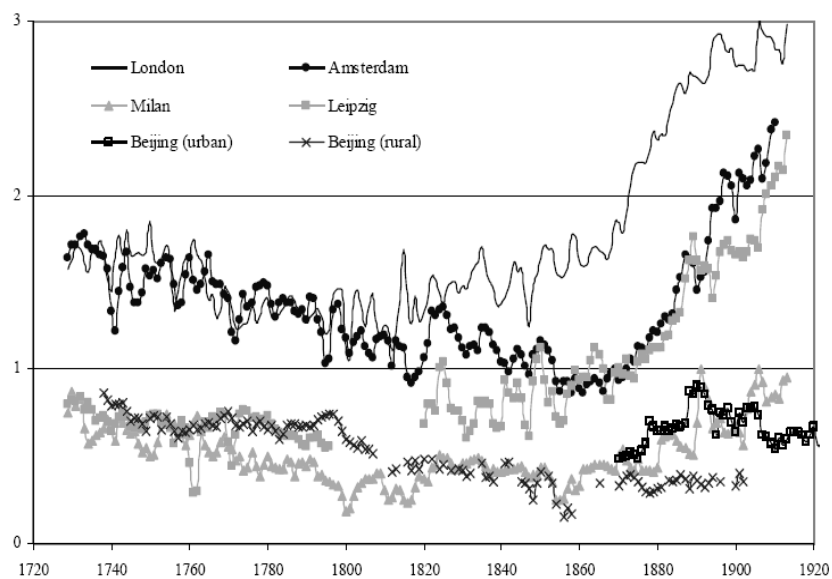
Однако аграрный кризис следует рассмотреть в нескольких аспектах: 1) он первоначально тяжело повлиял на сельское хозяйство Европы, в которой существенно сократилось производство собственного хлеба⁵⁶; 2) однако понижение цен на зерно и другие продовольственные товары весьма позитивно сказалось на росте потребления городского населения и рабочего класса Европы и других стран, так как Европа (особенно Германия и Англия) стала импортером хлеба⁵⁷. Как хорошо видно на Рис. 2.1.23, именно в указанный период потребление в крупнейших городах Европы начинает заметно расти; 3) это, несомненно, повлияло на продвижение в плане выхода из мальтузианской ловушки в Европе и частично в других странах и в определенной мере способствовало развитию промышленности; 4) аграрный кризис способствовал интенсификации сельского хозяйства Европы, в частности заметно укрепилось животноводство и специализированное растениеводство, что также способствовало улучшению структуры питания населения и продолжению выхода из мальтузианской ловушки.

Таким образом, длительный период низких мировых цен на хлеб выглядит кризисным лишь в определенном аспекте анализа. В ином аспекте тот же самый процесс может быть интерпретирован и как исключительно важная составляющая завершения выхода центра Мир-Системы из мальтузианской ловушки (см., например: Гринин, Коротаев 2009а). Обратной стороной аграрного кризиса явились: значительный рост реальной заработной платы в странах Запада и подъем жизненного уровня большинства западных горожан с грани голодного выживания, характерного для доиндустриальной эпохи; заметное сокращение доли зарплат, расходуемой на продукты питания, и соответственно рост доли, расходуемой на промышленные товары.

⁵⁶ От низких цен в период аграрного кризиса тяжело страдали и экспортеры, особенно Россия и США. Характерно, что попытки помещиков выстоять в этой ситуации привели в России к укреплению натуральных полукрепостнических форм хозяйствования (натуральных отработок, издольщины, испольщины и т. п.). Это также способствовало росту влияния общины во многих губерниях. О ситуации в России см., например: Китанина 1975, 2005; Лященко 1956; Грегори 2003.

⁵⁷ Правда, аграрный кризис способствовал росту импортных тарифов, что несколько уменьшало эффект дефляции, особенно в таких странах, как Германия.

Рис. 2.1.23. Динамика реальной зарплаты неквалифицированных рабочих в некоторых городах мира (в прожиточных минимумах) в 1730–1920 гг.

Источник: Allen *et al.* 2005: 59, Fig. 4.

Глава 2. Модернизационные (постмальтузианские) ловушки

Цель настоящей главы – показать, что: а) связь процессов выхода из мальтузианской ловушки и модернизации общества является неразрывной; в частности, стабильный выход из мальтузианской ловушки может осуществиться только в процессе или в результате модернизации общества; б) поскольку в период модернизации в обществе происходят сильные структурные изменения и возникают диспропорции, оно находится в неустойчивом положении, что ведет к опасности социально-политических кризисов; в) в процессе или в результате выхода из мальтузианской ловушки у общества резко повышается опасность попадания в ловушки нового типа – модернизационные, или постмальтузианские; г) модернизационные ловушки часто имеют структурно-демографическую составляющую в связи с тем, что рост производства продуктов питания и медицинской культуры уменьшает смертность и увеличивает темпы роста населения, а также долю в нем представителей молодежных возрастных когорт; д) можно выделить следующие типы модернизационных ловушек: урбанистскую, марксову, молодежную. Последний тип особенно распространен в настоящее время и наиболее релевантен для прогнозирования рисков политической нестабильности в третьем мире. Эти типы ловушек будут подробнее рассмотрены в последующих главах.

1. Социально-демографические циклы в сложных аграрных обществах

Цикличность – один из важнейших способов реализации возможностей социальной эволюции. В традиционных обществах цикличность была особенно ярко выражена, что объясняется рядом причин (см.: Гринин, Коротаев, Цирель 2011: 4–5). В очень высокой степени это связано с характерной для них слабой выраженностью трендовой составляющей социальной макродинамики (см., например: Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010). Но связано это и со слабостью политических форм, особенно ранних государств (см., например: Claessen, Skalnik 1978, 1981; Гринин 2010б; Гринин, Коротаев 2010а; Grinin 2003, 2004, 2009с, 2011а), для которых характерны циклы децентрализации – централизации. Как в ранних, так и в более организованных развитых аграрных государствах (см.: Гринин 2010г; Grinin 2008с) имели место также династийные и имперские циклы. Цикличности в некоторых ее формах могла способствовать жесткость ряда традиционных обществ, препятствующих изменениям (Tsirel 2004). При этом за изменениями могли следовать реакция и формальный (а иногда и реальный) возврат к старым порядкам¹.

Как мы видели в предыдущей главе, другим, нередко еще более сильным фактором цикличности выступали социально-демографические ограничения (что во многом было связано как раз с упомянутой выше слабой выраженностью трендовой составляющей), которые вели к цикличности в форме социально-демографических или политико-демографических циклов². В государстве раньше или позже возникало относительное перенаселение, которое вело к напряжениям и социально-демографическим кризисам.

¹ Впрочем, циклы «революция – реакция» (с формальным, но не реальным возвратом к старым порядкам) были едва ли не в большей степени характерны для Нового времени. «Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо. Это – закон», – утверждал, например, Н. Бердяев (1990: 29).

² В классическом виде, например в Китае, это были демографические циклы, теснейшим образом связанные с политическим (династийным) и социальным кризисом (см. об этом предыдущую главу).

В результате последних численность населения заметно падала. Затем вследствие того, что сократившееся население оказывалось лучше обеспечено землей и другими жизненно важными ресурсами, вновь начинался период демографического роста, а вместе с этим и новый демографический цикл. В целом этот источник цикличности был очень распространен, по крайней мере до второй половины XIX в. Подробнее механизм цикла был описан выше.

Рискуя повториться, тем не менее вновь отметим, что «вековые» социально-демографические циклы характерны не для любого аграрного общества³. В негосударственных аграрных обществах не удастся даже близко подойти к потолку емкости среды, поскольку этому препятствуют бесконечные межобщинные войны и набеги, кровная вражда, ограниченность размеров социальных единиц и невозможность произвести крупные хозяйственные улучшения, а также много других обстоятельств⁴. Циклы могут иметь место в сложных и сверхсложных аграрных обществах⁵, где имеются уже достаточно эффективные государственные механизмы, поддерживающие социальный порядок. Только при таком порядке и внутреннем мире могут произойти значительный хозяйственный подъем и рост населения, приближающийся при данном технологическом уровне к потолку емкости экологической среды (см. подробнее: Гринин 2007г). И чем прочнее порядок и более эффективно государство, тем более вероятно возникновение таких циклов. Поэтому, согласно нашему представлению, «вековые» социально-демографические циклы в гораздо большей степени характерны для сверхсложных обществ, чем для сложных аграрных обществ⁶ (см. также Главу 1 Раздела 2, Примечание 5).

2. Аграрное общество и мальтузианская ловушка

Механизм, который лежит в основе социально-демографических «вековых» циклов, получил название мальтузианской ловушки. Механизм попадания общества в такую ловушку был описан в предыдущей главе. Напомним его лишь вкратце. Численность населения в условиях аграрного производства ограничивается потолком емкости экологической среды при данной технологии. Относительный рост потолка емкости среды может произойти в результате волны технологических инноваций (или социально-демографического коллапса, когда численность населения падает). Но это ведет лишь к временному улучшению условий жизни большинства населения. Такое улучшение приводит к снижению смертности, а так как рождаемость при этом остается на прежнем предельно высоком уровне либо даже увеличивается, это приводит к резкому ускорению темпов демографического роста. Так как в доиндустриальных обществах эти темпы

³ Хотя бы потому, что в каких-то обществах или в отдельные длительные периоды (под действием таких факторов, как недонаселенность, благоприятные климатические флуктуации, освоение новых земель и т. д.) демографические ограничения не действовали.

⁴ Например, очень часто имеет место вызванное привычкой или страхом нежелание, чтобы поселения располагались близко друг к другу (см., например: Салинз 1999), опасность набегов вынуждает не селиться в той или иной местности и выбирать для поселений только удобные для обороны места, отсутствие общей власти мешает распространению инноваций и т. п.

⁵ Первые политически оформлены типом раннего государства, а вторые – типом развитого государства (см., например: Гринин 2010г; Grinin 2011a).

⁶ Многие сложные аграрные общества – по ряду причин, в том числе из-за слабости государственного устройства и раздробленности, которая вызывала постоянные войны, – часто были не в состоянии подойти к рубежу, за которым создавалась опасность возникновения демографических коллапсов из-за реального перенаселения (см.: Гринин 2007г). В других сложных аграрных обществах (ранних государствах) демографические циклы имели место, однако после своего завершения (и разрушения государства) уже не повторялись, поскольку эти политические образования не восстанавливались после распада. Классические же, то есть повторяющиеся, социально-демографические циклы характерны прежде всего для имперского Китая после достижения им уровня развитого государства (начиная с III в. до н. э.) и Европы в результате того, что некоторые европейские государства достигли уровня развитого государства. Некоторые древние государства, такие как Нововавилонское или Египетское, и государства Нового времени, такие как Османская империя, в которых обнаружены демографические циклы (см.: Нефедов 1999б, 1999в, 2003), также были развитыми государствами или их аналогами (см. подробнее: Гринин 2010г).

в долгосрочной перспективе, как правило, оказывались значительно более высокими, чем темпы технологического роста (а значит, и темпы роста производства продуктов питания), производство продуктов питания достаточно быстро (за период порядка ста лет) возвращается к уровню голодного выживания. Соответственно демографическое давление усиливалось, уровень жизни имел тенденцию к падению, социально-политическая обстановка ухудшалась, и в условиях нестабильности (длительных неурожаев, войн, восстаний, эпидемий и т. п.) все более реальной становилась социально-демографическая катастрофа. А в результате последняя численность населения существенно уменьшалась.

3. Выход из мальтузианской ловушки: условия и длительность

В доиндустриальный период попытки *сверхсложных доиндустриальных обществ преодолеть ресурсные ограничения среды* приводили к попаданию этих обществ в *мальтузианскую ловушку*: стимулированный определенными условиями рост населения в итоге вел к тому, что на каком-то этапе государство оказывалось уже неспособным обеспечить ни адекватный рост производства, ни поддержание необходимых социальных условий для этого (см. пример цинского Китая в Главе 4; см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010)⁷. Но мальтузианская ловушка связана не только с неспособностью общества технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства таким образом, чтобы она устойчиво росла быстрее населения. Важно также, что не имеется устойчивой системы такого международного разделения труда, при котором ряд государств мог бы сосредоточиться на производстве промышленной продукции, ввозя недостающее продовольствие. Именно такая специализация и помогает обеспечить более быстрый рост ВВП по сравнению с ростом населения в рамках Мир-Системы⁸.

Следовательно, выход из мальтузианской ловушки может состояться только в случае, когда темпы роста производства продуктов питания либо темпы роста ВВП устойчиво превышают темпы роста населения. Но в последнем случае нужна стабильная возможность ввозить продовольствие.

Как было показано в предыдущей главе, чтобы процесс выхода из мальтузианской ловушки начался, необходимы рост товарности общества и возможность стабильно реализовывать излишки продовольствия из мест, где производится его избыток, в места, где имеется его нехватка, а также достаточно высокие цены на сельскохозяйственную продукцию, которые бы стимулировали рост инвестиций в ее производство. Такие условия, как мы показывали, первоначально сложились в некоторых странах Северо-Западной Европы, особенно в Англии и Голландии во второй половине XVI в. Там имели место: а) возникновение капиталистической фермерской системы; б) формирование модели постоянного расширенного товарного производства на основе рационализации хозяйства и максимизации прибыли (см.: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009).

В итоге выход из мальтузианской ловушки начался в Англии еще до промышленного переворота (Там же). Но завершается он уже в условиях индустриальной модернизации (роста фабричной промышленности, урбанизации, образования, развития средств коммуникации, товарности, технологического прогресса в самых разных сферах, что влечет за собой, кстати, и новый виток в модернизации сельского хозяйства)⁹. Таким об-

⁷ Тем не менее потолок емкости среды постепенно поднимался за счет технологических и социальных инноваций, в результате чего численность населения мира росла. А в Китае этот потолок вырос с 50–60 млн человек в эпоху Хань до более чем 410 млн в XIX в. в эпоху династии Цин (Илюшечкин 1986: 207; см. также: Дикарев 1991: 71–72; Крюков и др. 1987: 63; Хохлов 1972: 30). См. также Главу 4.

⁸ Однако существующее в относительно локальном масштабе такое международное разделение труда обуславливало само существование ряда городских обществ древности и Средневековья, например Афин и других греческих полисов или Новгорода.

⁹ Очевидно, что модернизация (особенно направленная на военное усиление) может происходить и до индустриализации, то есть до промышленного переворота (такова была, например, модернизация эпохи Петра I).

разом, в рамках истории мир-системного центра выход занял длительную эпоху, растянувшись во времени на три века: со второй половины XVI до середины XIX в., по крайней мере до отмены хлебных законов в Англии в 1847 г.¹⁰ Во второй половине XIX в. сложилось столь развитое международное разделение труда, когда те или иные общества могли специализироваться на производстве непищевой продукции, восполняя импортом недостающий объем продовольствия, что из мальтузианской ловушки стало выходить все больше стран. Окончательно выход из мальтузианской ловушки в Европе произошел в связи с начавшимся – впервые в мире – в 1870–1890-е гг. мировым аграрным кризисом, выразившимся в длительном падении или стагнации цен, и ярко демонстрировал изменение ситуации в Мир-Системе (об этом шла речь в предыдущей главе; см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2010a).

4. Процессы и типы модернизации. Причины роста социального напряжения

Таким образом, прочный выход из мальтузианской ловушки связан с модернизацией общества. Неудивительно, что некоторые человеческие общества, особенно в Тропической Африке, не вполне вышли из нее даже к настоящему времени (см., например: Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Кобзева 2011; Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Малков 2011).

Хотя понятие модернизации многозначно, а потому точное его определение вызывает споры (см.: Побережников 2006; см. также: Нефедов 2007; Гринин 2011a; Травин, Маргания 2004), тем не менее в целом смысл этого понятия более или менее очевиден (анализ различных трактовок см.: Побережников 2006; см. также: Нефедов 2007). В настоящей монографии *модернизация рассматривается главным образом как процесс перехода того или иного общества (и Мир-Системы в целом) от архаического (сверхсложного аграрно-ремесленного) общества к индустриальному (в современный период – уже к индустриально-информационному)*¹¹. Этот процесс связан с ускоренным развитием общества и обычно включает в себя в комплексе:

- развитие товарного сектора и денежного обращения;
- развитие промышленности¹²;
- урбанизационный переход (от обществ с абсолютным преобладанием сельского населения к обществам с абсолютным преобладанием населения городского);
- модернизацию сельского хозяйства («зеленая революция» – механизация, химизация, внедрение достижений биологической науки, включая сортовые семена, научно выведенные породы скота и т. п.);
- развитие системы современного массового образования;
- становление современной системы здравоохранения;
- существенные изменения в демографической модели развития = демографическая модернизация (так называемые первая и вторая фазы демографического перехода)¹³;

Тем не менее и такая модернизация связана с развитием промышленности (мануфактурной). Но в настоящей монографии мы рассматриваем случай модернизации до промышленного переворота только в отношении стран, начавших ее сравнительно самостоятельно. Об этапах модернизации см., например: Black 1966.

¹⁰ Многие же периферийные области Мир-Системы не завершили своего выхода из мальтузианской ловушки вплоть до настоящего времени (а в некоторых из них этот процесс и вообще находится на самых начальных стадиях).

¹¹ В связи с мощным влиянием мировых процессов модернизация в последние десятилетия захватила, с одной стороны, и многие развивающиеся страны, не достигшие уровня сверхсложных аграрных обществ, а с другой – из-за международного разделения труда индустриализация в них могла быть изменена или заменена иными, аналогичными экономическими процессами, а также частично процессами, характерными уже для постиндустриальных обществ.

¹² Следует иметь в виду, что первый этап промышленной революции начался в некоторых странах Европы в последней трети XV–XVI вв. Промышленный же переворот XVIII–XIX вв. необходимо рассматривать как второй этап промышленной революции (см. подробнее: Гринин 2006b; Гринин, Коротаев 2009a; Grinin 2007a, 2007b, 2012).

- переход к экономической модели расширенного воспроизводства, которая тесно связана с экономическими циклами развития нового типа (об этой связи и о цикличности экономики см.: Гринин, Коротаев 2010а; см. также: Коротаев, Цирель 2010а, 2010б; Korotayev, Tsirel 2010) и т. п.;

- для целей нашего исследования крайне важно подчеркнуть, что модернизация тесно связана с выходом из мальтузианской ловушки, хотя, к сожалению, этот аспект модернизации редко упоминается и недостаточно исследуется;

- в конечном итоге модернизация требует очень существенных политико-правовых и политико-социальных изменений (то есть политическую модернизацию, представляющую собой прежде всего переход от развитой к зрелой государственности), которым, однако, очень часто сопротивляется политическая элита. И это является одной из важнейших причин модернизационных кризисов (см. ниже).

Процессы модернизации охватывают достаточно длительную эпоху и в каждом обществе имеют свои значительные особенности (см., например: Бергер 1994); тем не менее можно выделить несколько типов модернизации: *естественно-историческая, догоняющая, насильственная* (типологию моделей развития см.: Гринин 2006б, 2007и; Гринин, Коротаев 2009а).

Модернизация идет естественно-историческим путем только в обществах, которые первыми в истории осуществляют эти процессы. В этом случае процессы модернизации растягиваются во времени. Однако в подобных обществах-первопроходцах отсутствует необходимый исторический опыт решения новых проблем (данный опыт как раз и накапливается за счет их проб и ошибок). Вот почему даже в ситуациях не сжатого во времени развития еще до начала промышленного переворота сильное изменение структуры общества, в частности рост урбанизации и грамотности, может вести к сильным напряжениям и социальным конфликтам. Именно в таких обществах происходили так называемые ранние буржуазные революции как результат их попадания в модернизационные ловушки. Поскольку, как мы видели в Главе 1 настоящего раздела, в таких прединдустриальных обществах уже был относительно высокий уровень урбанизации, ниже такой тип модернизационной ловушки обозначен как *урбанистский*.

Но гораздо чаще модернизация общества связывается с догоняющим развитием, ускоренной индустриализацией или интенсивным втягиванием в международное разделение труда. При этом происходит заимствование многих уже готовых технологий в производстве и социальной сфере. В этих случаях процессы изменений, с одной стороны, ускоряются, а с другой – многие необходимые реформы не осуществляются. В результате в обществе возникают сильные диспропорции, так как модернизация захватывает прежде всего технологию и экономику, но привилегии, система распределения, архаичная политическая и социальная структуры могут меняться гораздо медленнее.

Иногда бывает и насильственная (навязанная извне) модернизация либо (чаще) таким образом совершаются отдельные ее этапы. Примерами могут служить Египет в период английской оккупации (1882–1919 гг.), Япония при американской оккупации (после 1945 г.), Индия в поздний период английского господства и др. Для целей настоящей монографии полезно отметить, что при насильственной модернизации общество нередко оказывается менее подверженным опасности социального взрыва либо возрастает возможность минимизации социальных потерь. Это объясняется, во-первых, тем, что иноземные реформаторы за счет собственного исторического опыта могут иметь лучшее представление о закономерностях социального развития, а во-вторых, тем, что социальному недовольству определенных слоев в процессе изменений противостоят не колеб-

¹³ Достаточно типичным для этого процесса является первая фаза так называемого демографического перехода, которую иногда также называют демографической революцией (быстрый, иногда взрывной рост населения, который связан с уменьшением смертности при одновременном сохранении на какое-то достаточно длительное время высокой рождаемости). Вторая фаза демографического перехода характеризуется падением рождаемости до низких, иногда нулевых или даже отрицательных значений естественного прироста населения (см. выше Главы 1 и 4; см. также: Коротаев, Малков, Халтурина 2005, 2007; Коротаев, Халтурина 2009).

лющиеся верхи, а уверенные в себе внешние силы. Данный вывод имеет вполне конкретное значение в отношении некоторых находящихся в процессе выхода из мальтузианской ловушки развивающихся стран, для которых определенный внешний контроль со стороны международных органов мог бы быть благотворным в плане менее болезненного и более безопасного выхода из мальтузианской ловушки.

5. Выход из мальтузианской ловушки – повышенный риск для общества. Причины роста социального напряжения

Отмечено, что процессы модернизации обычно идут сложно и достаточно часто сопровождаются потрясениями и революциями (обзор анализа взглядов на революции см.: Гринин, Коротаев, Малков 2010б; см. также последнюю главу третьего раздела). Причины и механизмы возрастания такой напряженности, как видно из вышеизложенного, заключаются в сложных структурных перестройках, связанных с крупными качественными и количественными изменениями, которые происходят в исторически короткие сроки. В частности, на изменение пропорций в модернизирующемся обществе сильно влияет рост населения, темпы которого возрастают в разы, а иногда и на порядок, при этом одновременно сильно меняется соотношение сельского и городского населения¹⁴. Отметим также, что за счет гораздо большей мобильности общества и более высокой скорости распространения информации возможности агитировать против правительства, а также собрать протестующих и возмущенных сильно возрастают. Причем широкое распространение новых средств связи, с помощью которых легче и быстрее собрать и организовать на акции недовольных, при данных социальных условиях может стать детонатором для социальных взрывов (см. об этом еще в последней главе третьего раздела).

Одной из причин, создающих реальные механизмы возрастания напряженности в условиях модернизации, является расширенное промышленное производство, которое ведет к цикличности развития экономики. Цикличность и формирует один из главных механизмов возникновения социальной нестабильности в модернизирующемся обществе. Механизм этот следующий. Напомним, что экономический среднесрочный цикл (цикл Жюгляра) характерен в своем классическом виде сначала быстрым и достаточно мощным подъемом, который связан с напряжением всех ресурсов общества и ростом цен (см. подробнее в Главе 3 первого раздела; см. также: Гринин, Коротаев 2009б). На практике это в частности означает, что в периоды подъема экономика остро нуждается в рабочей силе, численность рабочих и заработная плата растут, а с ними растут и ожидания. Но затем мощный подъем сменяется острым кризисом и спадом. Соответственно положение наемных работников ухудшается. Однако в быстро модернизирующихся обществах, где довольно много природных и демографических ресурсов, экономические кризисы в отдельных среднесрочных циклах могут проходить сравнительно мягко, а затем развитие вновь характеризуется сильным экономическим подъемом. Это ведет к тому, что фактически энергичный экономический рост может длиться с небольшими перерывами довольно долго, иногда два-три и даже более десятилетий подряд (так было, например, в России в 1870–1880-е гг., а особенно в 1890-е гг.; похожие процессы шли и в Японии с 1890-х гг. вплоть до 1930 г.). В результате формируется определенный стереотип ожиданий и/или убежденность, что борьбой можно и необходимо добиваться улучшения условий. Но раньше или позже один из циклических кризисов оказывается

¹⁴ Но также влияют, иногда не менее сильно, следующие факторы: рост объемов прибавочного продукта, изменение структуры производства и потребления, изменение социальной структуры, рост монетизации, грамотности, мобильности, политической свободы и т. п. О механизмах возникновения напряженности в модернизирующихся обществах см. и в последующих главах; см. также: Гринин 2010б; Гринин, Коротаев 2009б; Гринин, Коротаев, Малков 2010а; Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Малков 2011; Коротаев и др. 2010б; 2011).

столь сильным, что напряжение в обществе становится опасным. В сочетании с другими социальными и политическими напряжениями и кризисами (аграрным перенаселением, неурожаями, национальными движениями, внешнеполитическими поражениями и т. п.) это вполне может перерасти в революцию¹⁵. Но даже и сам по себе сильный экономический кризис в условиях уже сложившихся революционных настроений может вызвать опасную нестабильность и социально-политический взрыв, что мы наблюдаем сегодня, например, в арабском мире (см. в последующих главах).

Отметим и такой момент. Чаще всего модернизирующиеся общества – это общества авторитарные (либо недемократические, либо недостаточно демократические, в которых не сложились устойчивые демократические институты). Авторитарные общества – общества с жесткой конструкцией. Поэтому они и подвержены революционной ломке, тогда как по-настоящему демократические общества, в которых выход социального недовольства может канализироваться в законные формы, революций не знают. Так, в 1848 г. в Европе и Англии был подъем социальной активности. Но в Англии дело обошлось мирными формами (чартизм), а в Европе произошли революции. На наш взгляд, наибольшую опасность социально-политических потрясений создают ситуации, когда происходит частичная (но неинституционализированная и непоследовательная) демократизация (либо авторитарный сдвиг в рамках демократической системы)¹⁶, при которых начинается «перетягивание каната» между авторитарными и радикальными силами; а также ситуация, когда влиятельные радикальные силы, по природе своей и убеждениям недемократические, используют демократические свободы и выборы для захвата власти (этот вопрос исследуется также в последней главе третьего раздела); однако подобные социально-политические потрясения могут привести в такой ситуации и к становлению последовательно демократического режима.

6. Мальтузианская ловушка и выход из нее в условиях модернизации

Аграрное общество и мальтузианская ловушка. Как следует из определения мальтузианской ловушки (см. Главу 1 настоящего раздела и глоссарий), она предполагает ситуацию, когда общество не может технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства так, чтобы она росла быстрее населения; при этом не имеется устойчивой системы такого международного разделения труда, при котором ряд государств мог бы сосредоточиться на производстве промышленной продукции, обеспечить этим более быстрый рост ВВП по сравнению с ростом населения, ввозя недостающее продовольствие.

В доиндустриальный период даже сверхсложные аграрные общества, как правило, не могли преодолеть ограничений, поставленных демографической емкостью среды. Но в тех случаях, когда высокий уровень развития государства позволял сохранять внутренний мир в течение целого ряда поколений, а государство или иные институты общества стимулировали развитие технологии, численность населения достигала очень высоких для данной эпохи значений¹⁷. Однако в итоге система оказывалась в весьма неустой-

¹⁵ Например, революции 1848 г. в Европе, хотя были вызваны многими причинами, вовсе не случайно произошли после сильных неурожая и голода 1845–1846 гг. и экономического кризиса 1847 г. (об этом см. еще в последней главе третьего раздела; см. также: Гринин 2012а; Гринин, Коротаев 2010а).

¹⁶ Отметим, что к близким выводам в своем исследовании пришли Дж. Голдстоун и его коллеги (Goldstone *et al.* 2000).

¹⁷ Вновь повторим, что мы говорим здесь именно о сверхсложных аграрных обществах (политически оформленных типом развитого государства [см.: Гринин 2011а]), потому что сложные аграрные общества – по многим причинам, в том числе из-за слабости государственного устройства и раздробленности, которая вызывала постоянные войны, – часто были не в состоянии даже подойти к рубежу, за которым создавалась опасность возникновения демографических коллапсов из-за реального перенаселения (см.: Гринин 2007с).

чивом положении. При ослаблении государственного строя, обострении социальной борьбы, внешнем поражении или неоднократных неурожаях возникали кризисы, которые могли перерасти в социально-демографическую катастрофу. В результате голод, эпидемии и войны приводили к сильному падению численности населения. Таким образом, попытки *сверхсложных доиндустриальных обществ преодолеть указанные ограничения блокировались нахождением этих обществ в мальтузианской ловушке*: стимулированный определенными условиями рост населения в итоге вел к тому, что государство на каком-то этапе оказывалось уже неспособным обеспечить ни адекватный рост производства, ни поддержание необходимых социальных условий для этого. Притом чем больших успехов в обеспечении условий для роста населения достигало общество, тем сильнее могло быть его уменьшение в результате социально-демографической катастрофы. Тем не менее потолок емкости среды за счет технологических и социальных инноваций постепенно поднимался.

Выход из мальтузианской ловушки – повышенный риск для общества. Выход из мальтузианской ловушки для отдельной страны даже в условиях уже имеющихся хозяйственных и социальных технологий бывает медленным (занимая порой многие десятилетия), хотя иногда может произойти и быстрее (за два-три десятка лет). Но в целом, как было показано выше, в рамках истории Мир-Системы первичный выход занял длительную эпоху, растянувшись во времени на три века. Фактически реальный выход из мальтузианской ловушки может произойти только в условиях индустриальной модернизации (роста фабричной промышленности, урбанизации, образования, внедрения в сельское хозяйство достижений научно-технического прогресса, развития средств коммуникации, товарности).

Выход из мальтузианской ловушки является важным рубежом для общества. Он влечет за собой большие качественные и количественные изменения в демографической ситуации (быстрый рост населения за счет сокращения смертности и стремительный рост урбанизации), а также в общем уровне развития, в производстве, потреблении и потенциях. Выход из мальтузианской ловушки реально означает, что общество в целом (в среднем) начинает жить лучше. Однако в процессе изменений возникают следующие диспропорции: 1) неравномерное распределение доходов между отдельными социальными группами и регионами (причем в некоторых слоях, группах или регионах может наблюдаться и реальное недопотребление); 2) неравномерное распределение ресурсов и населения в рамках общества (например, в среднем сельскохозяйственной земли [на фоне успешной модернизации сельского хозяйства и связанного с этим стремительного роста урожайности] может хватать, но в отдельных местностях из-за быстрого роста населения малоземелье и аграрное перенаселение могут быть очень острыми); 3) диспропорции в возрастной структуре населения (см. ниже); 4) деструктивное давление устаревших, но влиятельных институтов (вроде русской общины), идеологий и т. п. на рост и структуру населения, отношение к власти и т. п.; 5) неадекватная реакция власти на рост объемов ресурсов, в частности увлечение внешнеполитическими авантюрами; 6) рост грамотности и уровня образования создает влиятельный слой интеллигенции, которая пытается идеологически влиять на все общество; 7) ускоренный рост ожиданий со стороны различных слоев населения, который часто не оправдывается.

Таким образом, быстрые нерегулируемые изменения и усиливающиеся структурные диспропорции могут завести общество в новую – *модернизационную* – ловушку, что, как уже было сказано, часто ведет к революциям и другим политическим потрясениям. Тем не менее в некоторых случаях быстрая модернизация может сопровождаться быстрым ростом населения, но не вести к революциям благодаря более удачной внутренней и внешней политике государства (примером чему служит Япония после реставрации Мэйдзи или Египет в последней трети XIX – первой половине XX в.¹⁸).

¹⁸ О Египте этого периода см. подробнее в следующей главе.

Демографические составляющие модернизационных кризисов. Сравнение мальтузианской и модернизационной (постмальтузианской) ловушек. Поскольку в процессе модернизации закономерно наблюдается взрывообразное ускорение роста населения, социальные кризисы этой стадии имеют более или менее сильную структурно-демографическую составляющую. Однако необходимо четко отличать две в чем-то похожие, но качественно различные модели, связанные с демографическим давлением. Первая (характерна для доиндустриальных обществ) – когда общество не в состоянии технологически разрешить мальтузианскую проблему; вторая (характерна для модернизирующихся обществ) – когда технологически она решаема, но в процессе ее разрешения возникают сильные социально-экономические диспропорции. Между моделями мальтузианской и модернизационной (постмальтузианской) ловушек, несомненно, имеется как сходство (в обоих случаях налицо быстрый рост населения, что создает сильное демографическое давление и как следствие – структурные напряжения), так и существенное различие. Соответственно в первом случае сельское хозяйство остается основным сектором, во втором – его роль постепенно уменьшается, а избыточное население может быть поглощено промышленностью и сектором производства услуг.

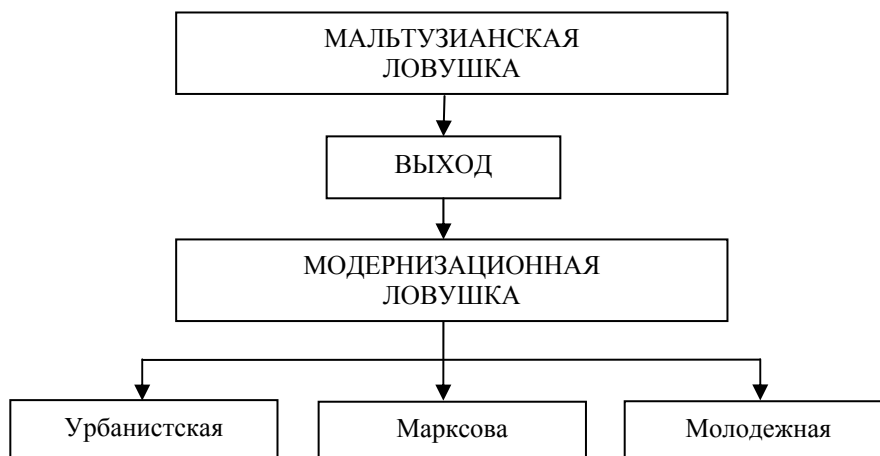
Таким образом, хотя в большинстве модернизационных ловушек можно обнаружить очень значимую составляющую демографического давления, однако эту составляющую уже неправомерно называть мальтузианской, а следует считать *квазимальтузианской*, поскольку в рамках этой ловушки уже не выполняется основное «правило» Мальтуса, согласно которому население всегда растет быстрее, чем производство продуктов питания (в более широком плане быстрее, чем растет ВВП). Напротив, как мы видели, темпы роста ВВП (и в целом продуктов питания тоже) на душу населения обгоняют темпы роста населения.

Важно отметить, что модернизационные ловушки все же не всегда связаны с проблемами мощного демографического давления и быстрым ростом населения. В этом плане интересен пример Франции в XIX в., где население росло сравнительно медленно. За 100 лет оно увеличилось всего примерно в полтора раза: с 26,9 млн человек до 40,7 млн (Armengaud 1976: 29). Но это не помешало тому, что во Франции в течение XIX в. произошло несколько революций. Кстати отметим, прежде всего городских. Демографическое давление может иметь место, но смягчаться за счет эмиграции (примером могут служить, в частности, Скандинавские страны или Италия) и даже прямой смертности от голода, примером чему служит Ирландия, население которой за XIX в. даже уменьшилось с 5 млн до 4,4 млн человек, что было, впрочем, связано и с отставанием этой страны в модернизационных процессах (Там же).

В некоторых случаях модернизация может проходить и в условиях реальной недонаселенности, особенно это касается колонизируемых стран. Примерами являются США, Канада, Австралия, ряд стран Латинской Америки, в частности Аргентина. Но при этом в демократических странах революционные изменения гораздо менее вероятны, чем в недемократических или формально демократических. Поэтому в США вспыхнула гражданская война (но именно как результат социальной недемократичности Юга, его жесткой конструкции), а в Латинской Америке перевороты и революции были частым явлением. В Канаде же, Австралии и Новой Зеландии вообще не было никаких серьезных социально-политических потрясений.

7. Типы модернизационных ловушек

Поскольку выход из мальтузианской ловушки в мир-системном ядре занял в целом более трех веков (со второй половины XVI по XIX в. включительно), то неудивительно, что мы видим эволюцию самой ловушки. Основные типы модернизационных ловушек в процессе выхода из мальтузианской ловушки представлены на Рис. 2.2.1.

Рис. 2.2.1. Основные типы модернизационных ловушек

Урбанистская ловушка. Сначала мальтузианская ловушка может эволюционировать в то, что возможно назвать **урбанистской ловушкой**. Речь идет прежде всего уже о прединдустриальных обществах с относительно высоким уровнем урбанизации и сложившейся буржуазией. В таких обществах еще нет машинной промышленности, однако уже существуют различные формы раннекапиталистических торговых и промышленных предприятий¹⁹ (мы видели это на примере Англии в предыдущей главе.) Но главное – уровень урбанизации приблизился к определенному порогу, за которым совершенно необходимы существенные преобразования общества. В то же время политическая элита не осознает этого, а часть горожан, буржуазия и интеллигенция выступают как передовой отряд общественной оппозиции. Наши исследования показывают, что у модернизирующихся обществ наибольшая напряженность возникает при уровне урбанизации от 10 до 20–30 % (см. об этом Главу 1 Раздела 3; см. также: Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев 2009б).

Англия перед революцией 1640 г. представляла собой один из первых таких примеров, другим примером является Франция кануна Великой французской революции. Но в Англии, как мы видели в Главе 1 этого раздела, в отличие от Франции были достигнуты большие успехи собственно в сельском хозяйстве, что, возможно, было одной из причин относительной инертности крестьянства в период революции. В любом случае, с учетом того, что революционеры стремятся превратить выступление в общенациональное, придать ему ярко выраженный идеологический характер и создать новый общенациональный орган власти (или повысить его значимость), урбанистская ловушка означает переход от городских восстаний и крестьянских войн к социальным революциям.

Марксова ловушка. В период до начала промышленного переворота и в самые первые его этапы происходит переход от мальтузианской ловушки к марксовой. Переходный тип можно называть **мальтузианско-марксовой ловушкой** (анализу этого типа ловушки на примере дореволюционной России посвящена следующая глава). Но по мере хода капиталистической индустриализации и нарастания классовой борьбы мальтузианско-марксова ловушка превращалась в типично марксову ловушку (см.: Гринин 2010б, 2010в). Ее демографическая составляющая обеспечивает относительно дешевую рабочую силу, а марксова составляющая связана с высоким уровнем эксплуатации. С одной

¹⁹ То есть в этих обществах, согласно нашей периодизации, уже прошел первый этап промышленной революции (см. Прим. 11).

стороны, в индустриализирующихся обществах имеется очень значительное относительно избыточное аграрное население, что создает сильное демографическое давление²⁰. Но с другой, – как уже сказано, в отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения является не фатальной, а главным образом социальной, поскольку: а) рост ВВП на душу населения обгоняет рост населения; б) рост товарности в целом обгоняет рост населения, в результате чего урбанизация растет более быстрыми темпами, чем население в целом, а усилия и капиталы направляются в наиболее доходные отрасли, что ведет к новому росту ВВП; в) уровень жизни все большего числа людей зависит не от количества земли, а от их денежных доходов, что позволяет усилить процессы социальной мобильности, диверсификации занятий населения, его вовлечения в более активную жизнь; в целом поднимается уровень жизни.

Таким образом, структурно-демографическая составляющая выступает здесь уже не в прямом мальтузианском виде как ситуация буквального физиологического голодания и балансирования на уровне голодной нормы (что и вообще в истории встречается не столь часто, как может представляться), а как поставщик социально взрывоопасного материала в виде недовольных масс пролетариата и горожан²¹. Предприниматели черпают рабочую силу из кажущегося бездонным резерва рабочих рук, а демографическое давление постоянно выбрасывает в города и на промыслы все новых работников.

Но напомним, что, как сказано выше, попадание в марксову ловушку возможно и без сильного демографического давления (Франция XIX в.).

Марксова составляющая связана с диспропорцией в распределении выгод от быстрого экономического роста и с отсутствием социального законодательства, что делает работников порой беспомощными, а эксплуатацию – нередко варварской²². Словом, быстрая динамика развития экономики и изменений в социальной жизни требует существенных трансформаций в политическом строе, правовой системе и прочем, а поскольку эти изменения могут существенно запаздывать, возникают диспропорции, которые выступают как наиболее общая причина революции.

Более конкретным механизмом является то, что, поскольку большинство вновь прибывших работников не обладает квалификацией, возникает диспропорция между спросом на квалифицированную рабочую силу и чрезмерным предложением неквалифицированной рабочей силы, и как следствие – большой разрыв в доходах рабочих разных групп. В период экономического подъема хозяева часто готовы идти на повышение зарплаты, однако в ситуации экономических кризисов потребность в рабочих, особенно малоквалифицированных, сильно уменьшается и опасность социального взрыва нарастает. Усиливать проблему могут временные (но трагические) эпизоды недородов и даже голода.

Марксова ловушка могла быть преодолена в результате: а) социального реформирования; б) завершения индустриализации; в) завершения демографической революции (сокращения рождаемости); г) процессов демократизации (но с учетом опасности, о которой сказано выше); д) для таких стран, какой была дореволюционная Россия, важным моментом выступает развитие института частной собственности на землю, которая способствует более интенсивному использованию земли и большей товарности.

²⁰ Оно может усугубляться особенностями системы крестьянского хозяйствования, с одной стороны, провоцирующими и без того высокий рост рождаемости и усиление малоземелья (и соответственно высокую арендную и низкую заработную плату), а с другой – препятствующими инновациям.

²¹ Сказанное подтверждается и давно замеченным отличием в степени революционности жителей городов и деревень (см., например: Сорокин 1992б: 287; Гринин 2010б).

²² Это *полуэкономический* тип отчуждения, отличающийся как от внеэкономического, типичного для аграрных обществ, так и от экономического, характерного для позднего капитализма и постиндустриального общества (Гринин 2006б).

Молодежная ловушка всегда связана с социально-демографическими факторами и всегда является результатом модернизации. В результате модернизации рост производства пищи и медицинской культуры уменьшает смертность населения и резко увеличивает долю в нем молодых возрастов (15–24 лет), то есть возникает так называемый *молодежный бугор*, который наглядно виден на диаграммах, показывающих долю молодежи в общем составе населения (см., например, диаграмму в Главе 4 данного раздела на Рис. 2.4.30. Такое изменение пропорции в условиях модернизации создает условия для социально-политической нестабильности. По словам Дж. Голдстоуна, большинство революций XX в. в развивающихся странах произошли там, где наблюдались особо значительные «молодежные бугры» (Goldstone 1991; 2002: 11–12).

Таким образом, именно молодежь (особенно на современном этапе) играет ключевую роль в процессе возникновения длительного периода нестабильности в обществе в процессе модернизации и выхода из мальтузианской ловушки. Поэтому данную ловушку можно назвать «ловушкой на выходе из ловушки» (как сделано в Главах 4 и 5) или с учетом того, что и другие модернизационные ловушки оказываются «на выходе», такой тип модернизационной ловушки можно назвать **молодежной**.

Молодежная ловушка характерна для первого этапа демографического перехода (в том числе она может сработать на его завершающемся отрезке или начале второго его этапа). Она возникает за счет сильного снижения младенческой и детской смертности при сохранении высокой рождаемости (см. подробнее Главу 5 данного раздела; см. также: Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Малков 2011). Результаты того, что в предшествующий период за счет уменьшения детской смертности число выживших детей значительно увеличилось, через 15–25 лет скажутся в сильно повышенной доле молодых возрастов в составе населения. В итоге поколение взрослых детей оказывается значительно многочисленнее поколения их родителей²³. Действие данной ловушки при этом усиливается процессами быстрой урбанизации (см. об этом в последующих главах; см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2010а; Гринин, Коротаев 2009б).

«Молодежные бугры» в прошлые столетия наблюдались в истории многих модернизирующихся стран. Однако в современную эпоху в связи с большими успехами медицины младенческая и детская смертность упала до невиданно низкого уровня, но в ряде современных развивающихся стран уровень потребления стал существенно выше, чем был в предшествующие периоды даже в среднеразвитых странах. Поэтому и доля молодежи (а соответственно, и размер «молодежного бугра») сегодня при прочих равных условиях выше, чем в прежние эпохи. Соответственно и опасность попадания в молодежную ловушку в современный период для ряда развивающихся стран в чем-то даже возросла по сравнению с предшествующим периодом²⁴. Сегодня политологи нередко даже говорят о странах с молодежной возрастной структурой населения («молодежным бугром») как о «дуге нестабильности», простирающейся от региона Анд в Латинской Америке до районов Африки (особенно южнее Сахары), Ближнего Востока и северных регионов Южной Азии (Национальный разведывательный совет США 2009: 59). И такой прогноз, к сожалению, подтвердился в отношении Туниса, Ливии, Египта, Сирии, Йемена и других арабских стран в 2010–2011 гг. (как показано в Главах 4 и 5 настоящего раздела и последней главе третьего раздела).

²³ К этому времени рождаемость уже может существенно снизиться (начнется второй этап демографического перехода), но давление «молодежного бугра» от этого не исчезнет, хотя ситуация, в которой сами молодые люди будут иметь намного меньше детей, чем их родители, при прочих равных условиях существенно уменьшает их материальные трудности. Таким образом, наибольшее давление «молодежного бугра» в такой ситуации будет иметь место именно в период, пока большая часть подросшей молодежи не обзаведется семьями.

²⁴ Но одновременно за счет большего исторического опыта и помощи международного сообщества эта опасность также уменьшается.

Рентная составляющая модернизационных кризисов может иметь значение в случае, если какие-то природные ресурсы обеспечивают обществу возможность без особого труда длительное время получать высокие доходы, а правительству – возможность решать социальные проблемы и обеспечивать экономическое развитие²⁵. Естественно, уровень ожиданий в обществе сильно повышается. И если затем доходы общества (и соответственно правительства) неожиданно снижаются в результате падения цен или иных причин, то создается ситуация обманутых ожиданий. Возникают экономические трудности (рост цен на продукты питания, безработица и т. п.), нестабильность и вероятность сильных социальных волнений, особенно опасная при наличии «молодежного бугра»²⁶. В этом смысле механизм срабатывания молодежной ловушки различается в более бедных странах и в странах, имеющих доходы от природной ренты. В обществах с рентой, с одной стороны, за счет дополнительных доходов при прочих равных условиях темп модернизации, уровень потребления и особенно уровень ожиданий молодежи может быть существенно выше, чем в бедных (без ренты) странах. Но соответственно и резкое падение доходов от ренты может создать более сильную (и более быструю) кризисную ситуацию. При этом молодежь, которая может пострадать особенно сильно (или воспринимать свое положение особенно болезненно), оказывается ударной силой социальной нестабильности. О завышенных ожиданиях общества, приводящих к социальным взрывам, см. в последней главе третьего раздела.

Яркий пример такой «**молодежно-рентной**» ловушки представляет собой Алжир 1970–1990-х гг. Поскольку процесс попадания алжирского общества в ловушку подробно описан в Главе 4 этого раздела, в настоящей главе ограничимся только минимумом фактов. В течение 1970-х гг. в результате общего снижения смертности (особенно младенческой), а также роста производства продуктов питания и уровня потребления (до 2900 ккал на душу населения в день) в этой стране наблюдался быстрый рост молодежи (который продолжался и позже, в 1990-х гг., а уже в 2000-х гг. началось уменьшение этой доли; см. Рис. 2.4.20, 2.4.24, 2.4. 25, 2.4.30, 2.4.31 и др. в Главе 4).

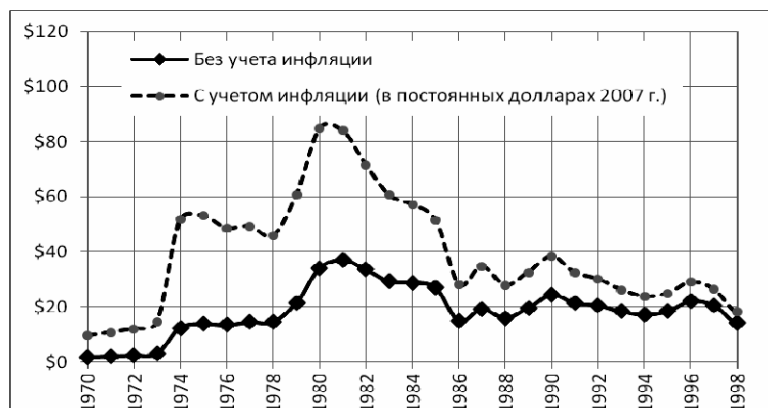
В течение этих же 1970-х гг. в связи с многократным ростом цен на нефть Алжирское государство прочно «село» на «нефтяную иглу». Как указывает Ж. Кепель, углеводородное сырье составляло 95 % выручки от всего экспорта и обеспечивало 60 % бюджетных поступлений, в итоге алжирское государство представляло собой своего рода народную нефтедемократию, поскольку доходы от нефти позволяли монополизировавшему их режиму покупать социальный мир (Кепель 2004: 164–166). Однако начиная с 1980 г. цены на нефть стали снижаться. В 1982–1986 гг. произошло двукратное или более падение цен на нефть (см. Рис. 2.2.2)²⁷. В итоге в октябре 1988 г. в результате роста цен на продукты первой необходимости и безработицы в Алжире вспыхнули народные (прежде всего молодежные) волнения, сопровождавшиеся погромами общественных организаций, шикарных магазинов и автомобилей (см.: Кепель 2004: 164–166; подробнее об этих событиях сказано в Главе 4). Таким образом, социальная нестабильность оказывается наглядно связанной с кривой цены на нефть²⁸.

²⁵ Это явление по сути своей достаточно хорошо известно под именем «ресурсной ловушки» или «ресурсного проклятия» (см., например: Auty 1993).

²⁶ Такое относительное ухудшение положения сказалось на социальном порядке даже в богатых Бахрейне (разумеется, тут мы оставляем без внимания межконфессиональные проблемы суннитов и шиитов) и Омане.

²⁷ По данным Ж. Кепеля, цена упала с 34 до 8 долларов за баррель, по другим данным – с 33,7 до 15,1 долларов за баррель (см.: Брагинский 2008: 28; см. также Рис. 2.2.2). Но надо учитывать, что в течение одного и того же года цена могла существенно колебаться.

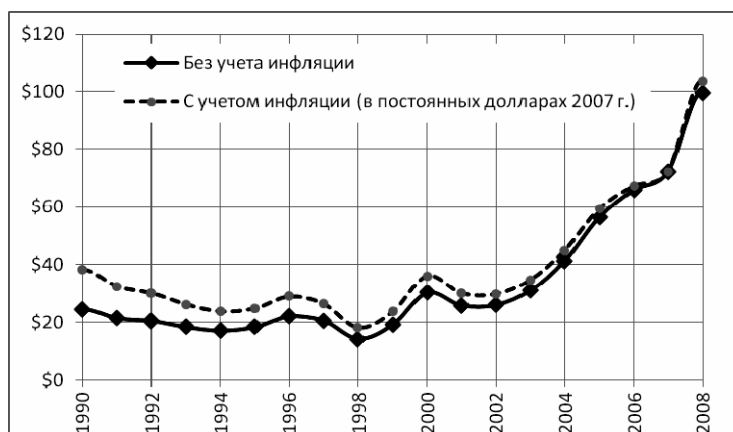
²⁸ Существенный рост цен на продукты первой необходимости стал важнейшей причиной роста социального недовольства в арабских странах в последнее время.

Рис. 2.2.2. Динамика мировых цен на нефть (в долларах за баррель), 1978–1998 гг.

Примечание: За 1970–1973 гг. указаны официальные цены на легкую саудовскую нефть, за 1974–1985 гг. — средние закупочные цены американских нефтеочистительных заводов на импортную сырую нефть, за 1986–1998 гг. — среднегодовые цены на нефть сорта WTI на центральном нефтехранилище в Кушинге (шт. Оклахома, США).

Источники: база данных организации *Earth Policy Institute* (Washington, DC, 2010). URL: www.earth-policy.org/datacenter/xls/update67_5.xls (цены на нефть за 1970–2006 гг.); World Development Indicators Online (Washington, DC: World Bank, 2010), URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (данные по инфляции в США).

В конечном счете социальная нестабильность в Алжире вылилась в 10-летнюю гражданскую войну. При этом затухание гражданской войны в 2000 г. и ее окончание в 2002 г. совпало с периодом нового роста цен на нефть (см. Рис. 2.2.3).

Рис. 2.2.3. Динамика мировых цен на нефть (в долларах за баррель), 1993–2006 гг.

Источники: база данных организации *Earth Policy Institute* (Washington, DC, 2010). URL: www.earth-policy.org/datacenter/xls/update67_5.xls (цены на нефть за 1970–2006 гг.); база данных *U. S. Energy Information Administration*. URL: http://www.eia.doe.gov/dnav/pet/pet_pri_spt_s1_a.htm (цены на нефть за 2007–2010 гг.); World Development Indicators Online (Washington, DC: World Bank, 2010), URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (данные по инфляции в США).

Итоги

Неизбежное в долгосрочной перспективе отставание темпов роста населения в сверхсложных аграрных обществах означало, что эти общества не могли вырваться из мальтузианской ловушки. В результате возникали относительное перенаселение, увеличение числа бедных людей и снижение уровня потребления порой до уровня физиологического голодания, что вело к социальному напряжению, ослаблению государства и кризису. При определенных обстоятельствах это могло стать спусковым механизмом социально-демографической катастрофы, которая означала завершение социально-демографического цикла. После восстановления политического и социального порядка мог начаться новый цикл, но, как правило, уже на несколько более высоком технологическом и социальном уровне. Однако вплоть до XVI–XVII вв., то есть до начала процесса модернизации, все попытки вырваться из мальтузианской ловушки оказывались безрезультатными.

Тем не менее процессы модернизации вместе с выходом из мальтузианской ловушки создают повышенную опасность социальных потрясений, включая революции и гражданские войны. Возникновение такой ситуации нестабильности было названо нами модернизационной ловушкой. Общая причина попадания в такие ловушки связана с ускоренным развитием общества, быстрым ростом населения и производства, изменением социально-демографической структуры, а также идеологии. Все это создает сильные диспропорции, разного рода напряжения и повышенный уровень ожиданий в обществе. *Механизмы срабатывания модернизационной ловушки могут быть разными, но все они связаны с возникновением того или иного кризиса именно в условиях предшествующего ему более или менее длительного подъема и роста.* Важно, что демографическая составляющая является в большинстве случаев одной из главных, а иногда и ведущей причиной попадания в модернизационную ловушку. В то же время необходимо отличать модернизационную ловушку с сильной структурно-демографической компонентой от мальтузианской ловушки, характерной для сверхсложных аграрных обществ.

Существуют различные модели модернизационных ловушек: урбанистская, марксова, молодежная (однако в каждой из них присутствуют разные составляющие, то есть совершенно чистые типы в реальности не наблюдаются). Как будет показано в последующих главах (см. также: Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Малков 2011), в современных условиях для многих развивающихся стран велика опасность сочетания молодежной и урбанистской ловушек, что может быть использовано для прогнозирования рисков политической нестабильности в этих странах, а также для разработки рекомендаций по их предотвращению (см., например: Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Кобзева 2011).

В заключение следует добавить: современные события показали, что даже миновав в прошлом одну модернизационную ловушку, общество может попасть в следующую, как это, к сожалению, недавно произошло с Египтом, где, несмотря на значительные усилия, революции избежать все же не удалось. Правда, события в Египте – и не случайно, а благодаря большому историческому опыту этого государства и народа – пока не приняли столь драматического характера, как в Ливии и Сирии.

Глава 3. Мальтузианско-марксова и марксова ловушки

1. Предварительные замечания

Настоящая глава написана на основе статьи (Гринин 2010б), посвященной интересной и плодотворной дискуссии, опубликованной в специальном выпуске альманаха «История и Математика» *О причинах Русской Революции* (Гринин, Коротаев, Малков 2010в), что позволило одному из авторов монографии развить идеи о мальтузианско-марксовой ловушке. Дореволюционная Россия хорошо демонстрирует сложности и опасности, возникающие перед страной в условиях быстрой модернизации, сопровождающейся повышенным темпом прироста населения, который является результатом начавшегося демографического перехода. Социальные диспропорции, созданные модернизацией, и растущее демографическое давление вызвали революционный взрыв невиданной ранее силы.

Основной вопрос дискуссии заключался в том, как оценить динамику уровня жизни основного населения России в предреволюционные десятилетия. Либо как типично мальтузианскую, когда в результате быстрого роста населения и обезземеливания крестьянства происходит постепенное понижение жизненного уровня, среднедушевое потребление продуктов питания колеблется на грани физиологического выживания, пока наконец в результате войны ситуация не перерастает в революционный кризис. Либо эту динамику надо оценивать как в целом положительную, в результате чего уровень жизни и потребления в России постепенно рос. Соответственно и причины русской революции оценивались по-разному. В первом случае как, по сути, неизбежный финал попадания страны в мальтузианскую ловушку (в этом случае ситуация в России по типу приравнивалась к социально-демографическим циклам в сверхсложных аграрно-ремесленных странах, в частности в Китае; о последнем из таких циклов подробно рассказано в Главе 1 настоящего раздела). Но такой подход явно игнорировал тот бесспорный факт, что в отличие от Китая или Османской империи XVII в. Россия была уже индустриализующейся страной. Сторонники иного подхода, утверждавшие, что жизненный уровень населения в России рос, по нашему мнению, были в этом пункте более близки к истине, чем сторонники первого подхода, однако они не могли удовлетворительно объяснить объективные причины русской революции, скатываясь к идеям случайности. Данная глава показывает на примере России, как и почему рост жизненного уровня в условиях начавшейся модернизации может приводить к революциям (в последующих главах это объясняется на примере современных обществ Африки и Азии).

2. Позиции участников дискуссии

В статьях главных дискуссантов С. А. Нефедова и Б. Н. Миронова обсуждается вопрос о том, понижался ли жизненный уровень и уровень потребления российских крестьян в XIX – начале XX в. вследствие роста малоземелья и недостаточной доходности крестьянского хозяйства под влиянием роста демографического давления. Следует иметь в виду, что спор идет вокруг исторических источников (архивных и статистических данных). Несколько утрируя, отметим, что С. А. Нефедов считает наиболее ясным показателем уровня жизни среднедушевое потребление калорий (прежде всего количества хлеба), Б. Н. Миронов, помимо этого, использует другой комплексный показатель – средний рост и индекс массы тела. Несомненно, эти показатели крайне важные. Однако потребление калорий (даже если мы имеем стопроцентно признанные данные, чего в настоя-

щий момент нет) не является полным показателем уровня жизни, на что правильно указывает С. В. Цирель (Цирель 2010). Он также подчеркивает, что совокупность условий, определяющих качество жизни, очень сложно оценить каким-либо одним показателем уровня жизни. Тем не менее, на наш взгляд, в этом плане крайне интересным показателем был бы валовой доход (или национальный доход) на душу населения и особенно его динамика (если она устойчиво росла, то даже при отсутствии роста потребления это свидетельствовало бы о росте уровня жизни, хотя и односторонне). Б. Н. Миронов (2010a) хотя и приводит данные о национальном доходе на душу населения на 1913 г., не предоставляет данных о динамике его роста. Но судя по данным, которыми располагают другие исследователи (см., например: Ляшенко 1956), темпы роста сельскохозяйственного производства не только не отставали от темпов роста населения, но даже превышали последние (см. также Табл. 2.3.1)¹.

Табл. 2.3.1. Производство хлеба и картофеля на душу населения

Периоды	Население, млн чел.	Чистый сбор хле- бов и картофеля, млн четвертей	На одну душу населения приходится в четвертях чистого сбора	
			Зерновых хлебов	Картофеля
1864–1866 гг.	61,4	152,8	2,21	0,27
1883–1887 гг.	81,7	255,2	2,68	0,44
1900–1905 гг.	107,6	396,5	2,81	0,87

А рост промышленности еще более существенно опережал рост населения; по некоторым, возможно, завышенным, данным, объем российской промышленности вырос в 4 раза с 1890 по 1913 гг. (Черкасов, Чернышевский 1994: 395), в результате чего постоянно росла доля промышленного производства в национальном доходе. Таким образом, имел место общий рост национального дохода на душу населения. А это значит, что и уровень жизни рос, хотя односторонне и по-разному в отношении разных групп населения.

Следовательно, уровень жизни и уровень потребления хотя и тесно связанные (особенно в отношении крестьян) показатели, однако не синонимичные. Уровень доходов может расти, но уровень потребления остается тем же или даже несколько снижается, если избыток доходов направляется на иные цели (скажем, на накопление или приобретение земли, орудий труда и т. п.). Но бесспорно, что российские крестьяне стали потреблять больше промышленных товаров, алкоголя, различного рода услуг (в том числе медицинских и образовательных)².

С другой стороны, в отношении релевантности антропометрических данных и сам Б. Н. Миронов признает, что питание являлось важным, но не единственным фактором, обуславливавшим состояние здоровья населения. Оно действовало в сложной взаимосвязи с другими факторами (Миронов 2002). Мы думаем, что конкретно в отношении дореволюционной России они действительно служат показателем того, что питание населения хотя и было достаточно скудным, но в целом не только не падало до уровня физиологического выживания, а, напротив, несколько росло³. Исходя из этого, а также из

¹ Очень любопытно, что эта таблица приведена в работе В. И. Ленина (Ленин 1974: 214). Согласно этим данным, рост чистых сборов намного опережал рост населения. П. И. Ляшенко (1956: 69–70) комментирует это так, что население росло в 2 раза медленнее, чем сбор всех хлебов и картофеля, а количество собираемого хлеба и картофеля на душу населения выросло на 48,4 %.

² Для сравнения: потребление тканей на душу населения в 1913 г. составляло 13,4 м², в 1950 г. – 16,5 м²; в 1960 г. – 26,5 м² (то есть ушло не так далеко, хотя легкая промышленность в СССР довольно активно развивалась) (Иоффе 1972: 225).

³ Однако в отношении универсальности использования такого рода данных (либо универсальности применяемых методик их интерпретации) заметно смущают выводы в отношении советского периода. Б. Н. Миронов говорит, что антропометрические данные показывают: с начала 1930-х гг. рост мужского населения повы-

статистических данных, приведенных Б. Н. Мироновым, его позиция в отношении уровня жизни российского населения выглядит более предпочтительной и более соответствующей общей экономической тенденции России как страны с быстро развивающейся промышленностью и растущим сельским хозяйством.

И все же если бы спор шел только о том, был ли более или менее удовлетворительным уровень потребления российских крестьян до революции и повышался он или нет, проблема оставалась бы достаточно узкоспециальной. Но фактически проблема гораздо острее. Дело в том, что вопрос, которым С. А. Нефедов начинает свою статью: «Была ли русская революция начала XX в. случайностью или кризис был обусловлен долговременными экономическими процессами?», – это фактически центральный вопрос дискуссии (Нефедов 2010: 25). Он также вполне логично спрашивает, почему все же произошла революция, если, по мнению Б. Н. Миронова, уровень аграрного производства «в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии» (Миронов 2008: 95).

Позицию С. А. Нефедова, что русская революция была совсем не случайной, а имела под собой глубокие причины, мы разделяем полностью. Однако с причинами, которые он считает главными, мы не согласны. С. А. Нефедов дает на свой вопрос, по сути, вполне логичный, но почти фаталистический ответ: «Фактически демографический взрыв был приговором старой России: при существовавшем распределении ресурсов страна не могла прокормить нарождающиеся новые поколения» (Нефедов 2010: 55). Таким образом, по его мнению, революция была неизбежна потому, что Россия находилась в состоянии сжимающейся мальтузианской ловушки, выйти из которой не могла, что неизбежно рано или поздно должно было привести к катастрофе. Мы полагаем, что такой фатализм, вступающий в противоречие с мощной динамикой роста производства в стране, ни в коей мере не может приниматься как безусловный. Далее мы поясняем, что в этом подходе, на наш взгляд, может быть признано правильным, а что – ошибочным.

Б. Н. Миронов в своей статье (Миронов 2010а) не отвечает на вопросы о причинах русской революции. Формально, конечно, его задача другая – показать, что в России уровень потребления был выше, чем считает С. А. Нефедов, и этот уровень постепенно, хотя и медленно, рос. Тем не менее, вопрос о причинах революции встает неизбежно: если все шло на подъем, в чем причина нарастающего недовольства в обществе, почему произошла революция, была ли революция только случайностью? И Б. Н. Миронов должен был дать на него ответ, хотя бы в своей ответной реплике Нефедову (Миронов 2010б) «Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить» (на наш взгляд, он не дал убедительного ответа на этот вопрос и в окончательном своем резюме по дискуссии). Можно согласиться с С. В. Цирелем, который считает (Цирель 2010), что ответ Б. Н. Миронова («Недостаток у двух последних императоров и общественности терпимости, мудрости и дальновидности привел к революции, погубившей в пучине многие достижения двухвековой модернизации»), высказанный им в другом своем произведении (Миронов 2003: 270), вряд ли что-либо объясняет⁴.

Таким образом, вопрос, почему на фоне такого, казалось бы, в целом благоприятного экономического развития в течение по крайней мере двух десятилетий нарастало общественное недовольство властью и фактически шла конфронтация всех слоев с верхами, крестьянства с землевладельцами, рабочих с хозяевами и т. п., является центральным

шался (Миронов 2009), когда именно 1930-е и 1940-е гг. были необычайно тяжелыми в смысле потребления, голода, государственных и военных тягот (объяснение, данное автором, в отношении советского периода 30–50-х гг. не кажется достаточно убедительным).

⁴ Фактически же пока приходится реконструировать позицию Б. Н. Миронова. В частности, как указывает П. В. Турчин (2010), Б. Н. Миронов в интервью журналу *Эксперт* (3 ноября 2008 г.) привлекает для объяснения революции элементы теории модернизации. Хотелось бы яснее понять, какие именно элементы этой теории он использует. За себя и за Миронова гораздо более развернутый ответ дал М. А. Давыдов (2010). Но и его ответ все же в основном сводится к роковым и крайне неудачно для России совпавшим случайностям. Отрицать такое совпадение не приходится, но закономерное нарастание революционных настроений в течение десятилетий показывает, что глубинные причины революции не были случайными.

вопросом дискуссии, что и подтвердили комментарии других ее участников. Давно обсуждается, не была ли в конечном счете революция случайностью, вызванной войной. На наш взгляд, нет, хотя доля случайности в столь успешной и быстрой февральской революции была, известная доля случая была и в захвате власти большевиками. Но нет никакого сомнения, что Россия и без войны стояла на пороге революции. Представляется интересным посмотреть, каким образом рост производства и даже потребления мог теоретически и фактически сочетаться с ростом общественной напряженности? Но предварительно стоит дополнительно привести несколько аргументов и цифр в пользу тезиса о росте потребления в предреволюционной России, а также рассмотреть вопрос о значении русского экспорта.

3. По поводу уровня жизни, роста производства некоторых продуктов и экспорта

Принципиальным является вопрос о том, находилась ли Россия в мальтузианской ловушке. Прежде всего стоит отметить, что согласно приведенному нами определению мальтузианской ловушки (см. глоссарий) она предполагает абсолютное ухудшение рациона крестьянства, постепенное уменьшение средней нормы потребления в связи с ростом населения и отставанием от него роста производства. Заметим, что, по нашему и многих других исследователей мнению, такой ситуации в России не было, хотя заметные элементы недопотребления у значительной части населения, безусловно, имели место. Но в целом, как говорилось выше, рост производства вообще и рост производства продуктов питания обгонял рост населения.

Поскольку в России был и быстро развивался внутренний рынок (и быстро рос оборот рынка внешнего), росли города и существовала достаточно высокая внутренняя миграция, даже те потребляющие губернии, где производство хлеба и картофеля оказывалось недостаточным, не находились в полной мальтузианской ловушке, так как могли производить иную высокотоварную сельхозпродукцию (например, лен) и соответственно приобретать продовольствие. Об этом не стоило бы и говорить, если бы уровень потребления не измерялся С. А. Нефедовым строго в натуральных величинах. Но период натурального хозяйства давно прошел, уже в начале XX в. земледелие давало крестьянам менее половины дохода, промыслы (по разным оценкам) – 22–28 %, доходы от скотоводства, огородничества, пчеловодства, рыболовства, собирательства, общинной собственности по бюджетным данным – 22 % (эти данные приводит Б. Н. Миронов в своей статье [Миронов 2010a]; см. там же его данные о доле денежных доходов в общем доходе крестьян). К 1913 г. ситуация, возможно, еще более изменилась в пользу несельскохозяйственных занятий. Таким образом, рост товарности и промышленности – которому мы уделяем особое значение при анализе условий для выхода из мальтузианской ловушки – позволял диверсифицировать доходы крестьянства, что вело к определенному росту потребления (по крайней мере, в среднем). О росте товарности можно судить по Табл. 2.3.3. При этом рост цен на продукты питания, особенно в последний период (с 1909 по 1913 гг.), был значительным, рост товарности аграрного производства опережал рост населения, а это означает, что имелись стимулы и резервы для увеличения внутреннего производства.

Конечно, рацион крестьян часто был скудным и не особенно разнообразным, весной продовольствия во многих семьях не хватало, в периоды недородов питание было и вообще неважным, но в целом оно было выше физиологической нормы. При недостаточной достоверности статистических данных (с учетом того, что главные аргументы вращаются вокруг цифры 10–15 % в ту или иную сторону от объемов душевого потребления) крайне важно установить динамику роста производства и потребления продовольствия. Представляется, что в целом она была повышательной. Хотя хлеб и картофель составляли основу питания россиян до революции, однако, кажется, есть основания считать, что шел рост потребления некоторых других продуктов, а это, вполне возможно, вело к уменьшению хлеба и картофеля в рационе россиян, по крайней мере в среднестатисти-

ческом выражении⁵. Такая тенденция была общеевропейской, хотя в России проявлялась слабее. В этой связи приведем данные по двум довольно показательным продуктам, которые реально активно внедрялись в питание россиян, – сахару и растительному маслу. Производство сахара выросло с 38,8 млн пудов в 1897 г. до 92,37 млн пудов в 1913 г., то есть в 2,4 раза (Брокгауз, Ефрон 1991: 237; Лященко 1956: 412–143; Иоффе 1972: 173). Производство растительного масла выросло с 3 млн (48 тыс. т) в 1893 г. до примерно 33,6 млн пудов, или 538 тыс. т, в 1913 г. (Брокгауз, Ефрон 1991: 239; Иоффе 1972: 172), то есть более чем в 10 раз. Разумеется, рос и экспорт продовольствия (см. Табл. 2.3.3), но в целом абсолютный прирост, остающийся в стране, по-видимому, существенно превышал рост населения⁶. С 1901 по 1912 г. питейные доходы казны возросли примерно в 2 раза, при этом с сельского населения – также в два раза⁷. Все это позволяет согласиться с Б. Н. Мироновым, что наблюдался некоторый рост доходов крестьян (и населения в целом⁸), а также, видимо, можно считать, что несколько увеличилось и среднее потребление продовольствия в пересчете на калории. В целом все это говорит о том, что имел место пусть и медленный, но рост потребления.

Б. Н. Миронов совершенно правильно отмечает, что в условиях отсутствия необходимой статистики относительно потребления нужно обращаться к косвенным источникам. Одним из таких косвенных, но важных источников, на наш взгляд, является русская литература, совершенно никак не затрагиваемая в статьях оппонентов. Хотя русская литература выступает как одна из самых реалистичных в мире, проблемы недоедания, голода никогда не являлись в ней ведущими. И это, как нам кажется, косвенно подтверждает, что уровень потребления – более высокий, чем физиологическая норма. Это полностью относится и к произведениям о крестьянах конца XIX – начала XX в. Возьмите произведения Л. Н. Толстого о них или более позднюю *Деревню* И. А. Бунина, или *Мужиков* А. П. Чехова, или рассказы В. Г. Короленко, или даже сочинения просоциалистического М. Горького (хотя бы его трилогию, особенно *Мои университеты*), – нигде проблема недоедания и тем более голода не является ведущей (если вообще присутствует). Главные темы: разрушение моральных, особенно семейных, норм из-за стремления к богатству, миродство, расслоение, пьянство, дикость нравов, бездуховность; отдельная важная тема – малоземелье («куренька некуда выпустить»). «Деревня насквозь беда», – говорит один из героев Горького, но не потому, что там голод, а потому, что там пьют, дерутся, нет смысла жизни, темнота, невежество и прочее. Можно также указать, что проблема голода не является ведущей и в рассказах М. Горького о его бродяжничестве по Руси и о русских бродягах того времени, которые почти всегда могли найти себе работу. Является важнейшей тема недоедания, например, в знаменитой пьесе «На дне»? Нет. О чем рассуждают опустившиеся люди – разве о хлебе? Нет, о смысле жизни: «Человек – это звучит гордо!» В русской литературе во многих произведениях описываются богомольцы, которым везде подают (пройдите в голодной стране тысячи верст до Киева, побираясь!). А вот малоземелье, повторим, действительно одна из главных тем литературы⁹.

⁵ Конечно, многие продукты потреблялись прежде всего в городах, но надо учитывать, что огромное число сельчан постоянно или временно жило в городах, крестьяне все чаще посещали города в праздники и тратили там деньги.

⁶ Отметим, что помимо экспорта существовал и продовольственный импорт, например риса, хотя, конечно, и намного меньший, чем экспорт продовольствия.

⁷ Согласно данным из первой статьи Б. Н. Миронова, питейный доход вырос с 1901 г. по 1912 г. с 476,3 млн р. до 953 млн р., в том числе с сельского населения – со 143,9 млн р. до 256,3 млн р.

⁸ Об этом свидетельствуют и другие показатели: рост вкладов в сберкассах, рост реальных зарплат рабочих, рост товарооборота и т. п. За 20 лет (с 1894 по 1913 г.) вклады в сберкассах выросли в 7 раз – с 300 млн р. до 2 млрд р. (Измestьев 1990: 77).

⁹ У Л. Н. Толстого есть ряд публицистических работ, посвященных проблеме голода в деревне, в частности: «О голоде» и «Голод или не голод?» (см.: Толстой 1984), написанные соответственно в 1891 и 1898 гг. по поводу бедствий, связанных с неурожаем и недородами. В них, особенно в последней работе, Толстой говорит о значительном недоедании крестьян центра в течение двадцати лет, то есть с конца 1870-х гг. (Тол-

Поэтому следовало бы разделить две стороны проблемы, которые у С. А. Нефедова являются практически синонимичными: малоземелье и балансирование на грани физиологического выживания. Малоземелье, причем постоянно усиливающееся, – да. Но балансирования на грани голодного физиологического выживания, как описывает С. А. Нефедов, или не было, или оно постепенно ослабевало, хотя было немало «голодных» районов. В деревне могли убить за землю (или за коня-кормильца), но не за хлеб! Мечта хозяйственных крестьян – прикупить (арендовать) землю. Малоземелье и тяжелые условия аренды земли (действительно полукрепостнической) – вот главные проблемы хозяйственных крестьян¹⁰. Характерно, что захват земли помещиков, а нередко и семян для ее засева был одной из наиболее распространенных форм крестьянских волнений до революции.

Отметим также, что поскольку крестьяне платили не запредельные налоги¹¹, а деньги можно было заработать как в деревне, так и в городе, продавать хлеб бедным крестьянам особой нужды не было (см. Табл. 2), что одновременно как способствовало росту уровня потребления бедняков, так и понижало его, поскольку при отсутствии потребности продавать значительное количество хлеба также исчезала и внешняя необходимость для многих бедняков стремиться к росту производства¹². Это могло усиливать диспропорции в уровне доходов, расслоение же в русской деревне (хотя это вопрос дискуссионный) было достаточно сильным, что видно даже из Табл. 2.3.2. Производство товарного хлеба было сосредоточено главным образом в руках крепких крестьян (кулаков) и в меньшей степени – в руках помещиков, что видно из Табл. 2.3.2. С учетом того, что цены на хлеб обгоняли остальные цены, их рост был выгоден крестьянству в целом, но прежде всего, конечно, зажиточным крестьянам. Это было одной из главных причин постоянного роста цен на землю (наряду с демографическим давлением)¹³. Середняки

стой 1984: 183). Но в то же время он подчеркивает – а это важно для целей настоящей работы, – что питание горожан было существенно лучше (Там же: 183, 185). Но стоит отметить, что в дальнейшем тема голода не фигурирует активно в публицистическом творчестве Л. Н. Толстого, во всяком случае, нам такие работы неизвестны. На наш взгляд, это подтверждает (или, по крайней мере, не опровергает) то, что динамика развития шла в сторону медленного улучшения положения с питанием. В этой же статье, кстати говоря, Толстой утверждает следующее: «Молодые люди черноземной полосы последние 20 лет все меньше и меньше удовлетворяют требованиям хорошего сложения для воинской службы; всеобщая же перепись показала, что прирост населения, 20 лет назад бывши самым большим в земледельческой полосе, все уменьшаясь и уменьшаясь, дошел до нуля в этих губерниях» (Там же: 183–184). Это высказывание важно в том плане, что оно одинаково противоречит идеям как Миронова, так и Нефедова, хотя нам трудно судить, насколько верными можно считать данные Л. Н. Толстого.

¹⁰ Что касается бедных крестьян, то нехватка продовольствия у них достаточно часто заключалась не в физической невозможности его произвести или заработать себе на хлеб, а в неумении хозяйничать, лени, апатии, пьянстве, порой в неудачно сложившихся обстоятельствах. По мнению Л. Н. Толстого (см. сноску выше), это связано с упадком морального духа крестьян черноземного центра. Расслоение крестьян на бедняков и хозяйственных, как известно, происходило и в первый период советской власти, в 1920-е гг., когда уже не было ни помещиков, ни экспорта хлеба в таком объеме. В романе М. А. Шолохова *Поднятая целина* очень хорошо показано, что некоторые крестьяне нерадиво относились к своему хозяйству и резко отрицательно – к накоплению. К слову сказать, даже в догосударственных и раннегосударственных обществах проблемы бедности (при недостатке земли и полной возможности прокормить себя) актуально существовали. М. Д. Салинз в своей знаменитой книге *Экономика каменного века* (Sahlins 1972; Салинз 1999) подробно описывает, что и эти протокрестьяне делились на хозяйственных и ленивых (в частности, он говорит об Океании), у последних часто не хватало пищи, и они, пользуясь тем, что родовые обычаи гостеприимства были в этих социумах сильны, активно посещали своих более богатых родственников, кормились там и получали подарки. Естественно, такая ситуация сказывалась на социальном статусе, но она показывает, что помимо социальных причин бедности практически всегда действуют и психобиологические.

¹¹ Хотя, возможно, все же их тяжесть несколько занижается Б. Н. Мионовым. Представляется также, что он не совсем правомерно считает, что выкупные платежи не надо относить к налогам. Даже если формально это были иные платежи, то фактически народ их и рассматривал как подати, и они были, по сути, принудительными.

¹² Ситуация, когда крестьяне предпочитали все потреблять сами и мало продавать, наблюдалась при нэпе, в результате рост производства хлеба замедлился, что, собственно, и явилось одной из причин коллективизации.

¹³ Аналогичная ситуация, как мы видели в Главе 1, складывалась в Англии в XVI–XVII вв., где цены как на землю, так и на ее аренду росли очень быстро, но спрос на нее со стороны крупных фермеров и зажиточных крестьян (йоменов) не сокращался (Дмитриева 1990; Тревельян 1959).

и бедняки поставляли только 28,4 % хлеба, при том что бедняки поставляли меньшую часть.

Табл. 2.3.2. Валовая и товарная продукция хлеба до Первой мировой войны (по Лященко 1956: 412–413)

	Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		% товарности
	млн пудов	%	млн пудов	%	
Помещики.....	600	12,0	281,6	21,6	47,0
Кулаки.....	1 900	38,0	650,0	50,0	34,0
Средняки и бедняки	2 500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого.....	5 000	100	1 300,6	100	26,0

С. А. Нефедов говорит о российском экспорте как о «голодном» и, по сути, как о чистом вычете из питания крестьян. На наш взгляд, это неправомерно. Стоит рассмотреть этот вопрос в разных аспектах. Думается, что рост экспорта в целом не вредил росту потребления, а, напротив, стимулировал его. Ситуация с экспортом была такова, что высокие цены на хлеб дополнительно побуждали к росту его производства. Без экспорта цены на хлеб внутри страны неизбежно были бы ниже, что не стимулировало бы производства хлеба, в результате производство и соответственно потребление его внутри страны могли бы быть даже ниже, чем при наличии экспорта. В Главе 1 этого раздела мы посвятили очень много внимания доказательству тезиса, что именно высокие цены могут выступать как триггер роста сельскохозяйственного производства и в целом возможности выйти из мальтузианской ловушки (см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин, Коротаев 2009б; Гринин, Малков, Гусев, Коротаев 2009). В XVIII в. в Англии (см. Главу 1 настоящего раздела) рост сельскохозяйственного производства сочетался с наличием огромного для этой страны объема экспорта хлеба в Европу¹⁴, но также и с быстрым ростом населения и урбанизации и одновременно с сильным расслоением по доходам внутри общества, достаточно высоким уровнем пауперизма и мощным процессом обезземливания крестьян (так как огораживания были наиболее массовыми именно в период второй половины XVIII в.)¹⁵. Напомним, что и теория Мальтуса возникла не на пустом месте, она отражала сильные напряжения, диспропорции и несправедливости периода модернизации, который в тот момент переживала Великобритания. Несмотря на существенные отличия русского варианта модернизации, тем не менее нельзя не заметить и значительных сходств в этом процессе между двумя странами.

Отметим также – и это не менее важно, – что экспорт давал России возможность ввозить капитал, делать внутренние займы (что, кстати, ослабляло налоговое давление на население и фактически частично вело к повышению потребления за счет заемных средств – этого не было бы при слабом рубле, а без экспорта хлеба рубль был бы слабым). Ввоз капитала и машин вел к росту рабочих мест, что позволяло тем же крестьянам зарабатывать больше и потреблять больше.

В целом рост экспорта и товарности вел, с одной стороны, к повышению сельскохозяйственного производства и к повышению потребления, но с другой стороны, к увеличению разрыва в доходах между разными слоями крестьянства. В результате социальное напряжение в обществе из-за этого могло нарастать.

¹⁴ Недаром, напомним, в XVIII в. Англию называли «зернохранилищем Европы» (Галич 1986: 191 со ссылкой на: Bairoch 1971: 30).

¹⁵ В течение XVIII в. йомеири исчезает полностью.

Табл. 2.3.3. Рост товарности и экспорта (по: Лященко 1956: 278–279). Рост железнодорожных перевозок (как показатель общей товарности сельскохозяйственных продуктов) и рост экспорта в 1911–1913 гг. по сравнению с 1901–1905 гг., по исчислениям П. И. Лященко (Там же), характеризуются следующими относительными цифрами (1901–1905 гг. = 100)

Наименование продукта	Рост перевозок	Рост экспорта
Зерновых хлебов.....	122	107
Свекловицы.....	246	98
Картофеля.....	161	365
Сахара.....	159	207
Спирта.....	160	409
Льна и конопли.....	131	131
Табака.....	136	1936
Мяса.....	1119 ¹⁶	207
Яиц.....	141	139
Молочных продуктов вообще.....	212	205
Масла.....	159	200
Птицы битой.....	150	153

4. Был ли социальный кризис в России?

Итак, каким образом сочетались экономический рост и определенный рост уровня жизни и нарастание революционных настроений?

Прежде всего отметим, что рост революционных и оппозиционных настроений далеко не всегда проистекает именно от того, что уровень жизни снизился до предела, до физического выживания. Напротив, нередко такого рода вещи вели просто к вымиранию населения (его «разбеганию», деградации и т. п.) без ярких или масштабных общественных проявлений (что может быть связано с неспособностью людей к такого рода сопротивлению, отсутствием у них необходимых организационных форм, физическим ослаблением населения и т. п.). Голод начала 1930-х гг. (Голодомор), как известно, не вызвал сильных волнений – народ просто умирал. Сокращение населения в России в XVI в. при Иване Грозном, связанное с разорением, войной и опричниной, не вызвало таких волнений. Но в иных условиях подобного рода вещи вызывают ожесточенное сопротивление (как было в 1920–1921 гг. в России).

Однако почему, собственно, революция должна быть обязательно вызвана только существованием на грани физиологической нормы потребления? На самом деле, как это ни парадоксально, часто революции и иные социально-политические потрясения происходят именно в период некоторого повышения уровня жизни населения (много таких примеров будет приведено нами в последующих главах), после которого неожиданное временное ухудшение на фоне устойчивого недовольства властью (причем и со стороны высших слоев тоже) вызывает всеобщее возмущение и социальный взрыв. По сути, это доказал еще Алексис де Токвиль, исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции (Токвиль 1997). Такого рода волнения могут быть связаны с нарастанием острых (но все же не уровня вопроса жизни и смерти людей) проблем. Именно неспособность властей решить эти проблемы в условиях, когда все решения завязаны именно на власти, могут вызвать к ней постоянное негативное отношение, а в определенный момент привести к взрыву. Иногда просто возникает ситуация, когда руководство надоедает населению, но само уже неспособно к защите своей власти. Так про-

¹⁶ Мы не совсем уверены в цифре, которую приводит Лященко по товарности мяса, но если она правильная, то рост перевозок мяса в 11 раз за 10–15 лет впечатляет и вовсе не говорит о том, что население балансировало на грани физиологической нормы потребления.

изошло и в феврале 1917 г. Таков был и конец СССР. При этом мы считали, что в период М. С. Горбачева жизнь стала совершенно невыносимой, а власть надо немедленно сменить. Но оказалось, что жизнь может быть существенно хуже вроде бы «невыносимой» жизни.

Сказанное, однако, ни в коей мере не позволяет полностью согласиться с Б. Н. Мироновым, который, по его же словам, «в последние десять лет в ряде статей и в книге *Социальная история России* доказывал, что в XIX – начале XX в. не было ни перманентного социально-экономического кризиса, ни обнищания населения» (см.: Миронов 2010а: 67 со ссылкой на: Он же 2003: 344–350). В этом высказывании необходимо строго разделить некоторые моменты. Да, мы согласны, что перманентного обнищания населения не было (хотя его очень большая часть жила весьма и весьма скудно); в принципе, можно считать, что не было экономического кризиса (если не брать во внимание ситуацию конца 1916 г.). Но как можно говорить всерьез о том, что не было социального кризиса, когда Россию сотрясали революции, крестьянские волнения, кровавые рабочие забастовки и беспорядки? Такое заявление выглядит довольно странным. Даже если Б. Н. Миронов считает, что революции в России были случайностью (его позиция по этому вопросу не была высказана однозначно), то и тогда социальный кризис все равно имел место. Без социального кризиса невозможны длительное и успешное существование подполья, политический террор, захваты помещичьих земель, упорное голосование за радикальные партии и т. п. В целом же, как сказано выше, по-видимому, и без мировой войны в России произошла бы новая революция, поскольку власть не пыталась провести глубокие социально-экономические преобразования¹⁷, а напряженность нарастала¹⁸. Уже в 1914 г. эта напряженность поднялась до весьма высокого уровня и дошла до баррикад. Иное дело, чем закончилась бы эта гипотетическая революция. Можно предположить, что, скорее всего, даже если бы она победила, не большевики пришли бы к власти. Вот приход большевиков к власти в гораздо большей степени был обусловлен особым стечением обстоятельств (в том числе вооруженным народом и надоевшей войной).

Сама же революция определялась вовсе не случайными, а глубинными причинами, которые мы далее и рассмотрим.

5. Демографическое давление и причины русской революции

Причины русской революции многообразны, их следует анализировать в разных аспектах. Но в целом их можно определить как усиливающееся несоответствие социального и политического строя и господствующей идеологии (возвышающей наиболее влиятельную элиту) быстрым социальным, экономическим и культурным изменениям в стране, включая и подпитывающий их быстрый демографический рост (в свою очередь поддерживаемый быстрым экономическим ростом). Другими словами, Российское государство и общество стали испытывать большие перегрузки, вызванные модернизацией, к которым их конструкция и идеология не были готовы. Только своевременные и глубокие перемены в государственном строе и обществе могли бы изменить ситуацию. Но поскольку они запаздывали, в связи с резким убыстрением темпа развития в обществе возникли серьезные деформации. На этом фоне все слабости режима резко обострились быстрым

¹⁷ По мнению многих исследователей, после смерти Столыпина крестьянская реформа окончательно заглохла. В качестве доказательства обычно приводят данные МВД по выходу крестьянских хозяйств на отруб и хутора. Однако рядом исследователей этот вывод оспаривается, так как они ссылаются на огромный размах землеустроительных работ и активно проводившиеся размежевания земель в 1910–1916 гг. (см., например: Тюкавкин 2001; см. также: Кривошеин 1993; ряд данных приведен и в статье М. А. Давыдова [2010]). Однако не совсем ясно, насколько такое размежевание, касавшееся в основном, по-видимому, общин, можно считать реформой, ведущей к росту частной земельной собственности.

¹⁸ Это не отменяет мысли о том, что теоретически революции можно было избежать либо при других действиях правительства, либо при ином правительстве.

демографическим ростом, который действительно стал постоянным источником напряженности. И все же, повторим, не недоедание было решающей причиной революции (напротив, реальное недоедание, через рост смертности, должно было бы затормозить демографический рост).

Прежде всего надо отметить, что первичный и наиболее организованный источник революционного напряжения был в городах. Между тем в городах питание было однозначно лучше, чем в деревне. Это лишний раз доказывает, что первичной причиной революции 1905 г., противостояния в столице в июле 1914 г., да и по большому счету февральской революции 1917 г.¹⁹ было не физиологическое недопотребление, а иные социальные проблемы, включая, конечно, и проблемы контрэлиты (см.: Турчин 2010)²⁰. Ибо если человек голоден, для него самое важное – быть сытым. Однако, приходя в город, зарабатывая достаточно, чтобы быть сытым (и даже пьяным), пользуясь благами городской цивилизации, почему россияне не успокаивались? Как видно, причины недовольства были глубже недоедания.

Важнейшая проблема России состояла в том, что в стране сложилась очень сильная диспропорция между уровнем жизни, доходами (а также и потреблением) разных слоев и страт населения (традиционная диспропорция между старыми и новыми господами, с одной стороны, и народом – с другой; между крестьянами богатыми и бедными). При этом очень значительная часть населения оказалась в ситуации, когда положение отно-

¹⁹ Если не считать проблему перебоев со снабжением в городах во время войны. С одной стороны, возникновение массовых волнений в феврале 1917 г. доказывает, что русские города всегда снабжались хорошо, горожане никогда не испытывали трудностей с продовольствием, вот почему перебои со снабжением стали столь мощным катализатором роста недовольства. С другой стороны, Февральская революция произошла в условиях войны, которая стала очень непопулярной, в условиях полного падения престижа царской власти. Никакие перебои с хлебом в других условиях (военных побед, уважения к царской семье, неразложившейся армии и т. п.) никогда не вызвали бы подобного развития событий. Это был бы просто эпизод народного недовольства, каким его изначально и считали.

²⁰ С некоторыми выводами Турчина можно согласиться, в частности с тем, что в России не было понижения жизненного уровня населения, что оскудение дворянства играло определенную роль. Однако согласиться с его идеями о перепроизводстве элиты в России как главной причины русской революции не представляется возможным. Бесспорно, в России каждый грамотный человек на что-то претендовал, и стремление к государственной службе было велико (в том числе это было одним из мотивов вовлечения в революционную деятельность российского еврейства, отстраненного от службы; хотя можно ли назвать евреев контрэлитой? Все-таки вряд ли). Но отметим, что в России катастрофически не хватало образованных людей, так что в большинстве случаев человек мог вполне прилично себя содержать. Быстро растущие города, банки и промышленность открывали блестящие перспективы сотням тысяч российских интеллигентов, которые, кстати сказать, на частной службе получали гораздо большее жалованье, чем на государственной. Любопытно, что процент дворян среди российского офицерства и даже генералитета постоянно падал (что стало одной из причин ненадежности армии), это свидетельствует о том, что российские дворяне больше не рвались в армию. Отметим также, что множество оппозиционных деятелей получили блестящие высокооплачиваемые посты, в частности в Думе, различных комитетах, но это не уменьшало их стремления к изменению строя согласно их идеологии. Думаем, что между стремлением прилично устроиться в рамках существующего строя и маниакальным стремлением свергнуть этот строй и установить справедливый порядок существует большая разница; первая характеризует контрэлиты, а вторая – революционный настрой, проистекающий от состояния не столько материальной неудовлетворенности, сколько духовной. Иными словами, российские интеллигенты и революционеры искали не возможности больше зарабатывать (хотя они этим вовсе не брезговали, но считали достаточно низким мотивом), а правды жизни, высшей справедливости; они не столько желали служить, сколько вершить судьбы страны. Мы не думаем, что это хорошо вписывается в структурно-демографическую теорию, скорее, это именно общее (хотя и ложное) ощущение устарелости строя, его неадекватности, связанное с модернизацией (роль которой П. В. Турчин как раз неправомерно отрицает), приходом на общественную арену новых слоев, новых классов. И опять же – российский пролетариат и частично мелкая буржуазия были основной революционной силой. Между тем классическая структурно-демографическая теория вовсе никак не объясняет этот феномен. Мы также не видим никаких требований обнищавшего дворянства к наделению его землей или какие-то иные специфические требования обделенных элит. Вряд ли и П. В. Турчин укажет такие специфические элитарные требования в период русской революции. А раз нет специфических требований, нет и смысла говорить о контрэлите как о чем-то самом главном. А вот лозунги рабочих и крестьян были вполне классовыми и вполне осозаемыми, что говорит в пользу ведущей роли модернизации в сочетании с демографическим давлением (что мы и пытаемся далее доказать).

сительно (в гораздо меньшей степени абсолютно) ухудшалось по сравнению с положением других слоев. Рост общего богатства страны не вел к его достаточно равномерному распределению, чтобы преимущества трансформации могли почувствовать все слои населения, а отсталость социально-политического режима не позволяла произвести или довести до конца необходимые реформы и модификации²¹. Социальная политика если и не отсутствовала вовсе, то была весьма слабой, и в лучшем случае сводилась к помощи голодающим районам в случае неурожаев.

Если рассматривать вопрос в аспекте социальной психологии, то главный источник недовольства в дореволюционной России (так сказать, на уровне самых общих причин первого порядка) проистекал из того, что жизнь сильно изменилась и постоянно менялась (где-то в лучшую, а где-то – в худшую сторону). В результате произошла и социально-психологическая переоценка социального порядка. То, что раньше казалось естественным и неизбежным, теперь стало казаться невыносимым. С одной стороны, социальная ситуация уже не удовлетворяла изменившееся под влиянием огромных перемен мировоззрение людей (ставших значительно грамотнее). С другой стороны, социальная психология не успевала приспособиться к изменениям, понять действительные (а не кажущиеся) причины трудностей, правильно оценить изменения. Поэтому большинство населения (то есть крестьяне) не хотели мириться с сильным социальным расслоением внутри общины, несправедливостью, возросшей ролью денег, новой моралью, не хотели ломать привычного уклада, в то же время быстро усваивая привычки более зажиточного образа жизни. Последнее особенно касалось фабричных рабочих (которых многие русские писатели и общественные деятели считали просто развращенными мужиками и бабами). Они не были, конечно, зажиточными, но и отнюдь не голодали, даже праздновали каждое воскресенье (и не питались по карточкам, как их потомки в советское время)²². Среди рабочих, тем более квалифицированных, было много хорошо зарабатывающих людей. И все же именно рабочие (и даже служащие, которые уж тем более жили лучше крестьян) оказались ударным отрядом революции. С другой стороны, ни государство, ни элита не были готовы к быстрым изменениям, и они вовсе не желали перемен, отвечающих насущному моменту, поэтому и дали мало людей, способных переломить ситуацию. Россия стала сложной по социальному составу страной, а власть по-прежнему рассматривала ее строй, говоря словами историка С. М. Соловьева, как общество, состоящее из двух слоев: мужей и мужиков (в частности, считая такими и городских рабочих).

Однако какую роль играло в русской революции относительное аграрное перенаселение и вызванное им малоземелье в русской революции? Бесспорно, огромную. Поскольку именно постоянный рост малоземелья, связанный с мощнейшим демографическим давлением и общинным землевладением, не позволял быстрее внедрять новые формы хозяйствования и усиливал экологический кризис, создавая постоянное напряжение в обществе, и придавал русской революции те размах, глубину и упорство, которые и привели страну к катастрофе. Однако опыт истории (в том числе и СССР) показывает: само по себе крестьянство не способно совершить революцию и обычно даже не способно дать запал революции. Без «городского» запала революции не будет, власть, скорее всего, удержится. Кроме того, крестьянство как таковое не стремится свергнуть власть, захватить ее, это идея городской интеллигентской экстремистской части, крестья-

²¹ Общеизвестно, насколько наличие общины усугубляло демографическую и экономическую ситуацию в основных районах страны, изменение общинного строя в периоды, предшествующие революции 1905 г., могло бы привести к лучшим результатам.

²² Если вернуться к примерам из русской литературы, то можно вспомнить, например, знаменитый роман А. М. Горького *Мать*, где рабочие вовсе не показаны как голодающие; произведения А. И. Куприна *Молох* и *Юзовский завод*, в которых описываются тяжелые, античеловеческие, нездоровые условия работы, но не голодающие рабочие и т. п. Можно также сослаться на некоторые произведения К. М. Станюковича, А. С. Серафимовича и др.

янтство стремится к переделу земли, и потому его можно успокоить (см. ниже мнение П. А. Сорокина по этому поводу). Поэтому, повторим, революции в своей начальной фазе в России были в первую очередь городскими, крестьянство вступало в борьбу позже и во многом под влиянием агитации из города (имея в то же время свою собственную идею и основу для недовольства)²³. Иными словами, малоземелье и демографическое давление не были решающими причинами в смысле возникновения революции, но их можно считать решающими в отношении придания ей огромного размаха и разрушительной силы, позволившей уничтожить целый ряд важнейших институтов общества.

Все это позволяет сделать вывод, что в России не было типичного классического мальтузианского структурно-демографического кризиса, характерного для позднеаграрных стран с государством, которое можно было бы определить как развитое. В России были уже крупная промышленность и зрелое государство²⁴. Классическая структурно-демографическая теория, вопреки тому, что говорит П. В. Турчин, не объясняет в достаточной мере этих ситуаций²⁵. А в этой ситуации, как мы видели, демографическое давление играет очень важную, но не решающую в возникновении революции роль. По сути, это давление не может даже создать глубокий социальный кризис, а может быть только его фоном или придать ему общенациональный размах и особую глубину. Вот почему в России в начале XX в. уже не было типичной мальтузианской ловушки. В России сложился особый вид кризиса, характерный для индустриализующихся стран с сильными пережитками феодализма, который мы могли бы назвать мальтузианско-марксовой ловушкой, о чем и идет речь далее.

6. Что такое мальтузианско-марксова ловушка и была ли она в России?

Напомним, что под мальтузианской ловушкой мы понимаем типичную для *доиндустриальных* обществ ситуацию. А именно, наличие мальтузианской ловушки предполагает, что общество не может технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства так, чтобы она росла быстрее населения; а также не имеется системы (либо она очень ограничена и неустойчива) такого международного разделения труда, при котором бы ряд государств мог сосредоточиться на производстве промышленной продукции, обеспечить этим более быстрый рост ВВП по сравнению с ростом населения, ввозя недостающее продовольствие. Очевидно, что в России до 1917 г. ситуация была существенно иной. Имелся огромный экспорт продовольствия, рост производства и производительности в сельском хозяйстве не отставал и даже обгонял рост населения, а рост промышленности был еще более быстрым. При этом технологически открывались огромные возможности для дальнейшего роста продуктивности сельского хозяйства и производительности аграрного труда (в виде кооперации, применения новых агрономических приемов, удобрений, машин и т. п.)²⁶. Колоссальные возможности открывались и частично реализовывались в плане превращения общинной (технологиче-

²³ Отметим, кстати, что и большевики долго рассматривали крестьян как инертную или реакционную массу.

²⁴ Согласно нашей типологии эволюции государственности можно выделить: раннее; развитое; зрелое государство (см.: Гринин 2007*б*, 2007*е*; Гринин, Коротаев 2007, 2009*а*; Grinin 2011*а*; Grinin, Korotayev 2006). Последний тип (в своих оформившихся чертах) относится только к странам, в которых уже началась индустриализация.

²⁵ Напомним, что классическая структурно-демографическая теория в ряде существенных моментов опирается на идеи Дж. Голдстоуна (см., например: Нефедов 2005). Сам Голдстоун строил свою теорию на базе социально-политических кризисов XVII в. (Goldstone 1988, 1991) в странах, которые, по моей терминологии, относились к развитым, но не зрелым государствам. Структурно-демографическая теория в гораздо меньшей степени приложима к зрелым индустриализующимся государствам. Но даже и к ряду развитых государств, в том числе Англии XVII в. и Османской империи (включая ее часть – Египет) в XVII–XVIII вв., к Египту XIX в. она приложима не полностью (см., например: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Гринин 2007*з*; Гринин, Коротаев 2009*б*). Ниже мы еще частично коснемся этого вопроса.

²⁶ С 1908 по 1912 гг. расходы на приобретение машин возросли в 2,5 раза – с 54 млн р. до 131 млн р. (Измestев 1990: 77).

ски менее производительной) собственности на землю в частно-надельную²⁷. Развитие промышленности и известные реформы могли вывести страну на другую траекторию развития. Вот почему наиболее разумные и умеренные реформаторы в России говорили о необходимости более рациональной перестройки крестьянского хозяйства.

Это доказывает важность сказанного в предыдущей главе: необходимо различать две в чем-то похожие, но существенно различные модели, связанные с мальтузианской ловушкой. Первая – когда общество не в состоянии технологически разрешить мальтузианскую проблему; вторая – когда технологически она решаема, но в процессе ее разрешения возникают сильные социально-экономические диспропорции. И в итоге выхода из мальтузианской ловушки общество может попасть в новые типы ловушек, которые имеют как заметное сходство с мальтузианской ловушкой, так и заметные отличия. Причем, поскольку выход из мальтузианской ловушки занял в целом три века (с XVI по XIX), неудивительно, что мы видим эволюцию самой ловушки, в которой мальтузианская составляющая постоянно уменьшается, однако остается существенной, и появляются новые составляющие. Но по мере развития исторического процесса отличия становятся все более заметными.

В предыдущей главе мы представили типологию этих модернизационных ловушек. В настоящей главе будет подробно рассмотрен один из таких типов. Сначала мальтузианская ловушка может эволюционировать в то, что возможно назвать «мальтузианско-урбанистской ловушкой». Речь прежде всего идет уже о прединдустриальных обществах с высоким уровнем урбанизации и сложившейся буржуазией, таких как Англия перед революцией 1640 г. или Франция кануна Великой французской революции.

Как мы показываем в Главе 1 Раздела 3 (см. также: Гринин, Коротаев 2009б), взаимосвязь уровня урбанизации и социально-политической нестабильности неслучайна. В целом, по нашему мнению, уровень урбанизации в районе 10–25 % от общего количества населения для аграрно-ремесленных и индустриализующихся стран означает не просто то, что значительная часть их населения живет в городах, но что они вступили в период коренной модернизации. Иначе говоря, они достигли уже такого уровня социально-экономического и политического развития, который жестко требует больших структурных (политических, правовых, социальных, культурных и пр.) изменений. А поскольку экономические и демографические процессы очень часто обгоняют остальные (включая идеологию и социальное сознание), возникает большое напряжение в обществе, что резко повышает вероятность политических и социальных потрясений. Такой фазовый переход может быть связан с революциями, крупными реформами и другими социальными потрясениями. В отношении России реформы второй половины XIX в. (1860–1870-х гг.) как раз были связаны с приближением к порогу в 10 % городского населения (Водарский 1973: 68), а революции начала XX в. – с заметным его преодолением.

Главное отличие политических кризисов и политических выступлений против власти в условиях мальтузианско-урбанистской ловушки (по сравнению с ситуацией в позднеаграрных сословных обществах) заключается в следующем: имеется стремление превратить выступление в общенациональное, придать ему ярко выраженный идеологический характер, изменить существующий строй (не просто совершить переворот, не просто добиться каких-то требований), создав при этом общенациональный орган власти. При этом ядром, первичной силой такого движения выступают высшие городские

²⁷ Ситуация несколько напоминала ситуацию в XVI в. в Англии, где выделение из общины и системы открытых полей вело к резкому росту производства. Как мы помним из Главы 1 этого раздела, в Англии в XVI в. считали, что один огороженный акр стоит полутора (или больше) неогороженных (общинного) (Дмитриева 1990: 10). Хотя в ряде отношений (и, пожалуй, в целом) Россия существенно опережала Англию XVI – начала XVII в., но в некоторых смыслах стояла на том же уровне, а где-то и отставала. Это касается, в частности, типологически сходной ситуации с общинным землевладением (борьба против которой шла в обеих странах), стремлением части крестьян выделиться.

слои (частично, конечно, и контрэлиты или часть элиты, отстраненной от власти, но она в любом случае принимает новую идеологию). Иными словами, совершается типичная социальная революция²⁸.

В странах, где модернизация шла в большей или меньшей степени естественным путем, новым по сравнению с мальтузианской (домодернизационной) ловушкой стала урбанистская или, в странах с большей ролью сельского хозяйства, как ее вариант, урбанистско-мальтузианская. Так в Англии XVI–XVII вв. скорее речь надо вести об урбанистской ловушке, а во Франции конца XVIII в., поскольку там положение крестьянства было хуже, а роль сельского хозяйства – выше, урбанистско-мальтузианской. Неудивительно, что роль крестьянства в обеих революциях была принципиально разной, в то же время роль горожан и нового типа хозяев и там и там была не просто высокой, но ведущей.

В случае ускоренной модернизации, то есть при переносе индустриальной технологии в комплексе, мы видим иную картину. В частности в России уровень урбанизации стал быстро подниматься, только когда там появилась фабричная промышленность, а промышленный пролетариат стал заметным слоем общества. В таких случаях возникает уже новый тип ловушки: мальтузианско-марксова ловушка.

Остановимся еще раз на сходствах и отличиях мальтузианско-марксовой и типичной мальтузианской ловушек. Сходство, несомненно, заключается в том, что в обоих очень сильна составляющая демографического давления, которое в аграрном секторе может проявляться в зависимости от системы крестьянского хозяйствования в росте малоземелья и арендной платы либо в усилении налогового пресса и повинностей в пользу землевладельцев. Однако в отличие от типичной мальтузианской ловушки в случае мальтузианско-марксовой ловушки проблема перенаселения уже является не фатальной, а скорее социальной, поскольку: а) рост ВВП обгоняет рост населения; б) рост товарности в обгоняет рост населения, в результате чего урбанизация растет более быстрыми темпами, чем население в целом; усилия и капиталы направляются в наиболее доходные отрасли, что ведет к новому росту ВВП; в) уровень жизни каждого человека зависит не от количества земли, а от его денежных доходов, что позволяет усилить процессы социальной мобильности, диверсификации занятий населения, вовлечения населения в более активную жизнь, в целом поднимает уровень жизни.

Однако такая быстрая динамика экономики и миграций требует существенных трансформаций в политическом строе, правовой системе и прочем, а эти изменения могут существенно запаздывать. В результате возникают диспропорции, которые в зависимости от общества выражаются в том или ином раскладе сил, идеологии и прочем. Именно эта диспропорция (своего рода разность потенциалов) выступает как первичная причина революции. Мальтузианская составляющая (но уже не на уровне буквального физиологического голодания и балансирования на уровне голодной нормы) является уже вторичной причиной, но в чем-то более глубокой, и в смысле того, что аграрный сектор является большим по численности, более фундаментальной (однако сама по себе она не способна привести к такого рода переворотам). Это дает в огромном количестве социально горючий и взрывоопасный материал, особенно в виде большого числа молодежи (см. об этом еще в последующих главах).

²⁸ По поводу социального состава революционно настроенных масс П. А. Сорокин (1992б: 286) пишет: «...число групп, вовлеченных в революционное движение, особенно во времена великих революций, достаточно значительное. Эти группы крайне разношерстны и состоят из людей самых разных социальных позиций. Здесь можно увидеть и негодующего за прошлые унижения профессора, и обиженного редактором газетчика, и ущемленного знатно интеллектуала, и обанкротившегося банкира, и разорившегося аристократа, и голодающего рабочего, и разоблаченного авантюриста, и склонного к насилию преступника, а также душевно неуравновешенного, но готового к самопожертвованию идеалиста». Очевидно, что такое сочетание революционной смеси может быть только в крупных городах.

Сказанное подтверждается и давно замеченным отличием в степени революционности жителей городов и деревень. Сторонник этой идеи П. А. Сорокин, в частности, писал: «Профессор Э. Хайес справедливо отмечал, что горожане, как правило, более революционны, чем сельчане. Более того, они обычно выступают зачинщиками, в то время как революция затухает чаще в деревне. Из недавних событий примерами, иллюстрирующими этот тезис, могут служить события в России, Венгрии, Баварии и Италии, а еще раньше события, происходящие в период парижской коммуны во Франции... и даже во времена Великой французской революции» (Сорокин 1992б [1925]: 287). Сам Сорокин объяснял этот феномен тем, что индустриальные города – новый феномен социальной жизни, а человек менее приспособлен к условиям большого города, чем к сельской жизни (Там же), что только частично является верным, точнее, является верным в основном для горожан в первом поколении (что, кстати говоря, нами специально отмечалось, см.: Гринин, Коротаев 2009б). Зато другая причина большей революционности горожан, указанная Сорокиным, – слишком большое неравенство состояний и условий в городе, которое постоянно стоит перед глазами рабочих (Сорокин 1992б: 287), – является более постоянной причиной социального недовольства²⁹.

По мере развития индустриализация мальтузианско-марксова ловушка превращается в марксову ловушку. По мере роста городского населения и стабилизации отношений в деревне, а также и замедления рождаемости, основной упор социальных отношений переносится не просто в города, но в отношения предпринимателей и рабочих. Революция 1848 г. во Франции (с учетом, конечно, неурожаев предыдущих лет) – очень характерный ее пример. Здесь мальтузианская составляющая была слабее выражена в деревне (которая осталась консервативной) и сильнее в городах. Марксова ловушка, таким образом, связана с обострением классовых антагонизмов и, как следствие, периодическим обострением классовой борьбы. Но в связи с улучшением положения рабочих в конце XIX – начале XX в. постепенно намечается выход и из нее, свидетельством чего стали появление и усиление так называемого оппортунизма и тред-юнионизма, а также социального реформирования и рабочего законодательства. В России также шла трансформация мальтузианско-марксовой ловушки в марксову, но для этого надо было хотя бы частично разрешить аграрный вопрос и перестроить поземельные отношения. Именно здесь и споткнулась русская модернизация.

Капитализм в этот период еще молодой, он развивается в основном вширь, экстенсивно. Марксова составляющая связана с целым рядом последствий изменения принципа производства. Во-первых, ручной труд заменяется машинным, а это означает вытеснение целых отрядов ремесленников и кустарных производств новыми технологиями. В разных странах социальные последствия такого явления могли быть разными (в Англии или Индии они были несравнимо более тяжелыми, чем в России), но везде они имеют место. Во-вторых, более или менее длительное время государство слабо вмешивается в отношения труда и капитала. Отсутствие социального законодательства в условиях значительного притока трудовых мигрантов нередко делало работников беспомощными, а эксплуатацию – варварской. Но главное заключалось в том, что положение рабочих было нестабильным: во времена подъема их набирали в большом количестве, а во времена кризисов начинались массовые увольнения. Хотя в России первые рабочие законы начали принимать еще в конце 1880-х гг., все же положение рабочих было достаточно тяжелым, поэтому неудивительно, что рабочее движение было сильным, а в ситуации экономических кризисов резко возрастала опасность социального взрыва.

²⁹ Отметим, что Сорокин уделял большое внимание голоду как фактору социального недовольства и революции (см., например: Сорокин 1994, там же даются ссылки и на ряд других его работ на эту тему). Но наряду с голодом он приводит еще множество других причин революций, которые обобщает как «подавление инстинктов». Он подчеркивает, что такое подавление инстинктов возрастает очень часто не абсолютно, а относительно; что необходимо постоянно помнить об этой релятивности (Сорокин 1992б: 274).

Таким образом, и в марксовой ловушке имеет место мальтузианская составляющая, поскольку ресурсов рабочей силы много и деревня ее поставляет в избытке. Речь идет о так называемом аграрном перенаселении. Однако важно учитывать, что оно возникает не просто по причине того, что не хватает земли, но особенно по причине роста производительности труда в сельском хозяйстве. А социальный взрыв происходит не потому, что все большее число людей живет на грани физиологического выживания, а прежде всего потому, что налицо чрезмерная эксплуатация и огромная диспропорция в распределении выгод от быстрого экономического роста³⁰.

Поскольку приходящие в город рабочие не обладают ни социальным опытом, ни квалификацией, неудивительно, что именно они становятся наиболее страдающей группой, с одной стороны, и наиболее восприимчивой к агитации – с другой. Возникает диспропорция между спросом на квалифицированную рабочую силу и чрезмерным предложением неквалифицированной рабочей силы (обычно состоящей из молодых и социально-активных людей). В результате наблюдается большой разрыв в доходах рабочих разных групп.

Избыточные представители молодых возрастных когорт, не востребованные в деревне, уходят в города в поисках лучшей доли и уже там начинают влиять на развитие социально-экономических и политических процессов в обществе. Чем закончатся эти процессы, зависит от конкретных условий. В любом случае – это критический период в жизни любого общества, выходящего из мальтузианской ловушки. Именно такая ситуация сложилась в российском обществе в конце XIX – начале XX в.

7. Был ли выход из мальтузианско-марксовой ловушки у России?

В развитие идеи различия между мальтузианской и мальтузианско-марксовой ловушкой уместно задать следующий вопрос. Был ли у России приемлемый, некатастрофический выход из социально-демографического кризиса? Могло ли развитие ее экономики в конечном итоге дать такой выход, но страна сорвалась по причине неумения решать социальные вопросы? Или было фатально неизбежным, что рост населения раньше или позже втянет страну в катастрофу? Из контекста С. А. Нефедова следует, что катастрофа была неизбежной. Мы уже говорили выше, что не согласны с таким ответом на поставленный вопрос. Заметим, однако, что революция сама по себе была более неизбежна, чем катастрофа, поскольку сама по себе революция в других условиях совсем не обязательно должна была вести к катастрофе. Ведь не было никакой катастрофы в результате Первой русской революции. Напротив, страна получила мощный импульс к развитию. Таким образом, новая революция в других условиях вполне могла бы привести скорее к положительным, чем к отрицательным результатам, особенно если бы она закончилась частичным поражением революционеров и определенными уступками власти (на наш взгляд, путь через конституционную монархию был бы для России оптимальным). Таким образом, хотя революция 1917 г. и не была случайностью, но ее исключительно трагические результаты во многом определялись все же особым стечением обстоятельств. Мало того, в меньшей степени, но и сама революция не была неизбежной, если бы удалось провести ряд необходимых изменений.

Могла ли Россия выйти из мальтузианско-марксовой ловушки? Да, могла, но для этого надо было перестроить общину, внедрить частную собственность в сельское хозяйство, каким-то образом ускорить перестройку помещичьего землевладения (которое уже и так менялось – частью земли просто продавались, частью поместья трансформировались в интенсивное хозяйство), перестроить государственную систему и систему образования. Сделать все это Россия теоретически могла, но для этого требовались иная элита, иная власть или хотя бы иные люди на вершине власти. Поэтому Б. Н. Мironov неправ, когда, критикуя оппонента, говорит: «Если все беды России происходили от фа-

³⁰ Сегодня это измеряется в различных коэффициентах, особенно коэффициентом Джини.

тально высокого естественного прироста населения, то пережитки крепостничества, политика правительства и другие социально-экономические факторы не должны иметь того большого значения, которое им придается. Если дело в политике власти, которая не смогла обеспечить адекватное развитие сельского хозяйства, то высокие темпы естественного прироста населения не могли стать решающим фактором революции, на чем настаивает С. А. Нефедов» (см.: Миронов 2010б: 115). Такая альтернатива неправомерна, поскольку обе группы причин усиливали друг друга, именно из-за такого взаимного усиления революционизирующих факторов катастрофа и произошла (плюс особые обстоятельства войны). Рост малоземелья, излишнего населения в деревне создавали горючий материал, который мог вспыхнуть при ситуации неудачного правления и/или неудачных внешних условий, хотя при более умелом и тонком управлении этого вполне могло бы не произойти.

В этом плане поучительно сравнить историю России и Египта в XIX–XX вв. В истории Египта в XIX – начале XX в. было несколько важных моментов, существенно сходных с развитием России, если рассматривать их в рамках демографически-структурной теории. Население Египта за 100 с небольшим лет (с 1800 по 1907 г.) увеличилось почти в 3 раза (с 3,5–4 до 11 млн чел.) и продолжало расти. Всего за 10 лет (с 1898 по 1907 г.) оно увеличилось на 14 % (Panzac 1987; McCarthy 1976). Этот рост вполне сопоставим с ростом населения в России (если учесть расширение территории в России и стабильную территорию Египта). В конце XIX – начале XX в. перенаселение остро ощущалось и в Египте. Быстрый рост населения привел также к росту малоземелья и массовому обезземеливанию крестьянства (см.: Фридман 1973). И так же, как в России, в Египте в течение всего этого времени шла мощнейшая модернизация экономики и государства (о модернизации в Египте см.: Гринин 2006а). Но в отличие от России там не было социальной революции и не произошло никакой катастрофы (была борьба за независимость от английской оккупации, вылившаяся в бурные события 1919 г.). История Египта второй половины XIX – начала XX в. (хотя это была восточная страна) не связана ни с голодовками, ни с эпидемиями, ни с катастрофическим уменьшением населения³¹. Таким образом, тут мы наблюдаем важную особенность протекания исторических закономерностей, которая выражается в том, что сходные причины и даже сходные последствия этих причин (рост населения – демографическое давление – напряженность в обществе) не всегда вызывают сходную реакцию общества, а характер «ответа» сильно зависит как от исторических традиций и особенностей эпохи, так и от менталитета, качества государства и лидеров³². Не в последнюю очередь благополучное развитие Египта было связано с английской оккупацией (после 1882 г.), которая создала более эффективную политическую систему и уделяла больше внимания экономическому развитию, чем власть в России (впрочем, события 2011 г. показали, что полностью избежать попадания в свою «ловушку на выходе из ловушки» Египту все-таки не удалось, однако произошло это с заметно менее катастрофическими последствиями).

В России же возрастающее демографическое давление наложилось на обострение социальных проблем и неспособность власти должным образом разрешить возникающие противоречия и диспропорции в ходе догоняющего экономического развития. Таким образом, Россия в начале XX в., выходя из мальтузианской ловушки, попала в ту самую модернизационную ловушку, которая, как выясняется, находится прямо на выходе из мальтузианской ловушки.

³¹ В первой половине XIX в. так же, как и в России, эпидемии привели к сильному уменьшению прироста населения и временами к сокращению населения в целом. Тут кстати заметить, что в Египте потери населения были гораздо более тяжелыми в процентном отношении, чем в России, эпидемии были неоднократными, хотя случались они в фазе роста, когда перенаселения еще не было, свободной земли было много, что также несколько идет вразрез с идеями структурно-демографической теории о том, что на этой фазе последствия эпидемий не столь тяжелые.

³² Идея разных ответов, которые дают разные общества на сходные вызовы, была одной из любимых у А. Д. Тойнби (1991).

Глава 4. Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах¹

Часть 1. О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем

С точки зрения демографической ситуации современный этап истории человечества кардинально отличается от всех других исторических эпох. Глобальный демографический переход изменил ход исторических процессов до неузнаваемости. Если в большинстве стран численность населения в наши дни относительно стабильна или стабилизируется, то развитие аграрных империй то и дело прерывалось социально-демографическими коллапсами, то есть периодами депопуляции, за каждым из которых стоят сотни тысяч, а иногда миллионы человеческих трагедий (см., например: Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010). Связано это было во многом с тем, что вплоть до самого недавнего времени человечество находилось в так называемой «мальтузианской ловушке» (см. глоссарий)².

В ходе исторического процесса человечество внедряло инновации, расширявшие его экологическую нишу (см., например: Гринин 2006б). В Новое и Новейшее время этот процесс стал все более ускоряться, и показатели ВВП на душу населения стали все больше превышать необходимый для простого выживания минимум.

В XIX в. человечество вступило на путь демографического перехода (что было тесно связано с гиперболически ускорявшимся технологическим, экономическим и демографическим развитием Мир-Системы – см. подробнее: Коротаев, Малков, Халтурина 2007), и это в сочетании с ростом производительности сельского хозяйства и общим мощнейшим модернизационно-технологическим прорывом последних веков позволило большинству стран окончательно вырваться из «мальтузианской ловушки» социально-демографических циклов (математические модели выхода из мальтузианской ловушки см.: Коротаев, Малков, Халтурина 2007; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010; см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; см. об этом также в следующих главах).

Теория «демографического перехода на сегодняшний день является одной из наиболее авторитетных демографических теорий. Демографический переход представляет собой коренную смену типов воспроизводства населения и является одной из важнейших составляющих процесса общей модернизации социальных систем. Исторически он начинается со снижения смертности и перестройки ее причин. Затем происходит снижение рождаемости, но лишь через какое-то время, с запаздыванием. Несинхронность изменения рождаемости и смертности приводит к «демографическому взрыву» – взрывообразному увеличению темпов роста населения. Однако это – временное явление; при завершении демографического перехода и рождаемость, и смертность стабилизируются на низком уровне, и демографический взрыв прекращается (см., например: Вишневский 1976, 2005; Капица 1999; Борисов 2001; Коротаев, Малков, Халтурина 2007; Chesnais 1992; см. также наше определение в глоссарии).

Первая стадия демографического перехода сопровождается падением смертности в связи с улучшением обеспеченности населения продовольствием, развитием систем во-

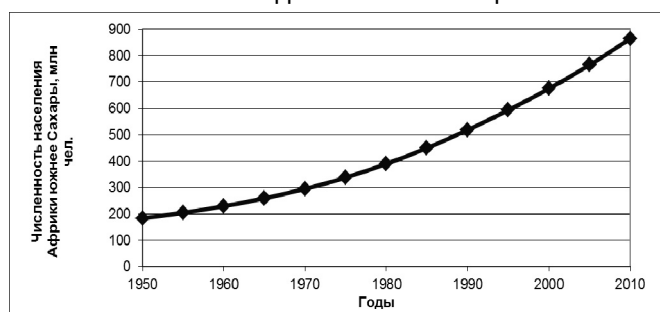
¹ В соавторстве с Д. А. Халтуриной, С. В. Кобзевой, Ю. В. Зинькиной, Ю. В. Божевольновым, С. Ю. Малковым.

² На языке нелинейной динамики ее также можно назвать «аттрактором равновесия нижнего уровня» (*low-level equilibrium attractor*) (ср.: Nelson 1956).

доснабжения и канализации, технологий здравоохранения, а также в связи с распространением современных медицинских знаний, что обуславливает увеличение скорости роста населения. На второй стадии дальнейшее развитие медицины вкупе с другими модернизационными процессами (в особенности в связи с ростом уровня образования среди женщин) ведет к массовому использованию средств ограничения рождаемости и снижению темпов роста населения (см., например: Chesnais 1992; Вишневский 1976, 2005, 2006; Коротаев, Малков, Халтурина 2007).

В африканских странах к югу от Сахары модернизационные процессы начались в целом позже, чем в других регионах мира. Если численность населения развитых стран к настоящему моменту полностью стабилизировалась, а в ряде случаев имеет тенденцию к снижению (см., например: Коротаев, Халтурина 2009), то многие страны Тропической Африки совсем недавно перешли от первой фазы демографического перехода, фазы увеличения относительных темпов роста населения, к фазе второй, когда происходит их снижение и стабилизация. В результате численность населения в этом регионе пока интенсивно растет (см. Рис. 2.4.1).

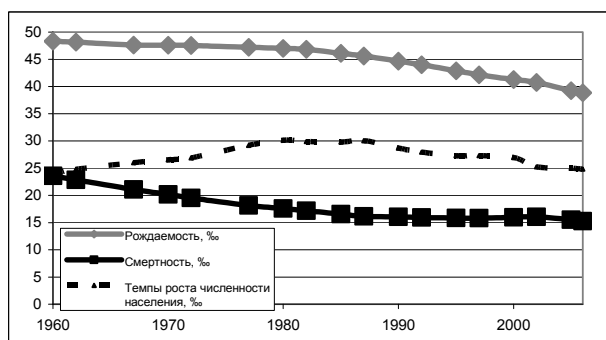
Рис 2.4.1. Численность населения Африки южнее Сахары в 1950–2010 гг., млн чел.

Источник данных: UN Population Division 2010.

Хотя население Тропической Африки и растет все еще очень быстро, темпы роста в последнее время снижаются, в первую очередь за счет снижения рождаемости (World Bank 2010). Относительные темпы роста населения стабилизировались в начале 1980-х гг., а с начала 1990-х они постепенно снижаются. Динамика рождаемости, смертности и роста населения в Африке южнее Сахары представлена на Рис. 2.4.2.

Рис. 2.4.2. Динамика рождаемости, смертности и темпов роста населения Африки южнее Сахары в 1960–2006 гг., ‰³

Источник данных: World Bank 2010.

³ ‰ — промилле, то есть в данном случае на тысячу человек. Таким образом, скажем, общий коэффициент смертности величиной в 15 ‰ на год X означает, что в этом году умерли 15 из каждой тысячи человек данной популяции (например, при численности популяции в миллион человек это будет значить, что в соответствующем году умерло 15 000 человек).

Если современная тенденция продолжится, то можно предсказывать стабилизацию численности населения Африки уже через 30–50 лет (Акимов 2004)⁴.

Вместе с тем заметная часть стран Тропической Африки до сих пор находится в мальтузианской ловушке. Правда, это уже не классическая мальтузианская ловушка, а так сказать, постклассическая. При классической мальтузианской ловушке рост населения происходит прежде всего либо по причине того, что имеются большие резервы земли и других факторов производства, либо потому, что на первых фазах социально-демографических циклов рост производства временно опережает рост населения. Однако приближение численности населения к потолку экологической емкости территории при определенной технологии ставит непреодолимые преграды на пути преодоления этих ограничений. При этом важно отметить, что такие классические мальтузианские ловушки возникают либо в центре Мир-Системы, либо, по крайней мере, на ее полупериферии. И попадание в них обществ свидетельствует об их высоком (выше среднего) уровне развития и об успехах этого развития.

Постклассическая ловушка, напротив, возникает в периферийных и даже глубоко периферийных обществах Мир-Системы. Можно сказать, что она возникает в результате модернизации мира в обществах, в которых процессы модернизации идут недостаточно или не вполне эффективно. При этом в отличие от классической мальтузианской ловушки потенциально уже имеются технологии, способные решить проблему обеспечения населения продуктами питания в условиях роста населения. Как мы видели выше, в Главах 2 и 3 настоящего раздела, вступление общества в стадию экономической, культурной и социальной модернизации вовсе не отменяет немедленно действия мальтузианских факторов. При этом последние в зависимости от успехов и глубины модернизации проявляют себя по-разному. В этом плане можно считать, что постклассические мальтузианские ловушки также связаны с модернизацией, только с очень ограниченной или явно неудачной, в результате которой процессы демографического перехода начинаются (то есть рождаемость остается высокой, а смертность существенно сокращается, что ведет к быстрому росту населения), а процессы перестройки экономики идут существенно медленнее. Попадание в постмальтузианские ловушки также частично объясняется внешней помощью уже модернизовавшихся стран, что может уменьшать смертность, но не способствовать росту производства. Внешняя помощь, сопровождаемая военно-политическим и/или идеологическим доминированием, может стать также фактором неверных социально-политических действий. Например, социалистические эксперименты в ряде стран Африки обернулись возрастанием рисков социально-демографических катастроф в этих обществах.

Рассмотрим, например, экономико-демографическую динамику Эфиопии накануне свержения режима Менгисту Хайле Мариама⁵ (см. Табл. 2.4.1 и Рис. 2.4.3–2.4.4).

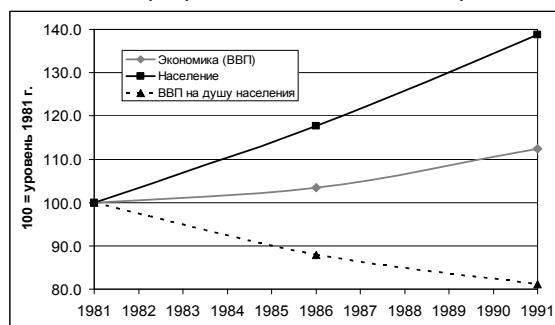
⁴ Впрочем, в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. заметный вклад в снижение темпов роста населения Тропической (и в особенности Южной) Африки внес и рост смертности в связи с распространением эпидемии СПИДа (см., например: Поликанов 2000). Можно сказать, что эпидемия СПИДа в современной Тропической Африке имеет и некоторый мальтузианский компонент подобно эпидемиям, являвшимся одним из механизмов демографических коллапсов в аграрных империях. Действительно, если бы население африканских стран не росло столь интенсивно, то у африканских обществ было бы гораздо больше ресурсов для борьбы с этим страшным бедствием. Другой предпосылкой распространения СПИДа и других инфекционных заболеваний (малярии, туберкулеза и т. д.) в Африке является возникновение интенсивной панафриканской коммуникационной сети, и в этом смысле эпидемиологическая ситуация в современной Африке до некоторой степени аналогична «патогенной атаке» на Мир-Систему XIV–XV вв. (см.: Коротаев, Малков, Халтурина 2007). Отметим, что и наблюдавшееся в самые последние годы некоторое замедление снижения темпов демографического роста в Африке южнее Сахары объясняется возобновлением снижения смертности в этом макрорегионе, достигнутым во многом благодаря определенным успехам в борьбе с этой эпидемией.

⁵ О свержении этого режима в 1991 г. см., например: Adejumbi 2007.

Табл. 2.4.1. Экономико-демографическая динамика Эфиопии в 1981–1991 гг.

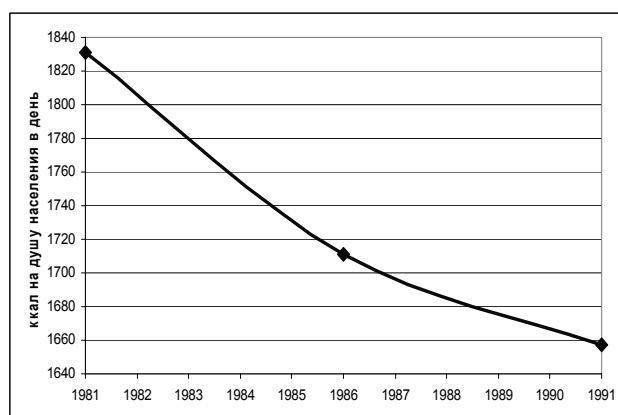
Год	Экономический рост 1: суммарное производство ВВП		Демографический рост: население		Экономический рост 2: произ- водство ВВП на душу населения		Подушное потребление продоволь- ствия
	в млрд между- народных дол- ларов 2005 г., в паритетах покупательной способности	в % от уровня 1981 г.	в млн чел.	в % от уровня 1981 г.	в между- народных долларах 2005 г.	в % от уровня 1981 г.	в ккал на чел. в день
1981	21,76	100	35,8	100	607,85	100	1831
1986	22,50	103,4	42,1	117,6	534,24	87,9	1711
1991	24,47	112,5	49,7	138,7	492,85	81,1	1657

Источники: World Bank 2010; FAO 2011b.

Рис. 2.4.3. Экономико-демографическая динамика Эфиопии в 1981–1991 гг.

Как мы видим, ситуацию в Эфиопии в десятилетие, предшествовавшее падению режима Менгисту Хайле Мариама, нельзя характеризовать как период полной экономической стагнации. Общий тренд экономической динамики в Эфиопии в этот период был положительным. С 1981 г. по 1991 г. ВВП Эфиопии вырос достаточно заметно — на 12,5 %. Однако население Эфиопии за тот же период выросло значительно сильнее — почти на 40 %. В результате ежегодное производство ВВП на душу населения за этот период упало с и так уже крайне неблагоприятного уровня в 608 долларов ниже катастрофически низкого уровня — 500 долларов.

Аналогичное катастрофическое падение испытал и уровень обеспеченности населения продовольствием (см. Рис. 2.4.4).

Рис. 2.4.4. Динамика потребления продовольствия в Эфиопии в 1981–1991 гг., ккал. на чел. в день

На 1981 г. продовольственная ситуация в Эфиопии также была уже очень неблагоприятной: среднедушевое потребление на этот год составляло 1831 ккал на чел. в день (при рекомендованной ВОЗ норме 2300–2400 ккал [см., например: Naiken 2002; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 186]). Однако на фоне бурного демографического роста, сопровождавшегося заметно более медленным экономическим ростом, среднедушевое потребление продовольствия в Эфиопии упало уже откровенно ниже физиологического минимума. Отметим, что достаточно быстрый рост населения, который наблюдался в Эфиопии в 1980-е гг., на фоне выраженного относительного перенаселения и массового недоедания показывает достаточную обоснованность тезиса С. А. Нефедова (2005, 2010) о том, что высокие темпы демографического роста возможны в модернизирующихся обществах и в условиях выраженного перенаселения и массового недоедания за счет распространения современной медицины и санитарных технологий, позволяющих поддерживать смертность на относительно низком уровне даже в таких условиях (в традиционных обществах в подобного рода условиях обычно происходило очень заметное, вплоть до отрицательных значений, снижение темпов демографического роста [см., например: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007]).

Важно отметить, что столь низкий уровень среднедушевого потребления означает, что заметная часть населения страны оказалась на грани голодной смерти. В такого рода ситуации для многих обитателей страны присоединение к криминальным группировкам (или повстанческим армиям, которые, как известно, легко трансформируются в криминальные группировки и наоборот) оказывается по-своему логичным выбором – продолжать пытаться добывать себе средства к существованию привычным образом оказывается нередко равноценным практически неизбежной голодной смерти, присоединение же к бандитскому формированию/повстанческой армии дает хоть какие-то шансы выжить (ср.: Chu, Lee 1994). И подобное развитие событий наблюдалось в XX в. отнюдь не только в Эфиопии, но и во многих других странах, например в Мозамбике, Сомали, Демократической Республике Конго и т. д. (см., например: Small, Singer 1982; Crowder, Fage, Oliver 1986; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 178–200).

* * *

В настоящей и следующей главах даются описания и анализ причин попадания обществ в новые ловушки в процессе выхода из мальтузианской ловушки или в результате (вследствие) выхода из нее. В предыдущих главах раздела мы называли такие ловушки модернизационными или постмальтузианскими по причине того, что, с одной стороны, они возникают в результате возникновения диспропорций под влиянием быстрых изменений, созданных теми или иными процессами модернизации, а с другой – модернизация производства и социальных отношений обычно также связана с демографической модернизацией, вследствие которой численность населения сильно возрастает. С учетом такого взгляда и постклассическую мальтузианскую ловушку также можно считать модернизационной, только в этих случаях главными как раз оказывались успехи демографической модернизации, а технологическая модернизация отставала от нее.

Постклассическую мальтузианскую ловушку также можно рассматривать и как ловушку, возникшую в самом начале пути к выходу из мальтузианской ловушки. Однако, как мы видели выше, такие ловушки на выходе из мальтузианской ловушки могут возникать на разных этапах этого достаточно длительного пути, нередко уже десятилетия спустя после достижения обществом уровня потребления, свидетельствующего о преодолении мальтузианских ограничений. Прежде всего, следует определиться в том, что уровнем, свидетельствующем о выходе из мальтузианской ловушки является устойчивое превышение нижней границы рекомендуемой ВОЗ нормы среднедушевого потребления

продовольствия в 2300–2400 ккал/день на человека (Naiken 2002). Уровнем, свидетельствующим, что общество находится в ситуации физиологического выживания условно можно считать среднее потребление в 1700–1800 ккал/день на человека. Соответственно, общество, в котором идет устойчивый рост потребления от уровня 1700 ккал/день до уровня 2300 ккал/день можно считать выходящим из мальтузианской ловушки. Эти критерии дают возможность приблизиться и к классификации модернизационных/постмальтузианских «ловушек на выходе из мальтузианской ловушки». Такая классификация желательна уже потому, что мы наблюдаем целый спектр случаев попадания в новые ловушки при выходе из мальтузианской как в отношении объемов потребления в обществах, так и в отношении сроков возникновения кризисов, свидетельствующих о попадании общества в нового типа ловушку. Разумеется, для того, чтобы сделать такую классификацию, потребуются дополнительные исследования. Однако предварительно можно предложить следующий вариант типологизации.

Ловушки на выходе из ловушки можно разделить в зависимости от времени возникновения кризиса на возникающие а) в процессе выхода (примером здесь могут служить йеменские волнения 2011 г.); б) в скором времени в результате выхода (см., например, описанный ниже случай гражданской войны в Сальвадоре); в) отсроченные (до двух десятилетий), становящиеся возможными в результате смены поколений, когда к активной жизни приходит более многочисленное поколение, появившееся в результате модернизации и выхода из мальтузианской ловушки (примером здесь может служить, скажем, исламская революция в Иране); г) длительно отсроченные (до 30–40 лет), когда проблема низкого уровня потребления оказывается уже забытой обществом и оно ожидает постоянного роста уровня жизни, однако вторая фаза демографического перехода еще не завершена, в результате чего демографическое давление остается сильным (примером здесь могут служить, скажем, революции 2011 г. в Египте и Тунисе). Ниже в этой и в следующих главах мы увидим примеры, характерные для всех четырех типов попадания в новые ловушки.

В свете рассмотренных нами выше материалов также представляется целесообразным рассмотреть подробнее некоторые конкретные случаи внутривнутриполитических потрясений последних десятилетий.

Албания – социально-политический коллапс 1997 г.

В 1997 г. Албания была охвачена волной насильственных народных выступлений, связанных с обвалом финансовых пирамид, в результате которого сотни тысяч албанцев потеряли все свои сбережения. Как известно, сходные проблемы наблюдались в 1990-е гг. во многих постсоциалистических странах (включая Россию – вспомним хотя бы знаменитый обвал пирамиды МММ), но нигде это не приводило ни к чему похожему на социально-политический коллапс, сходный с албанским:

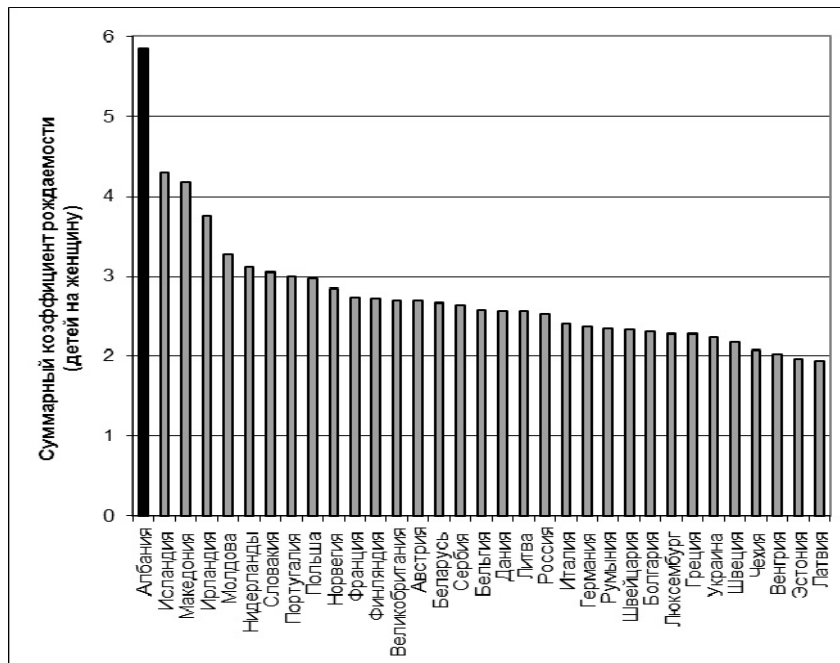
«К началу марта 1997 г. Албания погрузилась в хаос... Армия и полиция в основном разбежались. Арсеналы были разграблены..., началась эвакуация иностранных граждан и массовое бегство албанцев в Италию. Правительственная власть... испарилась. Когда массовые беспорядки разразились в конце марта в Тиране, правительство ушло в отставку... Около 2000 человек было убито... Из арсеналов было разграблено почти 1 млн единиц огнестрельного оружия... Многие части страны оказались вне правительственного контроля» (Jarvis 1999: 17). Порядок в стране был восстановлен только после введения в страну иностранных войск (прежде всего итальянских) (Там же: 18).

В свете материалов, проанализированных нами выше, можно в этой социально-политической неустойчивости предположить некоторую «мальтузианскую» составляющую. На протяжении большей части рассматриваемого периода Албания была

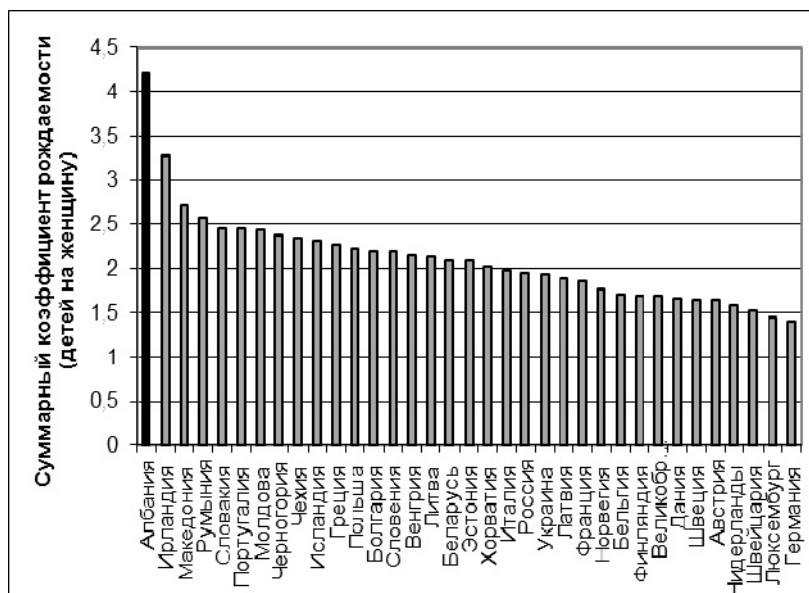
самой бедной европейской страной с аномально высокой для Европы рождаемостью (см. Рис. 2.4.5).

Рис. 2.4.5. Суммарный коэффициент рождаемости в странах Европы в 1960, 1977 и 1987 гг.

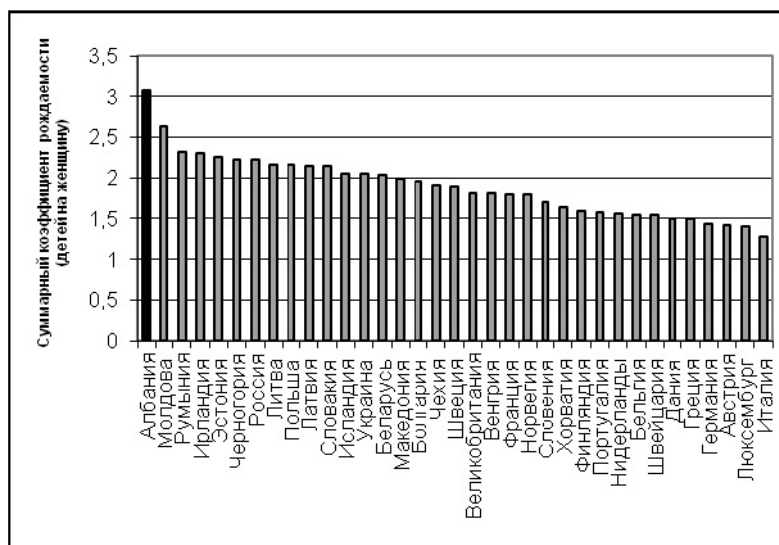
а) 1960 г.

б) 1977 г.

в) 1987 г.

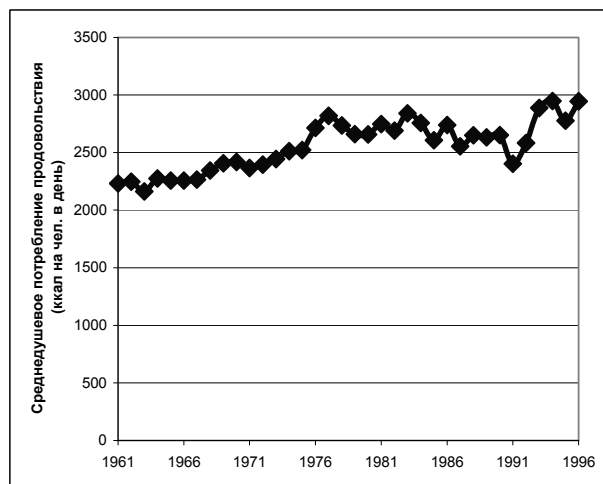

Источник данных: World Bank 2011.

В таких условиях, казалось бы, есть все основания ждать развития совершенно классического мальтузианского сценария: рост численности населения, обгоняющий рост производства средств к существованию – падение уровня потребления продовольствия к уровню голодного выживания (или даже ниже) – социальный взрыв.

В свете сказанного интересно рассмотреть реальную динамику среднедушевого потребления продовольствия в Албании за три с половиной десятилетия, предшествовавшие социально-политическому коллапсу 1997 г. (см. Рис. 2.4.6).

Рис. 2.4.6. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Албании в годы (1961–1996 гг.), предшествовавшие социально-политическому коллапсу 1997 г., ккал на чел. в день

Источник данных: FAO 2011b.

Как мы видим, динамика данного показателя для Албании рассматриваемого периода оказывается едва ли не прямо противоположной той, что следовало бы ожидать исходя из мальтузианского сценария. Еще в начале 1960-х гг. проблема недоедания стояла перед населением Албании вполне реально, а среднедушевое потребление продовольствия было несколько ниже рекомендованной ВОЗ нормы в 2300–2400 ккал на человека в день. Однако в 1960–1970-е гг. Албании удалось добиться очень заметных успехов в решении продовольственной проблемы, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. среднедушевое потребление продовольствия в этой стране превысило рекомендованную ВОЗ норму и после этого уже ниже ее не опускалось. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. темпы роста этого показателя замедлились, а в 1983–1991 гг. в этой стране даже наблюдалась некоторая тенденция к его снижению, что, конечно, отражает те серьезные экономические трудности, с которыми столкнулась Албания в последние годы «коммунистического» периода своей истории (см., например: Sandstrom, Sjöberg 1991). Однако даже в самый тяжелый для Албании 1991 г. среднедушевое потребление продовольствия в этой стране не упало ниже рекомендованной ВОЗ нормы. С другой стороны, после 1991 г. Албании удалось добиться новых успехов в решении продовольственной проблемы и в 1993–1996 гг. среднедушевое потребление продовольствия находилось на рекордно высоком за всю историю страны уровне, а к 1997 г. оно приблизилось уже к тому, что можно было бы назвать скорее «уровнем переедания», чем недоедания.

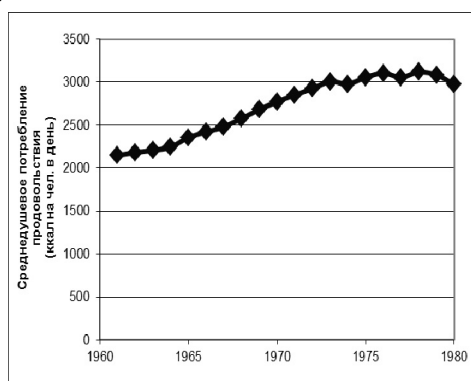
В любом случае, можно вполне уверенно сказать, что применительно к Албании 1961–1997 гг. ни о каком падении уровня потребления населением продовольствия к уровню голодного выживания в результате демографического роста, обгоняющего рост производства средств к существованию, говорить не приходится. Заметно более правильным представляется сказать, что именно в эти годы Албании удалось достаточно успешным образом выбраться из мальтузианской ловушки⁶. Очевидно, социально-политическая неустойчивость в этой стране имеет совершенно другие причины!

Южная Корея – восстание 1980 г. в Кванджу

В годы после завершения Корейской войны самое крупное народное восстание в Южной Корее произошло в 1980 г. в городе Кванджу (300 тыс. участников, до 2000 погибших, в подавлении участвовало 5 дивизий регулярной армии). При этом данное восстание сопровождалось серией народных волнений в соседних городах (Lewis 2002).

На этом фоне динамика среднедушевого потребления продовольствия в Южной Корее за двадцать лет, предшествовавших вышеупомянутому народному восстанию, представляется в высшей степени примечательной (см. Рис. 2.4.7).

Рис. 2.4.7. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Южной Корее в годы (1961–1980 гг.), предшествовавшие восстанию в Кванджу, ккал на чел. в день

⁶ Социально-политический коллапс 1997 г. естественным образом привел к некоторому падению уровня среднедушевого потребления продовольствия (ниже 2700 ккал на чел. в сутки), что было все равно выше рекомендованного ВОЗ уровня, а в дальнейшем рост данного показателя возобновился (FAO 2011b).

Как мы видим, и в Южной Корее в начале 1960-х гг. проблема недоедания стояла вполне реально, а среднедушевое потребление продовольствия было также несколько ниже рекомендованной ВОЗ нормы. И в этой стране в 1960-е – начале 1970-х гг. удалось добиться очень заметных успехов в решении продовольственной проблемы (при этом, отметим, больших, чем в Албании), уже в середине 1960-х гг. среднедушевое потребление продовольствия в этой стране превысило рекомендованную ВОЗ норму и после этого уже ниже ее не опускалось. После 1973 г. рост этого показателя в Южной Корее замедлился, а в конце 70-х гг. наблюдалось даже его некоторое уменьшение. Это, видимо, неслучайно совпало с началом особенно бурного роста южнокорейской экономики (так называемое «южнокорейское экономическое чудо»), когда на цели накопления в этой стране отводилась чрезвычайно высокая доля ВВП (см., например: Акаев 2010a) – а значит, на цели потребления оставалась относительно небольшая его часть. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что несмотря на некоторое (очень небольшое) снижение подушевого потребления продовольствия в конце 70-х гг., значение этого показателя к моменту начала народного восстания оставалось в этой стране на чрезвычайно высоком (около 3000 ккал на человека в день) уровне.

В любом случае, и применительно к Южной Корее 1961–1980 гг. можно вполне уверенно сказать, что ни о каком падении уровня потребления населением продовольствия к уровню голодного выживания в результате демографического роста, обгоняющего рост производства средств к существованию, говорить не приходится. И здесь заметно более правильным представляется сказать, что именно в эти годы Южной Корее удалось достаточно успешным образом выбраться из мальтузианской ловушки – и в этом случае причины неустойчивости оказываются совершенно иными.

Египет – «хлебные бунты» 1977 г.

В Египте после 1952 г. и до событий Арабской весны (о них см. в других главах) самые крупные народные волнения имели место в 1977 г. (так называемые «хлебные бунты»). Один из главных лозунгов участников волнений звучал следующим образом:

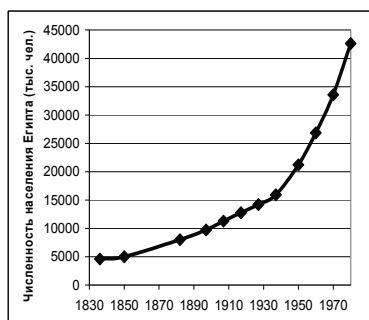
يا بطل العيـور!
فـين الفـطور؟

Yā batal al-`ubūr! Fēn al-futūr? «Герой переправы! Где наш завтрак?»⁷

Волнения охватили все крупные египетские города. Общее число участников достигало нескольких сот тысяч. Для подавления волнений использовались части регулярной египетской армии. Погибло не менее 800 участников волнений (см., например: Hirst 1977).

Казалось бы, уж здесь-то мы обязательно должны иметь дело именно с мальтузианским сценарием. Ведь лозунги восставших вроде бы прямо говорили о нехватке продовольствия, а в 60–70-е гг. в Египте наблюдались особо высокие, взрывообразные темпы роста населения (см. Рис. 2.4.8).

Рис. 2.4.8. Популяционная динамика Египта (в тыс. чел.), 1836–1989 гг.

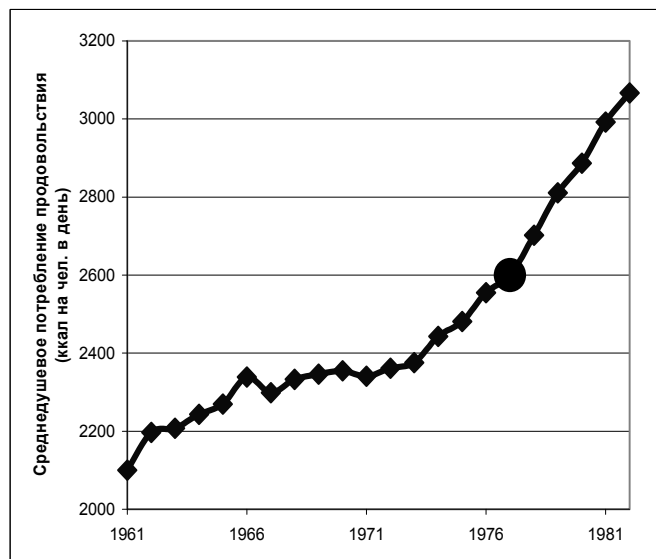
Источники данных: за 1950–2005 гг.: Maddison 2001, 2010; U.S. Bureau of the Census 2011; World Bank 2011; за 1897–1950 гг.: Craig 1917; Cleveland 1936: 7; Nāmiq 1952; McCarthy 1976:31–3; Васильев 1990: 205; за 1800–1897 гг.: использованы оценки Д. Панзака (Panzac 1987)⁸.

⁷ Под «героем переправы» (через Суэцкий канал в ходе Октябрьской войны 1973 г.) имелся в виду Анвар ас-Садат.

⁸ С учетом оценок человеческих потерь в результате эпидемии чумы (1835 г.), сделанных Дж. Маккарти (McCarthy 1976: 15).

В свете сказанного интересно рассмотреть реальную динамику среднедушевого потребления продовольствия в Египте 1960–1970-х гг. (см. Рис. 2.4.9).

Рис. 2.4.9. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Египте в 1961–1982 гг., ккал на чел. в день

Источник: FAO 2011a.

Как мы видим, и здесь мальтузианский сценарий не срабатывает. И в Египте еще в начале 1960-х гг. проблема недоедания стояла вполне реально, а среднедушевое потребление продовольствия было несколько ниже рекомендованной ВОЗ нормы в 2300–2400 ккал на человека в день. Уже к середине 60-х гг. Египет выходит на этот уровень, но вплоть до 1974 г. не может его превысить. После 1973 г. подушевое потребление продовольствия пошло резко вверх, уже в 1982 г. (то есть через год после смерти Садата) превысив порог в 3000 ккал и никогда уже ниже данного порога не опускаясь. После этого перед большинством египтян уже стояла скорее проблема переедания, чем недоедания. Все это, конечно, трудно не связать с начатыми садатовской администрацией в 1974 г. достаточно успешными экономическими реформами (так называемым *Инфитах*):

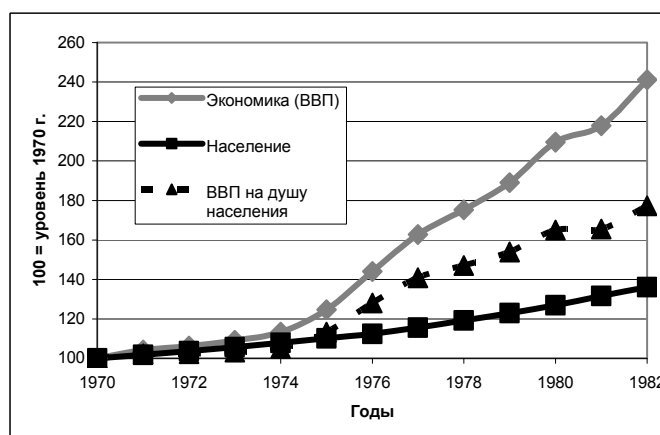
«В целом, Инфитах принес достаточно впечатляющие результаты. Среднегодовые темпы роста ВВП (в постоянных ценах) выросли с 3 % в год в 1973 г. до более 8 % после 1977 г. ...К 1979 г. Египет добился положительного баланса платежей ...С 1973 по 1980 г. внутренние государственные инвестиции выросли на 26 %, а внутренние частные – на 78 %. Иностранные инвестиции (даже без учета инвестиций в нефтедобычу)... подскочили со 100 млн долларов в 1977 г. до более 400 млн долларов в год в 1980 г. ...» (Weinbaum 1985: 215–216)

Да, население Египта в эпоху Садата росло стремительными темпами. С 1970 г. по 1982 г. (то есть всего за 12 лет) оно выросло более чем на треть (36,1 %). Однако египетская экономика в этот период росла еще более стремительными темпами, египетский ВВП в 1970–1982 гг. вырос в постоянных ценах на 141,1 % (при этом абсолютно большая часть этого прироста пришлась на период Инфитаха)! В результате производство ВВП на душу населения за тот же период выросло почти в два раза, что предсказуемым образом коррелировало со столь же стремительным ростом среднедушевого потребления продовольствия (см. Табл. 2.4.2 и Рис. 2.4.10).

Табл. 2.4.2. Экономико-демографическая динамика Египта в эпоху Садата (1970–1982 гг.)

Год	Экономический рост 1: суммарное производство ВВП		Демографический рост: население		Экономический рост 2: произ- водство ВВП на душу населения		Подушное потребление продовольствия
	в млрд между- народных дол- ларов 1990 г., в ППС	в % от уровня 1970 г.	в млн чел.	в % от уровня 1970 г.	в между- народных долларах 1990 г.	в % от уровня 1970 г.	
1970	42,1	100,0	33,6	100,0	1 254	100,0	2355
1971	43,9	104,2	34,2	101,8	1 283	102,3	2341
1972	44,7	106,1	34,8	103,7	1 284	102,4	2361
1973	45,9	109,1	35,5	105,7	1 294	103,2	2376
1974	47,7	113,2	36,2	107,9	1 317	105,0	2443
1975	52,5	124,7	37,0	110,1	1 421	113,3	2481
1976	60,6	144,0	37,7	112,4	1 606	128,1	2555
1977	68,5	162,8	38,8	115,5	1 767	140,9	2600
1978	73,8	175,3	40,0	119,2	1 844	147,0	2702
1979	79,6	189,1	41,3	122,9	1 930	153,9	2811
1980	88,2	209,5	42,6	127,0	2 069	165,0	2887
1981	91,7	217,9	44,2	131,6	2 076	165,5	2992
1982	101,5	241,1	45,7	136,1	2 223	177,2	3067

Источники данных: Maddison 2001, 2010; FAO 2011.

Рис. 2.4.10. Экономико-демографическая динамика Египта 1970–1982 гг.

Итак, в целом проделанный анализ показывает, что «хлебные бунты» 1977 г. разразились в Египте в тот самый период, когда страна очень быстрыми темпами вполне успешно выходила из мальтузианской ловушки. В этом случае механизм возникновения неустойчивости также отличен от описанного Мальтусом.

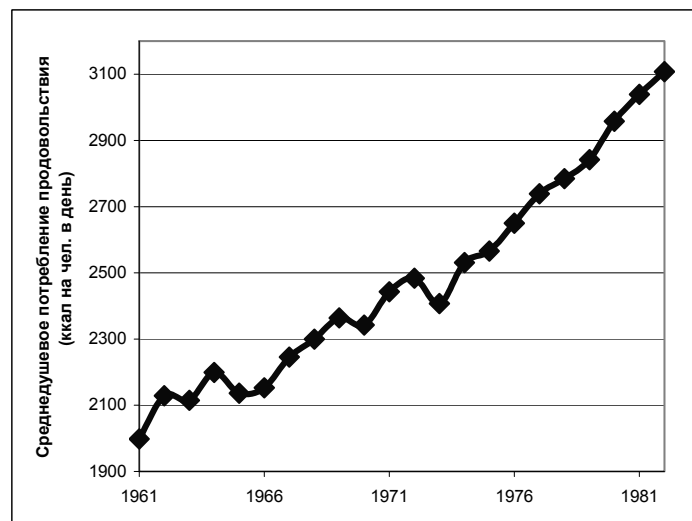
Сирия – восстание 1982 г.

В Сирии в годы после завершения Второй мировой войны самое крупное народное восстание произошло до событий Арабской весны (о них см. в других главах) в 1982 г. в Хаме. Восстание было подавлено с использованием регулярных частей сирийской армии, авиации, артиллерии и танков. Число погибших при подавлении восстания по неко-

торым оценкам достигло 40 тыс. человек, включая около 1000 солдат регулярных войск (см., например: Fisk 1990; Friedman 1998; Wiedl 2006).

После рассмотренных выше случаев картина динамики среднедушевого потребления продовольствия в Сирии в годы, предшествовавшие народному восстанию в Хаме, уже вряд ли особо удивит читателя. Однако все-таки применительно к этой стране контрмальтузианская динамика проявляется особенно выразительно – действительно, в течение девяти лет, предшествовавших восстанию, среднедушевое потребление продовольствия росло непрерывно и чрезвычайно высокими темпами (см. Рис. 2.4.11).

Рис. 2.4.11. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Сирии в 1961–1982 гг., ккал на чел. в день

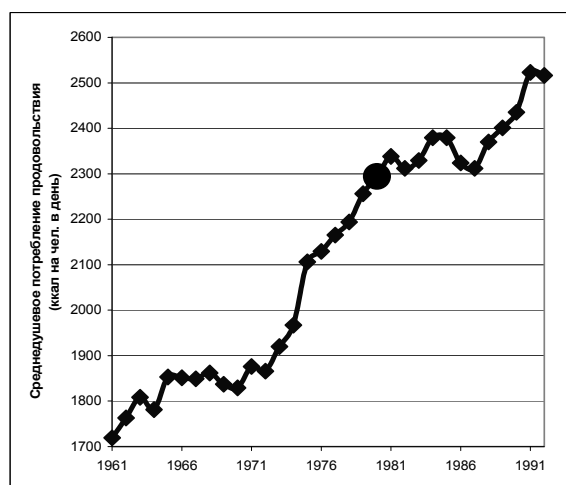
Источник: FAO 2011.

В целом, как мы видим, и Сирия за годы, предшествовавшие наиболее крупному в ее послевоенной истории народному восстанию, вполне успешно вышла из мальтузианской ловушки, далеко отойдя за исторически короткий период от уровня откровенного недоедания начала 60-х гг. и выйдя к 1982 г. на уровень, который точнее уже было бы назвать уровнем переедания.

Гражданская война в Сальвадоре

В 1980 г. в Сальвадоре началась гражданская война, продолжавшаяся до 1992 г. и унесшая жизни 75 тыс. сальвадорцев – колоссальная цифра для страны, где на момент начала войны проживало лишь около 4,5 млн чел. (см., например: Montgomery 1995).

Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Сальвадоре при этом выглядела следующим образом (см. Рис. 2.4.12). Картина в целом нам, конечно, уже знакома, но все-таки имеет заметные нюансы. Как мы видим, большинство сальвадорского населения еще в начале 60-х гг. имело дело с самым серьезным (из всех рассмотренных в настоящей главе случаев) недоеданием. Ситуация с обеспеченностью сальвадорцев продовольствием несколько улучшилась в 60-е гг. Однако особенно серьезно она улучшилась за десятилетие, непосредственно предшествовавшее началу сальвадорской гражданской войны. При этом в год начала гражданской войны среднедушевое потребление продовольствия сальвадорцами наконец вышло как раз на рекомендованный ВОЗ уровень. Именно тут и началась гражданская война.

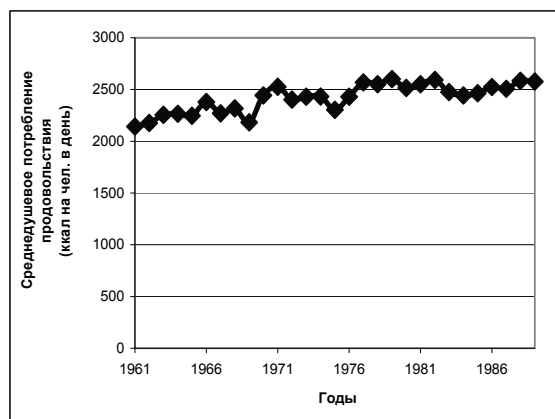
Рис. 2.4.12. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Сальвадоре в 1961–1992 гг., ккал на чел. в день

Источник: FAO 2011b.

Гражданская война в Либерии

В 1989 г. в Либерии разразилась кровопролитная гражданская война, продолжавшаяся с перерывами до 2003 г. Общее количество погибших в этой войне колеблется по разным оценкам между 200 и 300 тыс. человек, что представляет собой совершенно колоссальную цифру для страны, общая численность населения которой на момент начала гражданской войны лишь немногим превышала 2 млн чел. (см., например: Френкель 1999; Huband 1998; Williams 2006).

При этом общая динамика среднедушевого потребления продовольствия в Либерии за три десятилетия, предшествовавшие началу гражданской войны, выглядела следующим образом (см. Рис. 2.4.13).

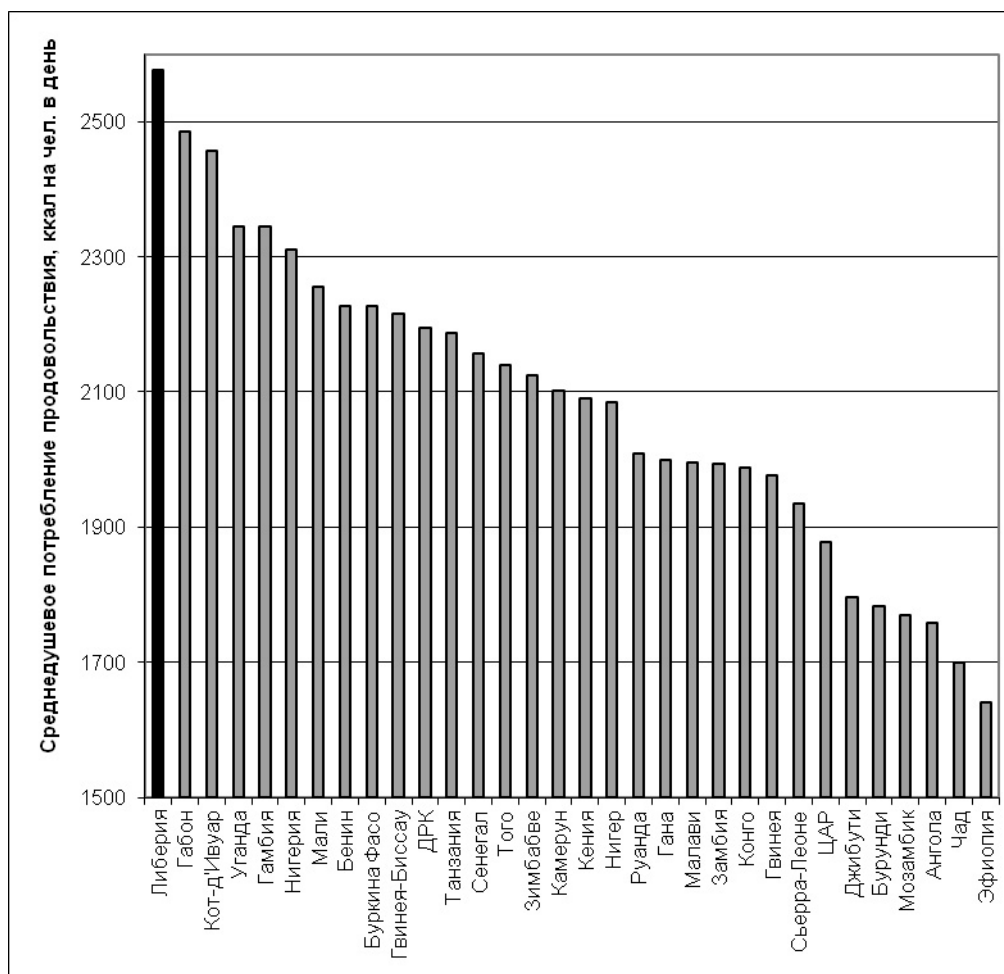
Рис. 2.4.13. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Либерии в 1961–1989 гг., ккал на чел. в день

Источник: FAO 2011b.

Как мы видим, в Либерии в 60–80-е гг. (то есть в период, предшествовавший началу гражданской войны) наблюдалась достаточно устойчивая тенденция к росту средне-

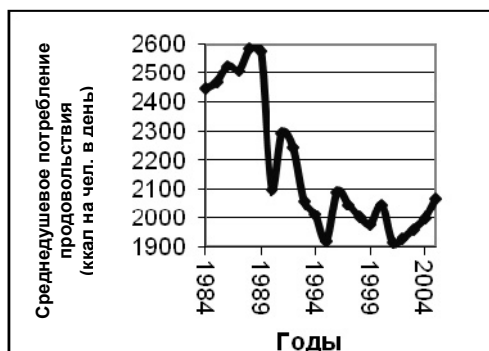
шевого потребления продовольствия. Если в начале 1960-х гг. в Либерии по данным ФАО наблюдалось некоторое недоедание, то в 1980-е гг. среднедушевое потребление продовольствия в этой стране даже устойчиво превышало рекомендованный ФАО уровень в 2300–2400 ккал на чел. в день. Более того, на год начала гражданской войны **по среднедушевому потреблению продовольствия Либерия занимала ПЕРВОЕ место среди всех стран Тропической Африки** (см. Рис. 2.4.14).

Рис. 2.4.14. Среднедушевое потребление продовольствия (в ккал на чел. в день) в разных странах Тропической Африки на 1989 г. (год начала гражданской войны в Либерии)

Источник: ФАО 2011b.

Либерийский случай является одним из самых тяжелых, так как страна не просто «споткнулась» на выходе из мальтузианской ловушки, но и обратно в нее скатилась (см. Рис. 2.4.15).

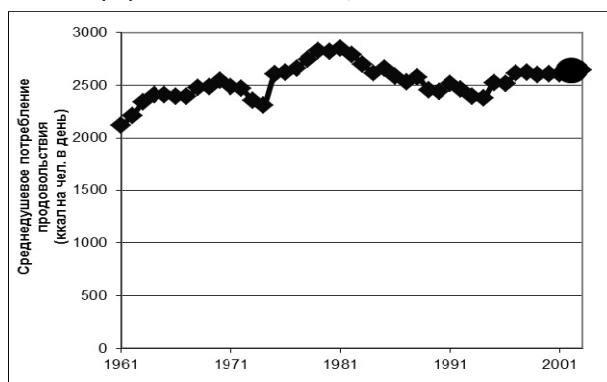
Рис. 2.4.15. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Либерии в 1984–2005 гг., ккал на чел. в день

Источник: FAO 2011b.

Как мы видим, и на 2005 г. (то есть на последний год, на который в нашем распоряжении имеются данные FAO) среднедушевое потребление продовольствия еще даже не приблизилось к довоенному уровню и было заметно ниже уровня начала 60-х гг. После начала гражданской войны в Либерии сформировался неблагоприятный механизм положительной обратной связи, когда гражданская война вела к все большему развалу экономики, что вело к все более катастрофическому сокращению потребления продовольствия, что вело к еще большему росту недовольства и усилению размаха гражданской войны. Во время же кратких передышек возобновлявшийся (еще до восстановления экономики) стремительный демографический рост не давал возможности заметно улучшить уровень жизни населения (и в том числе увеличить среднедушевое потребление продовольствия) или даже вел к его ухудшению, что вело к новым всплескам недовольства и новому витку гражданской войны. В настоящее время Либерия вновь встала на путь к выходу из мальтузианской ловушки; но никто, конечно, не может дать абсолютной гарантии того, что страна на этом пути не попадет вновь в «ловушку на выходе из ловушки», природу которой мы подробно рассматриваем в других главах раздела.

Гражданская война в Кот-д'Ивуар

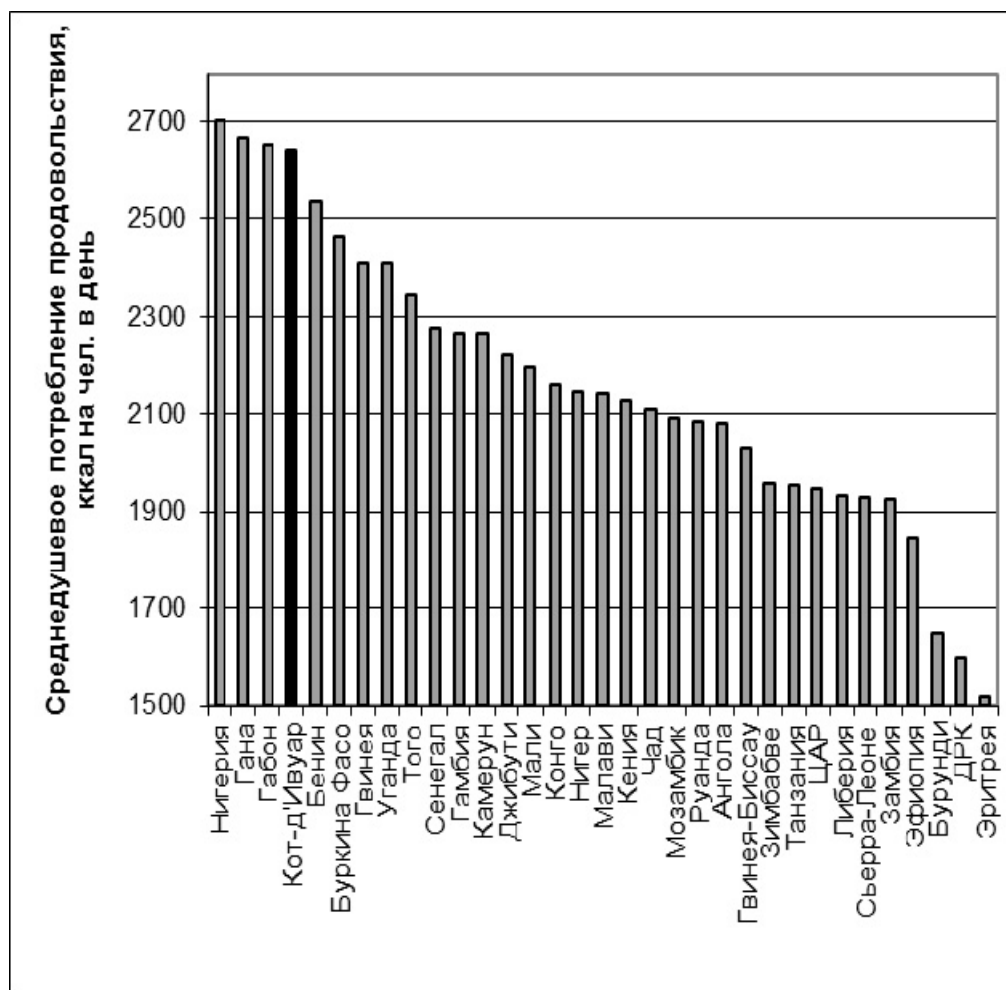
Одна из недавних гражданских войн в Тропической Африке разразилась в Кот-д'Ивуар в 2002 г. (см., например: Акократи 2007). При этом общая динамика среднедушевого потребления продовольствия в Кот-д'Ивуар за четыре десятилетия, предшествовавшие началу гражданской войны, выглядела следующим образом (см. Рис. 2.4.16).

Рис. 2.4.16. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Кот-д'Ивуар в 1961–2003 гг., ккал на чел. в день

Источник: FAO 2011b.

Как мы видим, и в Кот-д'Ивуар проблема недоедания была в целом достаточно успешно решена еще в 1960-е гг. В годы, предшествовавшие началу гражданской войны, среднедушевое потребление продовольствия в этой стране вполне устойчиво превышало рекомендованный ФАО уровень в 2300–2400 ккал на чел. в день. Более того, на год начала гражданской войны по среднедушевому потреблению продовольствия Кот-д'Ивуар занимал одно из первых мест среди всех стран Тропической Африки (см. Рис. 2.4.17).

Рис. 2.4.17. Среднедушевое потребление продовольствия (ккал на чел. в день) в разных странах Тропической Африки в 2002 г. (год начала гражданской войны в Кот-д'Ивуар)

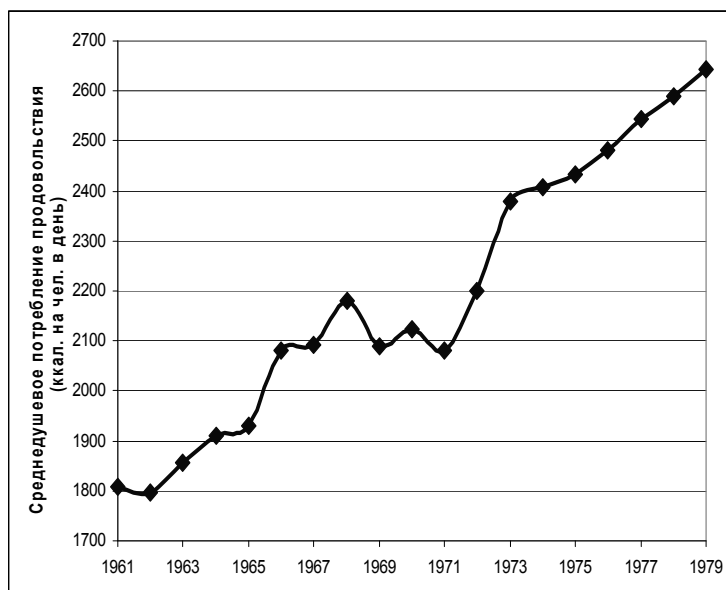

Исламская революция в Иране

В свете рассмотренных выше материалов уже не должны представляться столь уж неожиданными данные по динамике душевого потребления продовольствия в Иране накануне победоносной Исламской революции 1979 г.⁹ (см. Рис. 2.4.18).

⁹ По некоторым данным, унесшей жизнь десятков тысяч (до 100 тыс.) чел. (см., например: Small, Singer 1982; Clodfelter 1992; Rummel 1994; Lorraine 1995; Wallechinsky 1995; Bercovitch, Jackson 1997; Palmowski 1997; Totten 1997; Project Ploughshares 2008; White 2010a, 2010b; Гринин, Коротаев 2009б; см. также Главу 1 следующего раздела, Табл. 3.1.3).

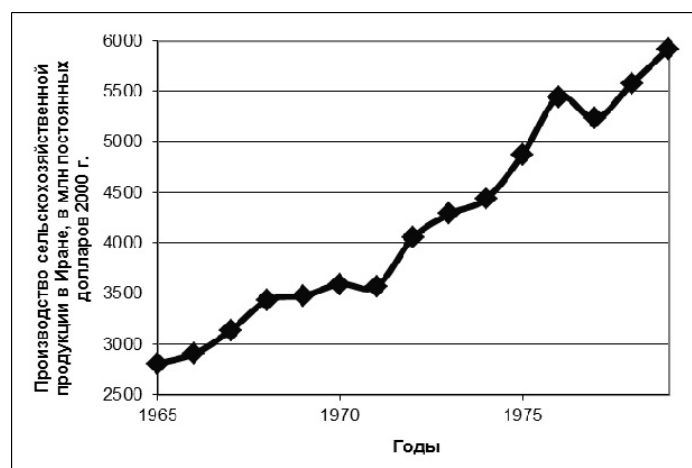
Рис. 2.4.18. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Иране в 1961–1979 гг., ккал на чел. в день

Источник: FAO 2011b.

Приведенная выше диаграмма позволяет предположить, что комплекс социально-экономических реформ, начатый последним шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви в 1963 г., привел к достаточно заметным позитивным результатам. Действительно, в годы, предшествовавшие Исламской революции, численность населения Ирана стремительно росла. Например, с 1965 по 1979 г. она выросла с 25 до почти 38 млн чел. (см., например: Maddison 2001, 2010), то есть примерно в полтора раза. Однако производство сельскохозяйственной продукции в Иране выросло за тот же период более чем в два раза (см. Рис. 2.4.19).

Рис. 2.4.19. Динамика производства сельскохозяйственной продукции в Иране, 1965–1979 гг. (в млн постоянных долларов 2000 г.)

Источник: World Bank 2011.

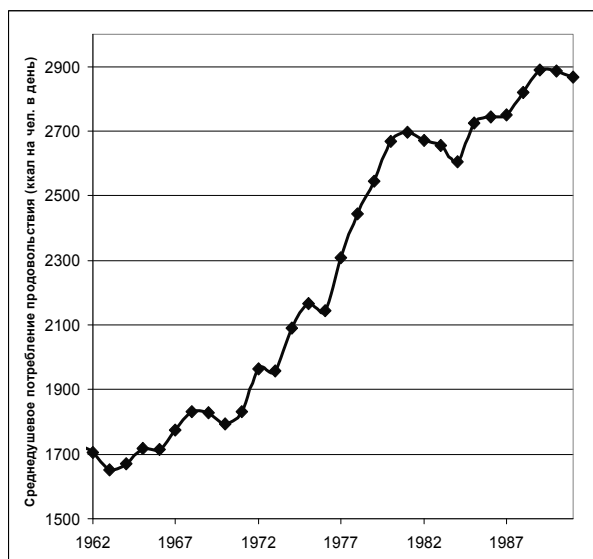
При этом ВВП Ирана за тот же период вырос более чем в два с половиной раза, в результате чего произошло увеличение производства ВВП на душу населения на 75 % (Maddison 2001; 2010). Таким образом, выраженный позитивный тренд динамики среднедушевого потребления продовольствия в Иране отражает в очень высокой степени те реальные экономические успехи, которых этой стране удалось добиться в ходе осуществления администрацией Мохаммеда Реза Пехлеви социально-экономических реформ, известных под названием «Белая революция» (см., например: Abrahamian 2008: 123–154).

Гражданская война в Алжире

Рассмотрим теперь несколько более подробно структурно-демографическую динамику Алжира в 1962–1991 гг., то есть в период после завоевания Алжиром независимости, предшествовавший началу кровопролитной¹⁰ гражданской войны 1992–2002 гг.

Рассмотрим для начала динамику среднедушевого потребления продовольствия в Алжире в течение двух десятилетий его независимого развития, предшествовавших началу гражданской войны (см. Рис. 2.4.20).

Рис. 2.4.20. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Алжире в 1962–1991 гг., ккал на чел. в день

Источники: FAO 2011b; Зинькина 2010: 260.

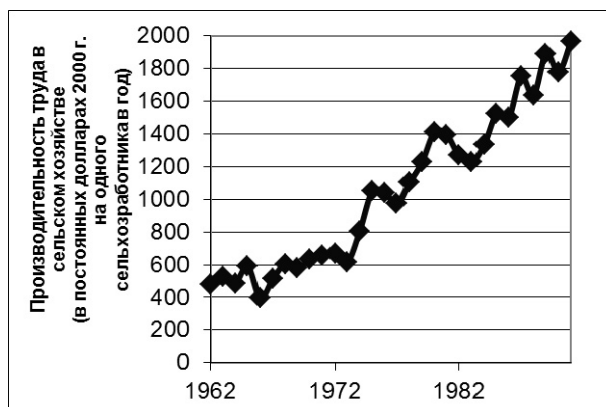
Как мы видим, и на этот раз данная динамика едва ли не прямо противоположна той, что мы должны были бы ждать, исходя из «мальтузианской теории революции». Действительно, в первые годы после завоевания независимости Алжир столкнулся с самыми серьезными продовольственными проблемами. Среднедушевое потребление продовольствия в Алжире было значительно ниже рекомендованных ВОЗ 2300–2400 ккал на чел. в день, а большинство алжирцев страдало от недоедания. Только в 1973 г. Алжир смог преодолеть критически важный порог в 1850 ккал.¹¹ В то же время этот период не сопровождался массовыми волнениями. Однако к концу 1970-х гг. Алжир превзошел рекомендованный ВОЗ уровень в 2300–2400 ккал и после уже ниже этого уровня не опу-

¹⁰ По некоторым данным, количество жертв в результате восстания исламистских радикалов в 1992–2002 гг. достигло ста тысяч (см., например: Project Ploughshares 2008; White 2010a, 2010b; Гринин, Коротаев 2009б; см. также Табл. 3.1.3 в Главе 1 Раздела 3).

¹¹ О критической важности этого порогового значения см.: Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010.

кался. Таким образом, проблема недоедания перед подавляющим большинством алжирцев больше не стояла. К концу 1980-х гг. потребление алжирцами продовольствия перевалило уровень в 2800 ккал на чел. в день. Правда, прямо перед началом гражданской войны оно несколько снизилось, но совсем немного, в пределах статистической погрешности, и оставалось существенно выше рекомендованной ВОЗ нормы. Данная динамика очень хорошо коррелирует с наблюдавшимся в эти годы стремительным ростом производительности труда в аграрном секторе, свидетельствовавшим о больших успехах, достигнутых Алжиром в модернизации его сельского хозяйства (см. Рис. 2.4.21).

Рис. 2.4.21. Динамика производительности труда в сельском хозяйстве Алжира в 1962–1991 гг.

Источник: World Bank 2011.

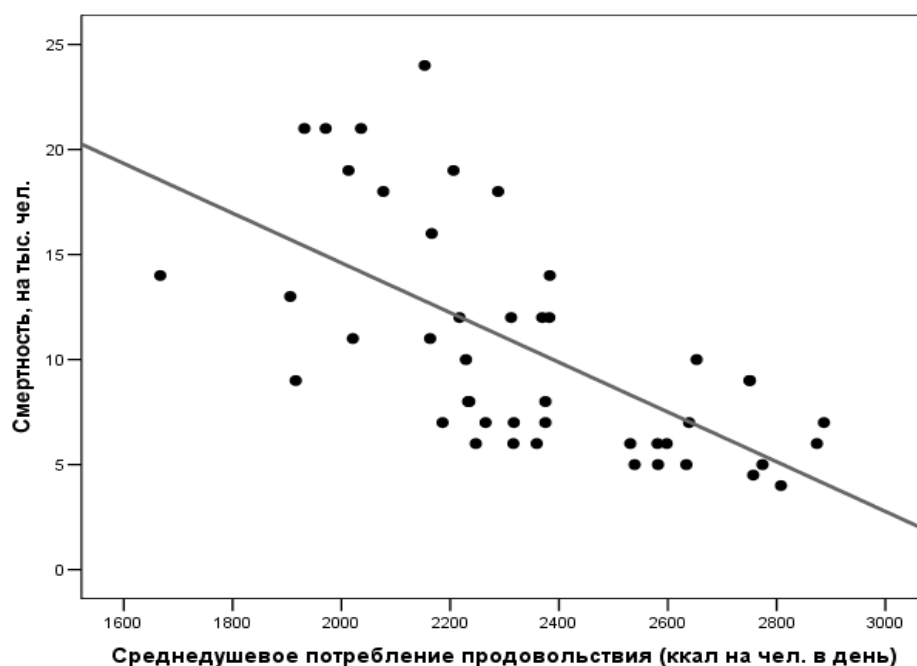
Итак, рассмотренные нами эмпирические материалы позволяют предположить, что на выходе из мальтузианской ловушки социальные системы поджидает еще одна ловушка. Какова же ее природа? На этот вопрос мы постараемся ответить ниже.

Часть 2. Логические и математические модели

Эмпирические материалы, проанализированные нами в первой части главы, убедительно подтверждают выводы, сделанные в предыдущих главах, что на выходе из мальтузианской ловушки социальные системы поджидает еще одна ловушка. Ниже мы попытаемся пролить дополнительный свет на ее природу. Сделать это мы постараемся на основе более подробного анализа социальных, демографических и экономических процессов, протекавших в Алжире на протяжении трех десятилетий, предшествовавших в этой стране началу кровопролитной гражданской войны. Как мы видели выше, за три десятилетия, предшествовавшие началу гражданской войны в Алжире, эта страна вполне успешным образом вышла из мальтузианской ловушки, и, как мы постараемся показать ниже, именно выход Алжира из мальтузианской ловушки во многом и породил те силы, которые сыграли исключительно важную роль в начале в этой стране кровавых политических потрясений.

Выход страны из мальтузианской ловушки по определению означает решение проблемы голода, проблемы недоедания среди большей части населения соответствующей страны. К каким последствиям это должно привести применительно к динамике смертности? Конечно, это должно привести к очень заметному снижению смертности. Действительно, для стран с уровнем среднедушевого потребления продовольствия до 2900 ккал на чел. в день наблюдается достаточно сильная отрицательная корреляция между этим показателем и общим коэффициентом смертности (см. Рис. 2.4.22).

Рис. 2.4.22. Корреляция между уровнем среднедушевого потребления продовольствия и общим коэффициентом смертности (по данным на 1995 г., для стран с потреблением до 2900 ккал на чел. в день)

Примечание: $r = -0,64$, $R^2 = 0,41$, $\alpha \ll 0,0001$. Источник: SPSS 2011.

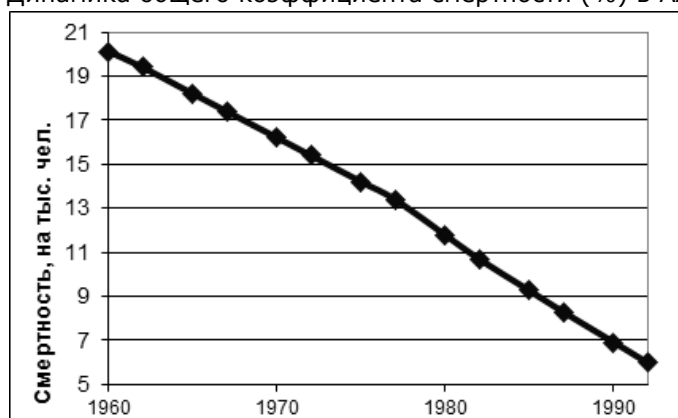
Результаты регрессионного анализа дают здесь следующие результаты (см. Табл. 2.4.3).

Табл. 2.4.3. Регрессионный анализ

Модель	Нестандартизи- рованный коэффициент		Стандартизи- рованный коэффициент	Т	Статистическая значи- мость (α)
	В	Ст. ошибка	β		
(Константа)	38	5,1		7,45	$<< 0,0001$
Среднедушевое потребление про- довольствия (ккал на чел. в день)	-0,012	0,002	-0,639	-5,45	$<< 0,0001$
Зависимая переменная: Общий коэффициент смертности (на тыс. чел.)					

Поскольку выход из мальтузианской ловушки обычно происходит на первой фазе демографического перехода (он, собственно говоря, и является одной из важнейших компонент этой фазы), результаты регрессионного анализа заставляют предполагать, что выход из мальтузианской ловушки (который обычно сопровождается увеличением среднедушевого потребления продовольствия на более чем 1000 ккал на чел. в день) должен сопровождаться увеличением темпов роста населения не менее чем на 1 %. И это очень много – скажем, при исходном росте населения с периодом удвоения в 70 лет это будет означать сокращение периода удвоения до 35 лет, а для населения с периодом удвоения в 30 лет – сокращение до 20 лет. В любом случае исторически быстрый (за период в 10–20–30 лет) выход из мальтузианской ловушки обычно означает стремительное ускорение темпов роста населения.

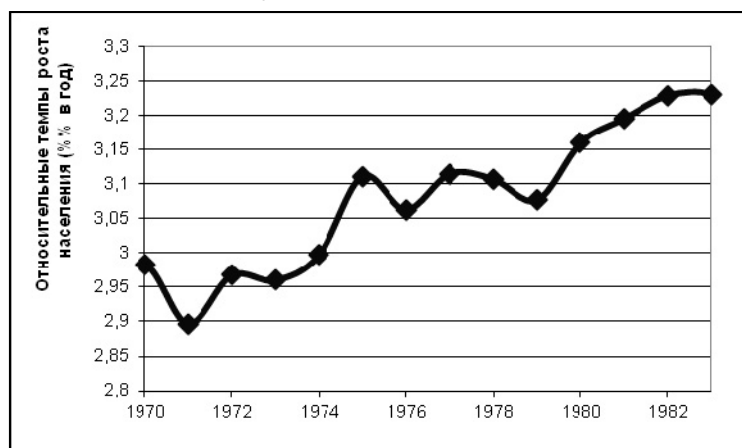
Все это можно вполне рельефно видеть применительно к Алжиру. Вполне предсказуемым образом выход этой страны из мальтузианской ловушки сопровождался обвальным падением смертности (см. Рис. 2.4.23).

Рис. 2.4.23. Динамика общего коэффициента смертности (%) в Алжире,

Источник: World Bank 2011.

Как мы видим, за три десятилетия, предшествовавшие началу алжирской гражданской войны, смертность в Алжире упала в три раза! На протяжении большей части этого периода рождаемость в Алжире оставалась по-прежнему высокой; поэтому, предсказуемым образом, на протяжении большей части рассматриваемого периода в Алжире наблюдалось заметное увеличение относительных темпов роста численности населения; и только с середины 1980-х гг. они стали, наконец, сокращаться (см. Рис. 2.4.24).

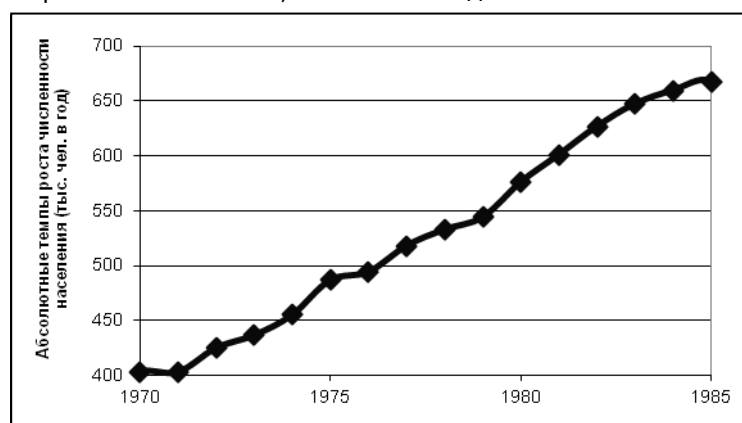
Рис. 2.4.24. Динамика относительных темпов роста населения Алжира в 1970–1983 гг., % в год

Источники: Maddison 2001, 2010.

При этом, естественно, особо быстрыми темпами увеличивалась абсолютная скорость демографического роста (см. Рис. 2.4.25).

Рис. 2.4.25. Динамика абсолютных темпов роста численности населения Алжира в 1970–1991 гг., тыс. чел. в год

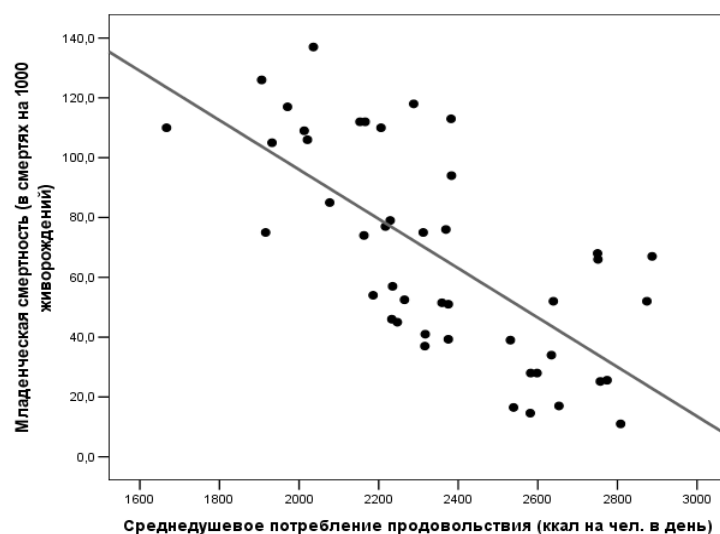
Источники: Maddison 2001, 2010.

Как мы видим, вплоть до середины 1980-х гг. темпы демографического роста в Алжире не просто были высокими, но и продолжали увеличиваться. Замедляться они стали только с середины 1980-х гг. С 1983 г. стали замедляться относительные темпы роста численности населения, а с 1985 г. начали уменьшаться и абсолютные темпы демографического роста. Однако и в 1991 г., накануне начала гражданской войны, эти темпы оставались еще чрезвычайно высокими (2,4 %, или 600 тыс. чел. в год).

Конечно же, столь быстрый рост населения будет неизбежно создавать в любой системе серьезные структурные напряжения. Однако этот фактор был здесь отнюдь не единственной силой, генерировавшей такого рода структурные напряжения.

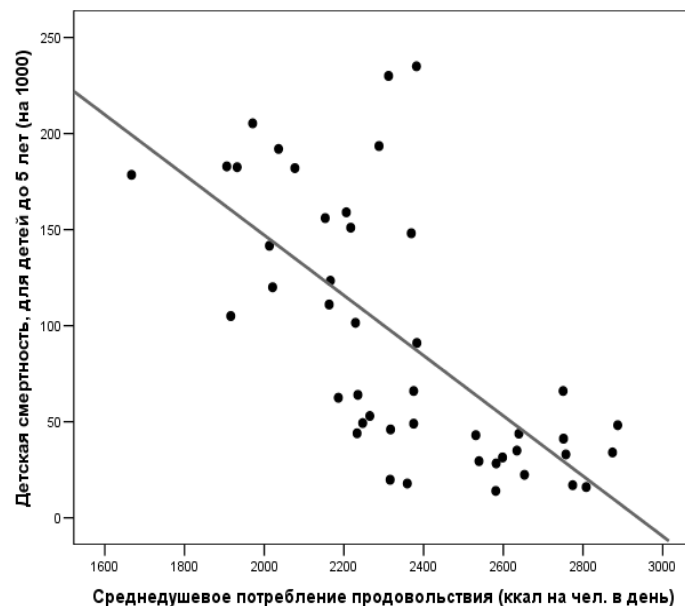
На этапе выхода из мальтузианской ловушки рост среднедушевого потребления продовольствия особенно тесно коррелирует со снижением младенческой и детской смертности (см. Рис. 2.4.26 и 2.4.27).

Рис. 2.4.26. Корреляция между уровнем среднедушевого потребления продовольствия и коэффициентом младенческой смертности (на тыс. живорождений, по данным на 1995 г., для стран с потреблением до 2900 ккал на чел. в день)

Примечание: $r = -0,69$, $R^2 = 0,475$, $\alpha < 0,0001$ (для интервала < 2700 ккал значение r достигает $-0,74$).
Источник: SPSS 2011.

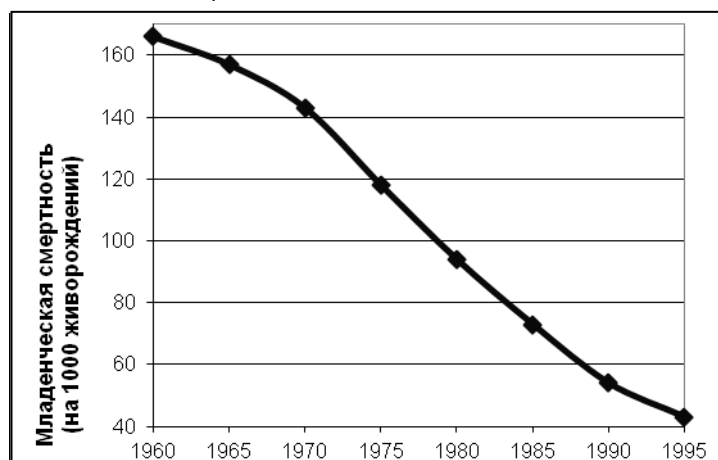
Рис. 2.4.27. Корреляция между уровнем среднедушевого потребления продовольствия и коэффициентом детской смертности (для детей до 5 лет, на 1000 детей, по данным на 1995 г., для стран с потреблением до 2900 ккал на чел. в день)

Примечание: $r = -0,68$, $R^2 = 0,46$, $\alpha < 0,0001$ (для интервала < 3000 ккал значение r достигает $-0,7$).
Источник: SPSS 2011.

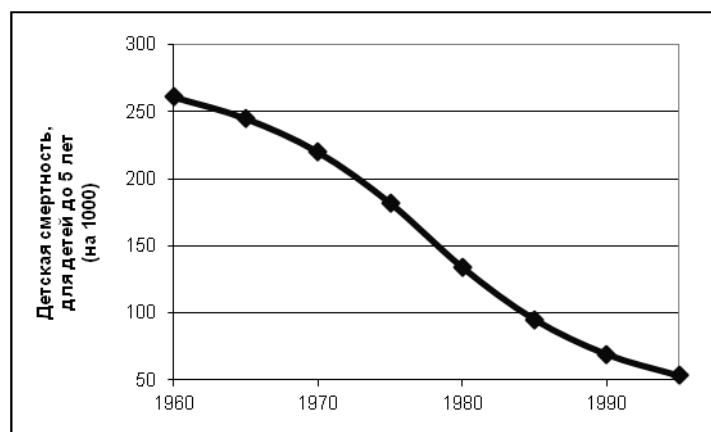
Предсказуемым образом, и выход Алжира из мальтузианской ловушки сопровождался особенно сильным падением младенческой и детской смертности (см. Рис. 2.4.28 и 2.4.29).

Рис. 2.4.28. Динамика младенческой смертности в Алжире в 1960–1995 гг., на тыс. живорождений в год

Источник: World Bank 2011.

Рис. 2.4.29. Динамика детской смертности в Алжире в 1960–1995 гг., для детей до 5 лет, на 1000 детей

Источник: World Bank 2011.

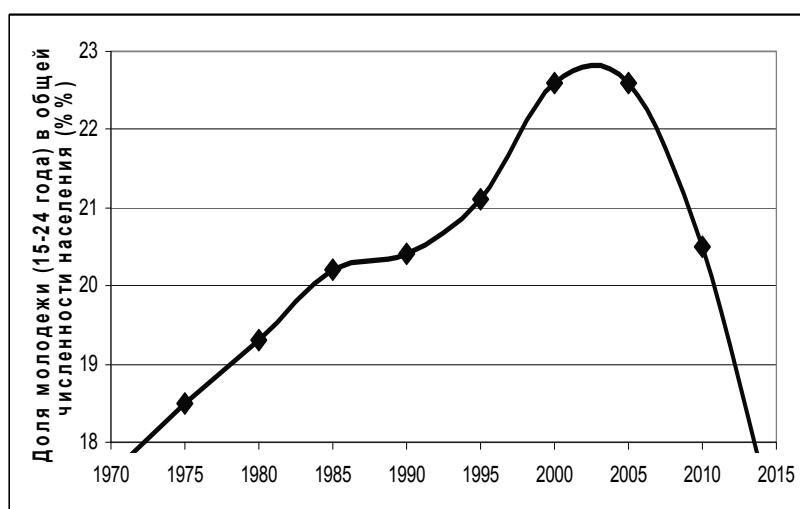
Действительно, как мы видим, если общая смертность населения Алжира в 1960–1995 гг. сократилась примерно в 3 раза, то младенческая смертность за тот же период упала почти в 4 раза, а детская – приблизительно в 5 раз!

Итак, на первой фазе демографического перехода (которая, отметим, в тенденции совпадает с процессом выхода из мальтузианской ловушки) происходит радикальное снижение смертности (см., например: Вишневский 1976, 2005; Chesnais 1992; Коротаев, Малков, Халтурина 2007: 101–116). При этом наиболее быстрыми темпами сокращается младенческая и детская смертность, и это происходит на фоне остающейся по-прежнему на очень высоком уровне рождаемости. В результате если в традиционных обществах (до начала демографического перехода) из 6–7 детей, рожденных женщиной на протяжении ее жизни, до репродуктивного возраста доживало 2–3 ребенка, то на первой фазе демографического перехода в связи с резким падением младенческой и детской смерт-

ности до репродуктивного возраста может уже доживать и 5–6 детей (а с учетом того, что суммарный коэффициент рождаемости на первой фазе демографического перехода нередко даже растет, то до репродуктивного возраста может доживать и 7–8 детей). Это ведет не только к резкому ускорению темпов демографического роста («демографическому взрыву»), но и к тому, что поколение детей оказывается значительно многочисленнее поколения родителей, а это в результате ведет к росту удельного веса молодежи в общем населении. Как известно, на второй фазе демографического перехода происходит сильное уменьшение рождаемости (в тенденции ведущее к сокращению доли молодежи в общей численности населения), но происходит это со значительным запаздыванием, в результате чего в демографической истории соответствующей страны образуется так называемый «молодежный бугор» (*youth bulge* [см. ниже]).

Итак, вполне закономерным образом выход Алжира из мальтузианской ловушки сопровождался значительным ростом удельного веса молодежи в общей численности населения (см. Рис. 2.4.30).

Рис. 2.4.30. Динамика доли молодежи (15–24 года) в общей численности населения Алжира в 1970–2005 гг. с прогнозом до 2015 г., %

Источник: UN Population Division 2011.

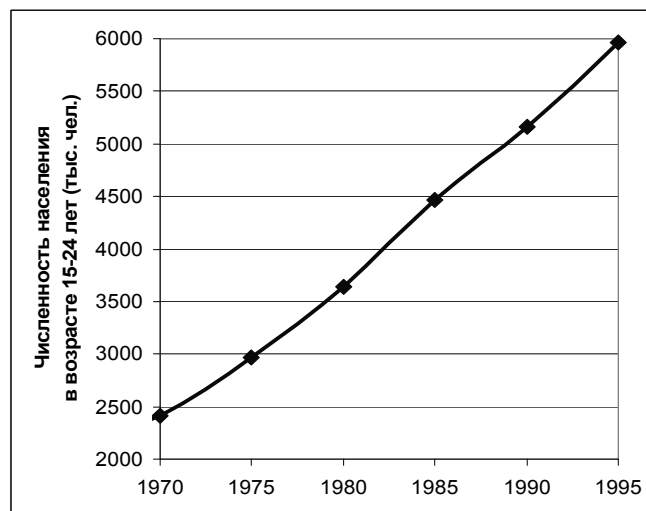
Как отмечает Дж. Голдстоун, «быстрый рост [удельного веса] молодежи может подрывать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые¹² идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций... – [включая и] большинство революций XX в. в развивающихся странах – произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры» (Goldstone 2002: 10–11; см. также: Goldstone 1991; Moller 1968; Mesquida, Weiner 1999; Heinsohn 2003; Fuller 2004).

¹² Правильнее здесь все-таки сказать «радикальные идеи», которые могут зачастую быть и достаточно старыми; при этом действительно новые, но «нерадикальные» идеи (например, идеи «классового мира», сотрудничества между рабочими и предпринимателями) могут оказаться для молодежи как раз непривлекательными, они будут скорее восприняты представителями более старших возрастов. – *Авт.*

Рассмотрим фактор «молодежного бугра» на примере Алжира несколько более подробно. Это позволит нам выявить и некоторые другие каналы воздействия данного фактора на генезис политической нестабильности.

Рассмотрим для начала динамику абсолютной численности алжирской молодежи (см. Рис. 2.4.31).

Рис. 2.4.31. Динамика общей численности молодежи (15–24 года) в Алжире в 1970–1995 гг., тыс. чел.

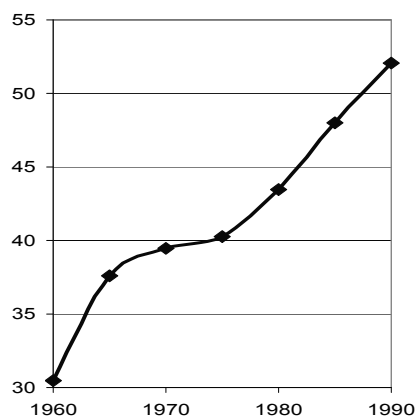

Источник: UN Population Division 2011.

Как мы видим, численность алжирской молодежи накануне гражданской войны росла особенно быстрыми, взрывообразными темпами. Всего за 20 лет (1970–1990 гг.) она более чем удвоилась. Только за 1980–1995 гг. ее численность выросла на 65 %. Соответственно, для предотвращения роста безработицы среди молодых людей, впервые выходящих на рынок труда, необходимо было пропорционально столь же быстро создавать новые рабочие места. Однако даже быстрорастущей экономике крайне сложно справиться с таким стремительно нарастающим притоком новой слабоквалифицированной, не имеющей реального трудового опыта, но зато высоко амбициозной рабочей силы. А если в подобном контексте вдруг экономический рост замедлится или даже примет отрицательные значения? Тогда происходит резкий рост безработицы¹³, и при этом особенно высокой оказывается безработица именно среди молодежи, то есть той части населения, которая как раз наиболее склонна к агрессии (см., например: Дольник 2009) и восприимчива к радикальной агитации. В такой ситуации удержать социальную систему от мощных политических потрясений обычно оказывается крайне сложно (хотя, конечно, и не полностью невозможно).

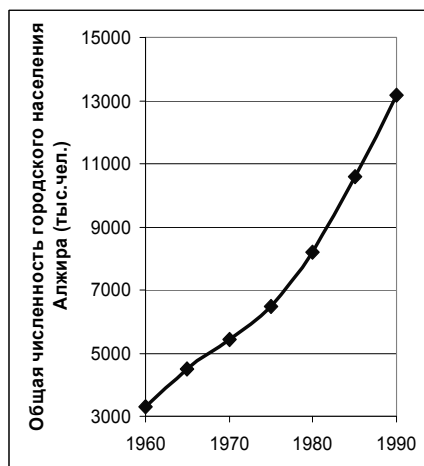
Как уже упоминалось выше, существует еще одна мощная порождаемая модернизацией (и в том числе выходом из мальтузианской ловушки) сила, которая на определенной стадии может вносить заметный вклад в генезис политических потрясений. Мы имеем в виду рост урбанизации (см., например: Гринин, Коротаев 2009б; Гринин 2010б). Рассмотрение этого релевантного здесь структурно-демографического фактора генезиса политических потрясений имеет смысл начать с рассмотрения динамики урбанизационного развития Алжира в интересующий нас период (см. Рис. 2.4.32 и 2.4.33).

¹³ По некоторым оценкам, к концу 1980-х гг. безработица в Алжире достигала 40 % (Haldane 1989; Зинькина 2010: 261).

Рис. 2.4.32. Динамика доли городского населения Алжира в 1970–1990 гг., %

Источник: UN Population Division 2011.

Как мы видим, накануне независимости менее трети алжирцев обитало в городах. К кануну гражданской войны доля городского населения Алжира заметно превысила половину. Не забудем, что столь быстрое увеличение доли городского населения происходило в Алжире на фоне очень быстрого общего демографического роста. В результате особенно драматичными темпами в Алжире росла общая численность его городского населения (см. Рис. 2.4.33).

Рис. 2.4.33. Динамика общей численности городского населения Алжира в 1970–1990 гг., тыс. чел.

Источник: UN Population Division 2011.

Как мы видим, всего за 15 лет, предшествовавших началу гражданской войны в Алжире, численность городского населения этой страны более чем удвоилась. Достаточно очевидно, что такого рода стремительный рост может выступить значимым фактором политической дестабилизации.

Стоит подчеркнуть, что такие тесно связанные между собой модернизационные процессы, как выход из мальтузианской ловушки и демографический переход столь же неразрывно связаны и с такой важнейшей стороной модернизации, как урбанизация (ур-

банизация, конечно, древнее модернизации, но в ходе модернизации закономерно происходит резкая интенсификация урбанизационных процессов).

Действительно, начало выхода из мальтузианской ловушки ведет к появлению устойчивой тенденции к снижению смертности, обуславливая тем самым начало первой фазы демографического перехода. Достигается же выход из мальтузианской ловушки прежде всего за счет роста производительности труда в сельском хозяйстве. Отметим, что хотя Алжир в рассматриваемые нами годы никак нельзя назвать «авангардом зеленой революции», но и здесь, как мы помним, за два десятилетия его независимого развития, предшествовавших началу гражданской войны, производительность труда выросла очень заметно – почти в 5 раз.

В целом выход из мальтузианской ловушки стимулирует мощный рост городского населения по нескольким каналам. Он ведет к значительному снижению смертности (на фоне все еще высокой рождаемости), обуславливая резкое ускорение общих темпов демографического роста, что уже само по себе ведет к появлению очень значительного избыточного сельского населения. Кроме того, выдавливание избыточного населения из деревни дополнительно усиливается бурным ростом производительности труда в сельском хозяйстве (которое обычно вполне закономерно сопровождает выход социальной системы из мальтузианской ловушки), в результате чего для создания того же (или даже существенно большего) объема сельскохозяйственной продукции требуется все меньше рабочих рук.

Отметим, тот факт, что данная система находится в процессе выхода из мальтузианской ловушки (то есть в ней наблюдается устойчивый рост подушевого потребления), по определению означает, что население, вытесняемое из деревни в город и переходящее от деревенских занятий к городским, может быть вполне обеспечено продовольственными ресурсами; таким образом, выход из мальтузианской ловушки выступает мощной силой, поддерживающей наблюдающуюся в процессе модернизации резкую интенсификацию урбанизационных процессов; именно происходящий в процессе модернизации выход из мальтузианской ловушки позволяет поднять долю городского населения до такого уровня, который принципиально не может быть достигнут в находящихся в мальтузианской ловушке аграрных обществах¹⁴.

Итак, при выходе из мальтузианской ловушки наблюдается особо быстрый рост численности городского населения (см., например, выше Рис. 2.4.33) за счет как быстрого собственного роста городского населения, так и массовой миграции населения из деревни в город. Это практически неизбежно порождает то или иное социальное напряжение уже потому, что обеспечить работой и жильем всю эту быстро растущую массу тяжело. Даже если и с этой очень трудной задачей справиться удастся, определенное социальное напряжение все равно будет иметь место. Дело в том, что мигранты из деревни по определению не имеют городских квалификаций (и городского жилья), и в первое время после переселения могут рассчитывать лишь на самую низкоквалифицированную хуже оплачиваемую работу и крайне посредственные жилищные условия. Через какое-то время многим мигрантам, конечно, удастся получить более квалифицированную и оплачиваемую работу и как-то улучшить свои жилищные условия, но на это обычно уходит заметное время. В любом случае массированная миграция из деревни в город практически неизбежно порождает заметное количество недовольных своим положением, недовольство которых дополнительно усугубляется их второсортным положением по сравнению с квалифицированными работниками современных секторов экономики с характерным для них несравненно более высоким уровнем жизни.

¹⁴ С другой стороны, как мы видели в Главе 1 данного раздела, выход из мальтузианской ловушки невозможен без высокого развития городского (и шире – несельскохозяйственного) сектора. Тем более это невозможно в современных условиях, поскольку именно несельскохозяйственный сектор обеспечивает модернизирующееся сельское хозяйство машинами, оборудованием, минеральными удобрениями, пестицидами, специальной литературой, агрономами и т. п.

Ситуация усугубляется тем, что в города обычно мигрирует прежде всего именно молодежь. Таким образом, фактор «молодежного бугра» и фактор интенсивной урбанизации действуют совместно, производя в совокупности особенно мощное дестабилизирующее воздействие. При этом особенно быстро растет численность именно молодого городского населения. Например, в Алжире за тридцать лет его независимого развития численность молодежи увеличилась почти в три раза, численность городского населения увеличилась в четыре раза. В то же время численность городской молодежи увеличилась за это время более чем на порядок (что явилось логичным последствием именно выхода страны из мальтузианской ловушки). Таким образом, численность наиболее радикально настроенной части населения не просто колоссально выросла, но и оказалась сконцентрирована в городах, которые (не будем забывать) являются государственными и региональными центрами политической системы. А поскольку молодежь может дополнительно концентрироваться еще и внутри городов (например, на крупных предприятиях или в учебных заведениях), это может привести к самой серьезной политической дестабилизации даже в условиях вполне стабильного экономического роста (для этого достаточно лишь талантливых радикалистских агитаторов плюс несколько ошибочных действий со стороны властей). А если, скажем, экономический подъем сменится несколькими годами экономического спада? Тут уже избежать самых серьезных политических потрясений оказывается крайне и крайне сложно.

Интересно посмотреть, как действие рассмотренных выше факторов выглядело «на уровне почвы». Для этого стоит привести описание Ж. Кепелем событий, предшествовавших октябрьским волнениям 1988 г., явившихся грозным предвестником надвигающейся гражданской войны:

«...Демографический взрыв вытолкнул детей феллахов в города и пригороды, где они оказались в трудных условиях... В 1989 г. 40 % из 24 млн алжирцев были младше 15 лет, городское население составляло более 50 %..., а 61 % подростков имели среднее образование. “Официальный” показатель безработицы докатился до 18,1 % (на деле, вероятно, он был гораздо выше). В 1995 г. официально он составлял уже 28 %. Алжирская городская молодежь получила прозвище *хиттистов* – от арабского слова *хит* (“стена”) и французского суффикса *-ист*. Эта лингвистическая идиома местных юмористов обозначала молодого безработного, проводившего целые дни, подпирая стены домов. На самом деле в этом прозвище была своя политическая и идеологическая подоплека. Предполагалось, что в социалистической стране, где каждому гарантировалась занятость, профессия хиттиста заключалась в “подпираании стен”, чтобы они не падали. Прилипшая к молодым людям кличка превращала их в социально пассивный объект, не озабоченный своей дальнейшей судьбой. Этим они отличались от иранских “обездоленных” (*мостадафин*), воспетых религиозными движениями, которые звали их под свои знамена и возводили в ранг носителей смысла Истории и Откровения. Октябрьские дни 1988 г. также вписались в специфически алжирский контекст конца этого десятилетия: углеводородное сырье составляло 95 % выручки от всего экспорта и обеспечивало 60 % бюджетных поступлений... Алжирское государство представляло собой своего рода народную нефтедемократию. Доходы от нефти позволяли монополизировавшему их режиму покупать социальный мир... Этот баланс сил, скрещенный из социализма и субсидий, репрессий и официальной идеологии, покоился на хрупком экономическом равновесии, обусловленном в основном высокими ценами на энергоносители. В 1986 г. крах нефтяного рынка, сопровождавшийся двукратным сжатием госбюджета, обрушил все здание. Ко всему прочему демографический взрыв... привел к острому жилищному кризису, росту безработицы и т. д. ...На строительном рынке наметилось значительное отставание предложения от спроса, что создавало ситуацию перенаселенности и скученности¹⁵, способствовавшую социальному взрыву. В этой атмосфере общего спада, отмеченной непрекращавшимися забастовками, 4 октября 1988 г. вспыхнули народные волнения. Бедная алжирская молодежь громила символы государственной власти, общественные организа-

¹⁵ «На тот момент [1988 г.] стране не хватало более 1,5 млн единиц жилищного фонда, во многих городских квартирах проживало до 18 человек» (Зинькина 2010: 267).

ции и службы (автобусы, дорожные знаки, агентства алжирской авиакомпании “Эр Алжери”), шикарные автомобили и великолепные магазины... Происходившее свидетельствовало о появлении на политической арене нового независимого субъекта – неимущей городской молодежи. Отныне презируемые “хиттисты” стали полноправными хозяевами улицы, способными поколебать сами основы отвергнутого их режима, законность власти которого они не признавали. Тем не менее мятежу не удалось оформиться в политическое движение. Предоставленная сама себе, бедная городская молодежь была неспособна сформулировать свои требования... Зато этот социальный взрыв был немедленно замечен исламистским движением, которое увидело в нем уникальную возможность для укрепления своих позиций» (Кепель 2004: 164–166).

* * *

Попытаемся теперь подвести общий итог полученным нами выше результатам. Имеются основания утверждать, что генерирование значительных социально-политических потрясений (и в том числе «революций») в процессе выхода социальных систем из мальтузианской ловушки является не аномальным, а вполне закономерным явлением. На наш взгляд, в особом объяснении нуждаются скорее те случаи, когда социальным системам удавалось избежать подобных потрясений при выходе из мальтузианской ловушки.

Почему же такие потрясения закономерны? Ответ кратко может быть изложен следующим образом (см. также Рис. 2.4.34 на с. 244):

1) Начало устойчивого выхода из мальтузианской ловушки по определению означает снижение смертности, а значит, и резкое ускорение темпов роста населения (что уже само по себе могло вести к определенному росту социально-политической напряженности).

2) Начало устойчивого выхода из мальтузианской ловушки сопровождалось особенно сильным уменьшением младенческой и детской смертности. Все это вело к резкому росту пропорции молодежи в общей численности населения вообще и в численности взрослого населения в частности (так называемому «молодежному бугру»).

3) В результате наблюдается резкий рост пропорции той самой части населения, которая в наибольшей степени склонна к насилию, агрессии и радикализму, что уже само по себе выступает мощным фактором политической дестабилизации.

4) Быстрый рост общей численности молодежи требует кардинально увеличивать создание новых рабочих мест, что представляет очень сложную задачу. Всплеск же молодежной безработицы может иметь особо мощный политически дестабилизирующий эффект, создавая армию потенциальных участников («горючий материал») для всевозможных политических (и в том числе революционных) потрясений.

5) Выход из мальтузианской ловушки стимулирует мощный рост городского населения. Кроме того, выдавливание избыточного населения из деревни дополнительно усиливается бурным ростом производительности труда в сельском хозяйстве. Массированная миграция из деревни в город практически неизбежно порождает заметное количество недовольных своим положением, поскольку мигранты из деревни в первое время после переселения могут рассчитывать лишь на самую низкоквалифицированную малооплачиваемую работу и крайне посредственные (а зачастую и просто откровенно неудовлетворительные) жилищные условия.

6) Выход из мальтузианской ловушки в конечном счете достигается прежде всего за счет развития новых секторов и отмирания старых, за счет структурной перестройки, которая не может происходить полностью безболезненно. Во всех случаях старая традиционная квалификация работников утрачивает смысл, и, не имея новой современной квалификации, эти работники вынуждены наниматься на низкоквалифицированную работу (если им ее вообще удастся найти), что, конечно, не может не порождать массового недовольства и служит серьезным фактором политической дестабилизации.

7) В города из деревни обычно мигрирует прежде всего именно молодежь. Таким образом, фактор «молодежного бугра» и фактор интенсивной урбанизации действуют совместно, производя в совокупности особенно мощное дестабилизирующее воздействие. Особенно быстро растет численность именно молодой наиболее радикально настро-

енной части городского населения, при этом такая молодежь оказывается сконцентрированной в наиболее крупных городах/политических центрах.

8) Такая ситуация может привести к самой серьезной политической дестабилизации даже в условиях достаточно стабильного экономического роста. С особо высокой вероятностью политические потрясения наступают, если власть теряет авторитет в результате, скажем, военного поражения, или в условиях затяжного экономического кризиса, пришедшего на смену экономическому подъему.

Рис. 2.4.34. «Ловушка на выходе из ловушки». Блок-схема

Что касается математических моделей, описывающих возникновение «молодежного бугра» (способного в совокупности с некоторыми другими факторами привести к серьезнейшим социально-политическим потрясениям даже при самом, казалось бы, благополучном выходе из мальтузианской ловушки), то они достаточно хорошо проработаны и широко используются в демографических исследованиях. В качестве примера можно привести следующую модель (см. также: Отоцкий 2008). В ней для определения дина-

мики возрастной структуры общества используется метод компонент (или когортный анализ). В рамках метода компонент все население делится на группы людей одного возраста, так называемые годовые когорты. При этом все когорты делятся на мужские и женские для корректной оценки воспроизводственного потенциала населения. Для каждой когорты определяются собственные коэффициенты рождаемости, смертности и миграции. За номер когорты принимается год рождения людей, входящих в когорту. Число мужчин в когорте (аналогичная зависимость описывает динамику женских когорт) выражается как:

$$Nm_t^i = Nm_{t-1}^i - kUm_{t-i} \cdot Nm_{t-1}^i + M_{t-i} \cdot kMmw, \quad t > i, \quad (1)$$

где: Nm_t^i – число мужчин в когорте i ;
 kUm_t – возрастной коэффициент смертности;
 M_t – возрастной объем миграционного прироста;
 $kMmw_t$ – доля мужчин в миграционном приросте;
 i – номер когорты (соответствует году рождения людей в когорте);
 t – расчетный год;
 $t-i$ – возраст людей в когорте i .

Число новорожденных мальчиков определяется следующим образом (аналогичная зависимость определяет численность новорожденных девочек):

$$Nm_t^i = kRmw \cdot \sum_{j=0}^{60} kR_j \cdot Nw_{t-1}^{t-j} + M_0 \cdot kMmw, \quad t = i, \quad (2)$$

где Nm_t^i – число новорожденных мальчиков;
 Nw_t – численность женщин по годовым когортам;
 kR_t^* – возрастной коэффициент рождаемости по когортам матерей;
 i – номер когорты (соответствует году рождения людей в когорте), для новорожденных $i = t$;
 $kRmw_t$ – доля мальчиков в новорожденных детях.

Число новорожденных в возрастной группе определяется как:

$$R^* = kR^* \sum_{k=l_i}^{n_i} Nw_k, \quad (3)$$

где R^* – число новорожденных в возрастной группе матерей;
 kR^* – коэффициент рождаемости по возрастной группе матерей;
 Nwk – число женщин возраста k ;
 i – индекс возрастной группы (наибольший возраст в группе);
 l_i – наименьший возраст в возрастной группе i ;
 n_i – наибольший возраст в возрастной группе i .

Общее число новорожденных по когортам матерей определяется выражением:

$$R_i = \sum_{g=0}^i R_g^*. \quad (4)$$

Распределение коэффициента смертности по годовым возрастным когортам мужчин и женщин рассчитывается путем интерполяции интеграла числа умерших по возрастным группам:

$$Um^*_i = kUm^* \cdot \sum_{k=l_i}^{n_i} Nm_k, \quad (5)$$

где Um^* – число умерших мужчин в возрастной группе;
 i – индекс возрастной группы (наибольший возраст в группе);
 kUm^* – коэффициент мужской смертности по возрастной группе;
 Nm_k – число мужчин возраста k ;
 l_i – наименьший возраст в возрастной группе;
 n_i – наибольший возраст в возрастной группе.

Интеграл умерших мужчин по возрастным когортам:

$$Um_i = \sum_{g=0}^i Um^*_g. \quad (6)$$

Аналогично рассчитывается число умерших женщин в возрастной группе (Uw^*_i) и интеграл числа умерших женщин по когортам (Uw_i).

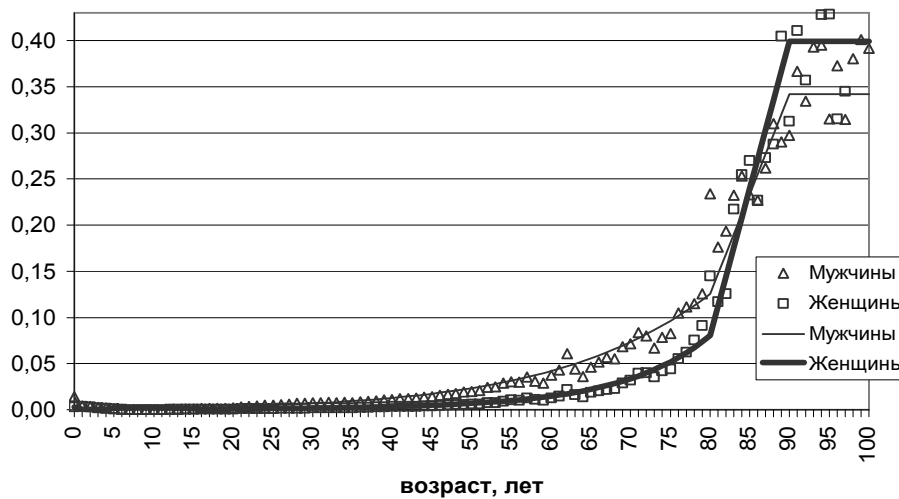
Коэффициенты мужской и женской смертности по годовым когортам определяются следующим образом:

$$kUm_i = \frac{Um_i}{Nm_i}, \quad kW_i = \frac{Uw_i}{Nw_i}. \quad (7)$$

В качестве примера на Рис. 2.4.35 приведен график коэффициентов смертности, определенный по современным статистическим данным для жителей Московской области (Отоцкий 2008).

Рис. 2.4.35. Коэффициенты смертности по годовым возрастным когортам мужского и женского населения

Коэффициент смертности по когортам

Для проведения расчетов по модели (1)–(7) необходимы детальные статистические данные. В случае, когда данных недостает или когда достаточно проведения приближенных оценок, можно воспользоваться аналитической моделью МакКендрика – фон Ферстера (McKendrick 1926; von Foerster 1959). В соответствии с ней уравнения для определения количества лиц возраста t в момент времени t записываются следующим образом:

$$\frac{\partial u(\tau, t)}{\partial t} + \frac{\partial u(\tau, t)}{\partial \tau} = -d(\tau, t)u(\tau, t),$$

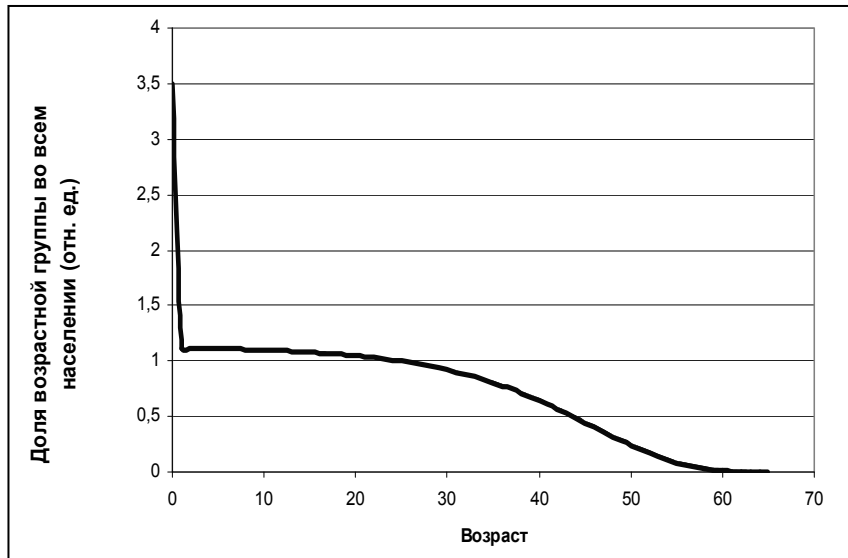
$$u(0, t) = 0,5 \int_0^{\infty} u(\tau, t)b(\tau, t)d\tau, \quad u(\tau, 0) = g(\tau), \quad (8)$$

где $u(\tau, t)$ – количество лиц возраста τ в момент времени t , $b(\tau, t)$ – интенсивность рождения детей у женщин возраста τ в момент времени t , $d(\tau, t)$ – возрастной коэффициент смертности для лиц возраста τ в момент времени t , $g(\tau)$ – возрастная структура общества в начальный момент времени (для упрощения считается, что разница между численностью женщин и мужчин пренебрежимо мала, количество рождающихся мальчиков равно количеству рождающихся девочек, величина коэффициента смертности $d(\tau, t)$ одинакова для женщин и мужчин).

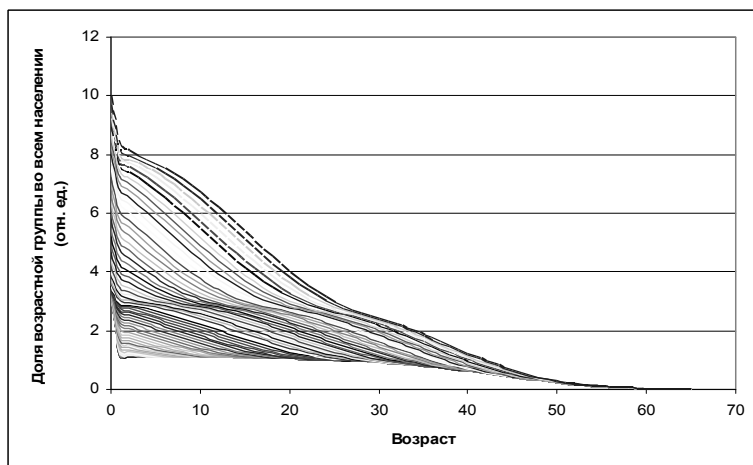
С помощью модели (8) можно показать, как возникает «молодежный бугор» в обществе, выходящем из мальтузианской ловушки.

Пусть до некоторого момента времени t_0 общество было стабильным в демографическом смысле (возрастная структура общества не изменялась, см. Рис. 2.4.36), при этом рождаемость была большая – 7 детей на женщину – при высокой младенческой смертности.

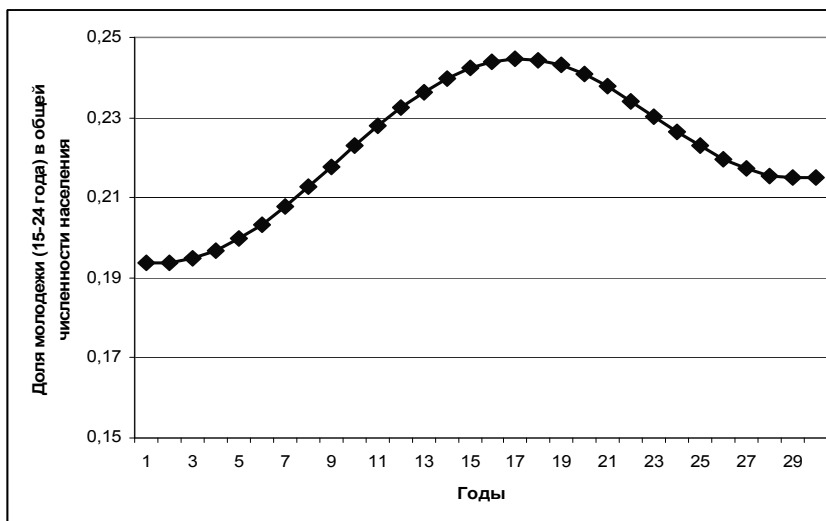
Рис. 2.4.36. Исходная возрастная структура общества (модельный случай)

Если с момента времени t_0 младенческая смертность начнет снижаться и за 30 лет уменьшится в 5 раз, то в соответствии с (8) возрастная структура общества при неизменной структуре рождаемости существенным образом изменится (линии на Рис. 2.4.37 соответствуют последовательному изменению демографической структуры общества на протяжении 55 лет с момента t_0).

Рис. 2.4.37. Изменение возрастной структуры общества при снижении младенческой смертности (модельный случай)

Видно, что снижение младенческой смертности приводит увеличению доли молодежи в общей численности населения. При этом возникает «молодежный бугор» (см. Рис. 2.4.38, где отражено изменение доли молодежи [15–24 года] в общей численности населения начиная с момента времени $t_0 + 20$ лет).

Рис. 2.4.38. Изменение доли молодежи (15–24 года) в общей численности населения при снижении младенческой смертности (модельный случай)

Видно, что результаты расчетов, несмотря на модельный характер, достаточно хорошо отражают наблюдаемые данные.

Избыточное молодое поколение, не востребованное в деревне, уходит в города в поисках лучшей доли и уже там начинает влиять на развитие социально-экономических и политических процессов в обществе. Чем закончатся эти процессы, зависит от конкретных условий. В любом случае — это критический период в жизни любого общества, выходящего из мальтузианской ловушки.

На Рис. 2.4.39 и 2.4.40 представлены, соответственно, результаты модельных расчетов роста численности городского населения и изменения доли городского населения в общем населении в предположении, что при увеличении демографического давления на селе избыточное население (в основном молодое) с вероятностью примерно 0,5 уходит в города (расчеты проведены для тех же условий, что и на Рис. 2.4.36–2.4.39; начиная с момента времени $t_0 + 20$ лет).

Рис. 2.4.39. Рост численности городского населения под влиянием миграционного притока из сельской местности (модельный случай)

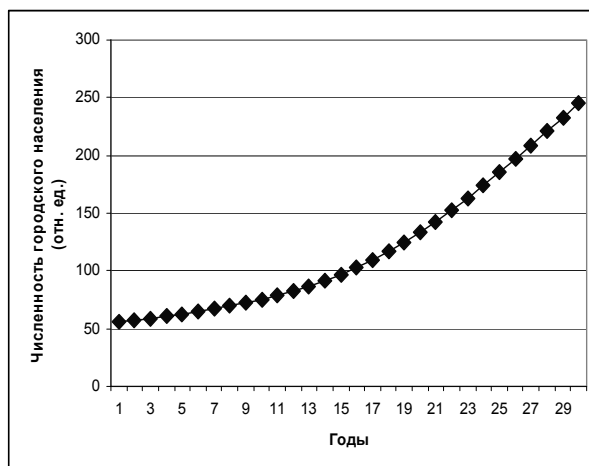
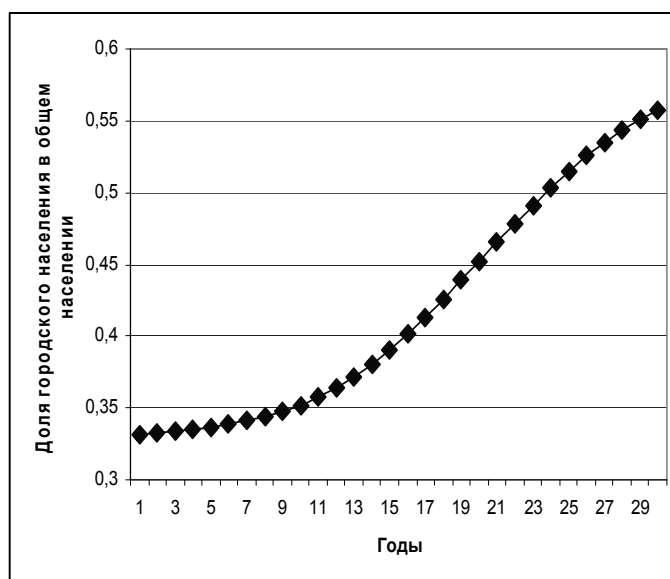

Рис. 2.4.40. Увеличение доли городского населения в общем количестве населения под влиянием миграционного притока в города из сельской местности (модельный случай)

Естественно, массовая миграция сельского населения в города возможна только в условиях общего экономического роста, когда появляется относительный «избыточный» продукт, за счет которого становится возможным прокормить увеличивающееся город-

ское население. Для учета этого обстоятельства можно опереться на предложенное нами ранее (Коротаяев 2007) общее динамическое уравнение урбанизации:

$$\frac{du}{dt} = aSu (u_{\text{lim}} - u), \quad (9)$$

где u – доля городского населения («индекс урбанизации»); S – «избыточный» продукт, производимый на одного человека; a – константа; u_{lim} – предельно возможная доля городского населения (которая может быть оценена как находящаяся в пределах 0,8–0,9 и может рассматриваться в данном контексте как «уровень насыщения»; в приводимых ниже расчетах это значение было принято равным 0,9).

Это уравнение относится к классу так называемых «автокаталитических» уравнений. Оно имеет следующий смысл: при относительно низких значениях урбанизации вероятность того, что деревенский житель переселится в город, тем выше, чем выше доля городского населения. Действительно, чем выше эта доля, тем выше вероятность того, что в городе живет родственник/знакомый данного деревенского жителя, который может предоставить ему необходимую для переселения в город информацию и начальную поддержку (обычный крестьянин вряд ли решится переселиться «в никуда»). Однако темпы роста доли городского населения замедляются при приближении к уровню насыщения.

Кроме того, как в нашем уравнении, так и в реальной жизни темпы урбанизации зависят и от уровня экономического развития, который в нашем уравнении исчисляется через величину *относительно избыточного продукта*, производимого на душу населения. Действительно, если «деревня» *относительно избыточного продукта* не производит, то урбанизация оказывается просто невозможной, а чтобы она началась и тем более ускорилась, необходим заметный экономический рост и рост производительности труда, например в сельском хозяйстве, что, с одной стороны, позволило бы прокормить население городов, а с другой – создало избыток рабочих рук в сельском хозяйстве, подталкивая деревенских жителей к миграции в города.

Именно это и является системной причиной социально-политической неустойчивости на выходе из мальтузианской ловушки.

Глава 5. События Арабской весны 2011 г. К системному анализу и моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии¹

Как уже сказано, на протяжении доиндустриальной истории человечества (в особенности применительно к сверхсложным аграрным социальным системам) масштабные внутрисполитические потрясения были очень часто связаны именно с нахождением человеческих обществ в мальтузианской ловушке.

Однако, как видно из предыдущих глав, сам выход из мальтузианской ловушки парадоксальным образом может систематически (и вполне закономерно) сопровождаться мощными социально-политическими потрясениями, несмотря на то, что он происходит на фоне долгосрочной тенденции к улучшению² условий существования большинства населения. При этом мы показываем, что генерирование значительных социально-политических потрясений (и в том числе «революций») в процессе выхода социальных систем из мальтузианской ловушки является не аномальным, а вполне закономерным явлением. На наш взгляд, напротив, в особом объяснении нуждаются скорее те случаи, когда социальным системам в рассматриваемой ситуации удавалось избежать подобных потрясений при выходе из мальтузианской ловушки (см. об этом в Главе 2 Раздела 2). В предыдущих главах был дан ответ на вопрос, почему такие потрясения закономерны. В настоящей главе будет дополнительно показано, как проявляется эта социально-политическая неустойчивость в различных странах.

События Арабской весны 2011 г. Хронология

С начала 2011 г. большинство стран Ближнего Востока в той или иной степени оказались охвачены социально-политическими потрясениями, вплоть до революций и гражданских войн.

Рис. 2.5.1. «День гнева» 25 января 2011 г. в Каире³

Эти процессы получили название Арабской весны (см., например: Берг 2011в, Подцероб 2011). Сначала следует дать краткое описание тех событий, которые происходили в странах Арабской весны.

¹ В соавторстве с С. Ю. Малковым, А. Н. Буровой, Ю. В. Зинькиной, А. С. Ходуновым.

² А не ухудшения, как это наблюдалось в социальных системах, находившихся в мальтузианской ловушке.

³ Фото взято с сайта: http://en.wikipedia.org/wiki/File:Day_of_Anger_marchers_in_street.jpg.

Алжир

Протесты в Алжире начались еще раньше, чем в Тунисе, в начале декабря 2010 г., однако они не приняли лавинообразного характера, наблюдавшегося в Тунисе. Протесты несколько усилились в самом начале 2011 г. в связи с резким подорожанием продуктов питания, а затем и в связи с победой Тунисской и началом Египетской революции. Особый резонанс имели демонстрация 22 января в столице, а также прошедшая 30 января 2011 г. в городе Беджайя на северо-востоке многотысячная демонстрация под лозунгами смены режима. Президент Алжира Абдель-Азиз Бутефлика объявил 3 февраля, что в ближайшее время в стране начнутся политические реформы и будет отменен режим чрезвычайного положения, введенный в 1992 г. Глава государства также поручил правительству принять неотложные меры по созданию в стране новых рабочих мест, особенно для молодежи и выпускников вузов. Примечательно, что хотя протесты зимы 2010–2011 г. и начались именно в Алжире, в целом период социально-политической дестабилизации в Алжире длился немногим более двух месяцев и завершился без каких-либо серьезных потрясений (Nossiter 2011). Детонатором Арабской весны выступили все-таки не алжирские, а тунисские события.

Тунис

«17 декабря 2010 г. Мухаммед Буазизи – 26-летний тунисец, безработный выпускник университета, попытался заработать на жизнь, торгуя с тележки овощами и фруктами. Полиция отняла его товар и оскорбила. Попытки пожаловаться властям кончились тем, что его вышвырнули из муниципалитета. Оскорбленный, отчаявшийся, лишенный куска хлеба, молодой человек совершил самосожжение» (Васильев 2011: 2). Это трагическое событие спровоцировало ряд демонстраций с требованиями решить проблему безработицы и снизить цены на товары первой необходимости. 25 декабря волнения охватили все внутренние районы страны и столицу (см., например: Кашина 2011).

14 января 2011 г. Зин-ал-Абидин Бен Али, занимавший пост президента в течение 23 лет, был отстранен от власти и покинул страну. Вскоре после этого в стране было объявлено чрезвычайное положение. 17 января глава временного коалиционного правительства Мухаммад Ганнуши объявил персональный состав своего кабинета, ключевые посты в котором (министров обороны, МВД, МИД, финансов) сохранили представители «старой гвардии» Бен Али. В знак протеста против этого на следующий день из правительства вышли 5 министров, представлявших некоторые оппозиционные организации. Это вызвало новые протесты, в итоге Ганнуши 27 января «перетасовал» правительство, отстранив от власти всех членов бывшей правящей партии, кроме себя.

Рис. 2.5.2. Уличные столкновения в столице Туниса 14 января 2011 г.⁴

⁴ Источник фотографии: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Fichier:Beschuss.jpg>.

6 февраля бывшая правящая партия была распущена и вскоре распалась. 27 февраля ушел в отставку и сам Ганнуши, и премьер-министром стал Баджи Каид ас-Севси.

В начале мая Тунис захлестнула следующая волна митингов с требованием отставки и этого переходного правительства (см., например: Al-Tabi'i 2011). В июле и августе ситуация в Тунисе продолжала быть напряженной, периодически проходили новые антиправительственные демонстрации, однако к началу сентября они пошли на спад. К началу октября по сравнению с другими странами региона ситуация в Тунисе была вполне стабильной. В конце октября в стране прошли выборы в парламент, на которых большинство мест получила партия «Ан-Нахда». Эта партия считается умеренно исламистской (Быстров 2011). О Тунисе см. еще в Главе 7 Раздела 3.

Египет

После победы Тунисской революции видный оппозиционный египетский политический деятель Мохаммед ал-Барадеи предупредил о том, что за Тунисом может последовать Египет. И действительно, 25 января 2011 г., в день, назначенный заблаговременно в виртуальных социальных сетях и определенный как «День гнева», тысячи людей в таких египетских городах, как Каир, Суэц, Александрия, Порт-Саид и Исмаилия, потребовали отставки министра внутренних дел Хабиба ал-Адли (а через какое-то время и самого президента Хосни Мубарака). Демонстранты также требовали решения проблем безработицы, коррупции и роста цен на продукты, увеличения минимальной зарплаты до 1200 египетских фунтов в месяц, роспуска парламента, а также отмены режима чрезвычайного положения (действовавшего в Египте с 1981 г.) (см., например: Куделев 2011а; Исаев, Шишкина, Щербович 2011).

26 января правительство запретило египтянам собираться в группы и проводить массовые акции. 27 января многочисленные демонстранты столкнулись с представителями сил безопасности в Суэце. 28 января было объявлено «пятницей гнева». Логично, что именно в пятницу, после общей молитвы, демонстрантам удалось без особого труда занять Тахрир, откуда их ранее вытеснила полиция. В тот же день в Каире были отключены Интернет и мобильная связь (см., например: Исаев, Щербович, Шишкина 2011). 31 января оппозиция призвала египтян к всеобщей забастовке и к участию в «марше миллионов» в Каире и Александрии. Мубарак, пытаясь снизить напряженность в стране, сформировал новое правительство.

1 февраля на Тахрир вышло около 200 тысяч демонстрантов, которые митинговали в окружении армейских кордонов. Мубарак выступил с телеобращением к нации, заявив, что не будет участвовать на следующих выборах осенью 2011 года. 2 февраля на Тахрире начались массовые столкновения между противниками и сторонниками Мубарака, многие из последних атаковали верхом на лошадях и верблюдах. 10 февраля Хосни Мубарак передал все властные полномочия вице-президенту Омару Сулейману, и уже на следующий день последний объявил, что президент уходит в отставку, а власть переходит к Высшему совету Вооруженных сил, возглавляемому Мохаммедом Хусейном Тантауи (см., например: Qadri 2011a).

В период с марта по сентябрь 2011 г. демонстранты неоднократно собирались на площади Тахрир, выражая недовольство уже новой властью и требуя реализации реформ. В первой декаде августа начался судебный процесс над бывшим президентом страны (который к этому времени находился в весьма плачевном состоянии), продолжавшийся более двух месяцев (The New York Times 2011a).

30 сентября на Тахрире прошла массовая акция протеста, участники которой требовали отмены чрезвычайного положения, внесения поправок в закон о выборах и объявления военным правительством конкретной даты передачи власти гражданскому руководству. Высший совет в лице генерала Аннана объявил о некоторых уступках, в том числе о своем согласии на внесение изменений в закон о выборах.

Таким образом, к началу октября обстановка в Египте не только не улучшилась, но и становилась все более взрывоопасной. В начале октября Каир был охвачен новыми массовыми беспорядками, которые переросли в столкновения между христианским населением, негодующим из-за ущемления его интересов, и полицией (BBC 2011i). Последующие события в этой стране анализируются в Главе 7 Раздела 3.

Ливия

В Ливии 15 февраля 2011 г. начались выступления против режима Муаммара ал-Каддафи. К 18 февраля оппозиция заняла Бенгази, второй по величине город страны, и центр одной из ливийских исторических провинций – Киренаики. 26 февраля в Бенгази было сформировано оппозиционное М. ал-Каддафи правительство. Противостояние власти и оппозиции переросло в полномасштабную гражданскую войну (см., например: Куделев 2011б).

Рис. 2.5.3. Ливийские повстанцы на подступах к Брге 10 марта 2011 г.⁵

17 марта по резолюции 1973 Совета Безопасности ООН воздушное пространство над Ливией было объявлено бесполетной зоной, а два дня спустя Франция, Великобритания и США начали военное вторжение, к которому присоединилась коалиция европейских и некоторых арабских стран (см., например: Волович 2011).

К началу июля в стране сложилось динамическое равновесие сил между режимом ал-Каддафи в Триполи и оппозицией в Бенгази, однако в результате предпринятого в середине августа наступления вооруженным формированиям оппозиции при воздушной поддержке сил коалиции в начале третьей декады августа удалось вступить в столицу страны (см., например: Qadri 2011b).

В начале сентября войска повстанцев дошли на юге до границы с Нигером. Местоположение бывшего лидера страны продолжало к этому времени оставаться неизвестным. 16 сентября Генеральная Ассамблея ООН поддержала предложение о предоставлении Переходному национальному совету (ПНС) права представлять страну в ООН, а Совет Безопасности принял резолюцию, которая ослабила санкции, введенные в отношении Ливии (в частности, это касалось работы ливийского Центрального банка и национальной нефтяной компании).

К концу сентября обстановка внутри страны оставалась нестабильной: власть перешла к ПНС, однако часть ливийской территории с городами Сирт и Бени-Валид оставалась под контролем сторонников ал-Каддафи, который продолжал призывать к сопро-

⁵ Источник фотографии: http://en.wikipedia.org/wiki/File:Libya_Brega_rebel_fighters_10_March_2011_-_VOA_Iltner.jpg.

тивлению в своих обращениях по сирийскому телевидению (см., например: Al-Jazeera 2011*d*).

20 октября автоколонна, в которой ал-Каддафи покидал Сирт, была атакована авиацией НАТО, вскоре появилась пехота ПНС. Полковник был ранен и растерзан толпой повстанцев (см., например: Russia Today 2011*a*).

27 октября Совет Безопасности ООН принял резолюцию о снятии режима бесполетной зоны над Ливией. Операция НАТО в стране была официально завершена 31 октября (см., например: Russia Today 2011*b*). Таким образом, к началу ноября ситуация в Ливии вышла на новый этап своего развития. Некоторые моменты событий в Ливии освещаются также в Главе 7 Раздела 3.

Бахрейн

Протесты в Бахрейне начались 14 февраля 2011 г. Протестующие требовали большей политической свободы и гражданских прав, а не свержения монархии. Активное участие в протестах принимали шииты, составляющие 60–70 % населения страны (см., например: Берг 2011*a*). После 17 февраля, когда полиция применила против демонстрантов огнестрельное оружие, протестующие стали требовать, помимо всего прочего, отречения монарха, Хамада Бен Иса ал-Халифы, и отставки премьер-министра. В конце февраля с протестами на улицы вышли около ста тысяч человек.

Рис. 2.5.4. Демонстранты на Жемчужной площади в столице Бахрейна⁶

14 марта в страну вошли военные силы Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (а именно Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ). 15 марта правитель Бахрейна объявил чрезвычайное положение (BBC 2011*d*). 16 марта ведущие представители оппозиции были арестованы. 2 июня, после бурных демонстраций, оппозиционные партии приняли предложение короля о начале «национального диалога» (BBC 2011*b*). 17 июня состоялась массовая демонстрация, организованная оппозиционной шиитской партией «Ал-Вифак». Ее лидер шейх А. Сальман заявил, что оппозиция не против диалога с властью. Правительство сняло запрет на деятельность другой оппозиционной партии «Ал-Ваад» (The New York Times 2011*d*).

⁶ Источник фотографии: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:197917_1864109_724582_1296163390_2143869_204921_n.jpg?uselang=ru.

Осенью началась вторая волна протестов, демонстранты призывали к началу нового массового противостояния (см., например: BBC 2011e). К началу ноября обстановка оставалась крайне нестабильной.

Марокко

В феврале 2011 г. в ряде городов страны начались демонстрации, участники которых требовали ограничить полномочия короля Мухаммада VI, устранить коррупцию, «прекратить мздоимство и хищение народных денег» (цит. по: Берг 2011б).

Рис. 2.5.5. Демонстрация протеста, февраль 2011 г., Касабланка⁷

В мае продолжились выступления, основным участником которых выступала молодежь. Главным требованием было скорейшее осуществление политических реформ. Было запланировано проведение референдума по вопросу принятия поправок к действующей Конституции (Куделев 2011в). В частности, премьер-министр должен получить право роспуска парламента, а судебная власть должна стать независимой от исполнительной и законодательной властей. В начале июля референдум состоялся, в Конституцию были внесены изменения, однако далеко не всех марокканцев это устроило, и протесты продолжались (The New York Times 2011b).

Йемен

16 января 2011 г. в столице Йемена Сане прошла демонстрация студентов и правозащитников с призывами к революции против «трусливых и лживых лидеров» (цит. по: Институт Ближнего Востока 2011a). Начались протесты против предложений правительства внести поправки в Конституцию (относительно президентского срока), а также против безработицы и коррупции; немного позднее протестующие выдвинули требование отставки президента Али Абдаллы Салеха. 27 января в Сане прошла демонстрация, в которой участвовали более 16 тысяч человек.

⁷ Источник фотографии: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:2011_Moroccan_protests_1.jpg?uselang=ru.

2 февраля Али Абдалла Салех заявил, что не собирается выдвигать свою кандидатуру на следующий президентский срок на выборах 2013 г., а также передавать власть своему сыну.

Рис. 2.5.6. Антиправительственная демонстрация 3 февраля 2011 г. в Сане⁸

11 февраля в крупнейшем городе юга страны Адене прошла многотысячная манифестация сторонников восстановления независимости Южного Йемена. 18 февраля, в «пятницу гнева», продолжались демонстрации против правительства в таких крупных городах страны, как Сана, Таиз, Аден.

8 марта к протестующим присоединились некоторые армейские части. 23 марта Всеобщий народный конгресс (ВНК), правящая партия, объявил чрезвычайное положение и приостановил действие Конституции.

23 апреля президент Салех, Всеобщий народный конгресс и руководство некоторых оппозиционных партий сообщили о своем согласии действовать по плану, предложенному Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, в соответствии с которым Салех должен был уйти в отставку в течение 30 дней после формирования временного правительства во главе с представителем оппозиции, которая должна будет прекратить все акции протеста. Свои полномочия Салех должен был передать вице-президенту до выборов нового президента; при этом ему самому и его семейству будет гарантироваться иммунитет от судебного преследования. Однако представителей оппозиции не устроил тот факт, что одобрение отставки президента должно исходить от парламента, где ВНК принадлежит большинство мест, а также то, что присягу нового правительства будет принимать Салех. Помимо этого, лидеры оппозиции заявили, что акции протеста будут продолжаться до ухода президента в отставку.

3 июня в Сане было организовано нападение на мечеть при президентском дворце, президент получил ранения и вынужден был отправиться на лечение в Саудовскую Аравию. 7 июля Салех выступил в прямом эфире государственного телевидения, призвав граждан страны к диалогу.

В середине августа президент неоднократно выступал по телевидению с обращениями к нации. 17 августа лидеры оппозиции сформировали Национальный совет в качестве временного правительства (The New York Times 2011c).

23 сентября президент Салех вернулся в Йемен после трехмесячного отсутствия, что вызвало обострение ситуации в стране: в Сане и других городах проходили многотысяч-

⁸ Источник фотографии: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Yemen_protest.jpg.

ные демонстрации оппозиции с требованиями отставки президента (Al-Arabiya 2011). Аравийские монархии, США и Евросоюз призвали к отставке президента.

30 сентября Салех заявил о своей готовности уйти в отставку при условии отказа лидеров оппозиции из числа его бывших соратников от борьбы за власть.

В течение первой недели октября йеменская журналистка Таваккуль Карман, активно участвующая в протестах, стала одной из трех женщин, разделивших Нобелевскую премию мира в 2011 г. (см., например: Al-Jazeera 2011b).

В начале октября противостояние между властью и оппозицией обострилось: в Санае проходили многотысячные демонстрации с требованиями немедленной отставки президента, переходившие в вооруженные столкновения (см., например: Al-Jazeera 2011a; Al-Sharq Al-Awsat 2011a).

Президент по-прежнему выражал готовность сотрудничать с оппозицией с целью передачи власти, но не спешил начинать переговоры (см., например: Al-'Alam 2011). Тем временем в столице республики Санае и в других местах не прекращались вооруженные столкновения между сторонниками и противниками главы государства, проходили многотысячные демонстрации оппозиции с требованием немедленной отставки Салеха. Таким образом, в начале ноября ситуация оставалась нестабильной.

Сирия

Протесты начались 26 января 2011 г. с требованиями провести политические реформы, предоставить полный спектр гражданских прав и свобод, отменить чрезвычайное положение (действовавшее в Сирии с 1963 г.). 15 марта тысячи демонстрантов собрались в таких городах, как Дамаск, Халеб (Алеппо), Дер'я, Дейр-эз-Зор, Хама. Более четырех месяцев продолжалось противостояние оппозиционных сил с правящим режимом. Антиправительственные выступления состоялись в Хомсе, Хаме, Дер'я, Баниясе, Эль-Камышлы, Дейр-эз-Зоре, Дамаске и его окрестностях и в некоторых других местах. В то же время демонстрации в поддержку президента Башара Асада прошли в Дамаске, Тартусе и других городах.

По некоторым данным, в начале июня в Сирии в акциях протеста принимало участие около трех миллионов человек. 19 июня представители сирийской оппозиции объявили о создании Национального совета, который «возглавит сирийскую революцию» (цит. по: Институт Ближнего Востока 2011б). На протяжении августа столкновения, жертвами которых стали около полутора тысяч человек (BBC 2011c), продолжались. В первой декаде сентября ситуация не улучшалась: правительственные войска проводили операции против мятежников на севере и северо-западе страны. Выступления оппозиции прошли в городах Хомс, Хама, Дейр-эз-Зор, Дер'я, в окрестностях Дамаска и некоторых других местах (Dag Al Hayat 2011).

Рис. 2.5.7. Антиправительственная демонстрация в пригороде Дамаска, апрель 2011 г.⁹

Представители сирийской оппозиции 15 сентября объявили в Стамбуле о создании Национального совета Сирии. Президент США призвал Совет Безопасности ООН ввести санкции против режима Асада. 23 сентября Евросоюз объявил о введении санкций против САР, касающихся некоторых сирийских министров, нефтяного и финансового секторов.

30 сентября в таких городах, как Эль-Камышлы, Хомс, Хама, Дейр-эз-Зор, Деръа, Идлиб, в окрестностях Дамаска и некоторых других местах прошли антиправительственные демонстрации (см., например: Al-Jazeera 2011c).

2 октября в Стамбуле было объявлено о создании Национального совета Сирии, в который вошли партии, выступающие против режима Асада. В Совете Безопасности ООН обсуждалась новая резолюция по Сирии. При этом в проекте, предложенном западноевропейскими странами, исключено слово «санкции», которое заменили угрозами введения «особых мер» против сирийского правительства и президента САР Б. Асада. Россия и Китай применили право вето в отношении резолюций Совета Безопасности, «спасая», таким образом, сирийский режим (см., например: BBC 2011e).

Ситуацию, сложившуюся к началу октября 2011 г., можно было охарактеризовать как патовую, когда режим и оппозиционеры действовали с переменным успехом и не намеревались сдавать свои позиции.

Иордания

14 января 2011 г. сотни протестующих вышли на улицы таких городов, как Амман, Эль-Карак, Ирбид и Дибан. Оппозиция выдвинула следующие требования: свобода слова в СМИ, новые законы о выборах и общественных собраниях, формирование правительства на основе парламентского большинства, отмена принятых в период чрезвычайного положения поправок в Конституцию 1952 г.

28 января массовые демонстрации с требованиями отставки правительства, прекращения роста цен и безработицы прошли в Аммане и других городах Иордании. 2 февраля король Иордании Абдалла II отправил в отставку правительство, что являлось одним из главных требований участников массовых акций протеста.

3 февраля Абдалла II провел встречу с лидерами Фронта исламского действия, обещав им провести в жизнь подлинные, а не декларативные преобразования. 4 февраля в Аммане прошла демонстрация протеста, которая, в отличие от предыдущих акций такого рода, не была многочисленной – число ее участников составило всего несколько сотен человек. 4 марта в Аммане состоялась очередная манифестация оппозиционных сил с требованиями реформирования режима (цит. по: Институт Ближнего Востока 2011b). В конце марта в Аммане прошла волна столкновений между сторонниками и противниками действующего правительства (см., например: BBC 2011f).

Осенью началась новая волна протестов, причем протестующие, судя по их лозунгам, протестовали не против короля, а против недостатков существующего режима (см., например: Al-Sharq Al-Awsat 2011b).

Ирак

В столице Ирака Багдаде 4 февраля 2011 г. прошла демонстрация с требованиями «изменить политику управления страной, улучшить качество жизни народа». Также демонстранты выразили протест против расстрела полицией 3 февраля мирного шествия в городе Эд-Дивания, участники которого требовали улучшения снабжения водой, электричеством и т. д. Демонстрации с близкими требованиями состоялись 5 и 6 февраля в Багдаде, Мосуле, Басре и Эр-Рамади. 10 февраля в Багдаде и других городах Ирака на демонстрации вышли тысячи юристов, требовавших от правительства прекратить «юридическую коррупцию», наказать коррумпированных судей, закрыть так называемые «секретные тюрьмы», а задержанным дать возможность пользоваться юридической по-

мощью (см., например: Институт Ближнего Востока 2011г). В целом ситуация в Ираке оказалась достаточно спокойной на фоне остальных государств региона Ближнего Востока, особенно ввиду хронически нестабильного положения внутри страны в последние годы.

Оман

Волнения здесь начались с демонстрации 17 января 2011 г. Основным событием стал «зеленый марш», прошедший в Маскате 19 февраля под лозунгами перемен во всех сферах жизни. Демонстранты оставались лояльны султану, однако выступали с обвинениями в адрес его министров (см., например: Косач 2011). Протесты перекинулись и в другие города (в особенности в Сухар [см., например: Vaidya 2011a]), иногда сопровождались вспышками насилия, были и погибшие (см., например: Adnkronos 2011).

Протесты пошли на спад после издания в начале марта султаном Кабусом бен Саидом ряда указов, содержащих конкретные меры по демократизации политической системы страны (см., например: Vaidya 2011b).

Саудовская Аравия и Кувейт

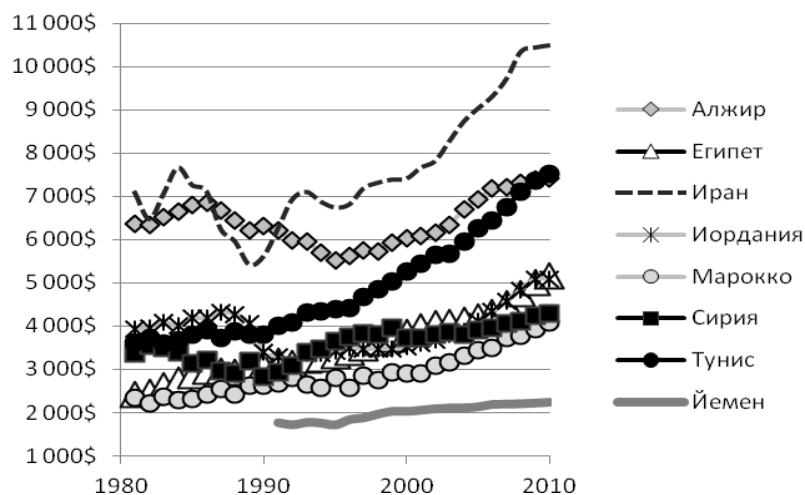
Протесты в этих странах носили более чем скромный характер и выражались в обращении к королю с просьбой разрешить создание политической партии (Саудовская Аравия) и обращенной к эмиру демонстрации лиц, не имевших кувейтского гражданства (Кувейт) (см., например: Косач 2011).

Факторы арабских революций

В качестве вероятных причин дестабилизации рассмотрим такие потенциально возможные факторы, как неблагоприятная динамика ВВП на душу населения, коррупция, безработица, бедность и т. д., а также проанализируем структурно-демографическую динамику стран Ближнего Востока в сопоставлении с другими странами мира.

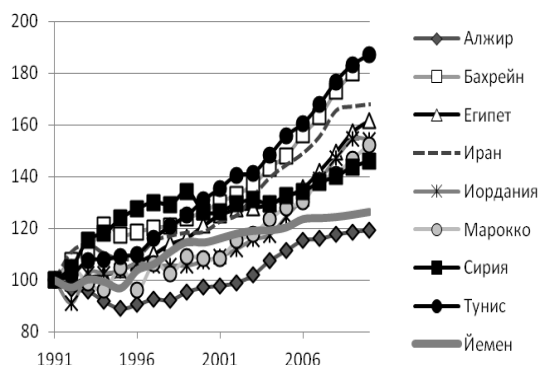
Начнем с рассмотрения динамики ВВП на душу населения (см. Рис. 2.5.8 и 2.5.9).

Рис. 2.5.8. ВВП на душу населения в некоторых странах Ближнего Востока, 1981–2010 гг. (межд. долларов 2005 г. по ППС).

Источник: World Bank 2011.

Рис. 2.5.9. Относительная динамика производства ВВП на душу населения в странах Ближнего Востока (1991–2010, уровень 1991 г. = 100%)

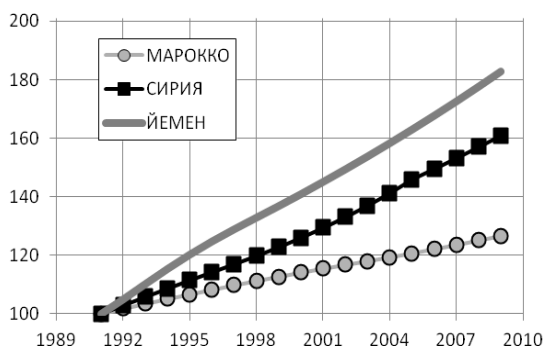
Источник: World Bank 2011.

В целом можно видеть, что во многих арабских странах, а также в Иране экономика на протяжении последних тридцати лет развивалась вполне динамично. Например, в Тунисе ВВП на душу населения вырос за рассматриваемый период в 2 раза, с 3,6 тысяч до 7,5 тысяч долларов.

Однако далеко не все арабские страны демонстрировали такой значительный рост. В ряде стран отмечались приостановка и даже падение темпов роста ВВП. В частности, в Алжире с 1986 г. по 1995 г. ВВП на душу населения упал с 6,8 тысяч до 5,5 тысяч долларов, и сегодняшний его уровень (7,4 тысячи) ненамного превышает уровень, достигнутый в 1986 г. На графике видно очень большое отставание Йемена от остальных стран, сохраняющееся с начала 1990-х гг. (самые ранние доступные данные).

Причины подобного отставания в Алжире и Йемене различны. Отрицательная динамика ВВП на душу населения в Алжире была связана с падением мировых цен на нефть второй половины 1980-х и тесно связанной с этим гражданской войной 1990-х (см. об этом в предшествующих главах, см. также: Коротаев, Божевольнов и др. 2011; Коротаев и др. 2010б; Гринин 2011а). После ее окончания Алжиру удалось снова выйти на траекторию достаточно быстрого экономического роста. Что касается Йемена, то его заметное отставание от других стран Ближнего Востока по росту ВВП на душу населения связано с его отставанием от остальных арабских стран в процессах демографического перехода и, соответственно, с более быстрыми темпами роста населения Йемена (см., например, Рис. 2.5.10).

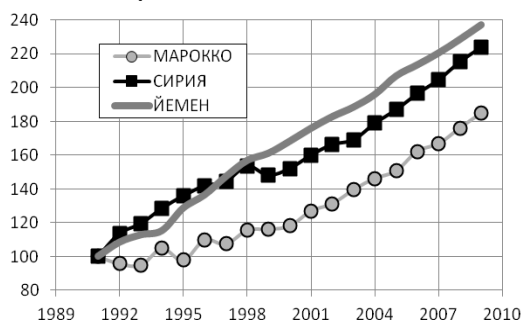
Рис. 2.5.10. Относительная динамика численности населения в некоторых арабских странах в 1991–2009 гг. (1991 г. = 100 %)

Источник: World Bank 2011.

Чтобы продемонстрировать это, имеет смысл сравнить динамику роста суммарного ВВП Йемена с другими арабскими странами (см. Рис. 2.5.11).

Рис. 2.5.11. Относительная динамика ВВП в некоторых арабских странах (1991 г. = 100%)

Источник: World Bank 2011.

Видно, что рост ВВП в Йемене действительно был заметно больше, чем в некоторых других арабских государствах, однако он был «съеден» огромными темпами роста населения.

Безусловно, низкий ВВП на душу населения и экономическая стагнация могут создавать определенное политическое напряжение. Однако, например, Марокко, где ВВП на душу населения чуть ли не вдвое меньше, чем в Тунисе (4 тыс. долларов против 7,5 тыс. долларов; да и темпы экономического роста там в последние 20 лет были заметно меньше), оказался затронут политическими потрясениями в гораздо меньшей степени, чем Тунис, где произошла полномасштабная революция с насильственной сменой государственной власти. Крайне острые и напряженные события произошли как раз в странах – лидерах по темпам экономического роста (Тунис, Бахрейн, Иран, Египет). Это заставляет искать причины массовой политической нестабильности в каких-то других факторах.

Многие исследователи называют среди причин Арабской весны высокий уровень коррупции. Рассмотрим этот показатель более подробно (см. Рис. 2.5.12).

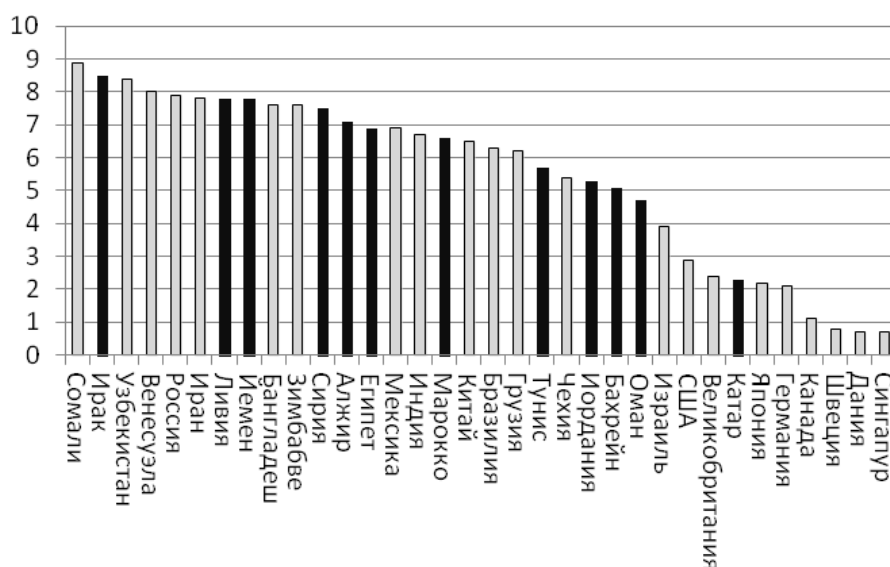
Рис. 2.5.12. Значения «индекса восприятия коррумпированности» (*Corruption Perceptions Index*) в странах мира, 2010 г. (чем меньше, тем хуже)

Источник: Transparency International 2010: 2–3. На данной карте более темными цветами выделены страны, отличающиеся высоким уровнем коррупции. Страны, закрасненные более светлыми цветами, характеризуются низким уровнем коррупции.

Согласно данным *Transparency International*, страны Ближнего Востока находятся примерно на том же уровне, что и почти все остальные развивающиеся страны, а также государства, ранее входившие в СССР: практически во всех этих странах наблюдается высокий или очень высокий уровень коррупции. Очевидно, что страны с низким уровнем коррумпированности менее предрасположены к политическим потрясениям (за последние десять лет там не было крупных социально-политических потрясений с большим числом человеческих жертв). Однако и многие страны с высоким уровнем коррупции (Китай, Бразилия, Казахстан, Вьетнам, Италия, Индонезия, Мексика и т. д.) в последнее десятилетие отличались завидной политической стабильностью. Это говорит о том, что причины политической нестабильности, охватившей Ближний Восток, следует искать в каких-то других факторах. Отметим также, что ближневосточные страны весьма ощутимо различаются между собой по уровню коррумпированности (см. Рис. 2.5.13).

Рис. 2.5.13. Индекс коррумпированности в некоторых арабских и неарабских странах мира, 2010 г.

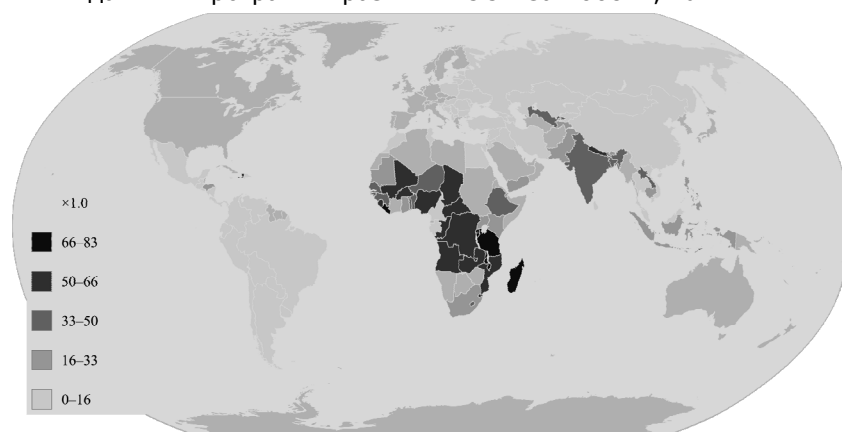

Индекс коррумпированности построен на основе «индекса восприятия коррумпированности» (*Transparency International* 2010) и высчитан вычитанием основного индекса из 10.

Например, такие страны, как Катар, Оман и Бахрейн являются одними из наименее коррумпированных стран мира, чего нельзя сказать о большинстве других стран того же региона. Однако низкий уровень коррупции не «спас» Оман, Иорданию и в особенности Бахрейн от самых серьезных социально-политических потрясений. Сильные политические потрясения произошли как в высоко коррумпированных Ливии и Йемене, так и в странах со средним уровнем коррупции, таких, как Тунис и Египет, и в странах с низким уровнем коррупции, например в Бахрейне или Омане. Таким образом, вышеприведенный анализ дает дополнительную поддержку тезису, что основные истоки арабских революций следует искать не в этом (хотя высокий уровень коррупции, характерный для большинства арабских стран, определенный вклад в генезис Арабской весны все-таки, конечно, внес).

Далее обратимся к бедности населения как одной из возможных причин, спровоцировавших события Арабской весны (см. Рис. 2.5.14).

Рис. 2.5.14. Доля населения, живущего менее чем на 1,25 долларов в день, по данным Программы развития ООН за 2008 г., %

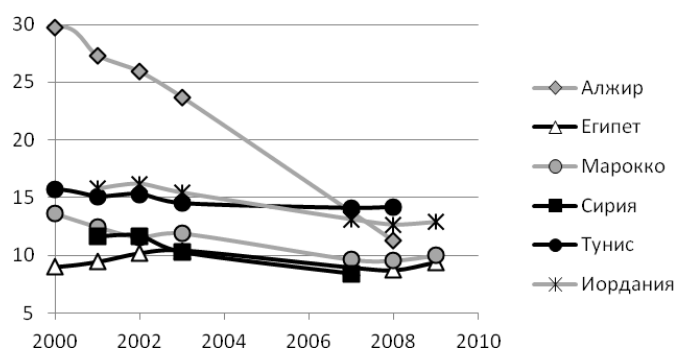

Источник: UNDP 2010: 161–163.

На карте видно, что те ближневосточные страны, по которым есть данные, сильно различаются между собой по показателю крайней бедности, однако ни в одной из них он не превышает 20 %, в отличие от таких крупных стран, как Индия и Индонезия, а также стран Центральной Азии и Африки к югу от Сахары. Например, в Египте крайняя бедность почти полностью ликвидирована (см., например: Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б). Вместе с тем в таких странах, как Египет и Иран, где крайняя бедность практически исчезла, политические потрясения были сильнее, чем в Алжире, где проблема крайней бедности по-прежнему стоит достаточно серьезно. С другой стороны, скажем, Танзания, с ее ужасающим уровнем нищеты (по данным Всемирного банка [World Bank 2011], в 2007 г. – 67,9 %, а еще одиннадцать лет назад – даже 88,5 %), оставалась политически стабильной с момента обретения независимости в 1961 г. (Зинькина 2010: 230, 237–238). Из этого следует, что и бедность трудно рассматривать в качестве основной причины революций в арабских странах.

Рассмотрим теперь индикаторы уровня безработицы (см. Рис. 2.5.15).

Рис. 2.5.15. Динамика уровня безработицы в некоторых ближневосточных странах в 2000-х гг.

Источник: World Bank 2011.

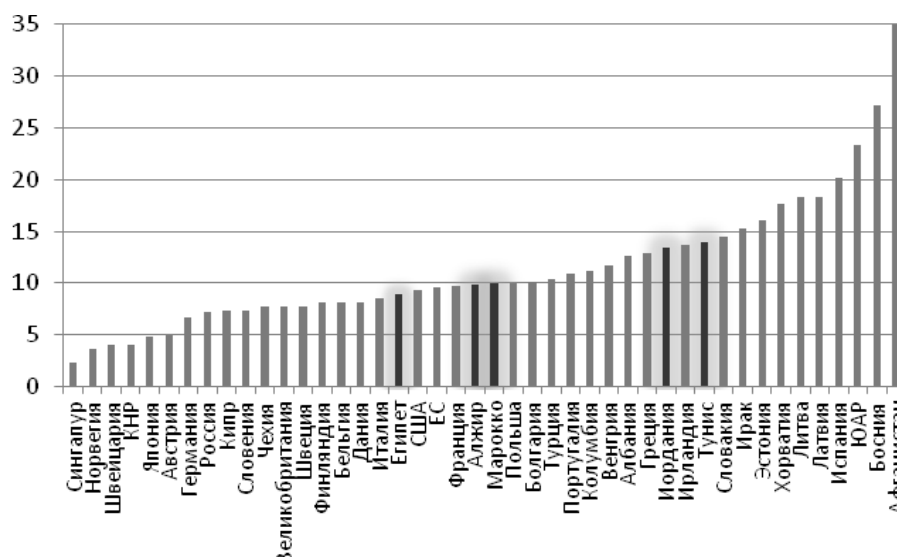
Как мы видим, в большинстве ближневосточных стран уровень безработицы в 2000-е гг. флуктуировал на достаточно высоком уровне, но при этом никакой сколько-нибудь выраженной тенденции к ее росту не наблюдалось (исключением здесь до некоторой сте-

пени выступает Алжир, где вполне выраженная тенденция наблюдалась – но тенденция как раз к очень существенному сокращению безработицы, связанному с восстановлением алжирской экономики после периода затяжной гражданской войны). В большинстве затронутых этими событиями стран в конце 2000-х гг. уровень безработицы составлял от 8 до 15 %: в Сирии – 8,3 %, в Египте – 8,9 %, в Алжире – 9,9 %, в Иордании – 13,4 %, в Тунисе 14 %, в Иране 14,6 %, а в Омане – 15 %. На близких уровнях безработица находилась в последнее время, скажем, в России – 7,6 %, в странах ЕС – 9,5 % (в среднем по этим странам), США – 9,7 %, Турции – 12,4 %, Ирландии – 13,7 % (см. Рис. 2.5.16).

В среднем по миру уровень безработицы в 2010 г. составил около 8,8 % (CIA 2011).

Таким образом, уровень безработицы на Ближнем Востоке нельзя назвать крайне высоким (хотя в целом он и несколько выше среднемирового). Это свидетельствует о больших успехах арабских стран в сфере занятости, несмотря на бурный рост населения. Однако при этом, по некоторым оценкам, уровень безработицы в Ливии¹⁰ и Йемене составлял 30 % (2004 г.) и 35 % (2003 г.) (CIA 2011) соответственно, а именно эти страны оказались охваченными наиболее сильными волнениями, что позволяет предположить, что безработица (в особенности среди лиц с высшим образованием) все же играет не последнюю роль в текущих политических событиях.

Рис. 2.5.16. Уровень безработицы в некоторых странах мира на 2009–2010 гг.

Источники: описание источников см. в: Коротаяев, Зинькина 2011а, 2011б.

Однако при этом необходимо уделить внимание тому факту, что при не очень высокой (по мировым меркам) общей безработице арабские страны имели значительно больший уровень безработицы среди молодежи. Так, в Египте в 2010 г. не имело работы 43 % мо-

¹⁰ С другой стороны, высокий уровень безработицы в предреволюционной Ливии сочетался с присутствием там многих сотен тысяч иностранных рабочих (см., например: BBC 2011а), численность которых многократно превышала число ливийских безработных. Так что (в отличие от Йемена) речь здесь шла о социокультурной квазибезработице, связанной с нехваткой не рабочих мест вообще, а престижных высокооплачиваемых рабочих мест, приемлемых для лиц с высшим образованием и в особенности – со специальностями, в слабой степени востребованными на реальном рынке труда (журналисты, адвокаты и т. п.). Отметим, что именно высокая доля лиц с высшим образованием среди безработных (которые и выступили в большинстве стран Арабской весны основной ударной силой) во многом и придавала событиям Арабской весны их характерный облик, заметно отличный от кровавых гражданских войн третьего мира.

лодежи в возрасте 20–24 лет, в предреволюционном Тунисе безработица среди молодежи достигала 30 %, в Омане без работы оставалась треть выпускников школ и вузов (см., например: Берг 2011б). Сходные показатели имеют и многие другие страны Ближнего Востока.

Несколько более высокий уровень безработицы среди молодежи, чем в среднем по населению – достаточно распространенное явление (см.: World Bank 2011). Однако в странах, охваченных волнениями и революциями Арабской весны, высокий уровень молодежной безработицы имел специфическую природу: он был связан с тем, что многие из этих стран в 2011 г. находились в высшей точке «молодежного бугра» (*youth bulge*).

В период прохождения «молодежного бугра» в обществе наблюдается повышенный процент молодежи. Молодежь является частью общества, наиболее склонной к радикализму; она часто испытывает трудности с трудоустройством, к тому же заметная часть молодежи в результате модернизации оседает в крупнейших городах, создавая угрозу центральной власти (см., например: Гринин, Коротаев 2009б; Коротаев, Халтурина и др. 2010а, 2011; Коротаев, Божевольнов и др 2011; Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б; Moller 1968; Goldstone 1991, 2002: 11–12; Mesquida, Weiner 1999; Heinsohn 2003; Fuller 2004).

Фактор «молодежного бугра», например, сыграл немаловажную роль в генезисе Египетской революции 2011 г. В Египте к 2011 г. «молодежный бугор» находился на пике, при этом более миллиона молодых людей в возрасте 20–24 лет были безработными, значительная часть которых проживала в столице страны – Каире. Кроме того, ситуацию усугубили последствия мирового финансового кризиса. Специфика ситуации в Египте заключалась в том, что почти половина безработной молодежи имела высшее образование, что способствовало меньшему числу жертв, чем обычно при потрясениях такого рода (Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б). Фактор относительно высокого образовательного уровня ударной силы арабских революций (некоторое исключение здесь составляет, пожалуй, лишь Йемен) явился в целом важным обстоятельством, наложившим свой отпечаток на события Арабской весны.

Столь высокий процент лиц с высшим образованием среди безработных был, конечно, связан и с недостатками в работе системы массового высшего образования в арабских странах. Надо отметить, что администрации ряда арабских стран успели заметить скрытую здесь опасность и даже начали предпринимать какие-то меры по исправлению ситуации. Например, администрация Мубарака в 2010 г. пригласила группу ведущих экспертов ОЭСР и Всемирного банка для разработки программы реформирования египетской вузовской системы. После изучения этой системы группа пришла к следующим не очень утешительным выводам:

– В стране «наблюдается хроническое перепроизводство выпускников университетов».

– «Многим (порядка 50 %) выпускникам не удастся получить работу по специальности; особые проблемы существуют у выпускников по гуманитарным специальностям, юриспруденции (с обучением на арабском языке¹¹), коммерции (с обучением на арабском языке)...»

– «Многие выпускники не имеют навыков, необходимых для выполнения работ по вакансиям, на получение которых они претендуют...»

– «Университетские студенты выражают недовольство тем, что университетские курсы никак не готовят их к практической деятельности...»

¹¹ Это значит, что выпускники, получившие образование по юридическим специальностям на английском языке, проблем с трудоустройством не имеют. Но и поступить в университет на соответствующее направление практически невозможно.

– «Существует острая нехватка квалифицированного персонала с образованием ниже высшего» (Ischinger, Jorgensen 2010: 182).

Надо сказать, что данная группа экспертов не только выявила недостатки египетской вузовской системы (отметим, что выше перечислена лишь их совсем небольшая часть), но и предложила продуманную и детальную программу мер по их исправлению (Ischinger, Jorgensen 2010: 182). На наш взгляд, осуществление предложенных мер вполне могло бы решить проблему перепроизводства университетских выпускников (особенно в сочетании с прогнозируемой в ближайшие годы численностью соответствующей возрастной когорты), но на это требовалось несколько лет, которых, как теперь выясняется, египетскому режиму отпущено не было.

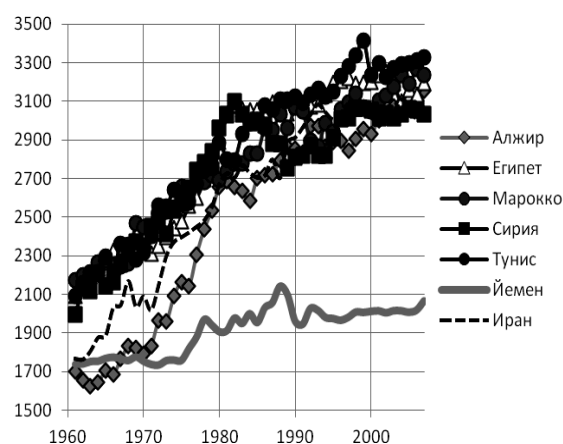
В целом имеются достаточно серьезные основания утверждать, что основную роль в арабских революциях сыграла безработная молодежь (и в особенности безработная высокообразованная молодежь). В связи с этим при рассмотрении демографической динамики представляется необходимым уделить особое внимание изменению численности и доли молодежи в охваченных политической нестабильностью странах Ближнего Востока.

Демографическая динамика в некоторых странах Ближнего Востока

Как было сказано ранее, демографический переход начинается со снижения смертности, поэтому необходимо рассмотреть ее динамику в ближневосточных государствах. Но вначале рассмотрим динамику некоторых детерминант этого процесса, прежде всего динамику потребления продовольствия на душу населения в этих странах.

Согласно ВОЗ, рекомендуемая норма потребления продовольствия составляет 2300–2400 ккал на душу населения в день (Naiken 2002). В традиционных обществах уровень потребления продовольствия значительно колебался и часто опускался заметно ниже этой нормы. Иногда он падал ниже 1850 ккал, минимально допустимого уровня, необходимого для выживания. Это происходило в результате того, что рост населения опережал рост производства средств к существованию – такая ситуация, как мы помним, и получила название «мальтузианской ловушки» и нередко приводила к социально-политическим потрясениям и массовой гибели людей.

Динамика потребления продовольствия на душу населения в ближневосточных странах с 1961 г. представлена на Рис. 2.5.17. Как мы видим, еще в начале 1960-х гг. ни в одной из представленных стран уровень потребления продовольствия не достигал нормы ВОЗ, а в таких государствах, как Иран, Йемен или Алжир, он был значительно ниже даже уровня, необходимого для выживания. Однако за 1960–1970-е гг. абсолютное большинство представленных на графике стран достигло впечатляющих успехов, и уровень потребления продовольствия в некоторых из них, например в Египте и Сирии, к началу 1980-х гг. составлял около 3000 ккал, что уже ближе к переизбытку. При этом сегодня во всех арабских странах, кроме Йемена, наблюдается очень высокий уровень потребления продовольствия. Это означает, что проблема голода в регионе практически решена. Однако вызывает беспокойство то обстоятельство, что потребление в Йемене до сих пор не достигло уровня ВОЗ и находится примерно на том же уровне, что и в начале 1980-х гг. Это означает, что Йемен до сих пор не выбрался из мальтузианской ловушки, и, соответственно, здесь наиболее высок риск серьезных социально-политических потрясений.

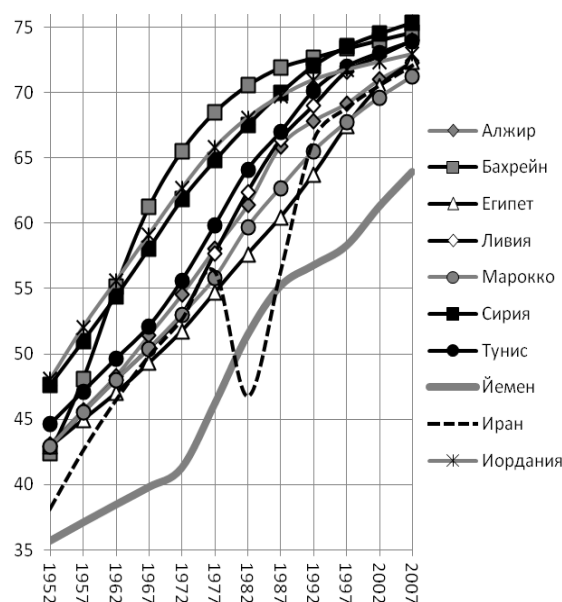
Рис. 2.5.17. Динамика среднедушевого потребления продовольствия, 1961–2007 гг., ккал на чел. в день

Источник: FAO 2011b.

Естественно, следует ожидать, что ликвидация недоедания и голода должна была привести к самому существенному снижению смертности и увеличению средней ожидаемой продолжительности жизни в ближневосточных государствах. Именно это и наблюдалось в реальности (см. Рис. 2.5.18). Как можно видеть, абсолютно все страны добились огромного успеха в увеличении продолжительности жизни за рассмотренный период – с 40–45 лет в начале 1950-х гг. до 70–75 лет в настоящее время. Если в начале 1950-х гг. большинство арабских стран отставали по средней продолжительности жизни от среднемирового показателя (47,7 лет), то в настоящее время все представленные на графике страны, кроме Ирака и Йемена, имеют продолжительность жизни заметно выше среднемировой (последняя составляла 67,9 лет в 2005–2010 гг.) (UN Population Division 2011). Интересно отметить, что по данным того же источника средняя продолжительность жизни в России выросла всего на 3,2 года – с 64,5 до 67,7 лет. Таким образом, ближневосточные страны около 60 лет назад отставали от России на 20–25 лет по этому показателю, но в настоящее время они на 4–7 лет опережают ее, а Ирак и Йемен отстают менее чем на 5 лет. А в таких крупных регионах мира, как Южная Азия, и особенно Тропическая Африка, продолжительность жизни на 15–20 лет ниже, чем в большинстве стран Ближнего Востока. Более того, в Африке Южнее Сахары лишь немногие страны (Того, Бенин, Намибия) имеют ожидаемую продолжительность жизни, сопоставимую с Йеменом, страной с самым низким показателем на Ближнем Востоке (см., например: World Bank 2011: SP.DYN.LE00.IN).

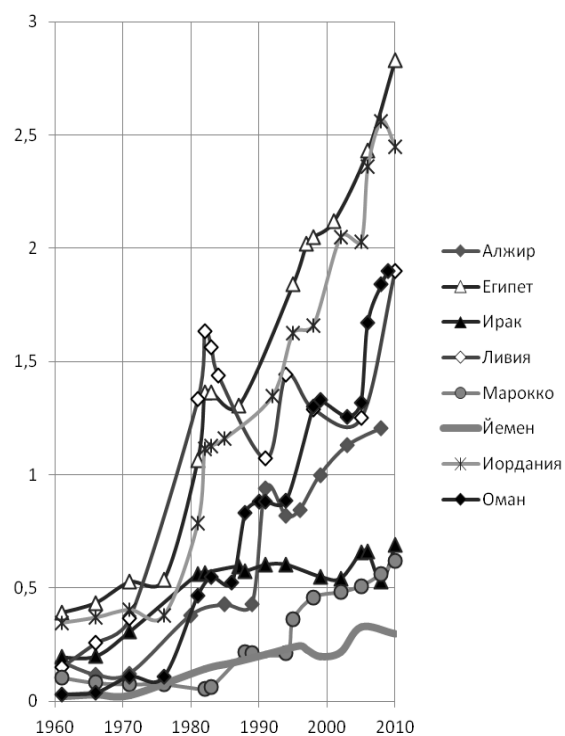
Конечно, несмотря на огромные успехи государств Ближнего Востока, средняя продолжительность жизни даже в тех странах, где она наиболее высока, отстает от этого показателя в странах Западной Европы и Северной Америки на 5–10 лет. Это означает, что ближневосточным странам необходимо приложить большие усилия, чтобы добиться роста этого показателя. Тем не менее, хотя ожидаемая продолжительности жизни на Ближнем Востоке и несколько ниже, чем в наиболее развитых странах, нельзя не отметить впечатляющие достижения ближневосточных государств, продолжительность жизни в которых увеличилась на 25–30 лет. Даже в Йемене, где сохраняются проблемы с обеспечением населения продовольствием, продолжительность жизни увеличилась на целых 28(!) лет. Это показывает, что за столь резким увеличением продолжительности жизни стояли и некоторые другие крайне важные факторы, кроме ликвидации недоедания. Конечно же, огромную роль в снижении смертности также сыграло развитие в рассматриваемых странах систем здравоохранения (см. Рис. 2.5.19).

Рис. 2.5.18. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в некоторых ближневосточных странах, 1952–2007 гг.

Источник: UN Population Division 2011.

Рис. 2.5.19. Количество врачей (на тыс. чел.) в некоторых арабских странах, 1961–2010 гг.

Источник: World Bank 2011: SH.MED.PHYS.ZS.

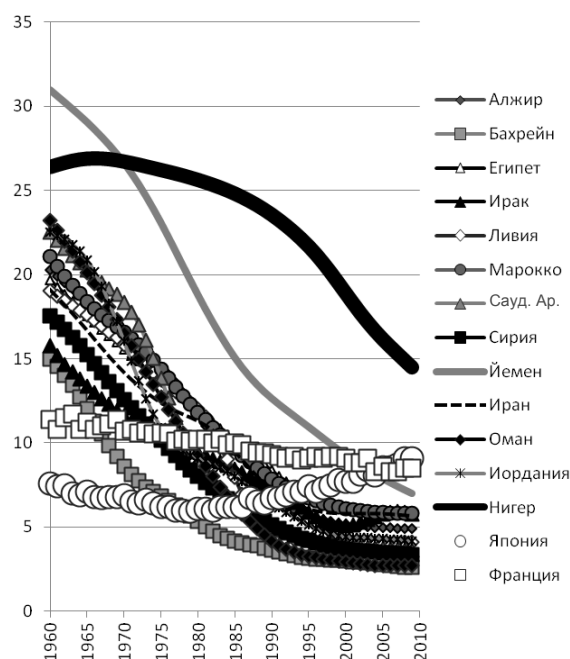
Действительно, количество квалифицированных врачей на душу населения, являющееся важнейшим показателем развития современных систем здравоохранения, увеличилось за последние 50 лет во всех странах в разы. Наибольших успехов добился Египет, где на 1000 человек приходится 2,8 врачей. Не так далеко от Египта находятся такие страны, как Ливия, Оман и Иордания (от 2 до 2,5 врачей). Однако другие ближневосточные страны достаточно сильно отстают (0,3–0,7 врачей), но и это немало по сравнению с совершенно незначительным количеством врачей в 1960-е гг. во всех рассмотренных странах. Таким образом, увеличение количества врачей подтверждает, что развитие медицины внесло огромный вклад в снижение смертности.

В Йемене, имеющем самую низкую продолжительность жизни, наблюдается и самое небольшое количество врачей на душу населения, хотя оно явно выше, чем во многих странах Тропической Африки. Поэтому именно благодаря развитию, пусть пока явно недостаточному, медицины, продолжительность жизни в Йемене, несмотря на недоедание, превышает 60 лет.

Важными показателями являются также общий коэффициент смертности и младенческая смертность. Их динамика в странах Ближнего Востока представлена ниже (см. Рис. 2.5.20).

На Рис. 2.5.20 хорошо видны, с одной стороны, удивительная синхронность падения смертности в ближневосточных государствах с 1960 г., а с другой стороны – кардинальные отличия динамики смертности по сравнению с другими регионами мира: Тропической Африкой (представленной Нигером), развитыми странами Восточной Азии (Япония) и Западной Европой (Франция). В настоящее время смертность в Нигере в несколько раз превышает показатели, достигнутые в странах Ближнего Востока. Более того, если в начале 1960-х гг. мы видим колоссальный отрыв Франции и Японии по смертности от большинства ближневосточных стран, то в настоящее время все они, даже Йемен (который еще в начале 1960-х гг. отставал от Нигера), имеют общий коэффициент смертности заметно более низкий, чем Франция и Япония.

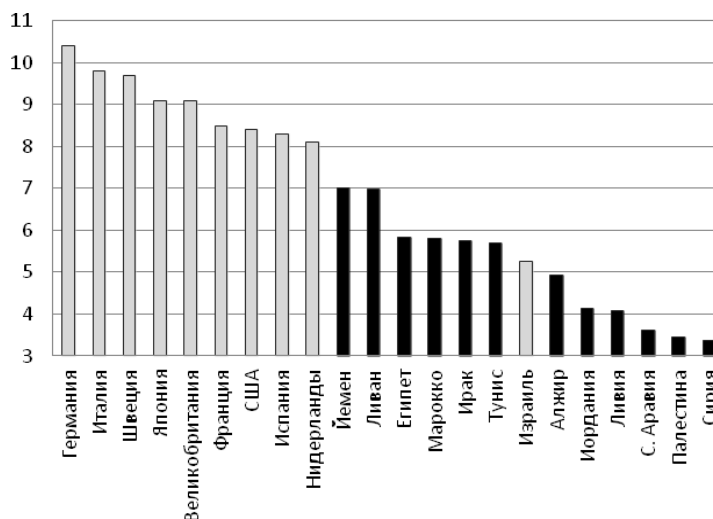
Рис. 2.5.20. Динамика общего коэффициента смертности (на тысячу, ‰) в некоторых странах мира, 1961–2010 гг.

Источник: World Bank 2011: SP.DYN.CDRT.IN.

Вместе с тем хорошо виден заметный отрыв Йемена по показателю общей смертности на протяжении всего периода, хотя к настоящему времени он существенно сократился. Уменьшились также различия по этому показателю среди остальных ближневосточных стран: от 11 ‰ в 1960 г. (12 ‰ в Ливане и 23 ‰ в Омане) и до 4,3 ‰ в 2009 г. (7 ‰ в Йемене и 2,7 ‰ в Омане). Прогресс по этому показателю был во всех странах, но по темпам снижения общей смертности они существенно различались. Наибольший прорыв сделал Оман, где общая смертность упала с 1960 по 2009 г. в 9 раз. Для сравнения, показатель Ливана сократился только в 1,7 раза, что объясняется в том числе и тем, что на 1960 г. ситуация в Ливане по этому показателю была наиболее благополучной.

Рис. 2.5.21. Общий коэффициент смертности в некоторых арабских государствах и странах Запада, 2009 г.

Источник: World Bank 2011.

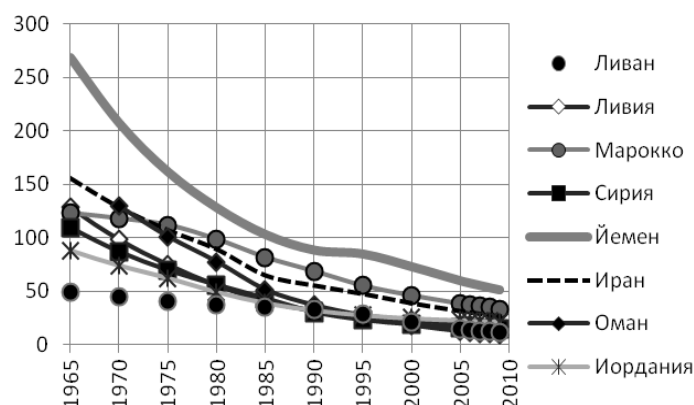
В целом Рис. 2.5.20 и 2.5.21 еще раз демонстрируют то обстоятельство, что в странах Запада (кроме Израиля) общий коэффициент смертности заметно выше, чем на Ближнем Востоке. Действительно, в Сирии, например, этот показатель в 3 раза ниже, чем в Германии или Японии, и в 2,5 раза ниже, чем в США или Испании. Даже в Йемене общая смертность в полтора раза ниже, чем в Германии. Но это совершенно не говорит о том, что состояние со здоровьем населения на Ближнем Востоке лучше, чем на Западе. Ведь наиболее точным измерителем этого показателя является рассмотренная выше ожидаемая продолжительность жизни. Как мы уже видели, ближневосточные страны заметно отстают по ней от Запада. Это означает, что более низкий общий коэффициент смертности объясняется прежде всего более молодой возрастной структурой населения: в населении ближневосточных стран гораздо выше процент детей и молодежи с характерными для них низкими возрастными коэффициентами смертности, и гораздо ниже процент пожилых с характерными для них очень высокими возрастными коэффициентами смертности. Так, в Йемене в 2010 г. дети до 15 лет составили 45 %, а лица старше 65 лет – всего 3 %; в Сирии – 36 % и 3 % соответственно. Для сравнения, в ЕС доля пожилых больше в 6 раз – 17 %, а доля детей меньше в 2–3 раза – 16 %. Этим и объясняется заметно более низкий общий коэффициент смертности в ближневосточных государствах.

Однако это явление временное, и в дальнейшем, по мере старения населения, смертность на Ближнем Востоке значительно повысится (о причинах старения населения и его влиянии на общий коэффициент смертности см., например: Вишневский 2005: 169–173).

Кстати, более высокая общая смертность в Ливане в сравнении с другими ближневосточными странами, несмотря на довольно высокую продолжительность жизни, объясняется более высокой долей пожилых в населении (10 % старше 65 лет в 2010 г.).

Младенческая смертность, подобно общей смертности, стремительно снижалась во всех приведенных ниже на Рис. 2.5.22 странах, однако Йемен продолжает сильно отставать от остальных государств (в 2009 г. здесь умирал 51 младенец на 1000, в то время как в Марокко – 35, а в Омане – только 9).

Рис. 2.5.22. Динамика младенческой смертности в некоторых ближневосточных странах, 1965–2010 гг.

Источник: World Bank 2011: SP.DYN.IMRT.IN.

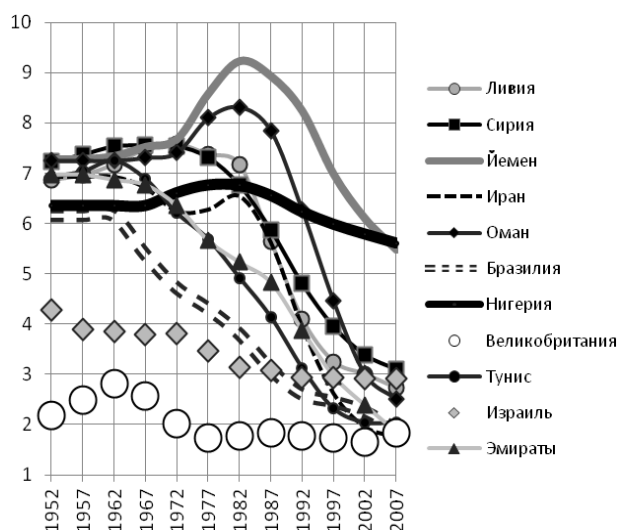
Вместе с тем показатель младенческой смертности (очень важный индикатор уровня развития здравоохранения и социально-экономического положения) остается здесь в несколько раз выше, чем в развитых странах Запада. Например, в 2009 г. в США она составила 6,8 ‰, в ЕС – 4,1 ‰, во Франции – 3,2 ‰, а в Японии – 2,4 ‰. Если взять все страны региона, то только небольшие и очень богатые государства Персидского залива приблизились к этому уровню (Кувейт – 8,2 ‰, Объединенные Арабские Эмираты – 6,8 ‰), но и здесь младенческая смертность в 2–3 раза выше, чем в странах Запада с наиболее низким ее уровнем. Для сравнения, в такой крупной арабской стране, как Египет, младенческая смертность (18,2 ‰ в 2009 г.) в 4 раза больше, чем в ЕС, а в Йемене – в 12 раз. Это означает, что ближневосточные страны должны еще усиленно развивать здравоохранение, чтобы добиться еще большего сокращения младенческой смертности.

Кстати, все это очень хорошо демонстрирует, что на Ближнем Востоке более низкий общий коэффициент смертности фиксируется не благодаря лучшему здравоохранению и более развитой медицине, а благодаря более молодому населению. Даже при заметно более высокой младенческой смертности и более низкой ожидаемой продолжительности жизни общий коэффициент смертности оказался здесь несравненно ниже, чем на Западе с его гораздо более старым населением.

Если сравнить показатель младенческой смертности в странах Ближнего Востока и в России в 2009 г., то в большинстве стран этого региона (за исключением ряда государств Персидского залива) данный индикатор будет гораздо выше (в России он составил 11,1 ‰). Это обстоятельство хорошо иллюстрирует тот факт, что смертность, особенно мужская, в России выше, чем на Ближнем Востоке, не из-за более низкого уровня развития здравоохранения (так как более низкий показатель младенческой смертности свидетельствует о более развитом здравоохранении в России, чем во многих странах региона), а из-за проблем с высоким уровнем потребления крепких алкогольных напитков (подробнее об этом см., например: Халтурина, Коротаев 2006, 2008).

К числу важнейших демографических показателей, оказывающих заметное влияние на политическую динамику соответствующих систем, относится также рождаемость населения. Рассмотрим ее динамику на Ближнем Востоке за последние несколько десятилетий. Наиболее точным индикатором уровня рождаемости является суммарный коэффициент рождаемости (число детей, которых женщина родила бы за всю ее жизнь при сохранении наблюдаемых на соответствующий год возрастных коэффициентов рождаемости). Его динамика выглядела следующим образом (см. Рис. 2.5.23).

Рис. 2.5.23. Суммарный коэффициент рождаемости в некоторых странах мира, 1952–2007 гг.

Источник: UN Population Division 2011.

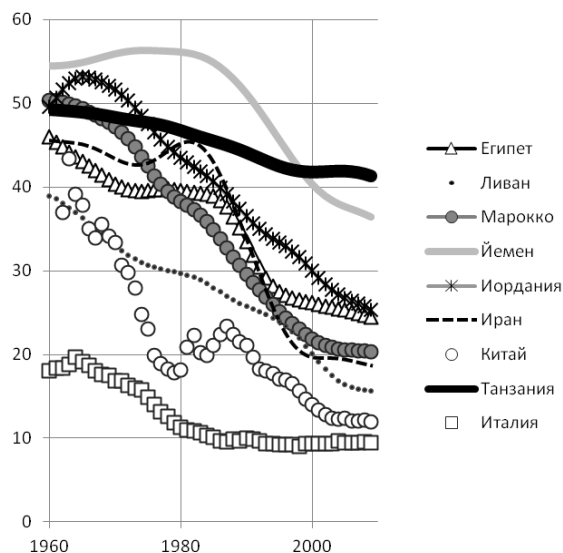
До начала 1970-х гг. суммарный коэффициент рождаемости составлял во всех ближневосточных странах 7–8 детей на женщину, и только с 1970-х гг. он начал снижаться (а в таких странах, как Оман и Йемен, снижение началось только в середине 1980-х гг.). Сегодня в большинстве ближневосточных стран рождаемость составляет 2–3 ребенка на женщину. Однако для некоторых стран и этот уровень является достаточно высоким. Так, в Египте, где рождаемость в 2009 г. составила 2,8 детей на женщину, естественный прирост населения составляет 1,7 %, а численность населения превысила 86 миллионов человек. При этом страна катастрофически перенаселена: 97 % населения живет на 4–5 % территории (в дельте и долине Нила [см., например: Мамед-заде 2005; Ischinger, Jorgensen 2010: 18], где плотность населения составляет 2200 человек на 1 км², что в 2 раза больше плотности населения в Бангладеш – самой густонаселенной¹² стране мира (1142 человека на 1 км² в 2010 г.). Египет уже сейчас испытывает огромные проблемы, связанные с перенаселенностью и загрязненностью городов, а также возможной нехваткой питьевой воды в ближайшем будущем. Подобная ситуация может сложиться в скором будущем и в Йемене, где очень мало пригодных к обработке земель, а рождаемость до сих пор чрезвычайно высока (5,5 детей на женщину). Все это говорит о необходимости снижать здесь рождаемость в возможно более короткие сроки. Тем не менее нельзя не отметить огромные успехи ближневосточных стран в снижении этого показателя. Так, в Омане рождаемость за 25 лет снизилась с 8,3 до 2,5.

¹² Не считая небольших по площади городов-государств, где вследствие сосредоточенности населения на очень малой территории плотность исключительно высока (в Сингапуре – 7,5 тыс. чел., в Монако – более 16 тыс. чел. на 1 км² в 2010 г.).

Для сравнения, Нигерия, самая большая страна Тропической Африки, добилась снижения рождаемости за то же время только с 6,8 до 5,6. Бразилия, где суммарный коэффициент рождаемости составляет около 2, добилась его снижения еще в 1960–1970-е гг. (гораздо раньше, чем на Ближнем Востоке). Великобритания отличалась значительно более низким уровнем рождаемости уже в начале рассматриваемого периода (2–3 в 1960-е гг.), а сегодня он составляет только 1,8. Наконец, Израиль также имел в 1960-х гг. более низкий уровень рождаемости (4), но с 1980-х гг. она здесь держится на уровне 3, так что многие государства Ближнего Востока обогнали Израиль по снижению рождаемости.

Помещенный ниже Рис. 2.5.24 наглядно показывает, какие изменения в значениях общего коэффициента рождаемости произошли на Ближнем Востоке за последние 40 лет. Так, если в 1960-х гг. общий коэффициент рождаемости составлял во всех представленных на графике странах от 40 до 55 живорождений на тысячу человек населения (‰), то ныне в большинстве из них рождаемость снизилась в 2–3 раза и составляет от 15 до 25 ‰. Для сравнения, другие регионы мира демонстрируют несколько иную динамику. Китай добился снижения рождаемости до более низкого уровня, чем Ближний Восток (с 35–40 ‰ в 1960-х гг. до 12 ‰ в настоящее время). Италия уже с начала 1960-х гг. отличалась невысокой рождаемостью (18–20 ‰), которая сегодня упала до менее 10 ‰ (9,1 ‰), так что смертность там даже несколько превысила рождаемость, что означает появление естественной убыли населения, крайне тревожного процесса. В ближневосточных странах, а тем более в таких африканских странах, как Танзания, ситуация совершенно другая – население здесь интенсивно растет (1–2 и даже 3 % в год). Танзания представляет собой очень характерный пример страны Тропической Африки, где общая рождаемость до сих пор остается на очень высоком уровне (более 40 ‰) и снизилась всего лишь на 8 ‰ за последние 39 лет (подробнее о динамике рождаемости, а также о социально-экономической ситуации в Танзании см.: Коротаев, Халтурина и др. 2010a). Для сравнения, в Йемене за последние 19 лет рождаемость снизилась на 20 ‰ (хотя она и остается здесь очень высокой – 36 ‰).

Рис. 2.5.24. Общий коэффициент рождаемости в некоторых странах мира (на тысячу, ‰), 1960–2008 гг.

Источник: World Bank 2011: SP.DYN.CBRT.IN.

Таким образом, несмотря на то, что на Ближнем Востоке рождаемость заметно выше, чем в Восточной Азии и Западной Европе (как можно было видеть на примере Китая

и Италии), в Тропической Африке ситуация вызывает заметно большее опасение, потому что рождаемость снижается там очень медленно, а это (если не добиться ускорения темпов снижения здесь рождаемости) может привести к росту демографического давления, перенаселенности, сложностям в обеспечении населения всем необходимым, и в итоге – к политической дестабилизации, в том числе и по классическому мальтузианскому сценарию (то есть к социально-политическим потрясениям даже не на выходе из мальтузианской ловушки, а непосредственно в этой ловушке).

Вновь, как и в процессе снижения смертности в странах Ближнего Востока, обращает на себя внимание относительная синхронность падения рождаемости в этом регионе. Как было показано ранее, смертность, особенно детская, интенсивно снижалась в регионе в 1960-х – начале 80-х гг., когда в большинстве ближневосточных стран сохранялась очень высокая рождаемость (5–7 детей). Соответственно больше детей стали доживать до совершеннолетия, что привело к резкому росту численности молодежи ко времени начала событий Арабской весны во всех рассматриваемых странах. Снижение рождаемости в последнее время привело к резкому росту доли молодежи во всем населении за счет сокращения доли детей до 14 лет (сейчас в большинстве стран Ближнего Востока доля молодежи от 15 до 30 лет во всем населении составляет 25–30 %, а, например, в Западной Европе – всего 17 % (UN Population Division 2011)). Стремительно растущее и абсолютно, и относительно число молодежи практически невозможно полностью обеспечить рабочими местами, что было важным фактором роста недовольства и генезиса арабских революций 2011 г. Без сомнения, в социально-политических потрясениях огромную роль сыграли и факторы, перечисленные в начале работы (а также разбираемые в ее заключительной части), но демографический фактор здесь был, безусловно, одним из основных.

Факторы синхронизации событий Арабской весны

Естественно, возникает вопрос, почему события Арабской весны произошли столь синхронно.

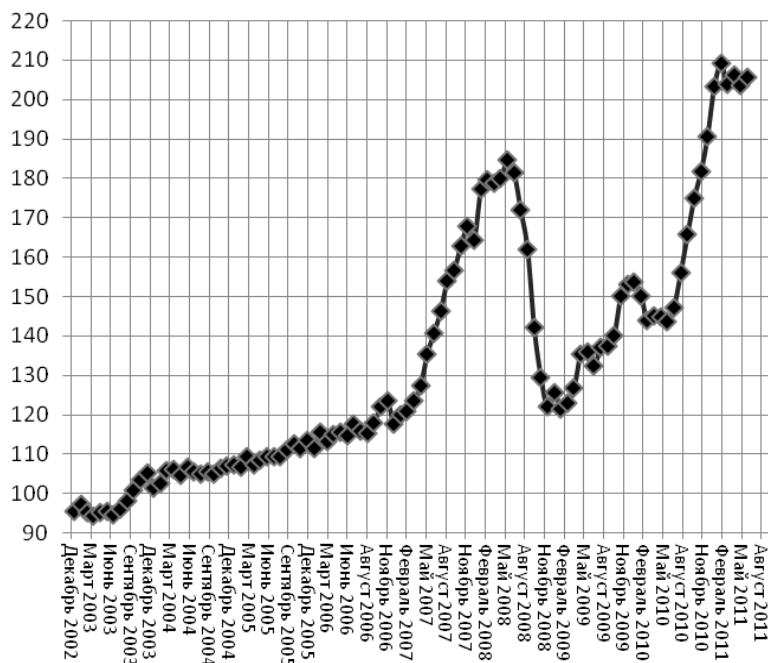
Отметим, что один импульс синхронизации находится не так близко от нас – 1973 г., скачок мировых цен на нефть. На арабский мир полилась волна нефтедолларов, в первую очередь, естественно, на нефтедобывающие страны, но в конечном счете заметная часть этого потока дошла практически до всех арабских стран. Заметная часть нефтедолларового потока досталась, скажем, тому же Йемену (при этом как Северному, так и Южному) – через каналы арабской помощи, через миграцию йеменцев на работу в Персидский залив и через волну нефтедолларов, которые трудовые мигранты принесли в Йемен. Так что досталось, в общем-то, всем арабским странам, и это способствовало ускорению их модернизации. Одной из важнейших составляющих модернизации арабских стран являлось как раз развитие современной системы здравоохранения. На эти нефтедоллары в целом ряде стран смогли организовать сети больниц, роддомов, поликлиник и так далее. Поэтому-то в большинстве арабских государств в 70–80-е гг. мы наблюдаем резкое падение смертности, в том числе младенческой и детской, что на фоне сохранявшейся долгое время высокой рождаемости и привело в 2000-е гг. к взрывообразному росту численности молодежи в странах Арабской весны.

Но, конечно, одного этого фактора (несмотря на всю его важность) совершенно недостаточно для объяснения удивительной синхронности событий Арабской весны. Действительно, такого рода факторы способны обеспечивать синхронизацию с точностью до нескольких лет, но никак не с точностью до нескольких месяцев и даже недель, как это наблюдалось в рассматриваемом нами случае.

В качестве одного из таких факторов, обеспечивших подобную более точную синхронизацию, выступила вторая волна агфляции (стремительного роста цен на продо-

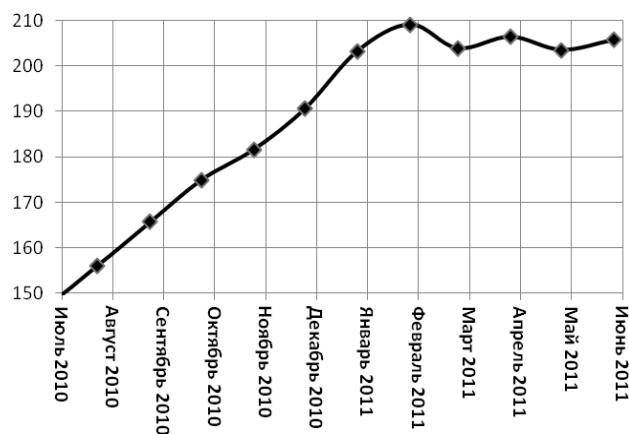
вольствие), пик которой пришелся как раз на январь – февраль 2011 г. (см. Рис. 2.5.25 и 2.5.26).

Рис. 2.5.25. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 = 100, с учетом инфляции), январь 2003 – июнь 2011 гг.

Источник: ФАО 2011а.

Рис. 2.5.26. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 = 100, с учетом инфляции), июль 2010 – июнь 2011 гг.

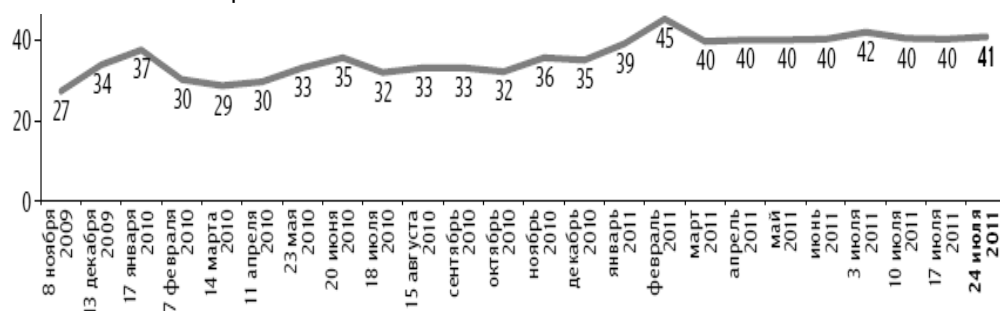
Источник: ФАО 2011а.

Это взрывообразное увеличение цен на продовольствие вызвало рост протестных настроений в большинстве стран мира. Не стала здесь, кстати, исключением и Россия, где

также, по данным опросов ФОМ, в феврале 2011 г. наблюдался пик протестных настроений как раз на фоне пика обеспокоенности населения ростом цен (см. Рис. 2.5.27 и 2.5.28).

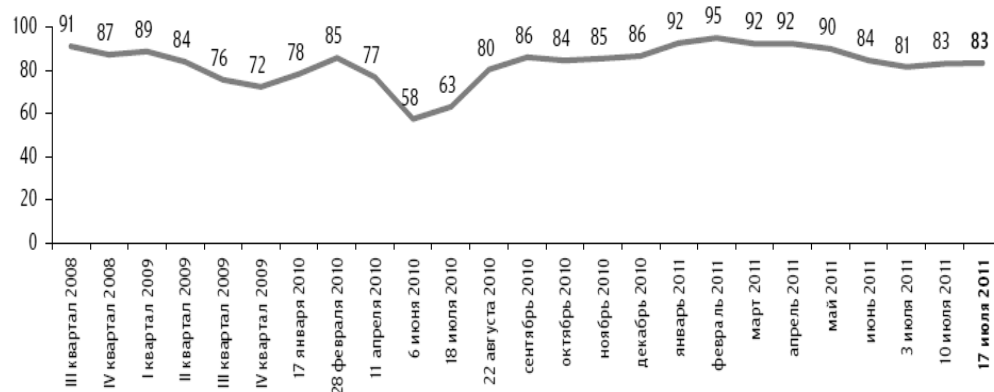
Конечно, роль этого фактора нельзя и преувеличивать (ведь, в конце концов, в большинстве стран мира индуцированный второй волной агфляции рост протестных настроений не привел к сколько-нибудь серьезным социально-политическим потрясениям), однако в находившихся в неравновесном социально-политическом положении арабских странах этот фактор явно сыграл важную дополнительную роль в генезисе социально-политических потрясений (см., например: Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б), выступив одновременно и в качестве достаточно точного импульса синхронизации событий Арабской весны. Также эта волна способствовала тому, что к ударному отряду Арабской весны, неустроенной высокообразованной молодежи, присоединились массы простых арабов, оказавшихся в результате взрывообразного роста цен ниже уровня бедности. Это, конечно, придало волнениям необходимую для потрясения (и свержения) режимов массовость.

Рис. 2.5.27. Процент россиян, ответивших «Испытываю» на вопрос «Вы лично испытываете или не испытываете недовольство, готовность участвовать в акциях протеста?», данные в % от всех опрошенных, ноябрь 2009 – июль 2011 г.

Источник: ФОМ 2011б: 12.

Рис. 2.5.28. Процент россиян, ответивших «Выросли» на вопрос «По Вашему мнению, за последний месяц **цены на основные продукты**, товары и услуги в целом выросли, снизились или почти не изменились?», данные в % от всех опрошенных, ноябрь 2009 – июль 2011 г.

Источник: ФОМ 2011а: 15.

Определенную роль в синхронизации этих событий сыграли, конечно, и новые информационные технологии, и в том числе интернет-технологии (см., например: Васильев 2011). Здесь, конечно, необходимо иметь в виду, что уже задолго до Арабской весны в арабском мире сложилось единое интернет-пространство (см., например: Abdulla 2007), где на понятном для всех интернет-грамотных арабов едином арабском литературном языке представители стран, еще не охваченных волнениями, могли свободно общаться со странами, этими волнениями охваченными или через них уже прошедшими. И если даже один из авторов этого раздела получил через Facebook приглашение идти 28 января на Тахрир, то понятно, что в арабском мире за пределами Египта такие приглашения получили сотни тысяч интернет-пользователей.

Ну и, конечно, совершенно особую роль в синхронизации событий Арабской весны сыграли общерабские спутниковые каналы, прежде всего Аль-Джазира и Аль-Арабия (см., например: Tausch 2011). Здесь необходимо иметь в виду, что за последние 10–15 лет в арабском мире произошла еще и медиареволюция, выразившаяся в том числе и в появлении суперпрофессиональных телевизионных спутниковых каналов. Лучше всего, конечно, известен катарский канал Аль-Джазира, но, скажем, Аль-Арабия – саудовско-эмиратский аналог Аль-Джазире – вполне сопоставим с ним по уровню профессионализма. Речь идет о тележурналистике безоговорочно мирового уровня, и о телеканалах, уже получивших к началу Арабской весны колоссальную популярность во всем арабском мире (в том числе и в тех странах, где СМИ находились под достаточно жестким государственным контролем).

У тех, кто видел трансляции этих каналов в ходе Арабской весны на понятном во всем арабском мире языке¹³, работу их талантливых тележурналистов, передававших необыкновенно эмоционально яркие образы народных выступлений во все концы арабского мира, нет особых сомнений в том, что они сыграли колоссальную роль в генезисе волны социально-политических потрясений. Примечательно, что за пределы арабского мира (даже в страны с близкими структурно-демографическими характеристиками, но не получавшие непрерывные потоки блестящих образов народного восстания с комментариями на понятном всем языке) эта волна практически не вышла. На наш взгляд, какую-то роль сыграл даже блестящий лозунг Арабской весны, рожденный еще в ходе первой, Тунисской, революции – *аш-ша`б йурид искат ан-низам*. Помимо своей блестящей зажигательной (но лишь для тех, кто знает арабский язык) ритмической структуры, он сыграл свою роль и своим смыслом – «народ хочет падения режима» – таким образом, он направлен не против какого-то конкретного правителя или режима, а требует «падения режима» вообще, то есть его оказалось возможным использовать в любой арабской стране без исключения.

Ну и конечно, мы уверены, что «цунами революций» не прокатилось бы по всему арабскому миру, если бы революция в Тунисе не оказалась столь быстрой и бескровной, если бы она не создала ощущения, что смены власти в арабской стране можно добиться столь быстрым и бескровным образом.

Ловушка на самом выходе из ловушки?

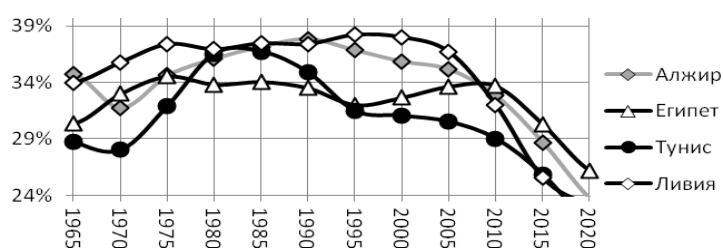
Египетская революция 2011 г., как и большинство других социально-политических потрясений Арабской весны, может вполне рассматриваться как случай так называемой «ловушки на самом выходе из ловушки» (подробнее см.: Коротаев, Халтурина и др. 2010а, 2011; Коротаев, Божевольнов и др. 2011). Однако механизмы генерирования социально-политических взрывов Арабской весны имеют свои заметные особенности, ко-

¹³ Кстати, именно на литературном арабском, а не, скажем, на египетском диалекте, доминирующем на египетском телевидении.

которые значительно отличают их от классической модели «ловушки на выходе из ловушки», описанной в предыдущей главе.

Начнем с того, что социально-политические потрясения Арабской весны (за существенным исключением Йемена, которое мы еще обсудим подробнее ниже) произошли, когда эти страны находились уже не просто «на выходе из ловушки», а скорее даже «на самом выходе» из нее. 2011 год был одним из последних, когда в этих странах наблюдалась критически высокая пропорция молодежи во взрослом населении, в то время как в ближайшие годы эта доля должна снизиться до вполне безопасных уровней (см., например, Рис. 2.5.29).

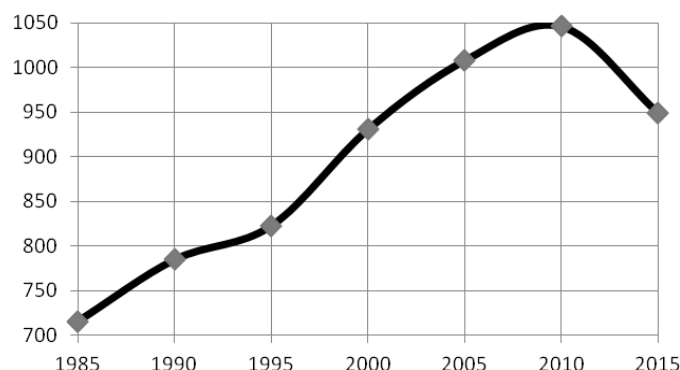
Рис. 2.5.29. «Молодежные бугры» в североафриканских странах: доля молодежи (в возрасте 20–29 лет¹⁴) в общей численности взрослого (> 19 лет) населения, %, 1965–2010, с прогнозом до 2020 г.

Источник: UN Population Division 2011.

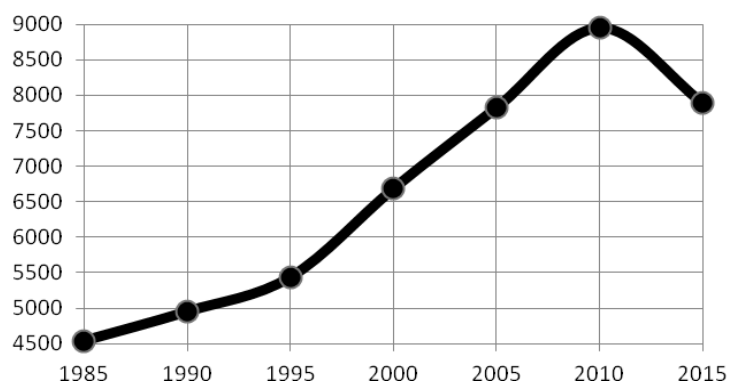
С другой стороны, именно в последние годы абсолютная численность молодого населения в большинстве стран Арабской весны достигла своего максимального значения (см., например, Рис. 2.5.30 и 2.5.31).

Рис. 2.5.30. Динамика численности тунисской молодежи в возрасте 20–24 года, тыс. чел. (с прогнозом до 2015 г.)

Источник: UN Population Division 2011.

¹⁴ Отметим, что если для классической модели имеет смысл учитывать численность (и долю) молодежи в возрасте 15–29 лет, то для модели второго типа (ориентированной на страны, завершающие свой демографический переход) имеет смысл учитывать численность молодежи в возрасте 20–29 лет (или даже 20–24 лет), так как речь здесь идет практически всегда о странах, уже очень далеко ушедших в своем модернизационном (и в том числе образовательном) переходе, где основное давление на рынок труда оказывает молодежь именно этой возрастной группы и именно среди этой возрастной группы наблюдается особо высокий уровень безработицы (и протестных настроений), в то время как в странах данной модернизационной фазы молодежь в возрасте 15–19 лет уже оказывается в большинстве своем задействованной в качестве обучающихся в рамках системы образования.

Рис. 2.5.31. Динамика численности египетской молодежи в возрасте 20–24 лет, тыс. чел. (с прогнозом до 2015 г.)

Источник: UN Population Division 2011.

В свете изложенного выше рассмотрим Египетскую революцию 2011 г. несколько более детально.

В общем-то, неудивительно, что администрация Мубарака «проморгала» социальный взрыв. Ведь статистика (и совсем не без оснований) утверждала, что страна развивается очень даже успешно. Экономика растет хорошими темпами (даже в кризисные годы). Уровни бедности и неравенства – одни из самых благополучных в третьем мире. Мировые цены на продовольствие растут, но правительство принимает серьезные меры для смягчения последствий этого для беднейших слоев населения. Уровень безработицы (в процентах) меньше, чем во многих достаточно благополучных странах мира, и в последнее время несколько сокращается, что происходит на фоне замедления темпов роста населения. Казалось бы, какие основания ждать крупномасштабного социального взрыва? Да, существуют, конечно же, небольшие группки смутьянов-блогеров, но разве есть хоть какие-то основания ожидать, что они смогут вывести за собой сколько-нибудь значительные массы людей?

И конечно, было трудно просчитать, что по режиму Мубарака больно ударят успехи, достигнутые им (и его предшественником) в модернизации Египта, успехи, обеспечившие резкое падение в 1975–1990 гг. смертности вообще и младенческой и детской смертности в особенности, успехи, без которых очень многие молодые египтяне, с пеной у рта требовавшие на Тахрире отставки (или даже смерти) Мубарака и «падения режима», просто умерли бы, не дожив до того возраста, когда они смогли бы выйти на улицы с подобными требованиями (Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б, 2011в). Да, процентный уровень безработицы в Египте с середины 1990-х гг. практически не изменился. Но численность египетской молодежи за тот же самый период выросла почти в два раза. А значит, как минимум во столько же выросло и число молодых безработных (это, кстати, о том, как опасно доверяться процентам).

И еще одна деталь. Исследование, проведенное Центральным агентством по общественной мобилизации и статистике Египта в III квартале 2010 г., выявило не только то, что около половины египетских безработных относились к возрастной группе 20–24 лет, но и еще одно впечатляющее обстоятельство – более 43 % египетских безработных имели высшее образование (Al-jihaz al-markaziyy 2010)! Таким образом, ударный отряд египетской революции был не только молодым, но и высокообразованным. Мы считаем, что это обстоятельство и придало заметную специфику Египетской революции, обусловив в том числе и ее определенную эмоциональную привлекательность для представителей первого мира, а главное – относительную (в особенности по меркам третьего мира)

малокровность. Действительно, несмотря на колоссальный размах египетских событий, вовлекших в свой круговорот на многие дни миллионы людей, общее число погибших составило лишь несколько сот человек (при этом в подавляющем большинстве это были погибшие от рук не восставших, а сил безопасности и привлеченных ими к подавлению восстания уголовных элементов). Напомним, что во время предыдущих крупных народных волнений в Египте (см. о них в Главе 4 настоящего раздела) – «хлебных бунтов» 1977 г. (в качестве главной ударной силы в них выступила малообразованная египетская молодежь), которые продолжались всего два дня и имели число участников, измерявшееся сотнями тысяч (а не миллионами, как в 2011 г.), – погибло около 800 человек (см., например, Hirst 1977). В этом отношении Египетская революция 2011 г. оказалась пока ближе к молодежным волнениям (и «бархатным революциям») в Европе и Северной Америке последних десятилетий, чем к кровавым народным восстаниям и революциям в третьем мире.

Подчеркнем также, что многие из претензий восставших к режиму Мубарака были вполне обоснованными. Да, действительно, десятилетия чрезвычайного положения создали ситуацию полной бесконтрольности сил безопасности, что привело к массовому использованию пыток по отношению к недовольным режимом. Вполне обоснованы были и претензии к фальсификации прошедших незадолго перед революцией (в ноябре – декабре 2010 г.) парламентских выборов, в ходе которых масштабы фальсификаций достигли запредельных высот.

За этим, кстати, стоит исключительно важное обстоятельство. Начнем с того, что анализ корреляторов политической нестабильности, проведенный участниками проекта *State Failure Task Force Report* с помощью множественной линейной регрессии, показал, что наиболее высоким риск политической дестабилизации оказывается для частичных/неполных демократий, в то время как заметно более высокой устойчивостью характеризуются как последовательно демократические, так и последовательно авторитарные режимы¹⁵ (Goldstone *et al.* 2000: vii–viii, 18–25). Особенно актуальной эта закономерность становится именно в современном стремительно глобализирующемся мире¹⁶. Дело здесь в том, что применительно к современным модернизированным обществам демократия выступает как практически безальтернативный способ легитимизации власти (см., например: Фурман 2010: 21; Цирель 2012б). Это важно с точки зрения как внутренней, так и внешней легитимности (причем последняя является более важной для режима в условиях его устойчивости; но в условиях социальных волнений, разумеется, дело обстоит иначе). Традиционный монархический способ также остается достаточно эффективным способом легитимизации, но только на него практически нереально опереться

¹⁵ Об этом мы уже писали выше в Главе 2 этого раздела.

¹⁶ Исключительная важность этого фактора как раз для событий Арабской весны была недавно вполне убедительно продемонстрирована при помощи все того же множественного линейного регрессионного анализа С. В. Цирелем (2012а). Действительно, наиболее быстро рухнули непоследовательно демократические режимы Туниса и Египта. Последовательно авторитарный режим ал-Каддафи пал только после самого ожесточенного сопротивления и только при мощнейшей внешней интервенции. Последовательно авторитарный сирийский режим держится до сих пор. «Держится на плаву» и достаточно демократический режим Йемена, дестабилизация которого была во многом связана именно с наметившимися в его рамках в последние годы авторитарными тенденциями. Вместе с тем арабские монархии в ходе событий Арабской весны показали чудеса живучести – ни одна из них не пала. Отметим также, что в ходе Арабской весны нашло совсем неплохое подтверждение и другое наблюдение группы Голдстоуна – более неустойчивыми являются немонархические политические режимы с лидерами, находящимися у власти очень длительное время (более 14 лет). Действительно, все свергнутые в ходе Арабской весны лидеры (в Египте, Ливии, Тунисе и Йемене) находились у власти более отмеченного Голдстоуном и его коллегами срока. В целом же трудно не отметить, что принятое в большинстве демократий ограничение периода правления первого лица двумя сроками, по всей видимости, является вполне удачной эволюционной находкой, очень хорошо соответствующей политической психологии человека (после двух сроков даже самый эффективный лидер начинает «надоедать» все большему числу людей; а после 14 лет это число, возможно, имеет тенденцию начинать приближаться ко все более критическому уровню).

там, где он уже утрачен (в целом же конституционная монархия оказывается едва ли не наиболее эффективным, бескровным вариантом промежуточной фазы демократической трансформации). Даже самым последовательным авторитарным (но немонархическим) режимам в современном мире приходится прибегать для легитимизации себя к разного рода демократическим по своей форме источникам типа апеллирования к «воле народа» — вспомним, что даже наиболее последовательно тоталитарный режим современного мира все-таки позиционирует себя как «Корейская Народно-Демократическая Республика».

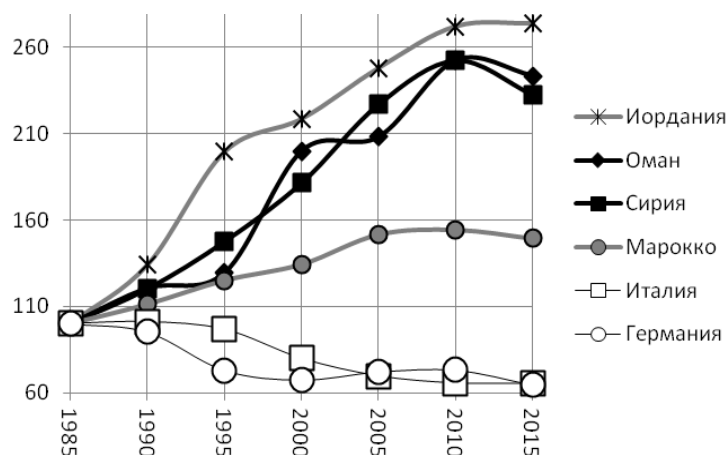
Таким образом, большинство немонархических авторитарных режимов вынуждено для своей легитимизации время от времени проводить выборы, которые, естественно, практически по определению проходят с нарушением демократических процедур (в том числе и с прямой фальсификацией волеизъявления избирателей). Мало того, нередко такого рода фальсификации (при всей нечистоплотности такого рода подтасовок) объективно оказываются заслоном на пути к власти партий и сил, которые представляют еще большую опасность для демократии (фундаменталисты и т. п.). В среднеразвитых странах частичная демократизация делает подобные режимы особо неустойчивыми. Действительно, частичная демократизация предполагает определенное развитие институтов гражданского общества, независимых средств массовой коммуникации и т. п. При этом в современных условиях такого рода режимы, как правило, берут на себя обязательства (как де-факто, так и де-юре) соблюдать определенные нормы, фактически запрещающие этим правительствам полностью ликвидировать все оппозиционные НКО, независимые СМИ, поставить все средства коммуникации (включая Интернет) под свой полный контроль (при этом нарушение данных норм зачастую влечет за собой применение вполне реальных санкций, способных, например, вполне ощутимо снизить инвестиционную привлекательность соответствующих стран и т. п.). Однако наличие подобных институтов гражданского общества значительно затрудняет фальсифицирование выборов, поскольку позволяет как выявить такого рода факты, так и довести их через независимые каналы СМИ (в современных условиях это прежде всего Интернет)¹⁷ до сведения очень значительного числа социально активных лиц. (В результате каждые новые выборы в такого рода ситуации имеют тенденцию сопровождаться все более сильными волнами дестабилизации.) Интернет-сети позволяют и организовать конкретные протестные акции. Да, действительно, участвует в такого рода сетях лишь небольшое меньшинство населения, при этом его очень заметную долю составляют достаточно экономически благополучные представители среднего класса. Но, как показывает опыт последних лет, именно они склонны особенно негативно реагировать на факты фальсификаций выборов и способны выступить в авангарде подобного рода протестных движений. Однако по-настоящему широкий размах подобного рода протестные движения способны принять там, где имеются вышеописанные структурно-демографические факторы. К вышеизложенным проблемам мы еще вернемся в последней главе третьего раздела.

* * *

Пик абсолютной численности молодежи в возрасте 20–24 лет наблюдался также в Сирии, Омане, Марокко и Иордании (см. Рис. 2.5.32).

¹⁷ Но в странах Арабской весны очень важную роль играли спутниковые общеарабские каналы, запретить вещание которых арабские полудемократии также реально не могли (по крайней мере до начала активной фазы конфликта).

Рис. 2.5.32. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20–24 лет, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) в Иордании, Омане, Сирии и Марокко в сопоставлении со странами Запада

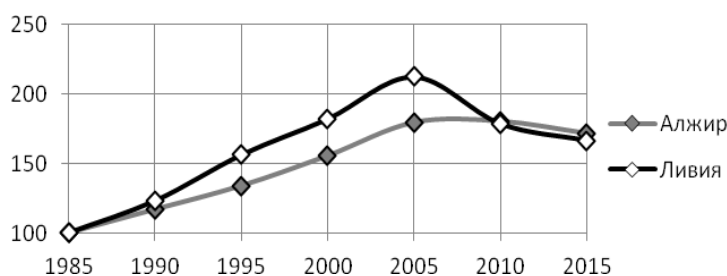

Источник: UN Population Division 2011.

Нетрудно видеть, что марокканский «молодежный бугор» является здесь наименее выразительным; но, кажется, это как раз то исключение, которое скорее подтверждает правило, чем его опровергает.

В Ливии и Алжире пик численности молодежи в возрасте 20–24 лет пришелся на середину 2000-х гг. (см. Рис. 2.5.33).

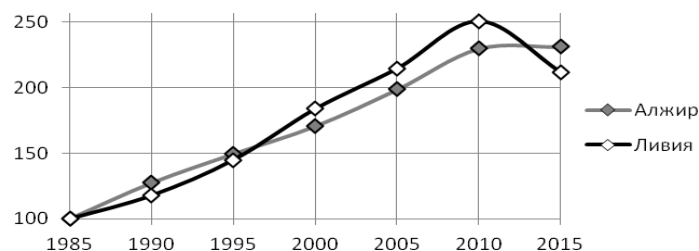
Рис. 2.5.33. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20–24 лет, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) в Ливии и Алжире

Источник: UN Population Division 2011.

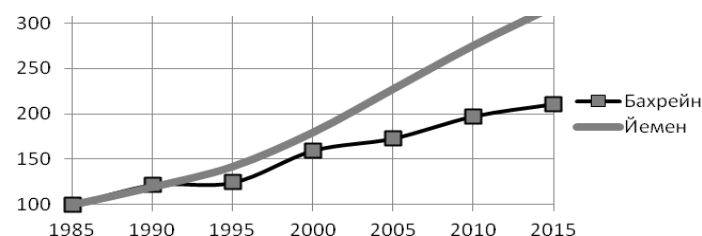
Однако на 2010–2011 гг. в этих странах пришелся пик численности молодежи в возрасте 25–29 лет, что, как представляется, наложило определенный отпечаток на протекание здесь событий Арабской весны (относительно – в сопоставлении с Тунисом и Египтом – низкая интенсивность социально-политического конфликта в Алжире и неожиданно низкая кровопролитность¹⁸ полномасштабной гражданской войны [осложненной к тому же самой серьезной внешней интервенцией] в Ливии) (см. Рис. 2.5.34).

¹⁸ Хотя имеются и оценки (на наш взгляд, откровенно завышенные), доводящие счет жертв ливийской гражданской войны до 50 тысяч (см., например: РБК 2011).

Рис. 2.5.34. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 25–29 лет, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) в Ливии и Алжире

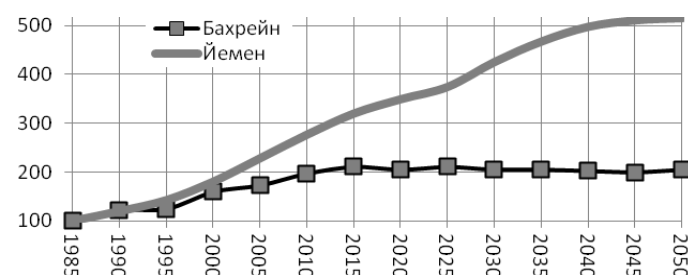
Источник: UN Population Division 2011.

Наконец, на Бахрейне и в Йемене достижение пика численности молодежи в возрасте 20–24 лет ожидается еще только в будущем (см. Рис. 2.5.35).

Рис. 2.5.35. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20–24 лет, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) на Бахрейне и в Йемене

Источник: UN Population Division 2011.

Однако, конечно же, ситуация на Бахрейне и в Йемене кардинально различается не только экономически и социально, но и структурно-демографически. Действительно, если на Бахрейне стабилизация численности молодежи ожидается уже после 2015 г., то для Йемена она прогнозируется экспертами ООН только после 2040 г. (см. Рис. 2.5.36).

Рис. 2.5.36. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20–24 лет, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2050 г.) на Бахрейне и в Йемене

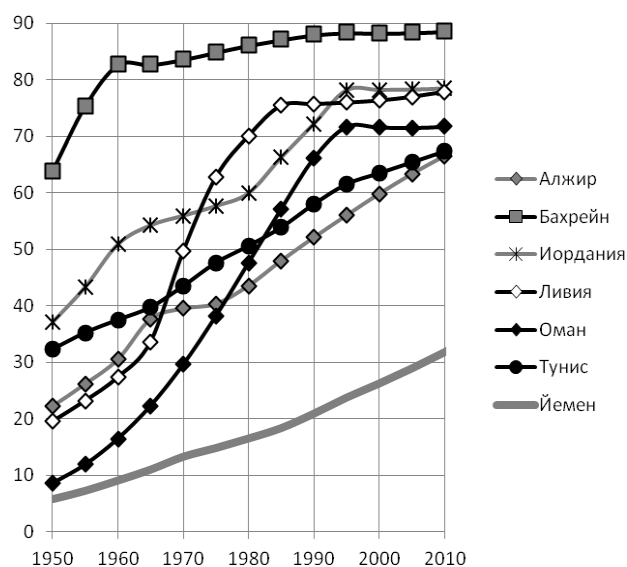
Источник: UN Population Division 2011.

Таким образом, надо отметить, что если в большинстве арабских стран структурно-демографические факторы в ближайшие годы будут способствовать социально-политической стабилизации, то в Йемене структурно-демографические факторы социально-политической дестабилизации являются не только самыми мощными во всем арабском мире, но они еще и будут сохраняться в будущем долгие годы (и даже десятилетия), что на-

прямую связано с вышеописанным колоссальным отставанием Йемена от остальных арабских стран в прохождении демографического (и – шире – модернизационного) перехода.

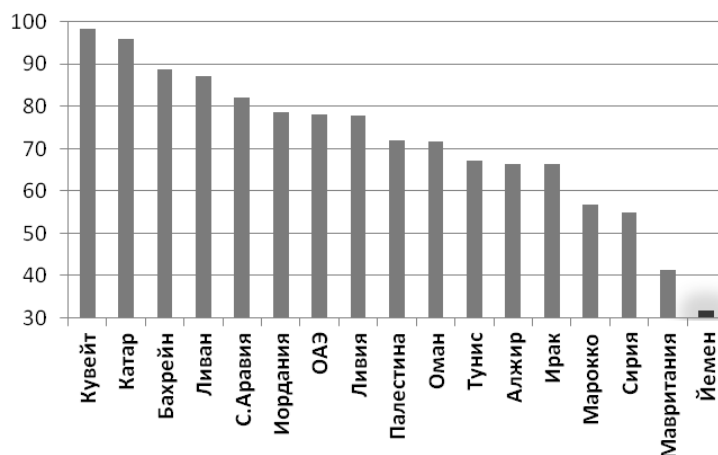
Дополнительное обстоятельство, усугубляющее на ближайшие 20–30 лет структурно-демографические риски социально-политической дестабилизации в Йемене, заключается в том, что Йемен (в отличие практически от всех остальных арабских стран) все еще находится на очень ранней фазе своего урбанизационного перехода (см. Рис. 2.5.37 и 2.5.38).

Рис. 2.5.37. Динамика доли городского населения (%) в некоторых странах Арабской весны

Источник: UN Population Division 2011.

Рис. 2.5.38. Доля городского населения (%) в арабских странах на 2010 г.

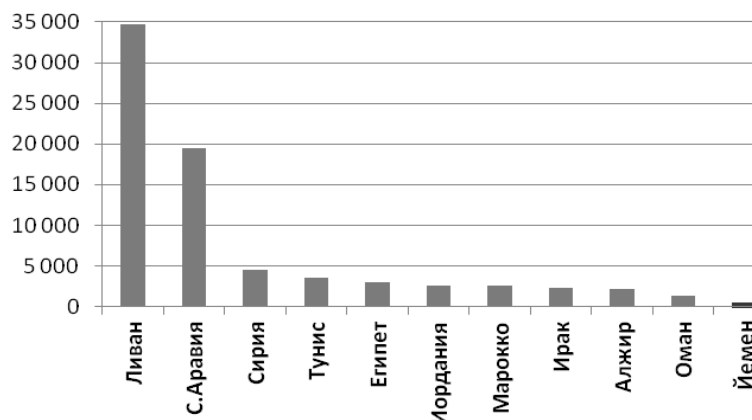

Источник: UN Population Division 2011.

Как мы видим, если большинство стран Арабской весны (да и других арабских стран) уже завершило урбанизационный переход или находится на очень продвинутых фазах этого процесса¹⁹, то Йемен до сих пор пребывает на его достаточно ранней фазе.

Низкий уровень урбанизации в Йемене совершенно закономерно сочетается с тем, что большинство йеменского населения до сих пор занято именно в сельском хозяйстве (World Bank 2011: SL.AGR.EMPL.ZS), а также с тем обстоятельством, что в Йемене производительность труда в сельском хозяйстве несравненно ниже, чем в остальных арабских странах²⁰ (см. Рис. 2.5.39 и 2.5.40).

Рис. 2.5.39. Производительность труда в сельском хозяйстве арабских стран (в постоянных долларах 2000 г.)

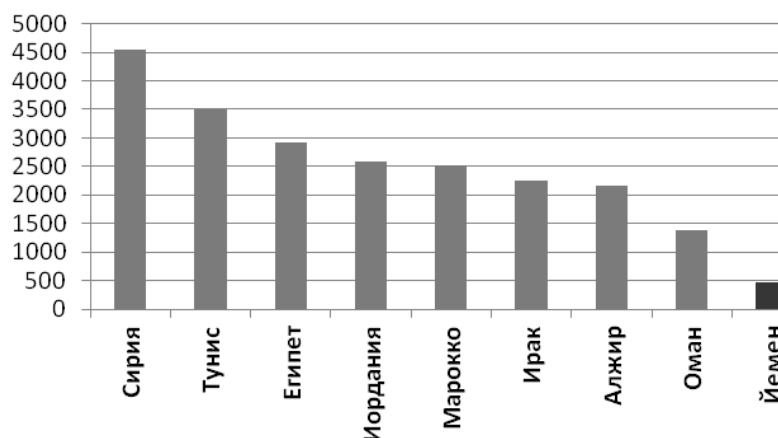
Источник: World Bank 2011. Данные для большинства стран приведены по состоянию на 2008 г. При отсутствии информации за 2008 г. были приведены данные за ближайший доступный год.

Как мы видим, между производительностью труда в сельском хозяйстве Йемена и в арабских странах с высокомодернизированным аграрным сектором (речь идет прежде всего о Ливане и Саудовской Аравии) существует разрыв просто-таки астрономический – на два порядка. Но даже арабским странам со среднеразвитым сельским хозяйством Йемен уступает в несколько раз.

¹⁹ Некоторое исключение здесь, казалось бы, представляет Египет (другое, мавританское, исключение мы обсудим ниже), где, по данным Всемирного банка (World Bank 2011: SP.URB.TOTL.IN.ZS) и ООН (UN Population Division 2011), доля городских жителей в общем по стране составляет лишь менее 43 %. Однако, это лишь внешнее исключение. Дело в том, что Всемирный банк и ООН пользуются официальными национальными данными, при этом исходя из того понимания «города», которое принято в соответствующей стране. В Египте же наблюдается высокий уровень административно-терминологической инерции, когда населенные пункты с десятками тысяч жителей, большинство из которых занято в несельскохозяйственных сферах деятельности, которые в любой другой стране мира были бы давно квалифицированы как «города», продолжают по инерции упорно обозначаться как «деревни» (*qaryah/qura*) (см., например: Васильев 1990: 13; Rizk 2005; Egypt State Information Service 2006; The Economist 2010; Nasr 2010). Реальное содержание урбанизационного перехода составляет, конечно, не переименовывание переставших быть деревнями населенных пунктов в города (здесь Египет действительно сильно отстает), а перемещение населения из аграрного сектора в неаграрные. И в этом Египет вплотную приблизился к завершению своего урбанизационного перехода еще в 1990-е годы. Действительно, с 1989 по 2002 гг. доля занятых в египетском сельском хозяйстве упала с 42,4 до 27,5 %, при этом доля сельского населения по официальным данным за то же время даже несколько выросла – с 56,42 до 57,4 % (World Bank 2011)! Примечательно, что происходило все это на фоне предпринятой администрацией Мубарака широкомасштабной программы по развитию несельскохозяйственных производств за пределами официально признанных городских поселений (см., например: Абрамова 2005).

²⁰ За исключением Мавритании (World Bank 2011). Отметим сразу же, что исключение это относится как раз к тому их разряду, что только подтверждает правило.

Рис. 2.5.40. Производительность труда в сельском хозяйстве арабских стран со средне- и слаборазвитым аграрным сектором (в постоянных долларах 2000 г.)

Очевидно, что для выхода из мальтузианской ловушки (где Йемен – в отличие от всех остальных арабских стран – продолжает пребывать вплоть до настоящего времени, и события Арабской весны лишь усугубили эту ситуацию) Йемену необходимо будет как минимум в несколько раз повысить производительность труда в своем сельском хозяйстве, что будет означать выталкивание из йеменской деревни миллионов избыточных рабочих рук.

В итоге в Йемене в ближайшие 20–30 лет мы можем наблюдать особо опасное сочетание стремительного роста численности молодежи с взрывообразным ростом численности городского населения, описываемое классической моделью «ловушки на выходе из ловушки». В результате в Йемене в ближайшие 20–30 лет сохранятся риски полномасштабной кровавой социально-политической дестабилизации по сценарию классической «ловушки на выходе из ловушки» с потенциально возможным числом человеческих жертв, на порядок более высоким по сравнению с тем, что наблюдалось в ходе событий Арабской весны. С другой стороны, нельзя не отметить, что в других странах Арабской весны социально-политические потрясения наблюдались на достаточно поздних фазах урбанизационного перехода, что, с одной стороны, способствовало их индуцированию (обеспечив аномально высокий уровень концентрации безработной/неустроенной образованной молодежи в крупных городах и, в особенности, столицах), но также придало этим событиям достаточно специфический характер, существенно снизив их кровавость.

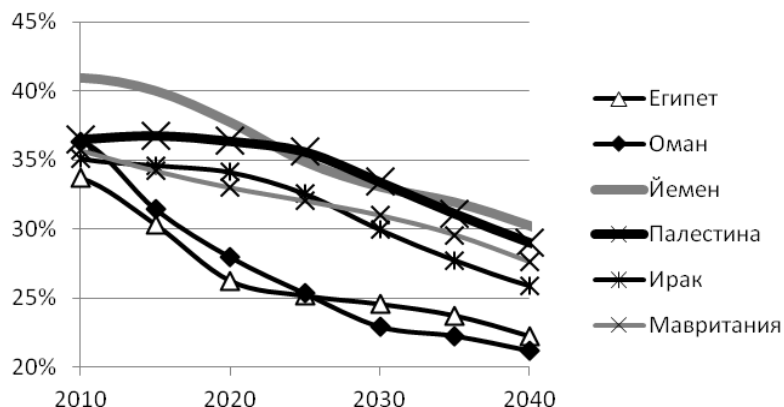
В целом же такого рода **длительно отсроченную постмальтузианскую ловушку** (о нашей типологии «ловушек на выходе из мальтузианской ловушки» см. Главу 4, с. 218) можно описать как ситуацию, характерную для стран, где (а) население уже длительное время не страдает от недостатка питания; (б) численность молодежи в возрасте 20–24 лет достигает своего пика на фоне чрезвычайно высокого уровня ее концентрации в городах (и в особенности столицах); (в) имеет место перепроизводство на этой фазе модернизации лиц с высшим образованием (которое может принять особо критические масштабы в контексте развития систем массового бесплатного высшего образования); (г) в связи со сказанным в обществе наблюдаются завышенные ожидания.

* * *

Другие арабские страны, которые существенно отстают от большинства стран арабского мира в своем демографическом переходе и в которых в результате существенные струк-

турно-демографические риски социально-политической дестабилизации сохраняются в обозримом будущем, могут быть идентифицированы как Мавритания, Ирак и в особенности Палестинская автономия (см. Рис. 2.5.41).

Рис. 2.5.41. Доля молодежи (в возрасте 20–29 лет) в общей численности взрослого (>19 лет) населения, %, прогноз на 2012–2040 гг.

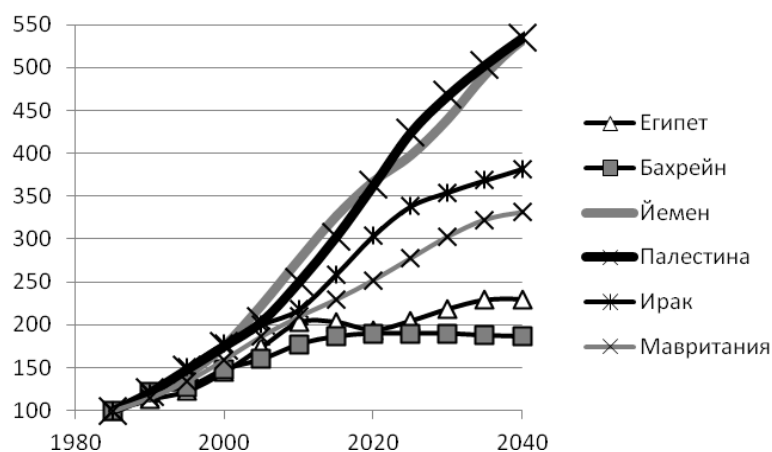

Источник: UN Population Division 2011.

Как мы видим, даже в районе 2025 г. в Йемене и Палестинской автономии доля молодежи во взрослом населении будет все еще на уровне, типичном для стран Арабской весны 2011 г., а на безопасный уровень менее 30 % эти две страны выйдут на 20–25 лет позднее стран арабского «мейнстрима». Применительно к Ираку и Мавритании это запаздывание не столь велико, но и здесь оно все-таки является заметным, – около 15 лет.

Разница между арабскими странами с продолжающимся высоким уровнем структурно-демографических рисков и странами арабского «мейнстрима» видна особенно отчетливо при рассмотрении относительной динамики численности их молодого населения (см. Рис. 2.5.42).

Рис. 2.5.42. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20–24 лет, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2040 г.) в Египте, на Бахрейне, в Йемене, Палестинской автономии, Ираке и Мавритании

Источник: UN Population Division 2011.

В странах арабского «мейнстрима» численность молодого населения в ближайшие годы стабилизируется, в то время как в Ираке она продолжит расти достаточно быстрыми темпами вплоть до 2020-х гг. В Мавритании этот рост продлится вплоть до 2030-х гг., но он будет не таким быстрым, как в Ираке²¹. Однако арабскими странами с самыми высокими структурно-демографическими рисками²² являются Йемен и Палестинская автономия, в которых быстрый рост численности молодого населения продлится до 2040-х гг.

* * *

Таким образом, Арабская весна 2011 г. наглядно подтвердила актуальную опасность для многих развивающихся стран попасть в процессе модернизации и завершения демографического перехода в постмалтузианскую ловушку («ловушку на выходе из ловушки»). События в арабском мире также продемонстрировали, насколько существенным образом процессы, связанные с попаданием в такие ловушки, влияют на социально-политическую динамику. Необходимость теоретического описания и количественного прогноза подобных явлений в разных странах требует развития соответствующих логико-математических моделей. В отношении уже разработанных нами моделей социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии дальнейшую работу мы полагаем вести в следующих направлениях:

- определение количественных зависимостей влияния факторов социально-экономического развития на вероятность смертности для различных возрастных когорт населения;
- явный учет связи экономического развития с ростом городского населения;
- определение количественных зависимостей уровня безработицы как функции экономического и демографического роста;
- учет количественной динамики социальной группы, имеющей высшее образование; прогноз уровня безработицы в этой группе населения;
- количественный учет влияния на интенсивность протестного населения СМИ, социальных сетей и других информационных факторов;
- количественный анализ влияния факторов, снижающих социальную напряженность «на самом выходе из ловушки».

²¹ С другой стороны, в Мавритании (в отличие от Ирака) ситуация заметно усугубляется довольно ранней фазой урбанизационного перехода, на которой находится эта страна.

²² Собственно говоря, в Йемене и Палестинской автономии эти риски являются одними из самых высоких в мире. За пределами Тропической Африки сопоставимо высокий уровень рисков может быть обнаружен только в Афганистане и на Восточном Тиморе.

Раздел 3

КРИЗИСЫ И ПРОГНОЗЫ

В настоящем разделе представлен наш анализ различных по причинам, масштабам и последствиям политических и экономических кризисов. В целом такой анализ позволяет увидеть некоторые корни, срезы и аспекты сложного развития современного мира и позволяет дать некоторые прогнозы его развития в ближайшем будущем.

Глава 1. О некоторых факторах политической нестабильности: к разработке математических моделей политических процессов

Проблема политической нестабильности, организованных и стихийных волнений, часто переходящих в кровопролитные столкновения между правительством и протестующими, между различными общинами и т. п., всегда была острой и остается крайне острой и сегодня. События Арабской весны только лишней раз подтвердили это. Этническая или конфессиональная неприязнь, полыхнувшая всплеском насилия, протесты и акции, переросшие в кровопролитные столкновения, революция или политическая борьба, обернувшаяся гражданской войной, и т. п. – все это ярчайшие признаки кризиса в обществе. При этом – в отличие от кризисов, рассматриваемых в первом разделе, – это далеко не всегда кризисы, ведущие в конечном счете к новому уровню развития, а очень часто кризисы, отбрасывающие общество далеко назад. Исследование такого рода кризисов, определение причин, ведущих к ним, и выработка рекомендаций, которые могли бы их предотвратить или смягчить – очень актуальная задача.

Данная глава является одной из попыток подготовить почву для математического моделирования мировой политической динамики. Непосредственный переход к такому моделированию в настоящее время не представляется возможным, поскольку не решены задачи количественной оценки характера взаимодействия между некоторыми ключевыми переменными. В этой главе мы предпринимаем попытку проделать такой анализ применительно к двум из этих ключевых переменных – политической нестабильности и урбанизации.

* * *

Первые поселения, отдаленно похожие на города (такие как Иерихон в Палестине), возникли более 9 тыс. лет назад (Kenyon 1981). В VII–VI тысячелетиях до н. э. в Западной Азии появляется уже целый ряд поселений (такие как Айн-Газал, Чатал-Хююк) с вероятной численностью населения в районе 2000 чел. (Ламберг-Карловски, Саблов 1992). Однако первые уже бесспорные города появляются только в IV тысячелетии до н. э. (Pollock 2001: 45; Rothman 2004: 75–119). И наконец, первый период достаточно быстрого роста городов Мир-Системы относится ко второй половине IV – первой половине III тысячелетия до н. э.¹

¹ О процессе урбанизации в истории Мир-Системы см. подробнее: Коротаев 2007; Коротаев, Гринин 2007; Гринин, Коротаев 2009а: Гл. 4–6; Korotayev, Grinin 2006.

Однако хотя города возникли уже в глубокой древности, концентрация городского населения на протяжении почти всей истории была обычно очень низкой, за исключением сравнительно небольших государств (городов-государств). В территориально крупных государствах (как в более примитивных ранних, так и в развитых государствах позднего средневековья и Нового времени) численность городского населения обычно была заметно ниже 10 %, и даже в первых зрелых государствах XVIII в. Европы и Азии² она была еще относительно невысокой. Для сравнения можно упомянуть, что в России в конце XVIII в. городское население составляло всего 4–5 % (Водарский 1973: 56). Тем не менее даже при таком уровне урбанизации для доиндустриальных государств степень развитости институтов общества и государства, способных поддерживать социальный порядок, оказывается в целом достаточно высокой. Рост уровня урбанизации в доиндустриальных обществах, как мы видели в предыдущих главах, мог происходить лишь в достаточно редких условиях более или менее развитых отношений собственности, при соответствующем росте товарности, монетизации и диверсификации хозяйства, быстром развитии неаграрных отраслей экономики.

Коренным образом ситуация стала меняться только в связи с промышленной революцией (на основной территории Европы – XIX в.; см.: Armengaud 1976; Bergier 1976; Stearns 1993, 1998; Lieberman 1972; Мокуг 1985, 1993; More 2000; Тоффлер 1999). В главах второго раздела было подробно показано, что как в индустриализирующихся государствах, так и в тех государствах Европы, где уровень урбанизации оказался существенно выше 10 % еще до промышленной революции (например, в Нидерландах XVI в., Англии XVI–XVII вв., Франции XVIII в.), дальнейшее развитие сталкивалось с политико-социальными проблемами, которые заканчивались революциями (и соответственно вели к более или менее длительной политической нестабильности и кровопролитию). Мы пришли к закономерному выводу, что такая взаимосвязь уровня урбанизации и социально-политической нестабильности не случайна.

Попробуем оценить при помощи математической модели тот уровень урбанизации, когда особо вероятными оказываются кровавые политические потрясения. В данной модели мы опираемся на предложенное нами ранее (Коротаяев 2007) общее динамическое уравнение урбанизации. Приведем его еще раз:

$$\frac{du}{dt} = aSu (u_{\text{lim}} - u), \quad (1)$$

где u – доля городского населения («индекс урбанизации»), S – «избыточный» продукт, производимый на одного человека, a – константа, а u_{lim} – предельно возможная доля городского населения (которая может быть оценена как находящаяся в пределах 0,8–0,9, и может рассматриваться в данном контексте как «уровень насыщения»; в приводимых ниже расчетах это значение было принято равным 0,9).

Это уравнение относится к классу так называемых «автокаталитических» уравнений. Оно имеет следующий смысл: при относительно низких значениях урбанизации вероятность того, что деревенский житель переселится в город, тем выше, чем выше доля городского населения. Действительно, чем выше эта доля, тем выше вероятность того, что в городе живет родственник/знакомый данного деревенского жителя, который может предоставить ему необходимую для переселения в город информацию и начальную поддержку (обычный крестьянин вряд ли решится переселиться «в никуда»). Однако темпы роста доли городского населения замедляются при приближении к уровню насыщения.

Кроме того, как в нашем уравнении, так и в реальной жизни темпы урбанизации зависят и от уровня экономического развития, который в нашем уравнении исчисляется че-

² Об эволюционной типологии государств (раннее – развитое – зрелое государство) см. подробнее: Гринин 2007а, 2007б, 2007ж, 2010в; Гринин, Коротаяев 2009а; Grinin 2008с.

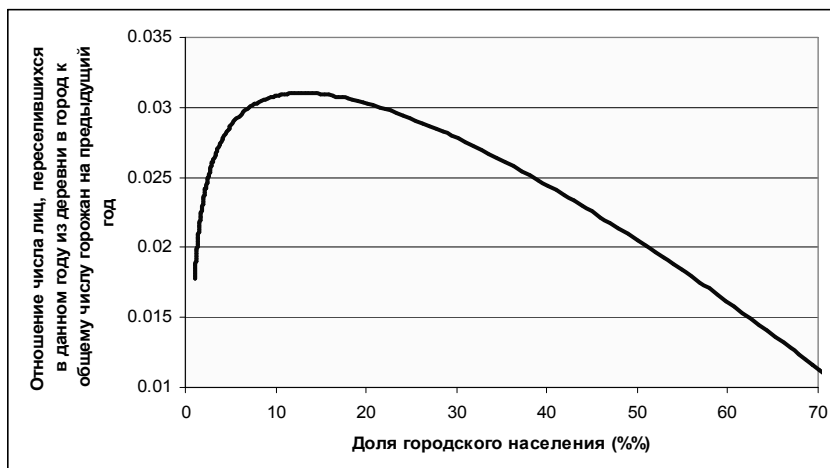
рез величину *относительно избыточного продукта*, производимого на душу населения. Действительно, если «деревня» *относительно избыточного продукта* не производит, то урбанизация оказывается просто невозможной, а чтобы она началась и тем более ускорилась, необходим заметный экономический рост и рост производительности труда, например в сельском хозяйстве, что, с одной стороны, позволило бы прокормить население городов, а с другой – создало избыток рабочих рук в сельском хозяйстве, подталкивая деревенских жителей к миграции в города.

Мы исходим из того, что особо кровавых политических потрясений скорее следует ждать на той фазе урбанизационного процесса, когда в городах скапливается особо высокий процент недавних мигрантов из сельской местности. Действительно, даже в условиях экономического роста переселение в города редко проходит полностью безболезненно. Недавний переселенец чаще всего человек молодого возраста, который обычно не имеет необходимой в городе квалификации, а значит, может изначально рассчитывать лишь на самую низкоквалифицированную работу (которую еще не всегда можно найти). Поэтому интенсивный приток в города деревенских жителей (измеряемый через отношение числа недавних переселенцев к числу горожан) должен приводить к значительному росту в городах удельного веса маргинальных слоев (см. об этом ниже), недовольных своим положением, что может с достаточно высокой вероятностью вести к кровавым политическим потрясениям.

Попробуем при помощи нашей математической модели оценить, на какой именно фазе урбанизации следует ждать особенно высокого соотношения числа недавних переселенцев в города к коренным горожанам.

В том варианте модели, расчеты по которому мы приводим ниже, в качестве стартового значения доли городского населения было взято 2 %. Для упрощения ускорение процессов урбанизации в модели передавалось следующим образом: стартовое значение элемента aS было принято равным 0,02, а затем каждый год увеличивалось на 0,0002. Соотношение между уровнем урбанизации (измеряемым через процент городского населения) и индикатором отношения числа недавних переселенцев в города к числу коренных горожан (измеряемым через отношение числа лиц, переселившихся в данном году из деревни в город к общему числу горожан на предыдущий год) иллюстрируется на Рис. 3.1.1.

Рис. 3.1.1. Генерируемое моделью соотношение между уровнем урбанизации и индикатором отношения числа недавних переселенцев в города к числу коренных горожан

В нашей модели критически высокого значения 0,03 данный показатель достигает при общем уровне урбанизации в районе 7–8 %. Это действительно высокое значение, при котором численность недавних приезжих в городах составит за десять лет более трети (а в наиболее привлекательных городах, включая столицы, она может составить и более половины), что не может не увеличить самым заметным образом вероятность кровавых политических потрясений. При этом сохраняется оно на этом критически высоком уровне вплоть до достижения общей долей городского населения уровня 21–22 %. Именно в этом диапазоне (примерно 7,5–22,5 %), согласно нашей модели, и следует ожидать наиболее высокой вероятности политических потрясений.

В целом, по нашему мнению, уровень урбанизации в районе 10–25 % от общего количества населения для аграрно-ремесленных и индустриализующихся стран означает не просто, что значительная часть их населения живет в городах, но что они вступили в период коренной модернизации. Иначе говоря, они достигли уже такого уровня социально-экономического и политического развития, который жестко требует больших структурных (политических, правовых, социальных, культурных и пр.) изменений. А поскольку экономические и демографические процессы очень часто обгоняют остальные (включая идеологию и социальное сознание), возникает большое напряжение в обществе, что резко повышает вероятность политических и социальных потрясений. Следовательно, такие урбанизирующиеся общества находятся в достаточно неустойчивом состоянии, из которого они могут как совершить фазовый переход к новому, более устойчивому состоянию, так и скатиться к более низкому аттрактору. Такой фазовый переход, как мы видели в главах второго раздела, может быть связан с революциями, крупными социальными реформами и другими социальными потрясениями.

Вероятность особо драматических политических потрясений в указанном интервале значений урбанизованности общества резко повышается³. Причем данная зависимость вполне релевантна в современном мире, в частности в случае многих развивающихся стран Африки или Азии. Так, данные, собранные с целью протестировать нашу гипотезу (см. Табл. 3.1.1., 3.1.2 и Рис. 3.1.2), показывают, что в последние десятилетия кровавые политические потрясения с наибольшей вероятностью наблюдались как раз в том диапазоне, где этого и следовало ожидать, исходя из расчетов, сделанных по нашей математической модели (политические потрясения могут наблюдаться и за пределами этого диапазона, но, как мы могли видеть в предыдущем разделе, они характеризуются заметно меньшей кровавостью, приобретая в уже полностью урбанизированных обществах с завершенным демографическим переходом характер «бархатных революций»).

Как мы видим, на ранних стадиях модернизации рост урбанизации сопровождается ростом вероятности особо кровопролитных социально-политических потрясений (отметим, что на участке 0–15 % наблюдается статистически значимая [$\alpha = 0,02$] *положительная* корреляция между уровнем урбанизации и частотой кровопролитных политических потрясений). Особо высокого значения эта величина достигает в интервале уровня урбанизации 7,5–22,5 %⁴.

³ В качестве источника информации по уровню урбанизованности стран мира в соответствующие промежуточные времена была использована база данных ООН [UN Population Division 2011]. Эта база данных содержит информацию по всем странам мира, начиная с 1950 г. При этом данные здесь приводятся с разрывом в пять лет (соответственно, за 1950, 1955, 1960 и последующие годы). Это обстоятельство обусловило выбор нами пятилетних отрезков истории соответствующих стран в качестве единицы сравнения (соответственно, 1948–1952, 1953–1957, 1958–1962 годы и т. д.). В Табл. 3.1.2 для каждого случая взят только один (начальный) пятилетний интервал (полная длительность эпизодов приведена в Табл. 3.1.3). Источники данных по политической нестабильности см. ниже в примечаниях к Табл. 3.1.3.

⁴ Сдвиг в сторону уменьшения начальной пороговой величины от 10 % (указанной выше и характерной для более ранних исторических эпох) до 7,5 %, на наш взгляд, связан с более сильным в современную эпоху влиянием развитых стран (а это обычно понижает необходимый уровень зрелости для проявления некоторых процессов).

[illegible]

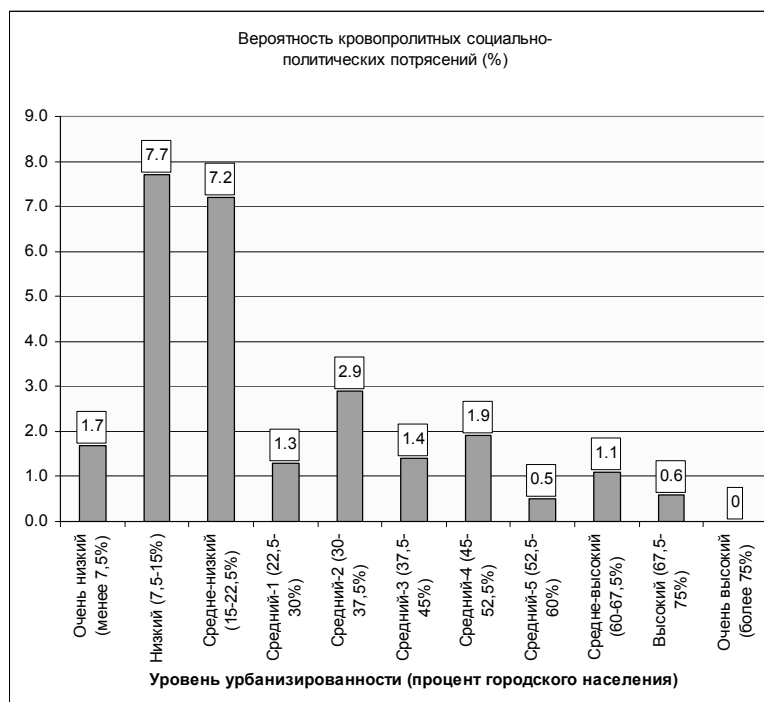
Табл. 3.1.2. Корреляция между уровнем урбанизации (измеряемым долей городского населения, в %) и частотой особо кровопролитных социально-политических потрясений

		Особо кровопролитные социально-политические потрясения		Итого
		отсутствуют	присутствуют	
Уровень урбанизации (процент городского населения)	Очень низкий (менее 7,5 %)	118 98,3 %	2 1,7 %	120 100,0 %
	Низкий (7,5–15 %)	191 92,3 %	16 7,7 %	207 100,0 %
	Средне-низкий (15–22,5 %)	218 92,8 %	17 7,2 %	235 100,0 %
	Средний-1 (22,5–30 %)	221 98,7 %	3 1,3 %	224 100,0 %
	Средний-2 (30–37,5 %)	237 97,1 %	7 2,9 %	244 100,0 %
	Средний-3 (37,5–45 %)	212 98,6 %	3 1,4 %	215 100,0 %
	Средний-4 (45–52,5 %)	206 98,1 %	4 1,9 %	210 100,0 %
	Средний-5 (52,5–60 %)	211 99,5 %	1 ,5 %	212 100,0 %
	Средне-высокий (60–67,5 %)	176 98,9 %	2 1,1 %	178 100,0 %
	Высокий (67,5–75 %)	157 99,4 %	1 ,6 %	158 100,0 %
	Очень высокий (более 75 %)	326 100,0 %	0 ,0 %	326 100,0 %
	Итого	2273 97,2 %	2273 97,6 %	56 2,4 %

Вместе с тем дальнейший рост урбанизации сопровождается резким уменьшением вероятности особо кровопролитных социально-политических потрясений. В интервале урбанизации 22,5–52,5 % частота кровопролитных политических потрясений падает примерно в четыре раза – с 7,2–7,7 до 1,4–1,9 %. В целом, на участке урбанизации выше 15–22,5 % наблюдается статистически высоко значимая [$\alpha \ll 0,0001$] *отрицательная* корреляция между уровнем урбанизации и частотой кровопролитных политических потрясений. После того как процент городского населения начинает превышать 50, происходит дополнительное падение частоты кровопролитных политических потрясений и на участке урбанизации 52,5–75 % она колеблется между 0,5 и 1,1 %, а в очень высоко урбанизированных обществах (с процентом городского населения более 75) падает до нуля⁵.

⁵ Гражданская война в Ливии 2011 г., по всей видимости, унесла жизни 25–30 тысяч человек (см. об этом в предыдущей главе). Ливия – страна с высоким уровнем урбанизации, который приближается к 80 %. Однако, рассматривая причины гражданской войны, мы должны учесть, помимо указанного исламского фактора,

Рис. 3.1.2. Корреляция между особо кровопролитными социально-политическими потрясениями и уровнем урбанизации (измеряемым долей городского населения, в %)

Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что из пяти зафиксированных после 1950 г. случаев особо кровопролитных социально-политических потрясений в государствах с уровнем урбанизации более 50 % почти все приходится на исламские страны (исламистское восстание в Алжире в 1990-е гг., «Черный сентябрь» 1970 г. в Иордании, гражданская война в Ливане 1975–1990 гг., восстания в Ираке при Саддаме Хусейне; сюда же по сути своей следует отнести и Иранскую исламскую революцию, произошедшую в стране, где практически половина [49,7 %] населения жило в городах). За пределами исламского мира в эту категорию (да и то с большими оговорками) можно занести разве лишь партизанскую войну Сендеро Луминосо в Перу (разворачивавшуюся, отметим, в крайне слабо урбанизированных областях страны).

Таким образом, для неисламских стран после 1950 г. превышение долей городского населения 50%-го уровня оказывается чрезвычайно сильным предиктором отсутствия особо кровопролитных внутренних социально-политических потрясений. Для исламских стран в качестве такового выступает заметно более высокий уровень (порядка 70 %).

Как уже было сказано выше, достижение даже 5%-го уровня урбанизации говорит о существенных изменениях в традиционном обществе. И если уровень развития государственности в таком обществе неадекватен росту урбанизации (а для молодых стран Тропической Африки дело часто обстояло и обстоит до сих пор именно так), процессы политической нестабильности вполне могут проявиться задолго до пороговой величины 7,5 %. Кроме того, и в более устроенных странах с длительными традициями государственности при прочих равных условиях одинаковые по силе политические потрясения

исключительно сильное влияние иностранной интервенции, без которой оппозиция была бы разгромлена в скором времени; неоднородный этнический состав ливийского населения, неплохо сохранившуюся племенную организацию (см., например: Коротаев 1987), исторически устойчивые противоречия между оседлой и кочевой частями населения и роль исламского фактора, о котором сказано ниже.

могут иметь разные последствия в отношении характера и масштабов кровопролития. Поэтому совершенно не случайна повышенная доля эпизодов кровавых политических потрясений последних десятилетий, приходящихся на африканские страны (см. Табл. 3.1.3).

Процессы политической нестабильности, кровопролитные внутренние волнения, столкновения и гражданские войны могут быть связаны с самыми разными причинами, полный анализ которых выходит за рамки нашего исследования. Поскольку наш анализ является предварительным, мы ограничимся только самыми краткими комментариями к нашим статистическим и табличным данным. В настоящем анализе мы опускаем подробную характеристику различных типов и форм политической нестабильности, а также тех параметров, которые характеризуют ее масштаб. Однако отметим, что выбор уровня урбанизации общества как предиктора уровня политической нестабильности (и масштаба кровопролития как проявления этой нестабильности) неслучаен. Уровень урбанизации, на наш взгляд, является синтетическим показателем развития общества, так как города с момента своего появления и до настоящего времени выступают как территориальная концентрация множества разнородных форм деятельности и ресурсов (Ахиезер 1995: 23, Гринин 2007ж). Урбанизация оказывает влияние совместно с другими факторами: ростом грамотности, ослаблением государственных институтов или их недостаточной зрелостью и прочим.

В Табл. 3.1.3 мы попытались оценить масштаб политической нестабильности, исходя из уровня кровопролития (то есть примерного числа зафиксированных жертв этого события). Распределение приведенных в Табл. 3.1.3 государств по частям света см. на Рис. 3.1.3.

Табл. 3.1.3. Внутриполитические потрясения 1947–2011 гг., приведшие к особо многочисленным человеческим жертвам

№	Страна	Год начала события	Год окончания	Событие	Число жертв
1	2	3	4	5	6
1	Алжир	1954	1962	Война за независимость	~537 000
2	Алжир	1992	2002	Восстание исламистов	~100 000
3	Ангола	1961	1975	Антиколониальная война	~80 000
4	Ангола	1975	2002	Гражданская война	~550 000
5	Афганистан	1978	*	Афганская революция, советское вмешательство и гражданская война, еще одна гражданская война и американское вмешательство и т. д.	~1 800 000
6	Бангладеш	1971	1971	Массовые убийства бенгальцев и борьба за независимость	~1 250 000
7	Бирма (Мьянма)	1948	2005, фактически*	Гражданские войны	~130 000
8	Босния и Герцеговина	1992	1995	Боснийская война	~175 000
9	Бурунди	1993	1993	Массовые убийства хуту и тутси (были убиты преимущественно хуту)	~200 000**
10	Восточный Тимор	1975	1999	Антиколониальное движение, интервенция Индонезии, гражданская война	~200 000
11	Вьетнам⁶	1945	1954	Война за независимость в период Первой индокитайской войны	~400 000

⁶ Для этого периода Вьетнам рассматривается как единая страна.

Продолжение табл. 3.1.3

1	2	3	4	5	6
12	Южный Вьетнам	1965	1973	Гражданская война при вмешательстве США и Северного Вьетнама	~1 700 000
13	Гватемала	1960	1996	Гражданская война	~200 000
14	Греция	1943	1949	Гражданская война	~158 000
15	Зимбабве	1972	1979	Гражданская война	от 20 000 до 30 000
16	Индия	1947	1947	Насилия и кровавые инциденты в период борьбы за независимость и разделения Индии на доминионы Индия и Пакистан	~500 000 ⁷
17	Индонезия	1965	1966	Попытка переворота и казни	~400 000
18	Иордания	1970	1971	Восстание «Черный сентябрь»	до 25 000
19	Ирак	1991	1992	Восстание шиитов на юге	~50 000
20	Иран	1978	1979	Исламская революция	до 100 000
21	Йемен (Северный)	1962	1970	Гражданская война	~100 000
22	Камбоджа	1970	1991	Гражданские войны и их последствия	~2 500 000
23	Китай	1945	1949	Гражданская война	~2 500 000
24	Китай	1966	1969	Культурная революция	От 2 000 000 до 7 000 000
25	Колумбия	1948	1958	Период «насилия» ⁸	~200 000
26	ДР Конго (Заир)	1960	1965	Конголезский кризис	~100 000
27	ДР Конго (Заир)	1998	2009	Гражданские войны	~3 800 000
28	Корея	1950	1953	Корейская гражданская война (война между Севером и Югом)	~1 400 000 ⁹
29	Лаос	1945	1954	Война за независимость в рамках Первой индокитайской войны	~400 000 ¹⁰
30	Лаос	1960	1973	Гражданская война в рамках Второй индокитайской войны	От 70 000 до 250 000
31	Либерия	1989	1997	Гражданские войны: правительство против Национального патристического фронта	~150 000
32	Ливан	1975	1990	Гражданская война, осложненная многочисленными случаями иностранной интервенции	~150 000
33	Мадагаскар	1947	¹¹	Восстание за независимость	до 80 000
34	Малайзия	1948	1960	«Чрезвычайное положение», партизанская война маоистов	более 20 000
35	Мозамбик	1961	1975	Война за независимость	до 63 000
36	Мозамбик	1975	1992	Гражданская война	~1 000 000
37	Намибия	1966	1990	Война за независимость с ЮАР	до 20 000
38	Нигерия	1966	1970	Переворот, попытка отделения провинции Биафра	от 600 000 до 1 000 000

⁷ Общее число жертв в период борьбы Индии за независимость и разделения Британской Индии на доминионы Пакистан и Индия.

⁸ *La Violencia* – Период «насилия» – активное противостояние Либеральной и Консервативной партий Колумбии.

⁹ Общее число жертв сторон в гражданской войне в Кореи.

¹⁰ Общее число жертв Первой индокитайской войны.

¹¹ В 1943 г. на острове начались волнения революционного толка, которые вылились в открытое восстание против французских колонизаторов в 1947 г.

Окончание табл. 3.1.3

1	2	3	4	5	6
39	Никарагуа	1972	1991	Гражданская война	~60 000
40	Пакистан	1947	1947	Насилия и кровавые инциденты в период борьбы за независимость и разделения Индии на доминионы Индия и Пакистан	~500 000 ¹²
41	Папуа-Новая Гвинея	1989	1998	Буганвильское восстание	до 20 000
42	Перу	1980	2000	Восстание «Сендеро луминосо», партизанская война ¹³	~50 000
43	Руанда	1994	1994	Массовые убийства хуту и тутси (были убиты преимущественно тутси)	~937 000**
44	Сальвадор	1979	1992	Война правительства с партизанами	~75 000
45	Северная Корея	1950	1953	Корейская война (гражданская война между Севером и Югом)	~1 400 000 ¹⁴
46	Сомали	1991	*	Хаос, анархия, гражданская война	~400 000**
47	Судан	1955	1972	Гражданская война	~500 000
48	Судан	1983	2005	Гражданская война	~1 900 000
49	Судан	2003	2011	Дарфурский конфликт ¹⁵	От 70 000 до более 180 000
50	Сьерра-Леоне	1991	2002	Гражданская война	~75 000
51	Таджикистан	1992	1996	Гражданская война	От 20 000 до 50 000
52	Уганда	1979	1986	Гражданские войны	~300 000**
53	Филиппины	С 1972	*	Война с партизанами	от 50 000 до 150 000
54	Чад	1965	1997	Гражданские войны	От 50 000 до 100 000
55	Эритрея	1962	1992	Война за отделение от Эфиопии и внутренние конфликты	~1 400 000
56	Эфиопия	1962	1992	Переворот Менгисту Хайле Мариама, свержение монархии, гражданские войны	~1 400 000 ¹⁶

* События не завершены, кровопролитие в той или иной мере продолжается.

** Взят один (обычно наиболее крупный) эпизод (событие, война) из ряда трагических событий (войн).

Источники: Bercovitch, Jackson 1997; Clodfelter 1992: 1940–1975; Crowder, Fage, Oliver 1986; Lorraine 1995; Palmowski 1997; Project Ploughshares 2008; Rummel 1994; Small, Singer 1982; Totten 1997; Wallechinsky 1995; White 2009, 2010a.

Разумеется, значимость социально-политического волнения или переворота не может быть выяснена только исходя из количества жертв. Однако совершенно очевидно, что наличие большого числа жертв находится в сильной корреляции с масштабами потрясений в

¹² Общее число жертв в период борьбы Индии за независимость и разделения Британской Индии на доминионы Пакистан и Индия.

¹³ Коммунистическая партия Перу, известная как «Сияющий путь» (*Shining Path*) или по произношению «Сендеро луминосо» (исп. *Sendero Luminoso*), перуанская маоистская организация, основанная в 1960 г. Абималем Гусманом и перешедшая к вооруженной партизанской борьбе 17 мая 1980 г.

¹⁴ Общее число жертв сторон в гражданской войне в Корее.

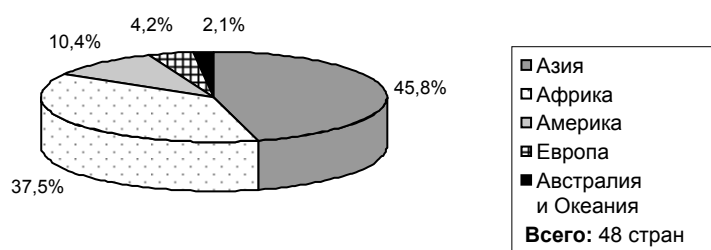
¹⁵ Дарфурский конфликт – межэтнический конфликт, вылившийся в вооруженное противостояние между центральным правительством, неформальными проправительственными арабскими вооруженными отрядами «Джанджавид», с одной стороны, и повстанческими группировками местного негроидного населения – с другой.

¹⁶ Общее число жертв в Эфиопии и Эритрее в 1962–1992 гг.

обществе и соответственно – с возникшей в нем нестабильностью (безусловно, с гуманитарной точки зрения ключевое значение имеет масштаб кровопролития, сопровождающего ту или иную политическую катастрофу). Количество жертв, естественно, достаточно сильно соотносится и с длительностью протекания событий. Как видно из Табл. 3.1.3, в некоторых случаях гражданские войны длятся многие десятилетия (например, в Афганистане, Анголе, Бирме, Эфиопии и некоторых других странах они продолжались с теми или иными перерывами свыше 25 лет, а в некоторых случаях не закончились и до сих пор).

В качестве минимального порогового значения масштаба кровопролития мы, как правило, рассматривали количество жертв от 50 тыс. и выше (в некоторых случаях число жертв исчисляется миллионами)¹⁷. Если же общая численность населения страны, как, например, в Намибии, была относительно мала, но процент потерь был очень высоким, мы включали в рассмотрение трагический эпизод с меньшим, чем 50 тыс., числом жертв. В случае целого ряда подобных эпизодов мы брали только наиболее кровопролитные.

Рис. 3.1.3. Распределение государств, указанных в Табл. 3.1.3, по частям света

Рассмотрим дополнительно некоторые причины статистически значимой положительной корреляции между уровнем политической нестабильности и уровнем урбанизации в определенном интервале (до 15–22,5 %), а также причины изменения знака этой корреляции в интервале (свыше 15–22,5 %). Очевидно, что эти взаимосвязи вовсе не случайны, и это подтверждается как историческими данными (см. выше), так и дополнительным системным анализом современных обществ.

Важно отметить, что процесс быстрого роста городского населения в странах с преобладанием аграрного населения, который иногда называют «городским переходом» (*urban transition*), как правило, происходит на фоне общего быстрого демографического роста. Если рост городского населения превосходит общий рост населения, это может в определенных условиях свидетельствовать о том, что общество модернизируется и находится на пути к выходу из мальтузианской ловушки. Однако, как мы показывали, и модернизация, и выход из мальтузианской ловушки всегда сопровождаются структурными кризисами, которые могут закончиться как переходом к новому системному уровню (при этом общество часто платит за это высокую цену), так и неудачей, провалом, коллапсом политической системы. В обоих случаях высок риск вхождения в более или менее длительное состояние политической нестабильности, что часто связано со значительным внутриобщественным противостоянием, с высокой вероятностью ведущим к кровопролитию (в виде этнических, социальных, религиозных столкновений; гражданских войн, репрессий и т. п.). В свою очередь, такого рода противостояние очень часто связано с конфликтом идеологий, что усиливает состояние конфронтации и может повышать масштаб кровопролития (в этом аспекте стоит обратить внимание на аномально высокий по сравнению с другими обществами верхний предел уровня урбанизации, порождающего политическую нестабильность, у исламских стран).

¹⁷ В тех случаях, где в отношении статистики жертв имеется очень сильный разброс мнений, мы старались, если это было возможным, брать средние величины.

Теперь отметим некоторые (из многих) процессы и петли положительных и отрицательных обратных связей, влияющих на возникновение состояния структурного напряжения в обществе, в котором идет быстрая урбанизация, и фрагментарно покажем, как именно рост городов может способствовать росту социальной (в широком смысле слова) напряженности. Урбанизация оказывает сильное действие на социальные процессы уже сама по себе, поскольку взламывает отношения, характерные для традиционного общества (например, в городах резко повышается социальная роль денег и соответственно падает значение традиционных институтов), а также за счет того, что концентрация в городах масс разнородного населения, богатства и специализаций существенно трансформирует протекание всех социально-политических и экономических процессов.

1. Города – это определенные узлы в пространственной структуре общества и государства: чем их больше и чем они крупнее, тем сильнее меняются пространственная структура и транспортные потоки, тем сложнее жизнь в обществе; соответственно, тем сильнее фактор нестабильности способен дезорганизовать жизнь в обществе и нарушить хозяйственные связи (из-за более быстрого распространения информации, скученности людей, большей зависимости экономики от стабильности транспорта и торговли и т. п.). Например, проблемы со своевременной доставкой продовольствия в крупные города могут вызвать бунты и даже революции; нарушение денежного хозяйства в урбанизированном обществе ведет к очень большим последствиям по сравнению с аграрным и т. п.; неурожаи ведут к дороговизне и бунтам в городах.

2. Появление крупных городов требует новых систем их снабжения и товарообмена между городом и деревней, что сильно меняет весь уклад общества (как в селе, так и тем более в городах). Рост новых секторов экономики так или иначе ведет (хотя и с запозданием) к росту грамотности. Рост грамотности на определенном этапе способствует распространению и усвоению новых идей, что может вызывать перестройку идеологии общества в целом (в разных вариантах – от возникновения фундаментализма до национализма или социальных утопий), поскольку у новых идеологий появляется массовый слой грамотных носителей. В городах (или через города – посредством торговли, посещения идеологически нагруженных акций, храмов и т. п.) распространение таких идеологий идет намного быстрее.

3. Среди отходников (категория, очень характерная для ранней фазы индустриализующегося общества с высоким уровнем аграрного перенаселения, то есть и для целого ряда современных развивающихся стран) очень высока доля молодежи. Такая ее высокая концентрация в городах является весьма огнеопасной социальной смесью. Во-первых, среди молодежи исключительно высок процент неквалифицированной рабочей силы, которой труднее всего устроиться и которая быстрее всего страдает при сокращениях. Во-вторых, это люди, которые часто еще не имеют семьи, либо семья у них еще небольшая. В-третьих, их заработки обычно существенно меньше, чем у зрелых квалифицированных работников, а сами они весьма мобильны. В-четвертых, сельская молодежь и до сих пор часто является в относительно высокой степени неграмотной или малограмотной. Однако они зачастую грамотнее своих родителей, быстрее усваивают городские привычки, следовательно, они «выламываются» из традиционного общества. В-пятых, молодые люди обычно более склонны к радикализму, более восприимчивы к экстремистской пропаганде. Все это делает молодежь (причем не только малоквалифицированную и малограмотную, но и учащуюся) одним из самых социально «взрывоопасных» слоев (см., например: Goldstone 1991). Причем по причинам, подробно описанным в предыдущих главах, в данной фазе модернизации этот слой постоянно растет, а люди молодых возрастов преобладают в возрастной структуре населения.

4. Отметим также, что в города идут потоки мигрантов и скапливаются массы не только в случае роста потребности в рабочих руках, но и в случае бедствий или плохих

урожаев, что может в определенных условиях вызвать социальные и политические волнения. Города – это также места массовых развлечений, в ходе которых весьма часто происходят разного рода провоцирующие инциденты. В городах гораздо быстрее распространяется информация и гораздо легче организовать большие массы и спровоцировать беспорядки. Кроме того, в столицах власть и народ территориально сближены, что делает для власти необходимым быстрее реагировать на требования населения, но также позволяет беспорядкам быстрее оказывать влияние на власть.

Все вышесказанное (и целый ряд других обстоятельств, о которых частично сказано в других главах) создает для недостаточно развитого общества потенциальную угрозу политической нестабильности со всеми вытекающими последствиями (погромы, резня, кровавые беспорядки, концентрация власти в руках неформальных лидеров и т. п.). Эти риски особенно велики в условиях охваченного напряжением и социальным (конфессиональным, этническим) противостоянием общества, слабой или разложившейся государственной власти, неспособной поддерживать нужный порядок. Если же учесть, что именно в городах часто концентрируется армия или офицерство (а также курсанты военных училищ), то при растущем неуважении к государству, власти и правам все это создает дополнительные угрозы кровавых военных переворотов, репрессий и гражданских войн.

Таким образом, вполне объяснимо, почему именно в период «городского перехода», осуществляемого традиционными в основном еще обществами, имеется наибольшая вероятность возникновения ситуации политической нестабильности и максимального кровопролития. Модернизационные процессы, как мы видели, создают сильные диспропорции и напряжения в обществе, а политические и социальные институты либо еще вовсе не развиты и архаичны, либо сильно отстают в своем развитии от демографических и экономических процессов. Возникновение кровопролитных конфликтов в быстро меняющемся обществе в ряде случаев можно рассматривать как один из вариантов проявления системного кризиса, произошедшего в результате попадания общества в модернизационную ловушку.

Отметим также некоторые *дополнительные факторы, способствующие росту политической нестабильности и масштаба кровопролития именно для данного интервала урбанизации*, весьма релевантные в отношении тех государств, которые анализируются в вышеприведенных таблицах. Во-первых, зачастую при насильственном ниспровержении прежнего режима может возникать своего рода *вакуум власти*. Вот почему особенно много кровопролитных инцидентов возникало в обществах, освобождавшихся от колониальной зависимости или возникавших при распаде федеративных государств. Особо кровопролитные по масштабу события разыгрались в Индии и Пакистане при уходе англичан. Во-вторых, нередко при «искусственном» создании многих молодых государств их политические границы оказывались недостаточно связанными с этническими. Тем самым закладывались высокие риски сепаратизма в этих странах, и как следствие – высокий уровень политической нестабильности. Однако мы, как правило, старались не включать такие случаи в настоящий анализ. В-третьих, отметим отсутствие необходимого политического опыта во многих вновь образовавшихся молодых государствах. Наш анализ показал, что почти в половине случаев эпизоды нестабильности, приведенные в Табл. 3.1.3, связаны либо с обретением независимости, либо с неурядицами, возникающими в первые годы существования молодого государства, когда государственная власть еще не умеет предотвращать такие кровопролития, а иногда пытается опереться на них. Лишь со временем власть понимает стратегическую ошибочность политики, дающей преимущества только определенным группам, кланам, этносам. В-четвертых, нередко имеет место сильное влияние извне (в том числе и со стороны более развитых государств), которое способно существенно повысить риск возникновения состояния нестабильности. В качестве примера можно сослаться на историю таких далеко не самых не-

развитых стран, как Корея или Вьетнам, испытавших многочисленные риски и долговременные последствия военного присутствия «великих держав» на своей территории.

Отметим, что наиболее опасный период соответствует в нашей таблице уровню урбанизации от 7,5 до 22,5 % (естественно, для разных стран в зависимости от разных обстоятельств эти пределы могут колебаться). Затем вероятность политической нестабильности резко падает. Таким образом, уровень системного напряжения в обществах, где урбанизация достигает показателей 1/6–1/5 всего населения, оказывается наиболее высоким, что понятно: процесс роста структурной напряженности должен до известного момента возрастать прямо пропорционально эскалации факторов, вызывающих это напряжение. В итоге напряжение в обществе становится сильнее, чем интегрирующие государство силы. При этом, если в стране не произойдут серьезные структурные преобразования, резко не вырастет уровень грамотности, не сложится достаточно крепкий политический организм, не возникнут социально устойчивые и влиятельные слои предпринимателей и квалифицированных работников, не укрепится институт частной собственности и т. п., системные напряжения неизбежно приведут к политической дестабилизации. И она будет тем более сильной, чем дольше откладывались необходимые преобразования или чем активнее власть пыталась преобразовать общество по своим идеологическим меркам.

Когда и в каком виде возникнет политическая нестабильность, зависит от множества факторов. Поэтому порог критической точки возникновения нестабильности в разных государствах колеблется с очень высокой амплитудой. В одних случаях (например, если уровень развития государственности, образования, религиозной культуры, социальной и этнической толерантности и т. п. в обществе невысок, как, скажем, в случаях этнополитических инцидентов между хуту и тутси в Руанде и Бурунди; либо если вмешивается фактор иностранного и международного влияния, как, например, в период борьбы за независимость в Анголе и Мозамбике) состояние нестабильности с большим количеством жертв возникает на более низком уровне урбанизации. В других случаях (там, где уровень развития государственности и социальной культуры выше, например в Индии или Корее) этот порог располагается в интервале «средних 2–4» уровней урбанизации. Но достаточно часто состояние политической нестабильности помимо внутренней объективной обусловленности, связанной с проблемами модернизации и структурных изменений, в той или иной степени инициируется внешними факторами, ослабляющими сопротивляемость государственных структур воздействию факторов дестабилизации (это можно видеть на примере Кореи, Греции, Ливана и т. д.).

Ряд обществ, не успевших провести необходимую модернизацию политических и социальных институтов, обрести необходимую идеологию и социальную психологию, попадает в ловушку хронической нестабильности, когда, например, за периодом борьбы за независимость начинаются еще более кровопролитные события внутренней гражданской войны или даже войн (Ангола, Мозамбик, ДРК, Сомали, Афганистан и ряд других стран)¹⁸.

После достижения обществом среднего уровня урбанизации (20–25 %) вероятность кровавых социально-политических потрясений заметно снижается, хотя она и остается весьма высокой для ряда обществ с недостаточно крепкой государственностью или особой идеологией¹⁹. Но в целом теперь наблюдается обратная корреляция: чем выше уро-

¹⁸ Такого рода страны, не обретшие достаточной зрелости государственных структур и нужного объема суверенных прерогатив, определяются политической наукой как *несостоявшиеся государства, слабые государства, квазигосударства* и т. п. (см., например: Jackson 1990; Hagesteijn 2008; см. также: Ильин 1993).

¹⁹ Высокая вероятность дестабилизации достаточно урбанизированных государств характерна для особых случаев: для обществ монокультуры (где наиболее доходная отрасль в той или иной степени оторвана от общего уровня развития, например в нефтеэкспортирующих Иране, Ираке или Алжире); в обществах, где есть автономные в широком смысле районы, компактные общины (национальные, религиозные и т. п.) с более низ-

вень урбанизации общества, тем ниже вероятность политической нестабильности, особенно нестабильности, связанной с высоким числом человеческих жертв. Такое соотношение также, по нашему мнению, вполне закономерно по следующим причинам:

– Урбанизация выше определенного уровня может развиваться только вместе с развитием промышленности или других современных отраслей производства; ростом грамотности; возникновением определенных институтов (законов, правил политической и экономической «игры», идеологии); устоявшейся системой «сдержек», которые препятствуют кровопролитным инцидентам, особенно при укреплении демократических институтов, где даже смена политического курса или глубокие реформы решаются в рамках определенных правил (поэтому в демократических странах даже «бархатные» революции происходят как исключения – и в любом случае при отсутствии или небольшом числе человеческих жертв).

– Чтобы достичь до такого состояния, общество должно поддерживать очень сложную диверсифицированную экономику и различные социальные, экономические, культурные и политические институты, включая развитые денежно-финансовые регуляторы. Сбой этих сложных и тонких социально-хозяйственных связей может приводить к социально-экономическому коллапсу. Однако такое общество в современном мире должно стремиться к экономическому росту и к тому, чтобы занять определенную экономическую нишу в международной системе разделения труда. Все это требует значительной социально-политической стабильности, а в результате после достижения определенного уровня урбанизации возникает петля положительной обратной связи: поддержание роста экономики требует укрепления социально-политической стабильности; это ведет к росту урбанизации; высокий уровень урбанизации общества требует более ответственного поведения от всех субъектов политики (и, что особенно важно, создает благоприятные условия для формирования такого ответственного поведения).

– При достижении высокого уровня урбанизации общество обычно завершает прохождение и демографического перехода, что существенно уменьшает фактор демографического давления; особенно это ощущается в отношении социально беспокойной молодежи, не находящей себе работы или достойного места. Завершение демографического перехода с выходом на низкие уровни как рождаемости, так и смертности (при высоких значениях ожидаемой продолжительности жизни) ведет к так называемому «старению населения», что вызывает у большинства скорее негативные коннотации, но на самом деле имеет большие позитивные политические последствия, так как этот процесс снижает долю в населении склонной к радикализму молодежи и ведет к росту удельного веса населения старших возрастных групп, склонных обычно к более умеренным политическим ориентациям, что существенно понижает вероятность кровавых внутренних политических потрясений.

– Низкий и средне-низкий уровни урбанизации (7–25 %) свидетельствуют и о том, что новый, модернизированный образ жизни в городах либо еще не сложился, либо постоянно претерпевает сильные изменения за счет очень высокого темпа миграции в города. При быстром росте урбанизации большинство горожан – еще новички (см. рис. 1) с иным менталитетом, они плохо ориентируются в городской жизни и их психология еще не городская. При средних и средне-высоком уровнях урбанизации (начиная от 22,5 %) приток мигрантов в города в процентном отношении к самому городскому населению становится все меньше (см. Рис. 3.1.1). К тому же в городах уже складываются поколения горожан, адаптированных к современному городу и не знающих прежней жизни. В тенденции эти люди более уживчивы, более способны поддерживать мирное сосуществова-

ким уровнем урбанизации, стремящиеся к сецессии (скажем, некоторые регионы Боснии или Ирака). О той особой роли, которую здесь может играть исламский фактор, мы уже упоминали выше.

ние, за исключением достаточно редких случаев вражды городских общин – религиозных или национальных (в этом плане показательны примеры, скажем, Северной Ирландии или Палестины).

– Высокоурбанизированное общество – это, как правило, общество с высокой культурой, где выработаны стереотипы дисциплины, толерантности, законопослушности, где в большинстве случаев существует обратная связь между властью и населением на гораздо более высоком качественном уровне, чем в обществах с преобладанием аграрного населения.

* * *

Таким образом, уровень урбанизации общества может во многих случаях служить надежным критерием вероятности возникновения состояния политической нестабильности в модернизирующихся обществах и в обществах с недостаточно сложившимися государственными структурами, особого рода идеологией. Соответственно такая закономерность способна быть основой для математического моделирования некоторых политических процессов.

Глава 2. Великая депрессия 1929–1933 гг.

Великая депрессия имела очень большое значение в жизни западных обществ. Например, Дж. К. Гэлбрейт пишет: «День Великого краха фондового рынка и спустя пятьдесят лет хранится в социальной памяти. И тому есть причины. С того дня жизнь миллионов людей уже стала иной» (Galbraith 1979: xi). Д. Дж. Хоппе считает: «Крах фондового рынка в октябре 1929 года является одной из тех драматических вех, таких как убийство Юлия Цезаря, высадка на берег Колумба или битва при Ватерлоо, которыми историки отмечают поворотные пункты истории человечества» (Норре 1972; см. о роли Великой депрессии также Гринин, Коротаев 2009а; Гринин 2009жс).

Основные изменения к моменту кризиса. Этот период характеризуется, с одной стороны, очень мощными техническими изменениями, а с другой – изобилием капиталов, позволяющими и обновлять капитал, и расширять биржевые операции, благодаря чему все более увеличивался спекулятивный «пузырь». Изменения в разных странах были многочисленными и важными. Прежде всего были временно урегулированы очень сложные вопросы, связанные с военными долгами и репарациями, что позволило нормализовать международные расчеты и внешнюю торговлю¹.

Первая мировая война повлекла за собой крах системы классического золотого стандарта; быстрому же его восстановлению сразу после войны помешала присущая тому периоду нестабильность, особенно немецкая гиперинфляция начала 20-х гг. В 1922 г. на Генуэзской международной экономической конференции была оформлена соглашением Генуэзская валютная система как денежная система 30 стран, основанная на золотодевизном стандарте². Она сменила Парижскую систему (1867 г.), основанную на золотомонетной системе (Красавина 2004: 256). Однако налаживалась система не сразу, в Германии свирепствовала инфляция, лишь в 1925 г. Англия вместе с США вернулась к золотому стандарту. К 1928 г. количество членов системы было уже гораздо больше довоенного; далее, в течение 1928–1931 гг. в нее вошло более сорока территориальных образований. Затем последовала Великая депрессия, которая подорвала международное финансовое взаимодействие, и система золотого стандарта быстро распалась (Хелд и др. 2004: 232).

За 1920-е гг. окончательно произошел переход экономического центра Мир-Системы в США (а вместе с этим объективно начинал смещаться туда и политический ее центр, несмотря на сугубо изоляционистскую политику США в этот период). К концу периода подъема США выпускали уже 44 % промышленной продукции всего мира (без СССР), что было больше, чем у Англии, Франции, Германии, Италии и Японии, вместе взятых (см.: Фураев 1975: 244). По экспорту США заняли первое место в мире еще во время Первой мировой войны. В 1929 г. Англия впервые за 300 лет уступила другой

¹ Прежде всего это так называемый план Дауэса 1924 г., согласно которому Германии предоставлялись крупные кредиты и решались вопросы об источниках репараций (Панкратова 1945: 271–271; Розанов 1961: 283–284; Маркова, Кривцова, Квасцов и др. 1995: 9–15). Но проблема международных расчетов стояла в центре внимания все 1920-е гг., в результате чего появлялись новые планы (в частности, план Юнга) и международные институты. Так, можно упомянуть созданный, правда, уже в самом начале Великой депрессии в 1930 г. Банк международных расчетов (БМР) (Базель, Швейцария), который и в настоящее время содействует центральным банкам участвующих в нем государств в проведении взаимных расчетов и обеспечивает регулирование валютных и кредитных отношений во всем мире.

² Девиза – иностранная валюта в любой форме.

стране первенство в общем обороте внешней торговли; страной этой, естественно, были США (Лан 1976: 264).

Очень существенные изменения произошли в социальной жизни и социальном законодательстве целого ряда стран, что выразилось в уменьшении длительности рабочего дня, росте социальных гарантий и социального страхования. В США некоторые изменения начались еще до кризиса 1920 г., в частности введение 8-часового рабочего дня и ограничение использования детского труда (Иванян 1975: 83–84). В Европе социалистические или рабочие партии усилили свое влияние, что не замедлило сказаться в принятии ряда важных социальных законов. Таким образом, заработная плата все более переставала регулироваться только спросом и предложением, что, как представляется, было одной из причин столь высокого уровня безработицы в период Великой депрессии, так как уровень зарплаты не понизился адекватно падению производства (как это бывало в период кризисов XIX в.), а основная стихийная регуляция шла за счет увольнений. То же касалось и цен (о чем мы скажем ниже). Увеличение социальных гарантий и прочих государственных расходов было одной из важных причин повышения налоговых изъятий во многих странах. При этом направленность налоговой политики шла в сторону ее большей справедливости, то есть введения или изменения прогрессивной шкалы подоходного налога, увеличения налога на наследство и т. п. То есть налоги все заметнее касались именно богатой и состоятельной части населения. Надо отметить, что существенно расширилась и демократическая база во многих странах, так как право голоса стали получать женщины и молодежь. Развитие системы социального страхования, большая стабильность заработной платы, повышение налогов, расширение демократии плюс опыт активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь во время и после войны – все это было основой для перехода после кризисов 30-х гг. к системе государственного регулирования экономики.

Несмотря на антитрестовские законы, роль крупных корпораций (так называемых монополий) в экономике повышалась. Как признавался президент Т. Рузвельт еще до Первой мировой войны, законодательное запрещение монополий оказалось бессмысленным, поскольку они вызваны к жизни экономическими законами. Поэтому остается только путь всестороннего их регулирования (Иванян 1975). Такое регулирование имело место, однако оно частью оказалось недейственным, частью было даже вредным для экономики, а где-то просто отставало от жизни, поэтому, хотя экономических возможностей для реализации человеческих потенциалов в Америке было по-прежнему много, в известной мере, по выражению другого президента США – В. Вильсона, сильные продолжали давить слабых (Там же: 67).

С конца 1921 г. (и особенно с 1922 г.) рыночные цены все заметнее перестают снижаться и начинается их стабилизация, конъюнктура также в целом улучшается (см.: Кондратьев 2002: 294–301). Началась стабилизация денежного обращения и приведение государственных расходов и доходов в относительное соответствие. Такие мероприятия были проведены в первой половине 1920-х гг. в большинстве стран, включая Германию и СССР, переживших чудовищную бумажную инфляцию в начале 1920-х гг. и все последствия такого инфляционного кризиса (см.: Далин 1983; Аникин 2009). Такая стабилизация стала основой для подъема экономики в целом ряде стран, для роста объемов мировой торговли, для модернизации тяжелой промышленности и развития новых ее отраслей. В целом, темпы экономического роста Мир-Системы достигают в 1920-е гг. рекордных за всю ее предшествующую историю уровней.

И все же ситуация с уровнем цен даже после дефляционного кризиса 1920–1921 гг., как показали дальнейшие события, окончательно не пришла в норму. Полной ликвидации «революции цен», по выражению Е. С. Варги, не произошло (Варга 1963: 38). Фактически цены оставались еще завышенными, что стало одной из причин очень сильного падения их в период Великой депрессии, особенно на сельскохозяйственную продукцию. Таким образом, «элемент негибкости цен и заработной платы» (Хаберлер 2008 [1937]: 418) после 1921 г. явно усилился.

Нельзя не упомянуть большую международную активность в 1920-е гг. по созданию работоспособных международных наднациональных организаций (среди которых самой важной была Лига Наций), а также подписанию договоров о международных гарантиях. Однако в большинстве своем эти попытки оказались неудачными. Усилилась (особенно во время и после Великой депрессии) тенденция перехода части стран к авторитаризму и тоталитаризму, а у части демократий (например, Франции) – к колебаниям между социализмом и консерватизмом.

Условия. После кризиса 1920–1921 гг. и фазы депрессии сначала в США, позже в Германии и ряде других стран начинается бурный подъем. 1920-е гг. нередко в американской литературе называют «бурными двадцатыми» (*Roaring Twenties*)³. Для Америки это очень верно. Однако не во всех странах двадцатые годы были такими. Например, в Англии общий физический объем промышленного производства вплоть до кризиса 1929 г. не превысил ранее достигнутого довоенного максимума. При глубокой неравномерности развития отдельных отраслей промышленности эти страны в целом не знали в цикле 1920–1929 гг. фазы подъема. В Англии была высока безработица, и она по-прежнему делала ставку не на новые отрасли, а на традиционные – текстильную, угольную и судостроительную (см.: Гренвилл 1999: 161).

Хотя третья К-волна (1895–1946) в условной схеме смены технико-технологических парадигм (см. Главу 1 Раздела 1, с. 16–17) и не включает в свое название автомобиля, уже в 1920-е гг. мы видим в США расцвет автомобильной промышленности, служившей одной из основ подъема. Наиболее активно развивались также машиностроительная, электротехническая, химическая, авиационная отрасли. Но особая роль автомобильной промышленности заключалась в том, что автомобиль стал центральной частью подъема, как ранее железные дороги, так как требовал новой инфраструктуры. В частности, к концу 1929 г. в США насчитывалось свыше 1 млн км шоссейных дорог, из них около 125 тыс. – асфальтированных. Асфальтированные дороги протяженностью в 50 тыс. км были построены только за период 1925–1929 гг. Эти десятки тысяч километров асфальтированных дорог, десятки миллионов автомобилей, 50 тыс. гаражей, 100 тыс. авторемонтных мастерских и станций обслуживания вместе с расставленными по всем городам, поселкам и дорогам страны тремя сотнями тысяч бензиновых колонок служили главным обоснованием для разговора о «просперити». Рекламой для «процветания» служило также строительство, особенно жилищное, на которое в 1921–1928 гг. было израсходовано, по разным подсчетам, от 17 до 30 млрд долларов, в результате чего было построено 3 млн новых домов. Строительных контрактов же в эти годы было заключено на гораздо большую сумму. Очень мощным было и остальное строительство (см.: Лан 1976: 225–226). Таким образом, в США в 1920-е гг. быстро росли продажи частных домов и товаров длительного пользования (см.: Иванян 1975: 146), к которым помимо автомобилей следует отнести бытовые электроприборы: холодильники, пылесосы, стиральные машины. Тем самым закладывалась модель экономического роста нового типа, которая позже, в 1950–1960-е гг., стала важнейшей во всех развитых странах.

Большие изменения в отношении механизации происходили в сельском хозяйстве Америки, однако уровень цен в нем не восстановился после кризиса 1921 г. (чему способствовал и выход СССР на мировой хлебный рынок), так что сельское хозяйство в отличие от промышленности испытывало трудности, и роста объемов в нем почти не было⁴.

³ По аналогии с этим термином была названа книга, изданная в конце 1990-х гг., о будущем десятилетия 2000-х, в которой автор, впечатленный беспрецедентным ростом в этот период, пророчил бурный подъем в 2000-х гг. (Dent 1998). Это, кстати, один из многих примеров, который подтверждает, что про цикличность экономики нельзя забывать.

⁴ В советской экономической школе была теория так называемых аграрных кризисов, которая считала, что в период с 1870-х гг. в капиталистическом мире было два аграрных кризиса: 1875–1895-х гг. и 1920–1930-х гг. (Мендельсон 1959, т. 2; Варга 1974а: 400–448). Правда, Варга (1963) считал, что последний кризис был прерван войной, а потом продолжился, достигнув расцвета в 1960-х гг. В этой теории есть значительная доля

Как было сказано выше, с одной стороны, цены после 1921–1922 гг. не упали до оптимального уровня, но, с другой стороны, они и не росли так (или даже вовсе не росли), как должно было быть в фазе подъема, исходя из опыта предыдущих циклов. Таким образом, в теорию циклов приходилось вносить важные коррективы, рост цен в период подъема уже не был обязательным моментом. Как указывает, например, Хаберлер, яркий пример бума, не сопровождавшегося ростом цен, – американский бум 1926–1929 гг. Правда, он добавляет важное (даже принципиально важное) уточнение: стабильными были лишь оптовые цены. Более общий индекс цен (исчисленный Карлом Снайдером) показывает заметное повышение, то есть то, что была «относительная инфляция» (Хаберлер 2008 [1937]: 9–10, 28). Также иногда указывается, что был очень большой рост стоимости фондовых и иных денежных активов.

Отсутствие видимой инфляции, таким образом, существенно искажало уже известные показатели перегрева. О том, каким образом отсутствие инфляции вводило в заблуждение целый ряд экономистов, включая и таких выдающихся, как И. Фишер или Дж. Кейнс (которые из-за отсутствия роста цен не видели опасности переинвестирования и краха), написано в интересной статье М. Скоузена «Кто предсказал крах 1929 г.?» (Скоузен 2005). Стоит отметить, что и в первые годы XXI в., еще в 2005–2006 гг., отсутствие видимой инфляции в США на фоне невиданного роста цен на сырье, металлы и топливо в мире ставило в тупик даже Алана Гринспена, который посвятил этой проблеме в своих мемуарах целую главу с символическим названием «Головоломка» (Гринспен 2009: Гл. 20). Возможно, он и прав, считая, что уже с середины 1980-х гг. глобализация стала заметной дефляционной силой (Там же: 364), хотя в ряде стран она как раз стала мощнейшей инфляционной силой (как, например, в странах бывшего СССР или даже в Китае)⁵. Но, по-видимому, также ясно, что считать инфляцию только по потребительским ценам уже неправомерно, иначе подсчитанные таким образом данные по инфляции могут только ввести в заблуждение относительно того, на какой именно фазе бизнес-цикла находится экономика. Кроме того, все больше экспертов выражают сомнения в том, что методология подсчета инфляции в целом адекватна современности.

Внешний фактор. Несмотря на временную стабилизацию мировой финансовой системы, она не пришла в полное соответствие с изменением ситуации и стала явно менее устойчивой, чем до войны. По мнению некоторых аналитиков, например Дж. Хикса, мировая денежная система полностью не приспособилась к изменениям в уровне денежных доходов, имевшим место в период Первой мировой войны и после нее; золотой запас был недостаточен (см.: Хаберлер 2008 [1937]: 418–419). Действительно, даже крупный золотой запас США не спас ее денежную систему от краха. Тем не менее, в этот период господство доллара в мировых расчетах усиливалось, что подкреплялось огромными долгами Европы перед США, активным проникновением американского капитала в разные страны, включая и европейские. Были даже наивные надежды, что «американцы станут в большой степени хозяевами Германии» (Лан 1976: 271). Интересы американского капитала постепенно распространялись на весь мир, но пока его присутствие, например в Азии, а тем более в Африке, было весьма слабым. Например, в 1929 г. экспорт США только в одну Канаду или Латинскую Америку в 15 раз превышал экспорт во все азиатские страны. В 1930 г. американские инвестиции во все государства Азии составляли около 1 млрд долларов – в 4,5 раза меньше, чем американские инвестиции в Канаде, в 5 раз меньше, чем в Европе, и почти в 6 раз меньше, чем в Латинской Америке. Из этой суммы 445 млн долларов было инвестировано в Японии, 201 млн долларов – в Индонезии и всего 130 млн долларов – в Китае. Тем не менее, Дальний Восток, в частно-

правдоподобия, особенно если учесть, что эти периоды (1875–1895 и 1920–1930-х гг.) совпадают с периодами понижательных фаз второй-третьей длинных кондратьевских волн.

⁵ С другой стороны, в 1850–1870-х гг. в связи с переходом к свободной торговле шли процессы, аналогичные современной глобализации. Но это не помешало длительному росту цен.

сти Китай, занимал большое место во внешней политике Вашингтона в послевоенные годы (см.: Там же: 270). Из этих цифр также видно, что американский континент (в полном соответствии с господствующим тогда изоляционизмом и ростом интереса к доктрине Монро) был более интересен американским капиталам, чем даже Европа. Быстро росли связи с северным соседом – Канадой. Канада заняла второе место в мире после Англии по импорту товаров из США. Особенно интересно было то, что через Канаду американские товары на льготных началах проникали в страны Британской империи. Добавим, что Канада была землей обетованной для американских бутлегеров. Несмотря на рост экспорта капитала из США, важнейшие позиции в этом направлении продолжали удерживать Англия (что позволяло ее экономике совершенствоваться, несмотря на крайне вялый рост, а фунту стерлингов – оставаться ведущей валютой мира), а также Франция. В то же время во второй половине 20-х гг. экспорт капитала из США замедлился в связи с начавшимся экономическим подъемом (Доронин 2003: 104).

Неполная урегулированность платежных проблем и слабость международной финансовой системы способствовали скатыванию к протекционизму. Эта тенденция обозначилась уже перед Первой мировой войной, когда снова появилась дискриминационная защита, а некоторые страны отказались от практики предоставления статуса «наибольшего благоприятствования» (Хелд и др. 2004: 184). После Первой мировой войны это еще более усилилось, в том числе с образованием СССР, распадом Австро-Венгрии и появлением ряда так называемых лимитрофов (стран Балтии, Польши и др.)⁶. Многие торговые связи, прерванные Первой мировой войной, оказались невозможными. С 1913 г. и до краха в 1929 г. объем мировой торговли вырос на 2,2 % в год, в то время как тарифы оставались на предвоенном уровне (Там же: 186–187). В США при президенте Кулидже в 1924 г. даже подняли и без того значительные ввозные пошлины. После краха 1929 г. протекционизм распространился еще более широко, страны подняли торговые барьеры и отказались от практики предоставления статуса наибольшего благоприятствования в пользу дискриминационных мер.

Между тем экспорт товаров оставался важнейшим стимулирующим фактором для роста американской и многих других экономик. Поэтому в США его поддержанию придавали огромное значение. И Конгресс, и правительство, и министры, и послы, и консулы, и моряки – все старались увеличить торговлю США с другими странами. Например, в 1927 г. Конгресс США решил командировать сотни агентов за границу в поисках новых возможностей для экспорта (Лан 1976: 265).

Усовершенствованные финансовые инструменты. Рост и расширение производства происходили в значительной мере за счет усовершенствования техники производства, а подъем протекал в условиях изобилия ссудных капиталов и характеризовался большим ростом кредитной надстройки. 1920-е гг. вполне явно обнаружили рост тенденции к увеличению значимости финансовых услуг в общем объеме ВВП (см., например: Clark 1957; Hartwell 1976: 381)⁷. Финансовые услуги и ранее занимали видное место в экономике таких стран, как Англия и Франция, но теперь эта тенденция становилась мировой (тогда как ранее ведущей по значимости была тяжелая промышленность, в том числе машиностроение). И особенно заметной она становится в США. Британско-австралийский экономист К. Кларк в работе *Условия экономического прогресса* (первое издание 1940 г.) исследовал современное общество с точки зрения изменения в нем доли секторов экономики. В процессе продуктивного анализа взаимосвязей между сдвигами в отраслевой структуре экономики и изменениями в темпах экономического роста он пришел к выводу, что эта тенденция к увеличению значимости сектора финансовых услуг будет расти (Clark 1957; см. также: Акаев, Садовничий 2010).

⁶ В результате в Центральной Европе начался процесс отгораживания таможенными пошлинами (см., например: Травин, Маргания 2004, т. 2: 39–41).

⁷ И в целом надо отметить рост сферы услуг, в том числе кинопромышленности.

Рост значимости финансового сектора выражался, конечно, в росте эмиссии ценных бумаг, которая во всех странах достигала больших размеров, но особенно велика была в США; а также в росте активности банков, которые стали все более агрессивно играть на биржах. Сильно выросло и число держателей акций, а на бирже к 1929 г. принимало участие в игре не менее 1 млн человек (Иванян 1975: 146). Но рост значимости финансовых услуг не мог не идти рука об руку с распространением финансовых технологий. Прежде всего усовершенствовалась сама биржа, как за счет дополнительной регуляции, так и за счет более тонких инструментов анализа. Уже в 20-е гг. (в неразвитом состоянии и заметно ранее) на биржах стали применять различные индексы, к примеру индекс Доу-Джонса (см., например: Самуэльсон, Нордхаус 2009: 222). Выросла роль центральных банков, особенно молодой ФРС в США⁸. Далее можно отметить: рост услуг по управлению активами, в том числе свободными финансами, увеличение всякого рода трастовых (и им подобных) компаний; рост потребительского кредита, который способствовал увеличению покупок недвижимости, автомобилей и товаров длительного пользования; рост кредитования фермеров, распространения лизинга и др.

В это время расцветают холдинги. Как констатировала комиссия президента Гувера, держательская компания является фактически «продуктом 20-х гг. XX в.». Другие авторитетные заявления в американской литературе подтверждают, что экономическая история 20-х гг. – это в известной мере история деятельности держательских компаний (Лан 1976: 203). В 20-х гг. держательская компания стала наиболее характерным орудием превращения отдельных предприятий и корпораций в крупные монополии. В 20-х гг. параллельно усилению деятельности держательских компаний у акционеров, не имеющих отношения к руководству корпораций, отнимались даже формальные права (Лан 1976: 208). Такой поворот был одним из проявлений того, что в 1930-е гг. назовут «менеджерской революцией» (см., например: Burnham 1941), в результате которой собственник окончательно отделяется от управления. Позже эта структура крупных управляющих крупных корпораций, которая фактически самостоятельно (то есть без собственника) формирует корпоративные цели и бизнес-стратегию, будет названа Дж. К. Гэлбрейтом технотекстурой (Гэлбрейт 1969, 1979).

Кризис и его этапы. Когда говорят о финансовых «пузырях», то в американской литературе в качестве самого яркого примера приводится биржевой «пузырь» перед 1929 г. (см., например: Самуэльсон, Нордхаус 2009: 212; DiVacco *et al.* 1992: 341). С одной стороны, конечно, нельзя забывать, что рост биржевых котировок во многом был обусловлен открывшимися новыми перспективами в связи с внедрением в массовое потребление таких достижений, как радио, автомобили, самолеты и т. д. (Доронин 2003: 104); но, с другой стороны, достаточно очевидно, что источник роста в значительной мере был спекулятивным. За семь лет, с 1922 г. по осень 1929 г., индекс Доу-Джонса поднялся со 103 пунктов до 381 на пике, то есть вырос почти в 4 раза. Перегрев экономики был очень высоким, переоцененность активов дошла до максимума⁹, перенапряженность финансового рынка чувствовалась явственно¹⁰, кредитная экспансия была очень активной, чему в целом способствовала политика ФРС, направленная на поддер-

⁸ Косвенным свидетельством этого служат разнообразные упреки ряда экономистов в адрес деятельности ФРС в период бума и кризиса. Одни (например, представители австрийской школы) считают, что ФРС проводила слишком мягкую кредитную политику, что спровоцировало кредитную экспансию и перегрев, другие, например монетарист М. Фридман, считают, что ошибка заключалась в том, что ФРС не накала в банковскую систему достаточно резервов для предотвращения резкого сокращения денежной массы.

⁹ Но определить максимум в конкретной ситуации всегда очень сложно. Поэтому еще накануне октябрьского обвала на бирже 1929 г. от самых видных экономистов, таких как И. Фишер, поступали заявления, что «цены акций еще не достигли своей реальной ценности» (см.: Скоузен 2005: 175).

¹⁰ Например, ставка процента по так называемым онкольным ссудам (то есть ссудам банков, которые могут быть востребованы в любое время, в связи с чем по степени ликвидности они являются первоклассными), достигла в 1929 г. колоссальной величины в 15–20 %, тогда как учетная ставка была всего 6 %. Фактически это означает, с одной стороны, что игроки в надежде на повышение просто зарвались, а с другой – банки начинали опасаться за возвратность ссуд и испытывать трудности с расширением кредита.

жание относительно низкой учетной ставки. Только с весны 1929 г. Совет ФРС стал проявлять беспокойство относительно неустойчивости Уолл-стрит, были приняты некоторые меры и поднята учетная ставка (Скоузен 2005: 181–182), но реально эти меры уже не оказали нужного действия либо, напротив (как и считал М. Фридман), оказали вредное влияние к октябрю 1929 г.

Крах между тем приближался, симптомы неблагополучия в промышленности чувствовались уже за несколько месяцев до биржевого краха. Еще в марте 1929 года был период, когда цены акций падали в течение нескольких недель. Но затем ситуация стабилизировалась, 3 сентября 1929 г. индекс достиг пиковой высоты в 381 пункт. Биржу начало лихорадить и возникла опасность падения котировок. Группа нью-йоркских банкиров пыталась поддержать курс скупкой акций. Казалось, это удалось, поскольку индексы хотя более и не росли, однако в течение нескольких недель не было и резкого падения. Конечно, раздавались вполне разумные предупреждения о возможном обвальном падении курсов, но они не могли решительно повлиять на игроков. В то же время некоторые экономисты оспаривали «пессимистов» и говорили, что рынок вышел на высокое плато, на котором надолго останется, а другие продолжали считать, что цены акций еще будут расти. Ошибки эти теперь очевидны, однако заметим, что одно дело – предвидеть крах вообще, другое – точно предсказать его дату (что, к тому же, удается обычно одному человеку только один раз). Например, Л. фон Мизес правильно предсказывал неизбежность краха, но говорил он об этом начиная еще с 1924 г. (Скоузен 2005: 187).

В октябре пошла череда «черных дней» недели. Сначала «черный четверг» 24 октября 1929 года. В этот день крупные нью-йоркские банкиры начали выдавать брокерам кредиты до востребования с жестким условием погашения в 24 часа. В результате брокеры стали в большом количестве продавать свои акции на рынке, чтобы вернуть кредиты. Биржу залихорадило. 28 октября получило название «черного понедельника», падение индексов приняло огромные масштабы. Но самое страшное падение курсов произошло на следующий день, в печально знаменитый «черный вторник» 29 октября. Обвал 28–29 октября произошел почти сразу же после успокаивающих заявлений президента Гувера и ряда экономистов и вызвал невиданную панику. После некоторой стабилизации обвалы продолжились в декабре 1929 г. В целом с естественными колебаниями падение продолжалось в течение многих месяцев, достигнув дна только в 1932 г. на уровне 40 пунктов, что означало спад на 87 % от высшего уровня в сентябре 1929 г. Это было самое глубокое падение биржевых индексов за всю историю бирж. И хотя во многих кризисах в США падения были очень жестокие, но все же даже в самые тяжкие времена они оставались в районе 40 %¹¹. Это видно из следующей таблицы (Варга 1963: 50).

Табл. 3.2.1. США. Глубина падения индекса курсов акций в кризисе 1929 г. и предшествующих кризисах (по месячным данным)

Месяцы и годы	Процент падения
Февраль 1873 – июнь 1877	–40,0
Июнь 1881 – июнь 1884	–41,7
Январь 1893 – август 1893	–44,4
Июнь 1901 – ноябрь 1903	–42,9
Январь 1907 – ноябрь 1907	–40,4
Октябрь 1919 – август 1921	–41,2
Сентябрь 1929 – июль 1932	–87,4

¹¹ Если не считать обвала индекса Насдак в 2000–2001 гг. Так, в ходе текущего финансового кризиса индекс Насдак в 2008 г. обвалился как раз на 40,54 %. Впрочем, в некоторых других странах в 1997 г., а также в 2008 г. наблюдались и значительно более глубокие обвалы биржевых индексов – так, украинский индекс PFTS за 2008 год обвалился более чем на 74 %, российский РТС – на 72 %, греческий ASE – на 66 %, австрийский ATX – на 61 % и т. д. (Халтурина, Коротаев 2010: 98–101).

Биржевой крах взорвал благополучие, казавшееся таким прочным. Начинаются банкротства, разорения, приостановка работы предприятий, падение производства, быстро растет безработица (уже к 1930 г. было 4 млн безработных [DiVacco *et al.* 1992: 346]). Хуже всего, что начали падать цены. В целом в течение кризиса в ведущих странах они упали на 30 и более % (Blum, Cameron, Barnes 1970: 885). Но ситуация разворачивалась нелинейно. Прежде всего стоит отметить, что краха банков еще не произошло, в стране было достаточно капиталов при том, что почти не было государственного долга и имелся большой золотой запас. В этих условиях казалось, что на события можно повлиять. Президент Гувер, несмотря на всю свою антипатию к государственному вмешательству в дела бизнеса, и параллельно ему группа виднейших бизнесменов и банкиров пытались остановить углубление кризиса. Указанная группа бизнесменов попыталась повлиять на биржу путем согласованных действий, хотя суть действий не разглашалась (Лан 1976: 300–301; Миллс 1959: 141)¹². В начале декабря 1929 г. Гувер собирает экстренную конференцию 400 виднейших представителей бизнеса, выступает перед ними с обширной программой капитального строительства на следующий 1930 г. и обещает, что правительство вложит в строительство несколько сот миллионов долларов, договаривается, что промышленные и железнодорожные компании обязуются вложить в 1930 г. в свои предприятия более 3 млрд долларов. Президент обещает сократить подоходный налог и просит бизнесменов продолжать инвестиции и вести свои дела нормально. Резервные банки обещают снизить учетную ставку, покупать на рынке ценные бумаги и тем самым удешевить кредит. Предприниматели обещают не увольнять рабочих и не снижать зарплаты (см.: Лан 1976: 299–300).

Таким образом, достаточно быстрые и, как представляется, беспрецедентные в истории предыдущих кризисов меры были объявлены и частью приняты. В начале 1930 г. наступило некоторое улучшение как в производстве, так и на бирже (вполне вероятно, в результате именно принятых правительством и бизнесом мер). Казалось, худшее позади. 1 мая 1930 г. Гувер даже уверял, что кризис уже миновал. Но ему явно не везло с заявлениями. В том же мае 1930 г. происходит новый крах на бирже. Это очень сильно повлияло на Гувера. Вместо того, чтобы продолжать бороться с кризисом и искать меры против него, он, по сути, отказывается от государственного вмешательства на целый – такой важный в тяжелую пору – год, с середины 1930 по середину 1931 г.

Между тем очень тяжелая ситуация складывается в сельском хозяйстве. С одной стороны, летом 1930 г. в 30 штатах Америки небывалая жара губит урожай, а еще в 15 штатах выпала только половина обычной нормы осадков. Но, с другой стороны, даже эти стихийные бедствия не спасают фермеров от падения цен. Активно действует и созданная Гувером Федеральная фермерская палата, которая до октября 1930 г. израсходовала почти 400 млн долларов на скупку излишков зерна и хлопка, но, однако же, цены на пшеницу и хлопок упали за год в два с небольшим раза (Там же: 301).

Напуганные кризисом конгрессмены в июне 1930 г. принимают очень жесткий таможенный закон, который резко сократил импорт из Европы, но он же спровоцировал соответствующие шаги других правительств, так что экспорт США существенно сократился, как и вся мировая торговля, а также и вся система мировых расчетов (о чем ниже)¹³.

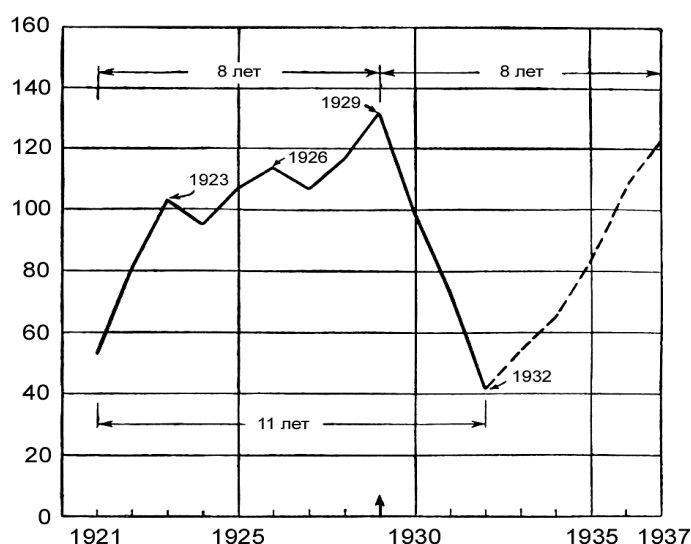
Производство падает катастрофически, в момент его максимального падения в 1932 г. индекс промышленного производства едва составил половину от докризисного (54 %). Для наглядности мы повторяем здесь рисунок, воспроизведенный выше в Главе 2

¹² По словам Р. Миллса (1959: 141), эта группа из 7 банкиров мобилизовала 250 млн долларов, пытаясь предотвратить экономический крах.

¹³ Но, к слову сказать, экспорт США в СССР активно рос, и уже в 1930 г. США вышли на первое место по экспорту товаров (главным образом машин и промышленного оборудования) в Советский Союз (см.: Фураев 1975: 247).

Раздела 1. Летом 1932 г. выпуск автомобилей, выплавка чугуна и стали составляли только 14–15 % от докризисного уровня 1929 г. (Zinn 1995: 378; Язков 2001: 180). Национальный доход снизился вдвое. Число банкротств, закрытий и разорений превысило все возможные представления: разорилось более 110 тыс. компаний и 4,6–5 тыс. банков (но основной крах банков произошел позже, см. ниже), 900 тыс. ферм (Козенко, Севостьянов 1994: 215; Уэрта де Сото 2008: 370). Безработица принимает чудовищные размеры, число безработных увеличилось, по разным данным, от 12 до 15 или даже более млн человек (точное число неизвестно), составив по крайней мере четверть активного населения (см.: Zinn 1995: 378; Козенко, Севостьянов 1994: 215; Уэрта де Сото 2008: 370; Иванян 1975: 154)¹⁴. Страдания людей были очень велики (они хорошо описаны в научной и художественной литературе), например, около одного миллиона американцев жили во временных лачугах, так называемых гувервиллях (DiBacco *et al.* 1992: 348). В то же время, как уже отмечалось выше, поддержка ставок заработной платы усиливала безработицу и препятствовала перетоку рабочей силы из одной отрасли в другую (см., например: Уэрта де Сото 2008: 371). Глубина спада в экономике США хорошо видна на рис. 3.2.1 (который мы уже приводили в Главе 2 Раздела 1).

Рис. 3.2.1. Среднесрочный цикл 1921–1933 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1935–1939 гг. = 100)

Источник: Federal Reserve Board, Index of Production of Durable Manufactures (приводится по книге Э. Хансена [1959: 87, рис. 16]).

Во второй половине 1931 г. и в 1932 г. американское правительство вновь пытается что-то сделать в борьбе с кризисом. Возвращаясь к этому вопросу, следует отметить, что существует некоторое заблуждение в отношении того, что президент Гувер вообще ничего не делал для спасения экономики, полностью полагаясь на силы рынка, и только президент Ф. Д. Рузвельт начал совершать активные действия, используя всю мощь государства, что и дало быстрый эффект. Заслуги Рузвельта исключительно велики, но, во-первых, как мы видели выше, некоторые важные шаги были предприняты уже при Гув-

¹⁴ Относительный объем безработицы, пожалуй, только в Германии был выше, чем в США (или равен ему). В Германии в 1932 г. он составлял 30 % экономически активного населения. В Германии это объяснялось страшной боязнью инфляции после чудовищных событий начала 20-х гг., поэтому правительство считало безработицу менее опасным явлением, чем инфляция (см.: Гренвилл 1999: 161–162).

ре (хотя в целом он действительно считал, что вмешательство государства следует избегать, где можно). К вышеуказанным его действиям надо добавить закон от 22 января 1932 г., которым была создана Реконструктивная финансовая корпорация, имевшая своим назначением, как гласил закон, «оказывать содействие в финансировании сельского хозяйства, торговли и промышленности... предоставлять всякого рода ссуды банкам, трест-компаниям, страховым обществам...». Корпорация за год выдала ссуд на большую по тем временам сумму в 2 млрд долларов, что отсрочило банковский кризис. Были сделаны и другие шаги, которые частью помогли экономике, а частью указали Рузвельту более правильный путь. В целом государство в этот период много тратило (хотя и не столько, сколько нужно было) на антикризисные меры, наращивая в том числе и дефицит бюджета.

Однако, естественно, были и важные ошибки, связанные с недостатком опыта, а также с идеологической позицией: выше указывалось на принятие высокого запретительного таможенного тарифа, усугубившего положение с экспортом; очень слабая помощь оказывалась безработным, недостаточно делалось для увеличения числа рабочих мест. Стоит также отметить, что слишком много выпускалось государственных ценных бумаг, а это плохо повлияло на рынок капиталов (о чем еще будет речь ниже); параллельно расширению расходов правительство боялось инфляции и пыталось сбалансировать бюджет, повышая для этого налоги (см., например: Уэрта де Сото 2008: 371; Ротбард 2005: 169). Надо также учесть, что Рузвельт начал свое правление уже на излете кризиса, когда многие негативные тенденции уже начали себя исчерпывать (частью сами собой, а частью – благодаря различным усилиям в обществе и государстве). Отметим также, что многие мероприятия Рузвельта эффекта фактически не дали, через три года после начавшегося подъема страна опять попала в кризис 1937 г. Фактически из депрессии удалось выйти только в связи с начавшейся Второй мировой войной. Именно «Гувер, а не Франклин Рузвельт, стал основателем политики “Нового курса”. ...Рузвельт лишь придал этому размах, но первопроходцем был Гувер» (Ротбард 2005: 169). Конечно, в этом высказывании есть преувеличение, но есть и большая доля правды.

Кризис в других странах. Банковский и валютный кризисы в Европе и США. Мы не имеем возможности рассказывать обо всех драматических событиях этого сложного периода. Остановимся только на некоторых эпизодах. В силу тесных экономических связей между японскими и американскими рынками кризис больно ударил по Японии, в том числе по ее сельскому хозяйству и особенно по шелководству, которым занималось около половины крестьянских хозяйств. Вывоз японского шелка до 1930 г. составлял примерно 30 % японского экспорта, в период кризиса этот вывоз резко сократился, а цены на шелк упали катастрофически, что сильно отразилось на населении. Кризис затронул и ряд отраслей промышленности (см.: Родригес 2006: 183–183).

В Германии к 1931 г. экономическое положение стало очень трудным. В июне 1931 г. ее президент Гиндерберг обратился к президенту США Гуверу с просьбой об отсрочке платежей по плану Юнга, принятому в 1930 г. Гувер согласился на годичный мораторий на платежи. Однако это уже не могло спасти ситуацию. Летом 1931 г. начался страшнейший финансовый и банковский кризис в Германии. Ему предшествовал крах крупнейших банков в Австрии, из которой началась утечка капиталов. Вслед за этим начались банкротства корпораций и банков в Германии, первым из которых стал «Данат-банк» (см.: Аникин 2009: 212 и далее). 13 июля 1931 г. началось грандиозное нашествие вкладчиков на банки (ведь немцы к этому времени еще не забыли гиперинфляцию начала 1920-х гг.), в результате уже на следующий день все кредитные учреждения были закрыты. Германия с 1924 г. была местом огромного притока капиталов. Однако к этому времени «отлив» и даже «бегство» капиталов из нее усилились. Это отразилось на поло-

жении Рейхсбанка, золотовалютные резервы которого быстро истощались. Кредиты за рубежом, несмотря на отчаянные усилия, получить не удалось. Благодаря решительным мерам положение удалось несколько стабилизировать; тем не менее, в течение трех недель немецкая финансовая система находилась в состоянии если не полного, то частичного паралича (Трахтенберг 1963: 597). Несмотря на проведенные правительством мероприятия, положение оставалось очень тяжелым, золотые резервы сократились, учетные ставки резко выросли, начался обвал акций. Биржа была закрыта с перерывом до конца апреля 1932 г. Резко усугубился промышленный кризис, в 1932 г. невиданно выросла безработица. Огромное недовольство населения все определеннее направлялось против капиталистов (см., например: James 1986) и особенно «обкрадывающих народ евреев-банкиров». Ситуация оказалась как нельзя более подходящей для победы нацистов.

В конце 1931 г. Германия заявила, что не сможет выплачивать репарационные долги по истечении срока моратория¹⁵. Это осложнило международные финансовые отношения. В результате в течение сравнительно небольшого времени фактически произошел всеобщий отказ от долгов, по сути, случился суверенный дефолт многих стран. Банкротство Германии нанесло сокрушительный удар международному денежному рынку, что особенно чувствительно сказалось на Англии, финансовые средства которой оказались в Германии «замороженными». Платежный баланс этой страны в течение кризиса все ухудшался, пока наконец не стал отрицательным. В 1931 г. Англия начала испытывать большие бюджетные затруднения, связанные с сокращением доходов в результате кризиса и увеличением расходов, связанных с ним же. Некоторые европейские страны (Голландия, Швейцария) в результате ухудшившегося финансового положения изымали свои капиталы из Англии. А Франция, недовольная позицией Англии в отношении стремления Германии и Австрии к таможенному союзу и желающая оказать политическое давление на Англию, стала ликвидировать свои лондонские авуары. Словом, из Англии начался огромный «отлив» золота. В конце концов, осенью 1931 г. в Англии с огромным размахом разразился денежный кризис, который привел к крушению английской валюты, обесцениванию фунта и отказу Англии от золотого стандарта.

Крушение золотого стандарта было новым явлением в истории экономических кризисов, тем более что это коснулось Англии. Обвал фунта вызвал цунами девальваций; к концу 1931 г. более двух десятков валют в Европе, в английских доминионах, Латинской Америке оказались сильно обесцененными. Обвалы и обесценивание валют продолжались и в следующем году, к концу которого насчитывалось уже не менее 30 стран, вынужденных отойти от золотого стандарта, обесценивание валют которых составило от 14,3 % (Канада) до 58,4 % (Япония) их паритета (см. подробнее: Трахтенберг 1963: 610–615). Отказ в следующем 1933 г. от золотого стандарта США и девальвация доллара ознаменовали окончательный крах системы мировых металлических денег, которая существовала в течение столетий, а в развитом и упорядоченном виде – около 60 лет¹⁶.

Кризис продолжался. Мировое производство в 1932 г. в сравнении с 1931 г. сократилось на 15,6 % (Трахтенберг 1963: 611). В мировом масштабе летом 1932 г. была пройдена низшая точка кризиса в смысле падения производства. Но до конца кризиса было еще далеко.

¹⁵ Попытки договориться об общем моратории на репарации и военные долги Франции и Англии (Лозаннская конференция 1932 г.) в конечном счете не удалось, но Германия, с одной стороны, и европейские страны – с другой, де-факто прекратили платить репарации и военные долги США.

¹⁶ В 1936 г. обесцениванием валют Франции, Голландии и Швейцарии этот процесс был окончательно завершен. Также к концу 1933 г. 25 государств полностью или частично прекратили уплату по государственным и муниципальным долгам (Трахтенберг 1963: 661).

Банковский кризис в США разразился в марте 1933 г.; там, как и в Германии, пришлось закрыть все кредитные учреждения. Вслед за тем начался и валютный кризис. То, что банковский кризис случился в США не в начале Великой депрессии, а в ее конце, то есть через три с половиной года после октябрьского биржевого обвала 1929 г., по нашему мнению, свидетельствовало о том, что Америке удалось создать более совершенную банковскую систему, чем та, которая существовала в начале века. Но то, что кризис в конце концов разразился, несмотря на, казалось бы, значительные финансовые ресурсы, согласно некоторым взглядам, объясняется следующим. Сокращение кредита в США в годы кризиса шло гораздо медленнее, чем сокращение реального производства и торговли, следовательно, кредитная надстройка уже явно не соответствовала сжатию экономики (см.: Трахтенберг 1963: 618–623). При этом произошла замена активов банков, доля в них коммерческих ссуд резко сократилась, а объемы ссуд под недвижимость (наименее ликвидный баланс) и государственных бумаг резко увеличились с 12,5 % в 1929 г. до 35,65 % в 1932 г. (Там же: 623). В дополнение к этому эмиссия государственных бумаг в 1932 г. была увеличена еще на 3 млрд долларов. Тут кстати заметить, что уже тогда (до Рузвельта) в обществе стали побеждать сторонники инфляционной накачки денег в экономику как средства борьбы с кризисом. Но такие меры, естественно, не во всякое время оказываются удачными. Огромный актив государственных бумаг был достаточно надежной инвестицией, но недостаточно ликвидной. Кроме того, инфляция подрывала доверие к возможности размена на золото. Поэтому когда начался отток золота из США в Англию и возникли опасения, что размен будет прекращен, на банки усилилось давление, что и привело к невиданной даже в Америке катастрофе, когда все банки и кредитные учреждения пришлось на несколько дней закрыть, а доллар девальвировать (Варга 1963: 54, 145). Отметим, что банковский кризис разразился уже в самом начале президентства Ф. Рузвельта (в первых числах марта 1933 г.), который и принял очень быстрые и решительные меры, позволившие стабилизировать ситуацию (см. об этом ниже). После открытия кредитных учреждений и санации банков все золото от банков и населения передавалось государству, размен долларов на золото прекращался, доллар был девальвирован до уровня 59,06 % от старого паритета (см.: Лан 1976: 357 и далее; Трахтенберг 1963: 640; Аникин 2009: 202).

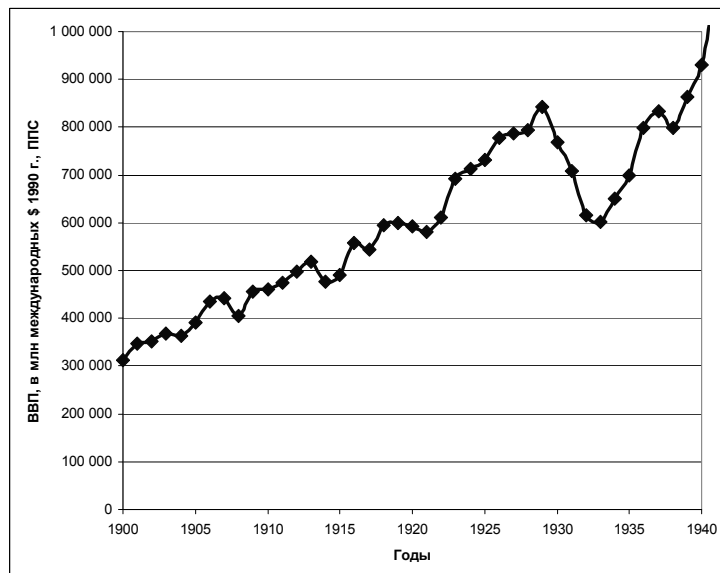
Сфера действия и мир-системный эффект. Говорить о мир-системном эффекте кризиса 1929–1933 гг. можно очень много. Но совершенно ясно, что это был глобальный кризис, он резко изменил тенденции развития в мире, как экономические, так и политические, изменил всю систему международных расчетов и золотовалютную систему, сжал мировую торговлю. В результате кризиса и роста протекционизма, по данным Лиги Наций, объем мировой торговли с 1929 по 1933 гг. сократился в три раза (Неру 1977: 318–319). В частности, в США объем внешней торговли сократился на 70 %, в Великобритании – на 60 %; Франции – на 54 %; в Германии – на 61 % (Blum *et al.* 1970: 885). Мир в целом в ходе кризиса 1929 г. был отброшен примерно к 1908–1909 гг., промышленность Франции – к 1911 г., США – к 1905–1906 гг., Германии – к 1896 г., Англии – к 1897 г. (см.: Варга 1963: 40).

Глубина экономического спада в годы Великой депрессии в ведущих странах мир-системного центра хорошо видна на Рис. 3.2.2.–3.2.3.

Стоит сказать несколько слов и о ситуации в Латинской Америке, экономика которой в решающей степени зависела от конъюнктуры мирового рынка. Общая стоимость экспорта за 4 кризисных года уменьшилась почти в 3 раза, в результате производство ряда экспортных продуктов катастрофически сократилось. Производство селитры и меди, бывших основой чилийского экспорта, уменьшилось соответственно в 12 и 3 раза;

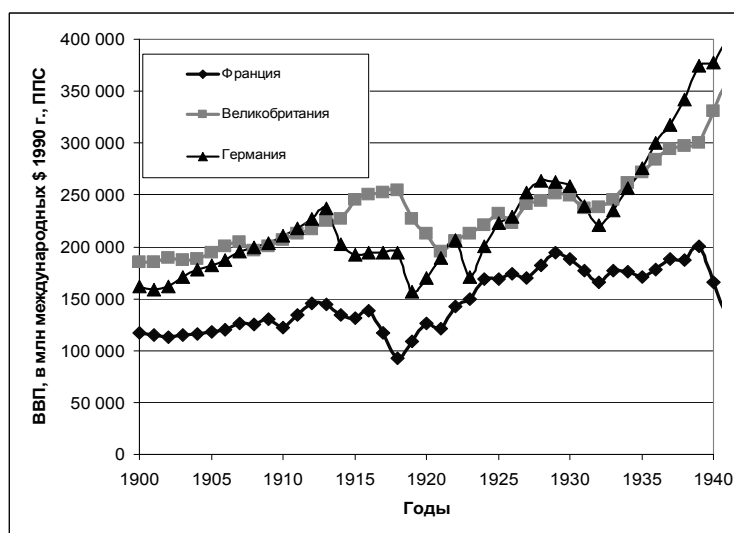
на Кубе выработка сахара уменьшилась в 2,5 раза (см.: Строганов 1995: 47). Экономический кризис подорвал материальную и социальную основы ряда американских политических режимов и привел к бурным политическим встряскам и революциям.

Рис. 3.2.2. Экономическая макродинамика США, 1900–1940 гг.: динамика ВВП в млн международных долларов 1990 г., ППС

Источники: Maddison 1995, 2001, 2003, 2009, 2010.

Рис. 3.2.3. Экономическая макродинамика Франции, Великобритании и Германии, 1900–1940 гг.: динамика ВВП в млн международных долларов 1990 г., ППС

Источники: Maddison 1995, 2001, 2003, 2010.

2. Выход из кризиса

Основные изменения в результате предшествующего кризиса. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. привел к возникновению некоего промежуточного состояния как мировой, так и национальных экономик; в этот период старая система уже не действовала, как требовалось, а новая только обозначилась, но еще не сложилась. Кризис привел к дезинтеграции мирового финансового и фондового рынков. В результате многочисленных девальваций, фактического отказа от мирового золотого стандарта и усиления протекционизма произошли следующие изменения: резкое сокращение объемов перемещений капиталов между странами и возрастание факторов риска (курсового риска и риска платежеспособности); распад мировой валютной системы на обособленные валютные блоки и зоны, в частности стерлинговый блок, центром которого стала Англия, ее колонии и доминионы, зона французского франка, включающая Францию и ее колонии, и др.; усиление роли государственного регулирования валютно-финансовых операций (см.: Доронин 2003: 104–105). Тарифы и другие барьеры наращивались, торговля резко упала после 1929 г.. Особенно сильно пострадали экспортеры товаров первой необходимости (Хелд и др. 2004: 186–187). Все это способствовало созданию авторитарных экономик в ряде стран (Германия, СССР, Япония), усилению военной составляющей промышленности.

В то же время в США формируется уже некий прообраз будущей системы государственно регулируемой экономики, которая, так или иначе, работала в течение целого ряда послевоенных десятилетий. Хотя сам по себе «Новый курс» Рузвельта и не дал слишком блестящих результатов, однако сумел вытащить страну из кризиса и способствовал экономическому подъему (правда, на короткое время). В отличие от несистематических и противоречивых мер Гувера¹⁷ действия Рузвельта, хотя он искал выход из тупика, в котором оказалась страна, ощутя, были намного более решительными, систематическими, последовательными, прагматичными, рвущими с идеологическими догмами и гораздо более смелыми. Кроме того, Рузвельт в первую очередь думал о том, чтобы смягчить наиболее тяжелые последствия кризиса для простых американцев. Поэтому он прежде всего боролся с безработицей, принимая для этого самые неординарные меры, и это принесло свои плоды. Главное же – Рузвельт использовал всю мощь государства, не останавливаясь перед самыми решительными шагами, чтобы смягчить ситуацию.

Первой мерой были помощь банкам и их санация, в результате которой закрылось 2 тыс. банков (Козенко, Севостьянов 1994: 224), но банковская система заработала. Произошли девальвация доллара и отказ от размена на золото¹⁸. Вкладчики получили гарантии на свои вклады. Девальвация улучшила ситуацию с экспортом, что дало некоторый толчок для выхода из кризиса промышленности и сельского хозяйства. Инфляция также стимулировала такой выход. Накачивание денег в экономику началось еще при Гувере, к концу правления которого денег в обращении было на 60 % больше, чем в 1929 г. (см.: Лан 1976: 362–363). Но пока продолжался размен на золото, доллар был слишком дорогим, и поэтому монетарные меры не работали.

Важнейшие действия были предприняты для борьбы с безработицей. 2 млн неработающих молодых холостых людей от 17 до 25 лет были фактически призваны в лагерь на гражданские работы в так называемый Гражданский корпус консервации (Там же:

¹⁷ При котором, по саркастическому выражению экономиста Э. Джейнуэя, все, что ни делалось, было слишком поздно или слишком незначительно (цит. по: Перло 1975: 103).

¹⁸ Официальная цена золота, соответствующая новому золотому содержанию доллара, была закреплена на уровне 35 долларов за одну тройскую унцию (31,1 г), что на четыре десятилетия стало важнейшей константой мировой валютной системы и было положено в основу паритетов, фиксируемых Международным валютным фондом (Аникин 2009: 203; Букато, Лапидус 1998: 88–92). С января 1837 по январь 1934 г., то есть почти сто лет, доллар имел стоимость 1,5 г золота; с января 1934 по декабрь 1971 г. – 0,888 г золота (Букато, Лапидус 1998: 88), то есть одна тройская унция (31,1 г) до 1934 г. стоила 20,67 доллара, с 1934 до 1972 г. – 35 долларов; с декабря 1971 г. – 38 долларов; а после девальвации 1973 г. – 42 доллара.

383–384). Также были созданы Федеральная чрезвычайная организация помощи безработным, Администрация гражданских работ и другие организации, которым было ассигновано несколько млрд долларов и в которых было занято несколько млн человек (Лан 1976: 382–383; Козенко, Севостьянов 1994: 225). С их помощью много удалось сделать для развития инфраструктуры страны, образования и социокультурной субсистемы. Было построено много дорог, аэродромов, школ, библиотек и т. д. Были приняты другие масштабные меры по государственному строительству (строительство электростанций в долине реки Теннесси и др.). Качество работ часто оставляло желать лучшего, но по минимуму цели были достигнуты. Также было принят целый ряд мер по различным видам помощи домовладельцам, безработным, бизнесу и т. п. Большую роль в преодолении депрессии и дальнейшем росте экономики сыграли реформы в области жилищного строительства и ипотечного кредита (ссуд, обеспеченных залогом недвижимости). В 1934 г. в качестве особого государственного агентства была создана Федеральная жилищная администрация, целью которой (для уменьшения рисков банков по долгосрочным ссудам) было страхование ипотечных ссуд, выдаваемых банками и другими финансовыми учреждениями застройщикам и заемщикам (см.: Аникин 2009: 203).

Почти чрезвычайными были меры в области регулирования экономики, зафиксированные в так называемом Акте о восстановлении промышленности. Этим актом регулировались цены и объемы производства, ограничивалось введение новых мощностей, вводились правила честной конкуренции (например, продажа не ниже определенной цены). Все это несколько уменьшало излишнее производство и разрушительную конкуренцию. Но в целом в смысле оздоровления экономики этот закон о государственном и корпоративном регулировании оказался неэффективным (и потому прекратил действие). Были приняты и меры по регулированию биржи, теперь требовалось предварительное одобрение выпуска на нее ценных бумаг.

В отношении сельского хозяйства проводились масштабные меры, стимулирующие сокращение (за компенсацию) посевов и забой скота. Целям правительства неожиданно помогли засуха и экологические бедствия, возникшие в результате неразумных распахиваний предшествующих лет. В 1934–1935 гг. начались песчаные бури, которые в огромном размере сократили объемы сельскохозяйственных земель (земли были испорчены). В 1934–1935 гг. в ряде штатов стояла страшная засуха. В результате 600 тыс. человек покинули фермы. Цены на сельхозпродукцию несколько повысились, но не достигли уровня, который наблюдался перед Первой мировой войной. В 1939 г. цены на сельскохозяйственные продукты находились на уровне 77 % паритетных цен (Лан 1978: 131).

Мероприятия потребовали увеличения государственных расходов более чем в 2 раза (государственный долг в результате возрос с 1932 по 1938 г. вдвое) и увеличения числа государственных служащих, которых также стало вдвое больше (Козенко, Севостьянов 1994: 224; Аникин 2009: 201). Последнее также можно рассматривать как меру борьбы с безработицей; правда, зарплаты госслужащих были ограничены. В 1935 г. были приняты важные законы о социальном страховании по безработице, пенсии по старости, помощи вдовам, инвалидам и некоторые другие (что, кстати, расширяло совокупный спрос в стране).

В целом меры Рузвельта, исключительные по масштабам, затратам, охвату, дали некоторые результаты, однако слишком уж успешными они не были, а некоторые и просто провалились (см. подробнее: Лан 1976). Но это вполне естественно, так как дело оказалось совершенно новым, масштабы бедствия были очень велики, а его причины не во всем ясны даже сегодня. Главное, что экономика стала оправляться, а население поверило в лучшее. Также был накоплен колоссальный опыт.

Глава 3. Психология экономических кризисов

Ряд исследователей (см., например: Minsky 1983, 1985, 1986, 2005) считает, что причины кризисов начиная со знаменитой «тюльпановой лихорадки» в Голландии XVII в. остаются все теми же. Разумеется, многое меняется, но тем не менее в психологических основах кризиса на протяжении веков остается много общего. К сожалению, при оценке психологических основ экономического цикла остается по-прежнему верной уже приводившаяся ранее лаконичная схема лорда Оверстона: «спокойствие, улучшение, возрастание доверия, благополучие, возбуждение, спекуляция, потрясение, паника, застой, угнетение и опять спокойствие» (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]: 298). М. И. Туган-Барановский считал, что эта схема полностью применима только к прежнему времени (к XIX в.), когда едва ли не каждый промышленный цикл неизменно заканчивался паникой, разрушением кредита и промышленным кризисом (см. также: Мендельсон 1959; Трахтенберг 1963; Варга 1937; Аникин 2009; Гринин, Коротаев 2010а). Однако паники и обвалы случаются вновь и вновь, чему мы недавно оказались свидетелями. Поэтому особенности психологического поведения в период кризисов остаются не менее интригующей проблемой и в чем-то загадкой, чем это было в первые десятилетия XIX в., когда экономисты не могли объяснить причин происхождения резкой перемены деловых ожиданий, переходящей в панику в самый пик, казалось бы, ничем не омрачаемого процветания.

Настоящая глава посвящена психологическим аспектам, связанным с цикличностью экономической жизни, и психологии кризиса как наиболее драматической фазы экономического цикла; в ней также затрагиваются некоторые общие аспекты психологии бизнеса и предпринимательства. Это тем более важно, что данные проблемы в рамках психологии бизнеса и предпринимательства практически не исследуются, на что мы уже обращали внимание (см. Гринин 2009б).

Вводные замечания: кризис и психология

Современный финансово-экономический кризис существенно усилил интерес к тематике кризисов. Как мы указывали в Главе 2 Раздела 1, среди причин, ведущих к экономическим кризисам, экономисты указывают самые различные факторы: от недостатка или, напротив, избытка капитала, кредитов и товаров до спекуляций. Но в рамках настоящей главы важно, что среди этих факторов психологические причины, в частности смена настроений групп предпринимателей и потребителей (например, переход от оптимизма к пессимизму, от эйфории к панике и т. п.), всегда занимали важное место. В Главе 2 первого раздела мы уже приводили целый ряд высказываний на эту тему. Английский экономист XIX в. Дж. Миллс, например, считал, что объяснение кризисов следует искать в душевных особенностях человека, так как кредит (напомним, кстати, что первым значением английского слова *credit* является «доверие»), колебания которого составляют самую характерную черту кризисов, есть явление духовного порядка. Миллс утверждал, что хотя паника на денежном рынке не уничтожает капитала, однако ее действие является губительным для экономики, поскольку паника уничтожает кредит, а без последнего хозяйство не может существовать. Но поскольку кредит обладает способностью восста-

навливаясь, цикл кредита и есть цикл современной промышленности (Mills 1868). Экономической науке до сих пор не удалось и, возможно, никогда не удастся выработать рецепты предотвращения паники. «Врожденная людская склонность переходить от эйфории к панике и наоборот кажется вечной; опыт многих поколений не смог ее искоренить», – с отчаянием замечает А. Гринспен (2009: 442).

В основе циклического развития экономики, как мы видели в первом разделе, лежит комплекс вполне объективных причин. Однако среди причин цикличности и кризисов, вне всякого сомнения, очень важную роль играют психологические причины (в частности, резкая смена настроений бизнесменов и потребителей, ведущая от оптимизма к пессимизму, от эйфории к панике). Вот почему для анализа особенностей протекания кризисов психологический фактор важен почти в такой же степени, как и для понимания причин военных побед и поражений или революций.

Естественно, последовательность преобладающих типов экономических настроений может быть в разных ситуациях различной. Причины кризисов нельзя свести к какой-то одной. Тем не менее, многое объясняется тем, что возникает резкое усиление диспропорций в экономике и обществе, вызванных предшествующим быстрым развитием и бумом (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010а). И в контексте таких усилившихся диспропорций (как и всегда в условиях неустойчивого состояния социальной системы) психологический настрой бизнесменов, правительства, общества нередко сильно влияет на то, когда и как кризис может начаться, в каких конкретно формах будет проходить, насколько окажется разрушительным. Психологические факторы не просто отражают ситуацию, но и в ряде моментов определяют ее, особенно это касается спекуляций и инвестиций.

Экономическая психология как аспект психологии и политической экономии

Каждое экономическое явление имеет психологический аспект, поэтому психология поведения людей представляет собой составную часть предмета политической экономии (Хаберлер 2008: 125). Однако долгое время психологические аспекты находили отражение в трудах экономистов только в виде попутных замечаний или разрозненных идей, доказываемых на уровне здравого смысла. Отдельные ценные высказывания, которые связывали наступление экономического кризиса с ошибками в предположениях и выводах предпринимателей, стали встречаться в экономической литературе примерно с середины XIX в. в трудах Дж. С. Милля, У. Беджгота и др. Важный шаг в развитии экономической психологии был сделан маржиналистским направлением, представленным так называемой австрийской (К. Менгер, Ф. Визер, Э. Бем-Баверк) и математической (У. Джевонс, Л. Вальрас) школами, которые сыграли большую роль в развитии западной политической экономии. Экономисты австрийской школы разрабатывали теории субъективной ценности, так называемой предельной полезности товаров (в противоположность идущей от Д. Рикардо объективной – трудовой теории стоимости). Исходное слово (фр. – *marginal*), от которого произошло название направления «маржинализм», собственно, и означает «предельный». Австрийскую школу политической экономии иногда называют также «психологической», поскольку в ней исходили из идеи, что человек, совершая даже простые покупки, руководствуется субъективными представлениями о балансе затрат и выгод, удовольствий и неприятностей. Правда, последователи этой школы не опирались на идеи современной им психологии, а использовали наблюдения и интерпретации здравого смысла, а также некоторые идеи философии и этики (в частности, из работ Дж. Бентама).

Параллельно и независимо от австрийской школы в маржиналистском направлении работали представители так называемой математической школы (последняя треть XIX в.), которые также рассматривали экономическое поведение в определенной мере в психологическом аспекте как ожидаемую полезность, как баланс исчисления удовольствия и страдания, но главное – смогли создать конкретный математический аппарат анализа предельных величин. Особенно здесь следует отметить У. Джевонса (Великобритания), Л. Вальраса (Швейцария) и В. Парето (Италия).

Критики теории предельной полезности, безусловно, правы, утверждая, что она основывается на ложной психологии (Винер 1993), однако это направление дало значительный толчок исследованию психологических аспектов в экономической теории, в частности с них начинается история так называемой психологической теории экономического цикла, исследование смены настроения, уровня оптимизма и пессимизма. Стоит упомянуть, что вышеуказанный экономист У. Джевонс, вообще отличавшийся весьма оригинальными идеями¹, отмечал, что развитие экономического цикла связано со сменой настроений оптимизма, ажиотажа, уныния, разочарования и паники (Энгов 1979: 405).

Постепенно все больше экономических направлений подчеркивали необходимость учета более широкого спектра психологических факторов, понимая, что иначе невозможно объяснить и предсказать реальное поведение человека в хозяйственной деятельности. Фактически в первые десятилетия XX в. уже сложилась психологическая школа экономических циклов в экономике (см. ниже). А после появления в 1936 г. знаменитой «Общей теории занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса сторонников этого направления существенно прибавилось. Однако употребление психологической терминологии достаточно долго оставалось в основном на уровне здравого смысла.

Психологическая наука длительное время не уделяла специального внимания изучению поведения человека в сфере экономики. Отдельные исключения составляли только философы и социологи, работавшие на стыке философии, социологии и психологии, такие как основатель прагматизма американский философ и психолог У. Джеймс или французский социолог Г. Тард, один из основоположников социальной психологии и в целом психологического направления в социологии. По словам последнего, именно он впервые употребил в 1881 г. термин «экономическая психология». А двумя десятилетиями позже Тард написал специальную капитальную работу «Экономическая психология», об идеях которой, правда, вспомнили только во второй половине XX в.

Фактически о складывании экономической психологии в психологической науке можно говорить только ближе к середине XX в. Например, в США термин «экономическая психология» был введен в начале 1940-х гг. психологом Дж. Катона. Экономическая психология появилась как прикладная наука, одной из задач которой было выработать практические рекомендации для экономической стратегии бизнеса. Наибольший всплеск интереса к прикладной экономической психологии и начало интенсивных исследований в этой области приходится на 1960–1970-е гг. Экономическая психология в настоящее время является быстро развивающимся направлением междисциплинарных исследований².

¹ Например, в одной из теорий он связывал правильную периодичность протекания экономических кризисов (примерно 10,5 лет) с регулярным появлением максимума пятен на Солнце, что вело к периодическим неурожаям в Индии, а ухудшение положения в Индии вело к падению ее торговли с Англией и возникновению периодических кризисов в последней (см.: Туган-Барановский 2008 [1913]: 283).

² Тем не менее она все еще не занимает в психологии достойного места. Например, в «Истории современной психологии» Д. Шульца и С. Шульц (2002) вообще нет ни разделов, ни каких-либо упоминаний об экономической психологии даже в предметном указателе.

В рамках экономической психологии в качестве отдельного направления достаточно активно развивается психология предпринимательства и бизнеса (см., например: Друкер 1992; Рюттингер 1992; Рошин 1993, 1995; Чирикова 1999)³, о чем свидетельствует уже тот факт, что имеются специальные курсы психологии на экономических факультетах, а также курсы психологии предпринимательства (см., например: Дружинин 2000; Завьялова, Посохова 2004; Дейнека 2000; Щербатых 2008).

Экономическая психология делится на микроэкономическую (изучающую сознание и поведение индивида или группы) и макроэкономическую психологию (изучающую изменения в психологии общества, связанные с большими переменами и крупными переломами в экономике). Микроэкономическая психология является наиболее разработанной областью знания. Проблемы макроэкономической психологии исследуются гораздо слабее. А что касается предмета настоящей главы, психологии экономических циклов и кризисов, то психологическая наука, насколько можно судить, и до сих пор этому аспекту почти не уделяет внимания (см.: Гринин 2009d).

От психологии буржуазии к психологии бизнеса

Дух капитализма и расширенное воспроизводство. Стремление к наживе, богатству и всему, что оно дает для общественного положения, существует с незапамятных времен. Но психология современного бизнеса – явление сравнительно недавнее. Важной для понимания исторического становления психологии предпринимательства является работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1990 [1905]). Одним из первых создателей психологического портрета предпринимателя и его исторических предшественников является В. Зомбарт (1994 [1913]).

Буржуазия как социальная группа могла существовать веками, не двигая радикально вперед экономику, за счет займов государству, налоговых и иных откупов, ростовщичества, торговли и т. п. Такая буржуазия была характерна, в частности, для многих стран Европы позднего Средневековья и Нового времени. Безусловно, несложно указать общие социально-психологические черты такой буржуазии и современных бизнесменов (например, уверенность, что капитал обязан приносить доход, расчетливость, чувство хозяина и собственника и т. п.). Но между ними существует и огромная разница, которую Зомбарт выразил в характеристиках двух обобщенных психологических типов: буржуа старой закалки и современного экономического человека – предпринимателя.

Эта разница наглядно видна в отношении к цели, которой служит богатство и ради которой оно наживается. Достижение богатства ради избавления от необходимости заниматься тяжелым физическим трудом, ради власти и уверенности, которые дают деньги, ради возможности вести более размеренную, достойную и спокойную жизнь и особенно ради обретения более высокого престижа в обществе было преобладающим стремлением у буржуазии⁴. Все это: стремление к благам, наслаждениям, власти, уверенности, высокому общественному положению, – естественно, никуда не уходит и в промышленном обществе. Но происходят большие перемены, существенно меняющие

³ Есть мнение, с которым стоит согласиться, что понятие психологии бизнеса шире, чем психология предпринимательства, так как бизнесменами можно считать и наемных менеджеров (см. об этом: Завьялова, Посохова 2004: 19–20; Морозова 2007: 56–57; Рошин 1993, 1995).

⁴ В частности, за деньги можно было купить землю, что давало возможность подняться по социальной лестнице. А насколько важным казалось буржуазии вложить деньги в повышение социального престижа, можно судить хотя бы по знаменитой пьесе Мольера «Мещанин во дворянстве». Но и в современных обществах вроде российского, в которых в каком-то виде сохраняется ранговость, такая психология очень распространена. Поэтому российские бизнесмены так стремятся во власть, к обретению различных званий и наград, к тому, чтобы приблизиться к уровню чиновников высшего ранга, не жалея на это денег (особые номера машин, «мигалки», прочие привилегии и отличия – характернейшие проявления этого желания).

цели, ради которых действуют бизнесмены. Богатство, капитал из самоцели все больше становится теперь инструментом, с помощью которого предприниматель достигает своей цели. В чем же состоит эта цель? «Расширение дела – вот руководящая точка зрения», – пишет Зомбарт. Стремление к процветанию собственного дела, его росту, неразрывно связанное со стремлением к возможно более высокой прибыли и наживе, но не столько как к личной денежной наживе, сколько как к способу обеспечения этого стремления к процветанию, росту, экспансии, укреплению своего положения – вот черты, по мнению Зомбарта (1994: 128–133), характерные для современного капиталистического духа. Таким образом, все переворачивается: чем больше капитал, тем больше усилий, чтобы его увеличить, тем больше стремление к экспансии.

Это явление нехарактерно для прошлых эпох, согласно психологии которых богатство должно давать покой. Такое мнение популярно и сегодня. На стандартный вопрос: «Зачем тому или иному бизнесмену еще зарабатывать деньги, когда того, что у него есть, хватит, как говорится, и детям, и внукам?» – с точки зрения обычного человека, который работает, чтобы хватало на приличную жизнь (так же, как и с позиции евангелической морали), ответить совсем не просто. Однако если бы вдруг бизнесмены стали зарабатывать только на то, что необходимо для комфортной жизни, весь образ жизни современного человечества поменялся бы радикально.

Расширенное воспроизводство, психологический двигатель бизнеса и кризисы.

Таким образом, начался переход от идеала жизни рантье или размеренной жизни буржуа к идеалу жизни бизнесмена, стремящегося к расширению своего дела именно в качестве самоцели. Хотя Зомбарт хорошо показывает изменения в психологии, он не понимает, с чем связано появление такого экономического «перпетуум мобиле». В какой-то мере и ему самому («как безучастному наблюдателю») такое стремление кажется довольно бессмысленным (Зомбарт 1994: 133–134). Между тем это изменение было связано с переходом от традиционной экономики, в которой расширение производства могло иметь место периодами, но не было непременным условием хозяйственной жизни, к индустриальной экономике, в которой расширенное воспроизводство становится практически обязательным (об этом подробно шла речь в Главе 3 Раздела 1). Такого рода экономика не могла развиваться без людей, которые ставили бы своей целью стремление к постоянному расширению. Распространение такого типа предпринимателя было одновременно и следствием, и причиной перехода к промышленной экономике. Возникла петля положительной обратной связи: чем активнее развивалась промышленность, тем больше требовались люди, стремящиеся к ее расширению; чем больше было таких людей, тем больше возможностей для расширения промышленности они находили. Социальный престиж в обществе стал определяться успехом, успех зависел от расширения бизнеса, а значит, утвердились идеи: во что бы то ни стало придумать, как разбогатеть; использовать все, чтобы производство росло; инновации и изобретения – это очень важно. В результате постепенно типичной стала фигура предпринимателя-инноватора (по Й. Шумпетеру, см. Главу 1 Раздела 1), а капитал становился все более производительным и организованным.

Как уже сказано, непременной чертой перехода к новому типу экономики одновременно стали и регулярные экономические кризисы. Фактически стремление к постоянному росту и является первопричиной возникновения экономического цикла и периодических кризисов: ни одна система не может развиваться и расширяться непрерывно, вот почему вслед за быстрым ростом должен был следовать спад (то есть фазы кризиса выступали как неизбежность). Но рост уже стал показателем нормального течения дел в бизнесе, а отсутствие роста и тем более периоды кризисов – отклонением от нормы.

Усилия делового мира, правительств и экономической науки были направлены на борьбу с кризисами.

Психологические теории экономического цикла

Как уже было сказано, психология циклической динамики в рамках макропсихологии бизнеса, к сожалению, почти не рассматривается. В то же время имеется ряд психологических теорий бизнес-цикла в экономической науке. Эти теории исходят из того, что поскольку объективные обстоятельства проходят через призму личного опыта бизнесмена, психологическое восприятие реальности сильно влияет на характер принимаемых решений. Иными словами, реакция предпринимателя однозначно не определима, и невозможно на основе лишь одних объективных данных (уровня ставки кредита, роста спроса, изменения технологии и т. п.) предсказать, с какой силой будут реагировать бизнесмены на такие изменения⁵. Например, рост цен на фоне ожидания их дальнейшего роста может привести к затягиванию повышательной ценовой динамики, нередко вопреки уже всяким объективным факторам. И наоборот: падение цен на фоне ожидания их дальнейшего падения приводит к более сильной дефляции, чем можно было предполагать, исходя из объективных данных. Таким образом, психологическая реакция экономических агентов может существенно усилить диспропорции, ускорить или задержать наступление новой фазы цикла, способствовать или препятствовать росту деловой активности и т. п.

Справедливо указывают Э. Абель и Б. Бернанке: «Деловой цикл – это одна из основных концепций макроэкономики, потому что флуктуации экономического развития, фазы делового цикла – подъемы и спады общей экономической активности – оказывают воздействие на всю экономику» (2008: 361). Рост или уменьшение капитальных вложений являются важнейшим показателем соответственно подъема и спада. В то же время элемент ненадежности в реализации ожиданий особенно велик именно при долгосрочном инвестировании ресурсов. Психологические теории в качестве причинных факторов, способствующих росту или уменьшению инвестиций, используют такие факторы, как оптимизм и пессимизм экономических агентов. Состояние оптимизма соответственно характерно для фаз оживления и подъема, а состояние пессимизма – для рецессии и депрессии (Хаберлер 2008: 127).

Напомним, что экономический среднесрочный (7–11-летний) цикл деловой активности (бизнес-цикл) или цикл Жюгляра состоит из четырех фаз:

- 1) фазы оживления;
- 2) фазы подъема, или процветания (в которой есть смысл особо выделить подфазу перегрева экономики, или бума);
- 3) фазы рецессии (которую представляется целесообразным подразделять на подфазы острого кризиса и спада);
- 4) фазы депрессии, или застоя.

Моменты перехода от бума к кризису и от нижней точки спада к росту считаются важными критическими точками (точками поворота). Они особенно интересны в психологическом аспекте, поскольку именно в этих точках поворота на смену оптимизму приходит пессимизм и наоборот. Таким образом, **психологический фактор** является не только важным, но и **наиболее подвижным** фактором в движении экономического цикла. Настроения становятся тем переключателем, который способен «повернуть плюс на минус» за очень короткий промежуток времени.

⁵ Очень наглядно это выражается в резких колебаниях биржевых и валютных курсов, то взлетающих ввысь, то падающих ниже нижнего предела при малейших изменениях настроений.

Психологические теории цикла – это прежде всего экономические теории, сторонники которых в трактовке различных фаз цикла придают особое значение психологической реакции предпринимателей. Эти теории считают ее не однозначной, а достаточно неопределенной и отводят психологическим факторам большую роль или приписывают им способность к более независимому воздействию на характер протекания экономических процессов, чем большинство авторов других школ. Последние хотя и не игнорируют психологическую реакцию, но уделяют ей менее заметное место в цепи причинной зависимости. Однако надо учитывать, что в психологических теориях психологические факторы (настроения, ожидания, доверие и т. п.) выдвигаются не в качестве полностью альтернативных факторов, а всегда наряду с другими факторами или в качестве дополнения, хотя и очень важного, к монетарным и другим экономическим факторам. Вот почему психологическая теория цикла совместима едва ли не с любой другой гипотезой в теориях цикла (Хаберлер 2008: 125–126, 131).

К представителям психологической теории можно отнести таких известных экономистов, как, например, Дж. Кейнс (1978), Ф. Лавингтон (Lavington 1922), А. Пигу (Pigou 1967), Ф. Тауссиг (Taussig 1925), Р. Лукас (Lucas 1990). Определенное значение в своих теоретических системах психологическим элементам придавали У. Митчелл, Д. Робертсон, В. Рёпке и А. Шпитгоф.

Экономический цикл, его фазы и смена психологии поведения в течение цикла

Психологические теории в основном имеют целью показать механизмы и степень влияния трудноуловимых психологических факторов на смену и особенности протекания фаз экономического цикла. Психология поведения бизнесменов в процессе делового цикла в качестве самостоятельного объекта исследования интересует эти теории в гораздо меньшей степени. Этот аспект остается вне поля внимания и психологии бизнеса. В настоящей главе сделан своего рода психологический срез, показывающий смену психологических модусов поведения бизнесменов в ходе экономического цикла. Для этого на фоне наиболее важных характеристик каждой фазы экономического цикла показываются ее психологические мотивы и основы, а также дается анализ некоторых особенностей поведенческих стратегий бизнесменов.

В фазе оживления происходит выход из застоя. Но чтобы процесс расширения деловой активности начался, необходимо наличие разнообразных сил, среди которых перемена настроения с пессимизма на осторожный или даже более ярко выраженный оптимизм занимает важнейшее место. Предприниматели к этому времени отходят от стресса, некоторые из них начинают готовиться к лучшим временам. Возникает и крепнет надежда, что худшее осталось позади. Психологически очень важно, что бизнесмены все заметнее начинают верить в то, что дела вот-вот начнут улучшаться. В этот период они похожи на людей, которые заждались хорошей погоды, но не знают, когда она установится. Поэтому любой положительный сигнал воспринимается очень позитивно. Обычно какой-нибудь толчок (внутренний или внешний) способен вывести экономику из застоя. Психологические ожидания в этот период, конечно, очень сильно зависят от особенностей момента, силы предшествующего кризиса (и подъема), особенностей страны и т. п. Например, после 1998 года казалось, что экономика России вообще не оживет, а она неожиданно быстро пошла в гору. В то же время в период Великой депрессии несколько раз казалось, что начинается оживление, но за этим опять следовал очередной крах.

В фазе подъема рост ускоряется, оживление становится всеобщим. Если на фазе оживления только отдельные отрасли начинают расти, то в период подъема рост становится почти всеобщим. Для активного подъема очень часто нужен внешний фактор, например в виде притока иностранных инвестиций. Повышается спрос на различные товары, значительно увеличиваются инвестиции, что очень часто ведет к существенному повышению цен. Эти процессы еще более усиливаются биржевыми и торговыми спекулянтами. Постепенно незадействованные ресурсы полностью используются, требуется расширение ресурсной базы и рынка капиталов. К концу этой фазы обычно не хватает и рабочей силы, а зарплата сильно повышается. Если рост становится бурным, то экономика переходит в состояние перегрева. Еще более усиливается процесс создания новых предприятий, нередко именуемый «учредительской горячкой». Объем акций и ценных бумаг растет, вновь эмитируемые бумаги выбрасываются на денежный рынок, что ведет к его напряжению, так как свободных денежных ресурсов одновременно на инвестиции, расширение кредитов, покупку новых объемов ценных бумаг не хватает.

На фазе подъема от идеи «как выжить или как просуществовать» бизнесмены переходят к планам долгосрочных вложений, занятия рынков, действуя в зависимости от избранной стратегии. Для этой фазы характерен рост оптимизма, часто переходящий в «иррациональный оптимизм». А вместе с этим неизбежны, используя термин А. Пигу, и «ошибки оптимизма» (Pigou 1967). Первый тип ошибок связан с тем, что прогнозы будущей прибыльности инвестиций всегда носят вероятностный характер. Например, нельзя предугадать, как много бизнесменов решит направить инвестиции в одни и те же отрасли и технологии. Если таких инвестиций будет слишком много, возникнет переинвестирование, и будущая прибыльность окажется гораздо меньше планируемой. Однако плачевные результаты таких «ошибок в определении будущих потребностей» (см.: Харберлер 2008: 102) скажутся много позже.

Другой тип ошибок связан с неправомерными ожиданиями, что нынешнее положение сохранится и в будущем. Например, если в течение некоторого времени происходит рост спроса и цен, люди имеют обыкновение все с большей и большей уверенностью ожидать, что и в дальнейшем рост спроса и цен будет происходить в таких же или примерно в таких же размерах. Все это приводит их к чрезмерной оценке капитальных активов. Ситуация на ипотечном рынке в США начиная с 2001 г. прекрасно подтверждает это. Многие люди стали брать ипотечные кредиты и покупать дома с расчетом, что цена последних повысится, и они смогут в будущем перепродать дома с выгодой. Люди, купившие жилье раньше и, следовательно, дешевле, охотно продавали его, брали дешевые кредиты и строили новое. Это становилось бизнесом как для отдельных индивидуумов, так и для целых финансовых секторов. По данным Национальной ассоциации риэлторов США, к 2005 г. инвесторы, то есть те, кто помещал деньги в недвижимость, скупили 28 % домов (хотя обычная доля перепродажи не превышала 10 %). Они превратились в рыночную силу, которая почти на треть увеличила оборот существующего жилья (Гринспен 2009: 230). Рост спекуляций вел в свою очередь к росту цен. Кроме того, многие домовладельцы под впечатлением роста стоимости их собственности стали брать больше потребительских кредитов. Когда же с 2006 г. цены на дома перестали расти, а затем начали снижаться, это вызвало разорение спекулянтов, невозвращение кредитов, фактическое обеднение домовладельцев и в целом – всю цепную реакцию, ведущую к кризису. Весьма похожая ситуация была на жилищном рынке в России и в других странах.

Наконец, ошибки проистекают и оттого, что рост эйфории и неоправданного оптимизма у некоторой части бизнесменов перерастает в финансовый азарт. На волне этого азарта нередко оказываются успешными различные жульнические проекты новых предприятий и эмиссий ценных бумаг, которые возникают только для обогащения учредителей, без реального намерения развивать бизнес. Эта часть эйфории бума (исключительно интересная также и с психологической стороны) почти неизбежна, и такие вещи сопровождают фазу подъема практически во всех зафиксированных циклах. Но в некоторых случаях, например в 1870–1873 гг. в Австрии и Пруссии, масштабы жульничества оказывались просто грандиозными. О. Глагау, очевидец событий, посвятивший двухтомное произведение детальному описанию бума этого периода, писал: «История учредительства и эмиссий с 1870 по 1873 г. есть история неслыханно огромного, наглого, рафинированного, интенсивного, ранее невиданного жульничества» (см.: Мендельсон 1959, т. 2: 36).

Надо отметить, что в бизнесе всегда существуют два условных типа людей: «осторожные» и «отчаянные»⁶. Но в период подъема и бума преобладают вторые, а в период депрессии – первые. Иными словами, в период депрессии и самые рискованные вынуждены становиться осторожными, а в период бума и самые осторожные начинают вести себя достаточно рискованно, к чему, правда, их часто вынуждают обстоятельства. Поэтому психологию поведения бизнесменов в период бума и кризиса отчасти можно сравнить с настроением наступающих и отступающих войск. Когда армия идет вперед, солдаты действуют под влиянием общего наступательного порыва. Но когда наступательный дух слабеет, порой достаточно какой-нибудь контратаки противника, панического слуха, чтобы наступающая армия вдруг обратилась в бегство. Теперь действует уже психология опасности: «спасайся, кто может». Любопытно отметить: при наступлении всегда не хватает техники, при паническом отступлении она часто оказывается лишней, и ее бросают. Сравните с тем, что на пике бума всего не хватает и все дорого, зато при кризисе многое становится ненужным, останавливается, продается и т. п.

Острый кризис и фаза рецессии. В последний период бума, когда цены или объем спроса начинают превышать все привычные и понятные людям пропорции, психологически возникает ощущение непонимания происходящего, осознание, что бесконечно так продолжаться не может, что когда-то все должно остановиться, а то и обвалиться. Чем большим количеством людей овладевает такое предчувствие, тем неизбежнее приближение кризиса⁷. Когда в 2008 г. цены на нефть били рекорд за рекордом, каждое их новое повышение вызывало недоумение: до какой же черты они могут подняться и что будет в конечном счете? Но, естественно, угадать, когда наступит перелом, невероятно сложно. Не менее 20 недель подряд аналитики предсказывали падение цен на нефть, а она все дорожала, пока цена не достигла 11 июля 2008 г. 147 долларов за баррель. Но очень скоро цены начали стремительно падать (см. Рис. 3.3.1).

⁶ Разумеется, всегда имеется огромное количество людей, которые плывут по течению, не торопятся во время подъема и не сильно суеются во время спада.

⁷ На связь между ожиданием спада, соответствующим поведением (например, сокращением спроса) и наступлением спада указывают не только экономисты, но и психологи (см., например: Катона 1975).

Рис. 3.3.1. Цена за баррель нефти марки «Брент» в долларах США с 20 мая 1987 г. по 30 декабря 2008 г. с наложенным экспоненциальным трендом (EIA 2009)

Таким образом, в период циклического подъема и спада гигантские «качели» спроса и цен сначала взмывают ввысь, а потом резко падают. Падение происходит потому, что в пик бума экономика переходит в крайне неустойчивое состояние. При создавшихся диспропорциях в результате огромного напряжения экономики и истощения резервов, при громадном росте объемов срочной задолженности и товарных запасов, чрезмерно завышенной оценке активов и т. п. даже легкого толчка достаточно, чтобы все обрушилось. И когда в процесс вмешиваются какие-то негативные факторы (например, неожиданное падение спроса или цен, банкротство крупной фирмы, дефолт иностранного государства, дополнительный спрос на деньги при осложнении политической обстановки, новый закон, меняющий правила игры, и т. п.), начинаются крах и острый кризис. Протекает такой крах-кризис в разных ситуациях по-разному (хотя, конечно, во многом и схожим образом). Чаще всего это разорение зарвавшихся спекулянтов; крупные банкротства, которые порой обрушивают всю экономику; падение курсов ценных бумаг и разорение биржевых игроков и крупных фирм; недоверие к банкам, очереди за вкладами и массовое изъятие вкладов, что ведет к параличу банковской системы, прекращение выдачи вкладов (размена бумажных денег на золото в эпоху золотого стандарта); огромный спрос на наличные деньги в связи с исчезновением кредита; отказ от обязательств и новая волна банкротств и т. п.

Итак, «длительный период эйфории завершается неожиданной и сокрушительной вспышкой страха» (Гринспен 2009: 493). Реакция на быстро изменяющиеся и негативные события не может быть полностью адекватной, напротив, как правило, она бывает нерациональной, а то и панической. Например, банкиры, включая и руководителей государственных банков, вместо того чтобы поддержать кредит, напротив, резко его сокра-

щают, даже имея денежные возможности. В результате происходит коллапс, который при другой, более рациональной, реакции может и не случиться⁸.

Далее происходят более или менее сильный спад в промышленности, торговле и других сферах экономики, банкротства, резкое уменьшение заказов, закрытие или частичная приостановка многих предприятий, значительный рост безработицы и т. п. Иногда вновь происходят биржевые и банковские крахи. В период фазы рецессии, как указывает А. Пигу, «ошибки оптимизма» сменяются «ошибками пессимизма» (Pigou 1967: Ch. VII). А поскольку смена настроений на рынке в период острого кризиса не бывает плавной, скорость совершения ошибок и их масштаб возрастают под влиянием шока и необходимости быстро принимать решения в очень сложной ситуации.

Период рецессии – время очень тяжелых решений, напоминающее психологическое состояние капитана терпящего бедствие судна, который, чтобы спасти корабль и людей, отдает приказ выбросить за борт ценный груз, ради которого он, собственно, и предпринял плавание. В этот период многим кажется, что все, чему они посвятили долгие годы упорнейшего труда, рушится и валится, что все потеряно.

Фаза депрессии. Каждый экономический кризис так же непохож на другие, как одна война или революция – на другую. Однако в большинстве зафиксированных случаев экономические кризисы протекали хотя и более или менее драматично, но достаточно быстро. Ситуация в пределах от нескольких месяцев до одного года начинала стабилизироваться, и цикл переходил от острого кризиса и спада к фазе депрессии⁹. Однако депрессия, особенно на понижательных фазах К-волн, может быть достаточно долгой, иногда сопровождаясь неглубокими спадами. Нынешний кризис, который, по нашему мнению, открыл понижательную фазу пятой К-волны, похоже, идет по такому же сценарию.

Фаза депрессии – период застоя и относительно вялого течения экономической жизни, когда экономика постепенно возвращается к норме, отходит от горячки паники, боязни краха и «детонации» ошибок (Pigou 1967), выражающихся в масштабе банкротств. Запасы рассасываются, цены обычно сильно падают (в современную эпоху, правда, цены ведут себя во многом уже по-другому, чем раньше, см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010а: Гл. 2). В это время начинается определенная перестройка как в макро-, так и в микроэкономике (на уровне предприятий, например, модифицируются их управление, логистика и т. п.), а также в различных сферах общества.

Время депрессии – это продолжение принятия нелегких по всем критериям решений: как сохранить дело и наиболее ценные кадры, сделать необходимые увольнения, сокращения и т. п. Надо полноценно использовать это время, чтобы подготовиться к будущему подъему. Крайне важно разумно занять людей, вселить в них уверенность, укрепить веру служащих в руководителя и свою организацию, что вообще является одним из главных факторов серьезного успеха в бизнесе. Словом, подобно командирам отступающей армии, высшие руководители бизнеса должны заботиться о поддержании порядка, дисциплины и организованности. Если же люди не заняты, предоставлены сами себе, неизбежно усиление психологической напряженности, выражающейся в интригах, склоках, скандалах, жалобах и даже более серьезных эксцессах.

⁸ Имеет смысл привести пример России 1998 г., где хотя и не наблюдалось в это время экономического подъема, но эйфория финансовых спекуляций и реакция на резкое ухудшение ситуации были весьма характерными. ЦБ России в самый критический момент конца августа и начала сентября 1998 г. вместо того, чтобы поддержать банки, отозвал у некоторых из них лицензии, что только усилило панику вкладчиков. Сам ЦБ и руководство России вели себя крайне неадекватно, выбрав из двух зол оба: и дефолт, и девальвацию (тогда как девальвация, тем более резкая, могла бы предотвратить дефолт).

⁹ Лишь в меньшинстве случаев рецессия затягивалась надолго (как это было в 1929–1933 гг.). Как мы помним, наиболее затяжными депрессии бывают при смене повышательной фазы К-волны на понижательную (см. Главу 1 Раздела 1).

Период депрессии – это также время особенно глубокого осмысления прошлого опыта для тех, кто способен к такой рефлексии. Кризис, безусловно, относится к событиям, которые на философском языке можно назвать экзистенциальными. Бизнесмен, прошедший полный экономический цикл, испытавший и эйфорию успеха, и тяжесть внезапного краха планов, на многое смотрит по-другому. Переоценка некоторых ценностей происходит неизбежно. Недаром говорят: «За одного битого двух небитых дают».

Дополнительные замечания о психологии бизнеса и кризиса

Психология цейтнота. Постоянное принятие решений – важнейшая функция бизнесмена и одновременно основной источник ошибок, поскольку не ошибается только тот, кто ничего не делает. О влиянии на управленческие решения неопределенности, психологических качеств руководителя, ограниченности возможностей для рационального выбора в рамках теории «ограниченной рациональности» написано много (см., например: Щербатых 2008: 152; Смирнов 2008). Меньше уделяют внимания тому, что помимо психофизических есть еще и социально-организационные и системные ограничения, поскольку любая система принятия решений имеет как преимущества, так и недостатки, плюсы и минусы которых проявляются в разной обстановке. Например, система принятия решений путем долгих согласований уменьшает субъективность, но начинает давать сбои в ситуации, когда требуется быстрое и рискованное решение.

Хотя проблема принятия решений в условиях дефицита времени не игнорируется (см., например: Щербатых 2008: 155), ей все-таки не уделено достаточного внимания. На наш взгляд, одной из самых тяжелых психологических задач для бизнесмена является принятие решений именно в условиях давления времени. Эти состояния можно было бы назвать *психологией цейтнота*. К сожалению, они являются практически неотъемлемой частью деятельности бизнесмена, как бы рационально она ни была организована. К тому же следует учитывать, что четко организовать работу можно только в условиях более или менее стационарного состояния бизнеса. Между тем, как мы видели выше, образцовый бизнесмен – тот, кто постоянно стремится к расширению своего бизнеса. В любом случае периоды бума и спада – это состояния подвижные. И уже это состояние постоянной перестройки бизнеса (его быстрого расширения или сужения) вызывает сильные деформации в организации и соответственно давление ответственности принятия трудных и сложных решений. В напряженных периодах к цейтноту добавляются усталость, болезненное состояние, нервное напряжение, сложность сдерживания эмоций. В период бума создается ощущение, что любое опоздание ведет к существенным потерям, как прямым (есть заказ, а ты не сумел его выполнить), так и косвенным. Отсюда постоянная перегрузка и попытка все успеть. Успех часто создает преувеличенное мнение о возможностях личности бизнесмена и его бизнесе. В период кризисных состояний бизнеса, когда все валится, люди принимают решения под влиянием панических слухов и через психологическую призму неудачи и краха, которая все увеличивает. Отсюда возрастает и степень ошибок. Между тем на глобальных рынках разница между стоимостью правильного и почти правильного действия может составлять сотни миллионов долларов (Гринспен 2009: 404).

В известной мере процесс принятия бизнес-решений в условиях быстрого изменения ситуации (как в лучшую, так и в худшую стороны) сильно напоминает процесс принятия решений в условиях войны (наступления и отступления).

Подражание и кризисы. Считается, что одним из важнейших атрибутов предпринимателя является наличие коммерческой идеи (см., например: Друкер 1992; Щербатых

2008). Действительно, без идеи о том, как заработать деньги, нет предпринимательства. Но очевидно, что при осуществлении такой коммерческой идеи могут быть разные стратегии, которые в определенном аспекте логично разделить на два основных типа: **творческая** (то есть самостоятельная в смысле идей) и **подражательная стратегии**¹⁰.

Как уже было сказано, экономическую теорию кризисов и экономических циклов разной длительности строил на идее новаторства и подражания новаторам Й. Шумпетер (1982)¹¹. Он исходил из того, что лишь немногие предприниматели обладают достаточным творчеством и энергией, чтобы успешно внедрить новые производственные процессы в изготовление уже имеющихся товаров или новых видов товаров, открыть новые рынки и т. п. Однако, хотя лишь немногие способны стать новаторами, многие могут последовать за ними. Таким образом, всякий раз, когда появляется несколько успешных нововведений, им немедленно следует множество других бизнесменов.

Представляется, что чем дальше процесс отходит от оригинальных инноваторов, тем меньше творчества и больше подражания. Вероятно, можно выделить несколько качественных уровней такого подражания. А соотношение инноваторов и подражателей будет напоминать ступенчатую пирамиду, то есть чем ближе ступень к основанию, тем она шире. Именно чужой успех (реальный или мнимый) становится могущественной экономической и психологической силой, которая заставляет многих бизнесменов действовать, пытаясь так или иначе использовать технологию успеха других. Хотя, конечно, в процессе адаптации чужих нововведений совершается масса полезнейшей работы, открытий, усовершенствований и занятия новых ниш.

Подражательную стратегию в плане мотивации действий бизнесменов, нам кажется, можно разделить на два типа: а) подражание как средство развития бизнеса, когда развитие является основной целью, а средства для него находятся в результате заимствования апробированных инновационных технологий; б) подражание как средство что-то делать, чтобы удержаться при ухудшении обстановки или усилении конкуренции. При этом, продолжая сравнение со ступенчатой пирамидой, можно сказать, что первый тип подражательной стратегии располагается ближе к инноваторам, и число таких бизнесменов меньше, а второй тип располагается дальше от инноваторов, и число таких бизнесменов больше. По сути, они составляют основную массу бизнесменов (в самом низу находятся те, кто не способен к успешному подражанию даже при угрозе разорения и закрытия бизнеса). Естественно, что выбор стратегии во многом вытекает из психологических особенностей бизнесменов.

Таким образом, подражание в широком смысле слова является одной из самых мощных сил в бизнесе. Однако создается впечатление, что **факторы подражания и конкуренции (как причины, вынуждающие к подражанию)** в плане психологии предпринимательства недооцениваются (и совсем недостаточно говорят о них в плане связи психологии и цикличности производства). Между тем в бизнесе всегда меньшинство не только реальных инноваторов, но и агрессивных бизнесменов, стремящихся занять нишу, вытеснить конкурентов, расширить бизнес. На самом деле большинство предпринимателей (впрочем, как и представители других форм деятельности) во многом плывут по течению, делая то, что делают другие. Подражают даже просто в престижных расходах и т. п.

Вместе с тем боязнь опоздать к получению выгоды, потерять клиентов, какие-то позиции или преимущества в сочетании с давлением конкурентов нередко заставляют биз-

¹⁰ Естественно, что классификация стратегий может делаться по самым разным основаниям (см., например: Друкер 1992).

¹¹ На роль подражания в социальной жизни, как известно, одним из первых обратил внимание Г. Тард (1892).

несменов поступать так же, как другие, даже если они считают такие действия опасными, рискованными, недальновидными. В последние годы перед кризисом большинство знающих рынок менеджеров в США (как и во многих других странах) хотя и сознавали, что принимают чрезвычайно высокие риски, побоялись безвозвратно потерять рыночную долю, если они, как выразился бывший генеральный директор *Citigroup* Ч. Принс, «не продолжат танец» (Гринспен 2009: 493). В отношении топ-менеджмента такая политика объясняется необходимостью показать хорошие цифры и отчеты именно сейчас, в этом году, чтобы получить свои бонусы. Принцип «план любой ценой» россиянам хорошо знаком, его психология и последствия – тоже.

Подражание (как добровольное, так и вынужденное конкуренцией) очень сильно влияет на поведение бизнесменов в экономическом цикле, оно в чем-то сродни психологии массового поведения. Но, разумеется, реальной толпой предприниматели выступают только в отдельных случаях (например, при паниках на биржах, где предприниматели собираются в больших количествах). В период подъема и бума эффект подражания вкупе с обострившейся конкуренцией за ресурсы, с одной стороны, и успешное течение дел, повышение цен, рост оборотов и т. п. – с другой, притупляют у бизнесменов чувство опасности и провоцируют их делать совместно одну и ту же ошибку оптимизма. Ф. Лавингтон сравнивал бизнесменов с конькобежцами на пруду, которые заражают друг друга уверенностью. При этом объективно с увеличением числа конькобежцев уверенность в своей безопасности каждого из них должна скорее уменьшаться, а не усиливаться, ведь чем их больше, тем сильнее риск, что лед проломится. Однако это опасение вытесняется именно под заразительным влиянием уверенности, исходящей из того, что чем больше их число, тем безопаснее рисковать (Lavington 1922: 32–33).

Когда же в период возникновения кризиса происходит резкий перелом настроения от эйфории к панике, то действия одних бизнесменов начинают заражать паникой других: перестают доверять даже тем, кто неоднократно доказал свою надежность, в кредитах отказывают, заказы аннулируются, проекты замораживаются, активы сбрасываются...

Такие явления резко неадекватной реакции на изменившуюся ситуацию в экономике, как вы помните, в Главе 2 Раздела 1 мы назвали **эффектом одного борта** (см.: Гринин, Малков, Коротаев 2010б: 270).

Заключение. Психология глобальной экономики

Современный кризис во многом связан с возросшей ролью финансового сектора в экономике, его доля в западных странах составляет от четверти до трети всего ВВП. Такой рост не мог не привести к резкому увеличению количества финансистов. Численность служащих некоторых финансовых корпораций, таких как *Citigroup*, достигала сотен тысяч человек! Соответственно в 2008–2009 гг. масштабы увольнения менеджеров из финансовых компаний и банков превосходили все, что знала история экономики.

Появление массы финансистов, использующих новейшие программные продукты на рынках, сильно меняет психологию бизнеса¹². Мы особенно выделили бы две максимы, в той или иной степени присутствующие в идеологии нового поколения финансового менеджмента: а) с помощью новых финансовых технологий деньги зарабатывать относительно просто; б) есть технологии страхования (хеджирования) рисков, которые делают бизнес на биржах и в финансовых областях почти безопасным. Вторая максима опиралась также на авторитет нобелевских лауреатов.

¹² Это сравнимо с трансформацией менталитета ремесленников, прежде работавших самостоятельно, но при переходе к мануфактуре, где работники производили намного больше, терявших индивидуальность.

Действительно, современные финансовые технологии позволили включиться в игру множеству людей. Хеджирование, как уже говорилось, в некоторых отношениях реально страхует риски, но отнюдь не глобальные риски. Глобальная финансовая экономика, напротив, оказалась незащищенной, поскольку многие апробированные в рамках национальных экономик механизмы смягчения циклических колебаний оказались недостаточно эффективными в рамках наднациональной финансовой реальности. И, к слову, стоит отметить, что на стремление к риску, обычно характеризующее как положительное и специфическое для психологии бизнесмена качество, в условиях глобализации необходимо взглянуть уже под иным углом. Если финансисты, а за ними и остальные бизнесмены рассматривают в качестве сферы приложения капитала весь мир, а риски касаются капиталов в триллионы долларов, рисковать или не рисковать – перестает быть только личным выбором бизнесменов и отдельных фирм. Склонность к риску, последствия которого могут оказать фатальное влияние на всю мировую экономику, становится опаснейшей чертой, а действия таких бизнесменов необходимо регулировать.

Глава 4. Современный глобальный кризис: причины и особенности. Оценка первых этапов

Тема кризиса уже в течение ряда лет не сходит с первых полос новостей и остается чрезвычайно популярной. Однако за лавиной негативной и быстро меняющейся информации не так легко понять глубинные причины современного кризиса, в чем он похож на целый ряд предшествующих ему циклических кризисов перепроизводства, а в чем не похож и какие принципиально новые черты в нем уже можно увидеть. Осмыслению причин и особенностей современного кризиса посвящена данная глава. Но речь в ней идет преимущественно о начальных этапах современного кризиса. События 2010–2011 гг. еще требуют своего осмысления.

1. Об истории денежных и экономических кризисов¹

Денежные кризисы имеют весьма солидную историю. Первые из них были связаны с попыткой заменить более дорогой металл дешевым. В исторической хронике зафиксированы случаи замены золота, серебра и меди железом. В частности, согласно Плутарху, знаменитый законодатель Спарты Ликург, борясь с возможностью разложения нравов, запретил иметь иные деньги, кроме железных (Сравнительные жизнеописания. Ликург IX). Такая мера привела к деградации и без того неразвитого рыночного хозяйства Спарты. Более прозаическими были причины попыток замены медных денег железными в Китае в VI в. н. э. Они были вызваны элементарной нехваткой меди, которую привозили из Японии и Кореи. В результате подделки железных денег и их обесценивания началась «железоденежная» инфляция (Далин 1983: 14–15). Однако нехватка меди в дальнейшем способствовала в Китае переходу не только к примитивным железным, но и к первым в мире бумажным деньгам, сначала в виде особых соляных квитанций, а затем (в XI в.) и в виде государственных денежных знаков в подлинном смысле слова (Там же: 16). Но с самого своего появления бумажные деньги стали источником инфляции и денежных кризисов (Там же). Замена меди железом, конечно, редкое явление в истории. Более известными были попытки заменить серебро медью. Это уже вызвало настоящую полноценную инфляцию со всеми вытекающими последствиями. Россиянам более всего известен Медный бунт, однако случаи «медноденежной» инфляции зафиксированы также в императорском Риме, особенно масштабные при Диоклетиане (Там же: 11–12). Но наиболее частой причиной денежных трудностей и кризисов в самых разных странах была порча серебряной и – реже – золотой монеты.

Первым биржевым кризисом по некоторым данным был кризис на антверпенской бирже в XVI в., вызванный отказом испанского короля Филиппа II и французского короля Генриха II в 1557–1558 гг. платить долги (см.: Ханин 1975: 311). Тогда в Антверпене пресекался кругооборот серебра, который поддерживал рынок (Бродель 1986, т. 2: 151). Антверпен в XVI в. становится центром мирового финансового рынка². В этом городе

¹ Подробнее историю кризисов см.: Гринин, Коротаев 2010а.

² О том, какие финансовые технологии (широкое введение обязательственных расписок, то есть векселей, их учет, взаимное погашение и т. п.) применялись антверпенскими купцами, см. подробно: Бродель 1986, т. 2: 153–155.

в 1531 г. (а по некоторым данным, даже в 1460 г.) открылась фондовая биржа, ставшая курсообразующим учреждением. Регулятором в ней был обменный курс основных европейских монетных единиц (Чистозвонов 1993: 62). Второе банкротство испанского короля Филиппа II в 1575 г. окончательно подорвало значение Антверпена как центра мирового кредита. И эта роль позже перешла к фондовой бирже Амстердама и Амстердамскому банку (Там же: 62–63).

Задолго до начала промышленного переворота стали известны биржевые кризисы «мыльных пузырей» (см.: Ханин 1975: 311), включая знаменитую аферу банка Джона Ло во Франции, выпустившего акций и банкнот на фантастическую сумму – 3 млрд ливров (см., например: Далин 1983: 24–25). Таким образом, биржевые «пузыри» имеют давнюю историю, как и мошенничества на бирже.

Первым циклическим экономическим кризисом считается кризис 1825 г. в Англии, который также частично затронул экономику США и Франции. Первым этот кризис считается потому, что он, во-первых, открыл начало повторяющимся промышленным циклам (см. Главу 2 Раздела 1), а во-вторых, потому что впервые охватил большинство отраслей промышленности. До этого кризисы, как правило, протекали в отдельных отраслях³ либо были прежде всего торговыми. Затем был значительный, хотя и менее глубокий, кризис 1836–1837 гг. Кризис 1847 г., усиленный неурожаями, охватил уже многие страны Европы. Первым мировым экономическим считается кризис 1857 г., он оказал влияние даже на Россию. Следующий мировой кризис датируется 1873 г., и он был наиболее длительным из всех предшествующих. Новый кризис произошел в 1882 г. и коснулся главным образом США и Франции, а следующий – 1890–1893 гг. – затронул также Германию и Россию. Оба этих кризиса (см. Главы 1 и 3 Раздела 2) проходили на фоне затяжного аграрного кризиса, когда цены на сельхозпродукцию в течение почти двадцати лет были низкими (что очень болезненно отразилось на сельском хозяйстве России). По-настоящему мировой характер носил экономический кризис 1900–1903 гг., который, как известно, усилил революционные настроения в нашей стране. До Великой депрессии 1929–1933 гг. следует также указать кризис 1907 г. и послевоенный быстро закончившийся кризис 1920 г. После Великой депрессии до Второй мировой войны следует упомянуть кризис 1937 г., последовавший за достаточно быстрым послекризисным восстановлением экономики в США. После Второй мировой войны кризисы не имели уже столь тяжелых последствий. Тем не менее следует упомянуть кризис 1948–1949 гг., который был связан также с массовой девальвацией валют, включая английский фунт стерлингов (Аникин 1963: 7); 1957–1958 гг. (усиленный мировым торговым кризисом); 1970–1971 гг., усугубленный валютно-финансовым кризисом и девальвацией доллара (см., в частности: Гречихин 1980). Наиболее сильным оказался кризис 1974–1975 гг. (падение производства в развитых странах составило почти 11 %), сильно осложненный быстрым ростом цен на нефть в 1972–1974 гг. – в пять раз. Это дополнительно способствовало тому, что впервые в истории кризисов спад производства шел не с падением цен (дефляцией), а с их подъемом (инфляцией). В конце 1970-х – начале 1980-х гг. кризисные явления наблюдались также в США, в некоторых странах Европы и мира (см., например: Аникин и др. 1982: 191–192). С этого времени казалось, что мировая промышленность, усиленная «локомотивами» Китая, стран АСЕАН, позже Индии и ряда других государств, развивалась хотя и с колебаниями, но почти без кризисов. Зато экономика бывшего СССР, Восточной Европы, Японии испытывала в период с конца 1980-х – начала 1990-х гг. глубокие системные проблемы.

³ Например, в конце XVIII – начале XIX в. молодая хлопчатобумажная отрасль в Англии испытала не менее шести кризисов, но каждый раз выходила из них более мощной за счет важнейших технических инноваций (см.: Мендельсон 1959, т. 1: Гл. VII). В то же время ее старшая сестра, шерстяная промышленность, развивалась по собственной траектории.

Однако последняя четверть XX и начало XXI в. характеризовались учащением финансовых кризисов. При этом в развивающихся странах они случались чаще, чем в развитых. Так, в 90-е гг. XX в. валютные кризисы произошли более чем в 60 странах, две трети из которых были странами с развивающимися рынками (Ломакин 2005: 175; см. также: Кобяков, Хазин 2003). Но в начале нового века очень сильные потрясения произошли именно в США. Особенно стоит упомянуть кризис акций ценных бумаг новых компаний (прежде всего связанных с интернет-технологиями), так называемый «dot-com bubble», или «I. T. bubble», то есть финансовый «пузырь» интернет-компаний 2000–2001 гг. (см. подробнее: Кобяков, Хазин 2003). В ходе этого кризиса сгорели триллионы долларов (от 8 до 15 по разным данным, см., например: Доронин 2003: 124; Кобяков, Хазин 2003), однако масштабного экономического кризиса за ним не последовало.

Учащению финансовых кризисов в последней четверти прошлого века и в начале нынешнего, вероятно, сильно способствовало совершение так называемой финансовой революции, начавшейся после кризиса 1974–1975 гг. и завершившейся в некоторых финансовых сферах в начале 1990-х гг. (подробнее о финансовой революции см.: Доронин 2003: 110–114). Об этой революции будет сказано ниже.

Очевидно, что в настоящее время фактически произошел или усилился отрыв финансовых технологий от реального сектора⁴. В этой связи стоит провести некоторые исторические аналогии подобного отрыва финансовых технологий от производственных, чтобы увидеть общие и специфические черты современного момента. Уже само появление золотой и серебряной монеты, стандарты которых (в отличие от веса слитков) должны были гарантировать правительства, становилось источником, как сказано выше, различных кризисов, связанных с порчей монеты. В отношении нарушения пропорций между финансовыми и производственными технологиями, возможно, имеют место циклические процессы, которые проистекают от того, что, с одной стороны, нехватка денежных символов (символов обмена) сдерживает рост производства, с другой – их избыток может пагубно влиять на него. Нехватка драгоценных металлов в XV в., как известно, была одной из причин поиска новых путей на Восток. Затем в XVI в. усовершенствованные способы добычи серебра в Америке вкупе с ростом финансового сектора в Европе (особенно в Нидерландах и Италии) вызвали знаменитую революцию цен в Европе и Передней Азии. Рост торговли, производства, государственных расходов в XVII и XVIII вв. требовал развития кредита и более удобных систем расчетов. Это способствовало внедрению в оборот бумажных денег и других ценных бумаг, что в XVIII–XX вв. нередко вело к отрыву денежного сектора от реального, неоднократно вызывало кризисы, особенно масштабные в результате действий революционных правительств⁵. Кроме того, одним из важнейших финансовых инструментов была система государственного долга, ставшая для ряда экономик постоянной формой существования, а также формой финансовой интеграции разных стран.

В XIX и начале XX в. огромную роль стали играть различные акционерные общества, банки и т. п. В первой половине XX в. гигантские корпорации (монополии) во многом создали современную промышленность, резко увеличили объемы международной торговли и ее специализацию. Но именно они во многом были ответственны за разрушительные мировые экономические кризисы. В XX в. стало ясно, что национальное производство невозможно без участия государства. В конечном счете, национальные го-

⁴ Торговля в последние десятилетия также развивалась гораздо быстрее, чем реальный сектор, значение которого в целом сокращается. В России рост ВВП тоже происходит прежде всего за счет непромышленного сектора (в лучшем случае – строительства), что делает нашу экономику неустойчивой (неудивительно, что в ноябре 2008 г. и январе 2009 г. промышленное производство в России столь заметно сократилось).

⁵ Первыми такими кризисами стали кризисы в молодых США и революционной Франции в конце XVIII в. (см.: Далин 1983).

сударства лучше или хуже научились регулировать экономическую деятельность в рамках национальных и частью даже наднациональных экономических пространств с помощью воздействия на экономику различных тонких регуляторов, минимизируя кризисные явления. Правда, не обходится без манипуляций с печатным станком, в результате инфляция стала постоянным спутником экономики, но все же удалось выработать определенные правила и рекомендации, с помощью которых финансовые инструменты можно было поставить под более строгий контроль.

О финансовых технологиях современного периода и их влиянии на развитие Мир-Системы уже было сказано, мы также вернемся к этому вопросу ниже в настоящей и следующей главах.

2. Предвестники, начальные фазы и некоторые причины кризиса

Предвестники и симптомы

В море экономических событий и процессов не всегда легко увидеть признаки перелома тенденций. Однако некоторые экономисты начали ощущать такой перелом уже за несколько лет до осени 2008 г. Например, в конце августа 2005 г. инвестиционный банк *Morgan Stanley* опубликовал доклад «Мировая экономика: пузыри вокруг нас». Автор документа экономист Энди Кси пришел к выводу о чрезвычайной перегретости современной мировой экономики, которая была переполнена «мыльными пузырями» – необоснованно раздутыми ценами на сырье, недвижимость, акции. Совокупный размер этих «пузырей» составлял, по его расчетам, половину мирового ВВП (см.: Блант 2008: 12). Это было совсем неудивительно, поскольку к этому же времени объем только секьюритизированной задолженности⁶ составил 84,3 трлн долларов, или 138 % мирового ВВП (см.: Смирнов 2008: 21).

Достаточно странно вели себя цены. В условиях стремительного роста цен на энергоносители и сырье, огромной кредитной экспансии и подешевления доллара инфляция в США была почти незаметной. Напомним, мы уже говорили, что это сильно смущало А. Гринспена (2009), который рассматривал данное явление как головоломку. По его мнению, одной из причин такого странного поведения цен стала глобализация. Действительно, дешевый импорт из Китая, Турции и ряда других стран существенно сдерживал рост цен.

При этом мощнейший рост фондового рынка в США и продолжающийся подъем экономики способствовали тому, что «все производство в мире настраивалось в расчете на англо-американских потребителей» (Корриган 2005: 30, 31).

Другая причина слабого проявления инфляции, о которой сам А. Гринспен упоминает достаточно невнятно, но зато активно говорят другие экономисты, – это то, что на потребительском рынке, который и служит главным источником данных для расчета инфляции, роста цен практически не наблюдается. На это, кстати, указывает и вышеупомянутый доклад *Morgan Stanley* о «мыльных пузырях». Словом, ситуация с инфляцией в предшествующие настоящему кризису годы в какой-то мере напоминала ту, что была перед Великой депрессией. Анализируя эту проблему применительно к 1929 г., как мы помним, Г. Хаберлер указывал, что говорить об инфляции, совсем не учитывая роста биржевых котировок, нельзя. В настоящий период, когда роль финансовых услуг и объемы продаж финансовых продуктов на порядки возросли, это тем более так.

Словом, мы должны сделать вывод, что налицо ситуация, когда в некоторых странах, особенно в центре Мир-Системы, инфляционная тенденция перетекает именно в «пузыри». При этом чем сильнее эта тенденция, тем больше надувается «пузырей», тем

⁶ То есть тем или иным способом застрахованной, подстрахованной, хеджированной.

это опаснее. А эта тенденция тем сильнее, чем больше концентрируется свободных капиталов, чем заметнее кредитная экспансия, чем сильнее импорт капитала и его «переработка» в местах крупнейших финансовых рынков. В этой связи весьма наивно выглядит заявление А. Гринспена: «Как ни странно, но я совершенно не ожидал, что финансовая система не сможет эффективно защитить себя от раздувания “пузыря” эйфории. Мы в ФРС всегда рассчитывали на способность банков избегать наиболее неприятных рисков» (Гринспен 2009: 494). Если можно так выразиться, повышение интенсивности финансового давления на экономику неизбежно ведет к повышению доли рискованных финансовых операций, во многом даже помимо желания субъектов рынков. Рост объемов капитала, усиление конкурентной борьбы за наиболее выгодное его вложение и боязнь отстать от других вынуждают к тому, чтобы браться за более рискованные и/или более «модные» современные операции.

Только в последние год-полтора перед кризисом инфляция в США стала несколько более заметной (в том числе и в связи с ростом цен на продовольствие). Слишком уж велик был перегрев, чтобы цены совсем не проявили тенденции к росту в явном виде. С другой стороны, в понижательных фазах длинных волн в прежних циклах начинала преобладать дефляционная тенденция, которая, кстати говоря, проявила себя и в ходе первой волны кризиса в 2008–2009 гг. Поэтому не исключено, что замедление мировой инфляции в 2008–2009 и 2011–2012 гг. связано с началом перелома повышательной фазы на понижательную.

Рост цен на сырье и энергоносители на мировых рынках и то, что мировой капитал охотно втянулся в игру на повышение этих цен, очень существенно повысило роль некоторых периферийных стран, их финансовые возможности и начало менять направления мировой торговли.

Начало ипотечного кризиса в США

Мировой кризис имел своим истоком ипотечный кризис в США, что единодушно признается всеми. Быстрый рост объема ипотечного кредитования начался в США как раз в разгар «доткомовского» кризиса в 2000–2002 гг., что было связано со снижением процентных ставок по ипотечным кредитам. Вырос спрос на недвижимость, а вместе с этим и поднялись цены на нее. Строительство жилья приобрело рекордный размах, а число домов, которые сменили владельцев на рынке вторичного жилья, было огромным. В начале 2003 г. ставка по 30-летним ипотечным кредитам была ниже 6 %. До такого уровня она не опускалась с 1960-х гг. Ипотечные кредиты с изменяемой ставкой стоили еще дешевле. Это стимулировало оборот на рынке недвижимости, и цены ползли вверх.

Люди, купившие жилье раньше и, следовательно, дешевле, охотно продавали его, брали дешевые кредиты и строили новое. Это становилось бизнесом как для отдельных индивидуумов, так и для целых финансовых секторов. По данным Национальной ассоциации риелторов, к 2005 г. инвесторы, то есть те, кто помещал деньги в недвижимость, скупили 28 % домов (хотя обычно доля перепродажи не превышала 10 %). Они превратились в рыночную силу, которая почти на треть увеличила оборот существующего жилья (Гринспен 2009: 230).

Постепенно, однако, в связи с различными причинами, включая рост цен на продовольствие и энергоносители, а также то, что все больше кредитов выдавались без первичного взноса, значительная часть населения не смогла расплачиваться с кредитами. Начались взыскания на дома и выселения, выставление этих объектов на торги. В то же время ввод в строй новых домов в 2006 г. намного превысил спрос на односемейное жилье, занимаемое собственниками. Цены стали падать под давлением избыточного предложения и одновременного падения спроса. Снижение цен на недвижимость привело к разорению части спекулянтов и к большим потерям банков, которые не могли теперь

вернуть деньги по ипотечным кредитам в полном объеме (а многие дома просто сложно было продать). Безумие, по выражению А. Гринспена, достигло пика в начале 2006 г., и в этом году ипотечный кризис стал фактом. Но особенно остро он почувствовался к концу 2007 г. С марта 2006 по март 2008 г. в США продажи односемейного жилья, как нового, так и существующего, сократились на треть (Гринспен 2009: 487).

Ипотечное кредитование наряду с иными формами кредитов привело к очень быстрому росту задолженности населения США, американцы все заметнее потребляли больше, чем производили. Таким образом, вся экономика начинала развиваться как бы в кредит и за счет будущего, а также за счет особой позиции доллара и импорта капитала. Это было очень опасно⁷.

Перерастание кризиса из американского в мировой. Нефтяной «пузырь»

Гигантская стоимость так называемых низкокачественных ипотечных кредитов (то есть кредитов, ликвидность которых существенно ограничена) была преобразована в специальные облигации, которые получили в целом достаточно надежный рейтинг; на эти облигации были созданы иные финансовые производные инструменты и страховки, которые были вложены в различные кредиты и пр. В результате эти в основе своей ненадежные (позже названные «токсичными») ипотечные активы разошлись миллионами потоков по самым разным рынкам, активам, фондам – от государственных страховых активов иностранных держав до самых спекулятивных хедж-фондов. Вот почему «проблемы в относительно небольшом сегменте американских финансов – сегменте низкокачественных ипотечных кредитов⁸ – быстро вышли за пределы рынка жилья и границы США, нарушив функционирование глобальной финансовой системы и омрачив перспективы экономического роста многих стран» (Гринспен 2009: 480)⁹. Когда стало ясно, что система кредитных и иных рейтингов имеет пороки, паника охватила очень многих. А в условиях, когда активы кажутся ненадежными, нормальных надежных кредитов и ликвидных источников всегда сильно недостает. Спрос на кредиты (и их цена) резко растет, в условиях их недостатка или высокой стоимости начинаются трудности в гигантских финансовых корпорациях и их банкротства. И вся экономика мира начинает катиться к кризису.

Итак, «заражение» плохими активами низкодоходных ипотечных бумаг всех финансов мира привело к тому, что с лета 2007 г. началось постепенное перерастание частичного американского кризиса в мировой финансовый кризис. Однако, как мы видели выше, такого рода события на мировых финансовых рынках уже как будто ожидалось. Поэтому если бы даже не было проблем с американскими низкокачественными ипотечными кредитами, по-видимому, возникли бы проблемы, связанные с некоторыми другими финансовыми продуктами и рынками (что и показал кризис европейских долгов в 2009–2011 гг.).

Возникает вопрос: почему внутренний кризис в США стал толчком к столь быстрому проявлению кризиса во всем мире? Почему не имел таких глобальных последствий кризис интернет-компаний в 2000–2002 гг. в США, и в чем теперь изменилась ситуация? Нам кажется, что, во-первых, современный кризис, по крайней мере в США, удавалось оттянуть во времени (за счет наращивания внутреннего долга, понижения учетных ста-

⁷ Суммарный объем задолженности всех секторов экономики США к концу 2007 г. достиг 57,1 трлн долларов, что в 4 раза превышало размеры ВВП. Причем сумма задолженности росла гораздо быстрее экономики – примерно на 10–12 % в год (Смирнов 2008: 8; Блант 2008: 82–83).

⁸ Но это так сказано – *относительно* небольшой, а на самом деле он очень крупный, так как общая сумма ипотечных кредитов достигала 12 трлн долларов.

⁹ Отметим, что начиная с конца 2009 г. «плохие» долги европейских банков, особенно связанные с государственным долгом ряда европейских стран – членов ЕС, стали источником длительной, не закончившейся и на конец 2011 г. финансовой турбулентности Европы и всего мира.

вок и т. п.), и теперь его последствия оказались более сильными, чем могли бы быть раньше. Во-вторых, за прошедшие несколько лет современная мировая экономика, особенно ее финансовая и внешнеторговая составляющие, оказалась связанной еще более тесно, чем раньше. Так что неурядицы, начавшиеся в одном месте, мгновенно отзываются в другом. В-третьих, в США все более и более концентрируются финансовые активы мира, и они стали крупнейшим финансовым, информационно-технологическим, валютным и т. п. центром мира. В-четвертых, ресурс развития периферийных стран за последние несколько лет, с одной стороны, стал исчерпываться, с другой – сама возможность быстрого роста оказалась сильно привязанной к спросу в центре Мир-Системы (из-за экспортной ориентированности многих периферийных стран). В результате проблемы центра Мир-Системы стали проблемами Мир-Системы в целом. В-пятых, масштабы финансовых проблем в центральных государствах Мир-Системы стали таковы, что для их погашения нужны гигантские ресурсы. И если в условиях периферийных кризисов МВФ Всемирный банк и другие организации еще могли пытаться помогать кредитами, то помогать кредитами Америке, Германии, Франции, Великобритании могут только сами США, ЕС или национальные ЦБ¹⁰, хотя в настоящее время финансовые возможности МВФ пытаются существенно расширить.

Летом и осенью 2007 г. в мировых финансах произошли достаточно крупные и неприятные события. В частности, 9 августа французский банк *BNP Paribas* приостановил торговлю по трем своим взаимным фондам, и в течение нескольких часов рынки краткосрочных кредитов по всему миру фактически перестали функционировать. ЦБ крупнейших стран вынуждены были вбросить в банковскую систему 300 млрд долларов (см.: Блант 2008: 63–64), и уже можно было говорить о полномасштабном финансовом кризисе, так как по фондовым биржам прошла полоса обвала¹¹. Мировые фондовые рынки затем вступили в зону резких колебаний: обвальное падение сменялось не менее стремительным взлетом, за которым следовала новая волна распродаж. Ситуация усугубилась попытками ФРС США снизить ставки, чтобы увеличить количество денег в экономике в условиях кризиса.

После августа 2007 г. в развитых странах началось то, что А. Гринспен (2009: 490) назвал «перетягиванием каната между здоровыми нефинансовыми секторами и больными финансовыми системами». Нефинансовые сектора в США и многих других странах находились в это время в несколько лучшей форме, чем финансовые, благодаря процентным ставкам, которые держались на низком уровне уже не один год. Бизнес еще имел возможность финансировать свои краткосрочные обязательства с помощью дешевого долгосрочного заимствования. Однако опасным сигналом было то, что банки и другие финансовые институты сократили все формы кредитования.

В январе 2008 г. на биржах произошел довольно чувствительный крах. Однако ситуация как будто опять выправилась, фондовые рынки оправились, а нефть начала штурмовать ценовые высоты. На фоне небывалого роста цен на нефть происходила фактическая девальвация доллара. Позже, когда нефть упала в цене, доллар несколько отыграл позиции. Странная, на первый взгляд, обратная зависимость между стоимостью нефти и доллара связана не только с особенностью нефтяных торгов, идущих практически только за доллары¹², но и со спекулятивным характером роста цен на нефть. На фоне роста цен на нефть, усыпляющего тревогу нефтеэкспортирующих стран, включая Россию, то там, то здесь шли биржевые обвалы. Весной 2008 г. был обвал на Шанхайской бирже, где индексы упали почти вдвое (правда, не без целенаправленного воздействия китай-

¹⁰ Впрочем, и ЕЦБ оказывается во многом бессильным перед громадой «плохих» долгов разных стран ЕС.

¹¹ В сентябре начались проблемы у британского банка *Northern Rock*, который в феврале 2008 г. пришлось национализировать (Кокшаров 2009: 24).

¹² Только во время кризиса начинаются поиски других средств нефтяных торгов (евро, юаня и т. п.).

ского правительства, опасавшегося надувающегося в Шанхае «пузыря»). Достигнув 19 мая своих максимальных значений, российские фондовые индексы начали снижаться, ускорившись с начала июня, пока 25 июля 2008 г. не произошел весьма значительный обвал. Периодически поднимались и падали цены на сырье и продовольствие, но весной и летом стали падать цены на цинк и никель, пшеницу и другие товары. Кризис «блуждал» с высокой неопределенностью по различным сегментам финансового рынка, снижая котировки компаний (Смирнов 2008: 7). Спекулятивных капиталов стало явно не хватать, чтобы поддерживать рост цен везде.

Некоторые очевидные причины кризиса

Есть смысл посмотреть, какие причины кризиса выдвигаются экономистами. «Спусковым крючком» кризиса стали проблемы на рынке ипотечного кредитования США. Но были, разумеется, и макроэкономические причины. В частности, А. Кудрин считает, что ведущей макроэкономической причиной оказался избыток ликвидности в экономике США, что в свою очередь определялось многими факторами, включая общее снижение доверия к странам с развивающимся рынком после кризиса 1997–1998 гг., инвестирование в американские ценные бумаги странами, накапливающими валютные резервы (Китай) и нефтяные фонды (страны Персидского залива), политику низких процентных ставок, которую проводила ФРС в 2001–2003 гг., пытаясь предотвратить циклический спад экономики США. Под влиянием избыточной ликвидности активизировался процесс формирования рыночных «пузырей» – искаженной, завышенной оценки различных видов активов. В отдельные периоды такие «пузыри» формировались на рынках недвижимости, акций и сырьевых товаров, что стало важной составной частью кризисного механизма. Он также указывает на непрозрачность финансовых инструментов, которые привели к фактической маскировке рисков (Кудрин 2009: 9–10; см. также: Суэтин 2009б; Григорьев, Салихов 2008). По поводу глобальной недооценки риска следует добавить, что хотя такая недооценка всегда имеет место в период спекулятивной эйфории и перегрева экономики, в последние десять лет она сильно усыплялась еще и идеей, что новые компьютерные программы, созданные для вложения средств на бирже и на других рынках, а также новые финансовые инструменты почти автоматически гарантируют безрисковость.

Очевидно, что без учета вышеуказанных причин и факторов просто невозможно понять, как разворачивался современный кризис. Неизбежности кризиса способствовали также:

- рост значимости и влияния финансового сектора и новых финансовых инструментов;
- огромный объем финансовых капиталов и ценностей, ищущих приложения;
- то, что рост свободных капиталов усиливался замедлением темпов роста в центре и политикой кредитной экспансии (дешевых денег), которую проводили США и ряд других стран;
- нелишним также будет указать, что ЕС ставил перед странами-кандидатами очень высокие планки и требования о темпах роста, что дополнительно перегревало экономику отдельных стран.

Добавим также некоторые причины неизбежности возникновения кризиса осенью 2008 г. К этому времени базовая ситуация уже сильно отличалась от того, что было хотя бы годом раньше. Во-первых, слишком переоцененной оказалась нефть. Нефтяные торги выросли в фантастический по размерам спекулятивный «пузырь», который не мог не слутся, особенно в условиях замедления темпов роста мировой экономики. А падение нефтяных цен вело к кризису финансовых рынков, бюджетов и экономик многих стран (в частности, таких как Россия) и разорению множества спекулянтов, надеявшихся разогнать цены до 200 долларов за баррель. Во-вторых, помимо нефтяного «пузыря» было еще много других сырьевых «пузырей», которые также должны были слутся. В-третьих, спе-

кулятивного капитала стало еще больше, а рост котировок на биржах дошел уже до сот, дальше которых можно было подниматься только в условиях каких-то особо благоприятных обстоятельств. Коррекция на биржах была неизбежна, причем резкая коррекция. В-четвертых, помимо ипотечного в США, нефтяного и сырьевых «пузырей» в каждой стране были и собственные «пузыри» (типа недвижимости в России), которые также уже дошли до предела роста. В-пятых, рост цен на сырье и энергоносители вызвал рост цен на продовольствие; это все вместе стало сильно давить на экономику развивающихся стран, выступавших главными локомотивами мирового роста¹³. И действительно, благодаря тому, что замедление темпов роста во многих развивающихся странах, прежде всего в Китае и Индии, в период кризиса оказалось незначительным, именно эти экономики не позволили миру в течение 2009–2011 гг. «упасть». Однако начавшиеся с конца лета 2011 г. процессы сильного падения биржевых котировок (которые в принципе можно рассматривать как вторую волну кризиса [см., например: Акаев, Садовничий, Коротаев 2010, 2011; Акаев, Коротаев, Фомин 2011, 2012; Акаев *et al.* 2011; Акаев, Fomin, Korotaev 2011]), похоже, усилят депрессивные моменты как в развивающихся странах, так и в мире в целом.

Можно также упомянуть некоторые неглавные, но достаточно характерные конкретные причины усиления кризисной ситуации.

Любопытно, что внимание политиков в наиболее драматичный предобвалный период было занято провоцированием грузино-российского конфликта (из-за Южной Осетии) и «воспитанием» России. В результате момент кризиса оказался просмотренным. Вообще, острая политизация международных отношений в предкризисный период, неумное стремление США к экспансии, к вытеснению России и других геополитических противников из всех возможных зон, стремление сделать независимым Косово, совершение «цветных» революций и т. п. – все это сильно отвлекло и силы США (Запада в целом), и ряда идущих в их фарватере стран, в частности таких как Украина. Отметим также, что в США предвыборная кампания 2008 г. очень сильно отвлекала внимание президента Буша, претендента на президентский пост Маккейна и всей правящей и оппозиционной элиты от надвигающегося кризиса. О нем заговорили только тогда, когда пожар уже начался. В одной из своих книг (Гринин, Коротаев 2010а) мы уже говорили, что многие кризисы начинаются осенью. В отношении США этому способствует то обстоятельство, что президентские выборы происходят в ноябре. Недаром некоторые американские экономисты (например, В. Д. Нордхаус) в качестве важных причин цикличности и кризисов выдвигают так называемый президентский цикл и действия президентов в последний год первого срока, когда они надеются на переизбрание (см.: Самуэльсон, Нордхаус 2009). При этом из-за смены власти, когда «старый» президент с начала ноября работает уже не так активно, а новый приступает только в начале следующего года, возникает некий вакуум власти, особенно опасный в период кризисов¹⁴. Впрочем, надо отдать должное Дж. Бушу и Б. Обаме – в конце 2008 г. они все же действовали относительно слаженно.

Если обобщить вышесказанное, то можно сказать, что в основе причин кризиса лежат недостатки, несовершенства и пороки современных финансовых инструментов и мировой финансовой системы, ошибки в финансово-экономической политике. Однако, на наш взгляд, есть и более фундаментальные причины, которые сильно способствовали тому, что кризис стал мировым и глобальным.

¹³ Появилась даже теория декаплинга, согласно которой развивающиеся рынки должны выступить тем «мотором», который может вывести развитые страны из рецессии (см.: May 2009: 4)

¹⁴ Возможно, неслучайно банковский кризис в США разразился в марте 1933 г., то есть после президентских выборов и смены власти, когда в Белый дом пришел Ф. Рузвельт, сменив Г. Гувера.

3. Более глубокие причины кризиса. Кризис как обратная сторона глобализации

Диспропорции финансовой глобализации

Важнейшие причины кризиса, на наш взгляд, несомненно лежат в росте глобализации, в процветании за счет развития глобальных процессов в мировой экономике большого числа государств и целых регионов, в успехах, которые сделали в последнее время многие страны, в том числе развивающиеся и средне развитые, хотя выгоды эти распределялись очень неравномерно. В самом деле, если за 2003–2008 гг. мировой ВВП вырос по меньшей мере на четверть (см., например: Григорьев, Салихов 2008: 27), то основная заслуга в этом принадлежит именно развивающимся странам и странам с переходной экономикой (см., например: Коротаев, Халтурина 2009; Коротаев и др. 2010а).

Таким образом, глобальный кризис – это обратная сторона глобализации (см. также: Гринин 2008д, 2009а, 2009е). Причем именно финансовый сектор стал своего рода авангардом экономической глобализации, одновременно и стимулируя подъемы в местах, куда он перетекает, и вызывая кризисы в слабых национальных экономиках при его резких оттоках¹⁵.

В качестве общих причин современного кризиса можно также выделить **отрыв финансовых технологий от экономики в целом (об этом уже сказано выше) и отставание мировых политических институтов от мировой экономики**. Тесная связь национальных экономик между собой приводит к очень быстрому и во многом неуправляемому реагированию на локальные кризисы в разных местах планеты. Это подтверждали финансовые кризисы последних 15 лет в разных странах и в еще большей степени – современный кризис. Одна из главных причин такой неустойчивости коренится в том, что политические институты отстают от экономики, которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования (Ван дер Вее 1994: 374), каких-то форм совместного контроля над источниками колебаний финансовых и иных рынков. Следовательно, можно ожидать, что начнут вырабатываться более жесткие правила и появляться какие-то договоренности или органы, ставящие интересы международных спекулянтов под контроль (в таком контроле всегда есть и плюсы, и минусы, но, похоже, сегодня плюсов все-таки будет больше). Говорят об этом довольно давно, но, возможно, в результате настоящего кризиса международных спекулянтов все же удастся обуздать.

Финансовые рынки непредсказуемы и нестабильны, поэтому они будут вновь и вновь вызывать кризисы, если не удастся выработать совместные правила, если не взять под контроль мировой спекулятивный капитал. Без должной меры регулирования, без развития правовой базы, в надежде только на то, что рынок все отрегулирует сам, весь мир по-прежнему будет оставаться заложником торопливости, жадности, неправомерных действий, эгоизма и элементарных ошибок сравнительно небольшой группы спекулянтов и финансистов. Необходимые как важный элемент экономики, они, становясь главными и неуправляемыми, способны свергнуть мир в хаос. Как в свое время была поставлена под более строгий контроль частная собственность, так теперь надо поставить под более жесткие правила регулирования эти гигантские финансовые потоки. Мы еще вернемся к этому вопросу в следующей главе.

Нынешний кризис, помимо прочего, также показал, что в условиях полной анархичности в темпах экономического роста, когда чем выше темпы роста, тем выше оценива-

¹⁵ Некоторые вообще считают, что глобализация основана на финансовом капитале как функциональном ей. Другие рассматривают глобализацию как рост контроля со стороны международного капитала стадий общемирового воспроизводственного цикла (Анилионис, Зотова 2005: 233).

ются деятельность правительств и позиции отдельных стран, перегревы, ведущие к мировым кризисам, просто неизбежны¹⁶.

Кризис как следствие глобального разделения труда между странами

Быстрое распространение кризиса связано и с глубоко зашедшим процессом экономической глобализации, в частности углубившимся процессом международного разделения труда, которое сегодня стало не только очень сильным, но во многом просто ущербным и крайне рискованным. Самым заметным в глобальном разделении труда стало то, что страны мир-системного центра, то есть развитые/западные страны (особенно Великобритания и США), более активно развивают у себя финансовый сектор¹⁷, в то время как периферийные страны более активно развивают реальную экономику.

Это сказывается на странах самого разного размера и экономической развитости, но, может быть, особенно ярко – на небольших государствах. Целый ряд таких стран специализировался на деятельности, которая в случае кризисных явлений просто обваливается. В результате сначала происходил удивительно быстрый подъем, как, например, в Ирландии, Исландии и других странах, а затем их финансовые системы, игравшие роль полуофшоров и рискованных фондов¹⁸, начинали рушиться. Резко обвалились и экономики малых стран, которые жили за счет туризма и прочих посреднических услуг, например Эстонии и других стран Балтии. Страны Восточной и Центральной Европы, сосредоточившие свои усилия на финансовых операциях (это у некоторых стран – давняя традиция) и/или положившиеся на то, что со вступлением в ЕС за них будут думать «старшие братья», в результате оказались в эпицентре кризиса. Быстрый рост мировой торговли¹⁹, неразрывно связанный с мировой специализацией, в последние десятилетия вывел в лидеры ряд стран, включая и Китай. Падение объемов мировой торговли, естественно, отражается на их экономике.

Повторим, что одна из самых главных форм современного разделения труда между странами состоит в том, что наиболее развитые государства, включая США, все более специализируются на аккумуляции мировых финансовых активов и производстве добавленной стоимости именно за счет использования различных финансовых институтов и инструментов. Фактически финансовый сектор из сектора, связанного в основном с обращением, превратился в сектор, обеспечивающий основной вектор развития экономики. В структуре валового внутреннего продукта (ВВП) доля финансового обслуживания за последние 15 лет увеличилась в Великобритании с 13,3 до 28,5 %, в США – с 17 до 25 %, в Германии – с 14 до 28 % (Медведев Ж., Медведев Р. 2009; см. также: Акаев, Садовничий 2010). Это привело к тому, что в ряде стран существенно изменилась сама структура экономики, кредитно-финансовый и страховой секторы стали расти в них намного более быстрыми темпами, чем остальные (включая и быстрый рост доли занятых в этих и смежных секторах в общей структуре занятого населения).

И в целом в мире темпы прироста прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в последние два десятилетия XX в. существенно превышали темпы прироста мировой торговли и совокупного ВВП мира: в 1980-е гг. соответственно в 3 и 4 раза; в 1991–

¹⁶ Нам уже приходилось писать, что было бы оправданно, если бы в будущем стала складываться система кво-тирования темпов экономического роста, хотя бы в отдельных его направлениях (см.: Гринин 1999, 2005, 2008б: 97; Гринин, Коротаев 2009б: 504). О негативных следствиях в мировом масштабе стратегии «разви-тия» во что бы то ни стало и соревнования за более высокие темпы экономического роста см.: Кучуради 2008: 23.

¹⁷ Странами мир-системного ядра в широком смысле можно считать наиболее развитые страны ОЭСР (Органи-зации экономического сотрудничества и развития), к которым обычно относят 24 страны из 30 входящих в эту организацию. На долю ОЭСР приходится около 60 % мирового ВВП.

¹⁸ Недаром один комментатор назвал Исландию «хедж-фондом» (Голубицкий 2008).

¹⁹ В течение 1996–2006 гг. темп роста экспорта в мире почти в два раза превосходил темп роста ВВП мира (WTO 2007).

1996 гг. – в 2,3 и 2,7 раза (Ляменков 2000: 33). Мало того, в последнее перед кризисом время укрепилась тенденция (хорошо заметная нам и по России) повышения роли портфельных инвестиций (то есть в виде покупки акций, облигаций, бондов и т. п.) в процессах международной миграции капиталов (соответственно вложения в непосредственные экономические объекты растут заметно медленнее). Если в середине 1970-х гг. в структуре экспорта частного капитала стран ОЭСР облигационные займы составляли 10 %, то в середине 1990-х гг. – уже 40 % (Там же). Но колебания такого портфельного капитала, его приток или отток, могут фатально повлиять на экономическую ситуацию, поскольку он может «сбежать» в течение дней и даже часов, тогда как производственный инвестиционный капитал если и уходит из страны, то в течение месяцев или даже лет.

В то же время во многих странах финансовый сектор наряду с другими видами услуг и сферой обращения (в том числе торговлей) фактически стал выдавливать остальные сектора, ориентированные на материальное производство. В последние десятилетия в развитых странах Мир-Системы шел активный процесс вывода материального производства на периферию Мир-Системы. Это было связано со следующими обстоятельствами:

- Во-первых, странам мир-системного центра оказывалось сложно конкурировать с производством в тех полупериферийных и даже периферийных странах, где была дешевая (но при этом достаточно квалифицированная) рабочая сила (выгоднее было вывести туда производство).
- Во-вторых, это было связано с иными, более выгодными условиями, характерными для стран мир-системной периферии и полупериферии, в частности с менее жестким законодательством, в том числе трудовым и экологическим.
- В-третьих, с тем, что в странах мир-системного центра с изменением господствующей системы ценностей (с «ценностей выживания» на «ценности самовыражения») (см., например: Inglehart 2000; Коротаев, Халтурина 2009) все меньшее число людей стремилось работать на тяжелом материальном производстве, там во все большей степени оставались только такие работы, которые нельзя было заменить импортом, то есть сфера услуг.
- Наконец, важнейшей причиной был рост сферы финансового сектора, финансовых (и с ними связанных) услуг, которые и заменяли выпадающие объемы ВВП, и обеспечивали гораздо более высокие доходы.

В связи со все более заметным процессом вывода предприятий реальной экономики в развивающиеся страны в США и других западных странах особо важное место заняли такие сектора, как жилищное строительство и некоторые другие направления, в высокой степени зависимые от колебаний потребительского спроса населения, от кредитования, состояния финансовых институтов, требующие постоянного повышения уровня жизни населения. А это ведет к уменьшению доли накопления в западных экономиках (Кобяков, Хазин 2003; Ломакин 2005: 429–430; Гринин 2009а, 2009б; Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010), постоянному росту кредита, увеличению объемов внутреннего долга. В результате экономика постоянно развивается за счет заимствований у будущего, а это значит, что когда наступает кризис, долг приходится отдавать срочно.

Таким образом, в ряде современных экономик (особенно Великобритании и США) и в целом в мире финансовый сектор стал не просто частью обращения, но фактически в некоторых отношениях ведущей «производственной» отраслью экономики, поскольку именно здесь создавалась огромная доля добавочной стоимости²⁰. Неудивительно, что именно данный сектор начинает определять основные векторы развития²¹.

²⁰ Конечно, финансовый сектор всегда играл важную роль в экономике, и от его состояния всегда зависело ее благополучие, а доходы от займов иностранным правительствам и частным фирмам были важной статьей

Такое разделение труда имеет целый ряд важнейших следствий. Западные страны становятся не только центром мировых капиталов, но и их нетто-импортерами. В них происходит такое явление, как деиндустриализация. Напротив, в периферийных странах быстро растет промышленность. Отсюда темпы роста в таких растущих экономиках, как страны БРИК и многие другие, длительное время остаются существенно выше, чем на Западе (см., например: Гринин, Коротаев 2010а; Коротаев, Халтурина 2009; Коротаев и др. 2010а). В итоге в периферийных странах особенно быстро растут экспортные отрасли, в то время как США и ряд западных стран становятся потребляющим центром, спрос в котором, по сути, определяет благополучие периферийных экономик. Таким образом, в целом наблюдается ослабление роли Запада как промышленно-экономического центра Мир-Системы, но в то же время увеличивается его значимость как импортера товаров и капиталов; соответственно налицо увеличение экономической роли периферии в целом и некоторых периферийных центров в особенности, однако их экономика все сильнее зависит от возможностей потребления на Западе. Экономика потребления стала теперь уже не западным, а мир-системным императивом (см., например: Wolf 2005).

В последние два десятилетия произошли резкие изменения в мировой позиции США, связанной с движением прямых zahraniчных инвестиций. Они не только увеличились в объемах, но кроме того, США стали импортером капитала (то есть иностранные инвестиции заметно превышают инвестиции Штатов в другие страны)²². Пятую часть банковских активов США контролируют иностранцы (Ломакин 2005: 439). Еще более заметные изменения происходят в отношении ссудного капитала, так как правительство Соединенных Штатов выступает крупнейшим заемщиком, обязательства которого охотно покупают иностранцы. Всем также известно, как много долларов накоплено в мире, в том числе у многих национальных правительств. Значительная часть этих иностранных активов также размещена в финансовой системе США.

Особенность развития Соединенных Штатов Америки связана не только с тем, что они имеют дополнительные преимущества за счет отсутствия нужды для внешнеторговой деятельности иметь чужую валюту и могут «печатать» доллары. Дело в том, что США, имея наиболее мощную экономику и финансово-кредитную сферу, становятся магнитом для множества свободных капиталов и активов. Как бы ни ругали Штаты, для столь возросшей массы денег и их заменителей достаточных активов и форм вложения, куда могли бы переходить свободные средства других государств и негосударственных корпораций, просто нет. Куда могут двинуться триллионы нефтедолларов многих стран ОПЕК? В США и частично в Европу. Где хотят разместить свои облигации, бонды и т. п. корпорации различных стран? Там же. Деньги к деньгам... Этот старый принцип вполне работает и сегодня. В этом плане вовсе не удивительно, что Китай и другие страны вкладывают свой резерв в государственный долг США даже сейчас, в условиях кризиса. По разным причинам они считают, что иной альтернативы нет, так как деньги должны работать, а обвал доллара им невыгоден. Соединенные Штаты имеют значительные доходы от размещения чужих активов и их обслуживания, их возможности для

дохода буржуазии некоторых стран (Голландии, Англии, Франции) и в прежние периоды. Но все-таки, пожалуй, никогда рост кредитно-финансовой, страховой и т. п. сфер не занимал столь важного места в общем балансе ведущих западных стран и всего мира, как сейчас. А главное, что динамика этой значимости идет по нарастающей. Кроме того, само финансовое производство имеет очень существенные отличия от иного производства, что не может не влиять на характер циклического развития (об особенностях финансового производства см. также: Левина 2007; Тамбовцев 2009).

²¹ В частности, то, что строительство и продажа домов стали в США и некоторых других странах важнейшим источником создания национального дохода. А то, что цены на недвижимость очень быстро росли, во многом объясняется именно ростом объемов ипотечного кредита и тем, что финансовый капитал устремился в данный сектор (что мы хорошо видели и в России).

²² Второе и третье места среди стран-импортеров капитала накануне глобального кризиса занимали соответственно Испания и Великобритания (Хайльманн, Майш 2009).

кредитования собственных резидентов увеличиваются, но здесь таится и большая опасность для них и других стран.

Кроме того, в мире пока нет другой валюты, которая могла бы играть роль мировой в столь большом объеме. И кризис еврозоны как будто подтверждает это. Именно в этом кроется секрет устойчивости доллара, который уже во многом вышел из-под контроля правительства США и живет практически своей жизнью. Но в этом, конечно, и большая опасность для самих Штатов, поскольку они не контролируют собственную валюту, за которую должны в принципе отвечать (см., например: Акаев, Садовничий, Коротаев 2010, 2011; Акаев, Коротаев, Фомин 2011, 2012; Akaev *et al.* 2011; Akaev, Fomin, Korotayev 2011). Это увеличивает шаткость ситуации.

Неуправляемость мировых финансовых потоков и возврат к жюгляровскому типу цикличности

Недостаточный уровень регулирования мирового капитала, его движения и силы воздействия на различные страны, усиление анархичности производства и особенно хаотичности и бесконтрольности финансовых потоков и финансового «производства» привели к тому, что современный кризис стал развиваться по типу циклических кризисов классической жюгляровской модели.

Напомним схему такого циклического развития: мощный неконтролируемый рост, ведущий к перегреву, росту цен на сырье и ресурсы, переходящему в спекулятивный рост; появление секторов, в которых спекуляции достигают пика; обвал в каком-либо месте; затем крайний дефицит ликвидных (нормальных денежных) ресурсов и нормального кредита; биржевой и прочий обвал; огромный спад в экономике с банкротствами, безработицей, падением внешней торговли еще сильнее, чем производства и т. п.

Цикличность по типу Жюгляра в своем ярко выраженном, то есть не сглаженном вмешательством государства, виде определялась: а) наличием золотого стандарта в расчетах внутри страны и между странами; б) свободным движением цен и колебанием процента; в) относительно малым вмешательством государства в дела во время подъема и даже кризиса и спада (хотя постепенно такое вмешательство росло). Отсюда быстрый, иногда просто взрывной, подъем, требующий огромного напряжения экономики, и столь же быстрый крах. Обычно такой цикл сопровождался громадным ростом спекуляций вокруг каких-либо активов, сырья, ресурсов, очень большим размахом учредительства, позволяющего выпускать различные бумаги и активы. Такое разбухание ценностей на время фактически снимало ограничения, поставленные металлическим стандартом. Как указывалось в Главе 2 Раздела 1, почти всегда в фазе подъема дополнительно работает либо новая финансовая технология (наряду со старыми, конечно), либо новый тип активов. Денежная составляющая циклов Жюгляра всегда была исключительно важной, хотя в основе самого циклического **возрастающего** движения лежала, конечно, реальная экономика (см. также Гринин 2009а; Гринин, Коротаев 2010а).

Указанные причины во многом и вызывали очень резкие и ярко выраженные циклические черты, в частности при уменьшении доверия к заменителям денег спрос на золото и наличные возрастал настолько, что разрушал всю банковскую систему. Однако постепенно под воздействием кейнсианских рецептов в рамках развития национальной экономики удалось минимизировать эти драматические перекосы взлетов и падений, а также поставить спекуляцию под некоторый контроль, что привело к сглаживанию колебаний циклических фаз и менее взрывному протеканию кризисов. Но дело в том, что в настоящее время кризис явно перерос национальные рамки, он разразился именно как международный, в котором национальные нормы уже действуют в явно ослабленном виде, а международной регуляции еще не выработано. Отсюда и повторение на новом этапе

ряда старых черт, ведь методы регуляции, годящиеся для отдельной страны, не работают в мир-системном масштабе, тем более что правил такой регуляции не выработано.

Мы считаем, что такое повторение сегодня некоторых черт цикла Жюгляра связано именно с тем, что в современном кризисе явно обнаружилось черты анархичности и аритмичности развития нерегулируемой рыночной экономики, о которых было сказано в Главе 2 Раздела 1. Уместно повторить их:

1. Субъекты международного права (и их экономические агенты) во многом ведут себя так, как вели раньше субъекты рынка и национального права, а поскольку в своих расчетах они используют валюту и валютные курсы, это неизбежно ведет к резким перекосам в международной торговле, девальвациям и т. п.

2. В последние десятилетия движение капиталов между странами стало свободным, то есть оно относительно слабо регулируется национальным и почти не регулируется международным правом. Это вызывает огромные и стремительные перемещения капитала, которые ведут к очень быстрому подъему в некоторых местах и затем резкому спаду при кризисных явлениях.

3. В современной экономике не только появились новые финансовые технологии, но и сама современная экономика стала во многом производить ценности именно в финансовой сфере (финансовых услугах). Таким образом, резко выросла финансовая составляющая кризиса (в отличие от предыдущих десятилетий, где основной рост шел в материальной сфере).

4. Напряженное соревнование стран и ведущих корпораций за то, чтобы добиться максимальных темпов роста в отсутствие каких-то эффективных макроэкономических ограничений ведет на уровне мировой экономики и мировой финансовой системы к последствиям, которые являются аналогичными тем, что создавались в результате неконтролируемого роста и конкуренции за долю на рынке в капиталистических экономиках XIX и раннего XX в.: перегрев, «пузыри» и коллапсы.

4. Развитие кризиса в 2008–2009 гг.

Летом и еще в начале осени 2008 г. у многих была иллюзия, что этот кризис, как и в 2000–2002 гг., так же как и ипотечный кризис 2006–2007 гг., останется в основном американской проблемой. Летом даже как будто появилась надежда, что ипотечный кризис пошел на убыль. Однако в начале июля он перешел в новую фазу: *Bancorp, Inc*, крупный калифорнийский банк, специализировавшийся на выдаче ипотечных кредитов, не выдержал потока вкладчиков, забравших за 2 недели 1,3 млрд долларов, и начал процедуру банкротства. Это ударило по крупнейшим в США ипотечным агентствам *FNMA (Fannie Mae)* и *FHLMC (Freddie Mac)*, акции которых за неделю с небольшим обрушились более чем вдвое. Всего потери акционеров *Fannie Mae* и *Freddie Mac* с начала кризиса превысили соответственно 82 % и 85 %. Эти агентства были в свое время созданы с государственным участием и находились в большой степени под его фактическим контролем²³. Они владели ипотечными кредитами или гарантировали их на 5,3 трлн долларов, то есть почти половину ипотечного рынка, равного примерно 12 трлн долларов. Когда они оказались на грани банкротства, правительство в начале сентября 2008 г. вынуждено было национализировать оба банка.

Сентябрь 2008 г. вполне можно считать началом острой фазы мирового кризиса: начали падать цены на нефть, биржевые индексы и т. п. (см. Рис. 3.4.1–3.4.4).

²³ Оба агентства были созданы правительством США, первое – в 1938 г., второе – в 1970 г., именно для кредитования покупок домов семьями с низкими доходами. К 2008 г. эти корпорации были акционерными (Медведев Р., Медведев Ж. 2009).

Рис. 3.4.1. Цена за баррель нефти марки «Брент» в долларах США с 20 мая 1987 г. по 30 декабря 2008 г. с наложенным экспоненциальным трендом

Если при кризисных проявлениях в 2007 г. и начале 2008 г. инвесторы фиксировали прибыль по одним активам, чтобы вложиться в другие, более перспективные (оттого и наблюдались такие скачки в ценах разных активов), то в сентябре 2008 г. инвесторы начали фиксировать убытки, чтобы расплатиться с долгами. Хуже того, начались крупнейшие банкротства. Обвал в мировом масштабе начался, когда 15 сентября о намерении объявить себя банкротом заявил банк *Lehman Brothers*. Естественно, что его кредитный рейтинг был понижен до дефолтного, а акции рухнули на 90 %.

В период, когда все предпосылки кризиса уже сложились, банкротство крупной фирмы становится спусковым крючком для обвала. Так было, например, в 1873 г., когда обанкротился американский железнодорожный синдикат Джей Кук и К^о; в 1882 г. — когда начался обвал акций французского банка *l'Union Générale* Евгения Бонту, в 1890 г. — когда обанкротилась английская фирма братьев Бэринг, завязшая в аргентинских ценных бумагах, и в других случаях. Так произошло и в ситуации с *Lehman Brothers*, учреждением со 150-летней историей. Поэтому, возможно, если бы американское правительство помогло, кризис протекал бы не так внезапно, а ущерба на первых порах было бы меньше. Однако помогать всем еще не были готовы. Частный банк *Lehman Brothers* с общими активами около 300 млрд долларов стал крупнейшим в истории США банкротом.

После этого началось резкое падение биржевых котировок, при этом обвалы на российских фондовых биржах были одними из самых крупных в мире (см.: Халтурина, Коротаев 2009: 100–101, а также Рис. 3.4.2–3.4.4).

Рис. 3.4.2. Динамика промышленного индекса Доу-Джонса с 1 октября 1928 г. по 2 января 2009 г. (в тысячах)

Источник: Халтурина, Коротаев 2009: 98.

Рис. 3.4.3. Индекс РТС в 1995–2008 гг.

Источник: Там же: 102.

Рис. 3.4.4. Индекс ММВБ в 1997–2008 гг.

Источник: Халтурина, Коротаев 2009: 103.

Начались новые банкротства, атаки вкладчиков на банки, понижение рейтингов и т. д. Например, в конце сентября обанкротился третий по размеру активов и крупнейший по объему привлеченных у населения депозитов ссудно-сберегательный банк *Washington Mutual*²⁴. Это банкротство, по некоторым данным, стало еще более масштабным, чем банкротство *Lehman Brothers*, разорением в истории американской банковской системы. В банкротстве *Washington Mutual* большую роль сыграла паника, возникшая после того, как рейтинговое агентство *Moody's* снизило его кредитный рейтинг. Напуганные вкладчики стали снимать деньги и закрыли счета на 17 млрд, а брокеры в панике начали продавать акции банка. Вот тогда и случилось 95%-ное обесценивание акций.

Встревоженное правительство США, стремясь предотвратить полный обвал биржевых индексов и панику, решилось на фактическую национализацию оказавшейся на грани банкротства гигантской страховой корпорации *American International Group (AIG)*, самой большой в мире в области страхования финансовых рисков. А в ноябре правительством был спасен самый крупный в США банк *Citigroup*, который имел отделения в 107 странах и контролировал фонды в 2,2 трлн долларов (Медведев Р., Медведев Ж. 2009). Без сомнения, эти и другие действия (в частности, фактическая национализация других инвестиционных банков на Уолл-стрит) предотвратили тяжелейшие последствия, однако остановить кризис уже не могли. Он захватывал все новые и новые страны, биржевые вихри сметали курсы, корпорации, валюты и делали целые страны банкротами. Большое значение имело резкое падение цен на нефть. А вскоре начались замедление экономического роста, падение уровня производства (в США, например, за четвертый квартал 2008 г. — более чем на 6 %), массовые увольнения, закрытие промышленных предприятий. Финансовый кризис перерос в экономический.

²⁴ Он был взят под контроль американской Федеральной корпорацией по страхованию вкладов (*Federal Deposit Insurance Corporation – FDIC*). За предшествующий банкротству год банк потерял более 95 % своей рыночной капитализации. Депозитные активы банка *Washington Mutual* на 136 млрд долларов были проданы банку *JP Morgan Chase* за 1,9 млрд долларов.

Вслед за этими событиями пошли обвалы и новые банкротства. Возможно, октябрь 2008 г. был самым драматическим месяцем из наблюдаемых пока в период настоящего кризиса, по крайней мере, самым отчаянным, когда, казалось, внезапно затрещало все, а паника окончательно сменила еще не так давно господствующую эйфорию гарантированного процветания. Экономический обозреватель писал в конце октября 2008 г.: «Цепная реакция фиксирования убытков перекидывается со страны на страну, с сектора на сектор. По информации агентства *Bloomberg*, только с начала октября капитализация 48 самых развитых рынков акций, входящих в индекс *MSCI World*, упала на 10 триллионов долларов. Иными словами, инвесторы потеряли эти 10 триллионов, поскольку многие вынуждены были зафиксировать убытки». Паника с фондовых рынков перекинулась на валютные. Бегство инвесторов из иностранных активов захлестнуло весь мир без исключения (Блант 2008: 247)

В ноябре началось падение оборотов всех видов торговли – от внешней до розничной. Напуганные потребители стали экономить, пред Рождеством продажи прошли хуже, чем в прошлые годы. Целый ряд крупных розничных сетей оказался в критическом положении. Во многих странах началось падение промышленного производства. Но опаснее всего была паника, поскольку именно во время паники допускаются самые тяжелые ошибки. Другой страшной опасностью стало резкое сжатие кредита, что усиливало масштабы банкротств. Надо отдать должное правительствам: хотя их действия были в во многом неэффективными, они начали действовать быстро, смягчили остроту кредитного голода, гарантировали сохранность вкладов, фактически национализировали целый ряд кредитных учреждений, чем повесили на бюджет большие обязательства, но существенно успокоили население и бизнес. Разумеется, основная часть денег была потрачена неэффективно, но влияние в финансовый сектор триллионов долларов из десятков национальных ЦБ и бюджетов, вне всякого сомнения, уменьшило (по крайней мере, на сегодня) масштабы возможных падений, которые без этого могли быть под стать Великой депрессии. Тем не менее в 2010–2011 гг. это вылилось в огромные трудности в еврозоне.

Ситуация особенно зависела от поведения наиболее крупных стран и блоков, особенно таких как США, Китай, ЕС, ОПЕК. Важными стали заявления китайского правительства о намерении инвестировать в экономику несколько сотен миллиардов долларов. Еще более важным стало принятие в США плана Полсона, согласно которому необходимо было потратить на борьбу с кризисом более 700 млрд долларов. Но в целом требовалась хотя бы демонстрация какого-то единства. Это было продемонстрировано на встрече «Двадцатки» (G-20) в ноябре 2008 г. в Вашингтоне, где было заявлено о намерении реформировать мировую финансовую систему, хотя естественно, что это была лишь декларация, и контуры такой реформы пока не ясны. В октябре – декабре проходили также другие достаточно важные встречи и совещания: ОПЕК, которая несколько раз принимала решения о снижении добычи нефти (что в конечном счете способствовало, хотя и неясно, в какой степени, сначала относительной стабилизации цены, а затем ее росту в первой половине 2009 г. до отметок, близких к 70 долл./барр.); совещания на разных уровнях в ЕС и стран организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). МВФ выделил или пообещал кредиты различным странам, особенно восточноевропейским, включая Украину.

Но положение отдельных стран было очень тяжелым. Едва ли не наиболее ярким примером стала Исландия, оказавшаяся на грани финансового краха и вынужденная обратиться к международному сообществу за помощью. Три крупнейших банка страны с 2003 г., когда два из них были национализированы, активно участвовали в привлечении иностранного капитала. При этом к концу 2007 г. их активы достигли примерно 125 млрд евро. Для

сравнения укажем, что ВВП Исландии равен 14,5 млрд евро, что свидетельствует о масштабах соответствующих рисков (Суэтин 2009б: 46).

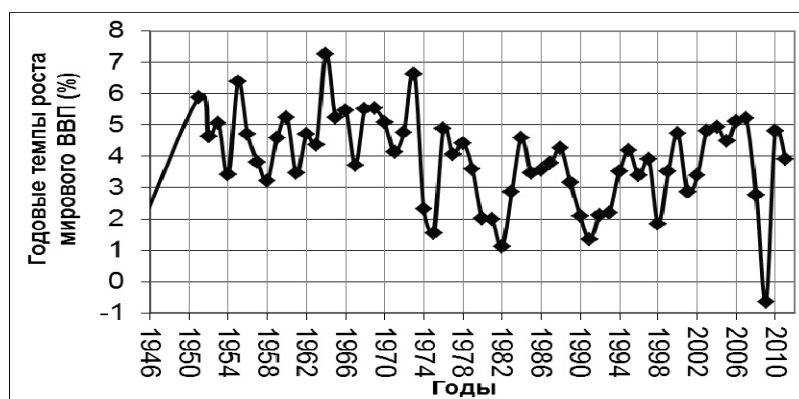
Осенью и зимой 2008 г. произошли многочисленные девальвации в самых разных странах. Мировая торговля сократилась, несколько усилились попытки повышения таможенных барьеров, но в целом не наблюдается того, что было в период Великой депрессии, когда страны стали принимать буквально запретительные тарифы, и это обвалило мировую торговлю.

В феврале – марте 2009 г., когда стало известно, что итоги года у очень многих компаний оказались гораздо хуже, чем даже ожидалось, а ситуация в США и ряде стран по итогам четвертого квартала – хуже, чем надеялись, произошли дальнейшие снижения биржевых индексов. Но далее ситуация несколько стабилизировалась, хотя и оставалась тяжелой. Падение промышленного производства и оборотов торговли продолжалось, но уже не такими стремительными темпами, как раньше. Положительно сказались новые, более масштабные меры, предпринимавшиеся администрацией Обамы и ФРС, странами еврозоны, сокращение ОПЕК добычи нефти, действия МВФ, многих стран и организаций. В дальнейшем (в 2010–2011 гг.), правда, эти чрезвычайные меры дали и заметный негативный эффект.

Таким образом, глобальный кризис, охватив практически весь мир, продолжался. В апреле – июне 2009 г. стали чувствоваться какие-то признаки стабилизации или даже роста на биржах, но эти процессы оказались неустойчивыми. Волатильность на биржах оставалась очень высокой. Мировые цены на продовольствие резко выросли после ряда неурожаев и стихийных бедствий, а также в результате спекулятивного надувания ценовых «пузырей» (куда уходила заметная часть долларов, появившихся в результате политики количественного смягчения) (см., например: Акаев, Коротаев, Фомин 2011, 2012; Akaev, Fomin, Korotayev 2011), что послужило одним из важных факторов всплеска социальных волнений на Ближнем Востоке (о чем подробно было сказано в Главе 5 Раздела 2; см. также Главу 7 настоящего раздела). В результате с конца 2010 г. подскочила цена на нефть, а так называемое количественное смягчение в США привело к надуванию и других сырьевых «пузырей». Однако весной и летом 2011 г. целый ряд возникших «пузырей» начал сдуваться. Таким образом, некоторая стабилизация 2009 г. как реакция на огромные вливания в виде нескольких триллионов долларов разными странами в банковский сектор и промышленность, в различные инвестиционные проекты оказалась неустойчивой. До сих пор главные диспропорции ликвидировать не удалось, и далеко не все «пузыри» сдулись. Исчезновение «пузырей» в условиях экономики, в которой финансовый сектор играет ведущую роль, – далеко не быстрое дело. Вспомним, что в США грандиозный банковский кризис случился в конце Великой депрессии, весной 1933 г., так сказать, «на закуску».

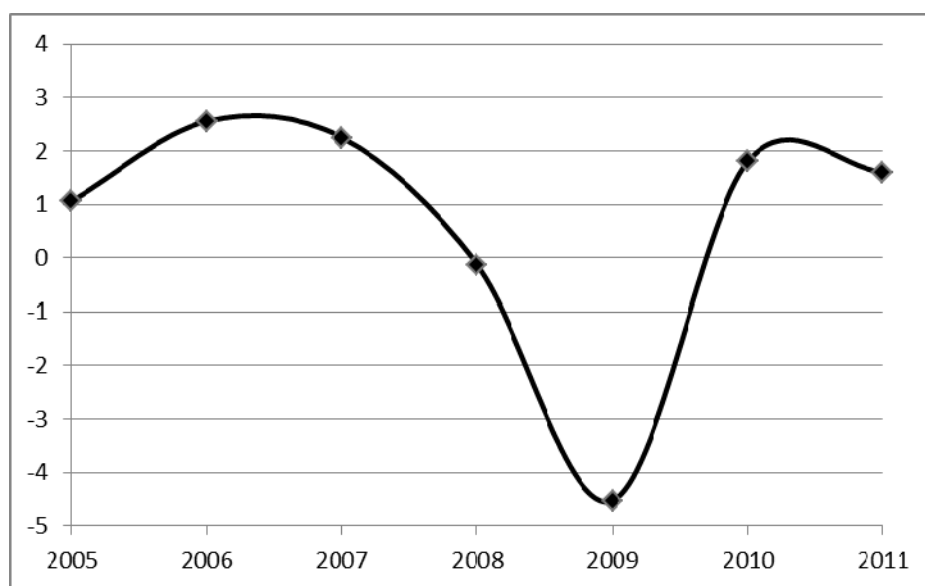
В области промышленности в США, Европе, России и ряде других стран в 2008–2009 гг. наблюдался глубокий спад. Инвестиционная активность частных лиц низкая, безработица – высокая, индекс деловых ожиданий не особенно радует.

Таким образом, и в конце 2011 г. было неясно, какие размеры примет сегодняшний кризис, когда падение индексов достигнет дна, насколько сильной будет рецессия и когда начнется новый подъем. Прогнозы ООН на 2012 г. для мировой экономики колеблются от 0,5 до 2,5 %. Уже одно это говорит о полной неясности будущего. А так выглядит динамика мирового ВВП за последние десятилетия (см. Рис. 3.4.5).

Рис. 3.4.5. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (%%) за 1945–2011 гг.

Источники: World Bank 2008²⁵, 2009a²⁶, 2009c²⁷; Maddison 2010²⁸; Conference Board 2012²⁹.

Важно подчеркнуть, что относительно низкий размер спада в ходе первой волны кризиса на данной диаграмме связан с тем, что большинство стран мир-системной периферии сохранили в это время положительные темпы роста (то есть кризис там привел к некоторому уменьшению темпов экономического роста, а не к абсолютному спаду). В странах же мир-системного ядра спад первой волны был выражен несравненно сильнее, чем на мир-системном уровне (см., например: Рис. 3.4.6):

Рис. 3.4.6. Динамика годовых темпов роста ВВП (%%) в странах еврозоны за 2005–2011 гг.

Источники: World Bank 2011; Conference Board 2012.

²⁵ Оценка темпов роста мирового ВВП в 2008 г.

²⁶ Оценка темпов роста мирового ВВП в 2003–2007 гг.

²⁷ Прогноз темпов роста мирового ВВП в 2009 г.

²⁸ Оценка темпов роста мирового ВВП в 1940–2003 гг.

²⁹ Оценка темпов роста мирового ВВП в 2009–2011 гг.

Некоторые сравнения с Великой депрессией

Современный кризис в своих проявлениях во многом схож с Великой депрессией. Эта схожесть заключается в частности в том, что в 1920-е гг., как и в 2000-е гг., наблюдался рост доли финансовых услуг в общем объеме экономики, что привело к появлению огромных финансовых «пузырей» (см. Главу 2 этого раздела; см. также Гринин 2009ж). Оба кризиса пока сходны между собой и в том, что демонстрируют сильное различие между разными моделями развития. Так, сегодня активно обсуждаются достоинства китайской модели, показывающей динамизм даже в период кризиса (см. о достоинствах и недостатках этой модели в Главе 6 этого раздела; см. также: Гринин 2011б; Grinin 2011b). Именно в годы мирового кризиса СССР совершал индустриализацию и демонстрировал громадные темпы роста. Фактически мировой кризис 20–30-х гг. XX в. не просто обозначил возможность принципиально разных экономических моделей развития, но государственная модель получила как будто даже преимущество перед либерально-рыночной, что выражалось в экономических и политических успехах СССР, Германии, Италии и Японии. Еще одно существенное сходство выражается в усилении влияния государства на экономику. О том, как это происходило в 1930-х гг., сказано в Главе 2 данного раздела. Говоря о современном кризисе, напомним хотя бы о вынужденной национализации крупнейших банков и финансовых учреждений (примеры которой мы видели выше) во многих странах, еще вчера придерживающихся идей либеральной экономики.

Однако есть и большие различия между этими кризисами, которые проистекают, во-первых, из позиции правительств, во-вторых, из того, что в современных условиях процессы глобализации как порождают сам кризис, так и влияют на уменьшение его масштабов путем поиска совместных действий и ощущения взаимозависимости стран друг от друга. Если вспомнить историю Великой депрессии, то одно из отличий сегодняшнего кризиса от нее заключается в большей «дружности» протекания последнего в разных странах (кризис 1929–1933 гг. не сразу затронул некоторые страны, например, Англию и Францию)³⁰. Также показательна сегодняшняя активность правительств и быстрота проведения международных совещаний. В Главе 2 настоящего раздела также показывалось, насколько не похоже на современный период в то время вели себя разные страны, выбираясь из кризиса совершенно разными способами. Главное, что во времена Великой депрессии усилились таможенные барьеры, которые сильно усугубили ситуацию. Именно в это время под воздействием депрессии начинается активная подготовка к войне или прямая агрессия (так, в частности, действовала Япония на Дальнем Востоке в отношении Китая в 1931 г.), а Германия и та же Япония выходят в 1933 г. из Лиги Наций, показывая, что они не намерены считаться с мнением мирового сообщества.

Одно из заметных отличий современного экономического развития от предкризисных 1920-х гг. — в том, что тогда основной экономический рост шел в небольшой группе передовых стран, а недавний подъем в мировой экономике опирался на высокий экономический рост в большом количестве развивающихся стран и стран среднего уровня, включая наиболее населенные страны мира — Китай и Индию. И, как мы уже упоминали выше, в период современного кризиса ядро Мир-Системы развивается гораздо хуже, чем ее периферия. Нельзя не отметить, что кризисы такого масштаба ведут к существенным или даже коренным изменениям в геополитической картине мира, что и наблюдалось в результате Великой депрессии, когда тоталитарные страны начали резко усиливать свои позиции, а демократические — ослабили их. Поэтому можно безошибочно предсказать, что те или иные изменения геополитической ситуации в результате сегодняшнего кризи-

³⁰ Хотя, конечно, если отсчитывать начало кризиса с момента возникновения ипотечных проблем в конце 2007 г. в США, то времени до выхода кризиса в острую фазу прошло не так мало.

са обязательно произойдут (см. об этом Главы 5 и 6 настоящего раздела), хотя они, по-видимому, будут пока не столь резкими, как в 1930-е гг.

5. Заключение к главе. Кризис и основное противоречие современной эпохи

Современная динамика мира, необъятная во всем своем многообразии, тем не менее позволяет выделить контуры общечеловеческих тенденций развития и сформулировать в общем виде некие парадигмы этого развития. Экономические контуры поля действия новых технологий (в том числе и финансовых) уже более или менее оформились в результате процессов экономической глобализации. Но иные направления и приемлемые для большинства стран формы глобализации пока сильно запаздывают. И в целом возникают большие противоречия между старыми представлениями о целях и ценностях и новыми реалиями, между прежними формами регулирования и новыми технологическими возможностями. Все это и выражается, условно говоря, в важнейшем **противоречии современной эпохи**. Мы сформулировали его как *противоречие между тягой к мировой и региональной интеграции и национальным эгоизмом, между общепланетарными судьбами человечества и корпоративно-национальной ограниченностью* (см., например: Гринин 2006б: 180–181; 2007а: 150; 2008д: 47–48; Гринин, Коротаев 2010а). Ведь экономика все больше становится мировой, а использование ресурсов, законы и нормы, принятие решений остаются во многом частно-корпоративными, партийными или в лучшем случае национально-корпоративными³¹. То, что кризис начался в центре Мир-Системы и генерируется особенностями экономики США, свидетельствует о большой глубине указанного противоречия современной эпохи. Прежние приоритеты и основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные Соединенным Штатам основания (включающие господство доллара, преобладание США в важнейших мировых экономических и финансовых институтах), подвергаются все большей критике и сомнению, а значит, рано или поздно они начнут трансформироваться в новый порядок. Такая трансформация и составит в ближайшем будущем коллизии взаимоотношений между национальными интересами США, с одной стороны, и общемировыми, а равно между групповыми и национальными интересами различных стран – с другой (см. об этом в Главе 5 данного раздела). Однако в связи с ростом экономической мощи Китая указанное основное противоречие (в частности, в области экологии; см. Главу 6 данного раздела) будет вполне зримо проявляться во взаимодействии интересов КНР и остального мира.

Завершая эту главу, хотели бы также заметить, что неурегулированность на мировом уровне (и одновременно ослабление регуляции на государственном уровне) финансовых операций и спекуляций является лишь наиболее заметной причиной кризиса. Если брать глубже, то в основе кризиса лежит указанное выше противоречие между эгоизмом узконациональных интересов (которые очень часто на деле выражают интересы наиболее мощных групп и корпораций) и общемировых. Но в этом случае кризис означает необходимость пересмотра самой идеологии экономической деятельности (который реализуется, похоже, не скоро). А реальный учет этих интересов потребует основательной перестройки всех институтов и всей идеологии. Вот почему можно говорить о том, что более глубокой основой причин современного кризиса является невозможность эффективно влиять на процессы глобализации, а чтобы хоть как-то влиять на эти процессы, необходима перестройка всего экономического менталитета (см. подробнее: Гринин 2007а, 2008д; Grinin 2008b, 2009c; Гринин, Коротаев 2009б: 493). Есть еще несколько

³¹ По принципу «что хорошо для *Дженерал моторз* – хорошо для Америки».

очень глубоких причин, лежащих в основе современного кризиса, они более наглядно обозначатся в последующих кризисах. Среди этих фундаментальных причин – господство экономики потребления, когда спрос искусственно нагоняется, а рост потребностей и потребления культивируется³². Экономика потребления и его наращивания любой ценой в принципе должна быть заменена если не более разумной, то более умеренной. Как это можно сделать практически, пока неясно. Но это, вероятно, будет связано с какими-то формами наднационального регулирования, например квотированием темпов экономического роста государств в мировом масштабе (Гринин 1999, 2005, 2008б: 97; Гринин, Коротаев 2009б: 504)³³. Если уменьшить остроту национального соревнования за более высокие темпы роста, неизбежно произойдет некоторый пересмотр приоритетов и в потреблении. При сохранении же экономики потребления опасность системных кризисов будет нарастать.

³² Другой важнейшей причиной является общее ускорение изменений и рост их числа, на что еще в 1970 г. обратил внимание Э. Тоффлер (см.: Toffler 1970; Тоффлер 1997; см. также: Гринин, Коротаев 2009б: Гл. 2)

³³ См. выше Прим. 16.

Глава 5. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям?

История экономических кризисов показывает, что каждый из них был связан с характером отношений в Мир-Системе. Но некоторые наиболее сильные кризисы существенно меняли контуры и главные линии связей в ней. По-видимому, и современный глобальный финансово-экономический кризис будет способствовать началу процесса крупных изменений в структуре и функционировании Мир-Системы, а также в принципах международных отношений в ближайшие десятилетия. Анализ влияния мировых финансовых потоков, не только отрицательным, но также их важным положительным функциям, включая обеспечение социальных гарантий в мировых масштабах возможных трансформаций в связи с кризисом, посвящена первая часть главы.

Во второй части главы мы рассмотрим такие проблемы, как вероятность появления лидера в будущей Мир-Системе, возможность возникновения дефицита глобального управления и фрагментации мира, а также направления трансформации национального суверенитета. В целом эта часть посвящена вероятности осуществления тех или иных сценариев развития Мир-Системы в ближайшие десятилетия.

Часть 1. Мировая финансовая система: за и против

Глобальный кризис, на время отрезвивший тех, кто уверовал в возможность бескризисного развития, то как будто затихает, то вплотную надвигается, грозя новой кризисной волной. Так, во второй половине 2011 г. произошло серьезное падение индексов. Периодически надуваются и лопаются «пузыри» на рынках продовольствия и сырья (см., например: Акаев, Садовничий, Коротаев 2010, 2011; Акаев, Коротаев, Фомин 2011, 2012; Акаев *et al.* 2011; Акаев, Fomin, Korotayev 2011; Grinin 2011a, 2012). Пока кажется, что мировая экономика в целом из фазы рецессии/спада перешла в фазу депрессии, но конец 2011 г. показал, что надежды на переход к фазе оживления пока не оправдываются.

Любые размышления о природе и причинах глобального кризиса неизбежно ведут к выводу о том, что многие его причины лежат в особенностях новых финансовых технологий. Далее в этом разделе главы мы рассмотрим, что представляют собой эти технологии, в чем их негативная и позитивная роль.

1. О новых финансовых технологиях

Новые финансовые технологии, изменения в законодательстве и конкуренция за капитал

Выше мы уже говорили о **финансовой революции**, которая, по мнению некоторых исследователей, началась после кризиса 1974–1975 гг. и завершилась в некоторых финансовых сферах в начале 1990-х гг. (см. также Гринин 2009б; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010a, 2011a). Общие направления этой «революции» заключались в отказе государств от прямого контроля над банками, в том числе над их процентной и кредитной политикой; либерализации банковского регулирования, в частности в отмене запретов на открытие банками отдельных видов счетов, на совмещение ими различных видов деятельности (операции с недвижимостью, страховой и инвестиционный бизнес) и целом ряде

других ограничений. Это привело к тому, что специализированные банки стали терять свои позиции, в то время как возросла роль универсальных банков, совмещающих кредитные и биржевые функции, в частности работающих на рынках ценных бумаг, а также обслуживающих валютные и другие операции. Заметим, что такая универсализация помимо плюсов имела и много минусов, в частности повышение доли рискованных операций в активах банков и уменьшение профессионализма менеджеров (что неизбежно при универсальности). Произошла либерализация для иностранных эмитентов национальных режимов в отношении движения долгосрочных капиталов на национальные рынки капиталов. К середине 1990-х гг. практически все ограничения в области этого движения были сняты. Рост объемов передвижения капитала был фантастическим. Если в 1979 г., по данным Банка международных расчетов, объем операций на мировом рынке капиталов составил около 80 млрд долларов, то через 10 лет, в 1989 г., он был уже в 9 раз больше – примерно 718 млрд долларов, а еще через 10 лет, в 1999 г., вырос более чем в два раза, достигнув 1,5 трлн долларов (Доронин 2003: 114). Нет ничего удивительного, что это привело к резкому повышению зависимости национальных рынков от международного капитала, что и выразилось в ряде кризисов. Центральные банки многих стран были выведены из подчинения правительства и стали независимыми институтами.

В результате этих изменений произошли очень серьезные структурные и экономические трансформации, в частности резко возросла роль фондового рынка, а банки стали утрачивать свою роль главных финансовых посредников. В целом такие изменения способствовали резкому ускорению финансовой и экономической глобализации, подъему экономики во многих странах. Однако этот подъем в значительной степени был обеспечен спекулятивным ростом фондов. Всего за 10 лет (с 1990 г. по март 2000 г.) капитализация мирового фондового рынка выросла почти в четыре раза – с 9,3 трлн долларов до 35 трлн долларов (Там же: 121).

Латентный период финансовых изобретений. Стоит указать, что между изобретением и глобальным эффектом применения финансовых технологий (инструментов, продуктов) проходит иногда довольно большой срок (так же, как и между изобретением и широким внедрением промышленных или бытовых технологий, продуктов). В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. Развитие рынка еврооблигаций долгое время тормозилось из-за отсутствия эффективного вторичного рынка. Эмиссия облигаций в бумажной форме затрудняла их обращение и денежные расчеты. Прорывом в формировании вторичного рынка было создание американским «Морган Гаранти Траст К^о» системы «евроклир». Суть ее состояла в создании системы депозитариев в разных странах для хранения ценных бумаг, а владельцам ценных бумаг выдавались свидетельства о вкладе и владении ими. В результате операции по купле-продаже еврооблигаций перестали требовать физического перемещения бумаг, а сводились лишь к передаче сертификатов; смена собственников бумаг отражалась в записях по депонентским счетам депозитариев. Создание системы «евроклир» в 1968 г. стало революцией на рынке облигаций. Однако масштабные последствия такой революции проявились далеко не сразу. В 1975 г. объем операций на рынке еврооблигаций составлял 10 млрд долларов, в 1984 г. – 82 млрд, а в 1997 г. – 570 млрд (Там же: 107). Таким образом, только через 30 лет эффект внедрения новой финансовой технологии проявился на рынке еврооблигаций в крупном масштабе (хотя, конечно, депозитарные расписки очень широко применяются на самых разных финансовых площадках). Соответственно масштабы некоторых нововведений последнего десятилетия могут оказаться в дальнейшем еще более крупными, чем они выглядят сегодня.

Принципы и особенности новых финансовых технологий. В любом случае эти уже широко внедренные или только внедряемые финансовые технологии основаны на

возросших возможностях концентрации капиталов и управления чужими средствами путем получения прав на покупку/продажу гигантских активов за 2–3 % их стоимости; на многоуровневых перестраховках рисков; на ускоренной, почти конвейерной выдаче кредитов и усиливающейся деперсонификации капиталов, вращающихся на международных рынках, и т. д. (о некоторых из таких способов далее будет сказано более подробно)¹. Все эти технологии оказались гигантски усиленными информационно-компьютерными инновациями, что позволило, в частности, применять компьютерные программы для расчета игры на бирже и участвовать в торгах в режиме реального времени, находясь в любом месте мира. Такой симбиоз придал финансовым операциям невиданный масштаб, в результате чего фактически произошел или усилился отрыв этих финансовых технологий от реального сектора.

Важнейшей особенностью новых финансовых технологий является возможность получения незначительной прибыли с каждой операции, но объемы операций возрастают колоссально. В результате общая прибыль становится очень большой (см., например: Кэлахан 2005). Новые технологии также позволяют работать сразу на многих рынках в самых разных странах, используя различия в национальных условиях. Например, в последнее десятилетие очень сильно вырос рынок *carry trade*, насчитывающий объемы в несколько триллионов долларов. Суть сделок *carry trade* – игра на разнице процентных ставок в разных странах. Если в США или Японии ставка рефинансирования составляет, например, 0,5–1 %, а в Великобритании или Испании – 5 %, то разница в 4–4,5 % годовых для тех, кто имеет возможность получать кредиты в США и Японии, а размещать полученные деньги в Великобритании и Испании, составит огромные суммы. Эти и подобные им технологии увеличивают объемы финансовых операций во много раз, что, с одной стороны, дает возможность получать прибыли там, где раньше это было невозможно, но с другой – может создавать очень сильные турбулентные потоки и состояние неустойчивости.

Изменения в законодательстве и борьба за капитал. Усиление финансовой составляющей кризисов привело к существенным изменениям в законодательстве о биржах, банках и т. п. С одной стороны, продолжается процесс либерализации законодательства, во многом под влиянием конкуренции бирж и банков различных стран за ресурсы (см. об этом дальше), а с другой – каждый кризис вносит свои коррективы в регулирование. Но, конечно, не только кризисы стимулируют активность по регулированию национального фондового рынка. В 90-х гг. проблема регулирования возникла в связи со структурными изменениями – появлением электронных коммуникационных систем, альтернативных торговых площадок, акционированием фондовых бирж и другими изменениями. Эти изменения требовали, по мнению некоторых аналитиков, отхода от практики мелочной корректировки правил торговли и сосредоточения на решении проблем полного и точного раскрытия механизма работы бирж и соответствия их работы установленным правилам и требованиям; на проведении независимых расследований и пресечении различных форм мошенничества и махинаций на рынке ценных бумаг; на поддержании открытых и конкурентных рынков (Доронин 2003: 130). В целом это верно, и в данном направлении были продвижения, но все же удалось гораздо дальше продвинуться в плане либерализации правил торговли (если не на одной бирже, то на другой), чем в плане решения вопроса о полном раскрытии источников финансирования многих фондов и прочего. В результате в период кризиса 2008 г. было осознано, что прозрачность многих финансовых инструментов и деятельности многих фондов остав-

¹ Под финансовой деятельностью мы имеем в виду сложный симбиоз биржевых, банковских, кредитных, страховых и других видов бизнеса.

ляет желать лучшего, а надежность рейтингов рейтинговых компаний оказалась поставленной под большое сомнение (см., например: Кудрин 2009).

Разумеется, после нынешнего кризиса, скорее всего, будут сделаны новые существенные изменения в регулировании работы финансовых рынков.

В то же время следует отметить, что мировой финансовый капитал не только активно ищет более прибыльные рынки для вложения и инвестиций, но очень сильно влияет на соревнование между странами в области либерализации условий для его деятельности. С одной стороны, тут есть несомненная польза, но с другой – очень велика опасность возникновения «пузырей» и крахов. Даже наименее реагирующие на то, что делают в области законодательства другие, США вынуждены обращать внимание на реакцию капитала, тем более что в последнее время очень сильно зависят от импорта капитала. Например, в 1999 г. в США (как уже было сказано в Главе 3 Раздела 1) был принят закон о модернизации финансовых услуг, который отменил действовавший более 60 лет закон Гласса – Стигалла, принятый во время Великой депрессии в 1933 г. и ограничивающий проникновение банков, инвестиционных фирм и страховых компаний на смежные рынки, то есть на биржу и т. п. (см.: Суэтин 2009б: 41). В качестве аргумента в пользу введения закона о модернизации финансовых услуг звучали заявления о том, что американские кредитные учреждения уступают иностранным конкурентам – особенно европейским и японским «универсальным банкам», на которые ограничения не распространялись (Гринспен 2009: 200). После кризиса интернет-компаний в 2002 г. в США вынуждены были принять закон Сарбейнса – Оксли, который ужесточил регулирование фондового рынка США. Он, в частности, вводил новые требования для первичного размещения акций (так называемые *IPO*), поскольку именно новые компании наиболее неизвестны и рискованны для вложений. Однако это привело к тому, что число размещений акций на биржах США снизилось. А рынки Европы и Азии стали более привлекательны для капитала (Мусихина 2008: 33).

О масштабах спекулятивного капитала

Развитие различных новых или модернизированных финансовых рынков, связанных с усовершенствованными финансовыми производными инструментами, генерирует поистине астрономические объемы вовлеченных в движение капиталов (см., например: Смирнов 2008). Неудивительно, что постоянно растущие масштабы спекулятивных капиталов уже много лет тревожат наиболее трезво мыслящих экономистов, которые справедливо считают, что нельзя позволять спекулятивному капиталу и колебаниям валютных курсов определять судьбу реальной экономики (см., например: Капра 2004: 167; см. также: Сорос 1999²). Такую зависимость вполне подтвердили финансовые кризисы в разных странах последних десятилетий, когда «горячий» международный капитал вызывал их буквально за несколько часов. Подобное влияние спекулятивного капитала вполне объяснимо. Например, в мире насчитывается несколько тысяч так называемых хедж-фондов, которые выработали технологии, уменьшающие возможные неблагоприятные последствия рискованных финансовых операций, позволяющие минимизировать или компенсировать возможные потери³. Главное направление их действий – рискованные (но высо-

² Сорос как аналитик вполне определенно высказывается за ограничения спекуляций, но резонно заявляет, что в качестве финансиста он должен играть по тем правилам, которые есть в настоящий момент.

³ Под хеджированием в практике фондовых рынков подразумевается страхование от неблагоприятного изменения курсов средствами фондового рынка. Поскольку хеджирование – это своеобразное страхование, цели, которые ставятся перед этими операциями, также сродни целям страхования: то есть при этом не ставится задача добиться крупного выигрыша, а главным мотивом выступает страхование от катастрофических потерь. Как в случае с обычным страхованием за ограничение риска выплачивается страховой взнос (премия), так и при хеджировании лицо, совершающее операцию, выплачивает премию. Конечно, при этом не исключается вероятность того, что инвестор получит определенную прибыль от тех операций, которые он хеджирует с помощью опционов. Но главная цель покупки опциона все же заключается именно в страховании

кодоходные) спекулятивные операции на различных фондах, биржах и рынках⁴. По оценке МВФ, на начало XXI в. только 5–6 крупнейших таких фондов могли мобилизовать на некоторый срок до 1 трлн долларов (Ломакин 2005: 175; Мазурова 2000: 26), начать атаки на отдельные национальные валюты и даже обвалить их⁵. К началу современного кризиса возможности таких фондов существенно возросли. Тут, впрочем, нет ничего удивительного. Собственные капиталы таких фондов могут быть очень малы, но благодаря кредитам и новым финансовым технологиям они способны аккумулировать гигантские суммы⁶. Общий объем индустрии хедж-фондов оценивается в 1,7 трлн долларов (Лаврентьев 2008). Однако более важно, что хотя капитал хедж-фондов бледнеет при сопоставлении с объемом капитала других институциональных инвесторов, который превышает 20 трлн долларов только в развитых странах (Хедж-фонды... 2007; см. также: Смирнов 2008), баснословные прибыли хедж-фондов и им подобных спекулятивных финансовых организаций втягивали в гонку рискованных операций все новые и новые солидные финансовые организации, включая крупнейшие банки и страховые компании. Авторы исследования, проведенного МВФ, признают, что, с одной стороны, инвестиционные и финансовые техники хедж-фондов необычайно разнообразны, а с другой – прочие индивидуальные и институциональные инвесторы вовлечены во многие формы активности, которые используются хедж-фондами (Хедж-фонды... 2007). В результате спекулятивная и, главное, крайне рискованная лихорадка охватывает всю финансовую систему мира. А объемы различных финансовых рынков поражают. Так, например, рынок деривативов по объемам «вмененного» долга обязательств составлял незадолго до кризиса более 60 трлн долларов (см.: Смирнов 2008: 25)⁷. И этот рынок все меньше связан с объемами исходных долгов. Таким образом, производные финансовые инструменты растут, отрываясь от своей основы (реальных долгов и кредитов), примерно так же, как росли объемы бумажных банкнот и банковских кредитов в некоторых странах в XIX–XX вв. при формально существующем золотом стандарте. Золото только номинально лежало в основе их циркуляции, а фактически их количество подчинялось уже совсем иным факторам. Пока существовало доверие, деньги такого рода оказывались вполне пригодными, но при малейшей панике они обесценивались и становились при-

(хеджировании). Тип операции хеджирования зависит от фондовой операции, которая страхуется (Драчев 1992: 120). Таким образом, сама по себе операция хеджирования, то есть страхования рисков, вполне рациональная и оправданная, и может быть очень эффективной. Неудивительно, что она стала столь распространенной. Проблема в том, что такого рода фонды, надеясь на страхование-хеджирование, теряют всякую осторожность и ведут себя очень агрессивно.

⁴ Но какие бы изощренные способы страхования рисков ни старались придумать, крах и банкротство части таких фондов через некоторое время неизбежны, а это вызывает цепную реакцию разорений, банкротств, падения стоимости активов у других. Опасность непредсказуемого и негативного влияния этих фондов на общую ситуацию резко усиливается тем, что они размещают свои паи путем закрытой подписки, а круг их клиентов ограничивается состоятельными лицами и финансовыми институтами, что освобождает эти фонды от большей части требований о раскрытии информации и регуляторных ограничений, распространяющихся на деятельность взаимных фондов и банков (Хедж-фонды... 2007).

⁵ К подобного рода финансовым формам относилась и организация, возглавляемая Дж. Соросом, ее деятельность описана им достаточно подробно (1999).

⁶ Вот данные в отношении одного такого фонда, *LTCM*, который пришлось спасать в 1998 г. На 23 сентября 1998 г. собственный капитал *LTCM* (чистая стоимость активов) оценивался в 600 млн долларов, а находящиеся на его балансе позиции превышали 100 млрд долларов (то есть превосходили собственный капитал в 167 раз). Зато этот фонд в предыдущие годы мог обеспечить своим клиентам ежегодную прибыль в 33 % (Хедж-фонды... 2007).

⁷ Их объемы по другим показателям, например по номинальной стоимости базовых активов, существенно выше, они колебались уже в начале века в интервале 85–125 трлн долларов (см., например: Кобяков, Хазин 2003). Однако оценки общего размера мирового рынка деривативов имеют во многом приблизительный характер.

чиной финансовых и экономических кризисов. Тогда-то и выяснялось, как много их было эмитировано.

Вот почему одна из самых серьезных угроз для международной финансовой стабильности исходит от рынка так называемых производных инструментов (то есть созданных, эмитированных на основе каких-то первичных ценных бумаг, например векселей, закладных, кредитных обязательств и т. п.)⁸. Если традиционные ценные бумаги (акции и облигации) часто называют бумажным, или фиктивным, капиталом, то производные ценные бумаги (деривативы) представляют собой фиктивный капитал второго порядка. Как известно, деривативы (фьючерсы, опционы, валютные и процентные свопы, варранты, опционы на фьючерсы и др.) являются финансовыми контрактами, дающими право (обязательство) купить (продать) определенное количество базового актива (например, акций, облигаций, нефти и т. п.) в течение оговоренного срока по заранее установленной цене. Общий размер мирового рынка деривативов, как указывалось выше, составляет многие десятки триллионов долларов (Смирнов 2008; Рубцов 2011). Но их стоимость, а также возможность получения с их помощью дохода непосредственно зависят от движения цен на другие финансовые инструменты или товарные активы. Фьючерсы, опционы, фьючерсы на опционы, свопы, варранты и многие другие деривативы стали существенно подавлять ценообразование на материальные ресурсы в мире (см., например: Кобяков, Хазин 2003). С другой стороны, колебания базовых параметров отражаются на стоимости деривативных активов с огромным резонансом.

На сырьевых рынках цены также уже давно определяются не путем баланса спроса и предложения, а ценами на фьючерсы, торгуемое количество которых во много раз превосходит общее количество ресурсов во всем мире (применительно к нефти см., например: Подколзина 2009). Таким образом, не приходится удивляться гигантским колебаниям цен на нефть и другие сырьевые ресурсы, поскольку они давно оторвались от реальной ситуации⁹.

Биржевые активы всегда, по сути, являются титулом (правом, выражением) стоимости значительной части национальных и мировых богатств. Так называемая капитализация активов (например, акций) теоретически обозначает совокупную сумму дохода, который они могли бы принести владельцам за много (иногда за десятки) лет¹⁰. Поэтому не приходится удивляться, что суммы, вращающиеся на биржах, в финансовых учреждениях, просто астрономические, они и должны быть во много раз больше ежегодного валового дохода. Так, например, активы ипотечных фондов составляли 12 трлн долларов. Столь большая цифра, однако, не покажется непомерной, поскольку она равняется стоимости всего нескольких миллионов домов (при цене, скажем, от 100 до 200 тыс. долларов). Опасность проистекает из того, что, во-первых, стоимость ценных бумаг очень часто отрывается от реалий; во-вторых, такие суммы начинают вращаться со все большей скоростью; в-третьих, на эти первичные титулы собственности (акции, облигации, кре-

⁸ Производные финансовые инструменты были названы известным финансистом У. Баффетом «финансовым оружием массового поражения» (Credit Default Swap. *Wikipedia* – www.en.wikipedia.org).

⁹ Цена, по которой осуществляется львиная доля поставок нефти и нефтепродуктов в мире, определяется в ходе биржевых торгов на трех крупнейших мировых площадках, расположенных в Нью-Йорке, Лондоне и Сингапуре. При этом торговля реальной нефтью по оборотам не достигает и 5 % от всех заключаемых с ней сделок. Остальные 95 % – это торговля финансовыми инструментами (фьючерсными контрактами, опционами и другими производными), привязанными к нефти (Блант 2008: 222).

¹⁰ В 1990-е гг. соотношение капитализации (то есть стоимости акций) и ВВП в мире изменилось с 23 %:100 % до 118 %:100 %. Это говорит о масштабах финансовой революции. В условиях кризиса доткомов эта пропорция снизилась, а потом вновь выросла до уровня 1999 г. В начале современного кризиса она также снизилась, но оставалась вдвое выше, чем в 1980 г. (см.: Рубцов 2011: 84). Если учесть, что акции постоянно покупаются и продаются в течение года, то объем капитала, постоянно крутящегося на биржах, многократно превышает объем мирового ВВП.

диты и пр.) производятся вторичные, третичные и последующих степеней ценные обязательства, в результате чего общая стоимость вращающихся активов становится совершенно несоизмеримой с реальным богатством и производством. А сами эти вторичные, третичные, четверичные и т. д. обязательства обеспечены уже даже не титулами реальных материальных ресурсов, а другими ценными бумагами¹¹. При этом реальные платежи и риски финансовых игроков составляют ничтожную часть от суммы активов, на которые они могут влиять с помощью новых финансовых технологий. Как и при распространении финансовых технологий в прошлом, это имеет и большие достоинства, расширяя возможности вовлечения капиталов и игроков в процесс. Но с учетом теперь уже очевидной недостаточной прозрачности производных инструментов (см.: Кудрин 2009) это превращает часть современной финансовой экономики, по определению некоторых экономистов, в «рулеточную экономику» и «экономику глобального казино». В результате ценность активов зависит от множества колебаний в целом не столь важных и часто не относящихся к делу причин, а экономический фундамент общества становится весьма неустойчивым.

Некоторые особенности финансовых услуг как товара

Важные особенности современного кризиса (как одновременно и его сходство с классическими жюглиаровскими кризисами) вытекают из описанных выше положений. В частности, более высокая, чем когда-либо ранее, доля финансовых услуг в ВВП означает, что товары, которые производит нынешняя экономика, сильно отличаются от традиционных товаров, так как финансовые продукты сочетают в себе одновременно и услуги, и деньги, поэтому, как нам представляется, их «потребительная стоимость», равно как их стоимость, значительно более амбивалентна, чем у реальных товаров и услуг. Кроме того, объемы таких услуг, выражаемые в денежных оценках, подвержены гораздо большим колебаниям, чем стоимость обычных товаров. Все это приводит, с одной стороны, к явной переоценке этих активов при перегреве экономики, а с другой – к явной недооценке их в период спада, причем амплитуда колебаний может достигать десятков раз. Такая ситуация делает всю экономику недостаточно устойчивой.

Как мы видели в Главах 2 и 3 Раздела 1, рост различных активов и эмиссия ценных бумаг, разбухание рынка капиталов, стремящихся к более выгодному вложению, а вместе с этим активность кредита и его доступность часто сопровождают фазу роста (процветания) рыночной индустриальной экономики. Однако переизбыток биржевого, кредитного и прочего финансового капитала в настоящее время, на наш взгляд, имеет существенное и даже качественное отличие от того, что наблюдалось раньше.

Во-первых, конечно, сегодняшние астрономические масштабы превосходят всякое воображение. Во-вторых, изменилась макроэкономическая ситуация и роль этого капитала. Если раньше он играл все же в основном косвенную роль в перепроизводстве товаров, то теперь все большая часть ВВП и добавленной стоимости создается прямо в финансовом секторе (как мы видели выше). То есть деньги прямо порождают деньги, а сам продукт, товар, который продается, является, по сути, особой денежно-знаковой формой, которая превращается со все большим ускорением в прямую денежную форму. Иными словами, товар (Т) в знаменитой формуле К. Маркса $D-T-D'$ превращается из товара (Т) в деньги-товар (акцию, кредит, сертификат, вклад, дериватив и т. п.), который можно было бы обозначить как деньги-товар (D_T). В результате вся формула получения прибыли модифицируется в следующем виде: $D-D_T-D'$. И это не просто замена одного члена.

¹¹ Особенно множатся дубликаты уже истраченных, использованных денег. Например, заемные обязательства по уже выданным и истраченным кредитам могут закладываться, перезакладываться, страховаться, перестраховываться, вноситься в пай и т. д. и т. п. многократно, образуя, по сути, длинную цепочку ценностей, которые могут вдруг при неблагоприятных обстоятельствах приобрести отрицательный знак и «сгореть».

Само получение прибыли в финансовом секторе идет по другим законам – законам обращения, спекуляции, в то время как процесс имеет черты именно массового производства, однако производства денег в виде особого рода товаров. В целом это небывалая ситуация, которая требует специального исследования. В-третьих, в такой ситуации происходит симбиоз явлений, характерных для индустриального и финансового кризиса и типа деятельности, что одновременно делает сегодняшний кризис и во многом похожим на предыдущие, и очень своеобразным. В частности, производство денег в финансовом секторе стремится к тому, чтобы использовать технологии, по типу похожие на индустриальные, которые все время обновляются, морально устаревают (подобно технике), активно разрабатываются, патентуются и заимствуются. Но в то же время уровень доходности от этих технологий требуется как от высокорисковых спекулятивных инструментов. Отсюда гигантские колебания капитала, фантастические колебания цен на сырье, мощнейшие программы кредитования и поддержки потребительского сектора.

Выясняется и еще одна интересная особенность. Будучи деньгами, финансовые услуги не должны иметь явных пределов увеличения. Как известно, денег много не бывает. И это способствует раздуванию «пузырей». Но, будучи товарами, финансовые услуги подвержены целому ряду ограничений, включая ограничения спроса и предложения. А это значит, что реальна ситуация перепроизводства денег. Рассмотрим ее подробнее.

Перепроизводство денег

Рост финансового сектора со всеми описанными выше технологиями и масштабами, как нам кажется, создает в мире принципиально новую ситуацию. В целом, кажется, можно констатировать переход к новой стадии постиндустриального (постмодернового) общества: от экономики, производящей услуги, к экономике, производящей деньги. И этот рост финансового сектора является одной из главных причин и характеристик современного глобального кризиса.

Вот почему одной из наиболее ярких и новых черт современного кризиса является, по нашему мнению, перепроизводство денег.

Для того, чтобы это было легче понять, напомним, отчего происходит перепроизводство товаров. Стремясь к тому, чтобы улучшить или сохранить свое положение в конкурентной борьбе, желая увеличить свои обороты и доходы, производители постоянно наращивают выпуск привычных и новых товаров, развивают свои системы сбыта, в том числе и за счет менее надежных контрагентов, расширяют кредит и рекламу, всячески побуждая потребителей к увеличению покупок. В результате возможности расширения все сокращаются, а усилия и затраты производителей увеличиваются. Они втягиваются в создание новых производств и проектов, берут кредиты, делают долгосрочные инвестиции и т. п., что создает дополнительное напряжение и повышение издержек (арендных, кредитных, ценовых). Наконец, под влиянием тех или иных негативных событий, например сокращения возможностей потребителей, рынок проседает, спрос начинает сокращаться. Поскольку товарные запасы большие, возникает длинная цепочка сокращения производства, одновременно ухудшаются возможности получить кредит. Начинается спад во многих отраслях. В современных условиях все это крайне усугубляется тем, что огромная часть товаров не только производится за счет привлечения кредита, но и продается в кредит, ухудшение условий которого или возможностей его отдачи (что теснейше связано с уровнем доходов) сразу же ведет к сжатию спроса.

Итак, товары не находят своих покупателей. Однако важно заметить, что такое перепроизводство вовсе не является абсолютным, оно происходит только *при данных условиях и ценах*. Общеизвестны факты времен Великой депрессии (см. Главу 2 настоящего раздела), когда правительство премировало фермеров, сокращавших посевы и поголо-

вье, и в то же время выплачивало пособие безработным¹². Сегодня, когда говорят о кризисе сбыта автомобилей, всем ясно, что желающих иметь эти вроде бы лишние автомобили более чем достаточно. Проблема заключается в том, что происходит сбой в сложнейшем хозяйственном организме в рамках государства или даже всего мира. Требуется длительное время на приведение этой ситуации в соответствие.

Но что такое перепроизводство денег? Понятно, что под деньгами мы прежде всего понимаем не только собственно деньги, но самые разные активы, ценные бумаги, свидетельства, платежные средства, символы ценностей, обмена, суррогаты денег, сертификаты собственности и т. п., словом, все, что обращается в сфере кредита, финансов, банковской, валютной, страховой, долговой и т. п. областях (то есть то, что называется «агрегатом МЗ»). Число, виды и объемы таких активов, как мы видели выше, постоянно растут, а способы их обеспечения и страхования постоянно отдаляются от реальных ценностей. К этому добавляется огромный пласт эмитируемых денег, кредитов и займов многих государств, которые создают огромную питательную среду для роста денежного производства.

Итак, денежные и их многократно дублирующие активы образуют огромный сектор, который должен производить деньги, доход. Сами по себе все эти активы лежать не могут, ведь они взяты у кого-то (кто должен получить на них свою долю прибыли) в кредит, в рост, во временное пользование и т. п. Даже их хранение, обслуживание, страхование требуют больших затрат. Каждый день их бездействия – это огромные потери, если учесть, что крутятся многие триллионы долларов, евро и т. п. Чем больше таких активов, тем важнее вложить их в правильное место, заставить приносить прибыль. Подобно тому, что происходит при продаже товаров, происходит и при «продаже» денег: их продавцы конкурируют за наиболее выгодных клиентов, они ищут все новые технологии продвижения своих продуктов, они начинают буквально навязывать деньги. Когда вам звонят по телефону из банка и предлагают активировать кредитную карту или взять кредит, это и свидетельствует о перепроизводстве денег. Кредиторы-продавцы денег начинают конкурировать за возможности их вложения, они начинают иметь дело со все более ненадежными покупателями. При современных финансовых технологиях, при почти мгновенном перемещении гигантских капиталов в разных концах мира возникают такие движения, которые способны создать колоссальные изменения, огромный избыток свободных, но жадных до получения высокой прибыли активов, которые устремляются в те отрасли, что кажутся наиболее доходными, включая сырье, недвижимость, строительство домов, акции и т. п.

Все приходит в движение: доля накопления уменьшается, доля заимствования у будущего растет. Перепроизводство денег достигает максимума. Наконец, наступает фаза, когда рост продажи денег приостанавливается. И тогда сильно усложненную систему начинает трясти. В результате подобно тому, как при переизбытке товаров они так или иначе уничтожаются (путем переоценки, списания, дешевых распродаж, морального устаревания или физического уничтожения, чтобы освободить склады), начинают уничтожаться перепроизведенные финансовые ценности¹³.

Однако крайне важно, что это вовсе не значит, будто нет желающих их иметь. Напротив, как совмещаются голодающие и вылитое в реку молоко, так совмещаются и

¹² Были и случаи, когда производители вынуждены были уничтожать продовольствие, сжигать зерно, выливать молоко и т. п., в то время как множество людей недоедало.

¹³ Объемы такого уничтожения огромны. О них можно судить, например, по прогнозам сокращения стоимости активов в мире. В частности, согласно оценкам главы Центробанка Новой Зеландии Болларда, общее обесценивание ценных бумаг за 2008 и 2009 гг. должно было составить около 30 трлн долларов, удешевление жилья оценивалось в 4 трлн, падение производства – в 3 трлн, а невозвратные займы – в 2 трлн долларов (Егишянц 2009).

уничтожение активов и страшный голод на них. Тут стоит отметить, что на перепроизводство денег указывают редко, а если и говорят об этом, то речь идет о перепроизводстве плохих заменителей денег (см., например: Маслинин 2009). Но дело, как мы видели, не только, а иногда и не столько в том, что качество таких товаров часто оставляет желать лучшего. Главное, что создается гигантское количество денежных товаров именно на продажу. Притом это могут быть очень хорошие товары, в принципе перспективные акции или льготная стопроцентная ипотека (то есть без первоначального взноса, куда уж лучше). Но даже эти хорошие товары при общем переизбытке денежных товаров не находят сбыта. Происходят их затоваривание и гибель, поскольку денежные товары весьма специфичны – их стоимость зависит от психологической оценки, которая подвержена быстрым изменениям.

2. Финансовые спекуляции: есть ли плюсы?

Финансовых посредников ругали во все времена. И всегда было за что ругать. Но они существуют, и без них не обойтись, поскольку рыночная экономика очень сильно зависит от финансовых посредников, которые превращают сбережения общества в продуктивные инвестиции (Гринспен 2009: 484).

Как было показано в предыдущем разделе, деятельность современных финансовых корпораций и фондов, приводящую к неконтролируемому росту финансовых активов и анархии в их перемещении, абсолютно справедливо подвергают критике (также см. ниже)¹⁴. Однако было бы крайне неправильно представлять, что новейшие финансовые технологии вредны в самой своей основе, что они приводят мировую экономику только к различным бедам и выгодны лишь паразитирующим финансистам и спекулянтам. Напротив, как возникновение, так и современное состояние финансового сектора было призвано решать очень важные задачи, причем именно в глобальном плане.

Словом, современную финансовую глобализацию можно не только ругать, она имеет и действительно позитивные моменты. Суммируя достижения того, что называют финансовой революцией (Доронин 2003: 101–133; Михайлов 2000; Рубцов 2000, 2006, 2011; см. также: Held *et al.* 1999), мы выделили и в собственной редакции сформулировали несколько важнейших направлений развития частного финансового инжиниринга (помимо компьютеризации этой области бизнеса), а далее попытались показать, какое положительное влияние они оказывают. Эти направления можно описать следующим образом:

1. Мощное расширение номенклатуры финансовых инструментов и продуктов, что ведет к расширению возможности выбора наиболее удобного финансового инструмента.

2. Стандартизация финансовых инструментов и продуктов. Появляется возможность рассчитывать абстрактную (то есть усредненную, объединенную, взятую от стандартного пакета акций и других бумаг) базу, а не конкретную цену по конкретным бумагам. Это экономит очень много времени у тех, кто использует данные финансовые объекты, позволяет совершать покупки, не вдаваясь в детальный анализ каждой бумаги, а значит, на порядок расширить число участников¹⁵.

3. Институционализация способов уменьшения индивидуальных рисков. Помимо уже указанного расширения номенклатуры и подбора финансовых продуктов, особенно важно отметить появление специальных учреждений – особых расчетных и клиринговых палат – с внутренним регламентом (что избавляет от обращения в суд); специальных правил и компьютерных программ, различных технологий и форм страхования (хеджи-

¹⁴ Наш анализ негативных последствий см. также: Гринин 2008б, 2009а, 2009в; Гринин, Коротаев 2010а.

¹⁵ Подобно ситуации с оптовой покупкой большой партии любого стандартного товара, когда покупателю не обязательно изучать каждый отдельный экземпляр.

рования) рисков. Все это позволяет уменьшить как индивидуальный риск невыполнения сделок и разорений, так и риск в рамках определенных бирж¹⁶.

4. Расширение числа участников и площадок. Современные финансовые технологии позволили множеству людей включиться в игру через специальные программы, особых посредников и структуры¹⁷. Это позволяет широко распространять данные технологии среди владельцев капиталов самого разного объема (подобно тому, как развитие акционерных технологий позволило аккумулировать огромные капиталы). Произошли также значительное увеличение числа финансовых центров и их специализация, усилилась связанность национальных и мировых финансовых центров. Крайне важно, что на порядок увеличилось число эмитентов различных финансовых производных, которые ранее не имели выхода на глобальные рынки¹⁸.

В чем же важность этих изменений в финансовом секторе в глобальном масштабе?

- Происходит аккумуляция и вовлечение в оборот огромных капиталов, новых игроков, рынков.

- Появляется возможность использовать ранее совершенно непригодные для извлечения прибыли операции за счет того, что объемы операций возросли колоссально. Мы уже приводили пример, что фирма может получать 3 цента с одной акции, но продавать в день многие миллионы акций, причем покупать и продавать одни и те же акции десятки раз за один день (Кэлахан 2005: 70–79)¹⁹. Напрашивается сравнение с промышленной технологией обогащения бедных руд, которые до этого были невыгодны для переработки.

- Рост разнообразия финансовых продуктов, развитие специализации в оказании финансовых услуг и рост номенклатуры этих услуг позволяют диверсифицировать колебания спроса и увеличить общий объем продаж (как это помогает делать рост номенклатуры товаров в любой другой отрасли)²⁰.

- Финансовые потоки и финансовые центры начинают по-новому структурировать мировую экономику. Рыночная экономика всегда структурируется вокруг определенных коммуникаций. Вспомним, как строительство железных дорог изменило не просто доставку товаров, но и всю организацию экономической жизни. В современной информационной экономике финансовые потоки начинают играть роль таких системообразующих коммуникаций. Там, где проходят наиболее важные финансовые потоки, интенсивнее всего идет экономическая жизнь. Мелкие и мельчайшие ручейки финансов (как раньше мелкие и мельчайшие потоки грузов к железным дорогам) создают новую экономическую сеть.

- Новая структура позволяет периферии активно включиться в мировую экономику. Разумеется, стихийное движение ведет к обвалам и глобальным кризисам, но так же происходило в XIX в., когда мощнейшее железнодорожное строительство (сопровожаемое невиданными спекуляциями) вело сначала к огромному подъему, а затем – к краху. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы поставить под контроль наиболее опасные и непредсказуемые действия.

¹⁶ Однако расширение объемов операций и их ускорение создают угрозу финансового обвала в глобальных масштабах.

¹⁷ Наиболее известным из которых является международный межбанковский валютный рынок (FOREX).

¹⁸ Так же как рост количества производителей товаров приводит к расширению сети точек, продающих и обслуживающих соответствующие товары.

¹⁹ Разумеется, это в большей степени касается периода, когда дела у всех идут в гору, и в гораздо меньшей (хотя и не нулевой) – периода спада.

²⁰ Мы полагаем, что тенденция к максимальной стандартизации договорных условий приведет к тем же последствиям, что и стандартизация производства, в обоих случаях использование стандартов в разы увеличивает сферу применения соответствующих технологий и продуктов.

3. Финансовые потоки как мировой пенсионный фонд?

Наши исследования позволили нам увидеть и такие глобальные функции мирового финансового сектора, которые вовсе не попали в поле зрения аналитиков (см.: Гринин 2009г; Grinin, Korotayev 2010a, 2011a). Эти функции возникли в условиях не обеспеченных золотом денег и связаны с необходимостью сохранения накоплений в условиях инфляции от потерь и рисков в течение длительного срока хранения. Возникли они как непреднамеренный результат в процессе очень сильных изменений в природе мировых финансов, который начался в 1970-х гг. Напомним, что тогда в результате двойной девальвации доллара и краха Бреттон-Вудской валютной системы произошел окончательный отказ от золотого стандарта денег. Цена золота больше не привязывалась к доллару даже номинально, она стала свободной, а курс валют – плавающим.

Однако в результате отказа от золотого стандарта обеспечение сохранности накоплений окончательно перешло от «независимого» гаранта (то есть драгоценных металлов) к государству²¹. Но при этом не осталось ни одного государства, на которое обладатели капиталов могли бы положиться в плане твердости гарантий. К этому надо добавить рост инфляции, особенно беспокоившей Запад в 1970–1980-е гг. Отметим, что именно в это время, в 1960–1970-е гг., в связи с активным социальным законодательством, ростом качества жизни и демографическими процессами (подросло многочисленное послевоенное поколение) выросли объемы социального капитала в самом прямом смысле слова (пенсионные, социальные и страховые фонды, включая и медицинские). Помимо этого источника роста капиталов в 1970–1980-е гг. были и очень важные другие. Общий объем капиталов вырос за счет нефтедолларов, увеличения эмиссии ценных бумаг, роста ссудного капитала (в том числе и суверенных долгов многих стран)²². В целом с указанного времени начинается процесс резкого увеличения объемов свободных капиталов, которые необходимо было как-то инвестировать.

При инфляции вопрос о том, куда вкладывать капиталы и деньги, не обеспеченные золотом или твердой валютой, становится ведущим. Тем более для капиталов, подобных пенсионным фондам, назначение которых – быть востребованными через десятки лет сохраненными и преумноженными. Нужно было найти новые способы гарантий сохранения и увеличения капиталов.

Фактически отказ от привязки к золотому стандарту (и к постоянным ценностям) изменил не только мировую валютную систему, но едва ли не в большей степени всю финансовую экономику, всю финансовую технологию. Резкое увеличение объема капиталов, необходимость сохранить их от инфляции и найти выгодное приложение объективно подтолкнули к поиску новых форм финансовой деятельности. В результате начался процесс быстрого роста объемов финансовых операций, числа финансовых активов,

²¹ Конечно, стоимость золота и серебра могла колебаться. Общеизвестна история так называемой революции цен в XVI в., в результате которой цены выросли в четыре раза. Но никогда не было так, чтобы золотые или серебряные монеты мгновенно потеряли свою стоимость или их ценность упала бы до нуля (как это происходит с акциями). А в XIX – начале XX в., когда многие страны перешли на золотой стандарт (Held *et al.* 1999), ценность денег (и многих цен) была порой удивительно стабильной в течение долгого времени, что позволяло множеству людей жить на доходы от капиталов. Это также позволяло твердо надеяться на сбережения в виде монет из драгоценных металлов на черный день и старость. Это, кстати, также было важнейшей основой для развития бережливости. Сегодня драгоценные металлы столь же непостоянны в цене, как и любой другой актив, и амплитуда колебаний их ценности огромна. Впрочем, в ситуации нестабильности финансовой системы в период кризиса они обычно значительно и даже резко вырастают в цене (см., например: Акаев, Садовничий, Коротаев 2010; Akaev, Sadovnichii, Korotayev 2011).

²² Много лет спустя сюда добавились некоторые другие источники, например так называемые государственные инвестиционные фонды (национальные фонды развития), которые аккумулировали ресурсы, получаемые государством от некоторых сверхприбылей (например, от экспорта нефти) и инвестируемые ими в зарубежные финансовые рынки. В настоящее время такими фондами обладают несколько десятков государств (National Intelligence Council 2008).

объектов, инструментов и продуктов. Часть новых инструментов уже была готова, и их удалось быстро «раскрутить» (см. об этом в предыдущей главе и выше; см. также: Гринин 2009а, 2009в; Гринин, Коротаев 2010а). Этому способствовала и информационно-компьютерная революция, которая совпала с финансовой революцией и дала ей мощнейшую материальную базу.

Итак, в отличие от драгоценных металлов, которые даже без движения сами по себе сохраняли собственную ценность, современные капиталы не имеют такого якоря, невозможно накопить состояние в денежной форме без серьезного риска быстро потерять значительную часть его ценности (см., например: Мовчан 2010: 49). Поэтому если они будут просто лежать, как золото, то постепенно превратятся в пыль. Каковы же источники их сохранения и роста, каковы возможности выполнения финансовых (а значит, и социальных) обязательств?

Первое – это система очень мобильного перемещения капитала, непрерывной смены его форм, вовлечения новых людей, капиталов, посредников и услуг, чтобы сохраняться и приумножаться. Чем быстрее происходят движение и метаморфозы денежных объектов, чем активнее вовлекаются новые активы, тем лучше сохраняется капитал.

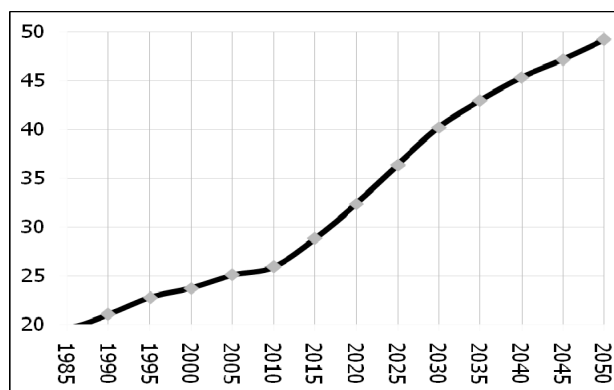
Второе – распределение рисков в глобальном масштабе. Растут возможности разложить риск на как можно большее число участников и стран, трансформировать исходные финансовые объекты в как можно большее число финансовых продуктов. Необходима максимальная диверсификация, позволяющая выбирать удобные формы финансовых продуктов и оперативно менять их. Вот почему так называемые производные финансовые инструменты становятся все более и более производными, приобретая все более превращенную и отдаленную от первичных денег форму²³.

Третье – рост специализации, в том числе в самых разных формах на страховании вложений. Специализация обеспечивает диверсификацию и возможность расширения.

Дополнительная важность функций мировых финансов в плане сохранения и приумножения накоплений пенсионных, страховых и социальных фондов с каждым годом усиливается важнейшим и в целом глобальным обстоятельством: завершением второй фазы демографического перехода в Европе, Японии и США (см., например: Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006a). Это создало, как известно, демографическую ситуацию, при которой едва обеспечивается простое воспроизводство населения, а в ряде развитых стран фактически началась депопуляция; в целом численность будущих поколений сокращается, а численность стареющих когорт населения и процент пенсионеров в общем составе населения в развитых странах растет. И прогнозы обещают только усиление этого процесса. Если к 2010 г. в развитых странах на одного пенсионера в среднем приходится четверо работающих, то в 2025 г. их будет только три или меньше²⁴. Кто же будет пополнять в дальнейшем пенсионные фонды, кто будет выполнять социальные обязательства перед сотнями миллионов пожилых избирателей? Причем идет не только рост числа пенсионеров и социально застрахованных, но одновременно и увеличение объема, сложности и стоимости обязательств, в частности медицинских услуг.

²³ Надо иметь в виду, что пенсионные фонды, страховые компании и т. п. выступают в роли так называемых институциональных инвесторов и собственников во множестве корпораций, которые сами вкладываются в массу различных бумаг и проектов; таким образом, финансы всего мира настолько перемешались, что сложно понять на самом деле, где чьи деньги, где «хорошие» деньги, а где «плохие».

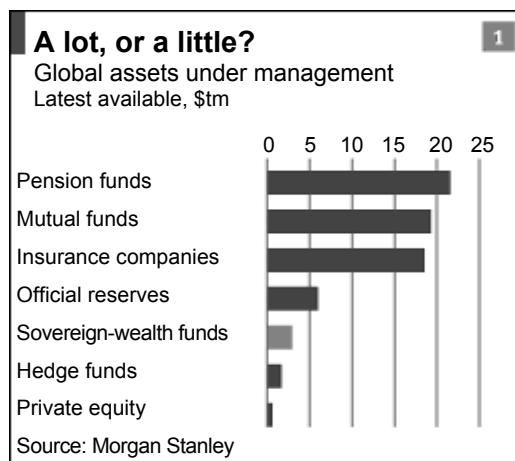
²⁴ См.: Мир... 2009: 57–58. Драматическое изменение пропорции пенсионеров и работающих видно из таких цифр: в 1950 г. в США пропорция пенсионеров и работающих выглядела как 1:16, а в середине 2000-х уже как 1:3, то есть она изменилась в пять раз (см.: Мельянцеv 2009: 30).

Рис. 3.5.1. Количество пенсионеров на 100 работающих в развитых странах, 1985–2050

Источник: UN Population Division 2012.

Действительно, в таких обстоятельствах и при замедлении темпов экономического развития на Западе, а также с учетом крайне тревожащего роста государственного долга во многих странах гарантии выплат пенсий и других социальных страховых обязательств отнюдь не выглядят абсолютно надежными.

Здесь надо учитывать, что большинство пенсионных денег сосредоточено не в государственных, а в тысячах частных (негосударственных) пенсионных фондов, которые весьма активны в поисках наиболее надежных и выгодных вложений. Пенсионные фонды – важные держатели акций котирующихся частных компаний. Они особенно важны для биржевых рынков, где доминируют крупные институциональные инвесторы. Объемы денег в пенсионных фондах очень велики. В газете *The Economist* за 17 января 2008 г. писали, что, по оценкам *Morgan Stanley*, частные пенсионные фонды по всему миру владеют активами более чем в 20 трлн долларов. Это больше, чем у любой другой категории инвесторов, – больше, чем у паевых инвестиционных фондов, страховых компаний, валютных резервов государственных инвестиционных фондов, хедж-фондов или частных инвесторов²⁵.

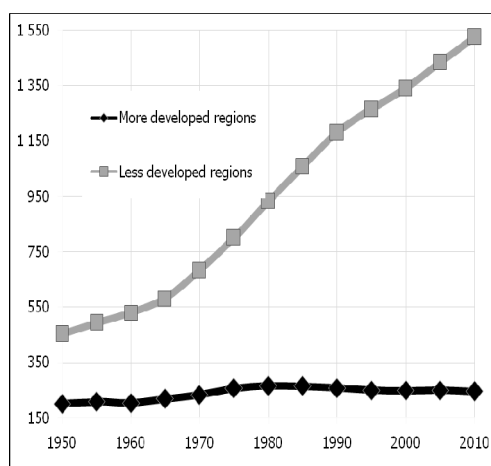
Рис. 3.5.2. Активы разных типов фондов

Источник: Economist 2008.

²⁵ К концу 2005 г. совокупные активы частных пенсионных фондов в 23 странах, рассматриваемых в данном исследовании, оценивались более чем в 13 трлн долларов (Antolin 2008: 6).

Таким образом, в мировом масштабе пенсионные и другие социальные фонды обладают денежными средствами в десятки триллионов долларов. И ведь это не какие-то финансовые производные или «плохие» долги, а кровные деньги, отложенные за десятки лет. Так, по некоторым данным объемы американских пенсионных фондов к моменту кризиса составляли примерно 10 трлн долларов (Штефан 2008), что сравнимо с общим размером ВВП США (см.: Antolin 2008: 7). Кризис привел к существенным потерям и даже разорениям многих из них. Как сделать сохранение этих богатств надежным? Надежность, как легко увидеть, понятие весьма относительное. Ненадежными могут оказаться лучшие акции, недвижимость, даже государственные бумаги. Организация экономического сотрудничества и развития оценивает потери пенсионных фондов в странах, входящих в ОЭСР, в 5,4 триллиона долларов или примерно 20 % стоимости всех активов этих стран в 2008 г. (Hinz *et al.* 2010: 3; Antolin, Stewart 2009). Российский ПФ в 2008 г. потерял на них 10 млрд руб (Наумов 2008). Представляется, что в рамках отдельных развитых стран делать это все сложнее.

Рис. 3.5.3. Молодежь в более развитых и менее развитых регионах, млн, 1950–2010

Источник: UN Population Division 2012.

В то же время в развивающихся странах есть огромное число молодежи; обеспечить ее работой и дать ей образование является очень трудной задачей. Ее не решить без все более активной интеграции экономик периферийных стран в экономику Мир-Системы, без притока капиталов и технологий с Запада. А без развития мировой финансовой системы такой интеграции не достичь. В то же время пенсионеров в развивающихся странах пока немного, обязательства перед ними сравнительно невысокие²⁶, а сроки, когда бремя пенсионеров начнет давить с критической силой, явно намного более отдаленные, чем на Западе.

И в этих условиях мировые деньги фактически уже начинают участвовать в решении указанной социальной задачи (естественно, что решить ее полностью они не могут). Выглядит это так, что перераспределение капиталов по всему миру, распределение рисков путем вложения в самые разные активы развивающихся стран через множество посредников и специализирующиеся фонды фактически создает для заемщиков, акционеров и реципиентов стран, где много молодежи, финансовые обязательства умножать капиталы в течение длительного времени. И эти умноженные капиталы потенциально пой-

²⁶ Например, активы пенсионного фонда составляют 5 % ВВП в Индии, и только 1 % ВВП в Китае (Ravindran 2010).

дут на выплату пенсий и социальных обязательств в страны-кредиторы. Развивающиеся страны заинтересованы в привлечении все новых капиталов, чтобы обеспечить работой новые когорты молодежи. Значительная часть капиталов, которые им нужны, формируется из денег пенсионных, страховых и социальных фондов развитых стран. Иными словами, в известной мере молодежь Индии, Индонезии, Бразилии или Китая косвенно станет работать на стариков Европы.

*Итак, страны с богатыми демографическими ресурсами и обширными молодыми когортами населения, но бедные капиталами, через мощнейшую унификацию мировых финансовых потоков, их стандартизацию, возрастающую мобильность и анонимность все сильнее вовлекаются в крайне важный (хотя внешне и незаметный) процесс финансирования пожилых когорт населения западных стран*²⁷.

Иными словами, глобальные финансы не просто интегрируют капиталы различных регионов мира, но фактически позволяют решать важнейшую социальную, причем исключительно внутреннюю, задачу, которую, однако, становится уже крайне сложно решать в рамках отдельных стран, – обеспечение огромной части населения пожилого возраста. В этих условиях прослеживается ситуация, когда неудачи любой страны будут расцениваться как общая неудача. Фактически это опережает (и подготавливает) политическую и правовую глобализацию мира в некоторых очень важных аспектах. Такое переплетение интересов, как только оно станет очевидным, заставит активнее идти в направлении институционализации некоторых финансовых и социальных отношений, более тщательного регулирования финансовых потоков и обеспечения безопасности финансовых технологий.

Иными словами, современные финансовые активы и потоки стали глобальными и интернациональными, фактически в них обращаются общие деньги (иное дело, что выгоды могут быть неравноценными). При этом очень важно понимать, что в них крутится большой процент *социальных* денег (пенсионных и страховых), потеря которых может в будущем обернуться трудно прогнозируемыми бедствиями²⁸.

Таким образом, более безопасное распоряжение мировым капиталом имеет помимо очевидных экономических и социальных еще и такой социальный вопрос, как безопасность будущего пенсионеров и социально незащищенных людей (которые, конечно, в рамках сделок и на национальном уровне как-то страхуются, но что могут значить страховки в условиях глобального обвала?). Поэтому вопрос о каких-то институциональных условиях финансовой глобализации становится еще более важным. Однако сколько понадобится кризисов, чтобы он решился?

4. Ощущение необходимости изменений

Сегодня многие специалисты видят нынешние проблемы мировых фондовых рынков в несовершенстве системы их регулирования²⁹, хотя очень многие (если не большинство спе-

²⁷ Это напоминает ситуацию в Великобритании в начале XX в., когда доходы от экспорта капиталов помогли поддерживать высокий уровень жизни на фоне замедления темпов промышленного производства. В этот период доходы от земли, недвижимости, государственных, иностранных и колониальных займов составляли чуть менее половины всего облагаемого налогом национального дохода (Туган-Барановский 2008 [1913]: 321).

²⁸ Важность учета полезных функций (включая социальную) общемировой валюты должна предостеречь нас от различных максималистских утверждений, таких как «работа в банке не заслуживает чрезмерно хорошей оплаты труда... общество не должно позволять людям становиться богатыми только из-за их финансово-перераспределительной функции» (из интервью с известным французским экономистом Жаком Аттали, см.: Быков и др. 2009: 103). Все это напоминает декларации столетней давности, что капиталисты не выполняют никаких полезных функций в производстве. Но на самом деле, как только пропадет интерес в обогащении посредством финансовых операций, кто рискнет своими капиталами? И что с ними произойдет? Впрочем, это не отрицает необходимости аккуратного и последовательного ограничения чрезмерных спекуляций и чрезмерного обогащения. И в этом отношении некоторые идеи Жака Аттали (в частности, его предложение относительно нового, на этот раз всемирного, закона Гласа – Стигалла [Там же]) выглядят довольно интересно.

²⁹ См. анализ этих взглядов, например: Доронин 2003: 129–130.

циалистов, по крайней мере американских) по-прежнему полагают, что проблемы на фондовых и финансовых рынках возникли не столько в связи с отсутствием наднационального регулирования фондовых рынков, сколько в связи с недостатками и несовершенством национального регулирования. Надо отдать должное, в США сделали некоторые выводы из кризиса, в частности начинают обсуждать и/или принимать меры по более жесткому регулированию. Началась чистка «плохих» и «токсичных» долгов. Все это важно, особенно учитывая гигантское влияние на мир американских финансовых институтов и инструментов. Сегодня у Международного валютного фонда больше возможностей влияния на мировую экономику в результате увеличения его кредитного ресурса. Впрочем, существуют серьезные сомнения в том, что МВФ сможет значительно продвинуться в плане собственной трансформации в своего рода мировой «Центробанк», хотя подобные предположения время от времени появляются (см., например: Зотин 2010). Мировой опыт показывает, что новые принципы (которые также должны служить основой новой мировой финансовой системы) не появляются в рамках или в результате работы институтов, которые уже реализовали свои функции. Подобные уже устоявшиеся институты с трудом поддаются радикальной трансформации.

В последнее время немало (и во многом правильно) высказываются по поводу того, в каком направлении необходимо регулировать финансовую деятельность. Можно привести и достаточно яркие цитаты по этому поводу из сегодняшней литературы. Например, У. Шефер пишет: «Особенно рискованные финансовые продукты должны быть запрещены. Сейчас если кто придумает новый финансовый инструмент, то может его уже на следующий день предлагать своим клиентам. Кто изобретет, например, новый дериват, не обязан его нигде регистрировать, ни в каком ведомстве, и может его просто продавать. Последователи свободного рынка полагают, что финансовые рынки сами все отрегулируют и отбракуют плохие продукты. На самом же деле этого не происходит. Банки и фонды триллионами выбрасывали на рынок “токсичные отходы” и при этом распространяли убеждение, что из большого количества сомнительных вложений можно с помощью определенных конструкций создать по-настоящему ценные бумаги. Никто при этом не чувствовал себя ответственным за все это. Но если рынок не в состоянии взять на себя ответственность, тогда это должно сделать государство. Нужно, чтобы финансовые концерны были обязаны предварительно регистрировать все финансовые продукты, которые они изобретают, – примерно так, как это обстоит с лекарствами в фарминдустрии. Государственное ведомство должно предварительно проверять и тестировать все финансовые инструменты, прежде чем банки получат право их продавать. И если эти инструменты слишком опасны, ведомство должно их запрещать» (Schäfer 2009: 279–280). «Ведомства по контролю над финансовыми рынками должны разделить рейтинговые агентства таким образом, чтобы одна часть занималась определением финансового рейтинга, а другая – консультированием банков. При этом рейтинговые агентства и их заказчики должны публиковать всю информацию, которая использовалась для определения рейтинга. Тогда любое другое рейтинговое агентство может проверить присвоенный рейтинг и в случае несогласия опубликовать собственную оценку» (*Ibid.*: 280).

«Бизнес налоговых оазисов (офшоров. – *Авт.*) состоит собственно в том, чтобы высасывать деньги из промышленно развитых стран. “Оазисы” завлекают сверхнизкими налоговыми ставками. Они предлагают вкладчикам абсолютную тайну и освобождают финансовые концерны от каких-либо проверок. Поэтому индустриальные страны должны принудить “оазисы” отказаться от банковской тайны и заставить их сообщать иностранным налоговым ведомствам обо всех доходах с капитала. “Оазисы” должны поднять свои налоги до некоего международно приемлемого уровня. Добровольно они этого не сделают. Поэтому в случае необходимости их нужно принудить к этому с помощью экономических санкций» (*Ibid.*: 284)³⁰.

³⁰ Как известно, во многих западных странах высокие налоги спровоцировали серьезное увеличение числа тех, кто старается уклониться от них, а также растущее количество офшорных зон (Cassard 1994: 22–28; Zogome 2007: 24–25; Платонова и др. 2009).

Нетрудно заметить, что в данной выдержке в целом (за исключением последнего абзаца, довольно, впрочем, важного) призывы обращены к национальному правительству. Но хотя роль национального регулирования по-прежнему очень велика, сегодняшняя ситуация на финансовых рынках – в отличие от прежнего времени – уже такова, что в одиночку государствам не справиться. И раз финансы все заметнее становятся международными (и, как мы видели, выполняют объективно важную роль, которую уже не решить в национальных масштабах), следовательно, нужны наднациональные решения.

О необходимости перехода от национального уровня регулирования к наднациональному отдельные ученые говорят довольно давно (Ван дер Вее 1994: 374; Сорос 1999). Л. Туроу, как и ряд других аналитиков, видит причину нестабильности мировых фондовых рынков в противоречии между международным характером операций на мировых фондовых рынках и национальной природой самих фондовых рынков. Однако он очень верно замечает, что хотя эпоха национального экономического регулирования кончается, эпоха глобального экономического регулирования еще не пришла (Туроу 1999: 158). Произойдут ли решительные перемены в этом направлении сегодня?

Обсуждение трансформации мирового порядка становится особенно актуально, когда мир сотрясают глобальные кризисы. Таким образом, неудивительно, что концепция «пересмотра мирового порядка» (см., например: Tinbergen 1976) появилась именно в 1970-е кризисные годы. Кризис 1969–1970 гг., финансовый кризис 1971–1973 гг., но особенно кризис 1973–1975 гг. действительно были периодами экономического хаоса, не имеющими аналогов в поствоенную эпоху (Там же). Это стимулировало появление новых идеологий глобального развития, особенно в том, что касается взаимоотношений между развитыми и развивающимися странами или возможностей устойчивого развития мира. Многие из вопросов, поставленные в этот период (как и многие разработанные в то время рекомендации), актуальны и сегодня. Люди в любую эпоху всегда уверены, что их время с реформами и кризисами уникально. И все же не будет преувеличением сказать, что современный глобальный кризис ярко, как никогда раньше, продемонстрировал необходимость крупных изменений в регулировании межнациональной экономической деятельности и движения мировых финансовых потоков, потребность в росте согласованности действий правительств и определенной унификации законодательства. Фактически нужна новая система финансово-экономического регулирования в мировом масштабе.

Осознание причин кризиса может дать толчок началу витка глобальных изменений, однако путь этот долог. Но даже переход только к самому начальному этапу новой системы наднационально-национального регулирования уже будет означать очень глубокие изменения, причем многие трансформации сегодня просто трудно предвидеть. То, что политический ландшафт и расстановка сил в мире изменятся в ближайшие десятилетия, ощущается все сильнее. «Международная система – в том виде, в каком она возникла после Второй мировой войны, – к 2025 г. изменится практически до неузнаваемости благодаря подъему новых держав, глобализации экономики, историческому переходу относительного богатства и экономического могущества с Запада на Восток и растущему богатству негосударственных субъектов», – считают американские аналитики (Мир после кризиса... 2009: 12).

На саммите «Большой двадцатки» в Лондоне (апрель 2009 г.) раздавалось много голосов против офшоров (особенно со стороны Германии и Франции). Против них даже было принято несколько решений, некоторые члены «Большой двадцатки» (но не все) обнаружили себя в черном списке стран, препятствующих международному контролю над налоговыми убежищами. Однако с оздоровлением экономики антиофшорные выступления несколько ослабели, особенно учитывая тот момент, что некоторые страны «Большой двадцатки» (например, Китай и Великобритания) заинтересованы в офшорах (Быков и др. 2009: 101). Также звучали заявления относительно необходимости привязать зарплаты менеджеров инвестиционных банков к средним и долгосрочным результатам. И следует отметить давление по уменьшению секретности банков (см., например: Фокин 2010), что, впрочем, нельзя рассматривать исключительно как положительное явление.

Часть 2. О возможностях развития Мир-Системы в связи с современным кризисом

1. Смена лидера или коренное изменение системы?

Сегодня вполне очевидно, что происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и – в более широком смысле – ослабление экономической роли развитых государств в целом³¹. Поэтому нет сомнения, что раньше или позже (а в целом относительно скоро) положение США как лидера Мир-Системы изменится, и их роль снизится. И этим очень обеспокоены многие в самих США (см., например: Mandelbaum 2005; National Intelligence Council 2008). Сегодняшний кризис будет важным этапом в этом направлении ослабления нынешнего лидера. В целом, как мы уже говорили (см. также: Гринин 2008б, 2009а, 2009в; Гринин, Коротаев 2010а: Гл. 4; Grinin, Korotayev 2010a, 2010b, 2011a), прежние приоритеты и основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные для США основания, рано или поздно начнут трансформироваться в новый порядок. Такая трансформация и составит в ближайшем будущем коллизии взаимоотношений между национальными интересами США, с одной стороны, и общемировыми интересами – с другой³².

Однако такая коллизия приведет к исключительно большим изменениям, которые, к сожалению, не учитываются. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-то еще (от Индии до России³³). Но это глубокое заблуждение – моделировать изменения в Мир-Системе главным образом с позиции смены лидера в ней. Фактически сегодня мы имеем дело не просто с кризисом в Мир-Системе и даже не просто с кризисом центра Мир-Системы; мы имеем дело с кризисом устоявшейся и вполне понятной модели ее структуры во главе с лидером, который **сосредоточивает у себя целый ряд аспектов лидерства: политического, военного, финансового, валютного, экономического, культурного, технологического**. США также выступают как передовой отряд развитых стран в целом (о некоторых таких аспектах позиции США в мире см.: Renwick 2000; Nye 2002; Vasevich 2002), приоритет которых в мире очевиден. Таким образом, имеется довольно сложная структура лидерства: США – ведущие страны Европы и Япония – тянущиеся к ним довольно высокоразвитые страны АТР и среднеразвитые страны Европы – есть также прилегающие к США страны, находящиеся с ними в особых отношениях (Мексика и др.).

Говоря о потере США статуса лидера, мы должны подразумевать не замену лидера Мир-Системы, а коренное изменение всей структуры мирового экономического и политического порядка. Проблематична же замена лидера Мир-Системы хотя бы потому, что **место, подобное США, уже не может занять никто, поскольку никто не может сосредоточить сразу столько лидерских функций**. И лишь только поэтому (а есть и мно-

³¹ Оно выражается в замедлении темпов экономического роста мир-системного центра при ускорении этих темпов в большей части мир-системной периферии (подробнее см.: Гринин, Коротаев 2010а; Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010; Малков и др. 2010; Коротаев и др. 2010а: Гл. 1; Мельянцева 2009; Иноземцев 2008), в слишком быстрой и анархичной деиндустриализации, зависимости от дешевого импорта и импорта капиталов, дефицитности бюджетов и росте общей задолженности общества, в динамике некоторых демографических показателей и т. д. Все это возрождает идеи смерти Запада (см., например: Бьюкенен 2007). С другой стороны, наблюдается некоторое снижение общей задолженности, проявляющееся в так называемом снижении доли заемных средств в мировой экономике в связи со списанием плохих долгов и осторожностью при выдаче новых кредитов (см., например: Карсбол 2010: 101), но эта тенденция вряд ли будет долговременной.

³² См. подробнее: Гринин 2008б, 2009б.

³³ См., например: Frank 1998; Пантин, Лапкин 2006.

го других причин) потеря США роли лидера будет означать глубокую трансформацию самой Мир-Системы.

Прежде всего отметим, что позиции США как мирового лидера являются уникальными в истории. Причем соединение в одном центре – в США – экономического, финансового, военного, политического и научно-инновационного потенциала после Второй мировой войны, как нам представляется, было в целом положительным моментом (наличие альтернативного политического и военного центра в виде СССР в чем-то даже усиливало это положительное значение). Вспомним, что лидером Мир-Системы США стали после Первой мировой войны. Но тогда они сосредоточили у себя только экономическое и финансовое могущество без политического, к которому США даже не стремились. Следует подчеркнуть, что такая ситуация отсутствия признанного лидера Мир-Системы в существенной степени способствовала более тяжелому проявлению кризисов в экономике и политике Мир-Системы в межвоенные годы и возникновению Второй мировой войны.

В 1960-х гг. произошло сокращение экономической роли США, что привело к созданию трехцентровой модели экономического лидерства: США – Западная Европа – Япония. Однако важно отметить: эта система сформировалась под политическим и военным (признаваемым и желаемым) лидерством США. Эта структура показала свою жизнеспособность в течение почти четырех десятилетий. Она работает и сегодня, но если не удастся восстановить экономическую динамику западных стран, ее роль будет слабеть (а динамика явно ослабла во всех трех центрах). К сожалению, сегодня эти центры уже слабо поддерживают друг в друге лидерский импульс, так как у них во многом сходные проблемы, связанные с замедлением развития. Их шанс усилиться заключается в объединении сил для закрепления определенных преимуществ развитых стран, полезных также и Мир-Системе в целом (см. ниже), аналогично тому, как усилился Запад в условиях расширения социалистического блока и распада колониальных империй, когда объединился в военно-политическом, идеологическом и частично экономическом плане в 1940–1950-е гг.

Не исключено, конечно, что появление новых революционных технологий способно дать определенный импульс экономическому развитию США (как было во второй половине 1980-х и в 1990-х гг.), а вместе с тем и Запада в целом; но, во-первых, в ближайшее десятилетие таких технологий как будто не ожидается, а за это время дела в американской экономике, скорее всего, будут развиваться по пути усугубления проблем; во-вторых, для получения большого результата от передовых технологий требуется длительное время, измеряемое самое меньшее 15–20 годами. А за это время многое изменится. В-третьих, даже новые технологии вряд ли могут помочь сохранить военное и политическое лидерство и т. д.

Итак, очевидно, что место, подобное США, уже не может занять никто, ни отдельное государство, ни союз государств. Фарид Закария (Zakaria 2009) считает, что функции лидера Мир-Системы могут выполняться только государством, которое доминирует в плане идей или идеологии, экономической системы и военной мощи. Однако **в мире нет – и в обозримом будущем не предвидится их появления – ни одной страны и даже группы стран, которая смогла бы соединить в себе несколько аспектов лидерства.**

Не будет таким и Китай. Анализ китайской модели в увязке с возможностью Китая играть более важную роль в Мир-Системе дан в следующей главе. В настоящей главе мы переходим к анализу возможных сценариев развития.

2. Гипотетические и реальные альтернативы

Таким образом, будущая Мир-Система уже не сможет иметь такую же, как сегодня, структуру со столь же сильным центром. Что же может быть альтернативой сегодняшнему «порядку» в мире? Здесь мы ступаем на зыбкую и неблагодарную почву прогнозов.

Рассмотрим будущую структуру сначала исходя из следующего вполне правдоподобного, но все же гипотетического предположения. Объективно глобализация ведет к тому, что должны появиться какие-то новые формы политических и экономических образований надгосударственного типа. ЕС представляет лишь один вариант такого типа, другие типы и формы сейчас еще только наметились или намечаются. Но при благоприятных обстоятельствах они могут сложиться довольно быстро. Крупнейшие государства (США, Китай, Индия) достаточно долгое время могут соперничать с такими надгосударственными образованиями, но все же будущее не за отдельными государствами, а за наднациональными объединениями.

Исходя из такой гипотезы, новым лидером Мир-Системы, если он вообще появится, вряд ли будет отдельное государство, скорее им мог бы стать только блок государств (к тому же потенциально растущий). Возглавит ли такой альянс кто-то из наиболее крупных государств современного мира или он вырастет из коалиции государств средней величины и мощи? Или же такая коалиция возникнет на других основах? Очевидно, что ни Китай, ни Индия не сумеют объединить вокруг себя какую-то релевантную группу стран по своим политическим, а Индия – и по цивилизационным особенностям. Чтобы стать таким интегрирующим центром, Китай должен изменить свой политический режим³⁴. А это для Китая, скорее всего, будет означать тяжелые потрясения (а возможно, и развал, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные округа – первые кандидаты на отделение³⁵), сохранение же политического режима требует опоры на свои силы. Режим в Китае останется стабильным и могущественным до тех пор, пока он в состоянии поддерживать процессы, которые довольно точно названы Юньсян Янем (Yunxiang Yan 2000) «управляемой глобализацией». Это подразумевает способность руководства контролировать различные глобальные (в частности, культурные) воздействия. Поэтому Китай не готов возглавить процесс экономической координации в регионе. Но в то же время он не согласится играть «роль второго плана» (см., например, мнение известного японского экономиста Ричарда Коо [Ивантер 2009: 97]) и четко наращивает экономическое влияние в странах АСЕАН (Канаев, Курилко 2010: 43–44). Впрочем, утверждение Ричарада Коо, что рано или поздно Китаю придется обременить себя лидерством, по крайней мере в Азии, выглядит не вполне убедительным.

Более органичная интеграция американского региона под эгидой США (некоей пан-Америки) могла бы теоретически возродить роль США как мирового центра. Но расстановка политических сил в Латинской Америке слишком неустойчива, а уровень развития государств сильно различается. Бразилия уже сама по себе достигла уровня крупных стран. К тому же игра на противостоянии Штатам оказывается большим искусом для целого ряда режимов. Союз с Мексикой и Канадой (НАФТА) не сможет решить указанную выше задачу, хотя и обеспечивает Канаде и Мексике более 85 % всего экспорта (Кириченко и др. 2008: 226).

³⁴ Правда, у Китая есть те или иные планы более активной интеграции с соседями. В частности, идея зоны свободной торговли «Китай + АСЕАН» и единого интеграционного пространства в Северо-Восточной Азии (СВА) с участием Японии, Китая и Южной Кореи и, возможно, российских энергетических ресурсов. Но с учетом напряженных отношений Китая и Японии все это выглядит малореальным (см. подробнее: Михеев 2008: 319).

³⁵ В отношении Тибета есть опасения, что он, не обладая развитыми традициями государственности, скорее всего пойдет по пути Косово, превратившись еще в одно государство – базу для мирового транзита наркотиков (см.: Быков и др. 2009: 103).

Из всех вариантов возникновения такого лидирующего гипотетического союза европейский вариант имеет наибольшую, пусть в целом также небольшую, вероятность. Эта вероятность не так велика хотя бы потому, что расширение Европы уже сталкивается с естественными географическими ограничениями, а экономические и политические кризисы в Греции, Португалии и некоторых других странах продемонстрировали многие слабые стороны Европейского Союза. И в целом, как уже было сказано, Европа пока испытывает большие трудности. Хочется надеяться, однако, что рано или поздно эти проблемы будут преодолены. Тогда не исключено, что в каком-то обозримом будущем станет реальным и план вступления в ЕС Турции с ее более чем 70-миллионным населением. Это сделало бы Европу уже сверхъевропейским союзом (стоит учитывать и развитие связей ЕС с неевропейскими средиземноморскими странами, даже несмотря на последние события Арабской весны в этом регионе). А если бы Европе удалось интегрироваться с Россией, Украиной, Белоруссией, это могло бы дать определенный импульс для перестройки мир-системных отношений и даже сформировать какой-то сильный центр. Это весьма сложный, хотя и не невозможный для реализации вариант³⁶.

Все перечисленные варианты маловероятны. А значит, наиболее реальной альтернативой роли США пока остаются только... сами США. Поэтому в ближайшие одно-два десятилетия США останутся наиболее реальным лидером, если, конечно, американцы сами не подорвут свои позиции (резким поворотом внешнеполитического курса, сильной девальвацией доллара, дефолтом или экономическим обвалом)³⁷. В отсутствие в настоящий момент явного лидера в противовес США мир вынужден способствовать сохранению США как безальтернативного, пусть и дряхлеющего, центра, поскольку всякое ослабление позиции США может привести к неуправляемой во многом трансформации Мир-Системы. Возникает своего рода «цикл дисбалансов» (Мир после кризиса... 2009: 42), поддерживающих друг друга. С одной стороны, это на руку США, но с другой – отсутствие жесткой конкуренции за лидерство сильно ослабляет возможности США к обновлению. Есть мнение, что хотя спрос на лидерство США все еще останется высоким, заинтересованность и готовность США играть лидирующую роль могут снизиться, поскольку американские избиратели пересмотрят свое отношение к экономическим, военным и иным издержкам американского лидерства (Там же: 171). Точнее говоря, скорее могут быть колебания во внешнеполитической линии, вариации на тему борьбы изоляционизма и гегемонизма, в результате чего на какое-то время внешнеполитическая активность США может снизиться. Но переход государств от политики открытого гегемонизма и внешней экспансии к пассивной внешней политике в истории имел место неоднократно, в частности в Японии, Германии и в самое новейшее время в России.

В условиях неопределенности число вероятных сценариев может быть велико. Так, в докладе Национального разведывательного совета США, структуры, близкой к американской разведке³⁸, рассматриваются четыре гипотетических варианта: «Мир без Запада», когда новые силы вытесняют Запад с лидирующих позиций в геополитике³⁹;

³⁶ Впрочем, высокий уровень жизни европейцев, стремление новых членов ЕС немедленно достичь такого уровня и сегодняшний финансовый кризис в еврозоне значительно снижает импульсы к приему новых членов (нечто подобное происходило, правда, в меньшей степени, при воссоединении Германии).

³⁷ Последние два на самом деле потребуют быстрого принятия решений в глобальном масштабе. Неожиданное резкое падение доллара может привести к краху всех национальных финансовых и валютных систем (см.: Платонова и др. 2009: 88).

³⁸ Опубликован в виде книги, на которую мы уже ссылались: Мир после кризиса... 2009.

³⁹ Что касается экономического вытеснения Запада, которое, конечно, является результатом быстрого экономического роста на периферии (см., например: Гринин, Коротаев 2010a; Grinin 2011a; Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010; Малков и др. 2010; Коротаев и др. 2010a: Гл. 1), необходимо отметить важный момент, что изменения будут не такими быстрыми, если вообще будут. Сегодня (и в ближайшем буду-

«октябрьский сюрприз» – экологическая катастрофа; «разрушение БРИК» – конфликт между Индией и Китаем из-за доступа к жизненно важным ресурсам; «Политика не всегда локальна» – когда различные негосударственные структуры объединяются, чтобы разработать международную программу по вопросу окружающей среды и избрать Генерального секретаря ООН. Все они, хотя и опираются на определенные тенденции современности, выглядят недостаточно реальными, что, впрочем, признают и сами авторы (Мир после кризиса... 2009: 29).

При большом спектре вариантов будущего рассмотреть все вариации оказывается довольно затруднительным. Поэтому лучше избрать какие-то основные параметры анализа гипотез. Возьмем такой важный, на наш взгляд, параметр будущего развития, как **степень внезапности и остроты** геополитических и геоэкономических изменений. Очевидно, что когда процесс идет постепенно, к нему привыкают, на него пытаются воздействовать, и система хоть как-то успевает трансформироваться. Когда изменения происходят внезапно, на какой-то период возникает вакуум системности и порядка, хаос, поспешное возведение временных и потому далеко не всегда удачных конструкций. Рассмотрим два таких гипотетических варианта: постепенных и внезапных изменений⁴⁰.

Первый – когда ослабление мощи США идет не резко, а постепенно. В этом случае возможно, что США, пытаясь сохранить свое лидирующее положение, с одной стороны, будут вынуждены маневрировать, вступать в коалиции, уступать в тех или иных вопросах, принимать какие-то общемировые идеи, чтобы не потерять лидерства и сохранить приемлемый геополитический баланс. А с другой – США будут стремиться что-то создать в мировом масштабе, пробовать институционализировать ситуацию, чтобы в каких-то общепринятых международных и межгосударственных договоренностях или системах взаимодействия (организациях, консультациях, иных формах) попытаться закрепить свое положение первых среди равных, но в то же время не настаивать на абсолютной или даже явной гегемонии, какая есть сегодня⁴¹. Разумеется, тут потребовалось бы большое искусство. Этот процесс пошел бы удачнее, если бы США удалось, как рекомендовал З. Бжезинский, объединиться в важных направлениях с Европой и Японией (Бжезинский 2005)⁴². На наш взгляд, объединяться надо по максимальному числу проблем. Запад – в условиях низких темпов роста в развитых странах – объективно заинтересован в создании такого порядка, который бы оформил некоторые его преимущества институционально (и в известной мере это было бы полезно для всей Мир-Системы)⁴³. Насколько вовремя эта необходимость может быть осознана, конечно, большой вопрос,

щем) вектор развития по-прежнему определяется Западом, в то время как наиболее быстро развивающиеся экономик, за редким исключением связаны с западной экономикой. Если мы попытаемся представить себе, что в мире останутся только развитые страны, без периферии, уровень жизни и технологии на Западе пострадает гораздо меньше, чем в периферийных странах в обратной ситуации. К тому же при подобном фантастическом сценарии западная экономика, очевидно, довольно быстро начнет расти, в то время как периферия при обратном сценарии быстро придет в упадок.

⁴⁰ Хотя, скорее всего, процесс будет неровным: медленные неуправляемые изменения будут сменяться какими-то крупными, но не фатальными обвалами и кризисами, подстегивающими процесс трансформации и даже меняющими его направления. Как показывают прогнозы, ни одна модель не может быть реализована в чистом виде, обычно появляются различные направления, комбинирующиеся в специфических сочетаниях.

⁴¹ Уилкинсон называл подобный сценарий «однополярность без гегемонии», но с вероятным доминированием (Wilkinson 1999). В нашем сценарии были добавлены некоторые принципиально важные моменты, включая необходимость попытки сохранить де-юре преимущества в некоторых аспектах. Сохранение доминирующей роли доллара в свое время оказалось исключительно важным для США.

⁴² Анализ американской внешней политики и позиции США в мире см. также: Kagan 2003; Bacevich 2002; Jervis 2005.

⁴³ Пример такого закрепления – определение пяти ведущих держав, имеющих право вето в СБ ООН. Расстановка сил в мире меняется, а этот порядок сменить не так просто.

но от того, произойдет ли такое осознание раньше или позже, во многом может зависеть успех такой институционализации⁴⁴. Это был бы, условно говоря, сценарий «планируемой перестройки».

Второй вариант возникает в случае, если изменение позиции США произойдет резко – например, в результате внезапного обвала доллара и, особенно, вследствие дефолта Соединенных Штатов (допустим, при неожиданном изменении ситуации в мировой экономике вследствие еще более сильного, чем осенью 2008 г., кризиса).

В этом случае общественное мнение США вполне может качнуться в сторону сворачивания мировых функций США, что дополнительно усилит вакуум международного управления. В такой ситуации возможны анархия (менее вероятный сценарий) или поспешное собирание («сколачивание») наспех какой-то системы, способной поддержать заваливающийся мировой порядок, для решения сиюминутных дел, выработка каких-то паллиативных решений и договоренностей, которые в дальнейшем могут оказаться перспективными.

Однако из всех гипотетических вариантов нам представляются самыми вероятными два альтернативных. Первый – естественно, более предпочтительный – расширение «клуба» ведущих мировых игроков до такого их числа, которое позволит как-то влиять на ход мирового развития (о нем будет сказано дальше). Второй вариант – спонтанного неуправляемого развития, когда главные игроки будут в основном озабочены внутренними проблемами, политики – рейтингом популярности, а общемировые проблемы будут решаться постольку-поскольку. Японское общество является хорошим примером такой самоизоляции (хотя и там уже проявляются определенные тенденции к реинтеграции [см.: Ивантер 2009: 99]), ЕС также слишком часто демонстрирует замкнутость на собственных интересах. Для западных стран есть также опасность стать заложниками демократической системы, когда положение политиков не позволяет им думать о будущем, и они окончательно превращаются в демагогов и политиканов. При этом вовсе не исключены эксцессы протекционизма и прочих антиглобализационных мер. В этом случае только внезапные встряски вроде современного кризиса могут пробудить западных политиков и западные общества от спячки; полезными оказываются и всплески национально-цивилизационной и гегемонистской гордости.

3. Усилятся ли дефицит глобального управления и фрагментированности мира?

Нам неоднократно и по разным поводам приходилось писать о том, что экономическая и финансовая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию (см., например: Гринин 2008а; 2008б). Усилятся ли такое отставание политической составляющей Мир-Системы от экономической в ближайшие десятилетия? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, каким может быть экономическое развитие в ближайшем будущем. Многие экономисты и обществоведы, приводя разные аргументы (в том числе опираясь на динамику знаменитых кондратьевских циклов), считают, что в ближайшие 15–20 лет экономическое развитие мира, скорее всего, будет идти более медленными темпами, чем в предшествующий период (см., например: Акаев 2010а; Акаев, Садовничий 2010)⁴⁵. Мы придерживаемся подобного же мнения (см.: Гри-

⁴⁴ Один из возможных приемлемых для Запада выходов – квотирование темпов экономического роста, чтобы сдерживать слишком быстрое развитие периферии (о возможностях такого квотирования см.: Гринин 2007д, 2009б). Если же ограничения нельзя добиться путем прямых квот на экономический рост, то этого можно достичь, например, под лозунгами борьбы за всемирную экологию, за права наемных работников, через усиление борьбы против нечестной конкуренции и т. п.

⁴⁵ Впрочем, многое зависит от выбранных методов подсчета ВВП. Многие изменения фактически удешевляют конечный продукт, в результате возникает впечатление снижения ВВП. С другой стороны, рост ВВП не менее редко и завышается из-за недоучета (зачастую, по всей видимости, сознательного) скрытой инфляции.

нин, Коротаев 2010a). Но если этот прогноз оправдается, не сумеет ли политическая составляющая Мир-Системы за это время несколько подтянуться? К тому же ослабление лидерской позиции США и отсутствие альтернативы (в любом случае смена лидера – процесс долгий и сложный), очевидно, должна вести к тому, что международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Следовательно, мы входим в период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы, а это означает, что в ближайшем будущем нас ждет достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будет трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом.

Так или иначе, дефицит глобального управления (а также «растущая институциональная нехватка»⁴⁶) имеет место, и в ближайшие десятилетия он явно не исчезнет. Можно предположить, что он станет идеологически более осмысленным, а проекты устранения этого дефицита обретут уже какие-то относительно зримые очертания. Но глобальное управление требует больших усилий и существенных жертв. До какой степени государства и негосударственные субъекты пожелают или смогут вынести возрастающее бремя глобального управления? Отказ разделить это бремя усугубит ситуацию «растущей институциональной нехватки» (National Intelligence Council 2008). Похоже, стран, которые рискнут в одиночку взять на себя какое-то бремя международного регулирования, окажется мало, так же, как сегодня немногие государства берут на себя обязательства делать крупные взносы в международные организации, включая ООН. Вот почему какое-то время многие страны будут по-прежнему заинтересованы в лидерстве США, хотя, как сказано выше, последним в определенных условиях оно может стать неинтересным или уже непосильным. Тем же отдельным крупным державам, кто оспаривает лидерство США, глобальное регулирование также, скорее всего, будет не под силу.

В такой ситуации могут выявиться наиболее важные сферы, участвовать в регулировании которых будет выгодно, а также отдельные важные области, принимать участие в регулировании которых придется в рамках международных обязательств. Это должно усилить тенденцию к коллективным действиям всякого рода, к формированию объединений, к развитию разных видов сотрудничества, а также будет трансформировать глобальное управление в сторону новых технологий.

Американские аналитики считают, что: а) в ближайшее время политикам и общественности придется справляться с растущим спросом на многостороннее сотрудничество; б) нынешние тенденции ведут к возникновению в следующие 15–20 лет фрагментированного и полного противоречий мира; в) многополярность и бесструктурность – основные черты будущей системы (Мир после кризиса... 2009: 8, 25–26, 180).

Что касается спроса на многостороннее сотрудничество, он и сегодня уже высок, а завтра вырастет сильнее. Но представляется, что такой рост, во-первых, дает шанс ряду региональных держав и союзов усилить свои позиции, во-вторых, будет способствовать ускоренному образованию самых разнообразных форматов многостороннего сотрудничества. Стоит заметить, что *в идеале новый международный порядок сложился бы наиболее удачно при формировании, с одной стороны, достаточного количества различных по типу и по уровню охвата наднациональных союзов, коалиций, координационных центров, многосторонних договоренностей и влиятельных негосударственных организаций и сетевых систем; а с другой – при наличии хоть как-то признанного де-факто, а еще лучше – де-юре, институционализированного ведущего центра Мир-Системы.*

Многополярность (хотя в это понятие вкладывается слишком разный смысл) стала геополитическим лозунгом ряда держав, и она как будто складывается (см. также: Нye 2002). Формируются новые центры силы (в первую очередь экономической, но также и военно-

⁴⁶ Об институциональной нехватке см.: Мир после кризиса... 2009: 13, 20.

политической), намечаются в связи с этим новые конфигурации в рамках Мир-Системы. Но в любом случае многополярность в условиях мирного сосуществования в принципе означает тот или иной мировой порядок, поэтому многополярность и бесструктурность – понятия противоположные.

Усиление же фрагментированности означало бы распад (пусть даже и временный) Мир-Системы. Насколько это вероятно? Нам все же представляется, что маловероятно, слишком уж привыкли к определенным реалиям некоего квазиединства. Ведь даже кризис не привел к расколу, а в определенной мере сплотил мир. Кажется также, что формируется некое глобальное сознание. Вот только один пример таких неожиданных метаморфоз современной экономической психологии. В период особенно низкого падения производственных индексов в 2008–2009 гг. среди экономистов все чаще стала повторяться мысль, что экономика Китая вытянет весь мир, а значит, не все так страшно.

4. Эпоха новых коалиций и трансформация суверенитета

Нам уже приходилось писать о процессе трансформации содержания национального суверенитета, то есть процессе сокращения реального объема суверенных полномочий государств, причем во многом добровольного. Необходимость подтянуть политическую составляющую Мир-Системы, усилить глобальное регулирование финансовых и иных агентов усиливает процесс трансформации суверенитета, поскольку государства должны в чем-то добровольно ограничить себя, а в чем-то взять на себя дополнительные функции (подробнее см.: Гринин 2008б, 2009а, 2009б, 2009в, Grinin 2009с, 2009д; Гринин, Коротаев 2009а). Мировой кризис более ясно обозначил пределы суверенитета, показал, что даже США не могут более действовать без реальной поддержки других стран.

«К 2025 году не останется единого “международного сообщества”, состоящего из национальных государств. Власть в большей степени рассредоточится между новыми игроками, приходящими со своими правилами игры, а также увеличится риск того, что западные альянсы ослабеют» (Мир после кризиса... 2009: 8). Действительно, скорее всего, реальный состав «международного сообщества» в ближайшие десятилетия будет более сложным, поскольку в него добавятся какие-то наднациональные союзы, официальные или неофициальные совещания лидеров стран и союзов, временные или постоянные коалиции, возможно, и негосударственные организации.

Однако трансформация суверенитета на фоне создания нового мирового порядка вовсе не однонаправленный и однолинейный процесс. Во-первых, национальное государство еще долго будет ведущим игроком на мировой арене, поскольку в обозримом будущем многие вопросы способно будет реально решать только государство. Во-вторых, в чем-то суверенность может усиливаться, так как современный кризис вновь показывает, что судьба национальных экономик в огромной степени зависит от силы государства. Поэтому вполне вероятно, что самое ближайшее будущее может показать определенный «ренессанс» роли государства и его активности на мировой арене. Также вероятен возврат в ряде стран некоторых суверенных полномочий, отданных (порой бездумно) тем или иным наднациональным организациям, сообществам или просто мировому капиталу. При долгосрочных тенденциях такие приливы и отливы, колебания и флуктуации не только возможны, но и неизбежны. Например, неуклонное, казалось бы, движение к демократии вдруг в первой половине XX в. сделало вираж в сторону тоталитаризма; развитие в направлении свободной мировой торговли было в последней трети XIX в. развернуто в сторону протекционизма. Поэтому возврат к этатизму вполне может быть и достаточно длительным, и в определенной мере вполне полезным.

Тем не менее, хотелось бы отметить, что такой возврат к повышению роли государства уже не может осуществиться на прежних началах, когда выгода государства – даже

в рамках выполнения им принятых на себя обязательств и соблюдения общепринятых международных норм – воспринималась в международных отношениях как высшее основание для его деятельности на международной арене. Мы полагаем, что возврат роли государства не может быть успешным без значительного изменения его внешнеполитической идеологии. Иными словами, можно предположить, что в основе концепции и проведения внешней политики уже в существенно меньшей степени, чем сегодня будут лежать откровенно эгоистические интересы государств⁴⁷. Разумеется, национальный эгоизм не исчезнет очень долго (если он вообще когда-нибудь исчезнет), но он начнет сильнее, чем это делается сегодня, камуфлироваться наднациональными интересами и нуждами. Точнее говоря, всякая акция может требовать помимо реального интереса также и определенного идеологического обоснования. Рассмотрение мировой арены как «великой шахматной доски» (Бжезинский), где выигрывает сильнейший, а мелкие фигуры могут размениваться и приноситься в жертву, возможно, уже не будет востребованным. Мировая арена скорее будет рассматриваться как общее поле интересов, в котором надо устанавливать выгодные для всех правила игры и как-то их поддерживать. Именно в этом может заключаться подтягивание политической составляющей глобализации – общемировые интересы начнут так или иначе оказывать влияние на политику все большего количества государств. А это значит, что в самой концепции внешней политики и (постепенно, очень неравно) в ее практическом осуществлении принципы откровенного преследования эгоистических интересов государств будут занимать меньшее место, чем сегодня⁴⁸. Страны все больше будут определять не только собственную безопасность, но и предпринимать масштабные действия в таких категориях, которые будут согласовываться с интересами других, как советует Бжезинский США (см.: Brzezinski 1997). Поэтому есть ощущение, что, конечно, не вдруг, но постепенно во внешней политике начнут усиливаться лозунги общего (регионального, мирового, группового) блага, хотя за формулировкой «кто лучше представляет мировые интересы» могут скрываться, как всегда, эгоистические цели⁴⁹. Но это приведет к довольно существенным изменениям, причем во многом положительным. Во всяком случае, страны, которые будут продолжать грубо отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проиграют. Неизбежно претерпит радикальные изменения также политика наиболее крупных государств, направленная на то, чтобы прямо и грубо доминировать в мировом или региональном масштабе (включая и наиболее независимого и эгоистичного суверена – США).

В этом случае характер отстаивания национальных интересов, формы соперничества на международной арене, конфликтов и тяжб постепенно начнут приобретать уже иной, чем в прошлом и настоящем, вид. Конкуренция заметнее пойдет за то, кто станет направлять процесс складывания нового мирового порядка. Тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого

⁴⁷ Один из множества примеров такого откровенно эгоистического подхода – позиция США по вопросам выбросов в атмосферу парниковых газов. Прямое объявление определенного региона зоной своего особого интереса, вмешательство в дела других государств под предлогом ослабления (например, Россия), а также поддержка коррупционных режимов и т. д. – все это примеры неприкрытой эгоистической политики. Также отметим, что внешняя политика таких основных стран, как Индия, Китай и Япония, по существу, не обладает особой идеологией.

⁴⁸ Стоит обратить внимание, что турецкое руководство, ища повод для вмешательства в дела Сирии, говорит о гуманитарных аспектах, о неприемлемости применения вооруженной силы против гражданского населения. И это Турция, которая, ничтоже сумняшеся, бомбила курдские территории. Это только показывает, что эгоистическая политика вынуждена будет кутаться в одежду новых принципов, которая тем не менее не позволяет так легко их нарушать.

⁴⁹ Разумеется, и в новейшей истории различные акции проводились и проводятся под эгидой общих интересов, в частности интервенции в зависимые страны (со стороны как СССР, так и США), нажим на отдельные страны под лозунгами защиты прав человека, демократии и т. п. Но в будущем идеологический аспект, думается, весьма заметно усилится.

мирового и регионального устройства и т. п. А в проведении такого рода политики, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В борьбе за почетное место в глобализации и коалициях, в организации и функционировании нового мирового порядка наступает то, что мы назвали *эпохой новых коалиций* (см.: Гринин 2009б, 2009г, 2009е; Grinin, Korotayev 2010b). В результате могут быть заложены контуры новой расстановки сил на достаточно длительный срок.

Формы, конкретные цели и направленность действий новых коалиций будут зависеть от многих вещей. В частности, от того, насколько далеко зайдет процесс принятия общих решений и какие способы и формы принятия общих решений начнут реализовываться. Представляется, что система простой демократии (одно государство/участник – один голос) на уровне Мир-Системы вряд ли будет жизнеспособной⁵⁰. Невозможно приравнять Китай и Индию к какому-нибудь Лесото (менее 2 000 000 человек) или тем более Тувалу с населением в 12 тыс. человек.

Вполне вероятно, что на какое-то время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие коалиции порой могут оказаться химерическими, эфемерными или фантастическими.

В подтверждение сказанного о совершенно неожиданных союзах и блоках можно привести форум стран БРИК. Эта аббревиатура появилась, как известно, в записке аналитика *Голдман Сакс* Джима О'Нейла в 2001 г. для удобства анализа. Но неожиданно умозрительные конструкции ожили, и в 2009 г. прошел первый форум стран БРИК на уровне руководителей стран в Екатеринбурге (Россия), а затем в Бразилии в 2010 г. Затем к этому форуму четырех был приглашен пятый участник – ЮАР, – и БРИК превратился в БРИКС. В апреле 2011 г. прошел первый форум БРИКС на высшем уровне в Китае на острове Хайнань. Можно согласиться с Федором Лукьяновым, главным редактором журнала «Россия в глобальной политике», что «этим странам выгодно подчеркивать свой особый статус в мировой системе. Пока для каждой из них это просто престижно», «но со временем объединение будет становиться все более перспективным» (см.: Сурначева, Артемьев 2011). Насколько перспективным, конечно, сложно предсказать, но главное, что современные союзы могут возникать случайно и на совершенно неожиданных основаниях. Земной шар становится достаточно тесным, чтобы можно было дружить и сотрудничать, находясь не только рядом. Вот поэтому возникают самые разные геополитические фантазии, некоторым из которых, вполне возможно, и суждено ожить, как произошло с БРИК. Одной из неожиданных такого рода геополитических фантастических комбинаций стало появление *Chinindia* или *Chindia* как возможного в каких-нибудь аспектах объединения (по этому поводу немало всякого рода спекуляций)⁵¹.

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. Например, если в принятии решений (и распределении квот) будут учитываться численность населения и другие параметры⁵², страны и участники смогут блокироваться друг с другом, исходя из относительных пре-

⁵⁰ Опыт ЕС показывает, что это сильно сдерживает процесс развития, а подобные правила в мировом представительстве просто заблокируют его.

⁵¹ См., например: “Chinindia: More Challenges and More Opportunities” (Kumar 2011a); “The CHINDIANS – Reshaping the Future of the Global Economy” (Kumar 2011b); “Chindia” (Wikipedia); “Will ‘Chindia’ Rule the World in 2050, or America after all?” (Evans-Pritchard 2011).

⁵² Существует индекс измерения национальной мощи, в котором интегрированы измерения ВВП, расходы на оборону, население и состояние технологий. Какие-то индексы могут стать основой для институций при подсчете квот и голосов.

имущества каждого, для принятия выгодного им решения (подобно политическим партиям). Но, в конце концов, постепенно некоторые из новых союзов и объединений могут стать из временных постоянными, фиксированными и принять особые наднациональные формы. В этом же процессе начнут вырабатываться некоторые новые нормы мирового права, о необходимости которых говорят уже в течение нескольких десятилетий (см., например: Тинберген 1980).

Эту идею вполне подтверждают события, связанные с современным глобальным кризисом, в частности встречи «двадцатки». Направленность к подобного рода наднациональным формам регулирования становится очевидной, хотя станет ли именно G-20 постоянным органом, неясно, поскольку двадцать, возможно, слишком большое число. Но, как сказано выше, вполне возможен иной вариант расширения числа ведущих игроков. Доведение числа членов «клуба G» хотя бы до 11, то есть «семерка» плюс страны БРИК, уже могло бы сделать этот орган более влиятельным, чем сегодня. Но встреч президентов раз в год или реже, или даже встреч министров мало. Такие встречи пока носят скорее ритуальный, чем практический характер. Чтобы сделать такой «клуб» не просто влиятельным, а реальным мировым органом, хотя бы де-факто, необходимо организовывать форматы переговоров, консультаций, частных договоренностей и пр. на самых разных уровнях и в самых разных комбинациях.

Еще одной формой, гораздо менее вероятной, но, по нашему мнению, наиболее желаемой, будет форма представительства определенного союза. Было бы разумным создать определенный орган, представляющий 10–15 ведущих организаций мира (ЕС, ОАГ, ЛАГ, АСЕАН, СНГ и т. д.). Сессии подобной организации позволяли бы через ограниченное число делегатов представителей представить весь мир, в то же время в рамках полномочий представителей союзы и коалиции имели бы возможность лучшего понимания общих интересов. Даже подобный диалог сам по себе был бы очень полезен.

Устойчивость новых геополитических и геоэкономических форм будет зависеть от множества причин, но исторический опыт показывает, что наиболее прочными становятся те, в которых помимо конкретных преимуществ и объективной потребности имеются и некие неполитические основы для объединения (географические, культурные, экономические, идеологические и др.).

Что касается конкретных причин конвергенции некоторых государств, необходимо принять во внимание, что в условиях бифуркации, через которую проходит мир в настоящее время, новые линии и векторы, способствующие объединению стран в наднациональные организации, союзы, группы, блоки и кластеры, зависят от ряда причин, среди которых определенные сходства могут иметь решающее значение. Кроме того, географическая близость, экономические отношения и общие политические (геополитические) интересы, близость культуры и менталитета (то есть цивилизационная близость) могут быть во многих отношениях самыми сильными. Эти политические, культурные и религиозные особенности могут привести к созданию особых региональных или даже межрегиональных наднациональных моделей сближения. Например, чилийский политолог Талавера задается вопросом, есть ли особый латиноамериканский путь в глобализирующемся мире? Он утверждает, что такой путь существует и есть вполне определенные индикаторы, подтверждающие это. Далее он указывает на формирование варианта развития, подразумевающего существование социально-экономического порядка, основанного на открытости и свободных рыночных отношениях (то есть чисто западное явление. – *Авт.*) с консервативным социорелигиозным режимом (Talavera 2002), то есть, добавим, культурной формы, типичной для части старой Европы.

Естественно, движение к новому мировому порядку будет происходить на самых разных уровнях. Очень важным является региональный уровень. Региональные лидеры

быстро набирают мощь; следовательно, они, скорее всего, будут играть более важную роль, чем сейчас⁵³. При этом некоторые из региональных держав станут играть ключевую роль во всем геополитическом раскладе на огромных территориях. Сегодня, по некоторым мнениям, такую ключевую роль начинает играть Иран (см., например: Быков и др. 2009: 101–102). Выдающаяся роль региональных государств открывается не только в геополитическом и геоэкономическом аспектах, но и, к слову сказать, в геокультурном плане, который не менее важен, чем первые два⁵⁴. Не исключено также, что, отвечая на вероятный дефицит глобального управления, негосударственные акторы сформируют сети, сосредоточенные на конкретных проблемах⁵⁵. Однако не стоило бы слишком преувеличивать роль негосударственных организаций и сетей. Главную роль в формировании нового мирового порядка, скорее всего, будут играть государства, но также будут набирать силу надгосударственные объединения всех форматов и форм.

Крайне нужен также и координационный центр, без которого сетевой мир станет неуправляемым конгломератом. К тому же слишком уж сформировался стереотип, что нужны какие-то общемировые институты, поэтому с большим или меньшим успехом, но к ним все равно будут стремиться. Вопрос о координационно-политическом центре Мир-Системы остается очень важным. Если бы удалось создать какой-то коллективный политический (координационный) центр (с ограниченными правами), сосуществование иных функциональных центров могло бы быть более возможным и системным, взаимодействующим⁵⁶. Но именно государства (и особенно надгосударственные союзы) способны скорее всего продвинуться в сторону создания такого центра.

Поиск глобальных ответов на основные проблемы приведет к различным решениям на самом высоком политическом уровне, от нацеленных на создание порядка, способного функционировать десятилетиями (обширный опыт XX в. показывает, что это вполне возможно), до массовых несистемных прагматических и паллиативных. Однако даже импульсивные решения позволяют начать формирование новой системы решений и регулирования, коалиций и союзов. С другой стороны, успех определенных институтов позволит создать некоторые проекты по переустройству мира.

Таким образом, мы рассматриваем широкий спектр решений, институциональных и юридически формализованных, нацеленных на системное построение нового мира; глобальных, но сконцентрированных на узких проблемах, которые наряду с важными, но менее глобальными решениями постепенно будут формировать контуры нового мирового устройства.

Таким образом, через 15–25 лет наш мир будет похож на сегодняшний, и в то же время станет уже совершенно другим. Грядут глобальные изменения, но не все они об-

⁵³ Мы уже упоминали в наших предыдущих работах, что уровень развития экономики и экономических отношений в некоторых странах периферии, вполне вероятно, принадлежит к индустриальному типу, а не к постиндустриальному (напр., Гринин 2009б). Соответственно уровень национализма там выше, в больших региональных странах это подходит для выполнения роли гегемона в своем регионе (Grinin 2008a). В некоторых азиатских и латиноамериканских государствах, которые экономически поднимаются и идеологически консолидируются, «национализм» часто появляется как государственная идеология, разделяемая населением. Наряду с этим возникает стремление поддержать собственные суверенные права, включая право на ядерное оружие и т. д. (Это также традиционный способ привлечь внимание международного сообщества к стране на долгое время, например, как делает Иран.) Так, удачное испытание ядерного оружия смогло стать предметом национальной гордости для индийцев, хотя это вызывало серьезные опасения у США и западных стран (Srinivas 2002: 94).

⁵⁴ По мнению Бернштейна (Bernstein 2002: 245), незападные страны, достаточно могущественные экономически, такие как Япония (о проникновении японской масс-культуры в азиатские страны см.: Aoki 2002), или культурно, такие как Индия, способны влиять на мировую культуру.

⁵⁵ Существуют примеры таких сетей: Форум финансовой стабильности, Международный форум по секвестрации углерода, Международное партнерство по водородной экономике (Мир после кризиса... 2009: 161).

⁵⁶ Подобный центр мог бы объединить отдельные центры Мир-Системы, различающиеся по инновационности, индустриальности, финансовым возможностям и т. д. Даже если соперничество между государствами не исчезнет, оно станет более плодотворным.

ретут четкую форму. Напротив, новое содержание может быть закрыто устаревшими институтами и надстройкой (как в позднее Средневековье признаки появляющегося централизованного государства не были отчетливым и на фоне традиционной системы отношений между короной, главными сеньорами и городами). Можно сказать, это будут такие изменения, которые подготовят мир к переходу на новую фазу глобализации (хорошо, если будут основания назвать ее фазой устойчивой глобализации), чьи контуры еще не вполне понятны.

Будущая эпоха, по-видимому, будет эпохой не только новых коалиций, но и новых глобальных институтов, а также – на это обращают внимание пока мало – новых международных технологий многостороннего сотрудничества (в том числе дипломатического, экспертного, социологического, культурного), от которых может зависеть многое. Например, формат международных конгрессов и многосторонних соглашений, возникший после наполеоновских войн и достигший апогея в XX в., вероятно, будет потеснен другими форматами, не исключено, что и связанными с современными коммуникациями. Какая-нибудь постоянная комиссия, работающая не за столом переговоров, а через видеоконференции, может стать удобным и достаточно дешевым органом, чтобы постоянно работать над какими-то проблемами. Как говорил Шарль де Голль, политика – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее политикам (Мысли... 2009: 238). То же можно сказать и о дипломатии в глобализирующемся мире (Grinin 2012).

Глава 6. Китайская экономическая модель и глобальные перспективы Китая

Введение. Китайские сценарии

Китай все более привлекает к себе внимание. Это совершенно естественно в связи с его поразительными экономическими успехами на фоне всемирной рецессии. Однако наши представления о Китае не успевают за его развитием. Китайские достижения одних восхищают, других страшат, налицо также стремление использовать китайский феномен для подкрепления самых разнообразных идей и концепций. Правда и то, что писать о Китае бесстрастно стало довольно трудно. Неудивительно, что многие сценарии будущего развития этой страны разнообразны и взаимоисключающи (анализ ряда прогнозов см.: Бергер 2009: Гл. 2; Жданова 2008; Бельчук 2005; Brodsgaard 2006).

Позитивный для Китая прогноз исходит из того, что высокие темпы роста его экономики будут держаться долго, в результате чего Китай в недалеком будущем обгонит США, разрешит свои главные проблемы и станет лидером современной Мир-Системы¹. В рамках данного прогноза можно выделить апологетический вариант безусловного восхищения, предсказывающий в ближайшее время наступление века Китая, и алармистский, приверженцы которого боятся мощи этой страны и того, что она подомнет под себя Запад.

Негативный прогноз, напротив, основывается на том, что экономический рост в Китае замедлится, он столкнется с трудностями, обострением многочисленных противоречий, и на этом фоне прогнозируются различные сценарии от перехода к демократии до коллапса и распада Китая (отпадение западных автономных районов – Синьцзян-Уйгурского и Тибетского – и даже отделение наиболее развитых восточных провинций). Также проигрываются очень разнообразные и порой фантастические геополитические сценарии: от войны Китая с США и Индией до союза с США или Индией, чтобы диктовать миру свою волю. Общеизвестны также сценарии аннексии Сибири, войны за Тайвань и т. п.

Для темы настоящей главы, однако, важно отметить, что взаимоисключаемость прогнозов проистекает не только из особенностей восприятия китайской действительности разными авторами и недостаточности информации о внутренних процессах в Китае. Она связана также с весьма противоречивыми тенденциями его развития. Определить, какие из них победят и как трансформируются, очень сложно. Вариаций может быть много. Вот почему, образно говоря, китайская карта в мировой колоде остается джокером и при разном раскладе способна превратиться в любую карту (см.: Гринин 2011a, Grinin 2011b). При этом правы скорее те, кто говорит, что Китай и сам не знает, чего от него ждать, чем те, кто предполагает, что китайцы уже просчитали все лет на пятьдесят вперед (какие-то глобальные планы у китайского руководства наверняка имеются, но скорее всего не очень определенные)².

Китайская тема, в каком измерении ее ни взять, необъятна. В настоящей главе сделана попытка показать, почему Китай, даже при всех возможных будущих успехах, не

¹ Напомним, что в понятии «Мир-Система» необходимо учитывать оба аспекта: «мира», то есть масштабности в пространстве и времени, и «системы», то есть особой значимости внутренних связей и взаимодействий (Гринин, Коротаев 2009a; Гринин 2011c).

² Это вряд ли план Мольтке, который лежал в германском генштабе два десятилетия и ждал своего часа.

сможет занять в Мир-Системе место США. Для обоснования этой идеи необходимо показать наиболее важные особенности китайской модели развития, а также сделать некоторые прогнозы ближайшего развития Китая. Мы покажем, в чем сила, а в чем ущербность современной китайской модели экономического развития; можно ли ее перестроить; почему в сравнительно скором времени темпы роста ВВП снизятся, и, наконец, по каким причинам это было бы гораздо предпочтительнее для Китая, чем нынешний безудержный и дорогостоящий рост (см. также: Гринин 2011б; Grinin 2011b).

Реконфигурация Мир-Системы и Китай

Вновь вернемся к тому, о чем шла речь в Главе 5 настоящего раздела, а именно к тому, что сегодня происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и в более широком смысле – ослабление экономической роли развитых государств в целом. Нет сомнения, что раньше или позже положение США как лидера Мир-Системы изменится и их роль снизится. Однако те, кто предполагают, что место США займет кто-то другой, и особенно часто на него прочат Китай (см., например: Франк 2002; Пантин, Лапкин 2006; анализ таких взглядов см.: Wang 2010), глубоко заблуждаются, поскольку появление нового лидера Мир-Системы в лице одного государства маловероятно по двум причинам. Первая – с закатом роли США и развитием глобализации конфигурация Мир-Системы пойдет уже по новым траекториям, линиям объединения и интеграции, так что роль отдельных государств будет меньше, а роль их коалиций и союзов – больше (при этом одни и те же страны будут одновременно участвовать во многих объединениях). Вторая причина заключается в том, что в обозримом будущем не может появиться государство, которое бы заменило США в совокупности их лидерских функций от военных до идеологических, поскольку позиции США в этом плане являются уникальными. Поэтому (а также и по многим другим причинам) *утрата США первенствующей роли будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы*, даже ближайшие последствия которой во многом неясны.

Почему Китай не Америка? Рассмотрим теперь, что вытекает из сказанного для анализа будущего места Китая в Мир-Системе и почему, в частности, Китай не может быть реальным претендентом на место, занимаемое США. Основания, по которым предполагается, что Китай будет таким лидером, в сущности, заключаются в том, что нынешний быстрый рост в ближайшие десятилетия позволит ему сначала обогнать по ВВП США, а затем и подтянуться к развитым странам по объему производства на душу населения. А это значит, что при полуторамилиардном населении мощь Китая станет неимоверной.

Такой подход, по сути, основан на двух не всегда ясно высказываемых посылах: (1) высокие темпы роста могут продолжаться очень долго, (2) объем производства равензначен месту государства в мировой системе (см., например: Черковец 2011). На самом деле обе посылки ошибочны. Возможности быстрого роста в Китае весьма ограничены (об этом далее), а быть даже первой по валовому продукту державой мира по многим причинам абсолютно не значит быть центром Мир-Системы.

Напомним, что одна из главных причин заключается в том, что в США сегодня сосредоточивается *политическое, военное, финансовое, валютное, экономическое, технологическое, инновационное, культурное и идеологическое лидерство*. Уже одно это перечисление показывает: место в Мир-Системе, подобное положению США, не сможет занять никто, так как никто больше не сможет соединить одновременно столько ведущих функций (см. также: Zakaria 2009; Pei 2010). Ясно также, что почти все перечисленные аспекты лидерства будут недоступны для Китая (см. о некоторых аспектах: Фишер 2011). В частности, у него есть огромные золотовалютные резервы, с помощью которых, например, можно давить в некоторых вопросах на США. Но неконвертируемость

юаня, жесткое регулирование многих аспектов финансовой деятельности не дадут Китаю возможности превратиться в ведущий финансовый и тем более валютный центр мира. А сделать юань конвертируемым – значит ревальвировать его и резко ухудшить возможности экспорта, то есть подорвать основу китайской модели роста и открыть дорогу импорту.

Китай активно модернизирует свои армию и флот и быстро увеличивает объем военных расходов. Реально его вооруженные силы могут обрести очень большую мощь. Но хотя Пентагон в целях проталкивания собственного военного бюджета запугивает общественное мнение китайской военной угрозой, нет шансов, что Китай окажется способным создать равноценные американским (и даже российским) военные технологии (см.: Zakaria 2009). Кроме того, в истории не было примеров, когда бы ведущая военная держава возникла без соответствующих милитаристских традиций (определенной военной истории, включающей опыт крупномасштабных и победоносных войн; военного духа в обществе, школы военного искусства и т. п.). Франция, Великобритания, Германия, Россия и СССР, Япония, США имели или имеют подобные традиции. В Китае их нет. А без этого по-настоящему боеспособной армии не создать³.

Великобритания в XIX в., СССР в XX в. имели идеологии, которые могли быть предметом восхищения и подражания со стороны других стран; а США имеют такую идеологию и по сию пору. Призывы к демократии и гражданским свободам при попытках навязать их странам, не готовым к ним, необходимо критиковать и даже развенчивать. Но это не умаляет факта, что эти идеи привлекают сотни миллионов людей в десятках развивающихся стран. События «арабской весны» в очередной раз подтвердили это. А что Китай может предложить миру в смысле идеологии? Ничего, ибо социализму и в самом Китае верит все меньше людей, а другой идеологии у КНР нет (см., например: Wang 2010). Зато в Китае все больше тех, которые восхищаются западными ценностями. Не может быть мировым лидером тот, кто неспособен предложить миру привлекательную идеологию, тем более лидер, опасющийся революции в собственной стране.

Наконец, есть еще один момент: может ли мировой лидер быть главным загрязнителем природы на планете? Ведь успехи китайской экономики основаны на почти бесплатной экологии. Китай дает примерно треть всего выброса CO₂ (Мельянцев 2007: 22). Сегодня Китай уже обогнал США по вредным выбросам, не догнав их по ВВП. А что будет дальше? Ниже (в последнем разделе) мы также покажем неспособность Китая стать лидером в целом ряде других аспектов: инновационности, производительности труда, уровне жизни и т. д.

Китайская модель

Тем не менее, хотя стать полноценным лидером Мир-Системы Китай и не сможет, стремительные темпы его развития сами по себе представляют очень важный фактор влияния на ближайшее будущее. От того, как долго они продержатся и какой будет модель роста Китая, зависит многое в экономике и экологии мира в целом (см., например: Михеев 2005: 638). Поэтому крайне важно рассмотреть основные характеристики и особенности китайского развития, учитывая и то, что Китай быстро меняется, и то, что в главной модели развития остается той же, а основные проблемы, поднимаясь вместе со страной на иной уровень, продолжают сопровождать это развитие.

Для того, чтобы понять китайскую модель, стоит рассмотреть несколько аспектов: какие факторы в целом способствовали столь быстрому и длительному росту, а также

³ Что касается Израиля, то следует учесть, что израильская армия, и особенно ее офицерский корпус, формировалась на первых порах из боевых офицеров (или людей, имеющих опыт борьбы) разных стран, а главное – эта армия приобрела огромный боевой опыт за последующие десятилетия и постоянно находится в повышенной готовности.

подъему технологического уровня китайской экономики? Какие резервы лежали в основании роста и какова ситуация с этими резервами сейчас? Мы дадим характеристики китайской модели в ее основных чертах развития, а затем посмотрим, что будет тормозить рост этой экономики в ближайшей и долгосрочной перспективе.

Китайская модель: родовые черты

О китайской модели развития ведется довольно много споров, при этом некоторые исследователи вообще отрицают ее существование, а иные полагают, что она чуть ли не универсальна, то есть пригодна для многих развивающихся стран. Наиболее релевантным представляется мнение тех довольно многочисленных аналитиков, которые считают, что она является вариантом восточноазиатской модели экономического развития (см., например: Селищев А. С., Селищев Н. А. 2004: 166–175; Попов 2002; Андерсон 2008). Эта модель первоначально сложилась в послевоенной Японии, затем реализовалась в так называемых «азиатских тиграх» – Южной Корее, Тайване, Сингапуре и Гонконге. Позже ее взяли на вооружение Китай и в той или иной мере страны АСЕАН (Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины и еще позже Вьетнам, Кампучия, Лаос и некоторые другие), то есть она стала распространяться и в Юго-Восточной Азии, и в АТР (недаром Андерсон [2008] называет ее просто азиатской).

Разумеется, в каждой стране эта модель имеет очень существенные особенности. Но ее характерные черты следующие: а) ориентация экономики, особенно промышленности, на экспорт; б) использование дешевой рабочей силы; в) привлечение иностранных инвестиций⁴ и создание условий для этого, а также активный импорт технологий; г) высокая доля инвестиций в ВВП (доля накопления очень высокая, от 30 до 40 и даже более %); д) активное, но в разной степени, участие государства в развитии экономики; е) в Китае и некоторых других странах также создание особых экономических зон; ж) авторитарность разной степени и/или существование однопартийной модели (когда, как в Японии или на Тайване, у руля власти очень долго оставалась одна и та же партия). Последнее создает стабильность в стране, что важно для привлечения капитала.

Эта модель – лучше или хуже в разных странах – обеспечивает высокие темпы экономического роста на длительный срок, за счет привлечения капитала и технологий дает возможность повышать технологический уровень и производительность труда. В итоге происходят модернизация страны, быстрый рост урбанизации и постепенный рост уровня жизни населения. Однако по мере роста ВВП на душу населения и внутреннего потребления темпы роста у стран восточноазиатской модели замедляются. В частности, у Японии они сегодня низкие, в Южной Корее – средние (4–5 %; см., например: Федоровский 2010). Хотя Гонконг, Тайвань, Сингапур все еще демонстрировали существенно более высокие темпы, в последнее время темпы роста ВВП во всех трех этих странах находятся в районе 4,5–6 %. И то, что темпы развития замедляются, для ряда аналитиков служит весомым основанием предполагать, что по достижении Китаем определенного уровня ВВП на душу населения (не более 10 тыс. долларов) темпы его развития начнут замедляться (см.: Eichengreen 2011; Андерсон 2008).

Китайская модель: специфические черты

Все указанные черты присутствуют в китайской модели. Но у нее есть и очень важные особенности. Первая – и уникальная – гигантское население. Именно это (плюс большая территория) делает Китай супердержавой. Вторая – наибольшая из всех стран роль государства при господстве компартии. Эта роль ключевая в китайской модели, тем более что она и дала возможность для проведения реформ⁵. Третья – особое положение кре-

⁴ В Японии было мало иностранных инвестиций, зато японские капиталы оплодотворили экономики нового поколения стран.

⁵ Поэтому идея, что через 15–20 лет многие страны будут привлекать скорее китайская модель альтернативного развития, чем западные модели политического и экономического развития (Мир... 2009: 8; Балацкий 2011),

стынства, которое лишено прав собственности на землю и многих гражданских прав, что позволяло и все еще позволяет использовать ресурсы деревни для экономического роста и целей государства⁶. Четвертая – большая роль этнического китайского иностранного капитала⁷ и наличия целых государств с китайским населением (Гонконг, Макао, Тайвань и в значительной мере Сингапур). Без всякого сомнения, приток иностранного капитала в Китай был бы намного меньше, поскольку огромная, а периодами и большая часть иностранных инвестиций по-прежнему идет через этот канал (см., например: Ван Пэй 2010: 17). Отметим также, что импульс присоединения к территориально-административной системе Китая в 1990-е гг. Гонконга и Макао все еще чувствуется в китайском росте.

Эти базовые особенности китайской модели (прежде всего повышенная роль государства при послушном и бесправном населении) в совокупности с особенностями китайских реформ и спецификой мировой эпохи⁸ породили и ряд других очень важных ее характеристик, которые являются как составляющими китайского успеха, так и его потенциальными слабостями, а именно:

- дешевая экология (отсутствие должной заботы об охране окружающей среды);
- дешевая социальная политика, которая мало обременяет государство (возможность отказаться от обязанностей государства в отношении пенсий и пособий для огромной части населения; плата за обучение и медицинское обслуживание; низкий уровень безопасности на производстве и т. п.);
- низкая рождаемость, которой удалось добиться в результате целенаправленной политики ограничения рождаемости и которая снижает затраты на подрастающее поколение;
- низкий курс юаня, способствующий экспорту. Низкий курс также уберег Китай в 1997 г. от кризиса, в то время как целый ряд других стран ЮВА сильно пострадал от завышенного курса своих валют;
- сверхвысокая доля ВВП, идущая на накопление, что позволяет делать громадные инвестиции и поддерживать высокие темпы роста, но возможная лишь при столь сильном присутствии государства в экономике, как в Китае;
- целенаправленная политика государства в области низких тарифов на энергию и сырье, создания инфраструктуры, повышения производительности труда, инновационности, степени открытости страны и т. д.

В отношении последнего важно отметить линию постепенного расширения открытости для иностранных инвестиций, в которой Китай сделал наибольшие успехи (они гораздо больше по сравнению, скажем, с политикой поощрения отечественного бизнеса или развития внутреннего потребления). Все это и способствовало тому, что китайский экспорт рос опережающими темпами по сравнению с ростом экономики в целом, а объем ПИИ в Китай вырос в десятки раз⁹.

вызывает сильные сомнения. Западные модели могут подвергаться критике, а успехи Китая, разумеется, не могут не привлекать внимания. Но маловероятно, чтобы кто-либо попытался ввести такую модель, как в Китае. Дело в том, что в абсолютном большинстве стран ее просто невозможно ввести. Для этого надо иметь тоталитарную компартию (в той или иной мере ее заимствовали во Вьетнаме, в какой-то мере – в Лаосе [см.: Бельчук 2005: 88], а потенциально может еще скопировать КНДР).

⁶ Для регулирования миграционных потоков, изъятия земли, манипуляций с закупочными ценами, организации тех или иных производств и т. п.

⁷ Так называемые *хуацяо*, то есть этнические китайцы, проживающие в других государствах, среди которых много бизнесменов (о роли хуацяо см., например: Бельчук 2005: 90).

⁸ Напомним, что период 1980–2000-х гг. в мире в целом – это повышательная фаза пятой К-волны, то есть период, благоприятный для экономического роста.

⁹ Эта линия развития открытости для внешнего рынка и притока капиталов шла начиная с первых СЭЗ на юго-востоке и востоке, через постепенное уменьшение пошлин и облегчение притока капитала. Важнейшим этапом стало вступление в ВТО и проведение в связи с этим многочисленных реформ. В годы современного

Факторы, ресурсы и движущие силы китайского развития

Говоря о факторах феноменального экономического роста, прежде всего, конечно, надо отметить квалификацию китайского руководства и концентрацию госаппарата и общества в целом на успехе и росте. В Китае произошла буквально фетишизация роста. Достойно выделения в качестве отдельного фактора роста упомянутое выше постоянное расширение возможностей для развития иностранного (и в меньшей степени отечественного) предпринимательства.

Другими постоянными факторами экономического роста служат уже указанные выше: а) чрезвычайно высокий уровень инвестиций (в отдельные годы до 50 % от ВВП)¹⁰; б) большой приток иностранного капитала; в) рост производительности труда. Благодаря постоянной технической модернизации этот рост весьма впечатляет (см., например: Chen *et al.* 2010), хотя в сравнении с развитыми странами производительность труда в Китае еще очень низка (о некоторых факторах роста см. также: Жуджунь Дин, Ковалев, Новик 2008: Гл. 1).

Важнейшими ресурсами китайского роста являлись: а) огромный, длительное время практически неисчерпаемый рынок дешевой рабочей силы и так называемый демографический дивиденд (в связи с уменьшением рождаемости на фоне все еще низкой численности пожилых возрастных когорт); б) довольно богатые запасы отдельных видов природных ископаемых (угля, железной руды, нефти, редких металлов и др.); наконец, уже упоминавшиеся в) дешевая экология и г) дешевая социальная политика (в связи как с оптимальной демографической структурой населения, так и с возможностью игнорировать многие его нужды).

Принципиально важным для понимания причин быстрого роста и перспектив дальнейшего развития Китая является вопрос о движущих силах развития. Досадно, что исследования в таком ключе довольно редки (в качестве положительного примера см.: Бергер 2009: Гл. 4; см. также: Pei 2006, 2010). Между тем анализ показывает, что в Китае желающих инвестировать и расширять производство даже больше, чем в западных экономиках (не говоря уже о ситуации, которая была в СССР), отсюда и мощный импульс для роста.

Главными акторами инвестиций и расширения производства выступают, во-первых, частные предприниматели. Однако по сравнению с развитыми странами значимость местных предпринимателей в Китае ниже, так как они ограничены в доступе к кредитам и опутаны многочисленными запретами, зато роль иностранных инвесторов – выше. Во-вторых, это власти всех уровней: от центрального правительства, определяющего основные приоритеты, пропорции и наиболее дорогостоящие проекты, через уровень провинций (которые, однако, по населению превосходят крупные европейские страны), округов, уездов и до волостей. При этом ценно, что руководители бедных регионов активно стремятся повысить уровень развития своих территорий. Таким образом, имеется многоуровневое участие государства (и партии) в развитии производства, инвестициях. При этом идет конкуренция на всех провинциальных и местных уровнях за инвестиции и высокие показатели роста (см., например: Бергер 2006; 2009). По подсчетам экономиста Джона Ли из Сиднея, эти внутренние инвестиции дают 40 % роста, в то время как вклад экспортного сектора и ПИИ составляет примерно 30 % (см.: Berthelsen 2011).

кризиса Китай вновь сильно уменьшил экспортно-импортные пошлины, вплоть до обнуления импортных пошлин для товаров из целого ряда стран. Не забудем упомянуть и расширение возможности вывоза капитала из Китая (экспорт капитала из Китая, по-видимому, будет расти). Недавним важным шагом стало движение в отношении создания зон свободной торговли с АСЕАН, Тайванем, Японией и Кореей (о последних см.: Потапов 2007, 2010; Луконин, Михеев 2010; см. об этапах развития открытости в Китае, например: Жуджунь Дин, Ковалев, Новик 2008: Гл. 8, 9).

¹⁰ Это сочетается с довольно значительной долей сбережений населения (см., например: Рубини 2011) и в целом является препятствием для расширения внутреннего потребления как декларируемой цели китайского руководства.

Для понимания механизма развития исключительно важно понять, что китайскому руководству удалось разбудить внутри аппарата управления силы, которые крайне заинтересованы в экономическом росте. В результате влияние местных властей на экономический рост гораздо больше того, что было в СССР, и, по нашему мнению, существенно выше, чем в Японии, Южной Корее, на Тайване предыдущих десятилетий, что обеспечивает Китаю дополнительные проценты роста. Хотя если оценивать роль центральных правительств, то в Китае, с одной стороны, и упомянутых странах – с другой, она вполне сравнима.

Наконец, мощным мотором роста выступают крупные (в том числе занимающие монопольное положение) государственные корпорации, стремящиеся инвестировать свою прибыль в новые проекты, которые потом утверждаются и контролируются государством с помощью кредитов и прочего. Андерсон (2008) считает, что причина этого активного инвестирования в том, что государственным предприятиям некуда девать прибыль, так как она не распределяется. Однако думается, что можно говорить об общем законе поведения корпораций – стремиться к расширению. В условиях Китая расширение – это новые места для управленцев и своих людей, новые ресурсы, контроль над которыми увеличивает власть. С другой стороны, между корпорациями всегда есть конкуренция за доступ к ресурсам, который зависит от инвестиционной активности. При такой ситуации очень полезные проекты причудливо сочетаются с совершенно бесполезными или недостаточно нужными.

Таким образом, в Китае имеется многоуровневая система движущих сил роста, в известной мере уникальная, в которой в отличие от развитых стран главными являются не отечественный частный капитал, а государственные корпорации, местные власти и иностранный бизнес. Это объясняет особенности китайских инвестиций.

Ограниченность и пороки китайской модели

Китайская экономика, несмотря на то, что ее технологический и инновационный уровень повышается, в целом остается экстенсивной, основанной на вовлечении в нее чрезмерного количества всевозможных ресурсов и капиталов. При этом она продолжает быть: а) очень ресурсозатратной; б) очень энергозатратной; в) экологически очень грязной и г) слишком ориентированной на экспорт. Хуже всего, что если в первые десятилетия реформ инвестиции приносили высокую отдачу, то уже с начала 2000-х гг. отдача от них упала до предельно низких и даже отрицательных значений (см., например: Ху Аньган 2005: 38–39). Таким образом, в важнейшем отношении *китайская модель становится неэффективной*, что грозит замедлением развития и кризисом.

Китайское руководство хорошо знает недостатки сложившейся модели развития, постоянно ставит задачи ее трансформации и прилагает для этого усилия. Однако при определенных продвижениях результаты не оправдывают ожиданий. Дело в том, что если приглядеться к успехам Китая, станет ясно: главные из них проходят там, где даются легче, то есть в развитии как раз тех направлений, которые надо перестраивать (рост внешней торговли, безудержное наращивание производства, чрезмерные инвестиции и пр.). Иными словами, модель не меняется, напротив, происходит ее гиперразвитие и усиливаются ее ограничения.

Так, несмотря на попытки в течение пятнадцати-двадцати лет достичь экономичности в потреблении энергии (в частности, путем директивных предписаний в годовые и пятилетние планы), объем потребляемой электро- и прочей энергии увеличивается на 11–14 % в год, то есть быстрее, чем ВВП. То же касается и расхода природных ресурсов, объем добычи которых растет с неимоверной скоростью. Когда смотришь на цифры китайской статистики, с трудом осознаешь значение некоторых из них. Вдумайтесь: более 3 млрд т угля, почти половина его мирового производства, добывается и сжигается

в КНР (МинПром 2011а; Mearns 2010). Добывается более 1 млрд т железной руды, свыше 40 % мировой добычи (МеталлИндекс 2011; Yuan 2010; Gao Changxin 2011). Выплавляется более 600 млн т стали, что превышает 45 % мировой выплавки, при этом на экспорт идет едва ли десятая ее часть (см., например: BFM 2011; МинПром 2011б, 2012; Hunt 2012). Производится 1,9 млрд т цемента (более 55 % мирового производства), который практически весь потребляется в КНР (СМПро 2011; An 2011; Oss 2011). О каком энергосбережении, о какой экологии может идти речь?! Но при том, что объем добычи полезных ископаемых растет стремительными темпами, увеличивается и число видов природных ресурсов, которые раньше Китай экспортировал, а сегодня во все возрастающем количестве импортирует. Не так давно Китай экспортировал нефть, сегодня он второй в мире ее импортер; еще три-четыре года назад уголь шел на экспорт, а сегодня импорт угля растет, как на дрожжах (Mearns 2010); ввозится 500 млн т железной руды (см., например: UGMK 2012), а также много другого сырья и первичных материалов. Фактически возрастающий импорт топлива, минеральных и иных ресурсов Китаем все сильнее начинает определять мировые цены на них.

Китайские власти и бизнесмены по всему миру лихорадочно ищут новые источники поставок сырья и топлива, чтобы обеспечить экономику и диверсифицировать поставки. Это в очень высокой степени объясняет особую активность КНР в Африке и Латинской Америке.

Прежде чем перейти к следующему разделу, вынуждены сделать одно важное пояснение относительно избитой темы недостоверности китайской статистики (см., например: Гельбрас 2003). Поскольку доверять ей крайне сложно, то и вышеприведенным (как и многим другим) цифрам китайского производства верится с трудом. Мало того, трудно даже придумать, куда все-таки можно истратить такое количество продукции. Чтобы не быть голословными, предоставим фантазии читателя следующую загадку (ответа на которую не знаем). Если объемы строительства в США и Китае примерно равны (где-то 16–17 % от мирового объема, каждая страна более 1 трлн долларов [РБК-Недвижимость 2011], но Китай производит 1,9 млрд т цемента, а в США до кризиса производили где-то 100 млн т цемента (Строй-обозрение.RU 2010) и еще импортировали 30 млн т (сейчас намного меньше), то куда китайцы девают более 1,5 млрд т цемента? Даже если учесть разницу в заработной плате и высокие потери цемента в китайском строительстве (но последние не в 10 же раз!), концы с концами не сходятся. Добавим еще, что СССР на пике своего огромного строительства производил всего 140 млн т цемента, а Индия, занимающая второе место в мире после Китая – 220 млн т (Oss 2011).

Пределы роста

В настоящий момент в рамках сложившейся модели ясно обозначились ограничения на пути сверхвысокого экономического роста Китая. При этом важно учитывать, что эту модель крайне сложно изменить, но если подобное и удастся, изменение неизбежно будет означать замедление темпов роста. Правда, объективно такое замедление можно рассматривать как положительное для Китая, хотя китайское руководство смотрит на вещи иначе.

1. Нехватка энерго- и сырьевых ресурсов остро дает о себе знать, поскольку Китай перестал обеспечивать себя энергией и сырьем и сильно зависит от их импорта. При этом возрастающий импорт топлива, минеральных и иных ресурсов Китаем разгоняет мировые цены, что увеличивает стоимость экспортной продукции КНР. Так, в 2011 г. возросшая цена на топливо привела к тому, что при существующих тарифах на электроэнергию ее поставки привели к убыткам для производителей электричества. А повышать тарифы государство не хочет, это по цепочке разгонит инфляцию¹¹. Дело доходит до то-

¹¹ Но в последнее время тарифы как будто поднялись, правда, совсем немного.

го, что в попытках достичь сокращения затрат электричества власти производят веерные отключения электроэнергии. Но предприятия в ответ на это на собственных генераторах пытаются производить необходимые им киловатты. В рамках сегодняшней затратно-экспортной модели зависимость от потребления энергии и ресурсов будет только возрастать (см., например: Daly 2011)¹². Таким образом, в ближайшем будущем наиболее жесткой преградой китайскому росту может стать ограниченность не только китайских, но и мировых ресурсов, либо цена последних окажется неподъемной для Китая¹³. В итоге импорт начнет стабильно превышать экспорт.

2. Грядущая нехватка рабочей силы и рост ее стоимости. Несмотря на довольно большую безработицу, во многих местах уже ощущается нехватка рабочих. Об этом достаточно много пишут в научной литературе и в Интернете (см., например: Бергер 2009; Pei 2010). Предполагается, что после 2013 г. дефицит рабочей силы будет постепенно возрастать. Хотя это остро почувствуется только в среднесрочной перспективе, уже сейчас нехватка рабочей силы в приморских провинциях приводит к росту заработной платы, которая будет увеличиваться и далее. Кроме того, были приняты законы в защиту прав рабочих (в 2008 и последующих годах). Обеспечить быстрый рост при ограничениях рабочей силы и растущей зарплате окажется исключительно сложно.

3. Неизбежное удорожание экспортной продукции и опасность уменьшения притока капитала. На пути роста экспорта – при том что экспортно ориентированную модель изменить сложно – встанут сильные ограничения в виде стоимости энергии и сырья, рабочей силы и других затрат, вероятной ревальвации юаня и конкуренции стран с более дешевой рабочей силой. А стоит экспорту замедлиться, может сократиться и приток инвестиций, так как экспортом главным образом занимаются фирмы с иностранным участием. Одновременно может сильно вырасти вывоз капитала из Китая, что также замедлит рост экономики.

4. Падение отдачи от инвестиций. Как уже сказано выше, высокая норма инвестиций, которая сейчас обеспечивает 40 % роста, натолкнулась на проблему падения отдачи от них почти до нуля. При этом возрастает бремя содержания неприбыльных объектов. В Китае огромное количество излишних мощностей едва ли не во всех сферах. Нередки случаи, когда правительство принимает решения о принудительном закрытии избыточных мощностей. Но объем таких нерентабельных объектов продолжает расти. Это вызывает как ненужные затраты, так и излишнюю конкуренцию, что понижает прибыль. Естественно, бесконечно это продолжаться не может, инвестиции раньше или позже сократятся, а с ними замедлится и рост.

5. Экология. Ситуация с экологией, по общему мнению, критическая. По уровню загрязненности вод, воздуха, почвы, кислотным дождям, числу заболевших от последствий загрязнения и т. п. Китай впереди всей планеты. Нельзя сказать, что правительство не озабочено этой проблемой, но пока делается явно недостаточно. Для ее решения нужны очень большие затраты, что сильно удорожит стоимость продукции и экспорта и скажется на темпах роста. Тем не менее решать ее, по крайней мере в среднесрочной перспективе, придется, иначе конечная цена такой негативной политики окажется чрезмерной, да и вряд ли мир будет слишком долго терпеть такую ситуацию¹⁴.

¹² К этому добавляются рост потребления энергии в быстро растущих новостройках и рост спроса на продовольствие в связи с повышением жизненных стандартов.

¹³ По этому поводу есть немало литературы (см., например: Кульпин-Губайдуллин 2010).

¹⁴ Иногда говорят (см., например: Андерсон 2008), что на низком уровне развития страны загрязнение окружающей среды неизбежно (так было в Японии и Корее), и через некоторое время Китай решит эту проблему. Но когда при этом называют где-нибудь 2030-е гг., вызывает сомнения, что мир даст Китаю 20 лет форы в коренном решении экологических проблем. Плохая экология в 1950–1960-х гг. в Японии грозила только японцам, плохая экология в 2010-х гг. в Китае грозит окружающим странам и всей планете.

6. Рост затрат на социальные нужды. Старение населения, рост жизненных стандартов, необходимость обеспечивать социальный мир и не допускать слишком большого разрыва в уровне жизни, а также забота об увеличении внутреннего потребления ведут к росту обязательств государства. С каждым годом Китай вынужден будет тратить все больше денег на социальные нужды, что сказывается уже сейчас, а в среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе станет тяжелым бременем.

7. Опасность инфляции, роста диспропорций и необходимость ограничения роста неравенства стали жестко влиять на экономическую политику и темпы роста. Ограничение роста связано с необходимостью балансировать между наращиванием внутреннего потребления (которое проводилось в 2009–2010 гг. за счет смягчения денежной политики и увеличения объема кредитов) и инфляцией. Инфляция, особенно быстрый рост цен на продукты питания, угрожает стабильности в до сих пор достаточно бедной стране со слишком большим разрывом в уровне доходов и полностью противоречит идее «создать гармоничное общество». Поэтому неудивительно, что нынешнее руководство в 2011 г. выбрало курс на снижение инфляции и систематическое ужесточение кредитно-денежной политики. Но это ведет к снижению деловой активности.

В марте 2011 г. глава Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что сочетание инфляции, коррупции и различия в доходах между богатыми и бедными может сказаться на социальной стабильности и даже на прочности политической власти (см.: Ищенко 2011). Таким образом, *под угрозой оказался важнейший ресурс китайской модели – лояльность населения*. Именно это и объясняет готовность руководства Китая пожертвовать темпами роста ради стабильности¹⁵. Вопрос о том, насколько оно способно контролировать экономическое развитие, мы рассмотрим ниже. Тем не менее, планомерно или нет, но темпы роста достаточно скоро неизбежно и существенно снизятся.

Неизбежность замедления роста

Почему сложно изменить модель роста?

Современная затратная модель роста усиливает сложившиеся и признанные официально диспропорции в уровне развития и жизни между восточными и западными провинциями, между городскими и сельскими жителями, между богатыми и бедными китайцами¹⁶. Неудивительно, что китайское руководство ставит задачу перевести экономику на инновационный рост и повысить долю знаний в приросте ВВП, развить китайские ноу-хау, сделать экспорт высокотехнологичным, повысить внутреннее потребление, чтобы оно, а не внешняя торговля, давало основу роста, понизить коэффициенты потребления энергии и сырья, улучшить экологию, сделать экономику сбалансированной и т. п. Однако этот новый курс, намеченный в конце 1990-х гг., на практике оказался нереализуемым, а указанные задачи из пятилетки в пятилетку стабильно не выполняются.

Легко сказать – перейти на инновационный рост, а кто сможет это сделать? Государственные корпорации по природе не способны к этому, местным бизнесменам не дают простора (см., например: Хуан 2010), а иностранные инвесторы не заинтересованы ввозить в Китай новейшие технологии.

¹⁵ Чем более развитой и процветающей становится страна, тем меньше китайские лидеры чувствуют себя в безопасности. Такой вывод сделала Сюэжан Шир (Shir 2007). Так, она характеризует Китай как неустойчивую сверхдержаву. Впрочем, не такая уж она и неустойчивая, как полагает С. Шир, но тем не менее тревога китайской власти понятна. Чем больше будет расти уровень жизни, тем больше население будет требовать от правительства и мечтать о демократии (Там же).

¹⁶ По некоторым оценкам, коэффициент Джини, показывающий степень неравномерности в распределении доходов, в Китае очень высок, выше, чем в России, Индии и США, уступая лишь странам Латинской Америки и Южной Африки (Хуан 2010: 300–301; Басманов 2011), а по некоторым данным он догнал уже и многие из этих стран и достиг значения 0,57 (см., например: Berthelsen 2011; о диспропорциях см. также: Ху Аньган 2005).

Или взять задачу экономии энергии. Почему ее не хватает, несмотря на рост производства и определенные успехи в развитии «зеленой», гидро- и атомной энергетики? Потому, что расточительство заложено в китайской экономической модели, в которой главное не прибыль, а именно фетишизация роста, достижение его любой ценой.

Это только на первый взгляд кажется, что экономить, повышать отдачу выгоднее, чем расширять производство. На самом деле такая экономия требует огромных усилий и довольно длительное время высоких инвестиций. Но главное, таким образом роста не обеспечишь. Экономия неинтересна государственным или полугосударственным предприятиям, мероприятия по экономии производятся ими «из-под палки». Поэтому-то усилия, направленные на достижение экономии, обречены на неудачу, в лучшем случае – на очень ограниченный и недолговечный успех. Настоящий переход на энергосбережение может быть только там, где на первом месте стоит прибыль, а не рост, и там, где стоимость энергоресурсов не занижается искусственно. Но отказ от контроля за энерготарифами и реальный переход на показатели прибыльности крайне опасен, он начал бы катастрофу китайской экономики, так как немедленно стало бы очевидным, что почти половина выпущенной продукции излишня со всеми вытекающими отсюда последствиями: банкротства, рост безработицы и пр., что взорвало бы социальный мир. При такой системе энергии никогда не будет хватать.

То же самое касается и попыток сократить зависимость роста от экспорта и перевести вектор роста на внутреннее потребление. Об этом тоже говорят лет пятнадцать, а более десяти это записано в планы. Искусственное повышение внутреннего потребления в 2009 г. хотя и спасло экономику от замедления роста, но обернулось инфляцией, с которой теперь не знают, как бороться. А экспорт, который споткнулся в этом же 2009 г., затем начал набирать скорость без специальных усилий. В итоге модель вернулась на свой прежний курс. Однако в последнее время китайский экспорт испытывает серьезные трудности, и, по-видимому, расти ему будет трудно. В этих условиях представляется, что попытки перехода на модель внутреннего потребления в условиях стабилизации или сокращения экспорта могут обернуться тем, что и экспортная модель окажется под угрозой и модель внутреннего потребления не удастся развить¹⁷.

Словом, позитивно изменить нынешнюю модель роста очень сложно как потому, что существует огромная инерция, так и по причине наличия влиятельных сил, заинтересованных в ее сохранении и поддержании высоких темпов роста (см., например: Бергер 2009: 144). Как мы видели выше, это местные власти разных уровней и крупные государственные или полугосударственные корпорации. За десятилетия они достигли большого успеха как в расширении производства, так и в манипулировании цифрами статистики. Но не менее важно, что к переходу на новую систему китайская бюрократическая и социальная система фактически не готова. Как, например, избежать чрезмерных инвестиций, создающих ежегодно все новые излишние мощности в китайской экономике, если это вызвано напряженным соперничеством между различными провинциями за привлечение капиталов и высокие темпы развития своих регионов? Только директивно запрещать их. Но это значит связать руки провинциям и, по сути, отключить ведущий мотор роста (пусть и нерационального). А кроме того, если уменьшить инвестиции и долю накопления в ВВП, то куда девать эти средства? Увеличить пособия, зарплаты и пен-

¹⁷ Дело в том, что сегодня положительное торговое сальдо Китая складывается за счет так называемой толлинговой торговли (ввоза сырья, например руды, ее первичной переработки и вывоза за границу), а в обычной торговле импорт уже реально превышает экспорт. Но как раз объем этого экспорта с малой добавленной стоимостью китайские власти особенно хотят сократить. Тем более что он вносит особый вклад в загрязнение экологии. В итоге за счет неизбежного роста потребления ресурсов, роста уровня жизни и необходимости постепенно ревальвировать юань импорт может существенно опередить экспорт, а положительное сальдо начнет превращаться в отрицательное.

сии? Но это вызовет всплеск инфляции и рост импорта, что только ухудшит ситуацию в стране. И сегодня уже Китай не знает, что делать с накоплениями, все более и более наращивая валютные запасы. Раздать еще больше кредитов, как это сделали в 2009 г.? Но в итоге в 2011 г. правительство не знает, как побороть инфляцию. Словом, переход к новой модели крайне затруднен и несет в себе не меньше опасностей, чем продолжение старой¹⁸.

Курс на замедление: реальные намерения или риторика?

28 февраля 2011 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что страна планирует в течение ближайших пяти лет снизить темпы роста своей экономики. Теперь Китай будет ориентироваться на 8%-ный рост в 2011 г. и на 7%-ный – в 2012–2015 гг. Для сравнения в 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) ВВП в среднем рос на 11,1 % ежегодно. Такое решение, как мы видели выше, было ускорено ростом инфляции и опасностью нестабильности в обществе. Несомненно, что лидеры КНР чувствуют также сложность поддержания прежних деформирующих общество темпов роста в условиях мировой рецессии. Будь сейчас в мире экономический подъем, планы были бы иными.

Решение о снижении темпов роста на 12-ю пятилетку до 7 % можно только приветствовать. И если правительство сумеет сдержать рост, будет намного легче перестраивать модель развития, устраняя наиболее сильные диспропорции в ней. Однако если разговор о замедлении – только риторика и развитие вновь пойдет по проторенному пути искусственного поддержания темпов развития, это грозит крупными проблемами и самому Китаю, и всей мировой экономике.

Очень вероятно, что реально китайское руководство не отказалось от идеи сверхвысоких темпов развития, которая в течение более трех десятилетий была фетишем для трех поколений китайских руководителей. Поэтому, возможно, в глубине души оно надеется, что повторится та же ситуация, что и в прошлые пятилетки, когда планируемые цифры стабильно оказывались ниже реальных. Так, в 10-й пятилетке в 2001–2005 гг. среднегодовые темпы роста ВВП Китая составляли более 9 % при плане в 7 %. А в 11-й пятилетке они составили и вовсе более 11 % при плане в 7,5 %. По-видимому, логика планирующих такова. Лучше занижить цифры. Если ситуация будет хуже, план мы все равно выполним. А если лучше, то перевыполнение станет только плюсом¹⁹.

И все же в отличие от прошлого, учитывая описанные выше ограничения, нам представляется, что перевыполнения планов, даже несмотря на все возможные усилия китайских властей, не произойдет и среднегодовых двузначных темпов роста в Китае больше не будет. Иными словами, *наиболее вероятным видится сценарий, по которому так или иначе (добровольно или волей обстоятельств) в течение ближайших пяти лет произойдет заметное замедление темпов роста до 6–7 %*. И далее, то есть после 2016 г., темпы роста еще несколько снизятся – где-нибудь до 5–6 %. И это при благоприятном развитии. Вовсе не исключено, что Китай столкнется и с более серьезными трудностями, особенно если экономическая ситуация в развитых странах будет плохой и в мире упадет спрос на китайские товары (Европа и Америка – главные их потребители). Последние месяцы 2011 г. как раз демонстрируют такую тенденцию.

¹⁸ См., например, исполнившийся пессимистический прогноз Ху Аньгана (2005: 39), что в процессе попыток смены модели развития Китай вернется к низкой эффективности производства при высоких энергозатратах и загрязнении среды.

¹⁹ Но нельзя сбрасывать со счетов и тот важный факт, что в 2012 г. предстоит смена китайского руководства.

Вместо заключения. Может ли развивающаяся страна быть экономическим лидером Мир-Системы?

Итак, вернемся к вопросу, каковы варианты будущего Китая в плане его возможного лидерства в мире. При замедлении темпов развития в ближайшее время Китай еще долго будет оставаться второй экономикой мира, сокращая разрыв с США²⁰. Но и при такой ситуации он обречен быть экономической сверхдержавой. Китай фактически и сегодня является ею, что и доказал в период рецессии, поддерживая мировые цены и объемы производства. На наш взгляд, в известной мере позиция второй экономики даже удобнее: во-первых, есть цель догонять, во-вторых, меньше спроса в плане помощи бедным странам и т. п. То есть можно продолжать идти в фарватере лидера, как Китай и делал до сих пор²¹. Даже при средних темпах роста у Китая есть шанс в 2030-е гг. стать первой по объему ВВП страной мира, хотя представляется более вероятным, что в этот период китайское общество ждут серьезные трудности.

Но рассмотрим вариант, при котором Китай, посрамив прогнозы, в 2010-е гг. вновь продемонстрирует сверхвысокие темпы роста и в течение ближайшего десятилетия обгонит по ВВП США. Что это может означать для Китая и мира? Должно быть ясно, что стать экономической супердержавой, то есть иметь наибольший в мире объем ВВП, вовсе не значит стать экономическим лидером Мир-Системы. Во всяком случае, у Китая пока и в обозримом будущем недостаточно возможностей для этого. Нельзя забывать, что динамика, мощь и успехи китайской индустрии во многом пока еще основаны на привязке к другим, богатым экономикам.

Создав наибольший ВВП в мире, Китай станет богатым государством (оставаясь еще бедным обществом), способным влиять на некоторые мировые экономические и финансовые тенденции, в том числе в плане вывоза капитала, ориентации сырьевых потоков, инвестиций за рубежом, финансовой поддержки нуждающихся стран. Китай способен стать достаточно мощной (но отнюдь не первоклассной) военной державой, играть большую роль в принятии важных общемировых экономических решений. Возрастет также роль Китая в АТР, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии. Все это очень хорошо, но это не позиция реального лидера Мир-Системы.

Китай называет себя развивающейся страной. И это не только лишь риторика или попытка получить некоторые льготы в ВТО. Это и реально так. Как скоро развивающаяся страна станет развитой? Даже по планам китайского руководства еще очень не скоро. Между тем экономический лидер должен иметь высокий ВВП на душу населения, высокий уровень производительности труда и заработной платы. Очень сомнительно, чтобы Китай в обозримом будущем вошел по этим показателям хотя бы в первую десятку. Кроме того, он будет оставаться очень уязвимым для критики не только из-за прав человека, но особенно из-за плохой экологии.

Положение экономической сверхдержавы, разумеется, будет побуждать к более активной политической и дипломатической деятельности, чтобы обеспечить свои позиции, защитить свои права, собственность и т. п. Но Китай еще довольно длительное время будет ориентирован на собственные сложные внутренние проблемы. Все внешние проблемы он и впредь будет рассматривать через внутренние, через призму того, обеспечит ли это экономический рост, поставки ресурсов и т. п. (см., например: Фишер 2011). В этом плане позиция Китая напоминает поведение США в конце XIX – начале XX в. с их изоляционизмом при бурном экономическом росте. Такое сравнение очень полезно в

²⁰ Только Индия с ее быстро растущим населением (но в весьма отдаленной перспективе) теоретически могла бы догнать Китай.

²¹ Й. Фишер вообще говорит о будущем американо-китайском тандеме (Фишер 2011), но это кажется сомнительным.

плане ответа на вопрос, сможет ли Китай повторить путь США и стать главным центром Мир-Системы. При сравнении, однако, выявляется значительная разница в очень важных отношениях.

1. Еще не претендуя на лидерство, США в конце XIX в. стали ведущей экономической державой, обогнав Англию и Германию.

2. Производительность труда в США была очень высокой, в некоторых отношениях наивысшей в мире (из-за нехватки рабочей силы – ситуация, противоположная тому, что есть в Китае).

3. США стали признанным инновационным лидером в техническом и организационном плане в начале XX в. (система научной организации труда Тейлора, система конвейерного производства Форда и т. п.), а в ряде отношений и намного ранее. Экономика же Китая в целом развивается на неинновационных и во многом даже устаревших технологиях (см., например: Михеев 2008: 311, 319; Луконин, Михеев 2010). Впрочем, Китай стремится к внедрению инноваций и сектор, который называется инновационными технологиями (правда, в основе его лежат чужие технологии и неполный цикл производства электроники, электротехники и т. п.), развиваются новые (альтернативные) виды электроэнергетики, биотехнологии, космические технологии и т. д. Но, несмотря на это и то, что Китай сегодня занимает третье место в мире по числу патентов (для нации, еще недавно абсолютно отстававшей, результат превосходный), пока еще нет направлений, где бы китайцы по инновациям были впереди всех, пока они упрощают США продавать им высокие технологии.

4. Низкий уровень зарплаты – важная часть китайской модели быстрого развития. Между тем уже в конце XIX в. (а в сущности, едва ли не с начала своего основания) зарплата в США была существенно выше европейской, что и послужило одной из главных причин наплыва туда иммигрантов.

5. Экономика США в отличие от китайской никогда не была экспортно ориентированной (см., например: Хелд и др. 2004: 210); исключение составлял только рабовладельческий Юг.

И еще один вывод позволяет сделать история. Переход от экономической мощи к политической гегемонии не происходит автоматически. США еще в конце 1930-х гг. очень неохотно втягивались в европейскую политику, занимая позицию нейтралитета в гражданской войне в Испании, игнорируя войну Японии в Китае и т. п. Только нападение японцев на Перл-Харбор переломило ситуацию окончательно. Да, сегодня и США, и Европа уже сильно заинтересованы в деньгах и финансовых инвестициях Китая в их долговые обязательства и стабфонды. И это в чем-то напоминает ситуацию Первой мировой войны. Но по критичности ситуации финансового кризиса и беспощадной тотальной войны, конечно, не сравнимы. Поэтому пока с трудом верится, что в ближайшие десятилетия мир окажется в таком состоянии, чтобы позвать на место лидера Китай.

Глава 7. Реконфигурация Мир-Системы?

В настоящей главе продолжается анализ событий Арабской весны (которым была посвящена Глава 5 Раздела 2) и показывается, что эти события дают основания говорить о начинающейся или уже начавшейся реконфигурации Мир-Системы.

Введение: события особой значимости?

Арабский мир и в целом Ближний Восток и Северная Африка воспринимаются как зона нестабильности, где всегда могут возникнуть войны, кровавые конфликты и другие потрясения. В этом плане революции и народные волнения 2010–2011 гг., в целом получившие название Арабской весны, вполне вписываются в историю бурных событий этого региона. Но с другой стороны, «после десятилетий политической спячки» (Гарднер 2011) неожиданность и энергичность социального взрыва, географическая масштабность Арабской весны «от океана до залива» (см.: Мирский 2011), одновременность «цветных революций» и социальных волнений, преобладающая социально-политическая (а не межэтническая или межконфессиональная) направленность событий не могут не впечатлять. Волнения и протесты затронули более десятка арабских стран, включая государства Залива, при этом крупномасштабные волнения и революции происходили и происходят, по крайней мере, в пяти странах (Тунисе, Египте, Сирии, Йемене и Бахрейне), а в Ливии привели к свержению режима и гражданской войне¹ (см. подробнее в Главе 5 Раздела 2). Более того, представляется, что в этих событиях есть нечто новое по сравнению с прошлыми событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Исчезло впечатление, что арабы способны лишь на антиколониальную освободительную борьбу или же на мятежи под зеленым знаменем ислама (см.: Там же). Журналист Джил Ярон (Ярон 2011) выразил это словами: «Наконец-то на Ближнем Востоке совершается история». Далее в статье говорится: «“Уже более ста лет арабский Ближний Восток не является той ареной, где совершается история”, – утверждал еще совсем недавно Томас Фридман, один из влиятельных американских политических комментаторов. До начала XXI в. в арабских странах господствовали феодальные структуры, пресекавшие на корню любое идейное новшество. Но самое позднее с момента начала революций в Тунисе и Египте этот дефект был исправлен. В начале 2011 года не было недостатка в фактах, подтверждающих, что на Ближнем Востоке совершается история».

Но особое восприятие Арабской весны, на наш взгляд, связано не только с тем, что тут «совершается история». За этими событиями ощущается начало чего-то нового в мире в целом. Но чего? В 2009–2010 гг. мы высказывали предположение, что в ближайшее время «международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Следовательно, мы входим в период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы, а это означает в ближайшем будущем достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будут трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом» (Гринин 2009г; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010b). При этом мы ожидаем, что формы

¹ «Отголоски революций в Северной Африке дошли даже до среднеазиатских диктаторских и авторитарных режимов, в том числе и до Казахстана, – пишет *El País*. – Хотя эти два региона очень сильно отличаются друг от друга, есть и общее: например, зависимость от углеводородов, бедность широких слоев общества, долгое пребывание лидеров у власти и отсутствие демократической передачи власти» (Набитовский 2011).

реализации этих изменений в мире могут быть самыми разными: от незаметных до внезапных.

Исходя из этого прогноза, можно предполагать, что бурные события конца 2010–2011 г. в арабском мире, включая революции и волнения в, казалось бы, относительно благополучных и динамично развивающихся Египте и Тунисе, богатых Бахрейне и Омане, являются предвестником или началом структурных изменений в мире. Даже более того, **началом реконфигурации мира**. Обоснованию этой идеи в значительной мере посвящена данная глава.

Революции: причины, характер, движущие силы

В задачу настоящей главы не входит анализ концепций революций (см. об этом: Штомпка 1996: 370–372; Гринин, Коротаев, Малков 2010а). Однако отметим, что, несмотря на огромное количество работ, посвященных проблемам революции, общепринятого ее определения нет, что, как нам представляется, неслучайно: уж слишком различные события объединяются этим термином. По-видимому, имеется много десятков, если не сотен, различных определений революции. Приведем всего лишь два из них: «Быстрое фундаментальное изменение в политической организации, социальной структуре, экономическом контроле над собственностью и господствующих мифах социального порядка, вызывающее, таким образом, на большой разрыв непрерывности развития» (Neumann 1949: 333–334); «Быстрые фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства» (Huntington 1968: 264). Как может судить читатель, события Арабской весны вполне подходят к определению революции.

В революциях в арабском мире, как и в любых такого рода крупных и неожиданно начинающихся процессах, налицо неповторимая совокупность многих причин (объективных и случайных, внешних и внутренних, социальных и личностных и т. п.), разобраться в которых непросто. Причем такого рода потрясения десятилетия и столетия спустя остаются предметом споров прежде всего в отношении причин революций (см., например, статьи в: Гринин, Коротаев, Малков 2010б). Тем не менее всегда очень полезно попытаться систематизировать эти причины². Но в рамках темы настоящей главы прежде всего имеет смысл остановиться на разделении внутренних и внешних, особенно глобальных, причин, но с учетом того, что: а) одни и те же причины выступают и как внутренние, и как внешние; б) глобальные причины в разных обществах могут вызывать весьма разные последствия³.

Мы попробуем, однако, не претендуя на полноту, сформулировать некоторые условия и предпосылки, необходимые для того, чтобы произошла революция, которые в полной мере присутствовали в арабских революциях (ниже мы еще дополнительно их конкретизируем):

1. Определенные структурные особенности общества, генерирующие труднопреодолимые экономические и социальные проблемы. Например, быстрый демографический рост в сочетании с наличием сельской общины в России генерировал малоземелье и бедность крестьян. В отношении арабских стран речь может идти о «молодежном бугре» и других структурно-демографических факторах (см. об этом в Главе 5 Раздела 2; см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2010б; Коротаев, Зинькина 2011а; Коротаев и др. 2011; Гринин

² Напомним, что анализ ряда причин уже был дан в Главе 5 Раздела 2, отметим также, что мы не ставим своей целью дать всесторонний анализ, который требует специального исследования, затрудненного по ряду причин уже потому, что прошло еще не так много времени, чтобы все причины событий стали полностью ясны (о причинах арабских революций см. также статьи в коллективной монографии: Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; см. также: Игнатенко 2011; Гринин 2012а).

³ В статье (Ходунов, Коротаев 2012) как раз приведено весьма показательное сравнение разной реакции на рост цен на продовольствие на Ближнем Востоке и в Латинской Америке.

2011а), перекосах в экономике и распределении, определенных структурно-политических факторах (типа политического устройства, промежуточного между авторитаризмом и демократией, превышения сроками правления в немонархических политических системах критических значений) и т. д. В отношении таких стран, как Египет, можно также добавить перекосы в развитии системы образования, что привело к особо высокой доле безработных среди лиц с высшим образованием (см. ниже). Есть и еще один аспект такого рода структурных предпосылок, вызванных взрослением общества. Дело в том, что оно в тех или иных отношениях вырастает из привычных отношений и стремится к новым формам, даже если всерьез еще не готово к этому (степень готовности определяется историей позже, «по факту»). В итоге такой модернизации общество часто попадает в модернизационную ловушку (см. о ней в Главе 2 Раздела 2).

2. Жесткость режима. В истинно демократических режимах революций не бывает. Революции направлены только на жесткий режим, который пытается контролировать все и потому как бы отвечает за все. Соответственно все плохое, действительное и даже мнимое начинает приписываться этим режимам и их персонифицированным выразителям. В каждом таком режиме существуют определенные дефекты, связанные с особенностями институтов и личностей⁴. В частности, авторитарные режимы в арабских странах обладали (каждый на свой лад и в то же время достаточно похоже) дефектами, характерными для авторитарных режимов: кумовством, коррупцией, клановостью, использованием служебного положения, несправедливым судом и т. п.⁵ Изменить такую систему, тем более если она основана на режиме личной власти определенного политика, а система передачи власти преемнику не создана, очень сложно, даже если правительство и понимает все ее недостатки.

3. Падение авторитета власти и особенности политической структуры. За длительное время у множества людей накапливаются обиды на коррупцию, засилье представителей определенных групп или кланов, нарушение справедливости, невозможность реализации жизненных планов и т. п. Когда социальный мир и порядок держатся на определенной личности (при авторитаризме или диктатуре), тогда падение авторитета правительства ниже определенного уровня и даже небольшое ослабление власти делает режим очень хрупким. И, как показывает история (и события Арабской весны, в частности), социальные волнения могут сравнительно легко сокрушить власть. Добавим, что если при этом еще недостаточно внутренних скреп при наличии противоборствующих или сепаратистских сил и тенденций (последнее нехарактерно для Туниса или Египта, но весьма релевантно для Йемена, Сирии, Ливии), социальная нестабильность может вести не только к большим потрясениям, но даже к распаду государства.

Предпосылки революций всегда связаны с нарастанием недовольства властью, с одной стороны, и с бессилием (растерянностью, нерешительностью) власти в какой-то момент – с другой. При этом важно, что, как мы уже отмечали это выше (в Главе 5 Раздела 2), одни и те же люди у власти надоедают, имеются исследования, которые показывают, что определенным порогом здесь является правление одного и того же лица на

⁴ В этих случаях, даже если формально это республики, власть, как указывает Роберт Данин из американского аналитического центра под названием Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations), «настолько централизована, что госаппарат и лидер становятся синонимами» (см.: Халаф 2011). Напротив, в монархиях у королей иногда больше возможностей для маневра, поскольку власть там разделена, отмечает Р. Данин. Например, вскоре после начала массовых демонстраций король Иордании Абдалла отправил в отставку премьера, а султан Омара Кабус – все правительство. В Марокко аналогичная разделенность власти позволила королю Мохаммеду объявить о реформах, усиливающих полномочия избираемого народом парламента. Молодежное движение считает это недостаточным, но, по мнению политиков, реформа может стать первым шагом к мирному переходному периоду (Халаф 2011).

⁵ При этом, конечно, уровень управления очень сильно зависит от общего уровня государственной культуры в стране (так, в Египте он был выше, чем в других странах) и самого правителя. Отметим также, что хотя подобного рода режимы неподконтрольны обществу, само общество еще не способно к такому контролю, то есть уровень режима обычно вполне соответствует уровню развития общества.

протяжении 14 лет (см., например: Goldstone *et al.* 2000)⁶. Это значит, что чем дольше держится авторитарная власть, тем – при прочих равных условиях – быстрее она теряет авторитет; легитимность и право лидеров страны руководить, если они находятся у власти слишком долго, ставится под сомнение. Как говорит П. А. Сорокин (1992б: 278), когда ореол власти испарился, в ее сохранении возникают законные сомнения⁷.

4. Идеологические предпосылки. По сути, все революции – это сочетание настроений протеста, недовольства, ненависти, желания переложить ответственность за тяготы и трудности на надоевшее правительство, с одной стороны, и сильная тяга к новым идеям, идеалам, отношениям и т. п. – с другой. В обществах, где не стремятся к переменам, вряд ли возможны революции⁸. Мало того, если в обществе нет подходящей идеологии, нет идеализированной модели лучшей жизни, мало шансов, что революция произойдет. В лучшем случае это будут мятежи, протесты, бунты и т. п.

Таким образом, для революции нужны большие претензии к правительству, завышенные ожидания и представления о том, что вполне реально сделать жизнь намного лучше, справедливее, честнее, если бы не мешало плохое (корруптированное, преступное, антинародное и т. п.) правительство. Очевидно, что совпадение реалий с идеализированными представлениями возможно только в небольшой степени, но это выясняется позже, после победы революции.

Завышенные ожидания, порожденные во многом именно ориентиром на более высоко развитые страны, создают идеологическое обоснование для недовольства и выступления против правительства. Как уже было показано в главах Раздела 2, это особенно опасно для модернизирующихся стран, в которых есть «молодежный бугор» и которые не так давно вышли или только выходят из мальтузианской ловушки. Мы видели, что многие из стран Арабской весны именно таковы.

Голод, завышенные ожидания или стремление к свободе? Нередко главной причиной арабских революций представляют такое падение уровня жизни населения в результате роста безработицы и цен на продовольствие, которое близко к полному обнищанию и голоданию. Действительно, акты самосожжения как будто подтверждают это. На самом деле представляется неверным интерпретировать события, происходившие в Египте, Тунисе, Бахрейне (а в целом и в других арабских странах, возможно, за некоторым исключением Йемена, где норма потребления продовольствия не достигла рекомендованной ВОЗ⁹), как «голодную революцию». Если взять для примера Египет, то процент людей, живущих менее чем на 1 доллар в день (уровень критической бедности), составляет менее 2 %, что аналогично ситуации в развитых странах (США, Великобритании и др.) (см., например: Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б, 2011г). Поэтому можно согласиться, что события, происходившие в этой стране, правильнее было бы характеризовать как *фитну* (от арабского *фитна* – смута, психологическое состояние массового протеста и стремления свергнуть власть) людей, лишенных надежд на благополучное и свободное будущее (Исаев, Шишкина 2012).

⁶ В этой же работе есть важный вывод, что в современной Африке особой неустойчивостью обладают смешанные режимы (непоследовательно авторитарные со значительными элементами демократии), в то время как значительно более устойчивыми оказываются как последовательно демократические, так и последовательно авторитарные/недемократические режимы. Отметим, что это касается далеко не только Африки, о чем свидетельствуют «цветные революции» на территории бывшего СССР, при этом в странах с большей авторитарностью (Белоруссия, Узбекистан и др.) никаких революций не было.

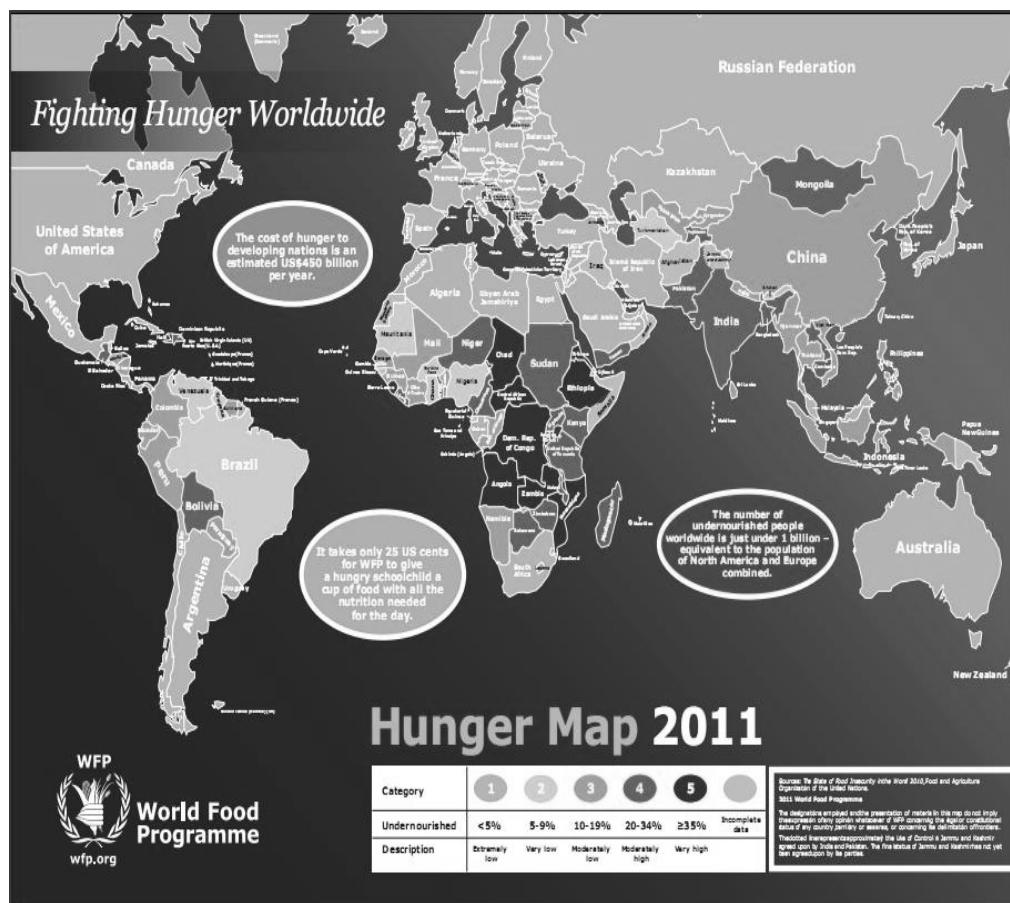
⁷ В этой связи, возможно, нелишним будет процитировать Б. Окуджаву (стихотворение, посвященное Б. Слуцкому): «Вселенский опыт говорит, / Что погибают царства / Не оттого, что тяжок быт / Или страшны мытарства. / А погибают оттого / (И тем больней, чем дольше), / Что люди царства своего / Не уважают больше».

⁸ О том, что стремление к крутым переменам налицо, см., например: Мухаммед 2011.

⁹ Впрочем, и там в последние годы не наблюдалось никакой тенденции к падению этого уровня (см. выше Главу 5 Раздела 2), так что и применительно к Йемену подобное объяснение не выглядит сколько-нибудь убедительным.

То, что Арабская весна не была революцией голодных, мы видели в Главе 5 Раздела 2. Это также наглядно подтверждает карта (Рис. 3.7.1), составленная Всемирной продовольственной программой; уровень голода по странам классифицируется темно-светлой гаммой по 5 категориям (чем темнее, тем больше у населения соответствующей страны проблем с недоеданием).

Рис. 3.7.1. Карта распространения голода в странах мира в 2011 г.

Источник: World Food Programme (см.: <http://www.wfp.org/hunger/map>).

Очень характерно, что **все страны Арабской весны**, за исключением Йемена, находятся в **первой категории** вместе со всеми развитыми странами, то есть, согласно этой карте, число недоедающих в них меньше 5 %.

И в целом уровень «обнищания» вовсе не был столь высоким. Кроме того, по крайней мере, в Египте оказывалась значительная продовольственная помощь живущим за чертой бедности. Разумеется, некоторое снижение уровня жизни, рост безработицы и цен выступили своего рода детонатором социального взрыва, которого в ином случае могло и не быть. Напомним, что число безработных в Египте перед революцией достигло почти 2,5 млн (Abd al-Rahman 2010: 4). Но хуже, что миллион из них составляли молодые люди 20–24 лет (очень высокая доля которых к тому же имела высшее образование) (см. Главу 5 Раздела 2; см. также: Коротаев, Зинькина 2011a, 2011b, 2011в, 2011г). Многие обозреватели (см., например: Игнатенко 2011; Мухаммед 2011; Бубнова, Салем

2011; Халаф 2011; см. также Главу 5 Раздела 2) справедливо отмечают, что ударной силой арабских революций выступила молодежь. Это неудивительно, учитывая, что ее численность в последние десятилетия очень быстро росла (см. Рис. 2.5.32 в Главе 5 Раздела 2). Разумеется, молодежь могла бы выступить и под зеленым знаменем ислама, но особенность современных социальных движений состоит именно в том, что влияние глобализации, демократии, западных ценностей, Интернета и современных технологий начинает перевешивать традиционные влияния (впрочем, исламисты во многом берут реванш теперь, уже после победы революций Арабской весны).

Мы также согласны с теми аналитиками, которые считают, что преобладающую роль в Арабской весне играют политические требования: свобода, демократия, подотчетность властей перед народом (Халаф 2011). И упомянутый ранее факт, что, согласно исследованиям, проведенным в конце 2010 г. Центральным египетским агентством по общественной мобилизации и статистике (The Egyptian Central Agency for Public Mobilization and Statistics), более чем 43 % египетских безработных имели университетский диплом (CAPMAS 2010b), подтверждает это. Вот эти молодые образованные люди и составили ударную силу революции. Для этих людей речь шла не просто о возможности зарабатывать – они чувствовали себя оскорбленными властью, а причины своего неудовлетворительного положения видели в отсутствии демократии и свободы, пороках власти и режима Мубарака (режима, который, собственно, и дал им образование). Поэтому помимо лозунга, весьма обычного для всех революций: «Долой!» («Ирхаль!»)¹⁰, они требовали свободных выборов, отмены военного положения, свободы и демократии.

Но при этом представляется, что такие лозунги во многом порождены чрезмерными требованиями к власти, которая, надо отметить, немало сделала и для роста образования в странах, и для роста экономики и уровня жизни, и в целом завышенными ожиданиями, порожденными, с одной стороны, примером более развитых стран¹¹, а с другой – достаточно длительным периодом реального роста уровня жизни. В монархических нефтяных странах, где имеются огромные ресурсы, удастся, хотя и с трудом, покупать мир ценой все больших дотаций населению¹².

В связи со сказанным нельзя не вспомнить о теории революционных кризисов Дж. Дэвиса (Davis 1969), которую мы приводим ниже в достаточно удачном, на наш взгляд, пересказе А. П. Назаретяна (2005: 156; см. также Рис. 3.7.2):

«Изучая предпосылки революционных кризисов, американский психолог Дж. Дэвис (Davis 1969) показал, что им всегда предшествует рост качества жизни. В какой-то момент удовлетворение потребностей несколько снижается (часто в результате демографического роста)¹³ [и, как в данный момент, кризиса. – *Авт.*], а ожидания продолжают по инерции расти. Разрыв порождает фрустрацию, положение кажется людям невыносимым и унижительным, они ищут виновных – и агрессия, не находящая больше выхода вовне, обращается внутрь социальной системы. Эмоциональный резонанс провоцирует массовые беспорядки».

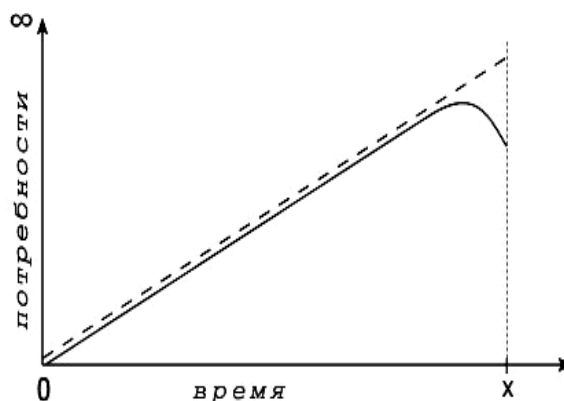
¹⁰ Уходи! – пер. с араб.

¹¹ Здесь налицо отождествление определенных характеристик развитых стран (особенно демократии) с их большими успехами в области уровня жизни и культуры жизни. Иными словами, демократия видится как способ быстрого достижения уровня жизни развитых стран. При этом полностью выпадает из понимания, что сама по себе демократия, равно как и другие институты, может работать только при наличии очень многих условий, которые вырабатывались в западных странах столетиями.

¹² В монархических государствах богатого нефтью Персидского залива громадные финансовые ресурсы правящих династий помогают снизить градус недовольства: только в Саудовской Аравии на социальные нужды было дополнительно израсходовано более 100 млрд долларов (Халаф 2011).

¹³ Обратим внимание, что само это ускорение демографического роста, как правило, и происходило в результате вышеупомянутого «роста качества жизни». Это и есть та самая модернизационная ловушка на выходе из мальтузианской ловушки, про которую мы много писали в предыдущем разделе. – *Авт.*

Рис. 3.7.2. Динамика удовлетворения потребностей и революционная ситуация (по: Davis 1969)

Примечание. Сплошная линия – динамика удовлетворения потребностей (экономический уровень, политические свободы и т. д.). Пунктирная линия – динамика ожиданий. Точка X на горизонтальной оси – момент обострения напряженности, чреватый социальным взрывом. (Взрыв происходит или нет в зависимости от ряда «субъективных» факторов.)

Источник: Назаретян 2005: 156.

Несмотря на избыточную категоричность изложения, данное описание представляется весьма релевантным для арабских модернизирующихся обществ.

Глобальный аспект причин Арабской весны

Анализ причин революций привел нас к выводу, что в их возникновении едва ли не важнейшую роль сыграли внешние и особенно глобальные факторы и причины или – с учетом того, что ряд причин можно рассматривать одновременно как внешние и внутренние – глобальный аспект этих причин.

При этом вновь отметим, что только совпадение внутренних и внешних факторов в сочетании с другими обстоятельствами может привести протесты к уровню революционного шторма, а для победы последнего также нужны особые условия. В частности, небезынтересно отметить, что нынешняя «цветная революция» в Египте – это уже третья попытка. Первая была в 2005 г., когда движение *Кифайя!* («Хватит!») организовало митинг на той же площади Тахрир против переизбрания президента Мубарака на новый срок. Тогда организаторам движения удалось собрать всего лишь менее тысячи человек. Вторая попытка произошла в 2008 г. Тогда главным требованием тоже было отстранение Мубарака от власти, но опять-таки отсутствовала массовая поддержка (Игнатенко 2011). И только третья попытка в 2011 г. под влиянием кризиса, глобального роста цен на продовольствие, новых возможностей, предоставленных организаторам революции сетью Интернет, успеха революции в Тунисе, вызвавшего сильный резонанс во всем арабском мире, оказалась удачной¹⁴.

Проанализируем сначала именно те факторы, которые можно рассматривать одновременно как внутренние и как глобальные (точнее, как трансформацию глобальных причин во внутренние проблемы и настроения). Идеологическая палитра общества, его духовный настрой всегда выступают как внутренняя характеристика данного общества, причем одна из самых важных при анализе революций. Однако откуда взялись и сами политические лозунги, и способы их пропаганды, наконец, технические средства этой пропаганды и орга-

¹⁴ Отметим также значительное влияние высокопрофессиональных и по тем или иным причинам «прореволюционно» настроенных общеарабских спутниковых каналов.

низации? Несомненно, идеи превосходства демократии, идеи, что правительство всегда за все ответственно и должно поддерживать достойную жизнь населения, что всякий получивший диплом должен иметь высокооплачиваемую и гарантированную работу и т. п., есть результат воздействия новейшей западной социальной культуры (именно новейшей, поскольку до середины XX в. социальная помощь еще не казалась обязательной и на Западе). Помимо этого подчеркнем, что господство идеологии «цветных революций», идущих достаточно успешно с начала XXI в., а также активное их подталкивание прямо из-за рубежа или организациями, которые поддерживаются извне, одновременно выступает как внешняя причина. Поэтому определенную роль могли сыграть и действия настроенных на подрыв ситуации западных организаций (в том числе и неправительственных, часть из которых при этом явно действовала не по заказу своих правительств, а из искреннего, слабо отличимого от религиозного стремления «распространять демократию любой ценой»), – при этом можно согласиться, что «конспирологическая» версия произошедшего не выглядит слишком серьезной, если в объяснении ограничиться только ею¹⁵.

Итак, глобализация в целом, включая быстрое распространение современных информационных и коммуникационных технологий, а также представлений о том, какие порядки, отношения, какой уровень жизни следует считать достойным, сыграли большую роль в организации и разворачивании революций.

Современные технологии, как отмечалось многими, стали важной причиной хорошей организации движений. В самом деле, призывы с помощью мобильных СМС-сообщений или размещения их на популярных сайтах были едва ли не ноу-хау арабских митингов, при этом революционная технология быстро копировалась в соседних странах (см., например: Tausch 2011; Галустян, Кузьменкова 2011). Стали быстро перениматься не только европейские ноу-хау, но и чисто арабские, например использование особо благоприятных возможностей для организации нелегальных митингов и демонстраций в молитвенный пятничный день (см., например: Игнатенко 2011).

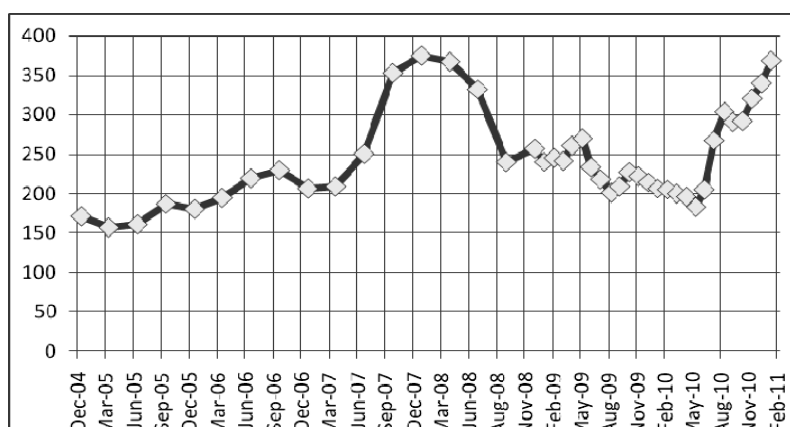
Даже такой, бесспорно, внутренний фактор, как демографический, может рассматриваться как внешний. Важнейшей причиной, действие которой невозможно устранить, являлась повышенная доля в населении молодых возрастов (коhort), так называемый «молодежный бугор» (о котором шла речь в Главах 2 и 5 Раздела 2). Отметим, однако, что это мировой глобальный фактор, а не чисто египетский или арабский. Как уже упоминалось, страны с молодежной возрастной структурой населения называют иногда «дугой нестабильности», простирающейся от региона Анд в Латинской Америке до районов Африки (особенно южнее Сахары), Ближнего Востока и северных регионов Южной Азии (Мир... 2009: 59).

Современный кризис нужно рассматривать в первую очередь как глобальный фактор, способный существенно повлиять на судьбы мира в будущем, который стал важнейшим внутренним фактором в каждой стране Арабской весны. Несомненно, именно он во многом ответственен за синхронное возникновение политического кризиса во многих странах, включая и такой оазис благополучия, как Бахрейн. Очень важную роль сыграл другой (частично связанный с кризисом) глобальный фактор, который теперь часто называют *аг-фляцией*. Напомним, что еще до начала открытой фазы кризиса, в первой половине 2008 г.,

¹⁵ Уильям Добсон в блоге *The Washington Post* называет конспирологические теории последним прибежищем диктаторов. «Действительно, в этих странах работают западные организации гражданского общества, – признает автор статьи. – Но необъяснимо, как группа сотрудников нескольких слабо финансируемых неправительственных организаций могла свергнуть целый ряд авторитарных режимов» (см.: Набитовский 2011). Тем не менее фактическая и оперативная помощь таких организаций, равно как и сервисов вроде Google, Twitter, YouTube и целого ряда других (см., например: Галустян, Кузьменкова 2011), уже выглядит отнюдь не как слабая. Другое дело, что собственно правительственным структурам Запада типа ЦРУ, скажем, свергать верного союзника США Мубарака никакого смысла не было, поэтому речь идет о действиях неправительственных организаций, работавших не по указке своих правительств, а нередко и наперекор их интересам. Поэтому речь здесь если и может идти о «заговоре», то об очень и очень специфическом.

беспрецедентно высокие цены на продовольствие породили волнения в некоторых арабских странах (и не только в них). Однако в 2009 г. в связи с общим падением цен на многие активы также сдулся «пузырь» цен на продовольствие. В результате возникла парадоксальная ситуация. Число живущих за чертой бедности в том же Египте, несмотря на бушующий кризис, заметно уменьшилось (см., например: Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б). Между тем в 2010 г. в связи с неурожаями в целом ряде стран в разных частях мира, а также новым надуванием «пузырей» и разгоном спекуляции инфляция усилилась. В результате быстро выросло число живущих за чертой бедности в Египте и других арабских странах. И это наряду с другими упомянутыми выше острыми проблемами (нечестными выборами, полицейским беспределом, безработицей среди молодежи, ростом коррупции, социальным неравенством¹⁶ и т. п.), а также ростом популярности идеи обновления режима вылилось в политические революции¹⁷.

Рис. 3.7.3. Мировые цены на пшеницу в долларах за тонну, 2005–2011 гг.

Источник: Korotayev, Zinkina 2011: 74.

Влияние глобализации видно и в том, что суверенные прерогативы государств под влиянием как объективных процессов, так и добровольности, а также мирового общественного мнения и нередко прямого давления существенно трансформировались и сократились (см. подробнее: Гринин 2005, 2008а, 2008б). Сокращение суверенных полномочий наглядно просматривается как в навязывании демократических стандартов, вовсе не всегда подходящих к конкретным странам, так и в том, что под влиянием соответствующего мирового общественного мнения и прямого давления на правительства стран, в которых происходили революционные волнения, эти правительства не имели возможности применить силу против демонстрантов и митингующих и даже против вооруженных мятежников, многие из которых на поверку оказывались вовсе и не гражданами соответствующих стран, а наемниками. Убеждение, что правительство не может применять оружие против граждан, существенно связало руки правителям, попавшим в отчаянное положение.

¹⁶ Хотя, напомним (см. выше Главу 5 Раздела 2), по меркам большинства развивающихся стран показатели коррупции в арабском мире накануне революции были не выше среднего, а показатели имущественного неравенства и вообще довольно умеренными. Здесь более важно, что сам ударный отряд социально-политических волнений (состоявший в основном из выходцев из образованного среднего класса) в странах Арабской весны был уверен, что для их стран характерны крайние уровни нищеты, коррупции, неравенства и т. п.

¹⁷ Стоит отметить, что к весне 2011 г. рост цен на продовольствие прекратился, а к лету цены на некоторые из продуктов начали снижаться. Если бы режимам удалось выстоять еще полгода, возможно, накал страстей не был бы столь сильным. На этом примере видно, как внешнее событие может роковым образом сказаться на обществе, где противоречия и недовольство достигли критического уровня.

Между тем, оставляя за скобками моральный и гуманитарный аспект проблемы, вполне вероятно, что жесткое применение силы могло существенно изменить политическую ситуацию в Тунисе и Египте. В обеих странах, конечно, особую позицию заняла армия (см., например: Халаф 2011), но во многом именно под влиянием призывов с Запада. В любом случае на сегодня факты таковы, что тот, кто не решился или не смог применить оружие, свергнут, а те, кто это сделал или делает, пока власти не лишены (случай с Каддафи особый, так как ему фактически была объявлена война коалицией могущественных государств). Обещание своевременной помощи, которую теперь щедро сулят новым режимам (см., например: Берг 2011a), также могло помочь разрядить ситуацию.

Куда пойдут революции?

Ход истории далеко не всегда идет по линии наименьших потерь для населения и общества, а влияние глобальных факторов часто оказывается решающим в выборе пути развития. Отдельные страны нередко как бы объективно приносятся в жертву главному ходу развития мира. В частности, общий вектор развития на ослабление национального суверенитета в последние десятилетия XX в. привел к распаду многонациональных государств, что в общем-то не было неизбежным и, думается, не являлось наилучшим путем (анализ национализма и общих тенденций глобализации см.: Гринин 1999, 2005). В этом плане, на наш взгляд, существование мягких авторитарных режимов в Тунисе и Египте было бы лучшим переходным модернизационным вариантом с экономической и, вероятно, социальной точки зрения, чем их революционное свержение с неопределенным результатом. Аналогично переход к полноценной конституционной монархии в России было бы лучшим для нее исходом, чем ее низложение в ходе Февральской революции, а свержение шаха в Иране в 1979 г. привело к тяжелым жертвам для этой страны и мира в целом. Слабость государственных форм (границ) и сознания может при свержении сильных (хотя и коррумпированных) авторитарных и полуавторитарных правителей привести к анархии внутри страны, хорошим подтверждением чему служат события в Йемене, особенно после отстранения от власти Салеха (есть, например, опасность усиления в некоторых районах «Аль-Каиды»).

Не исключена и опасность распада стран. В частности, свержение режима Башара Асада может привести к дезинтеграции Сирии и/или к расширению конфликта на другие части Ближнего Востока, поскольку ситуация в этом государстве очень интересует целый ряд стран, включая Турцию и Иран.

Имеет смысл хотя бы бегло обозначить некоторые итоги и возможные варианты развития в странах Арабской весны. По какому варианту в них дальше пойдет развитие, крайне важно для будущего и Северной Африки, и Ближневосточного региона, и мира в целом. Прежде всего посмотрим на ситуацию там, где революции победили, то есть в Тунисе и Египте. «Политический переходный период в Египте и Тунисе проходит хаотично: ожидания людей намного превосходят возможности временных правительств – особенно в том, что касается материальных благ», – пишет Рула Халаф (2011). Однако отметим, что хаотичность – не главная характеристика современной ситуации в этих странах. Период после победы революции нигде не проходит организованно, это всегда весьма сумбурное время. Важно отметить, что развитие идет по вполне понятной логике революционеров: эскалации социального возбуждения и истерии, поляризации общества, выдвижения все новых требований, поиска новых врагов. Радикалам «нужны новые акции протеста, чтобы не допустить контрреволюции» (см., например: Супонина 2011). Новым лидерам нужно постоянно организовывать массы, а лучше всего организовывать их именно на расширение внутренней борьбы. И поскольку революционеры не могут предложить ничего конструктивного, чтобы не потерять свои позиции, они должны обострять внутреннюю обстановку. Словом, грубо говоря, ищут козлов отпущения и накаляют страсти. Немедленный запрет мубараковской правящей партии после победы революции, в феврале 2011 г., суд на Мубараке, приговоры членам его правительства также

являются повторением классики революций. Наиболее грозным событием стала попытка штурма израильского посольства 9 сентября 2011 г., приведшая к жертвам, причем ранено было свыше тысячи человек (см.: Куделев 2011²). Усиливаются также требования пересмотреть мирный договор с Израилем 1979 г. Нет никакой гарантии, что осенне-зимние выборы приведут к успокоению страны. Тем более что экономическая ситуация ухудшается, а доходы от туризма падают. Революция продолжается (хотя и не так бурно) и в Тунисе (те же требования ускорить политические реформы, те же процессы над «бывшими»). А теперь после победы умеренных исламистов на выборах начались волнения сторонников светских партий, то есть опять же по классическому сценарию начинается противостояние в лагере «победителей».

Наиболее животрепещущий вопрос – не окажется ли в итоге власть в руках исламистских радикалов? Опасность эта, к сожалению, весьма велика и реальна, что отмечают многие аналитики (см., например: Мирский 2011). Как в Египте, так и в Тунисе исламисты активизируются и требуют принятия исламских законов, в одном ряду с ними стоят и антиизраильские акции. На выборах в Национальный учредительный совет в Тунисе – орган, который фактически определит будущее страны, – большинство голосов получила исламистская (но, впрочем, все же достаточно умеренная) партия «Ан-Нахда». По-видимому, формировать правительство будет именно она – партия, выступающая за законодательное введение в стране некоторых исламских норм. При свергнутом президенте Бен Али эта партия была под строжайшим запретом. Все три тура выборов в Египте также дали явное преимущество исламистам¹⁸. В итоге на первом месте оказалась Партия свободы и справедливости (политическое крыло «Братьев-мусульман»). По имеющимся в настоящее время оценкам она может получить более половины мест в нижней палате египетского парламента. Несколько меньше 30 % у более радикальной партии мусульман-салафитов «Ан-Нур». Таким образом, исламистские партии получают в парламенте конституционное большинство в две трети голосов (хотя нарастающие между ними разногласия могут и не позволить им сформировать парламентский блок). Большую часть оставшихся голосов поделили соответственно секулярный демократический блок «Ал-Кутля» и старейшая светская политическая (либеральная) партия Египта «Вафд». Такие результаты хотя и очень огорчительны, однако вполне объяснимы. Важной причиной успеха исламистов являются большое влияние религиозных служителей, особенно среди феллахов, а также колоссальный авторитет умеренных исламистов – «Братьев-мусульман» – среди бедных городских слоев. С учетом того, что в сельской местности проживает примерно 56 % всего населения (см., например: WorldStat.info 2011)¹⁹, а среди феллахов большой процент неграмотных (по некоторым данным, это 17 млн человек, то есть более 20 % населения, а по последним опубликованным Всемирным банком оценкам – даже треть населения [World Bank 2011: SE.ADT.LITR.ZS]) и еще больший процент избирателей, которые ориентируются не на письменные источники, а на советы имамов и значки партий, успех радикальных исламистов вполне закономерен.

Это нередкое явление в период революции. Свергают строй наиболее идеологически продвинутые группы, а во время голосования большинство оказывается за консервативными силами, которые опираются на политически и культурно отсталые массы. Таков,

¹⁸ Стоит пожалеть, что Мубарак не удалось отстоять НДП. Если бы сегодня она принимала участие в выборах, то расклад сил несколько изменился бы. Во всяком случае, в декабре 2011 г. опросы показывали, что по популярности НДП идет вслед за исламскими партиями, а через несколько лет она, возможно (в результате ностальгии по стабильности), и победила бы на выборах.

¹⁹ Впрочем, около половины обитателей египетских «сельских» поселений заняты в неаграрном секторе, а многие египетские поселения, которые египетская (а за ней и международная) статистика по старинке продолжает причислять к «селам», уже давно представляют собой города с населением в десятки тысяч человек; собственно же крестьяне составляют менее 30 % населения Египта. Подробнее об этом см. выше прим. 19 в Главе 5 Раздела 2. Так что в этом контексте также закономерно, что умеренные исламисты в Египте далеко обогнали радикальных.

в частности, был итог революции 1848 г. во Франции, когда на референдумах 1851 и 1852 гг. народ (в основном крестьяне) подавляющим большинством проголосовал сначала за десятилетний срок президентства, а затем и за возврат к монархии. Также на выборах в Учредительное собрание России в 1918 г. кадетская партия, которая больше всего боролась за всеобщие, прямые, равные и тайные выборы, осталась в меньшинстве, а большинство набрали эсеры, опирающиеся на крестьянство.

Партии революционных либералов протестуют, говорят о «преданной революции» или «украденной революции», но уже поздно. В связи со сказанным стоит вспомнить Н. Бердяева, который утверждал: «Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо. Это – закон» (Бердяев 1990: 29). Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху в своей речи перед Кнессетом 1 февраля 2011 г., в частности, отмечал: «Новейшая история на Ближнем Востоке показывает нам многочисленные прецеденты, когда исламистские элементы использовали в своих преступных целях демократические правила игры, чтобы прийти к власти». В качестве примера он назвал Иран, Ливан и сектор Газа (см.: Ярон 2011). В Израиле полагали (жизнь показала – оправданно), что приход к власти «Братьев-мусульман» – это лишь вопрос времени; в конце концов, они являются самым крупным и дисциплинированным оппозиционным движением в Египте. Свержения шахов в Иране поначалу совершали тоже преимущественно прагматичные демократические силы – и оказалось, лишь для того, чтобы власть захватили экстремисты (Там же). Тем не менее чисто политические лозунги революций, преобладание в авангарде образованной молодежи, особая позиция армии, а также превалирование среди исламистов умеренного крыла все-таки оставляют шанс на то, что исламисты, когда они придут к власти, вынуждены будут считаться с ситуацией и действовать достаточно осмотрительно. Так что «второго издания» иранской революции, скорее всего, не получится. С другой стороны, усиление нестабильности, попытки ввоза оружия и т. п. дают хороший шанс военным оставить в силе военное положение на длительный срок (см.: Куделев 2011з).

Вполне вероятно, что в арабском мире усилится борьба между фундаментализмом и стремлением к модернизации, поскольку многие стороны модернизации (особенно связанные с бытом и семейной жизнью) оказались заторможенными. Но поскольку одной из главных сил революций выступала образованная молодежь, заглядывающая на Запад, можно предполагать, что стремление к подражанию Западу усилится. Тем не менее похоже, что в тех или иных странах, особенно на первых порах, может произойти временное усиление фундаментализма – хотя бы потому, что у этих политических движений гораздо больше опыта и они лучше организованы. И тунисская «Ан-Нахда», долгое время действовавшая из подполья, и египетские «Братья-мусульмане», готовясь к выборам, чувствовали себя увереннее, чем либеральные партии, многие из которых еще находились в стадии формирования (Халаф 2011).

Есть три фактора, которые способны уменьшить эту опасность. Первый, как уже упоминалось, – среди исламистов также нет единства, и у исламистских партий имеются разные крылья, значительная часть (особенно молодых) деятелей занимает более умеренную и более благосклонную к современной демократии позицию. Во-вторых, если не будет прямой диктатуры (как это было в Иране после революции), то нахождение в конкурентной среде должно заставить их быть умереннее. Да и выиграть президентские выборы радикальным исламистам будет практически нереально. В-третьих, поскольку по мере развития демократического процесса исламисты столкнутся с более серьезной конкуренцией, есть мнения, что сама интеграция исламистов в политическую систему придаст их позиции большую умеренность, поскольку общество приветствует им более прогрессивные взгляды (см.: Там же). Вот почему некоторые прагматичные политики-либералы и западные дипломаты, работающие в регионе, считают, что об итогах переходного периода можно будет судить не в контексте первых выборов, а лет через пять (Там же).

Наконец, по-прежнему велика роль армии, которая также не жаждет видеть исламистов у власти, а сама стремится по возможности сохранить важные рычаги влияния.

Однако даже несмотря на опасность прихода к власти исламистов в конечном счете процесс изменений в арабском и – шире – исламском мире ускорится. Если фундаменталисты возьмут ответственность на себя, то крах этой политики может быть толчком для уменьшения влияния фундаментализма²⁰.

Синхронность революционных событий и асинхронность развития составляющих Мир-Системы

Одной из особенностей революций Арабской весны было то, что они стали неожиданно для абсолютного большинства как аналитиков, так и самих жителей данных стран. Другой – то, что главными в них стали политические, а не религиозные лозунги. Вряд ли, конечно, это действительно станет «закатом политического ислама», как считает Игнатенко (2011), поскольку, как мы уже видим, исламизм в последние месяцы как раз наступает, и очень даже успешно, но все же это новый политический поворот. Третьей особенностью революций выступает то, что они перекидывались из одной страны в другую с большой скоростью, как будто запылял пожар. Назовем это быстрое подхватывание революционных действий синхронностью революций. Рассмотрим некоторые причины синхронности арабских революций (некоторые факторы синхронизации событий Арабской весны уже были рассмотрены выше в Главе 5 Раздела 2; см. также: Grinin, Korotayev 2011a).

То, что это страны одного языка, религии и культуры, а также то, что имеется наличие некоторых общих черт сходства в политических режимах и условиях жизни, естественно, дает определенный ключ к пониманию, почему революции и волнения возникли почти одновременно и стали быстро захватывать страны одну за другой в течение буквально двух-трех месяцев. Разумеется, живой пример соседей, вещание одних и тех же СМИ, доступность интернет-ресурсов для людей, живущих в разных странах, наличие отделений одних и тех же организаций в разных государствах и т. п. сильно способствовали этому. Свою роль сыграли и действия настроенных на подрыв ситуации западных организаций и интернет-ресурсов. Кроме того, как сказано выше, налицо общее влияние глобальных причин: кризиса и агфляции²¹.

Тем не менее нельзя не отметить, что эти причины полностью не объясняют синхронности волнений в разных странах, возникновения одних и тех же условий и ситуаций в верхах и низах в разных странах. В новой и новейшей истории иногда встречается синхронность такого рода, хотя нам не приходилось встречать анализ подобного рода явлений (см., впрочем: Цирель 2012a). Представляется, что в глобально-историческом аспекте данный анализ может приоткрыть некоторые важные черты Арабской весны и особенно ее места в современных мировых событиях.

Синхронность революционных изменений

В Мир-Системе (именно из-за ее системности) всегда наблюдались синхронные явления (см., например: Гринин 2012a; Гринин, Коротаев 2009a; Barfield 1989; Chase-Dunn, Manning 2002; Hall, Chase-Dunn, Niemeyer 2009). Но, разумеется, «шаг» синхронности в древней и средневековой истории отличался от современности и мог равняться десяти-

²⁰ Вместе с тем если некатастрофические сценарии развития Египта представляются вполне правдоподобными, крайне неправдоподобной видится возможность того, что новым египетским властям удастся в сколь угодно обозримом будущем вернуть те высокие темпы экономического роста, которые были характерны для Египта в последние годы перед революцией.

²¹ Протесты в США против крупных финансовых корпораций и банков осенью 2011 г., поддержанные как в странах Европы, так и вне ее, показывают, что глобальные причины могут быть таким источником синхронности при наличии соответствующих информационных технологий.

летиям и даже столетиям. В рамках одной империи нередко наблюдалась синхронность социальных волнений, но одновременные социальные процессы в разных государствах если и имели место, то как исключения. С началом процесса глобализации и формирования современной Мир-Системы ситуация стала меняться. Вот почему уже в самом начале Нового времени возникает такое социально-идеологическое синхронное событие, как Реформация, начавшаяся с тезисов Лютера в 1517 г. в Германии и быстро распространившаяся в другие страны. Тут нельзя не учесть воздействия новой для того времени мощнейшей информационной технологии – печатного слова, как, впрочем, нельзя не учитывать, что именно начало XVI в. было в Германии (да и в целом в Европе и Мир-Системе вплоть до Китая и Японии) временем довольно быстрого роста богатства, связанного, например, с развитием мировой торговли, ростом спроса на немецкое серебро и т. п. (см., например: Арриги 2006). То есть здесь имели место глобальные факторы и завышенные ожидания населения. Другим такого рода событием, вероятно, можно считать национальные революции в Латинской Америке 1809–1826 гг. (Томас 1960; Лавров 1991), начавшиеся после свержения Наполеоном династии испанских королей в 1809 г. В меньшей степени это проявилось в 1830–1831 гг., тем не менее Июльская революция во Франции нашла отклик в Бельгии и Польше, а также в некоторых немецких землях. Синхронность очень наглядно реализовалась в революциях 1848–1849 гг., охвативших целый ряд европейских стран.

Характерно, что революции 1848–1849 гг. были тесно связаны с мировым экономическими кризисом 1847 г. и неурожаями картофеля и хлеба 1845–1847 гг. Неурожаи вызвали явления, аналогичные современной агфляции. Революция 1905 г. тоже вызвала определенную волну подражания в мире и также произошла после мирового экономического кризиса 1900–1903 гг., а в России после и в результате недородов 1901, 1905 и 1906 гг. Кстати сказать, появление новых способов печати, а также новые формы связи (электрической), равно как и развитие транспорта способствовали возможностям революций. Взрывной характер носили и национально-освободительные движения в африканских колониях в конце 1950-х – начале 1960-х гг., апогеем чего стал 1960 г.²² Последним таким синхронным событием до Арабской весны стали революции в социалистических странах Европы в 1989–1990 гг.²³

Беглый анализ такого рода синхронных социальных и революционных движений говорит о том, что для их возникновения нужны следующие условия:

1. Наличие в определенном регионе сходных политических и идеологических условий и возникновение в нем (на базе уже существующего культурного единства) каких-то новых направлений и пластов. Чаще всего это интеллигенция или верхушка новых классов, которые могут стремиться к интернационализму. Роль носителя такого рода идеологии выполняет сравнительно новый слой общества, который претендует на то, чтобы быть «авангардом» и ориентируется на какие-то популярные (и сравнительно новые) идеологии. Так, в революционной Европе 1848–1849 гг. выдвинулись разночинская ин-

²² 1960 г. вошел в историю как «год Африки». На карте мира появились 17 новых африканских государств. Большинство из них – французские колонии и подопечные территории ООН, находившиеся под управлением Франции: Камерун, Того, Малагасийская Республика, Конго (бывшее Французское Конго), Дагомея, Верхняя Вольты, Берег Слоновой Кости, Чад, Центральноафриканская Республика, Габон, Мавритания, Нигер, Сенегал, Мали. Независимыми были провозглашены и самая крупная страна Африки по численности населения – Нигерия, принадлежавшая Великобритании, и самая большая по территории – Бельгийское Конго. Британское Сомали и подопечное Сомали, находившееся под управлением Италии, были объединены и стали Сомалийской Демократической Республикой. 1960 г. изменил всю обстановку на Африканском континенте.

²³ В какой-то мере в таком смысле можно еще говорить о событиях весны 1968 г. в Европе, хотя они и не имели столь крупного масштаба. Напомним, что эти события были связаны, с одной стороны, со студенческими волнениями (возглавляемыми в основном левыми) во Франции, Германии и некоторых других странах, а также массовыми антивоенными протестами в США, а с другой – попытками либеральных реформ в Чехословакии и некоторым оживлением протестного движения в других социалистических странах.

теллигенция, радикальная буржуазия и мыслящая верхушка рабочих (новый класс), а в некоторых странах (типа Чехии или Венгрии) националистическая интеллигенция и дворянство. В Африке конца 1950-х гг. застрельщиком выступала интеллигенция. Но, конечно, в процессе революции поднимается масса иных сил и противоречий, а равно идеологий, которые могут в тех или иных случаях и местах стать ведущими, перехватить инициативу, выдвинуть на первый план фундаментальные идеи.

В арабских странах (особенно Египте и Тунисе), как уже сказано выше, впереди была радикальная образованная молодежь, спонтанно возникшие и зачастую неорганизованные молодежные движения, а исламисты шли за ней (см., например: Халаф 2011). При этом на начальных этапах религиозные, фундаменталистские лозунги оставались на заднем плане, а на передний выдвигались светские и демократические лозунги свободы и честности выборов, прав и т. п. (см.: Там же; Мухаммед 2011). Характерно, что выступления фундаменталистов, как, например, в Алжире в 1980-х гг., не стали толчком для массовых волнений в других странах (равно как и Иранская революция в 1979 г.).

2. Революционный эффект влияния на другие страны (особенно похожие по цивилизационным, политическим и социальным параметрам) возникает в сходных для этих стран ситуациях. При этом сходство закладывается как культурно-исторически, так и в результате влияния общих внешних факторов. Например, колониальные захваты, индустриальная революция в Европе в XIX в., установление социализма, глобализация. В условиях наличия такого сходства можно выделить два главных типа формирования подходящей для синхронии ситуации. Первый – **возникновение вакуума власти**, то есть ослабление какой-то силы, которая препятствовала изменениям. Примерами могут быть освободившиеся страны Африки в результате ослабления Франции и Англии; изменения в социалистических странах в 1989–1990 гг. в связи с ослаблением СССР. Второй тип – **обострение назревших противоречий в результате глобальных причин**, то есть общие глобальные (региональные) сдвиги и проблемы типа кризисов, неурожаев, инфляции. Это характерно для революции 1848 г. и для Арабской весны. Но в отношении арабского мира действовал и первый тип ситуации, о чем мы скажем ниже.

3. Необходимо также **падение доверия** к старым формам в политике и культурной сфере и соответственно **стремление к радикальным переменам**²⁴. Для темы главы важно, что *такое падение доверия и стремление к радикальным переменам охватывает в той или иной мере крупный регион в целом и возникает под влиянием не просто внутренних трансформаций общества, но под влиянием особенностей глобального развития*. Подробнее о них пойдет речь ниже.

4. Наконец отметим, что для реализации таких блоковых социальных движений немаловажна **апробация новых социальных и технических технологий** организации протеста и объединения протестующих (о которых уже было сказано выше). В этом случае новые революционные технологии активно берутся на вооружение ударным отрядом движений.

Ситуация вакуума власти может случиться в любой момент истории. Но ситуация крупного глобального кризиса скорее характерна, как мы видели в главах Раздела 1, для нисходящих (понижательных) фаз длинных кондратьевских волн. Напомним, что каждая волна длится 50–60 лет, соответственно каждая фаза – 20–30 лет (см. Главу 1 Раздела 1). Повышательная фаза характеризуется более быстрым экономическим ростом и менее затяжными кризисами, понижательная – менее высокими темпами развития и более длительными и затяжными кризисно-депрессивными периодами (см.: Кондратьев 2002:

²⁴ Это часто сочетается со стремлением к возврату к якобы чистым формам прошлого (так, наряду с радикальным республиканизмом возникает радикальный монархизм, типа черной сотни в России). Для арабских стран, в частности, характерно сочетание стремления к демократии в одной части общества и возвраты к «исламским корням» – в другой. Но в целом и те и другие перестали доверять авторитарным правителям и уважать созданный ими строй.

380–381; Гринин, Коротаев 2010а: Гл. 3; Коротаев, Цирель 2010а, 2010б; Гринин, Коротаев, Цирель 2011: Гл. 3). Революции в Европе в 1830 и 1848 гг. начались соответственно на пике и на излете понижательной фазы первой К-волны. В настоящее время (после 2008 г.) можно говорить о начале понижательной фазы пятой К-волны. На наш взгляд, то, что она ознаменовалась столь масштабным политическим событием, как Арабская весна, выглядит не случайно, а вполне объяснимо с учетом сказанного о начале понижательной фазы пятой кондратьевской волны. Эта фаза предположительно окончится в 2020-х гг. Не исключено, что примерно в это время в результате экономического роста африканских государств с учетом их «молодежного бугра» волна протестов, похожих на Арабскую весну, может прокатиться и по многим из них (см., например: Гринин 2012а; Коротаев, Халтурина, Малков и др. 2010б).

Завершая краткий исторический анализ синхронных революционных событий, следует подчеркнуть, что каждая из таких волн синхронии знаменовала масштабные изменения в Мир-Системе. Эти волны давали непосредственный толчок для крупных перемен (например, после революций 1848 г. в Европе начал очень быстро развиваться капитализм и современные политические режимы; а после освобождения колоний неевропейский мир стремительно изменился) либо являлись предвестниками новых, более значимых цепочек синхронии (как революции 1830 г. стали прологом для революций 1848 г.). Поэтому мы имеем основания считать, что в Арабской весне налицо эффект начала глобальной реконфигурации мира.

Политическая и экономическая составляющие глобализации и Арабская весна

Рассмотрим теперь, почему появляются глобальные причины для того, чтобы начались такие синхронные массовые социальные движения. В Главе 5 Раздела 2, повторяя свои ранние выводы (Гринин 2009г, Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010b), мы писали о том, что экономическая и финансовая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию. И пришли к заключению, что поскольку в ближайшие 15–20 лет экономическое развитие мира, скорее всего, будет идти более медленными темпами, чем в предшествующий период, политическая составляющая Мир-Системы за это время должна несколько подтянуться. Однако важно, как будет проходить это подтягивание. Подтягивание означает форсированное развитие, что может реализоваться напряженностью, крутыми поворотами и переворотами, разломами, и – как ясно сегодня – вовлечением в бурные события сразу большой группы стран. Вот почему мы прогнозировали, что такое подтягивание в рамках Мир-Системы означает в ближайшем будущем достаточно сложный период (Там же). Логика очевидна: отставание не может быть бесконечным; когда оно становится слишком большим, начинается период подтягивания политической составляющей. И это бывает как раз тогда, когда из-за кризисных явлений замедляется экономическое развитие, при этом одной из причин кризисов как раз и выступает то, что социальные и политические изменения в обществе не успевают за экономическими (см. Главу 3 Раздела 1; см. также: Гринин 2011а; Гринин, Коротаев, Цирель 2011).

Таким образом, идея заключается в том, что именно *асинхронность развития разных линий Мир-Системы является причиной синхронности крупных социальных движений*. Иными словами, в процессе глобализации одни процессы сильно опережают в развитии другие, в частности экономические процессы опережают политические. А такое опережение не может постоянно возрастать, соответственно происходит подтягивание, но уже не постепенное, а рывками. Такое опережение одного вектора в отношении других приводит к различным диспропорциям, осознанию недостатков режимов, возникновению оппозиционной, протестной и революционной идеологий (см. выше). Причем неважно (с точки зрения назревания революции), что такого рода идеологии и идеалы реально

могут быть плохо приложимы к конкретной стране в определенное время²⁵. Они играют роль тарана, с помощью которого сокрушаются негибкие режимы и имперского рода образования, дальнейшая же судьба такого рода стран зависит от исторического везения. Насколько затратны для конкретного общества будут перемены с глобальных мировых позиций, в сущности, оказывается не так важно. Поэтому слепое следование за модными теориями и их прозелитами опасно, поскольку естественно-историческое развитие в условиях глобализации будет осуществляться именно по принципу «лес рубят – щепки летят».

Почему очередной рывок подтягивания политической составляющей в Мир-Системе произошел именно в арабских странах? С точки зрения глобализационных процессов нельзя не отметить, что разрыв между уровнем развития экономики, технологии и образования, с одной стороны, и ментальности, влияния религии на жизнь, быт, право и многие другие стороны жизни – с другой, является наибольшим среди всех остальных цивилизаций и культурных областей.

Из истории глобализации: подтягивание политической составляющей

Опережение экономическим вектором развития политического стало ощущаться с конца XIX в., пожалуй, с 1870-х гг., когда началась понижательная фаза второй К-волны. Войны и революции конца XIX – начала XX в. можно рассматривать как некоторые попытки подтянуть политический вектор в рамках Мир-Системы. Однако они не принесли реального успеха и вылились в Первую мировую войну. После нее прошла волна институциональной политической глобализации (и значимые социальные изменения в западных обществах) и были сделаны в целом не очень успешные попытки создать мировые координационные органы (Лигу Наций) и некоторые экономические организации. Относительно слабое экономическое развитие в межвоенный период было одним из свидетельств того, что требовалась глубокая перестройка как в рамках Мир-Системы в целом, так и во многих ее обществах. Завершила эту перестройку Вторая мировая война, в результате которой возник новый мировой порядок, причем были созданы и дееспособные экономические мировые организации, а в конечном счете открылись большие возможности для экономического развития.

В результате Второй мировой войны (поражения Японии и Италии, и особенно ослабления Англии и Франции) началась полоса освобождения колоний. Первый крупный разрыв произошел в результате освобождения Британской Индии (образовались Бирма, Индия, Пакистан, Цейлон). Позже измученная войнами в Алжире и Индокитае Франция не смогла сопротивляться освободительному движению в Африке, и в 1960 г. колонии стали получать независимость одна за другой.

Развитие экономики мира в 1950–1980-е гг. сопровождалось созданием массы наднациональных экономических и политических союзов и блоков. Отставание политической составляющей от экономической тем не менее ощущалось. Наиболее слабым звеном оказались социалистические страны. Распад Советского Союза, не выдержавшего экономической гонки, создал вакуум власти, в результате чего рухнула политическая система всех европейских социалистических стран.

Это существенно облегчило развитие того, что, собственно, получило название глобализации. Но глобализация эта, как известно, была главным образом экономической (наиболее крупным политическим изменением последних десятилетий в мировом масштабе, стало, пожалуй, углубление и расширение интеграции Европы). Пока экономическая ситуация шла на подъем, главным образом происходили экономические (и связан-

²⁵ И напротив, режим «просвещенной» автократии, которая может последовательно проводить экономические и иные преобразования до того момента, когда общество уже будет реально готово к демократии, может быть существенно более подходящим для тех или иных стран, в частности и для Египта.

ные с ними социально-демографические) изменения, которые существенно преобразовали многие развивающиеся страны. Теперь, похоже, наступает очередь подтянуть тылы в развитии Мир-Системы, и Арабская весна – один из крупных эпизодов в подтягивании политической составляющей мир-системного развития²⁶.

Таким образом, глобализация и ускоренное развитие развивающихся стран уже привели и приведут в еще большей степени к ощущению необходимости глубоких изменений в мире. Напомним, что этот период крупных изменений был назван нами *эпохой новых коалиций*, и в процессе этих изменений начнут складываться контуры нового мирового порядка (см. Главу 5 Раздела 3). В определенном плане ближайшая к нам эпоха может напоминать перемены, которые наступили в результате Второй мировой войны. Разница, однако, будет заключаться в том, что в первом случае возник ведущий лидер Мир-Системы – США, а в ближайшем будущем на роль такого лидера предложить некого. Отсюда роль новых коалиций тем более будет высокой. Нечто похожее было после Второй мировой войны, когда возникали различные блоки по принципу близости к коммунизму или антикоммунизму, США или СССР и иные, связанные с региональной или особой политикой. Но теперь вектор все же должен идти к тому, чтобы создать более дееспособные мировые (межблоковые, межгосударственные и т. п.) центры координат.

Ближний Восток и реконфигурация мира

Как мы уже упоминали, сегодня происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы. Однако утрата США роли лидера будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы, даже ближайшие последствия которой во многом неясны. Ситуация на Ближнем Востоке хорошо это иллюстрирует. Еще многие вместе с известным американским дипломатом Ричардом Хаасом будут ностальгировать по тем дням, когда США поддерживали арабский статус-кво рука об руку с саудовскими королями (см.: Камински 2011). Поэтому крайне необходимо активно исследовать весь спектр вытекающих из этого процесса последствий для мира в целом и для очень многих стран в частности.

Глобализация по мере своего развития способствует восприятию как базовых более крупных, чем отдельные государства, экономических и политических единиц. Поэтому аналитики, особенно экономисты, все чаще оперируют региональными единицами (ЮВА или даже Азией, АТР, Европой и т. п.). И хотя страны, входящие в те или иные регионы и блоки, очень разные, такое укрупненное восприятие является объективно оправданным и полезным. Арабская весна, демонстрируя разные ситуации в разных странах (см., например: Гарднер 2011), в то же время показывает, что современный мир начинает круто меняться под влиянием глобальных процессов. При этом можно предположить, что особо сильные изменения будут происходить в периферийных странах.

Это связано с двумя прямо противоположными векторами развития, являющимися в принципе единым процессом. Мы назвали этот процесс реконфигурацией. Основные векторы этой реконфигурации – ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада) и одновременное усиление позиций ряда периферийных стран, а также в целом увеличение роли развивающихся стран в мировой экономике и политике. В разных странах, случаях и регионах процесс реконфигурации может проявляться по-разному и часто непредсказуемо. Если спроецировать это на Ближний Восток, не исключено, что в результате ослабления влияния США и Запада – с учетом важной для всего мира роли Ближнего Востока – здесь теперь возникнет спектр влияний (в том числе растущее влияние Индии, Китая и других [см., в частности: Джа 2011]). Отсюда этот регион может ге-

²⁶ При этом чем сильнее такая диспропорция между экономическим и социально-политическим развитием, тем своеобразнее может быть затем политическое изменение.

нерировать много изменений всякого рода (включая и выработку общемировых норм и принципов). Пока же налицо поляризация сил, о которой мы скажем ниже.

Арабская весна хорошо показала двойственность позиции США и Запада в целом на Ближнем Востоке. Это во многом связано с тем, что под влиянием кризиса западные страны все больше заняты своими внутренними проблемами. С одной стороны, Запад не намерен отказываться от своей лидирующей роли. Особенно это заметно в отношении Ливии и в последнее время также Сирии. Вполне понятно, что, с точки зрения США, грех было упустить шанс под благовидным предлогом разделаться со своими старыми врагами. Тем более что поддержка идеи (либо даже инициатива) установления над Ливией зоны запрета полетов боевой авиации вместе с признанием нелегитимным режима Каддафи (11 марта) исходила от так называемого Совета сотрудничества стран Персидского залива, то есть Саудовской Аравии, Катара и других государств Залива. С другой стороны, США и Европа, по сути, предали своих союзников, которых много лет поддерживали и в которых было вложено много средств²⁷. При этом несомненно, что ослабление Египта означает для Запада крушение одного из несущих столпов его политики (Ярон 2011).

В полной мере истинные причины такой позиции станут ясными только позже, но представляется, что западные страны стали заложниками своей веры в демократию в условиях, когда революционеры подняли знамя демократии, и побоялись открыто поддерживать своих недемократических, но вполне лояльных союзников. Поэтому сравнение, сделанное обозревателем *Financial Times* Гидеоном Рахманом (2011), пусть и преувеличенное, все же выглядит весьма убедительно.

«Для Запада Арабская весна – хорошая и дурная новость сразу. Хорошая новость в том, что это арабский 1989 год. А дурная – в том, что мы выступаем в роли Советского Союза.

Пару месяцев назад администрация Обамы дала понять Мубараку, что для США неприемлемо жестокое подавление восстания в Египте – точно так же, как в 1989 году лидер Советского Союза Михаил Горбачев заявил руководству ГДР, что не поддержит убийство мирных демонстрантов в Лейпциге. В обоих случаях – в Египте и ГДР – отказ сверхдержавы от дальнейшей поддержки помог подтолкнуть режим к обрыву и взбаламутил весь регион. Как и СССР в 1989 году, США благородно решили не позволять своему союзнику в регионе остаться у власти посредством насилия. Но, как и русские, США имеют теперь все основания опасаться, что им придется пожертвовать своими позициями в традиционной сфере влияния» (Рахман 2011).

Сравнение с 1989 г. не случайно. Оно хорошо показывает, что ослабление Запада (частично начавшееся уже с момента апогея его могущества, когда исчез коммунизм и не стало врага, борьбой с которым можно было оправдать любые действия в политике), дошло теперь до критической точки. Мир начинает развиваться более неуправляемо, чем раньше. Это значит, реконфигурация началась.

Помимо 1989 г. возникает сравнение и с ситуацией, создавшейся после Второй мировой войны, когда ослабление Запада и концентрация его на собственных проблемах вместе с попытками удержать колониальные империи в конечном счете привела к их

²⁷ Многие политики и дипломаты теперь горюют по этому поводу, поскольку официальные лица США знают, что рискуют потерять друзей и поставить под угрозу экономические и военно-политические интересы на новом Ближнем Востоке, который они едва понимают. Так, после падения Мубарака один высокопоставленный представитель США огорченно воскликнул: «С кем же нам теперь вести дела в Египте?» (Рахман 2011). А один из авторов *Washington Times* сокрушался по этому поводу: «Пускай Мубарак был мелким продажным диктатором, но он поддерживал Америку» (Рахман 2011). Говоря объективно, Хосни Мубарак много сделал и для Египта, и для дела мира на Ближнем Востоке, поэтому говорить, что он мелкий и продажный, глупо и несправедливо. Да и его поведение в период кризиса и после говорит о его незаурядных личных качествах. Полагаем, что история (как он и сам говорил) вынесет совсем другой приговор ему и его правлению. В любом случае было бы намного лучше, если бы он спокойно передал власть новому президенту, избранному на честных выборах, но, увы, у революции свои законы, от результатов которых народу может стать только хуже. Во всяком случае, «осчастливленные» цветными революциями народы Грузии, Украины и Киргизии отнюдь не благоденствуют, так же как и нет в этих странах внутреннего покоя.

развалу. Если в эпоху 1950–1960-х гг. роль альтернативы западному пути и империализму играл социалистический блок во главе с СССР, то теперь быстро растут богатство и сила становящихся уже мировыми державами Китая и Индии, а также ряда региональных держав.

В отношении Ближнего Востока создается впечатление, что, во-первых, израильско-палестинский узел теряет роль первого по значимости, во-вторых, заметно углубляется раскол в исламском ближневосточном и североафриканском мире. Уже довольно давно существует антагонизм между шиитским Ираном, который поддерживает радикальные шиитские режимы и движения (в Сирии, Ливане, Палестине, Ираке), и суннитскими монархическими режимами Залива с Саудовской Аравией во главе. Но в связи с событиями Арабской весны: волнениями в Бахрейне, где Иран также пытался разыграть шиитскую карту, интервенцией туда войск саудитов и ОАЭ, напряженными столкновениями между режимом и непонятными оппозиционерами в Сирии, а также рядом других событий этот антагонизм превратился в открытый раскол и яростную борьбу за лидерство в регионе. При этом президент Ирана Махмуд Ахмадинежад не скрывает своих амбиций на региональное господство, а король Саудовской Аравии Абдулла требует напасть на Иран, чтобы «отрубить голову змее» (Ярон 2011). Такое противостояние требует союзников, которых и ищут везде. Это противостояние – «с одной стороны, США и их союзники, с другой – Иран и его приверженцы – находит свое отражение в каждом локальном конфликте. В Ливане, Иране, Йемене или Палестине силы – не важно, сунниты это или шииты, – классифицируются по шкале, полюсы которой образуют Вашингтон и Тегеран» (Ярон 2011; см. также: Джа 2011). А за этим с тревогой наблюдает Турция, которая, с одной стороны, хотела бы сблизиться с Ираном, а с другой – вынуждена с ним конфликтовать. Это вполне подтверждает сказанное нами выше о наступлении *эпохи новых коалиций*. В частности, уже упоминавшийся Совет сотрудничества стран Персидского залива предлагает включить в эту прежде региональную организацию Иорданию и Марокко, что, по сути, превратит ее в «охранительный» клуб арабских монархий (см.: Халаф 2011).

Геополитический результат этого раскола в исламском мире пока не ясен, но это противоречие, возможно, какое-то время (вероятно, даже длительное) будет определять основные интриги политического развития Ближнего Востока.

Усиление противостояния в исламском мире фактически хоронит все еще популярную идею Хантингтона о том, что столкновение цивилизаций определит в ближайшем будущем основной вектор мировых событий. Принадлежность к цивилизации продолжает быть очень важным фактором, но все же он ослабевает, а набирают силу другие, о которых выше (в Главе 5 настоящего раздела) шла речь.

Завершив главу тем, чем и начали ее. Ближний Восток и Северная Африка всегда были в центре внимания мировой общественности. Арабская весна и ее пока непредсказуемый геополитический результат сделали этот регион еще более важным. С одной стороны, развитие событий может пойти опасным путем, с другой – регион слишком важен для мира, чтобы позволить ему самому выбираться из проблем. «Цена демонтажа укоренившихся авторитарных режимов оказывается невероятно высокой», – сетует обозреватель (Халаф 2011). Но цена перехода к действительно более демократическим и способным режимам может оказаться на порядок больше. Тем не менее, процесс изменений уже не может быть остановлен.

Повторим, что исламский мир, за исключением некоторых стран, в целом оставался наиболее консервативным в плане изменений регионом. Несомненно, что Арабская весна существенно ускорит как его модернизацию (которая, впрочем, может пойти и совсем необычным и совсем не самым оптимальным путем), так и изменения в мире в целом. Недаром даже приверженцы ислама заговорили о том, что революции подвигают сознание миллионов людей не только к свержению режимов, но и к пересмотру многих веками складывавшихся представлений (Мухаммед 2011). И все это свидетельствует: не только Ближний Восток и Северная Африка, но и мир в целом начал развиваться по-новому.

Приложение

Сводная хронологическая таблица циклических экономических кризисов

Экономические кризисы первой половины XIX в.
(Понижительная В-фаза первой К-волны)

<i>ПЕРИОД</i>	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжитель- ность</i>
1825 г.	Англия	Первый общий эконо- мический цикличе- ский кризис	Связан с займами и инвестициями Англии в Латин- скую Америку	Острый, но не особенно длительный
1836– 1837 гг.	Англия и США	Впервые был связан со спекуляциями в железнодорожном строительстве	Связан с займами бизнеса США в Англии и земель- ными спекуля- циями в США	Не столь острый, в целом более продолжительный
1847 г.	Англия, США, Франция, Германия	Тесно связан с тяже- лыми неурожаями в Европе в 1845– 1846 гг.	Сфера действия – почти вся Европа и частично Аме- рика, в сферу дей- ствия впервые по- падает Китай	Сопровождался боль- шими страданиями населения (в особенно- сти рабочих)

Экономические кризисы третьей четверти XIX в.
(повышательная А-фаза второй К-волны)

<i>ПЕРИОД</i>	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжи- тельность</i>
1857 г.	Англия, США, Германия, Франция	Первый по-настоя- щему мировой эконо- мический кризис	Связан с окончани- ем Крымской войны	Острый, но не осо- бенно длительный

<i>ПЕРИОД</i>	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1866 г.	Англия, Франция	Был прежде всего английским кризисом	Связан с окончанием Гражданской войны в США и изменением ситуации с поставками хлопка	Принял характер затяжной рецессии и депрессии
1873 г.	Англия, США, Франция, Германия, Австрия и ряд других стран	Очень обширный, подлинно мировой кризис, завершивший повышательную А-фазу второй К-волны	Сфера действия – почти вся Европа и Америка, а также Россия и некоторые страны Азии. В Германии связан с окончанием Франко-прусской войны. Кризис завершил повышательную А-фазу второй К-волны	Очень тяжелый по последствиям и разорениям, перешел в Англии и США в затяжную депрессию

Экономические кризисы последней четверти XIX в.
(В-фаза второй К-волны)

<i>ПЕРИОД</i>	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1882 г.	Франция, США, Англия	Не связан с какими-то внешними событиями, но шел уже в условиях поворота от свободной торговли к протекционизму и на фоне затяжного аграрного кризиса и дефляции. Был подготовлен чрезмерными инвестициями в строительство железных дорог и тяжелую индустрию	Усилился экспорт капитала в США и некоторые другие страны в связи с ж/д строительством. Связан с широчайшим распространением акционерных обществ и новых форм финансовой деятельности (биржи и пр.)	Во Франции и США острый в финансовом плане, экономически достаточно тяжелый, принял характер затяжной рецессии и депрессии
1890–1893 гг.	Англия, США, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Аргентина, Австралия и ряд других стран	Не связан с какими-то внешними политическими событиями (кроме краха аргентинской экономики), шел на фоне затяжного аграрного кризиса и дефляции и знаменовал их окончание	Сфера действия – почти весь мир. Связан с очень активным вывозом капитала практически во все регионы мира (особенно Латинскую Америку), а также в Россию. Усиление конкуренции Англии и Германии за внешние рынки	Острый в финансовом отношении, но в промышленном был не слишком сильным, депрессия по длительности была средней, сменился мощным промышленным подъемом

Экономические кризисы первой четверти XX в.
(А-фаза третьей К-волны)

ПЕРИОД	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1900–1903 гг.	Франция, США, Англия, Россия	Связан с рядом войн конца XIX в., но особенно с англо-бурской войной и вызванными ею трудностями на финансовом и других рынках	Укрепление второго центра экономики Мир-Системы в США. Интенсивное железнодорожное строительство в западном мире	Сильный, в Европе и России перерос в длительную депрессию
1907 г.	Англия, США, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Япония и ряд других стран	Связан с завершившейся Русско-японской войной и революцией в России, а также ряде других стран	Очень интенсивное строительство дорог в США и несвоевременном мире, острое экономическое соперничество Германии и Англии; рост активности на периферии Мир-Системы («пробуждение Азии»)	Острый, особенно в финансовом отношении, но не слишком продолжительный
1920 г.	США, Англия, Япония	Связан с окончанием Первой мировой войны	Связан с изменением всей геополитической обстановки в мире; окончательный переход экономического центра в США и ослабление Европы	Достаточно сильный, но непродолжительный

Экономические кризисы второй четверти XX в.
(В-фаза третьей К-волны)

ПЕРИОД	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1929–1933 гг.	Большинство стран мира, но особенно тяжело – США, Германия, Австрия; в меньшей степени Англия и Франция, Япония	С политическими событиями прямо не связан, но во многом вызван послевоенными кризисами и переустройством мира (эти геополитические изменения особенно сказались в Германии и Центральной Европе); в США был вызван повышением их роли в мировой экономике и не соответствующим такой роли уровнем экономического регулирования	Происходит ухудшение экономических связей в Мир-Системе, обнаруживается необходимость в реформировании системы международных расчетов в связи с крахом послевоенного золотого стандарта	Исключительно, небывало сильный и длительный

ПЕРИОД	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1937–1938 гг.	Целый ряд стран, в большей мере США, в меньшей – Франция, Англия и др.	Связан с предыдущим кризисом, является, по сути, его продолжением. Привел к ликвидации некоторых диспропорций в экономике и проведению ряда реформ	Окончательный распад или упадок прежних экономических мир-системных связей, разделение мира на враждующие группировки, подготовка к войне	Средний по силе и длительности

Экономические кризисы послевоенного периода
(конец 1940-х – конец 1960-х гг.) (А-фаза четвертой К-волны)

ПЕРИОД	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1948–1949 гг.	США, большинство стран Европы и Япония, особенно сильный валютный кризис в Англии	Связан с окончанием Второй мировой войны и послевоенным устройством, сложностями налаживания валютных систем	Создание новых систем мировых валютных расчетов и торговых связей; активная помощь США Европе; окончательный переход в США центра Мир-Системы; раскол Мир-Системы на рыночную и нерыночную части	Неглубокий и недлительный, для Европы в основном был связан с девальвацией валют
1953–1954 гг.	США, ряд европейских стран (в 1952 г.), Япония, Канада	Связан с войной в Корее, подъем стимулировался военными заказами, спад – их прекращением	Таким образом, все западные страны и Япония оказываются тесно связанными с американской конъюнктурой	Более сильный (чем предыдущий) для Европы, но в целом не очень глубокий и не особенно продолжительный, однако весьма длительный (13 месяцев) по сравнению с другими послевоенными кризисами в США
1957–1958 гг.	США, Англия, Япония	Вызван быстрым экономическим ростом во всех странах, но частично связан с Суэцким кризисом 1956 г. для европейских стран	Связан с изменением всей геополитической обстановки в мире; окончательный переход экономического центра в США и ослабление Европы	Наиболее сильный из послевоенных в США, но в Европе не было спада темпов экономического роста до отрицательных значений, а в Японии спад был незначительным
1960–1961 гг.	В основном США, в небольшой степени Англия, Канада и Япония	Вызван внешнеторговыми трудностями в США и особенно экономическими политиками	Канада и Япония следуют пока в фарватере американского экономического цикла	Несильный и недлительный

ПЕРИОД	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1966–1967 гг.	Ряд европейских стран, особенно Германия, частично Япония	В Европе связан с перегревом экономики, инфляцией и истощением ресурсов, особенно трудовых	В Европе уже действуют ЕЭС и ЕАСТ, которые оказывают важнейшее влияние на ее экономику	Несильный, но впервые показал истощенность ресурсов роста и приближения конца «экономического чуда» в ФРГ, Италии и Японии

Экономические кризисы периода 1973–1982 гг.
(В-фаза четвертой К-волны)

ПЕРИОД	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1974–1975 гг.	США, Канада, большинство стран Европы и Япония	Связан с резким повышением цен на нефть в 1973 г., что, в свою очередь, имело определенную связь с арабо-израильской войной 1973 г.	Был связан с девальвацией доллара, привел к окончательному отказу от Бреттон-Вудской валютной системы и попыткам заменить ее Ямайской	Самый глубокий из послевоенных (вплоть до кризиса 2006–2010 гг.) и затяжной
1979–1982 гг.	США, ряд европейских стран (в 1952 г.), Япония, Канада	Связан с новым повышением цен на нефть, которое было подстегнуто революцией в Иране и ирано-иракской войной	Связан с повышением роли нефтедобывающих стран в формировании мировых денежных потоков	Менее сильный, чем предыдущий, но очень затяжной, сопровождавшийся большой безработицей

Экономические кризисы конца XX – начала XXI в.
(1990–2002 гг., А-фаза пятой К-волны)

ПЕРИОД	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1990–1993 гг.	США, большинство стран Европы и Япония	Имелась некоторая связь (в США) с захватом Кувейта Ираком и международной кампанией против Ирака. В Европе кризис принял особенно острые формы в валютной сфере	Происходили глубокие изменения в геополитическом раскладе сил в мире в связи с кризисом социалистического блока; усиление нестабильности в районе Ближнего Востока; формирование однополярного мира	Неглубокий и недлительный, для Европы и Азии в основном был связан с девальвацией валют

<i>ПЕРИОД</i>	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1994–1995 гг.	Мексика, Аргентина	Особой связи с международными событиями не было; считается первым кризисом нового типа, связанным с возросшей ролью мирового спекулятивного капитала и новой стратегией развития развивающихся стран	Особая роль Мексики для США как партнера по Северо-американскому союзу НАФТА. Повышение роли МВФ (и стоящих за ними США) в снятии остроты кризисов и увеличении объемов привлеченных для этого средств	Не очень глубокий
1997 г.	Азиатский кризис (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины, Южная Корея), частично Япония	Не имел особой связи с политическими событиями, кризис был вызван главным образом нестабильностью мировых финансовых рынков и резко возросшими объемами движения мирового капитала, что обострило все проблемы азиатских стран. Кризис выразился в первую очередь в валютно-кредитной сфере	Показал возросшую взаимозависимость мировых финансовых рынков и их нестабильность; возможность цепной реакции кризисов в зависимости от ожиданий крупных игроков; с одной стороны, повысил роль МВФ и США в возможности помощи в период кризисов, но, с другой стороны, показал необходимость реформы мировой финансово-валютной системы и усилил критику МВФ	Несильный и недлительный
1998 г.	Россия, некоторые страны Восточной Европы	Вызван внешнеторговыми трудностями в США и особенностями экономической политики	Показал зависимость решений МВФ от политических предпочтений; дефолт в России оказал существенное влияние на все финансовые рынки мира, способствовал кризису в Бразилии	Несильный и недлительный

ПЕРИОД	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
1999 г.	Бразилия	Кризис показал недостатки новой экономической стратегии; был вызван завышенным курсом национальной валюты и упором только на привлечение иностранного капитала	Показал взаимосвязь всех финансовых рынков мира и зависимость неустойчивых стран от позиции США. В отношении Бразилии помощь оказалась действенной	Несильный
2001–2002 гг.	Кризис интернет-компаний в США и ряде других стран	Был связан с очень быстрым ростом новых ИКТ, привлечением капиталов на рынки США из-за рубежа, оказался результатом длительного подъема в США и спекулятивного фондового «пузыря» новых интернет-компаний, акции которых росли исключительно быстро	Можно рассматривать как завершение длительного мирового финансово-экономического кризиса. Оказался усиленным террористическими актами 11 сентября 2001 г. и сменой администрации в США	Очень сильный биржевой обвал и резкое падение курсов; сказался на всех финансовых рынках мира; экономический кризис не очень значительный, однако его последствия были уменьшены войной в Ираке и мягкой политикой ФРС, очень сильно понизившей учетные ставки
Конец 2001–2002 г.	Аргентина	Явился результатом неправильно выбранной экономической стратегии привязки национальной валюты к доллару, слабости аргентинской экономики и общества	Был усилен кризисом в США и их озабоченностью последствиями терактов 11 сентября 2001 г.; в очередной раз показал, что последствия кризисов очень сильно зависят от позиции МВФ и стоящих за ним США; в отношении Аргентины отказ МВФ помочь резко дестабилизировал ситуацию, вызвал дефолт. Показал ограниченность возможности МВФ давать рекомендации для выбора экономической стратегии	Очень тяжелый, шел уже на фоне социально-экономического кризиса в Аргентине, вызвал политическую нестабильность в стране; однако девальвация валюты способствовала к концу 2002 г. постепенному выходу страны из кризиса

Экономические кризисы начала XXI в.
(2006 г. – ? г., В-фаза пятой К-волны)

<i>ПЕРИОД</i>	<i>Основные государства, затронутые кризисом</i>	<i>Особенности/связь с событиями</i>	<i>Ведущие мир-системные связи</i>	<i>Сила и продолжительность</i>
2006–2012 гг.	Большинство стран мира, но особенно сильно – страны центра Мир-Системы (США, Западная Европа) и европейской полупериферии (страны Балтии, Россия, Украина, Греция и др.). Страны Южной и Восточной Азии оказались затронутыми в не столь существенной степени. Однако он в конечном счете существенно повлиял на политическую дестабилизацию в арабском мире	Начался как ипотечный кризис в США, постепенно перерос в глобальный финансовый кризис осенью 2008 г. и сразу же трансформировался в мировой экономический кризис. В настоящее время в странах мир-системного ядра наступила стадия депрессии и ощущается начало оживления. Тем не менее сохраняется опасность нового витка кризиса	Мир-системные связи проявили себя в исключительно значимой степени, наблюдалась высокая синхронность финансового кризиса из-за усилившейся турбулентности мировых финансовых потоков и колоссального развития деривативов и иных финансовых инструментов. Сказались также последствия нефтяного и иных «пузырей». Сильно пострадали экспортеры (Япония, Германия, Россия, на первых порах существенно упал экспорт и в Китае). Очень сильно сказываются последствия чрезмерных бюджетных дефицитов и заимствований в целом ряде стран ЕС, особенно его южной зоны	Общепризнано, что это самый сильный кризис со времен Великой депрессии. Его последствия были бы существенно больше, если бы не массивные финансовые вливания. В то же время в относительной слабости действий правил видны новые параметры мир-системных связей. Возможно, что в 2012 г. кризис будет окончательно преодолен. Однако не исключено, что в течение ближайших за этим 3–5 лет начнется новый кризис

Краткий глоссарий¹

Демографический переход – длительный процесс смены типа воспроизводства населения в результате движения от аграрного к индустриальному обществу. Первая фаза демографического перехода характеризуется падением смертности в связи с улучшением обеспечения населения продовольствием, развитием санитарии и технологий здравоохранения, а также в результате распространения медицинских знаний, что обуславливает увеличение скорости роста населения, а также ведет к образованию *молодежного бугра* (см. ниже). На второй фазе демографического перехода дальнейшее развитие медицины вкупе с другими модернизационными процессами (в особенности в связи с ростом уровня образования среди женщин) ведет к массовому использованию средств ограничения рождаемости и снижению темпов роста населения. В результате происходит переход от традиционного демографического режима, характеризовавшегося высокой смертностью и высокой рождаемостью, к современному демографическому режиму, характеризующемуся низкой смертностью и низкой рождаемостью.

Кондратьевская волна (кондратьевский цикл; длинный, долгий экономический цикл) – повторяющиеся колебания важных экономических параметров с характерным периодом порядка 40–60 лет, при которых регулярно в одной фазе/половине цикла (повышательной, или восходящей) темпы роста соответствующих показателей ускоряются (становятся заметно выше нуля), а на другой фазе (понижательной, или нисходящей) замедляются (или даже оказываются ниже нуля).

Кризис экономический (циклический) – в узком значении слова – резкий перелом в экономическом развитии, когда подъем сменяется крахом, падением индексов, разорениями; в широком смысле – весь период, связанный с переломом тенденции экономической динамики от повышательного тренда к понижательному, включая период спада в экономике, то есть всю фазу рецессии, а также часть фазы депрессии, иногда еще более тяжелой по последствиям, чем собственно спад. *Циклический экономический кризис* в широком смысле можно рассматривать также как часть экономического цикла, в течение которой структурные противоречия и несоответствия общества сначала становятся на время непреодолимыми, а затем частично разрешаются, открывая возможности для начала нового цикла.

Ловушка (в социальных науках). Устойчиво повторяющаяся ситуация, при которой развитие общества сверх определенного уровня, заданного особенностями социума, отдельных его сфер и окружающей природной и социальной средой, неизбежно раньше или позже создает системные диспропорции, что периодически ведет к состояниям напряжения и затем кризиса общества и отката назад.

Мальтузианская ловушка. Под *мальтузианской ловушкой* в отношении сложных и сверхсложных аграрно-ремесленных обществ следует понимать почти неизбежную опасность оказаться в ситуации тупика и социально-структурного кризиса вследствие перенаселения, которое становится возможным именно в результате быстрого и успешного развития. Ловушкой это явление можно назвать потому, что общество становится невольным заложником собственных достижений, и чем успешнее развитие,

¹ Даны только некоторые определения, играющие важную роль в рамках настоящего исследования. Дефиниции, приведенные в глоссарии, не претендуют на универсальность; они прежде всего показывают, каким образом используется данное понятие в рамках настоящего исследования.

тем вероятнее попадание в ловушку (чем лучше условия для развития производства и жизни, тем быстрее растет население и заполняется экологическая ниша). Общество попадает в подобную ловушку, поскольку в долгосрочной перспективе темпы роста общественного производства отстают от темпов демографического роста, в результате чего не происходит увеличения производства ВВП на душу населения и улучшения условий существования подавляющего большинства населения. Последнее остается на уровне, близком к уровню голодного выживания.

Мальтузианско-марксова ловушка – вид модернизационной (постмальтузианской) ловушки, характерный для аграрно-индустриальных обществ. С одной стороны, тут еще очень сильна составляющая демографического давления, но с другой – в отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения является уже не фатальной, а скорее социальной, поскольку процессы изменений в обществе позволяют уже решить проблему обеспечения темпов роста ВВП на душу населения таким образом, чтобы они обгоняли темпы роста населения. Важнейшей причиной усиления недовольства в обществе становится не столько проблема физической нехватки пищевых ресурсов, сколько неравномерность в распределении доходов (марксова составляющая ловушки).

Марксова ловушка – вид модернизационной (постмальтузианской) ловушки, характерной для быстро индустриализующихся стран, в которых урбанизация уже достигла относительно высокого уровня. Мальтузианская составляющая в такого рода ловушке заключается в так называемом аграрном перенаселении. Последнее возникает главным образом по причине роста производительности труда в сельском хозяйстве, в результате чего образуются излишние рабочие руки. Эта неквалифицированная рабочая сила подвергается наибольшей эксплуатации и наибольшему риску при возникновении экономических кризисов в промышленности, что создает питательную среду для социального недовольства.

Мир-Система. Под Мир-Системой понимается обладающая системными характеристиками предельная совокупность человеческих обществ, заметным образом прямо или опосредованно связанных между собой и включающих в себя в последние века практически все население мира. Для предшествующих современному периодов можно использовать следующее определение мир-системы: обладающая системными характеристиками предельная совокупность человеческих обществ, заметным образом прямо или опосредованно связанных между собой. При этом важно, что за границами данной совокупности уже не имеется значимых контактов и взаимодействий между обществами (их элементами) и другими компонентами, входящими в эту мир-систему, и обществами и прочими компонентами, входящими в другую мир-систему, а равно не входящими ни в какую мир-систему. При этом предельность понимается как такая граница, за которой если и есть контакты между обществами мир-системы и не входящими в нее социумами или их частями, то эти контакты не слишком существенны, то есть они даже по истечении значительного времени не ведут к серьезным изменениям в системе. Вплоть до охвата Мир-Системой всего мира на Земле одновременно сосуществовали разные мир-системы. Современная Мир-Система сформировалась на базе возникшей в X–VIII тыс. до н. э. Афроевразийской мир-системы.

Модернизация. В настоящей монографии модернизация рассматривается главным образом как процесс перехода того или иного общества (и Мир-Системы в целом) от архаического (сверхсложного аграрно-ремесленного) общества к индустриальному (в современный период – уже к индустриально-информационному).

Модернизационные (или постмальтузианские) ловушки. Под модернизационной ловушкой следует понимать почти неизбежную опасность оказаться в ситуации усилившихся в обществе до степени социального взрыва противоречий и диспропорций,

связанных со сложными структурными перестройками, глубокими и масштабными изменениями в обществе, которые происходят в исторически короткие сроки в процессе модернизации. Качественные изменения в технологии, производстве, прибавочном продукте, уровне образования, урбанизации, росте населения и многом другом, как правило, не сопровождаются полностью адекватными изменениями в важнейших институтах общества (политической структуре, правовой системе, системе привилегий, отношениях собственности, религии, семейно-брачных отношениях, морали и т. п.). В итоге отношения в обществе обостряются, возникает завышенный уровень ожиданий, претензий и идеалов, удовлетворить которые при сложившейся ситуации оказывается невозможным. Модернизационные ловушки в большинстве случаев – это ловушки, возникающие в процессе или результате выхода из мальтузианской ловушки. Модернизационные ловушки обычно имеют и демографическую составляющую, поскольку рост производства продуктов питания и медицинской культуры уменьшает смертность населения и увеличивает темпы роста населения, а также долю в нем представителей молодежных возрастных когорт.

Молодежная ловушка – вид модернизационной (постмальтузианской) ловушки. Молодежная ловушка характерна для первой фазы демографического перехода (в том числе она может сработать на завершающемся отрезке первой фазы или начале второй его фазы). Она возникает за счет сильного снижения младенческой и детской смертности при сохранении высокой рождаемости. Результаты того, что в предшествующий период за счет уменьшения детской смертности число выживших детей значительно увеличилось, через 15–25 лет скажутся в повышенной доле молодых возрастов в составе населения. В итоге поколение взрослых детей оказывается значительно многочисленнее поколения их родителей, что ведет к политической радикализации и социальной дестабилизации. Действие данной ловушки при этом усиливается процессами быстрой урбанизации.

Молодежный бугор – повышенная доля молодых возрастов (15–24 лет) в демографической структуре населения, на диаграммах образующая изгиб («бугор»). «Молодежный бугор» возникает в результате снижения смертности при остающейся высокой рождаемости, и в условиях модернизации общества создает потенциальную опасность попадания в постмальтузианскую ловушку. (См. также *Молодежная ловушка* и *Демографический переход*.)

Цикл Жюгляра, или **бизнес-цикл** (цикл деловой активности) – среднесрочный 7–11-летний экономический цикл. Представляет колебания экономической макродинамики, когда экономический рост и бум сменяются экономическим спадом, за которым должен последовать новый период экономического роста (открывающий новый экономический цикл). Этот цикл состоит из четырех фаз: 1) фазы оживления, когда после падения производства и застоя начинается экономический рост; 2) фазы подъема, когда экономический рост ускоряется, наступает процветание, которое переходит в экономический бум; 3) фазы рецессии, во время которой эйфория процветания сменяется паникой, сопровождающей обвал и крах, а вслед за этим наступает экономический спад; 4) фазы депрессии, или застоя, во время которой наступает некоторое равновесие: спад уже прекращается, но и выраженного роста еще нет.

Библиография

- Абель Э., Бернанке Б. 2008. *Макроэкономика*. 5-е изд. СПб.: Питер.
- Абрамова И. О. 2005. *Арабский город на рубеже тысячелетий (на примере Египта)*. М.: Вост. лит-ра.
- Аврамов Р. 1992. Теория длинных волн: исторический контекст и методологические проблемы. *Вопросы экономики* 10: 63–68.
- Айзенштадт С. 1997. Цивилизационные измерения социальных изменений. *Структура. Цивилизации* / Ред. А. О. Чубарьян. Т. 4, с. 20–32. М.: МАЛП.
- Акаев А. А. 2010. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом. *Системный мониторинг глобального и регионального развития* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 230–258. М.: Либроком/URSS.
- Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г., Малков С. Ю. (Ред.) 2011. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Акаев А. А., Коротаев А. В., Фомин А. А. 2011. О причинах и возможных последствиях второй волны глобального кризиса. *Глобалистика – 2011. Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления* / Отв. ред. И. И. Абылгазиев, И. В. Ильин, с. 233–241. М.: МАКС-Пресс.
- Акаев А. А., Коротаев А. В., Фомин А. А. 2012. О причинах и возможных последствиях второй волны мирового финансово-экономического кризиса. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 305–336. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Акаев А. А., Румянцева С. Ю., Сарыгулов А. И., Соколов В. Н. 2011. *Экономические циклы и экономический рост*. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та.
- Акаев А. А., Садовничий В. А. 2010. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики мировой и российской экономики. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 5–69. М.: ЛКИ/URSS.
- Акаев А. А., Садовничий В. А., Коротаев А. В. 2010. О возможности предсказания нынешнего глобального кризиса и его второй волны. *Экономическая политика* 6: 39–46.
- Акаев А. А., Садовничий В. А., Коротаев А. В. 2011. Взрывной рост цен на золото и нефть как предвестник мирового финансово-экономического кризиса. *Доклады Академии наук* 437/6: 727–730.
- Акимов А. В. 2004. *Мировое население: взгляд в будущее*. Доклад на Конгрессе азиатских и североафриканских исследований. М.
- Андерсон Дж. 2008. Лекция. Экономический рост и государство в Китае. *Полит.ру*. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/07/17/china/>
- Аникин А. В. 1963. Предисловие. *Денежные кризисы (1821–1938 гг.)* / И. А. Трахтенберг. М.: Изд-во АН СССР.
- Аникин А. В. 2009. *История финансовых потрясений. Российский кризис в свете мирового опыта*. М.: Олимп-Бизнес.
- Аникин А. В., Быков О. Н., Шапиро А. И. (Ред.) 1982. *Соединенные Штаты Америки*. М.: Мысль.

- Анилионис Г. П., Зотова Н. А. 2005.** *Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации.* М.: Международные отношения.
- Антонетти П. 2004.** *Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте.* М.: Молодая гвардия; Палимпсест.
- Арриги Дж. 2006.** *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени.* М.: Территория будущего.
- Ахиезер А. С. 1995.** Город – фокус урбанизационного процесса. *Город как социокультурное явление исторического процесса* / Ред. Э. В. Сайко, с. 21–28. М.: Наука.
- Бакс К. 1986.** *Богатства земных недр.* М.: Прогресс.
- Балацкий Е. 2011.** Китайская модель экономики будущего: развитие через перманентное саморазрушение. *Общество и экономика* 8–9: 257–276.
- Басманов Е. 2011.** Китайские законодатели оказались богаче американских коллег. *RBC Daily* 05.03. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/05/world/562949979807713>.
- Бельчук А. 2005.** Вновь об оценке реформ в Китае. *Мировая экономика и международные отношения* 4: 86–93.
- Берг И. С. 2011а.** «Арабская весна» в бахрейнском формате: мнения экспертов и немецких СМИ. М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Берг И. С. 2011б.** История и реалии «арабской весны» в марокканском формате: мнения экспертов. М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Берг И. С. 2011в.** Первые плоды «арабской весны»: мнения экспертов. М.: Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/03-06-11.htm>.
- Берг И. С. 2011г.** Европейская цена «арабской весны»: оценки экспертов. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/28-06-11.htm>.
- Бергер П. 1994.** *Капиталистическая революция.* М.: Прогресс.
- Бергер Я. М. 2006.** Итоги 10-й пятилетки и становление новой модели экономического роста в КНР. *Проблемы Дальнего Востока* 3: 14–29; 4: 81–95.
- Бергер Я. М. 2009.** *Экономическая стратегия Китая.* М.: Форум.
- Бердяев Н. 1990.** *Философия неравенства.* М.: ИМА-Пресс.
- Берталанфи Л. фон. 1969а.** Общая теория систем: критический обзор. *Исследования по общей теории систем* / Ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин, с. 23–82. М.: Прогресс.
- Берталанфи Л. фон. 1969б.** Общая теория систем – обзор проблем и результатов. *Системные исследования* 1: 30–54.
- Бжезинский З. 1990.** *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство.* М.: Международные отношения.
- Блант М. 2008.** *Финансовый кризис.* М.: АСТ.
- Блауг М. 1994.** *Экономическая мысль в ретроспективе.* М.: Дело.
- Бобровников А. В. 2004.** *Макроциклы в экономике стран Латинской Америки.* М.: Институт Латинской Америки РАН.
- Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010.** Социальная эволюция: альтернативы и варианты. *Эволюция: Проблемы и дискуссии* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 120–159. М.: Изд-во ЛКИ.
- Борисов В. А. 2001.** *Демография.* М.: NOTABENE.
- Бородкин Л. И. 2002.** Бифуркации в процессах эволюции природы и общества: общее и особенное в оценке И. Пригожина. *История и компьютер* 29: 143–157.
- Брагинский О. Б. 2008.** Цены на нефть: история, прогноз, влияние на экономику. *Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества им. Д. И. Менделеева)* ЛП(6): 25–36.

- Бродель Ф. 1986–1992.** *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVII вв.*: в 3 т. М.: Прогресс.
- Бродель Ф. 1988.** *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2: Игры обмена.* М.: Прогресс.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. 1991 [1898].** *Россия. Энциклопедический словарь.* Л.: Лен-издат.
- Бубнова Н., Салем П. 2011.** Арабский мир готовится к большим переменам. *Военно-промышленный курьер* 1.06. URL: <http://vpk-news.ru/articles/7713>.
- Букато В. И., Лapidус М. Х. 1998. (Ред.).** *Золото: прошлое и настоящее.* М.: Финансы и статистика.
- Бунятян М. А. 1915.** *Экономические кризисы. Опыт морфологии и теории периодических экономических кризисов и теории конъюнктуры.* М.: Мысль.
- Бурстин Д. 1993а.** *Американцы. Колониальный опыт.* М.: Прогресс-Литера.
- Бурстин Д. 1993б.** *Американцы. Национальный опыт.* М.: Прогресс-Литера.
- Бутинов Н. А. 1995.** Папуа – Новая Гвинея: властные структуры. *Этнические аспекты власти* / Ред. В. В. Бочаров, с. 51–78. СПб.: СПбГУ.
- Бутинов Н. А. 2000.** *Народы Папуа – Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству).* СПб.: Петербургское востоковедение.
- Быков П., Власова О., Завадский М., Кокшаров А., Сумленный С. 2009.** Мир после Лондона. *Эксперт* 13/652: 100–103.
- Быстров А. А. 2011.** *К итогам выборов в Тунисе.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Быюкенен П. Дж. 2007.** *Смерть Запада.* М.: АСТ.
- Ван дер Вее Г. 1994.** *История мировой экономики 1945–1990.* М.: Наука.
- Ван Пэй. 2010.** *Экспортный сектор в модели экономического развития КНР:* автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.
- Варга Е. С. (Ред.) 1937.** *Мировые экономические кризисы 1848–1935 гг. Т. 1.* М.: ОГИЗ.
- Варга Е. С. 1963.** *Современный капитализм и экономические кризисы. Избранные труды.* 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР.
- Варга Е. С. 1974а.** *Капитализм после второй мировой войны.* М.: Наука.
- Варга Е. С. 1974б.** *Начало общего кризиса капитализма.* М.: Наука.
- Васильев А. М. (Ред.) 1990.** *Арабская Республика Египет.* М.: Наука.
- Васильев А. М. 2011.** Цунами революций. *Азия и Африка сегодня* 3: 2–18. URL: <http://www.inafran.ru/ru/images/stories/Materials/V.pdf>.
- Вебер М. 1990.** Протестантская этика и дух капитализма. *Избранные произведения* / М. Вебер, с. 61–272. М.: Прогресс.
- Винер Дж. 1993.** Концепция полезности в теории ценности и ее критики. *Теория потребительского поведения и спроса* / Ред. В. М. Гальперин, с. 78–116. СПб.: Экономическая школа.
- Винокурова М. В. 1992.** *Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в.: На материалах графства Уилтшир.* М.
- Винокурова М. В. 1993.** Англия. *История Европы. Т. III: От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.)* / Ред. Л. Т. Мильская, В. И. Рутенберг, с. 40–50. М.: Наука.
- Винокурова М. В. 1994.** Европейская агрикультура в XVII–XVIII веках (к западу от Эльбы). *История Европы. Т. IV: Европа Нового времени (XVII–XVIII в.)* / Ред. М. А. Барг, с. 261–272. М.: Наука.

- Винокурова М. В. 1996.** Нищие в малых городах Юго-Западной Англии XVI–XVII вв. *Средние века* 59: 42–48.
- Вишневский А. Г. 1976.** *Демографическая революция*. М.: Статистика.
- Вишневский А. Г. 2005.** *Избранные демографические труды*. Т. 1. *Демографическая теория и демографическая история*. М.: Наука.
- Вишневский А. Г. (Ред.) 2006.** *Демографическая модернизация России, 1900–2000*. М.: Новое изд-во.
- Водарский Я. Е. 1973.** *Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.)*. М.: Просвещение.
- Волович А. А. 2011.** *Ливия в огне: мятеж или революция?* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Володин А. Г. 2008.** *Индия. Мировая экономика: прогноз до 2020* / Ред. А. А. Дынкин. М.: Магистр.
- Галич З. Н. 1986.** К сравнительной характеристике базисных структур Европы и Азии в канун промышленной революции. *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* / Ред. Л. И. Рейснер, Б. И. Славный, с. 184–216. М.: Наука.
- Галустян А., Кузьменкова О. 2011.** Retweet-революция. *The New Times* 6. URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/34815>.
- Гарднер Ф. 2011.** «Арабская весна»: настоящее и будущее. *BBC. Русская служба*. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/07/110711_arab_spring_gardner_analysis.shtml.
- Гегель Г. 1934.** *Философия права*. М. – Л.: Соцэкгиз.
- Геллнер Э. 1991.** *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Гельбрас В. Г. 2003.** Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь». *Вопросы экономики* 3: 61–75.
- Гильфердинг Р. 1922.** *Финансовый капитал: новейшая фаза в развитии капитализма*. М.: Госиздат.
- Глазьев С. Ю. 1993.** *Теория долгосрочного технико-экономического развития*. М.: Владар.
- Глазьев С. Ю. 2009.** Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов. *Вопросы экономики* 3: 26–32.
- Головнин М. 2009.** Теоретические подходы к проведению денежно-кредитной политики в условиях финансовой глобализации. *Вопросы экономики* 4: 42–58.
- Голубицкий С. 2008.** *Обрушение хедж-фонда по имени Исландия*. URL: <http://www.ruska-pravda.com/index.php/20081215954/stat-i/monitoring-smi/qq.html>.
- Грегори П. 2003.** *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчеты и оценки*. М.: РОССПЭН.
- Гренвилл Дж. 1999.** *История XX века. Люди, события, факты*. М.: Аквариум.
- Гречихин А. А. 1980.** Экономические кризисы. *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия* / Ред. А. М. Румянцев, т. 4, с. 499–505. М.: Советская энциклопедия.
- Григорьев Л., Салихов М. 2008.** Финансовый кризис – 2008: вхождение в мировую рецессию. *Вопросы экономики* 12: 27–45.
- Гринин Л. Е. 1999.** Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета. *Философия и общество* 4: 5–44.
- Гринин Л. Е. 2000.** Формации и цивилизации. Глава 9. Принцип производства благ и производственная революция. *Философия и общество* 1: 5–73; 2: 5–43; 3: 5–49.
- Гринин Л. Е. 2003.** *Производительные силы и исторический процесс*. 2-е изд. Волгоград: Учитель.

- Гринин Л. Е. 2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.
- Гринин Л. Е. 2006а. Периодизация истории: теоретико-математический анализ. *История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 53–79. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2006б. *Производительные силы и исторический процесс*. 3-е изд. М.: КомКнига/ URSS.
- Гринин Л. Е. 2006в. Трансформация государственной системы Египта в XIX – начале XX в.: от развитого государства к зрелому. *Египет, Ближний Восток и глобальный мир: сб. науч. статей* / Ред. А. П. Логунов, с. 123–132. М.: Кранкэс.
- Гринин Л. Е. 2007а. Производственные революции и периодизация истории. *Вестник Российской Академии наук* 77/4: 309–315.
- Гринин Л. Е. 2007б. Производственные революции как важнейшие рубежи истории. *Человек и природа: противостояние и гармония* / Ред. Э. С. Кульпин, с. 191–221. М.: ИАЦ-Энергия.
- Гринин Л. Е. 2007в. *Философия, социология и теория истории*. 4-е изд. М.: КомКнига/ URSS.
- Гринин Л. Е. 2007г. Некоторые размышления по поводу природы законов, связанных с демографическими циклами (к постановке проблемы определения общих методологических подходов к анализу демографических циклов). *История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 219–246. М.: ЛКИ/ URSS.
- Гринин Л. Е. 2007д. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007е. *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007ж. *Государство и исторический процесс: Эпоха формирования государства*. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2007з. Политические процессы в Османском Египте XVI–XVIII вв. и теория развитого государства. *История и современность* 1: 38–84.
- Гринин Л. Е. 2007и. Проблемы анализа движущих сил исторического развития, общественного прогресса и социальной эволюции. *Философия истории: проблемы и перспективы* / Ю. И. Семенов, И. А. Гобозов, Л. Е. Гринин, с. 148–247. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2008а. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. *Век глобализации* 1: 86–97.
- Гринин Л. Е. 2008б. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе. *Век глобализации* 2: 46–53.
- Гринин Л. Е. 2008в. Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания). *Полис* 1: 123–133.
- Гринин Л. Е. 2008г. Глобализация и модели трансформации суверенности в западных и незападных странах. *Человек и природа: «Вызов и ответ»* / Ред. Э. С. Кульпин, с. 56–88. М.: ИАЦ-Энергия.
- Гринин Л. Е. 2008д. Национальный суверенитет в век глобализации. *Суверенитет. Трансформация понятий и практик* / Ред. М. В. Ильин, И. В. Кудряшова, с. 104–128. М.: МГИМО-Университет.
- Гринин Л. Е. 2009а. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег. *Философия и общество* 1: 5–32.
- Гринин Л. Е. 2009б. *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд. М: ЛИБРОКОМ/URSS.

- Гринин Л. Е. 2009в. Современный кризис: новые черты и классика жанра. *История и современность* 1: 3–32.
- Гринин Л. Е. 2009г. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2009д. Психология экономических кризисов. *Историческая психология и социология истории* 1: 75–99.
- Гринин Л. Е. 2009е. Эпоха новых коалиций. Выступление на круглом столе в редакции журнала «Век глобализации» на тему «Глобально-системный кризис и модели мироустройства». *Век глобализации* 1: 63–70.
- Гринин, Л. Е. 2009ж. Великая депрессия 1929–1933 гг. *Философия и общество* 2: 184–201.
- Гринин Л. Е. 2010а. Вербальная модель соотношения длинных кондратьевских волн и среднесрочных жюгляровских циклов. *История и математика: Анализ и моделирование глобальной динамики* / Ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, с. 44–111. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2010б. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 198–224. М.: Изд-во ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2010в. *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2010г. Теория, методология и философия истории: Очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекции 2, 4, 5. *Философия и общество* 1: 167–203; 2: 174–192; 3: 162–175.
- Гринин Л. Е. 2011а. Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 337–356. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2011б. Сценарии китайского будущего: не возобладают ли факторы торжества? *Общество и экономика* 8–9: 256–276.
- Гринин Л. Е. 2011в. Ждут ли мир глобальные перемены? *Вестник РАН* 4: 325–330.
- Гринин Л. Е. 2011г. Истоки глобализации: мир-системный анализ. *Век глобализации* 1: 80–94.
- Гринин Л. Е. 2011д. Личность в истории: Современные подходы. *История и современность* 1: 3–40.
- Гринин Л. Е. 2012а. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 188–223. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2012б. *От Конфуция до Конта. Становление теории, методологии и философии истории*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2007. Политическое развитие Мир-Системы: формальный и количественный анализ. *История и математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 49–101. М.: КомКнига/УРСС.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009а. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009б. Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Полис* 4: 34–52.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009в. О некоторых особенностях социально-политического развития Османского Египта. *Восток* 1: 46–62.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009г. О типологических характеристиках государственности в Османском Египте XVI–XIX вв. (к постановке проблемы). *Восток* 3: 35–51.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010а. *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010б. Модель экономического и демографического развития Мир-Системы Арцруни – Комлоса и теория производственных революций. *История и Математика: Анализ и моделирование глобальной динамики* / Ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, с. 143–185. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из мальтузианской ловушки: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 78–117. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010а. Введение. Русские революции в столетней ретроспективе. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 5–24. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010б. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 368–427. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (Ред.) 2010в. *О причинах Русской революции*. М.: Изд-во ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011. *Циклы развития современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 134–210. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. 2010а. Математическая модель среднесрочного экономического цикла. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 292–304. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. 2010б. Математическая модель среднесрочного экономического цикла и современный глобальный кризис. *История и Математика: Эволюционная историческая макродинамика* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 233–284. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринспен А. 2009. *Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы*. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Гэлбрейт Дж. К. 1969. *Новое индустриальное общество*. М.: Прогресс.
- Гэлбрейт Дж. К. 1979. *Экономические теории и цели общества*. М.: Прогресс.
- Давыдов М. А. 2010. Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX в. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 225–278. М.: Изд-во ЛКИ.
- Далин С. А. 1983. *Инфляция в эпохи социальных революций*. М.: Наука.
- Дейнека О. С. 2000. *Экономическая психология*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Джа С. 2011. Саудовская Аравия и Иран: суннитско-шиитская холодная война. URL: http://irannews.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=73502.
- Дикарев А. Д. 1991. Некоторые проблемы роста и учета населения в эпоху Цин. *Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время* / Ред. Г. Д. Сухарчук, с. 61–78. М.: Наука.

- Дмитриева О. В. 1990. *Социально-экономическое развитие Англии в XVI в.* М.: Изд-во МГУ.
- Дмитриева О. В. 1995. [Рец.]: Винокуров 1992. *Средние века* 58: 265–268.
- Дмитриева О. В. 1998. *Елизавета I. Семь портретов королевы.* М.: Янус-К.
- Дольник В. Р. 2009. *Непослушное дитя биосферы.* М.: МЦНМО.
- Дорнбуш Р., Фишер С. 1997. *Макроэкономика.* М.: МГУ.
- Доронин И. Г. 2003. Мировые фондовые рынки. *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет* / Ред. И. С. Королев, с. 101–133. М.: Экономистъ.
- Драчев С. Н. (Ред.) 1992. *Фондовые рынки США. Основные понятия, механизмы, терминология.* М.: Церих-ПЭЛ.
- Дружинин В. Н. (Ред.) 2000. *Психология: учебник для экономических вузов.* СПб.: Питер.
- Друкер П. Ф. 1992. *Рынок: Как выйти в лидеры. Практика и принципы.* М.: Book Chamber International.
- Дынкин А. А. (Ред.) 2008. *Мировая экономика: прогноз до 2020.* М.: Магистр.
- Егишянц С. 2009. *Обзор мировых рынков за 22–28 февраля 2009 г. По Екклесиасту.* URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/595475>.
- Ерасов Б. С. (Ред.) 1998. *Сравнительное изучение цивилизаций.* М.: Аспект Пресс.
- Ершов М. 2009. Мировой финансовый кризис: год спустя. *Вопросы экономики* 12: 4–21.
- Жданова Н. А. 2008. *Стратегия расширения геополитического влияния КНР на рубеже XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук.*
- Жуджунь Дин, Ковалев М. М., Новик В. В. 2008. *Феномен экономического развития Китая.* Минск: Изд. центр БГУ.
- Завьялова Е. К., Посохова С. Т. 2004. *Психология предпринимательства.* СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Зингер Е. М. 1981. *Между полюсом и Европой.* М.: Мысль.
- Зинькина Ю. В. 2010. Тенденции политико-демографической динамики и перспективы сохранения политической стабильности в странах Ближнего и Среднего Востока и Восточной Африки с точки зрения структурно-демографической теории. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, с. 141–283. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Зомбарт В. 1994 [1913]. *Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека.* М.: Наука.
- Зотин А. 2010. Всемирный Центробанк. В результате кризиса МВФ может стать глобальным финансовым регулятором. Кому это выгодно? *РБК. Итоговый выпуск* 1: 46–49.
- Иванян Э. А. 1975. *Белый дом: президенты и политика.* М.: Политиздат.
- Ивантер А. 2009. Все как от огня шарахаются от кредитов. *Эксперт. Лучшие материалы. Анатомия рецессии* 15: 97–99.
- Игнатенко А. А. 2011. *Закат политического ислама.* URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-27203.html>.
- Измestьев Ю. В. 1990. *Россия в XX веке. Исторический очерк, 1894–1964.* Нью-Йорк: Перекличка.
- Ильин М. В. 1993. Собрание и разделение суверенитета. *Полис* 5: 144–147.
- Илюшечкин В. П. 1967. *Крестьянская война тайпинов.* М.: Наука.
- Илюшечкин В. П. 1986. *Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа).* М.: Наука.
- Иноземцев В. Л. 2008. «Постамериканский мир»: мечта дилетантов и непростая реальность. *Мировая экономика и международные отношения* 3: 3–15.

- Институт Ближнего Востока 2011а.** *Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Институт Ближнего Востока 2011б.** *Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Институт Ближнего Востока 2011в.** *Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Институт Ближнего Востока 2011г.** *Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Иоффе Я. А. (Сост.) 1972.** *Мы и планета. Цифры, факты (справочник).* Изд. 3-е, доп. М.: Политиздат.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012.** *Египетская смута XXI века.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Ищенко Н. 2011.** *Инфляция в Китае бьет рекорды 14 июня 2011.* URL: <http://www.bfm.ru/articles/2011/06/14/infljacija-v-kitae-bet-rekordy.html>.
- Камински М. 2011.** «Арабская весна» все еще жива. *Inopressa* 26.08.2011. URL: <http://www.inopressa.ru/article/26jul2011/wsj/arab2.html>.
- Канаев Е., Курилко А. 2010.** Юго-Восточная Азия в условиях мирового финансово-экономического кризиса. *Мировая экономика и международные отношения* 2: 38–46.
- Капица С. П. 1999.** *Сколько людей жило, живет и будет жить на земле.* М.: Наука.
- Капра Ф. 2004.** *Скрытые связи.* М.: София.
- Карлусов В. 2009.** Китай: антикризисный потенциал экономики и меры борьбы с мировым кризисом. *Вопросы экономики* 6: 125–136.
- Карсбол Д. 2010.** У меня «медвежий» взгляд на Китай. *РБК.* Итоговый выпуск 1: 100–103.
- Кассель Г. 1925.** *Теория конъюнктур.* М.: Тип. ЦУП ВСНХ.
- Каутский К., Бауэр О. 1923.** *Изложение 2-го тома «Капитала» Карла Маркса.* М.
- Кашина А. А. 2011.** *Ситуация в Тунисе: январь 2011 г.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Кейнс Дж. М. 1978 [1936].** *Общая теория занятости, процента и денег.* М.: Прогресс.
- Кепель Ж. 2004.** *Джихад. Экспансия и закат исламизма.* М.: Ладомир.
- Кириченко Э. В., Марцинкевич В. И., Василевский Э. К., Западинская Л. И., Лебедева Е. А., Никольская Г. К., Перова М. К. 2008.** Соединенные Штаты Америки. *Мировая экономика: Прогноз до 2020 года* / Ред. А. А. Дынкин, с. 185–230. М.: Магистр.
- Китанина Т. М. 1975.** *Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.* Л.: Наука.
- Китанина Т. М. 2005.** Мировой аграрный кризис и политика Министерства финансов России в 1880 – начале 1900-х гг. (к вопросу о модернизации системы государственных закупок). *Экономическая история. Ежегодник.* М.: РОССПЭН.
- Клинов В. 2008.** Мировая экономика: прогноз до 2050 г. *Вопросы экономики* 5: 62–79.
- Кобяков А. Б., Хазин М. Л. 2003.** *Закат империи доллара и конец «Рак Americana».* М.: Вече.
- Козенко Б. Д., Севостьянов Г. Н. 1994.** *История США.* Самара: Изд-во Самарского обл. ин-та повышения квалификации и переподготовки работников образования.
- Кокшаров А. 2009.** Двигатель стал тормозом. *Эксперт* 6: 2–25.

- Кондратьев Н. Д. 1922.** *Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны.* Вологда: Областное отделение Государственного издательства.
- Кондратьев Н. Д. 1925.** Большие циклы конъюнктуры. *Вопросы конъюнктуры* 1/1: 28–79.
- Кондратьев Н. Д. 2002.** *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения.* М.: Экономика.
- Коротаев А. В. 1987.** Позднеродовые формы социальной организации в социально-экономической структуре современного ливийского общества (по материалам Киренаики). *Арабский мир: экономика, политика, идеология* / Ред. А. З. Егорин, В. В. Наумкин, с. 4–8. М.: Наука.
- Коротаев А. В. 1991.** Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, Т. И. с. 136–191. М.: Институт истории СССР АН СССР.
- Коротаев А. В. 1992.** Объективные социологические законы и субъективный фактор. *Альтернативность истории* / Ред. Р. В. Манекин, с. 76–108. Донецк: Донецкое отделение САМИ.
- Коротаев А. В. 1999.** Объективные социологические законы и субъективный фактор. *Время мира.* Вып. 1: *Историческая макросоциология в XX веке* / Ред. Н. С. Розов, с. 204–233. Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГТМ СО РАН.
- Коротаев А. В. 2003.** *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции.* М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2006.** *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции.* М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2007.** Макродинамика урбанизации Мир-Системы: количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 21–39. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Кобзева С. В. 2011.** К прогнозированию рисков политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 357–379. М.: ЛИБРОКОМ.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 138–164. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2007.** Урбанизация и политическое развитие Мир-Системы: сравнительный количественный анализ. *История и математика: макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 102–141. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп* 459–460. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6/647: 10–16.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011в.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 7/648: 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011г.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4/2: 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (Ред.) 2012.** *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков.* М.: УРСС.

- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. 2000.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 24–83. М.: Логос.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005.** *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития.* М.: Либроком/ URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В. 2010.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010а.** *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития.* 3-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В., Гринин Л. Е., Малков С. Ю. 2010б.** *Ловушка на выходе из ловушки? К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, с. 159–226. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** *Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 45–88. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Цирель С. В. 2010а.** *Кондратьевские волны в мировой экономической динамике. Системный мониторинг глобального и регионального развития* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 189–229. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Цирель С. В. 2010б.** *Кондратьевские волны в мир-системной экономической динамике. Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 5–69. М.: ЛКИ/URSS.
- Корриган Ш. 2005.** *Как действовать на рынке «медведей». Экономический цикл: анализ австрийской школы* / Ред. А. В. Куряев, с. 26–43. Челябинск: Социум.
- Косач Г. Г. 2011.** *Движущая сила арабских революций – молодой средний класс. Независимая газета* 40: 9.
- Котельникова Л. А. 1987.** *Феодализм и город в Италии в VIII–XV вв.* М.: Наука.
- Красавина Л. Н. 2004.** *Основы международных валютно-кредитных и финансовых отношений. Деньги. Кредит. Банки* / Под ред. О. Н. Лаврушина, с. 253–284. М.: Финансы и статистика.
- Крепкий Л. М. 2007.** *Регулирование экономических циклов.* М.: Экономика.
- Кривошеин К. А. 1993.** *Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора.* М.: Московский рабочий.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. 1979.** *Китайский этнос на пороге средних веков.* М.: Наука.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. 1984.** *Китайский этнос в средние века (VII–XIII).* М.: Наука.

- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. 1987. *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и Нового времени*. М.: Наука.
- Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. 1983. *Древние китайцы в эпоху централизованных империй*. М.: Наука.
- Куделев В. В. 2011а. *Ситуация в Египте: январь 2011 г.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Куделев В. В. 2011б. *Ситуация в Ливии: январь 2011 г.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Куделев В. В. 2011в. *Ситуация в Марокко: январь 2011 г.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Куделев В. В. 2011г. *Ситуация в Египте: сентябрь 2011 г.* URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/10-10-11a.htm>.
- Кудрин А. 2009. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию. *Вопросы экономики* 1: 9–27.
- Кульпин Э. С. 1990. *Человек и природа в Китае*. М.: Наука.
- Кульпин-Губайдуллин Э. С. 2010. Китайский вызов: пределы роста. *История и современность* 2: 140–143.
- Куряев А. В. (Ред.) 2005. *Экономический цикл: анализ австрийской школы*. Челябинск: Социум.
- Кучуради И. 2008. Глобализация свободного рынка с философско-этической точки зрения. *Век глобализации* 2: 21–29.
- Кэлахан Д. 2005. Экономика финансов для простых людей. *Экономический цикл: анализ австрийской школы* / Ред. А. В. Куряев, с. 70–79. Челябинск: Социум.
- Лаврентьев С. 2008. Хедж-фонды теряют клиентов. *РБК daily*. 17 ноября. URL: <http://www.stockportal.ru/main/invest/world/articles/hf>
- Лавров Н. М. (Отв. ред.) 1991. *История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века*. М.: Наука.
- Лавровский В. М. 1973. *Сборник документов по истории Английской буржуазной революции XVII века*. М.
- Лавровский В. М., Барг М. А. 1958. *Английская буржуазная революция XVII века. Некоторые проблемы Английской буржуазной революции 40-х годов XVII века*. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.
- Лазуренко С. 1992. Проблемы долговременных колебаний экономической динамики. *Вопросы экономики* 10: 69–75.
- Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. 1992. *Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика*. М.: Наука.
- Лан В. И. 1975. *США: от испано-американской до Первой мировой войны*. М.: Наука.
- Лан В. И. 1976. *США: от Первой мировой до Второй мировой войны*. М.: Наука.
- Лан В. И. 1978. *США в военные и послевоенные годы*. М.: Наука.
- Ланкастер К. 1993. Перемены и новаторство в технологии потребления. *Теория потребительского поведения и спроса* / Ред. В. М. Гальперин, с. 326–336. СПб.: Экономическая школа.
- Ларин В. Л. 1986. *Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая в 50–70-х годах XIX века*. М.: Наука.
- Левина И. Г. 2007. О двойственной природе финансового сектора. *Вестник Московского университета*. Серия 6. *Экономика* 2: 54–69.
- Ленин В. И. 1974 [1917]. *Полн. собр. соч.*: в 55 т. Т. 3. М.: Полит. лит-ра.

- Лескюр Ж. 1908. *Общие и периодические промышленные кризисы*. СПб.: Общественная польза.
- Литаврина Э. Э. 1972. Испанский экономист XVI в. Томас Меркадо о причинах и сущности «революции цен». *Европа в средние века* / Ред. З. В. Удальцова, с. 249–259. М.: Наука.
- Ломакин В. К. 2005. *Мировая экономика*. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Луконин С. А., Михеев В. В. 2010. Китай и глобальный кризис. *Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса* / Ред. В. Б. Амиров, Е. А. Канаев, В. В. Михеев, с. 6–19. М.: ИМЭМО РАН.
- Люблинская А. Д. 1978. *Французские крестьяне в XVI–XVIII вв.* Л.: Наука.
- Ляменков А. К. 2000. Международное движение капитала и участие России в этом процессе. *Роль государства в экономике: мировой опыт* / Ред. М. Н. Осьмова, с. 32–47. М.: Теис.
- Лященко П. И. 1956. *История народного хозяйства СССР*: в 3 т. Т. 2. *Капитализм*. 4-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маевский В. И. 1992. О характере длинных волн. *Вопросы экономики* 10: 58–62.
- Маевский В. И. 1997. *Введение в эволюционную макроэкономику*. М.: Япония сегодня.
- Мазурова Е. К. 2000. Изменения в механизме наднационального регулирования международной кредитно-финансовой системы. *Роль государства в экономике: мировой опыт* / Ред. М. Н. Осьмова, с. 23–32. М.: Теис.
- Майер В. Е. 1979. *Деревня и город в Германии XIV–XVI вв.* Л.: Издательство ЛГУ.
- Макаренко В. В. 1986. Стадиальная характеристика и тенденции внутрирегионального развития японского общества накануне революции Мэйдзи. *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* / Ред. Л. И. Рейснер, Б. И. Славный, с. 80–110. М.: Наука.
- Макашова Н. 2002. Загадка Кондратьева: неоконченная теория динамики и методологические проблемы экономической науки. *Вопросы экономики* 3: 4–16.
- Малаховский К. В. 1971. *История Австралийского союза*. М.: Наука.
- Малков С. Ю. 2002. Математическое моделирование исторических процессов. *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие* / Ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов, с. 291–323. М.: Наука.
- Малков С. Ю. 2003. Математическое моделирование динамики общественных процессов. *Связь времен* / Ред. И. Л. Жеребцов. Т. 2, с. 190–214. М.: МГВПК КОКС.
- Малков С. Ю. 2004. Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели. *Моделирование социальной и экономической динамики* / Ред. М. Г. Дмитриев, с. 76–188. М.: РГСУ.
- Малков С. Ю. 2009. *Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010. К системному анализу мировой динамики: взаимодействие центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 234–248. М.: ЛКИ/URSS.
- Малков С. Ю., Ковалев В. И., Малков А. С. 2000. История человечества и стабильность (опыт математического моделирования). *Стратегическая стабильность* 3: 52–66.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В. (Ред.) 2005. *История и синергетика: Методология исследования*. М.: КомКнига.
- Малков С. Ю., Коссе Ю. В., Бакулин В. Н., Сергеев А. В. 2002. Социально-экономическая и демографическая динамика в аграрных обществах. *Математическое моделирование* 14/9: 103–108.

- Малков С. Ю., Малков А. С. 2000.** История в свете математического моделирования. *История за и против истории* / Ред. Ю. М. Осипов, И. В. Бестужев-Лада, Е. С. Зотова, Г. Р. Наумова. Кн. 2, с. 54–76. М.: Центр общественных наук.
- Малков С. Ю., Селунская Н. Б., Сергеев А. В. 2005.** Социально-экономические и демографические процессы в аграрном обществе как объект математического моделирования. *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 70–87. М.: КомКнига/URSS.
- Малков С. Ю., Сергеев А. В. 2002.** Математическое моделирование социально-экономической устойчивости развивающегося общества. *Стратегическая стабильность* 4: 54–61.
- Малков С. Ю., Сергеев А. В. 2004а.** *Математическое моделирование экономико-демографических процессов в аграрном обществе.* М.: Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН.
- Малков С. Ю., Сергеев А. В. 2004б.** Оценка устойчивости социальных систем на основе экономико-демографического моделирования. *Проблемы управления безопасностью сложных систем* / Ред. Н. И. Архипова, В. В. Кульба, с. 356–359. М.: РГГУ.
- Мальтус Т. 1993 [1798].** *Опыт о законе народонаселения. Шедевры мировой экономической мысли.* Т. 4. Петрозаводск: Петроком.
- Мамед-заде П. Н. 2005.** *Демографическая проблема в Египте.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/24-08-05.htm>.
- Манту П. 1937.** *Промышленная революция XVIII столетия в Англии.* М.: Соцэкгиз.
- Маркова А. Н., Кривцова Н. С., Квасцов А. С. и др. 1995.** *История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990.* М.: Закон и право.
- Маркс К. 1960 [1867].** Капитал. Т. 1. *Сочинение.* 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 23. М.: Политиздат.
- Маркс К. 1961.** Капитал. Т. 2 [1893], 3 [1894]. *Сочинения.* 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 24, 25. М.: Политиздат.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955.** *Сочинения.* 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат.
- Маслинин В. 2009.** *Размышления о финансовом кризисе.* URL: <http://mbpolyakov.livejournal.com/156530.html>.
- Мау В. 2009.** Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису. *Вопросы экономики* 2: 4–23.
- Медведев Д. А. 2008.** Конвергенция технологий – новая детерминанта развития общества. *Новые технологии и продолжение эволюции человека* / Ред. В. Прайд, А. В. Коротаев, с. 46–84. М.: URSS.
- Медведев Р. А., Медведев Ж. А. 2009.** *Глобальный экономический кризис может перейти в депрессию.* URL: <http://news2000.org.ua/print?a=%2Fa%2F61162%3Fp%3D2>.
- Мельянцева В. А. 1996.** *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность.* М.: МГУ.
- Мельянцева В. А. 2007.** Экономический рост Китая и Индии: динамика, пропорции и последствия. *Мировая экономика и международные отношения* 9: 18–25.
- Мельянцева В. А. 2009.** *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен.* М.: ИД «Ключ-С».
- Мендельсон Л. А. 1959.** *Теория и история экономических кризисов и циклов.* Т. 1–2. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.
- Мендельсон Л. А. 1964.** *Теория и история экономических кризисов и циклов.* Т. 3. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.

- Меньшиков С. М., Клименко Л. А. 1989.** *Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу.* М.: Международные отношения.
- МеталлИндекс. 2011.** Китай бьет рекорды по добыче железной руды. *МеталлИндекс* 23.11.11. URL: http://www.metalindex.ru/news/2011/11/23/news_35559.html.
- Мещерякова Н. М. 1978.** Основные черты генезиса капитализма в промышленности Англии XVI – первой половины XVII века. *Проблемы генезиса капитализма* / Ред. А. Н. Чистозвонов, с. 178–241. М.: Наука.
- Мизес Л. фон. 2005.** *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории.* Челябинск: Социум.
- Миллс Р. 1959.** *Властвующая элита.* М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Милов Л. В. 1968.** О так называемых аграрных городах России XVIII в. *Вопросы истории* 6: 54–64.
- МинПром. 2011а.** Добыча угля в КНР выросла на 12,2%. *МинПром. Информационное агентство* 23.11.11. URL: <http://minprom.ua/news/82010.html>.
- МинПром. 2011б.** Потребление стали в КНР будет расти. *МинПром. Информационное агентство* 28.12.11. URL: <http://minprom.ua/news/84843.html>.
- МинПром. 2012.** Китай сократил производство стали. *МинПром. Информационное агентство* 10.01.12. URL: <http://minprom.ua/news/85400.html>.
- Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США.** М.: Европа, 2009.
- Миронов Б. Н. 2002.** «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: Питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX – начала XX века. *Отечественная история* 2: 30–43.
- Миронов Б. Н. 2003.** *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 2. 3-е изд.* СПб.: Дм. Булантин.
- Миронов Б. Н. 2008.** Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? *Уральский исторический вестник* 3: 81–95.
- Миронов Б. Н. 2009.** О чем говорит рост человека: возможности, состояние и перспективы исторической антропометрии для понимания динамики исторического процесса. *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 33–73. М.: URSS.
- Миронов Б. Н. 2010а.** Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 61–111. М.: Изд-во ЛКИ.
- Миронов Б. Н. 2010б.** Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 114–135. М.: Изд-во ЛКИ.
- Мирский Г. И. 2011.** Смерч от океана до залива. *Независимая газета* 27.04.2011. URL: http://www.ng.ru/scenario/2011-04-27/14_smerch.html.
- Митчелл У. 1930.** *Экономические циклы: Проблема и ее постановка.* М.: Госиздат.
- Михайлов Д. М. 2000.** *Мировой финансовый рынок. Тенденции и инструменты.* М.: Экзамен.
- Михайловский Н. К. 1998 [1882].** *Герои и толпа: Избр. труды по социологии.* Т. 1–2. СПб.: Алетейя.
- Михеев В. (Ред.) 2005.** *Китай: угрозы, риски, вызовы развитию.* М.: Московский центр Карнеги.

- Михеев В. В. 2008.** Китай. Мировая экономика: прогноз до 2020. *Мировая экономика: Прогноз до 2020 года* / Ред. А. А. Дынкин, с. 303–329. М.: Магистр.
- Мовчан А. 2010.** Золотая лихорадка. *Forbes* январь: 49.
- Модельски Дж., Томпсон У. 1992.** Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика. *Вопросы экономики* 10: 49–57.
- Морозова Ю. А. 2007.** *Экономическая психология*. Волгоград: ВолГАСУ.
- Моуги Р. 1992.** Развитие процесса длинноволновых колебаний. *Вопросы экономики* 10: 76–78.
- Мугрузин А. С. 1986.** Роль природных и демографических факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая (к вопросу о цикличности докапиталистического воспроизводства). *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* / Ред. Л. И. Рейснер, Б. И. Славный, с. 11–44. М.: Наука.
- Мугрузин А. С. 1994.** *Аграрно-крестьянская проблема в Китае*. М.: Наука.
- Мусихина Е. А. 2008.** Первичное размещение акций: конкуренция бирж Европы, Америки и «большого Китая». *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика* 5: 32–46.
- Мухаммед С. 2011.** *Революции и раскол в исламе*. URL: <http://navoine.ru/articles/1376>.
- Мысли великих политиков** / сост. Е. В. Бельмис. СПб.: Паритет, 2009.
- Мэнкью Н. Г. 1994.** *Макроэкономика*. М.: МГУ.
- Набитовский С. 2011.** *Уроки и отголоски арабской весны*. URL: <http://village.mylivpage.ru/blog/1072/36430/Уроки%20и%20отголоски%20%20арабской%20весны>.
- Назаретян А. П. 2005.** Универсальная история и синдром Предкризисного человека. *История и синергетика: методология исследования* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 141–166. М.: КомКнига/URSS.
- Назаретян А. П. 2009.** Мегаэволюция и Универсальная история. *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 44–61. М.: ЛИБРОКОМ.
- Назарчук А. В. 2006.** Влияние книгопечатания на развитие протестантизма в Европе. *Новая и новейшая история* 4: 79–90.
- Наумов И. 2008.** Пенсионный фонд России (ПФР) в текущем году зафиксировал убытки в 10 млрд руб. от размещения средств в государственных бумагах. *Независимая газета* 19 декабря. URL: http://www.ng.ru/economics/2008-12-19/4_pensia.html.
- Национальный разведывательный совет США. 2009.** *Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США*. М.: Европа.
- Непомнин О. Е. 2005.** *История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века*. М.: Вост. лит-ра.
- Неру Дж. 1977.** *Взгляд на всемирную историю*. Т. 3. М.: Прогресс.
- Нефедов С. А. 1999а.** *Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества*. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет.
- Нефедов С. А. 1999б.** *О демографических циклах в истории Вавилонии*. Рукопись (#54930), депонированная в ИНИОН РАН, М. URL: <http://www.hist1.narod.ru/Science/Babilon/Vavilon.html>.
- Нефедов С. А. 1999в.** *О демографических циклах в истории Древнего Египта*. Рукопись (#54931), депонированная в ИНИОН РАН, М. URL: <http://www.hist1.narod.ru/Science/Egipt/Egipt.html>.
- Нефедов С. А. 1999г.** *О демографических циклах в средневековой истории Китая*. Рукопись (#54932), депонированная в ИНИОН РАН, М. URL: <http://www.hist1.narod.ru/Science/China/China.html>.

- Нефедов С. А. 1999д.** Опыт имитационного моделирования демографического цикла. Рукопись (#54933), депонированная в ИНИОН РАН, М. URL: <http://www.hist1.narod.ru/Science/Cycle/Cycle.html>.
- Нефедов С. А. 2000а.** О демографических циклах в истории Китая (XIV–XIX вв.). Рукопись (#128367), депонированная в ИНИОН РАН, М. URL: <http://www.hist1.narod.ru/Science/China/China1.html>.
- Нефедов С. А. 2000б.** О законах истории и математических моделях. *Известия Уральского государственного университета* 15: 15–23.
- Нефедов С. А. 2001а.** Метод демографических циклов. *Уральский исторический вестник* 7: 93–107.
- Нефедов С. А. 2001б.** О демографических циклах в истории Индии. Рукопись (#556324), депонированная в ИНИОН РАН, М. URL: <http://www.hist1.narod.ru/Science/India/india.html>.
- Нефедов С. А. 2002а.** Опыт моделирования демографического цикла. *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»* 29: 131–142.
- Нефедов С. А. 2002б.** О теории демографических циклов. *Экономическая история* 8: 116–121.
- Нефедов С. А. 2003.** Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока. *Восток* 3: 5–22.
- Нефедов С. А. 2005.** Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: УГГУ.
- Нефедов С. А. 2007.** Концепция демографических циклов. Екатеринбург: УГГУ.
- Нефедов С. А. 2008.** Факторный анализ исторического процесса. М.: Территория будущего.
- Нефедов С. А. 2010.** О причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 25–60. М.: ЛКИ/URSS.
- Нефедов С. А., Турчин П. В. 2007.** Опыт моделирования демографически-структурных циклов. *История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 153–167. М.: КомКнига/URSS.
- Ольсевич Ю. 2009.** Психологические аспекты современного экономического кризиса. *Вопросы экономики* 3: 39–53.
- Отоцкий П. Л. 2008.** Математическая модель социально-экономической системы региона с учетом внешних возмущающих воздействий: дис. ... канд. физ.-мат. наук. М.
- Панкратова А. М. 1945.** План Дауэса (1923–1924 гг.). *История дипломатии* / Ред. В. П. Потемкин. Т. 3, с. 261–284. М. – Л.: ОГИЗ.
- Пантин В. И. 1996.** Циклы и ритмы истории. Рязань: Аракс.
- Пантин В. И., Лапкин В. В. 2006.** Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+.
- Перес К. 2011.** Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело.
- Перло В. 1975.** Неустойчивая экономика (Бумы и спады в экономике США после 1945 г.). М.: Прогресс.
- Петросян Ю. А. 1990.** Османская империя. Могущество и гибель: исторические очерки. М.: Наука.
- Петросян Ю. А. 1991.** Древний город на берегах Босфора: исторические очерки. М.: Наука.

- Плакиткин Ю. А. 2011.** Исследование динамики патентных заявок как инструмент анализа инновационного развития энергетики. *Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд.
- Платонова И. Н., Наговицин А. Г., Коротченя В. М. 2009.** *Перестройка мировой валютной системы и позиция России*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Побережников И. В. 2006.** *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Подколзина И. 2009.** Какие факторы воздействуют на динамику нефтяного рынка? *Вопросы экономики* 2: 90–104.
- Подцероб А. Б. 2011.** *Восстания арабов в XXI веке: что дальше?* М.: Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/12-03-11a.htm>.
- Полетаев А. В., Савельева И. М. 1993.** *Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования)*. М.: Наука.
- Поликанов Д. В. 2000.** *СПИД в Тропической Африке (будущее России?)*. М.: Издательский дом «XXI век – Согласие».
- Полтерович В. 2009.** Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации. *Вопросы экономики* 6: 4–23.
- Попов В. А. 1978.** Некоторая стабилизация консервативного правления и нарастание экономической экспансии (июль 1960–1970 г.). *История Японии (1945–1975)* / Ред. В. А. Попов, с. 249–307. М.: Наука.
- Попов В. В. 2002.** *Три капельки воды. Заметки некитаиста о Китае*. М.: Дело.
- Потапов М. А. 2007.** Китай и Япония: партнеры и конкуренты в Восточной Азии. *Проблемы Дальнего Востока* 6: 86–92.
- Потапов М. А. 2010.** Влияние мирового экономического кризиса на внешнеэкономические связи КНР. *Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса* / Ред. В. Б. Амиров, Е. А. Канаев, В. В. Михеев, с. 20–27. М.: ИМЭМО РАН.
- Прайд В., Медведев Д. А. 2008.** Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания. *Философские науки* 1: 97–108.
- Пригожин И., Стенгерс И. 2005.** *Время, хаос, квант. К решению парадокса времени*. М.: КомКнига.
- Райтсон К. 1994.** «Разряды людей» в Англии при Тюдорах и Стюартах. *Средние века* 57: 46–61.
- Рахман Г. 2011.** Это 1989 год – только мы в роли русских. *Голос России*. URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/04/05/48486854.html>.
- РБК. 2011.** Ливия подсчитала количество жертв войны. *РБК* 30.08.2011. URL: <http://top.rbc.ru/special/libya/30/08/2011/613103.shtml>.
- РБК-Недвижимость 2011.** Рост глобальной строительной отрасли превысит рост мирового ВВП в течение 10 лет. *РБК-Недвижимость*. URL: <http://realty.rbc.ru/news/21/03/2011/562949979900101.shtml>.
- Рейснер Л. И. 1986.** Генезис системы «наука – техника – производство» в западноевропейском регионе в XVI–XVIII вв. и оценка перспектив этого процесса в восточных обществах эпохи НТР. *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* / Ред. Л. И. Рейснер, Б. И. Славный, с. 217–243. М.: Наука.
- Ризниченко Г. Ю. 2002.** *Лекции по математическим моделям в биологии*. Ч. 1. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика».
- Родригес А. М. 2006.** *История стран Азии и Африки в Новейшее время*. М.: Велби.

- Розанов Г. Л. 1961.** «План Дауэса». *История международных отношений и внешней политики СССР 1917–1960 гг.*: в 3 т. / Ред. В. Г. Трухановский. Т. 1, с. 279–288. М.: ИМО.
- Ротбард М. Н. 2005.** Экономические депрессии: их причины и методы лечения. *Экономический цикл: анализ австрийской школы* / Ред. А. В. Куряев, с. 150–171. Челябинск: Социум.
- Рощин С. К. 1993.** Психология успешного предпринимательства в США. *Психологический журнал* 5: 98–109.
- Рощин С. К. 1995.** Предпринимательская деятельность: психология и идеология. *Психологический журнал* 1: 29–42.
- Рубини Н. 2011.** Спор на плохой экономический рост Китая. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/roubini37/Russian>.
- Рубцов Б. Б. 2000.** *Мировые финансовые рынки: современное состояние и закономерности развития*. М.: Финансовая академия.
- Рубцов Б. Б. 2006.** Эволюция институтов финансового рынка и развитие экономики. *Финансовые институты и экономическое развитие* / Ред. Д. В. Смыслов. М.: ИМЭМО РАН.
- Рубцов Б. Б. 2011.** Глобальные финансовые рынки. *Век глобализации* 2: 73–98.
- Румянцева С. Ю. 2003.** *Длинные волны в экономике: многофакторный анализ*. СПб.: Изд-во СПУ.
- Рюттингер Р. 1992.** *Культура предпринимательства*. М.: ЭКОМ.
- Садовский В. Н., Юдин Э. Г. (Ред.) 1969.** *Исследования по общей теории систем*. М.: Прогресс.
- Сакс Дж. Д., Ларрен Ф. Б. 1996.** *Макроэкономика. Глобальный подход*. М.: Дело.
- Салинз М. Д. 1999.** *Экономика каменного века*. М.: ОГИ.
- Самуэльсон П. Э. 1994.** *Экономика*: в 2 т. М.: Алгон.
- Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д. 2009.** *Макроэкономика*. 18-е изд. М.: Вильямс.
- Сапрыкин Ю. М. 1972.** *Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV–XVII вв.* М.: Изд-во МГУ.
- Сванидзе А. А. 1990.** Производительные силы общества Западной Европы в V–XV вв. *История средних веков* / Ред. З. В. Удальцова, С. П. Карпов. Т. 1, с. 402–416. М.: Высшая школа.
- Сванидзе А. А. 1995.** О феномене средневекового урбанизма: заметки в связи с конференцией. *Средние века* 58: 88–94.
- Севостьянов Г. Н. (Ред.) 1983.** *История США*. Т. I: 1607–1877. М.: Наука.
- Селищев А. С., Селищев Н. А. 2004.** *Китайская экономика в XXI веке*. СПб.: Питер.
- Семенов В. Ф. 1964.** Положение обычных держателей Юго-Западной Англии во второй половине XVI – начале XVII в. *Средние века* 25: 248–249.
- Сказкин С. Д. 1968.** *Очерки истории западноевропейского крестьянства в средние века*. М.: МГУ.
- Скоузен М. 2005.** Кто предсказал крах 1929 года? *Экономический цикл: анализ австрийской школы* / Ред. А. В. Куряев, с. 172–215. Челябинск: Социум.
- Смирнов В. А. 2008.** *Разработка управленческих решений*. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Смит А. 1935.** *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Т. 1. Л.
- СМПпро. 2011.** В 2011–2015 гг. Китай планирует вывести из эксплуатации 250–300 млн тонн мощностей по производству цемента. *СМПпро. Новости рынка* 30.11. URL: http://cmpro.ru/rus/data/sobitija/TSement_Kitai_V_2011-2015_godah_Kitai_planiruet_vivesti_iz_ekspluatatsii_250-300 mln_tonn_moschnostei_po_proizvodstvu_tsementa.html.

- Сови А. 1977. *Общая теория населения*. Т. 1: Экономика и рост населения. М.: Прогресс.
- Сорокин П. А. 1992а. О так называемых факторах социальной эволюции. *Человек. Цивилизация. Общество* / П. А. Сорокин, с. 521–531. М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Сорокин П. А. 1992б [1925]. Социология революции. *Человек. Цивилизация. Общество* / П. А. Сорокин, с. 266–294. М.: Политиздат.
- Сорокин П. А. 1994. Голод и идеология общества. *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет* / П. А. Сорокин, с. 367–395. М.: Наука.
- Сорос Дж. 1996. *Алхимия финансов*. М.: ИНФРА-М.
- Сорос Дж. 1999. *Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности*. М.: ИНФРА-М.
- Спенсер Г. 1898. *Основания социологии*. Т. 1. Сочинения. Т. 4. СПб.: Издатель.
- Столбов М. 2009. Эволюция монетарных теорий деловых циклов. *Вопросы экономики* 7: 119–131.
- Строганов А. И. 1995. *Новейшая история стран Латинской Америки*. М.: Высшая школа.
- Строй-обозрение.RU. 2010. Олимпиада мировых производителей цемента. Перспективы рынка для Сочи-2014. <http://stroy-obozrenie.ru/analytics/39.html>.
- Супонина Е. 2011. Революционеры Египта не решили, нравится ли им будущий президент. *РИА Новости*. URL: <http://ria.ru/analytics/20110518/376332179.html>.
- Сурначева Е., Артемьев А. 2011. БРИКС избегает насилия. На китайском острове Хайнань завершился первый саммит БРИКС. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2011/04/13_a_3583621.shtml.
- Суэтин А. 2009а. Кто же будет расплачиваться? (О книге Ч. Дюма «Китай и США: время расплаты»). *Вопросы экономики* 6: 151–155.
- Суэтин А. 2009б. О причинах современного финансового кризиса. *Вопросы экономики* 1: 40–51.
- Тамбовцев В. 2009. Финансовый кризис и экономическая теория. *Вопросы экономики* 1: 133–138.
- Тард Г. 1892. *Законы подражания*. СПб.
- Тинберген Я. 1980. *Пересмотр международного порядка*. М.: Прогресс.
- Тойнби А. Дж. 1991. *Постижение истории* / пер. с англ. М.: Прогресс.
- Токвиль А. де. 1997. *Старый порядок и революция*. М.: Моск. филос. фонд.
- Толстой Л. Н. 1984. Публицистические произведения 1886–1908 гг. *Собр. соч.*: в 22 т. / Л. Н. Толстой. Т. XVII.
- Томас Л. В. 1960. *История Латинской Америки*. М.: Ин. лит-ра.
- Тоффлер А. 1997. *Футурошок*. СПб.: Лань.
- Тоффлер Э. 1999. *Третья волна*. М.: АСТ.
- Травин Д., Маргания О. 2004. *Европейская модернизация*. М.: АСТ.
- Трахтенберг И. А. 1963 [1939]. *Денежные кризисы (1821–1938 гг.)*. М.: Изд-во АН СССР.
- Треvelьян Дж. М. 1959. *Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Туган-Барановский М. 1894. *Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь*. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
- Туган-Барановский М. И. 1917. *Основы политической экономии*. 4-е изд. Петроград: Право.
- Туган-Барановский М. И. 2008 [1913]. *Периодические промышленные кризисы*. М.: Директмедиа Паблишинг.

- Туроу Л. 1999. *Будущее капитализма*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Турчин П. В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: ЛКИ/URSS.
- Турчин П. В. 2010. Причины революционного кризиса в России 1905–1917 гг. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 170–175. М.: Изд-во ЛКИ.
- Турчин П. В., Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. (Ред.) 2007. *История и Математика: концептуальное пространство и направления поиска*. М.: ЛКИ/URSS.
- Тюкавкин В. Г. 2001. *Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа*. М.: Памятники исторической мысли.
- Удальцова З. В., Карпов С. П. (Ред.) 1990. *История средних веков*. Т. 1. М.: Высшая школа.
- Уэрта де Сото Х. 2008. *Деньги, банковский кредит и экономические циклы*. Челябинск: Социум.
- Федоровский А. Н. 2010. Южнокорейская экономическая и политическая системы в условиях мирового кризиса. *Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса* / Ред. В. Б. Амиров, Е. А. Канаев, В. В. Михеев, с. 58–70. М.: ИМЭМО РАН.
- Федотова М., Плескачевский В., Рутгайзер В., Будицкий А. 2009. Поведенческая оценка: концепция поведенческих финансов и ее применение в оценке бизнеса. *Вопросы экономики* 5: 104–117.
- Фельдман А. 2009. Современный экономический кризис и производные финансовые инструменты. *Вопросы экономики* 5: 59–68.
- Фентон У. Н. 1978. Ирокезы в истории. *Североамериканские индейцы* / Ред. Ю. П. Аверкиева, с. 109–156. М.: Прогресс.
- Фишер Й. 2011. *Китай как сверхдержава* URL: <http://www.csef.ru/studies/politics/projects/china/articles/1768>.
- Фокин В. 2010. Прятки на высшем уровне. *РБК*. Итоговый выпуск 1: 72–75.
- ФОМ (Фонд Общественное Мнение). 2011а. Динамика цен. Доминанты. *Поле мнений* 29: 15–20. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d29dc11.pdf>.
- ФОМ (Фонд Общественное Мнение). 2011б. Уровень протестных настроений. Доминанты. *Поле мнений* 30: 11–13. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d30ypn11.pdf>.
- Форстер У. 1955. *Очерк политической истории Америки*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Франк А. Г. 2002. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации*. Т. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории* / Ред. А. О. Чубарьян, с. 192–203. М.: Наука.
- Френкель М. Ю. 1999. *История Либерии в новое и новейшее время*. М.: Вост. лит-ра.
- Фридман А. А. 1973. *Египет 1882–1952 гг. Социально-экономическая структура деревни*. М.: Наука.
- Фридман М. 2002. *Основы монетаризма*. М.: ТЕИС.
- Фураев В. К. 1975. Соединенные Штаты Америки. *Новейшая история зарубежных стран. Европа и Америка. 1917–1939* / Ред. В. К. Фураев, с. 238–257. М.: Просвещение.
- Фурман Д. 2010. *Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем*. М.: Весь мир.
- Фэй Сяотун. 1989. *Китайская деревня глазами этнографа*. М.: Наука.
- Хаберлер Г. 2008 [1937]. *Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний*. Челябинск: Социум.

- Хайек Ф. 2008.** *Цены и производство*. Челябинск: Социум.
- Хайльманн Д., Майш, М. 2009.** Великобритания на грани дефолта. *РБК Daily*. 23 ноября. URL: <http://www.stockportal.ru/main/invest/world/articles/rbcy>.
- Халаф Р. 2011.** Восемь уроков Арабской весны. *Голос России* 1.08.2011. URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/08/01/53998820.html>.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2006.** *Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России*. М.: КомКнига/URSS.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. (Ред.) 2008.** *Алкогольная катастрофа и потенциал алкогольной политики в снижении алкогольной смертности в России*. М.: ЛКИ/URSS.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010.** Системный мониторинг глобального и регионального развития. *Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 11–188. М.: Либроком/URSS.
- Ханин Г. И. 1975.** Кризис финансовый. *Экономическая энциклопедия. Политическая экономика* / Ред. А. М. Румянцев. Т. 2, с. 311–312. М.: Советская энциклопедия.
- Хансен Э. 1959.** *Экономические циклы и национальный доход*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Хедж-фонды: кошмар нашего времени или нормальные инвесторы? 2007.** URL: http://www.stockportal.ru/main/invest/world/articles/hedge_funds. Дата доступа: 08.05.07.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. 2004.** *Глобальные трансформации. Политика. Экономика. Культура*. М.: Праксис.
- Хикс Дж. Р. 1993.** *Стоимость и капитал*. М.: Прогресс.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012.** Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 463–507. М.: УРСС.
- Хохлов А. Н. 1972.** Феодалная Цинская империя в XVII–XVIII вв. *Новая история Китая* / Ред. Л. Тихвинский, с. 13–100. М.: Наука; Главная ред. вост. лит-ры.
- Хуан Я. 2010.** *Капитализм по-китайски. Государство и бизнес*. М.: Альпина Паблишерз.
- Ху Аньган. 2005.** Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? *Проблемы Дальнего Востока* 1: 34–42.
- Цирель С. В. 2010.** Почему в России произошла революция? *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 176–197. М.: Изд-во ЛКИ.
- Цирель С. В. 2012а.** Революции, волны революций и Арабская весна. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 128–161. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Цирель С. В. 2012б.** Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 162–173. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Черкасов П., Чернышевский Д. 1994.** *История императорской России от Петра Великого до Николая II*. М.: Международные отношения.
- Черковец О. 2011.** Мировая экономика в ожидании нового лидера: им будет Китай. *Общество и экономика* 8–9: 277–291.
- Чернавский Д. С., Старков Н. И., Щербаков А. В. 2002.** Динамическая модель поведения общества. Синергетический подход к макроэкономике. *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие* / Ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов, с. 239–290. М.: Наука.

- Черчилль У. 2006.** *Британия в Новое время (XVI–XVII вв.)*. Смоленск: Русич.
- Чжао Вэньлинь, Си Шудзюнь. 1988.** *История населения Китая*. Пекин: Народное издательство (на кит. яз.).
- Чирикова А. Е. 1999.** Личностные предпосылки успешности деятельности российских предпринимателей. *Психологический журнал* 3: 81–92.
- Чистозвонов А. Н. 1978.** Генезис капитализма в Нидерландах. *Проблемы генезиса капитализма* / Ред. А. Н. Чистозвонов, с. 71–177. М.: Наука.
- Чистозвонов А. Н. 1993.** Нидерланды. *История Европы* / Ред. Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург. Т. 3, с. 58–67. М.: Наука.
- Шапиро Н. 2008.** Дж. М. Кейнс как завершающий экономист «мейнстрима» и предвестник теоретико-методологического плюрализма. *Вопросы экономики* 1: 120–130.
- Шостак Ф. 2005.** Где мы находимся и куда нас несет. *Экономический цикл: анализ австрийской школы* / Ред. А. В. Куряев, с. 3–25. Челябинск: Социум.
- Шпенглер О. 1991.** Закат Европы. Т. 2: [Фрагмент]. *Мир философии: Книга для чтения*. Ч. 2. Человек. Общество. Культура. М.: Политиздат.
- Штефан Е. 2008.** Пенсионные фонды США потеряли два триллиона долларов. URL: <http://www.nr2.ru/economy/199830.html>.
- Штокмар В. В. 1957.** *Очерки по истории Англии XVI в.* Л.: Изд-во ЛГУ.
- Штокмар В. В. 1962.** *Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Штокмар В. В. 2005.** *История Англии в средние века*. СПб.: Алетейя.
- Штомпка П. 1996.** *Социология социальных изменений*. М.: Аспект-Пресс.
- Шульц Д. П., Шульц С. Э. 2002.** *История современной психологии*. СПб.: Евразия.
- Шумпетер Й. 1982.** *Теория экономического развития*. М.: Прогресс.
- Щеглов С. И. 2009.** Циклы Кондратьева в 20 веке, или Как сбываются экономические прогнозы. URL: <http://schegloff.livejournal.com/242360.html#cutid1>.
- Щербатых Ю. В. 2008.** *Психология предпринимательства и бизнеса*. СПб.: Питер.
- Энтов Р. М. 1979.** Психологическая теория цикла. *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия* / Ред. А. М. Румянцев. Т. 3, с. 405–406. М.: Советская энциклопедия.
- Юсим В. 2009.** Первопричина мировых кризисов. *Вопросы экономики* 1: 28–39.
- Язьков Е. Ф. 2001.** *История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945)*. Новосибирск: Изд-во НГУ.
- Яковец Ю. В. 2001.** *Наследие Н. Д. Кондратьева: взгляд из XXI века*. М.: МФК.
- Якубский В. А. 1975.** *Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Ярон Д. 2011.** Шиитский полумесяц станет круглым. *Germania-online.ru*. URL: <http://www.germania-online.ru/publikacii/ip/ip-detail/datum/2011/04/04/shiitskii-polumesjastanet-kruglym.html>.
- Ястребицкая А. Л. 1988.** Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города. *Средние века* 51: 58–79.
- Abd al-Rahman S. F. (ed.). 2010.** *Nashrat Suq al-`amal al-misriyy*. Nashrah rub` sanawiyyah. I III-2010. al-Qahirah: Wizarat al-qiwa al-`amilah wa-l-hijrah.
- Abel W. 1974.** *Massenarmut und Hungerkrisen im vorindustriellen Europa. Versuch einer Synopsis*. Hamburg: Parey.

- Abel W. 1980.** *Agricultural Fluctuations in Europe from the Thirteenth to the Twentieth Centuries*. New York, NY: St. Martin's.
- Abel A. B., Bernanke B. S. 2008.** *Macroeconomics*. 6th ed. New York: Addison Wesley.
- Abdulla R. A. 2007.** *The Internet in the Arab World: Egypt and beyond*. New York: Peter Lang.
- Abrahamian E. 2008.** *A History of Modern Iran*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Abramovitz M. 1961.** The Nature and Significance of Kuznets Cycles. *Economic Development and Cultural Change* 9/3: 225–248.
- Adejumobi S. A. 2007.** *The History of Ethiopia*. Westport, CT: Greenwood.
- Adnkronos. 2011.** Oman: “Six killed” in Sunday's Pro-democracy Protests. *Adnkronos.com* 28.02. URL: http://www.adnkronos.com/IGN/Aki/English/Security/Oman-Six-killed-in-Sundays-pro-democracy-protests_311735597579.html.
- Akaev A., Fomin A., Tsirel S., Korotayev A. 2011.** Log-Periodic Oscillation Analysis Forecasts the Burst of the “Gold Bubble”. *Structure & Dynamics* 5/1: 3–18.
- Akaev A., Fomin A., Korotayev A. 2011.** The Second Wave of the Global Crisis? On Mathematical Analysis of Some Dynamic Series. *Structure & Dynamics* 5/1: 19–29.
- Akaev A., Sadovnichii V., Korotayev A. 2011.** Explosive Rise in Gold and Oil Prices as a Precursor of a Global Financial and Economic Crisis. *Doklady Mathematics* 83/2: 1–4.
- Åkerman J. 1932.** *Economic Progress and Economic Crises*. London: Macmillan.
- Akokpari J. 2007.** “You Don't Belong Here”: Citizenship and Africa's Conflicts – Reflections on Ivory Coast. *African Conflicts: Management, Resolution and Post-conflict Recovery and Development* / Ed. by P. Zeleza, pp. 88–105. Oxford: James Currey.
- Al-'Alam. 2011.** Saleh yu'linu mujaddidan 'azma-hu naql al-sulta li naibi-h. *Al-'Alam* 05.11. URL: <http://www.alalam.ir/news/820824>.
- Al-Arabiya. 2011.** Salih yu'akkidu 'adam takhalli-hi 'an al-sulta li-l-munshaqqin. *Al-Arabiya* 30.09. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/09/30/169394.html>.
- Al-Jazeera. 2001a.** Da'awat li-l-hasm wa jarha bi San'a wa Ta'iz. *Al-Jazeera*. 07.10. URL: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/745A76DC-F479-4AF8-AB23-EC6AB91EECF8.htm?GoogleStatID=9>.
- Al-Jazeera. 2011b.** Fauz Tawakkul Karman fi 'uyun al-yamaniyiin. *Al-Jazeera*. 08.10. URL: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/C4217738-F782-429F-A603-33DF1C470026.htm?GoogleStatID=9>.
- Al-Jazeera. 2011c.** 'Ishruna qatilan bi Suriya fi “jum'ati-l-majlis”. *Al-Jazeera*. 08.10. URL: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/412322CD-C0C1-4446-9BBB-7DF988D39D40.htm?GoogleStatID=9>.
- Al-Jazeera. 2011d.** Al-thuwwar yakaththifuna hujumahum bi-wasat Sirt. *Al-Jazeera*. 08.10. URL: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/2DB24FF7-560E-4A6B-A350-8F8778D50142.htm?GoogleStatID=1>.
- Al-jihaz al-markaziyy. 2010.** *Al-jihaz al-markaziyy li-l-ta'bi'ah al-'ammah wa-l-ihsa'*. *Bahth al-qiwa al-'amilah li-l-rub' al-thalith (yulyu/aghustus/sibtimbir)*. Al-Qahirah: Al-jihaz al-markaziyy li-l-ta'bi'ah al-'ammah wa-l-ihsa'. Retrieved on the 15th of February, 2011. URL: <http://www.capmas.gov.eg/news.aspx?nid=491>.
- Allen R. C. 1992.** *Enclosure and the Yeoman*. Oxford: Clarendon Press.
- Allen R. C., Bassin J.-P., Ma D., Moll-Murata C., van Zanden J. L. 2005.** *Wages, Prices, and Living Standards in China, Japan, and Europe, 1738–1925*. Paper presented at the Global Economic History Network (GEHN) Conference “The Rise, Organization, and Institutional Framework of Factor Markets” (Utrecht, June 2005).

- Al-Sharq Al-Awsat 2011a.** Al-Yemen: muthaharat hashida fi-al-shimal wa al-janub didda nizam al-ra'is Saleh. *Al-Sharq Al-Awsat, Al-Qahirah*. 15.10. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=645139&issueno=12009>.
- Al-Sharq Al-Awsat 2011b.** Muzaharat fi-l-Urdun li-l-mutalabah bi-tasri' watirati-l-islak wa muharabati-l-fasad. *Al-Sharq Al-Awsat, Al-Qahirah*. 15.10. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=12009&article=645142&feature>.
- Al-Tabi'i H. 2011.** Jeeran thalatha bila ruasa. *Al-Sharq Al-Awsat, Al-Qahira*. 23.08. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=11956&article=637046&feature>.
- Amin S., Arrighi G., Frank A. G., Wallerstein I. 2006.** *Transforming the Revolution: Social Movements and the World-System*. Delhi: Aakar.
- An E. 2011.** China Resources Cement to Boost Capacity 33 % in 2011. *China Daily* 08.03. URL: http://www.chinadaily.com.cn/hkedition/2011-03/08/content_12131848.htm.
- Antolin P. 2008.** *Pension Fund Performance*. OECD Working Papers on Insurance and Private Pensions 20. Paris: OECD.
- Antolin P., Stewart F. 2009.** *Private Pensions and Policy Responses to the Financial and Economic Crisis*. OECD Working Paper on Insurance and Private Pensions no. 36. Organisation for Economic Co-operation and Development, Paris. URL: <http://politicalscience.concordia.ca/canadaresearchchair/officialdocuments/internationalorganizations/documents/Hinzetal.2010EvaluatingtheFinancial....pdf>.
- Aoki T. 2002.** Aspects of Globalization in Contemporary Japan. In Berger and Huntington 2002: 68–89.
- Armengaud A. 1976.** Population in Europe 1700–1914. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 22–76. London: Harvester.
- Artzrouni M., Komlos J. 1985.** Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41/3–4: 21–39.
- Auty R. M. 1993.** *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. London: Routledge.
- Ayres R. U. 2006.** Did the Fifth K-Wave Begin in 1990–92? Has it been Aborted by Globalization? *Kondratieff Waves, Warfare and World Security* / Ed. by T. C. Devezas, pp. 57–71. Amsterdam: IOS Press.
- Bacevich A. 2002.** *American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bairoch P. 1971.** *Le tiers-monde dans l'impasse. Le démarrage économique du XVIIIe au XXe siècle*. Paris: Gallimard.
- Bairoch P. 1976.** Agriculture and the Industrial Revolution 1700–1914. *The Fontana Economic History of Europe. Vol. 3: The Industrial Revolution, 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 452–506. London: Harvester.
- Barfield T. 1989.** *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Cambridge: Blackwell.
- Barr K. 1979.** Long Waves: A Selective Annotated Bibliography. *Review* 2/4: 675–718.
- BBC. 2011a.** *Libya Protests: Evacuation of Foreigners Continues*. *BBC News – Middle East* 25.02. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12552374>.
- BBC. 2011b.** *Al-Bahrein: nashituna yuakkiduna khuruj muthaharat fi ba'd-al-kura ba'da raf'i halati-t-tawari*. 01.07. URL: http://www.bbc.co.uk/arabic/middleeast/2011/06/110531_bagrain_call_demo_warning.shtml.
- BBC. 2011c.** Middle East Protests: Country by Country. *BBC News – Middle East* 11.07. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-12482309>.
- BBC. 2011d.** *Ila aina tattajihu al-haraka al-ihitijajiya fi-l-Bahrein?* 01.09. URL: <http://newsforums.bbc.co.uk/ws/ar/thread.jspa?forumID=14472>.

- BBC. 2011e.** *Al-Bahrein: wafa shab mutaaththiran bi isabatihi fi ishtibakat ma`a al-shurta.* 08.10.2011. URL: http://www.bbc.co.uk/arabic/middleeast/2011/10/111007_bahrain_teenager_shot_dead_clashes.shtml.
- BBC. 2011f.** *Clashes Break out at Jordan Anti-government Protest.* 25.03. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12857360>.
- BBC. 2011i.** *Egypt PM Essam Sharaf Urges Calm after Cairo Clashes.* 10.10. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-15235636>.
- Bercovitch J., Jackson R. 1997.** *International Conflict: A Chronological Encyclopedia of Conflicts and Their Management, 1945–1995.* Washington, DC: Congressional Quarterly.
- Berend I. T. 2002.** Economic Fluctuation Revisited. *European Review* 10/3: 305–316.
- Berg M. 2007.** From Globalization to Global History. *History Workshop Journal* 64: 335–340.
- Berger, P. L., and Huntington, S. P. (Eds.) 2002.** *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World.* New York, NY: Oxford University.
- Bergier J.-F. 1976.** The Industrial Bourgeoisie and the Rise of the Working Class 1700–1914. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla. London: Harvester Press.
- Bernanke B., Gertler M., Gilchrist S. 1998.** *The Financial Accelerator in Quantitative Business Cycle Framework.* Cambridge, MA: NBER.
- Bernstein E. M. 1940.** War and the Pattern of Business Cycles. *American Economic Review* 30: 524–535.
- Bernstein A. 2002.** Globalization, Culture, and Development. Can South Africa be More Than an Offshoot of the West? *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* / Ed. by P. L. Berger, S. P. Huntington, pp. 185–250. New York: Oxford University.
- Berry B. J. L. 1991.** *Long Wave Rhythms in Economic Development and Political Behavior.* Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Berthelsen J. 2011.** Is This the China that Can't? *Asia Sentinel* 18 May. URL: [http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3200&Itemid=422%20\(http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3200&Itemid=422\)](http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3200&Itemid=422%20(http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3200&Itemid=422)).
- Besomi D. 2005.** *Clément Juglar and the Transition from Crises Theory to Business Cycle Theories.* Paper prepared for a Conference on the Occasion of the Centenary of the Death of Clement Juglar. Paris, 2 December 2005.
- Beveridge W. H. 1921.** Weather and Harvest Cycles. *The Economic Journal* 31: 429–449.
- Beveridge W. H. 1922.** Wheat Prices and Rainfall in Western Europe. *Journal of the Royal Statistical Society* 85/3: 412–475.
- BFM. 2011.** Мировое производство стали в 2010 году достигло рекорда. *BFM* 21.01. URL: <http://www.bfm.ru/news/2011/01/21/mirovoe-proizvodstvo-stali-v-2010-godu-dostiglo-rekorda.html>.
- Bieshaar H., Kleinknecht A. 1984.** Kondratieff Long Waves in Aggregate Output? An Econometric Test. *Konjunkturpolitik* 30/5: 279–303.
- Black C. E. 1966.** *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History.* New York: Harper & Row.
- Blum J., Cameron R., and Barnes Th. G. 1970.** *The European World: A History.* 2nd ed. New York: Little Brown & Co.
- Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011.** Social Evolution: Alternatives and Variations (Introduction). *Evolution: Cosmic, Biological, and Social* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, A. V. Korotayev, and F. Spier, pp. 212–250. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- Bray F. 1984.** Agriculture. *Science and Civilization in China* / Ed. by J. Needham. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

- Brodsgaard K. E. 2006.** Review for Minxin Pei, China's Trapped Transition: The Limits of Developmental Autocracy. *The Copenhagen Journal of Asian Studies* 24: 139–141.
- Brzezinski Z. 1997.** *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books.
- Burnham J. 1941.** *The Managerial Revolution*. New York: Van Rees Press.
- Burns A. F., Mitchell W. C. 1946.** *Measuring Business Cycles*. New York: National Bureau of Economic Research.
- Cameron R. 1989.** *A Concise Economic History of World*. New York: Oxford University Press.
- CAPMAS. 2010.** Al-jihaz al-markaziyy li-l-ta'bi'ah al-'ammah wa-l-ihsa'. *Bahth al-qiwa al-'amilah li-l-rub' al-thalith (yulyu/aghustus/sibtimbir)*. al-Qahirah: Al-jihaz al-markaziyy li-l-ta'bi'ah al-'amah wa-l-ihsa'. Retrieved 15th of February, 2011. URL: <http://www.capmas.gov.eg/news.aspx?nid=491>.
- Carneiro R. L. 2000.** *The Muse of History and the Science of Culture*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers.
- Cassard M. 1994.** *The Role of Offshore Centers in International Financial Intermediation*. IMF Working Paper 94/107. Washington, D.C.: IMF.
- Cassel G. 1932.** *Theory of Social Economy*. London.
- Chao Kang. 1986.** *Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis*. Stanford: Stanford University Press.
- Chase-Dunn Ch., Grimes P. 1995.** World-Systems Analysis. *Annual Review of Sociology* 21: 387–417.
- Chase-Dunn Ch., Manning S. 2002.** City Systems and World-Systems: Four Millennia of City Growth and Decline. *Cross-Cultural Research* 36/4: 379–398.
- Chase-Dunn Ch., Podobnik B. 1995.** The Next World War: World-System Cycles and Trends. *Journal of World-Systems Research* 1/6: 1–47.
- Chen V., Gupta A., Therrien A., Levanon G., Ark B. 2010.** Recent Productivity Developments in the World Economy: An Overview from the Conference Board Total Economy Database. *International Productivity Monitor* 19: 3–19. URL: <http://prof-standart.org/wp-content/uploads/2011/01/IPM-19-vanark>.
- Chesnais J. C. 1992.** *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Clarendon Press.
- Christian D. 2004.** *Maps of Time: an Introduction to Big History*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Chu C. Y. C., Lee R. D. 1994.** Famine, Revolt, and the Dynastic Cycle: Population Dynamics in Historic China. *Journal of Population Economics* 7: 351–378.
- CIA = Central Intelligence Agency. 2011.** *The World Factbook. Country Comparison: Unemployment Rate*. Washington, DC: CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129rank.html>.
- Claessen H. J. M. 1989.** Evolutionism in Development. *Vienne Contributions to Ethnology and Anthropology* 5: 231–247.
- Claessen H. J. M. 2000.** Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotaev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 1–11. Vladivostok: FEB RAS.
- Claessen H. J. M., and Skalniĳ P. (Eds.) 1978.** *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., and Skalniĳ P. (Eds.) 1981.** *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Clark C. 1957.** *The Conditions of Economic Progress*. London: Macmillan.

- Clark J. M. 1934.** *Strategic Factors in Business Cycles*. New York: National Bureau of Economic Research.
- Clark P., Lepetit B. (Eds.) 1996.** *Capital Cities and Their Hinterlands in Early Modern Europe*. Aldershot: Scolar Press.
- Clarkson L. A. 1971.** *The Pre-Industrial Economy, 1500–1750*. London: Batsford.
- Cleary M. N., Hobbs G. D. 1983.** The Fifty Year Cycle: A Look at the Empirical Evidence. *Long Waves in the World Economy* / Ed. by Chr. Freeman, pp. 164–182. London: Butterworth.
- Cleveland W. 1936.** *The Population Problem in Egypt. A Study of Population Trends and Conditions in Modern Egypt*. Lancaster, PN: Science Press.
- Clodfelter M. 1992.** *Warfare and Armed Conflict: A Statistical Reference to Casualty and Other Figures, 1618–1991*. 2 vols. London: McFarland.
- Conference Board. 2011.** *The Conference Board Total Economy Database*, January 2011. URL: <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/>.
- Conference Board. 2012.** *The Conference Board Total Economy Database*, January 2012. URL: <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/>.
- Crafts N. F. R. 1987.** British Economic Growth, 1700–1850; Some Difficulties of Interpretation. *Exploration in Economic History* 24/3: 245–268.
- Craig J. I. 1917.** The Census of Egypt. *L'Egypte Contemporaine* 8: 209–234.
- Crowder M., Fage J. D., Oliver R. (Eds.) 1986.** *The Cambridge History of Africa*. Vol. 8. New York, NY: Cambridge University Press.
- Daly J. 2011.** China's Electrical Needs Soon to Outstrip Production. *Oilprice.com* 31.10. URL: <http://oilprice.com/Energy/Energy-General/China-s-Electrical-Needs-Soon-to-Outstrip-Production.html>.
- Dar Al Hayat 2011.** *Suriya: tawaghghul amaniyy dakhila-l-mudun wa-'ghtiyalat wa-ihrak mabanin baladiyya*. Dar Al Hayat 27.09. URL: <http://international.daralhayat.com/internationalarticle/311842>.
- Dator J. 2006.** Alternative Futures for K-Waves. *Kondratieff Waves, Warfare and World Security* / Ed. by T. C. Devezas, pp. 311–317. Amsterdam: IOS Press.
- Davis J. 1969.** Toward a Theory of Revolution. *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* / Ed. by B. McLaughlin, pp. 85–108. New York: Free Press.
- Davis K. 1955.** The Origin and Growth of Urbanization in the World. *The American Journal of Sociology* 60/5: 429–437.
- Delbeke J. 1987.** Long-Term Trends in Belgian Money Supply, 1877–1984. *The Long-Wave Debate* / Ed. by T. Vasko, pp. 313–325. Berlin: Springer-Verlag.
- Dent S. H. Jr. 1998.** *The Roaring 2000s*. Riverside, NJ: Simon and Sohuster.
- Devezas T. C. (Ed.) 2006.** *Kondratieff Waves, Warfare and World Security*. Amsterdam: IOS Press.
- Devezas T., Corredine J. T. 2001.** The Biological Determinants of Long-wave Behaviour in Socioeconomic Growth and Development. *Technological Forecasting & Social Change* 68: 1–57.
- Devezas T., Corredine J. 2002.** The Nonlinear Dynamics of Technoeconomic Systems. An Informational Interpretation. *Technological Forecasting and Social Change* 69: 317–357.
- DiBacco Th. V., Mason L. C., Appy Ch. G. 1992.** *History of the United States. 2: Civil War to the Present*. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Dickson D. 1983.** Technology and Cycles of Boom and Bust. *Science* 219/4587: 933–936.

- Diebolt C., Doliger C. 2006.** Economic Cycles under Test: A Spectral Analysis. *Kondratieff Waves, Warfare and World Security* / Ed. by T. C. Devezas, pp. 39–47. Amsterdam: IOS Press.
- Dols M. W. 1977.** *The Black Death in the Middle East*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Duijn J. J. van. 1979.** The Long Wave in Economic Life. *De Economist* 125/4: 544–576.
- Duijn J. J. van. 1981.** Fluctuations in Innovations over Time. *Futures* 13/4: 264–275.
- Duijn J. J. van. 1983.** *The Long Wave in Economic Life*. Boston, MA: Allen and Unwin.
- Dumas Ch. 2008.** *China and America: A Time of Reckoning*. London: Profile Books.
- Dupriez L. H. 1947.** *Des mouvements économiques généraux*. Vol. 2. Pt. 3. Louvain: Institut de recherches économiques et sociales de l'université de Louvain.
- EIA = Enegry Information Administration. 2011.** *Daily Europe Brent Spot Price FOB. Dollars per Barrel*. URL: <http://tonto.eia.doe.gov/dnav/pet/hist/rbrted.htm>.
- Egypt State Information Service. 2006.** *Local and Rural Development, SIS Yearbook 2006*. Cairo: Egypt State Information Service. URL: <http://www.sis.gov.eg/en/Story.aspx?sid=2356>.
- Eichengreen B. 2011.** Slowing China. *Project Syndicate*. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/eichengreen28/English>.
- Eklund K. 1980.** Long Waves in the Development of Capitalism? *Kyklos* 33/3: 383–419.
- Epstein S. R. 1991.** The Past and Present Society Cities, Regions and the Late Medieval Crisis: Sicily and Tuscany Compared. *Past and Present* 130: 3–50.
- Epstein S. R. 1994.** Regional Fairs, Institutional Innovation, and Economic Growth in Late Medieval Europe. *The Economic History Review* 47/3: 459–482.
- Evans-Pritchard A. 2011.** Will “Chindia” rule the world in 2050, or America after all? *The Telegraph* 28.02. URL: http://www.telegraph.co.uk/finance/comment/ambroseevans_pritchard/8350548/Will-Chindia-rule-the-world-in-2050-or-America-after-all.html.
- Ewijk C. van. 1982.** A Spectral Analysis of the Kondratieff Cycle. *Kyklos* 35/3: 468–499.
- Fairbank J. K. 1992.** *China: A New History*. Cambridge, MA: Belknap.
- FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nation). 2011a.** *Monthly Real Food Price Indices*. URL: http://typo3.fao.org/fileadmin/templates/worldfood/Reports_and_docs/Food_price_indices_data_deflated.xls.
- FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nation). 2011b.** *FAOSTAT. Food and Agriculture Organization Statistics*. URL: <http://faostat.fao.org/>.
- Fei Hsiao-t'ung. 1939.** *Peasant Life in China*. New York: Dutton.
- Fischer D. H. 1996.** *The Great Wave*. Oxford: Oxford University Press.
- Fisk R. 1990.** *Pity the Nation*. London: Touchstone.
- Foerster H. von. 1959.** Some Remarks on Changing Populations. *The Kinetics of Cell Proliferation* / Ed. by F. Stohlmán, pp. 382–407. New York: Grune and Stratton.
- Forrester J. W. 1978.** *Innovation and the Economic Long Wave*. MIT System Dynamics Group working paper. Cambridge, MA: MIT.
- Forrester J. W. 1981.** *The Kondratieff Cycle and Changing Economic Conditions*. MIT System Dynamics Group working paper. Cambridge, MA: MIT.
- Forrester J. W. 1985.** Economic Conditions Ahead: Understanding the Kondratieff Wave. *Futurist* 19/3: 16–20.
- Frank A. G. 1990.** A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History. *Review* 13/2: 155–248.
- Frank A. G. 1993.** The Bronze Age World System and its Cycles. *Current Anthropology* 34: 383–413.

- Frank A. G. 1998.** ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, CA: University of California Press.
- Frank A. G., Gills B. K. (Eds.) 1993.** *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* London: Routledge.
- Freeman C. 1987.** Technical Innovation, Diffusion, and Long Cycles of Economic Development. *The Long-Wave Debate* / Ed. by T. Vasko, pp. 295–309. Berlin: Springer.
- Freeman C., Louçã F. 2001.** *As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution.* Oxford: Oxford University Press.
- Friedman T. 1998.** *From Beirut to Jerusalem.* London: HarperCollins.
- Fuller G. E. 2004.** *The Youth Crisis in Middle Eastern Society.* Clinton Township, MI: Institute for Social Policy and Understanding.
- Galbraith J. K. 1979.** *The Great Crash, 1929.* Boston, MA: Houghton Mifflin.
- Gao Changxin. 2011.** Iron Ore Monopoly may End by 2015. *China Daily* 25.03.11. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2011-03/25/content_12225742.htm.
- Garvy G. 1943.** Kondratieff's Theory of Long Cycles. *Review of Economic Statistics* 25/4: 203–220.
- Gelderen J. van [J. Fedder pseudo]. 1913.** Springvloed: Beschouwingen over industriele ontwikkeling en prijsbeweging (Spring Tides of Industrial Development and Price Movements). *De nieuwe tijd* 18.
- Gellner E. 1983.** *Nations and Nationalism.* Oxford: Blackwell.
- Gille B. 1976.** Banking and Industrialisation in Europe 1730–1914. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 255–300. London: Harvester Press.
- Glismann H. H., Rodemer H., Wolter W. 1983.** Long Waves in Economic Development: Causes and Empirical Evidence. *Long Waves in the World Economy* / Ed. by Chr. Freeman, pp. 135–163. London: Butterworth.
- Goldstein J. 1988.** *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age.* New Haven, CT: Yale University Press.
- Goldstone J. A. 1984.** Urbanization and Inflation: Lessons from the English Price Revolution of the Sixteenth and Seventeenth Centuries. *The American Journal of Sociology* 89/5: 1122–1160.
- Goldstone J. 1988.** East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey and Ming China. *Comparative Studies in Society and History* 30: 103–142.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. A. 1992.** [Rev.]: Urbanization in History: A Process of Dynamic Interactions by Ad van der Woude, Akira Hayami, Jan de Vries. *Population and Development Review* 18/1: 179–181.
- Goldstone J. 2002.** Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56/1: 3–22.
- Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M. A., Marshall M. G., Bates R. H., Epstein D. L., Kahl C. H., Surko P. T., Ulfelder J. C., Unger Jr., Unger A. N. 2000.** *State Failure Task Force Report: Phase III Findings.* McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC). URL: <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/stfail/>.
- Gordon D. M. 1978.** Up and Down the Long Roller Coaster. *U.S. Capitalism in Crisis* / Ed. by B. Steinberg, pp. 22–34. New York: Economics Education Project of the Union for Radical Political Economics.
- Grinin L. 2003.** The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1: 131–176.

- Grinin L. 2004.** The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 88–136. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2006.** Periodization of History: A Theoretic-Mathematical Analysis. *History & Mathematics: Analyzing and Modeling Global Development* / Ed. by L. Grinin, V. de Munck, A. Korotayev, pp. 10–38. Moscow: KomKniga/URSS.
- Grinin L. E. 2007a.** Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-mathematical Approach. *Social Evolution & History* 6/2: 11–55.
- Grinin L. E. 2007b.** Production Revolutions and the Periodization of History. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 77/2: 150–156.
- Grinin L. E. 2007c.** Artzrouni – Komlos Mathematical Model of the World-system Economic and Demographic Development: A Re-interpretation. *Proceedings of the 2nd International Conference “Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics (MMSED-2007, June 20–22, 2007, Moscow, Russia)* / Ed. by M. G. Dmitriev, A. P. Petrov, N. P. Tretyakov, pp. 52–54. Moscow: RUDN.
- Grinin L. E. 2008a.** Globalization and Sovereignty: Why do States Abandon Their Sovereign Prerogatives? *Age of Globalization* 1: 22–32.
- Grinin L. E. 2008b.** Transformation of Sovereignty and Globalization. *Hierarchy and Power in the History of Civilisations: Political Aspects of Modernity* / Ed. by L. Grinin, D. Beliaev, A. Korotayev, pp. 191–224. Moscow: LIBROCOM/URSS.
- Grinin L. E. 2008c.** Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7/1: 67–81.
- Grinin L. E. 2009a.** Globalization and the Transformation of National Sovereignty. In Sheffield, J. (eds.), *Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* (pp. 47–53). Goodyear: ISCE Publishing.
- Grinin L. E. 2009b.** Transformation of Sovereignty and Globalization. *Hierarchy and Power in the History of Civilisations: Political Aspects of Modernity* / Ed. by L. E. Grinin, D. D. Beliaev, and A. V. Korotayev, pp. 191–224. Moscow: LIBROCOM/URSS.
- Grinin L. E. 2009c.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution & History* 8/1: 92–132.
- Grinin L. E. 2010.** Which Global Transformations Would the Global Crisis Lead to? *Age of Globalization* 2: 31–52.
- Grinin L. E. 2011a.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. E. 2011b.** The Chinese Joker in the World Pack. *Journal of Globalization Studies* 2(2): 7–24.
- Grinin L. E. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2006.** Political Development of the World System: A Formal Quantitative Analysis. *History and Mathematics. Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. Grinin, A. Korotayev, V. de Munk, pp. 115–153. Moscow: KomKniga/URSS.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2009a.** The Epoch of the Initial Politogenesis. *Social Evolution & History* 8/1: 52–91.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2009b.** Social Macroevolution: Growth of the World System Integrity and a System of Phase Transitions. *World Futures* 65/7, October: 477–506.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010a.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations. 1. The Global Financial System: Pros and Cons. *Journal of Globalization Studies* 1/1: 70–89.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010b.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1/2: 166–183.

- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011a.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011b.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Social Evolution & History*. Special Issue. *Chiefdoms: Theories, Problems, and Comparisons*. 10/1: 276–335.
- Grinin L., Korotayev A., Malkov S. 2010.** A Mathematical Model of Juglar Cycles and the Current Global Crisis. *History & Mathematics. Processes and Models of Global Dynamics* / Ed. by L. Grinin, P. Herrmann, A. Korotayev, A. Tausch, pp. 138–187. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Korotayev A. V., Rodrigue B. H. (Ed.) 2011.** *Evolution: A Big History Perspective*. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- Haberler G. 1958.** *Prosperity and Depression. Theoretical Analysis of Cyclical Movements*. London.
- Haberler G. 1964.** *Prosperity and Depression: A Theoretical Analysis of Cyclical Movements*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and 'Fragile States': Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7/1: 82–106.
- Haldane J. T. 1989.** Weak Oil Market Hampering Arab Development Efforts. *Washington Report on Middle East Affairs* January: 39.
- Hall T., Chase-Dunn C., Niemeyer R. 2009.** The Roles of Central Asian Middlemen and Marcher States in Afroeurasian World-System Synchrony. *The Rise of Asia and the Transformation of the World-System* / Ed. by G. Trinchur. Boulder, CO: Paradigm Press.
- Hallpike C. R. 1986.** *Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon.
- Hartwell R. M. 1976.** The Service Revolution: The Growth of Services in Modern Economy 1700–1914. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 358–396. London: Harvester.
- Haustein H.-D., Neuwirth E. 1982.** Long Waves in World Industrial Production, Energy Consumption, Innovations, Inventions, and Patents and Their Identification by Spectral Analysis. *Technological Forecasting and Social Change* 22: 53–89.
- Hawtrey R. G. 1913.** *Good and Bad Trade*. London: Longmans.
- Hawtrey R. G. 1926.** *Monetary Reconstruction*. 2nd ed. London: Longmans.
- Hawtrey R. G. 1928.** *Trade and Credit*. 2nd ed. London: Longmans.
- Hayek F. A. von. 1931.** *Prices and Production*. London: Routledge.
- Hayek F. A. von. 1933.** *Monetary Theory and the Trade Cycle*. London: Jonathan Cape.
- Heijdra M. 1998.** The Socio-Economic Development of Rural China during the Ming. *The Cambridge History of China*. Vol. 8. *The Ming Dynasty, 1368–1644*. Part 2 / Ed. by D. Twitchett, F. W. Mote, pp. 417–578. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Heinsohn G. 2003.** *Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli Verlag.
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. 1999.** *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Hinz R., Rudolph H. P., Antolín P., and Yermo J. 2010.** *Evaluating the Financial Performance of Pension Funds*. Washington, DC: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.
- Hirooka M. 2006.** *Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective*. Cheltenham, UK – Northampton, MA: Edward Elgar.
- Hirst D. 1977.** How High Life and Scandal Rocked Sadat. *MERIP Reports* 54: 19–20.
- Hodder I. 1978.** Simulation in Population Studies. *Simulation Studies in Archeology* / Ed. by I. Hodder, pp. 59–62. Cambridge: Cambridge University Press.

- Hoffman P. T. 1996.** *Growth in a Traditional Society. The French Countryside, 1450–1815.* Princeton: Princeton University Press.
- Ho Ping-ti. 1955.** The Introduction of American Food Plants into China. *American Anthropologist* 57: 191–201.
- Ho Ping-ti. 1959.** *Studies on the Population of China, 1368–1953.* Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hopkins T. K., Wallerstein I. 1979.** Cyclical Rhythms and Secular Trends of the Capitalist World-Economy: Some Premises, Hypotheses and Questions. *Review* 2/4: 483–500.
- Hopkins T. K., Wallerstein I. 1986.** Global Patterns of Labor Movement in Historical Perspective. *Review* 10/1: 137–155.
- Hoppe D. J. 1972.** *How to Invest in Gold Stocks and Avoid the Pitfalls.* New Rochelle, NY: Arlington House.
- Huang P. C. C. 2002.** Development or Involution in Eighteenth-Century Britain and China? *The Journal of Asian Studies* 61: 501–538.
- Huband M. 1998.** *The Liberian Civil War.* London: Frank Cass.
- Hunt P. 2012.** World Steel Production Report. *World Steel Review* 01.12. URL: <http://www.steelonthenet.com/production.html>.
- Huntington S. P. 1968.** *Political Order in Changing Societies.* New Haven, CT: Yale University Press.
- Inglehart R. 2000.** Globalization and Postmodern Values. *The Washington Quarterly* 23/1: 215–228.
- Ischinger B., Jorgensen L. (Eds.) 2010.** *Higher Education in Egypt.* Paris – Washington: OECD – World Bank.
- Jackson R. H. 1990.** *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World.* Cambridge: Cambridge University Press.
- James H. 1986.** *The German Slump. Politics and Economics 1924–1936.* Oxford: Clarendon Press.
- Jarvis C. 1999.** *The Rise and Fall of the Pyramid Schemes in Albania.* Washington, DC: International Monetary Fund (IMF Working Paper 99/98).
- Jervis R. 2005.** *American Foreign Policy in a New Era.* New York: Routledge.
- Jourdon Ph. 2008.** *La monnaie unique européenne et son lien au développement économique et social coordonné: une analyse cliométrique.* Thèse. Montpellier: Université Montpellier I.
- Juglar C. 1862.** *Des Crises Commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis.* Paris: Guillaumin.
- Juglar C. 1889.** *Des Crises Commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis.* 2ème ed. Paris: Alcan.
- Kagan R. 2003.** *Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order.* New York: Knopf Publishers.
- Katona G. 1975.** *Psychological Economies.* New York: Elsevier.
- Kenyon K. M. 1981.** *Excavations at Jericho.* Vol. 3. Jerusalem: British School of Archaeology.
- Kerridge E. 1953.** The Movement of Rent: 1540–1640. *Economic History Review* 6: 16–34.
- Kleinknecht A. 1981.** Innovation, Accumulation, and Crisis: Waves in Economic Development? *Review* 4/4: 683–711.
- Kleinknecht A. 1987.** *Innovation Patterns in Crisis and Prosperity: Schumpeter's Long Cycle Reconsidered.* London: Macmillan.
- Kleinknecht A., van der Panne G. 2006.** Who Was Right? Kuznets in 1930 or Schumpeter in 1939? *Kondratieff Waves, Warfare and World Security* / Ed. by T. C. Devezas, pp. 118–127. Amsterdam: IOS Press.

- Kögel T., Prskawetz A. 2001.** Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.
- Komlos J., Artzrouni M. 1990.** Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.
- Komlos J., Nefedov S. 2002.** A Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth. *Historical Methods* 35: 92–94.
- Kondratieff N. D. 1926.** Die langen Wellen der Konjunktur. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* 56/3: 573–609.
- Kondratieff N. D. 1935.** The Long Waves in Economic Life. *The Review of Economic Statistics* 17/6: 105–115.
- Kondratieff N. D. 1984.** *The Long Wave Cycle*. New York: Richardson & Snyder.
- Korotayev A., Grinin L. 2006.** Urbanization and Political Development of the World System: A Comparative Quantitative Analysis. *History and Mathematics. Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. Grinin, A. Korotayev, V. de Munck, pp. 115–153. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A., Khaltourina D. 2006.** *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends in Africa*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D. 2006a.** *Introduction to Social Macrodynamics: Compact Macromodels of the World System Growth*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D. 2006b.** *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A., Tsirel S. 2010.** A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis. *Structure and Dynamics* 4/1: 3–57. URL: <http://www.escholarship.org/uc/item/9jv108xp>.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Middle East Studies Journal* 2(5): 57–95.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. 2011.** Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008). *Technological Forecasting & Social Change* 78: 1280–1284.
- Kremer M. 1993.** Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990. *The Quarterly Journal of Economics* 108: 681–716.
- Kuczynski Th. 1978.** Spectral Analysis and Cluster Analysis as Mathematical Methods for the Periodization of Historical Processes... Kondratieff Cycles – Appearance or Reality? *Proceedings of the Seventh International Economic History Congress*. Vol. 2, pp. 79–86. Edinburgh: International Economic History Congress.
- Kuczynski Th. 1980.** Have There Been Differences Between the Growth Rates in Different Periods of the Development of the Capitalist World Economy Since 1850? An Application of Cluster Analysis in Time Series Analysis. *Historical Social Research* / Ed. by J. M. Clubb, E. K. Scheuch, pp. 300–316. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Kuczynski Th. 1982.** Leads and Lags in an Escalation Model of Capitalist Development: Kondratieff Cycles Reconsidered. *Proceedings of the Eighth International Economic History Congress*. Vol. 3. Budapest: International Economic History Congress.
- Kuhn P. A. 1978.** The Taiping Rebellion. *The Cambridge History of China*. 10/1: *Late Ch'ing, 1800 – 1911* / Ed. by D. Twitchett and J. K. Fairbank, pp. 264–317. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Kumar S. 2011a.** *Chinindia: More Challenges and More Opportunities*. URL: <http://www.afribiz.info/content/chinindia-more-challenges-and-more-opportunities>.

- Kumar S. 2011b.** The CHINDIANS – Reshaping the future of the global economy. *Sonykumar's Blog* 22.04. URL: <http://sonykumar.com/2011/04/22/the-chindians-%E2%80%93-reshaping-the-future-of-the-global-economy>.
- Kuznets S. 1958.** Long Swings in the Growth of Population and in Related Economic Variables. *Proceeding of the American Philosophical Society* 102/1: 25–52.
- Kuznets S. S. 1966.** *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Kwasnicki W. 2008.** *Kitchin, Juglar and Kuznetz Business Cycles Revisited*. Wroclaw: Institute of Economic Sciences.
- Lachmann R. 1989.** Elite Conflict and State Formation in 16th- and 17th-Century England and France. *American Sociological Review* 54/2: 141–162.
- Lambarde W. 1970.** *Perambulation of Kent*. Bath.
- Laveleye E. de 1865.** *Le marché monétaire et ses crises depuis cinquante ans*. Paris.
- Lavelly W., Wong R. B. 1998.** Revising the Malthusian Narrative: The Comparative Study of Population Dynamics in Late Imperial China. *The Journal of Asian Studies* 57: 714–748.
- Lavington F. 1922.** *The Trade Cycle, an Account of the Causes Producing Rhythmical Changes in the Activity of Business*. London: P. S. King.
- Lee J. 1982.** Food Supply and Population Growth in South-West China, 1250–1850. *Journal of Asian Studies* 41: 711–746.
- Lee J., Campbell C., Tan G. 1992.** Infanticide and Family Planning in Late Imperial China: The Price and Population History of Rural Liaoning, 1774–1873. *Chinese History in Economic Perspective* / Ed. by T. G. Rawski, L. M. Li, pp. 145–176. Berkeley, CA: University of California Press.
- Lee J., Wang Feng. 1999.** *One Quarter of Humanity: Malthusian Mythology and Chinese Realities, 1700–2000*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Le Roy Ladurie E. 1974.** *The Peasants of Languedoc*. Urbana, IL: University of Illinois Press.
- Lewis L. S. 2002.** *Laying Claim to the Memory of May: A Look Back at the 1980 Kwangju Uprising*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Lieberman S. (Ed.) 1972.** *Europe and the Industrial Revolution*. Cambridge, MA: Schenkman.
- Linstone H. A. 2006.** The Information and Molecular Ages: Will K-Waves Persist? *Kondratieff Waves, Warfare and World Security* / Ed. by T. C. Devezas, pp. 260–269. Amsterdam: IOS Press.
- Liu Kwang-Ching. 1978.** The Ch'ing Restoration. *The Cambridge History of China*. 10/1: *Late Ch'ing, 1800–1911* / Ed. by D. Twitchett, J. K. Fairbank, pp. 409–490. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Lorraine G. (Ed.) 1995.** *Our Times: The Illustrated History of the 20th Century*. New York: Turner.
- Lucas R. E. 1990.** *Studies in Business-Cycle Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lynch Z. 2004.** Neurotechnology and Society 2010–2060. *Annals of the New York Academy of Sciences* 1031: 229–233.
- Maddison A. 1995.** *Monitoring the World Economy, 1820–1992*. Paris: OECD.
- Maddison A. 2001.** *Monitoring the World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
- Maddison A. 2003.** *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD.
- Maddison A. 2009.** *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2003*. URL: www.ggdc.net/maddison.

- Maddison A. 2010.** *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2008*. URL: www.ggdc.net/maddison.
- Malthus T. 1798.** *An Essay on the Principle of Population, as it Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr Godwin, M. Condorcet and Other Writers*. London: J. Johnson.
- Malthus T. 1978 [1798].** *Population: The First Essay*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Mandel E. 1975.** *Late Capitalism*. London: New Left Books.
- Mandel E. 1980.** *Long Waves of Capitalist Development*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mandelbaum M. 2005.** *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century*. New York: Public Affairs.
- Mann S. 2002.** Women, Families, and Gender Relations. *The Cambridge History of China*. 9/1. *The Ch'ing Empire to 1800* / Ed. by W. J. Peterson, pp. 428–472. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCarthy J. A. 1976.** Nineteenth-Century Egyptian Population. *Middle Eastern Studies* 12/3: 1–39.
- McEvedy C., Jones R. 1978.** *Atlas of World Population History*. New York, NY: Facts on File.
- McKendrick A. G. 1926.** Applications of Mathematics to Medical Problems. *Proceedings of the Edinburgh Mathematical Society* 44: 98–130.
- Mearns E. 2010.** What Happens When Chinese Coal Production Stops Growing 10% Yearly? *Business Insider* 19.11.10. URL: http://articles.businessinsider.com/2010-11-19/markets/30058074_1_coal-reserves-coal-deposits-coal-sector.
- Mensch G. 1979.** *Stalemate in Technology – Innovations Overcome the Depression*. New York: Ballinger.
- Mesquida C. G., Weiner N. I. 1999.** Male Age Composition and Severity of Conflicts. *Politics and the Life Sciences* 18: 113–117.
- Metz R. 1992.** Re-Examination of Long Waves in Aggregate Production Series. *New Findings in Long Wave Research* / Ed. by A. Kleinknecht, E. Mandel, I. Wallerstein, pp. 80–119. New York, NY: St. Martin's.
- Metz R. 1998.** Langfristige Wachstumsschwankungen – Trends, Zyklen, Strukturbrüche oder Zufall? *Kondratieffs Zyklen der Wirtschaft. An der Schwelle neuer Vollbeschäftigung?* / Ed. by H. Thomas, L. A. Nefiodow, S. 283–307. Herford: BusseSeewald.
- Metz R. 2006.** Empirical Evidence and Causation of Kondratieff Cycles. *Kondratieff Waves, Warfare and World Security* / Ed. by T. C. Devezas, pp. 91–99. Amsterdam: IOS Press.
- Mills J. 1868.** On Credit Cycles and the Origin of Commercial Panics. *Transactions of the Manchester Statistical Society* 1867–1868: 5–40.
- Minsky H. P. 1983.** The Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and an Alternative to 'Standard' Theory. *John Maynard Keynes. Critical Assessments* / Ed. by J. C. Wood, pp. 282–292. London: Business & Economics.
- Minsky H. P. 1985.** The Financial Instability Hypothesis: A Restatement. *Post-Keynesian Economic Theory: A Challenge to Neoclassical Economics* / Ed. by P. Arestis, T. Skouras, pp. 24–55. Brighton: Sharpe.
- Minsky H. P. 1986.** *Stabilizing an Unstable Economy*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Minsky H. P. 2005.** *Induced Investment and Business Cycles*. Cheltenham, UK – Northampton, MA: Edward Elgar.

- Mises L. von. 1981 [1912].** *The Theory of Money and Credit*. Indianapolis, IN: Liberty Fund.
- Mitchell W. C. 1913.** *Business Cycles*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Modelski G. 1987.** *Long Cycles in World Politics*. Seattle: University of Washington Press.
- Modelski G. 2001.** What Causes K-waves? *Technological Forecasting and Social Change* 68: 75–80.
- Modelski G. 2006.** Global Political Evolution, Long Cycles, and K-Waves. *Kondratieff Waves, Warfare and World Security* / Ed. by T. C. Devezas, pp. 293–302. Amsterdam: IOS Press.
- Modelski G., Thompson W. R. 1996.** *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Mokyr J. 1985.** *The Economics of the Industrial Revolution*. London: George Allen & Unwin.
- Mokyr J. (Ed.) 1993.** *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. Boulder, CO: Westview.
- Moller H. 1968.** Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10: 238–260.
- Montgomery T. S. 1995.** *Revolution in El Salvador: From Civil Strife to Civil Peace*. Boulder, CO: Westview Press.
- More C. 2000.** *Understanding the Industrial Revolution*. London: Routledge.
- Morgan M. S. 1991.** *The History of Econometric Ideas*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mote F. W. 1999.** *Imperial China 900–1800*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Myers R. H., Wang Yeh-chien. 2002.** Economic Developments, 1644–1800. *The Cambridge History of China*. 9/1. *The Ch'ing Empire to 1800* / Ed. by W. J. Peterson, pp. 563–645. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Naiken L. 2002.** *FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment*. Paper presented at International Scientific Symposium on Measurement and Assessment of Food Deprivation and Undernutrition, Rome, Italy. URL: www.fao.org.
- Nāmiq Ṣalāḥ al-Dīn. 1952.** *Mushkilat al-sukkān fī Miṣr: dirāsah ijtīmā'īyah iqtisādiyyah*. al-Qāhirah: Maktabat al-Nahḍah al-Miṣriyyah.¹
- Nasr Sh. 2010.** SMEs Gaining Ground. *Al-Ahram Weekly* 1001. URL: <http://weekly.ahram.org.eg/2010/1001/ec2.htm>.
- National Intelligence Council. 2008.** *Global Trends 2025: A Transformed World*. Washington, DC: National Intelligence Council.
- Nefedov S. A. 2004.** A Model of Demographic Cycles in Traditional Societies: The Case of Ancient China. *Social Evolution & History* 3/1: 69–80.
- Nelson R. R. 1956.** A Theory of the Low Level Equilibrium Trap in Underdeveloped Economies. *American Economic Review* 46: 894–908.
- Neumann S. 1949.** The International Civil War. *World Politics* 3: 333–334.
- Nisbet R. 1980.** *History of Idea of Progress*. N. Y.: Basic Books.
- Nossiter A. 2011.** Amid a Sea of Upheaval, Algeria is Still. *The New York Times* February 18. URL: http://www.nytimes.com/2011/02/19/world/africa/19algeria.html?_r=1&ref=algeria.
- Nye J. S. Jr. 2002.** *The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone*. New York: Oxford University Press.
- O'Brien M. J. 2006.** Archaeology and Cultural Macroevolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 359–360.

¹ مشكلة السكان في مصر، دراسة اجتماعية اقتصادية / تأليف صلاح الدين نامق. القاهرة: مكتبة النهضة المصرية، 1952.

- Oss H. G. van. 2011.** Cement. *U.S. Geological Survey, Mineral Commodity Summaries* 01.11: 38–39.
- Palmowski J. 1997.** *Dictionary of Twentieth Century World History*. Oxford: Oxford University Press.
- Panzac D. 1987.** The Population of Egypt in the Nineteenth Century. *Asian and African Studies* 21: 11–32.
- Papenhausen Ch. 2008.** Causal Mechanisms of Long Waves. *Futures* 40: 788–794.
- Pearl R. 1926.** *The Biology of Population Growth*. New York: Knopf.
- Pei M. 2006.** *China's Trapped Transition: The Limits of Developmental Autocracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Pei M. 2010.** *China's Not a Superpower*. URL: <http://apac2020.the-diplomat.com/feature/china's-not-a-superpower>.
- Perkins D. H. 1969.** *Agricultural Development in China 1368–1968*. Chicago, IL: Aldine.
- Pigou A. C. 1929.** *Industrial Fluctuations*. 2nd ed. London: Macmillan.
- Pigou A. C. 1967.** *Industrial Fluctuations*. New York: A. M. Kelley.
- Pollock S. 2001.** *Ancient Mesopotamia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Postan M. M. 1950.** Same Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages. *Economic History Review* 2: 130–167.
- Postan M. M. 1973.** *Essays on Medieval Agriculture and General Problems of the Medieval Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Project Ploughshares. 2008.** *Armed Conflicts Report*. URL: <http://www.ploughshares.ca/libraries/ACRText/ACR-TitlePage.html>.
- Qadri M. 2011a.** 19 maris: awwal khutwa ila al-istiqrar. 12.03. Al-Ahram, Al-Qahira. URL: <http://www.ahram.org.eg/469/2011/03/12/4/66932.aspx>.
- Qadri M. 2011b.** Al-thaura al-libiya: nihayat al-bidaya. 23.08. Al-Ahram, Al-Qahira. URL: <http://www.ahram.org.eg/633/2011/08/23/10/96845.aspx>.
- Rasler K. A., Thompson W. R. 1994.** *The Great Powers and Global Struggle, 1490–1990*. Lexington, KY: University Press of Kentucky.
- Ravindran M. 2010.** Global Pension Funds: Overview. *Market in Motion* 1/32, October 25, 2010. URL: <http://www.ftkmc.com/newsletter/Vol1-32-oct25-2010.pdf>.
- Rennstich J. K. 2002.** The New Economy, the Leadership Long Cycle and the Nineteenth K-Wave. *Review of International Political Economy* 9/1: 150–182.
- Renwick N. 2000.** *America's World Identity. The Politics of Exclusion*. Basingstoke: Macmillan Press.
- Reuveny R., Thompson W. R. 2001.** Leading Sectors, Lead Economies, and Their Impact on Economic Growth. *Review of International Political Economy* 8: 689–719.
- Reuveny R., Thompson W. R. 2004.** *Growth, Trade and Systemic Leadership*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Reuveny R., Thompson W. R. 2008.** Uneven Economic Growth and the World Economy's North-South Stratification. *International Studies Quarterly* 52: 579–605.
- Reuveny R., Thompson W. R. 2009.** *Limits to Globalization and North-South Divergence*. London: Routledge.
- Rizk Y. L. 2005.** Village Choice. *Al-Ahram Weekly* 758. URL: <http://weekly.ahram.org.eg/2005/758/chrncls.htm>.
- Rostow W. W. 1975.** Kondratieff, Schumpeter and Kuznets: Trend Periods Revisited. *Journal of Economic History* 25/4: 719–753.

- Rostow W. W. 1978.** *The World Economy: History and Prospect*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Rothman V. S. 2004.** Studying the Development of Complex Society: Mesopotamia in the Late Fifth and Fourth Millennia BC. *Journal of Archeological Research* 12/1.
- Rowe W. T. 2002.** Social Stability and Social Change. *The Cambridge History of China*. 9/1. *The Ch'ing Empire to 1800* / Ed. by W. J. Peterson, pp. 473–562. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rummel R. J. 1994.** *Death by Government*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.
- Russia Today. 2011a.** *Al-thuwar qabadu 'ala-l-Qaddafi wa hua 'ala qeidi-l-haya*. 20.10. Russia Today. URL: http://arabic.rt.com/news_all_news/news/569558.
- Russia Today. 2011b.** *Majlis al-amn al-duwali yuqarriru raf' hathr al-tayaran fauqa Libiya*. 27.10. Russia Today. URL: http://arabic.rt.com/news_all_news/news/570140.
- Sahlins M. D. 1972.** *Stone Age Economics*. New York: Aldine de Gruyter.
- Sandstrom P., Sjöberg Ö. 1991.** Albanian Economic Performance: Stagnation in the 1980s. *Soviet Studies* 43/5: 931–947.
- Schäfer U. 2009.** *Der Crash des Kapitalismus*. Frankfurt: Campus Verlag.
- Schofield R. S., Wrigley E. A. 1985.** Population and Economy: From the Traditional to the Modern World. *Journal of Interdisciplinary History* 15/4: 561–569.
- Schumpeter J. A. 1939.** *Business Cycles*. New York: McGraw-Hill.
- Schumpeter J. A. 1954.** *History of Economic Analysis*. London: Allen & Unwin.
- Senge P. M. 1982.** *The Economic Long Wave: A Survey of Evidence*. MIT System Dynamics Group working paper. Cambridge, MA: MIT.
- Shir S. L. 2007.** *China: Fragile Superpower China: How China's Internal Politics Could Derail Its Peaceful Rise*. New Delhi: Oxford University Press.
- Silberling N. J. 1943.** *The Dynamics of Business: An Analysis of Trends, Cycles, and Time Relationships in American Economic Activity since 1700 and Their Bearing upon Governmental and Business Policy*. New York, NY: McGraw-Hill.
- Silver B. J. 1992.** Class Struggle and Kondratiev Waves. *New Findings in Long-Wave Research* / Ed. by A. Kleinknecht, E. Mandel, I. Wallerstein, pp. 279–295. London; New York: Macmillan & St Martins Press.
- Small M., Singer J. D. 1982.** *Resort to Arms: International and Civil Wars 1816–1980*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.
- Sornette D. 2003.** *Why Stock Markets Crash. Critical Events in Complex Financial Systems*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Spier F. 2011.** Big History Research: A First Outline. *Evolution: A Big History Perspective* / Edited by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, and B. H. Rodrigue, pp. 26–36. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- SPSS. 2011.** *World95 Database*. Chicago, IL: SPSS Inc.
- Srinivas T. 2002.** "A Tryst with Destiny". The Indian Case of Cultural Globalization. In Berger and Huntington 2002: 89–117.
- StatSoft 2001.** *Электронный учебник StatSoft*. URL: <http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm>.
- Stearns P. N. 1993.** Interpreting the Industrial Revolution. *Islamic and European Expansion. The Forging of a Global Order* / Ed. by M. Adams, pp. 199–242. Philadelphia, PA: Temple University Press.

- Stearns P. N. (Ed.) 1998.** *The Industrial Revolution in the World History*. 2nd ed. Boulder, CO: Westview.
- Steinmann G., Komlos J. 1988.** Population Growth and Economic Development in the Very Long Run: A Simulation Model of Three Revolutions. *Mathematical Social Sciences* 16: 49–63.
- Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998.** A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.
- Talavera A. F. 2002.** Trends toward Globalization in Chile. In Berger and Huntington 2002: 250–295.
- Tausch A. 2006a.** From the “Washington” towards a “Vienna Consensus”? A Quantitative Analysis on Globalization, Development and Global Governance. Buenos Aires: Centro Argentino de Estudios Internacionales.
- Tausch A. 2006b.** Global Terrorism and World Political Cycles. *History & Mathematics: Analyzing and Modeling Global Development* / Ed. by L. Grinin, V. C. de Munck, A. Korotayev, pp. 99–126. Moscow: KomKniga/URSS.
- Tausch A. 2011.** On the Global Political and Economic Environment of the Current Al Jazeera Revolution. *Middle East Studies Journal* 2/5: 7–55.
- Taussig F. W. 1925.** *Principles of Economics*. 3rd ed. Vol. I. New York: Macmillan.
- The Economist. 2010.** A Special Report on Egypt. No Paradise. *The Economist* 15.07. URL: http://www.economist.com/node/16564152?story_id=16564152&fsrc=rss.
- The New York Times. 2011a.** Egypt News – Revolution and Aftermath. *The New York Times* August 15. URL: <http://topics.nytimes.com/top/news/international/countriesandterritories/egypt/index.html>.
- The New York Times. 2011b.** Morocco Protesters Seek More Reform. *The New York Times* July 03. URL: <http://www.nytimes.com/2011/07/04/world/africa/04morocco.html?ref=morocco>.
- The New York Times. 2011c.** Yemen – Protests (2011). *The New York Times* August 31. URL: <http://topics.nytimes.com/top/news/international/countriesandterritories/yemen/index.html>.
- The New York Times. 2011d.** Bahrain Protest News – The Protests (2011). *The New York Times* September 2. URL: <http://topics.nytimes.com/top/news/international/countriesandterritories/bahrain/index.html>.
- Thomas M. W. 1967.** *A Survey of English Economic History*. London: Blackie & Son.
- Thompson W. R. 1990.** Long Waves, Technological Innovation, and Relative Decline. *International Organization* 44/2: 201–233.
- Thompson W. R. 2000.** *The Emergence of a Global Political Economy*. London: Routledge.
- Thompson W. R. 2007.** The Kondratieff Wave as Global Social Process. *World System History, Encyclopedia of Life Support Systems, UNESCO* / Ed. by G. Modelski, R. A. Denemark. Oxford: EOLSS Publishers. URL: <http://www.eolss.net>.
- Tinbergen J. 1976.** *Reshaping the International Order: A Report to the Club of Rome*. New York: Dutton.
- Toffler A. 1970.** *Future Shock*. New York: Random House.
- Totten S. (Ed.) 1997.** *Century of Genocide: Eyewitness Accounts and Critical Views*. New York: Garland Publishing.
- Transparency International. 2010.** *Corruption Perceptions Index 2010*. Berlin: Transparency International.
- Tsirel S. V. 2004.** On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population. *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics* / Ed. by M. G. Dmitriev, A. P. Petrov, pp. 367–369. Moscow: Russian State Social University.

- Tugan-Baranovsky M. I. 1954.** Periodic Industrial Crises. *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States* 3/3: 745–802.
- Turchin P. 2003.** *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Turchin P. 2005a.** Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States. *Structure and Dynamics* 1.
- Turchin P. 2005b.** *War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations*. New York: Pi Press.
- Turchin P., Korotayev A. 2006.** Population Density and Warfare: A Reconsideration. *Social Evolution & History* 5/2: 121–158.
- Turchin P., Nefedov S. 2009.** *Secular Cycles*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Tylecote A. 1992.** *The Long Wave in the World Economy*. London: Routledge.
- UGMK. 2012.** В 2011 г. импорт желруды в Китай вырос на 11%. *News.UGMK.Info* 12.01.12. URL: <http://www.ugmk.info/news/v-2011-g--import-zhelrudy-v-kitaj-vyros-na-11--ugmk-info-.html>.
- UN Population Division. 2009.** *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- UN Population Division. 2010.** *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- UN Population Division. 2011.** *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- UN Population Division. 2012.** *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- U.S. Bureau of the Census. 2010.** *World Population Information*. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html>.
- Usher D. 1989.** The Dynastic Cycle and the Stationary State. *The American Economic Review* 79: 1031–1044.
- Vaidya S. K. 2011a.** Peaceful Protests in Oman Gather Steam as More Join. *Gulfnews.com* 04.03. URL: <http://gulfnews.com/news/gulf/oman/peaceful-protests-in-oman-gather-steam-as-more-join-1.771606>.
- Vaidya S. K. 2011b.** Qaboos Gives Legislative Powers to Council of Oman. *Gulfnews.com* 13.03.2011. URL: <http://gulfnews.com/news/gulf/oman/qaboos-gives-legislative-powers-to-council-of-oman-1.775709>.
- Verhulst P.-F. 1838.** Notice sur la loi que la population suit dans son accroissement. *Correspondance mathématique et physique* 10: 113–121.
- Voget F. W. 1975.** *A History of Ethnology*. NY: Holt, Rinehart & Winston.
- de Vries J. 1985.** The Population and Economy of the Pre-industrial Netherlands. *Journal of Interdisciplinary History* 15/4: 661–682.
- de Vries J. 1997.** [Rev.]: Growth in a Traditional Society. The French Countryside, 1450–1815 by Philip T. Hoffman. *Journal of Interdisciplinary History* 28/1: 108–109.
- Wallechinsky D. 1995.** *Twentieth Century: History With the Boring Parts Left Out*. New York: Little Brown.
- Wallerstein I. 1974, 1980, 1988.** *The Modern World-System*. 3 vols. New York: Academic Press.
- Wallerstein I. 1984.** Economic Cycles and Socialist Policies. *Futures* 16/6: 579–585.

- Wallerstein I. 1987.** World-Systems Analysis. *Social Theory Today* / Ed. by A. Giddens, J. Turner, pp. 309–324. Cambridge, UK: Polity Press.
- Wallerstein I. 1993.** World System vs. World-Systems. *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* / Ed. by A. G. Frank, B. K. Gills, pp. 291–296. London: Routledge.
- Wang H. H. 2010.** *Myth of China as a Superpower*. URL: <http://helenhwang.net/2010/04/myth-of-china-as-a-superpower>.
- Weinbaum M. G. 1985.** Egypt's "Infatih" and the Politics of US Economic Assistance. *Middle Eastern Studies* 21/2: 206–222.
- White M. 2009.** *Historical Atlas of the Twentieth Century*. URL: <http://users.erols.com/mwhite28/20centry.htm>.
- White M. 2010a.** *Death Tolls for the Man-Made Megadeaths of the Twentieth Century*. URL: <http://users.erols.com/mwhite28/warstatx.htm>.
- White M. 2010b.** *Historical Atlas of the Twentieth Century*. URL: <http://users.erols.com/mwhite28/20century.htm>.
- Wiedl K. N. 2006.** *The Hama Massacre – Reasons, Supporters of the Rebellion, Consequences*. München: GRIN Verlag.
- Wilkinson D. 1999.** Unipolarity without Hegemony. *International Studies Review* 1(2): 141–172.
- Williams G. I. H. 2006.** *Liberia: The Heart of Darkness*. Victoria: Trafford Publishing.
- Williamson J. G. 1987.** Debating the British Industrial Revolution. *Explorations in Economic History* 24/3: 269–292.
- Wolff S. de. 1924.** Prosperitäts- und Depressionsperioden. *Der Lebendige Marxismus* / Ed. by O. Jenssen, S. 13–43. Jena: Thüringer Verlagsanstalt.
- Wolf M. 2005.** The Paradox of Thrift: Excess Savings are Storing up Trouble for the World Economy. *Financial Times* 13.06.
- Wood J. W. 1998.** A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. *Current Anthropology* 39: 99–135.
- World Bank. 2010.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/DATASTATISTICS/0,,contentMDK:20398986~pagePK:64133150~piPK:64133175~theSitePK:239419,00.html>.
- World Bank. 2011.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.
- World Food Programme. 2011.** *Hunger Map*. URL: <http://www.wfp.org/hunger/map>.
- Wright Q. 1965 [1942].** *A Study of War*. Chicago, IL: Chicago University Press.
- Wrigley E. A. 1985.** Urban Growth and Agricultural Change: England and the Continent in the Early Modern Period. *Journal of Interdisciplinary History* 15/4: 683–728.
- Wyrobisz A. 1989.** Power and Towns in the Polish Gentry Commonwealth: The Polish-Lithuanian State in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. *Theory and Society* 18/5: 611–630.
- WTO. 2007.** *World Trade Report 2007*. Geneva: World Trade Organization.
- Yan Yunxiang. 2002.** Managed Globalization. State Power and Cultural Transition in China. In Berger and Huntington 2002: 19–47.
- Yardeni M. 1998.** [Rev.]: Power, Profit, and Urban Land: Landownership in Medieval and Early Modern Northern European Towns by F.-E. Eliassen, G. A. Ersland; Capital Cities and Their Hinterlands in Early Modern Europe by P. Clark, B. Lepetit. *The Sixteenth Century Journal* 29/3: 903–906.

- Yuan H. 2010.** China's Domestic Iron-Ore Production Rises to Record in June, HSBC Says. *Bloomberg News* 22.07.10. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2010-07-22/china-s-domestic-iron-ore-production-rises-to-record-in-june-hsbc-says.html>.
- Zakaria F. 2009.** *The Post-American World*. New York: Norton.
- Zelin M. 2002.** The Yung-cheng Reign. *The Cambridge History of China*. 9/1. *The Ch'ing Empire to 1800* / Ed. by W. J. Peterson, pp. 183–229. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Zinn H. 1995.** *A People's History of the United States. 1492 – Present*. New York: Harper Perennial.
- Zorome A. 2007.** *Concept of Offshore Financial Centers: In Search of an Operational Definition*. Washington, DC: IMF.
- Zwan A. van der. 1980.** On the Assessment of the Kondratieff Cycle and Related Issues. *Prospects of Economic Growth* / Ed. by S. K. Kuipers, G. J. Lanjouw, pp. 183–222. Amsterdam: North-Holland.